RUSSIAN JOURNAL OF ECONOMICS AND LAW

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ 16+

Том 18, № 1
2024

DOI: 10.21202/2782-2923.2024.1

ISSN 2782-2923

DOI: 10.21202/2782-2923
Издается с января 2007 года, периодичность издания – 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Клейнер Г. Б., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Со главный редактор:

Бикеев И. И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан, первый проректор, проректор по научной работе Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова (г. Казань, Россия)

Заместители главного редактора:

Андрюшин С. А., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Кабанов П. А., доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии, Нижегородская академия МВД России (г. Нижний Новгород, Россия), **куратор направления юридических наук**

Крамин Т. В., доктор экономических наук, профессор, директор НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова, **куратор направления экономических наук** (г. Казань, Россия)

Ответственный секретарь:

Григорьев Р. А., доктор философии в области экономики (Великобритания), заместитель директора НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова (г. Казань, Россия)

Антонова И. И., доктор экономических наук, доцент, проректор по инновационно-проектной деятельности Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова (г. Казань, Россия)

Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию (г. Нижний Новгород, Россия)

Бегишев И. Р., доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова (г. Казань, Россия)

Вольчик В. В., доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Гилинский Я. И., доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия)

Голиченко О. Г., доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Головчин М. А., кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Вологодского научного центра Российской академии наук (г. Вологда, Россия)

Ефимцева Т. В., доктор юридических наук, профессор Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Оренбург, Россия)

Качалов Р. М., доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Корытцев М. А., доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Кудрявцева О. В., доктор экономических наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

Лазарев В. В., доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Латов Ю. В., доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Левин С. Н., доктор экономических наук, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Липень С. В., доктор юридических наук, доцент Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва, Россия)

Макарова О. А., доктор юридических наук, доцент кафедры коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия)

Малкина М. Ю., доктор экономических наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия)

Петрянин А. В., доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ (г. Нижний Новгород, Россия)

Подольный Н. А., доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Казанского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (г. Казань, Россия)

Тарасенко Н. А., доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва, Россия)

Хисамова З. И., кандидат юридических наук, начальник отделения планирования и координации научной деятельности научно-исследовательского отдела Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Краснодар, Россия)

Шафиров В. М., доктор юридических наук, профессор Сибирского федерального университета (г. Красноярск, Россия)

Шестаков Д. А., доктор юридических наук, профессор Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Шинкевич А. И., доктор экономических наук, доктор технических наук, профессор Казанского национального исследовательского технологического университета (г. Казань, Россия)

Щепельков В. Ф., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Алм Дж., доктор философии в области экономики, профессор экономики Тулейнского университета (г. Новый Орлеан, США)

Апостолакис А., доктор философии в области экономики, профессор Греческого средиземноморского университета (г. Ираклион, Греция)

Шаббар Дж., доктор философии в области экономики, профессор Университета г. Портсмут (г. Портсмут, Великобритания)

Каменков В. С., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, научный консультант кафедры Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)

Кури Х., доктор философии в области психологии, профессор Фрайбургского университета (г. Фрайбург, Германия)

Мешко Г., доктор философии в области права, профессор, руководитель Института уголовного правосудия и безопасности в Университете Марибора; президент Европейского криминологического общества (ESC) (г. Марибор, Словения)

Рубин Э. Л., профессор права и политологии Школы права Университета Вандербильта (г. Нешвилл, США)

Серрано-Майло А., профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Национального университета дистанционного образования (г. Мадрид, Испания)

Турецкий Н. Н., доктор юридических наук, член научно-консультативного совета при Конституционном Суде Республики Кахазстан (г. Астана, Республика Казахстан)

Фидрмук Д., доктор экономических наук, профессор Университета Зеппелин (г. Фридрихсхафен, Германия)

Учредитель:
ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова»

Издатель:
ООО «ТЦО «Таглимат»

Адрес редакции:
420111,
Республика Татарстан,
г. Казань,
ул. Московская, 42

Тел.: (843) 231-92-90,
Факс: 292-61-59
E-mail: rusjel@ieml.ru
Сайт: rusjel.ru

Журнал включен в Перечень ВАК по специальностям:
5.2.1. Экономическая теория;
5.2.3. Региональная и отраслевая экономика;
5.1.4. Уголовно-правовые науки

Индексируется в HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ, ProQuest

Подписка на журнал
по Объединенному каталогу «Пресса России»
Наш индекс – 86303

Ответственный за выпуск:
Г. Я. Дарчинова

Редактор:
Г. А. Тарасова

Компьютерная верстка:
С. А. Каримова

Дизайн обложки:
Г. И. Загретдинова

Дизайн логотипа:
В. А. Крайков

Переводчик:
канд. пед. наук,
член Гильдии переводчиков РТ
Е. Н. Беляева

Аудиоконтент сайта:
ООО «Голос Науки»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
ПИ № ФС77-81556 от 27 июля 2021 г.

Территория распространения:
Российская Федерация; зарубежные страны.

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 35,25. Тираж 1000 экз. Подписано в печать 27.02.2024. Заказ № 18.

Дата выхода в свет 27.03.2024. Цена свободная.

© ЧОУ ВО «КИУ им. В. Г. Тимирясова», ООО «ТЦО «Таглимат», 2024.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Вестфалика»: 420111, г. Казань, ул. Московская, 22.

Рецензирование статей в журнале – двойное слепое. При цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

RUSSIAN JOURNAL OF ECONOMICS AND LAW

SCIENTIFIC JOURNAL 16+

Vol. 18, No. 1
2024

DOI: 10.21202/2782-2923.2024.1

ISSN 2782-2923

DOI: 10.21202/2782-2923
Published since January 2007, publication frequency: quarterly

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

G. B. Kleyner, Dr. Sci. (Economics), Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Scientific Supervisor of Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Co-Editor-in-Chief:

I. I. Bikeev, Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Vice-Rector of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov on Scientific work (Kazan, Russia)

Deputies of the Editor-in-Chief:

S. A. Andryushin, Dr. Sci. (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
P. A. Kabanov, Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Criminology of Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation (Nizhniy Novgorod, Russia), **supervisor of Law section**
T. V. Kramin, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Professor, Head of the Chair of Financial Management, Director of Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, **supervisor of Economic section** (Kazan, Russia)

Executive secretary:

R. A. Grigoryev, PhD (Economics), Deputy director at Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

I. I. Antonova, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Vice Rector on innovative and project activity of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)
V. M. Baranov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Development (Nizhny Novgorod, Russia)
I. R. Begishev, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Professor of Department of Criminal Law and Procedure of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)
V. V. Volchik, Dr. Sci. (Economics), Professor of Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)
Ya. I. Gilinskiy, Dr. Sci. (Law), Professor of Saint Petersburg Juridical Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, of Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen (Saint Petersburg, Russia)
O. G. Golichenko, Dr. Sci. (Economics), Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
M. A. Golovchin, Cand. Sci. (Law), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russia)
T. V. Efimtseva, Dr. Sci. (Law), Professor of Orenburg Institute (branch) of Moscow State Juridical University named after O. E. Kutafin (Orenburg, Russia)
R. M. Kachalov, Dr. Sci. (Economics), Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
M. A. Korytcev, Dr. Sci. (Economics), Professor in Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)
O. V. Kudryavtseva, Dr. Sci. (Economics), Professor in Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
V. V. Lazarev, Dr. Sci. (Law), Chief Researcher of the Center for Fundamental Legal Studies of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation of the Institute for Legislation and Comparative Legal Studies at the Russian Government, Professor (Moscow, Russia)
Yu. V. Latov, Cand. Sci. (Law), Leading Researcher of the Center for Comprehensive Sociological Research of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
S. N. Levin, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Economics of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)
S. V. Lipen, Dr. Sci. (Law), Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)
O. A. Makarova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor of Saint Petersburg University (Saint Petersburg, Russia)
M. Yu. Malkina, Dr. Sci. (Economics), Professor in Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)
A. V. Petryanin, Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Nizhniy Novgorod branch of Saint Petersburg Academy of Investigative Committee of the Russian Federation (Nizhniy Novgorod, Russia)
N. A. Podolniy, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminology of Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (Kazan, Russia)
O. A. Tarasenko, Dr. Sci. (Law), Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)
Z. I. Khisamova, Cand. Sci. (Economics), Head of the Department of planning and coordination of scientific activities of the research Department of the Krasnodar University Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Krasnodar, Russia)
V. M. Shafirov, Dr. Sci. (Law), Professor of Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)
D. A. Shestakov, Dr. Sci. (Law), Professor of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen, President of Saint Petersburg International Criminological Club, Honored Researcher of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)
A. I. Shinkevich, Dr. Sci. (Economics), Doctor of Engineering, Professor of Kazan National Research Technological University (Kazan, Russia)
V. F. Shchepelkov, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

FOREIGN MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD:

J. Alm, PhD (Economics), Professor and Chair Department of Economics of University Tulane (New Orleans, USA)
A. Apostolakis, PhD (Economics), Assistant Hellenic Mediterranean University (Irákleion, Greece)
J. Shabbar, PhD (Economics), Professor of University of Portsmouth (Portsmouth, United Kingdom)
V. S. Kamenkov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Belarus Republic, Scientific Consultant of the Department of Belorusian State University (Minsk, Belorus Republic)
H. Kury, Dr. Sci. (Psichology), Professor of Universität Freiburg (Frieburg, Germany)
G. Meško, Professor, Head of the Institute of Criminal Justice and Security at the FCJS of Maribor University; the President of the European Society of Criminologists (ESC) (Maribor, Slovenia)
E. L. Rubin, Professor of Law and Political Science of Vanderbilt University Law School (Nashville, TN, USA)
A. Serrano-Maillo, Professor, Chair of the Department of Criminal Law and Criminology of Universidad Nacional de Education a Distancia (UNED) (Madrid, Spain)
N. N. Turetskiy, Dr. Sci. (Law), Vice Rector on Research of the Academy of Law-enforcement Bodies of the Prosecutor General's Office of Kazakhstan Republic, Head of Criminologists Union of Kazakhstan named after E. Kairzhanov (Astana, Kazakhstan Republic)
Ja. Fidrmuc, Doctor of Social and Economic Sciences, Professor of Zeppelin University (Friedrichshafen, Germany)

The founder:
Private educational establishment of higher education "Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov"

The publisher:
Tatar Educational Center "Taglimat" Ltd

Editors Office's address:
420111,
Tatarstan Republic,
Kazan, 42 Moskovskaya st.

Tel.: (843) 231-92-90,
Fax: 292-61-59
E-mail: rusjel@ieml.ru
Site: rusjel.ru

The journal is included in the List of Higher Attestation Commission the group of specialties:
Economic Theory;
Regional and Branch Economics;
Criminal-legal sciences

The Journal is indexed in HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ, ProQuest

Subscription for journal
through the United Catalogue "Press of Russia"
Our index – 86303

Responsible for issue:
G. Ya. Darchinova

Editor:
G. A. Tarasova

Computer lead out:
S. A. Karimova

Cover design:
G. I. Zagretdinova

Logo design:
V. A. Kraikov

Translator:
Cand. Sci. (Pedagogics), member of the Republic of Tatarstan Translators' Guild
E. N. Belyaeva

Website audio content:
"Golos Nauki" LLC

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

Registration number and date of decision on registration:
ПИ № ФС77-81556 of July 27, 2021.

Distribution area: Russian Federation; foreign countries.

Format 60×84/8. Printing sheets: 35,25. Circulation 1000 copies. Signed for printing 27.02.2024. Order № 18.

Date of publishing 27.03.2024. Free price.

© PEE HE "KIU named after V. G. Timiryasov", Tatar Educational Center "Taglimat" Ltd., 2024.

Printed at printing house "Vestfalika" LLC: 420111, Kazan, 22 Moskovskaya Str.

Reviewing of the articles in the Journal is double blind. When citing the materials, the reference to the Journal is obligatory.

Materials of the Journal are available under the Creative Commons Attribution License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

СОДЕРЖАНИЕ

5

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Верников А. В., Курышева А. А. От теории к эмпирике и обратно: недоразумение вокруг «дихотомии Веблена» 5

Цыганков С. С., Маскаев А. И., Вольчик В. В. Государственные закупки и инновационная политика в России: взгляд со стороны нарративной экономики..... 24

36

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Манушин Д. В. Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025. Часть 2: Последствия войны санкций, управление изменениями, уточнение понятий исследования..... 36

Закирова Д. Ф. Исследование вопросов прогнозирования вероятности дефолта кредитных организаций в Российской Федерации..... 70

88

КРИПТОМИР И ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСЫ

Андрюшин С. А. Токенизация реальных активов: классификация, платформы, приложения, возможности и проблемы развития..... 88

105

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Белослудцев О. С., Гинзбург И. В. Урегулирование конфликта интересов в судебной и адвокатской деятельности: общие и специальные вопросы (на примере групповых производств) 105

Громова Е. А. Модель правового регулирования кластеров в Российской Федерации 121

134

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Томашевский К. Л. Либертарные принципы трудового права в государствах – членах Евразийского экономического союза 134

CONTENTS

5

ECONOMIC THEORY

A. V. Vernikov, A. A. Kurysheva. From theory to empirics and back: A misunderstanding around the Veblenian dichotomy 5

S. S. Tsygankov, A. I. Maskaev, V. V. Volchik. Public procurement and innovation policy in Russia: a perspective of narrative economics 24

36

REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS

D. V. Manushin. Anti-sanction and sanction economic policy of Russia in 2022–2025. Part 2: Aftermaths of sanctions war, management of changes, clarification of research concepts..... 36

D. F. Zakirova. On predicting the probability of default of credit organizations in the Russian Federation..... 70

88

CRYPTO-WORLD AND DIGITAL FINANCE

S. A. Andryushin. Tokenization of real assets: classification, platforms, applications, opportunities and challenges of development 88

105

ENTREPRENEURSHIP LAW

O. S. Belosludtsev, I. V. Ginzburg. Settling a conflict of interest in judicial and lawyer activity: general and specific issues (by the example of class proceedings)..... 105

E. A. Gromova. Model of legal regulation of clusters in the Russian Federation 121

134

LABOR LAW

K. L. Tomashevskiy. Libertarian principles of labor law in the member states of the Eurasian Economic Union..... 134

148

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Кабанов П. А. Прасковья Николаевна Тарновская и ее вклад в российскую, европейскую и мировую криминологию: историко-криминологическое исследование 148

190

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ

Ву Дж. Восполнение пробела в правовом регулировании отношений в сфере изобретений, сделанных искусственным интеллектом..... 190

Парентони Л. Чего следует ожидать от искусственного интеллекта? 217

Файн А., Ли С., Миллер М. К. Контент-анализ мнений судей об инструментах оценки рисков с использованием искусственного интеллекта 246

264

ДИСКУССИИ

Ди Сальво М. Искусственный интеллект и киберутопизм в правосудии. Почему ИИ – не интеллект; борьба человека за собственное выживание..... 264

280

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

282

ИНФОРМАЦИЯ О РЕДАКТОРАХ РУБРИК

148

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

P. A. Kabanov. Praskovya Nikolayevna Tarnovskaya and her contribution to the Russian, European and global criminology: historical and criminological research 148

190

TRANSLATED ARTICLES

J. Wu. Bridging the artificial intelligence inventorship gap 190

L. Parentoni. What Should we Reasonably Expect from Artificial Intelligence? 217

A. Fine, S. Le, M. K. Miller. Content Analysis of Judges' Sentiments Toward Artificial Intelligence Risk Assessment Tools 246

264

DISCUSSIONS

M. Di Salvo. Artificial Intelligence and the cyber utopianism of justice. Why AI is not intelligence and man's struggle to survive himself 264

280

INFORMATION ABOUT THE CONFERENCES

282

INFORMATION ON THE RUBRICS EDITORS

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ / ECONOMIC THEORY

Редактор рубрики *Г. Т. Гафурова* / Rubric editor *G. T. Gafurova*

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.5-23**

УДК 330.1:330.8:316.64:316.752
JEL: A11, B15, B31

А. В. Верников[1],
А. А. Курышева[2]

[1] *Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия*
[2] *Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

От теории к эмпирике и обратно: недоразумение вокруг «дихотомии Веблена»

Верников Андрей Владимирович, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук
E-mail: vernikov@inecon.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1561-9458
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/I-7868-2013
Scopus Author ID: 55203483300
eLIBRARY SPIN-код: 2406-4535

Контактное лицо:
Курышева Анна Александровна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Южный федеральный университет
E-mail: vesta11@list.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8334-4594
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/L-8661-2013
Scopus Author ID: 57441723800
eLIBRARY SPIN-код: 2860-4434

Аннотация

Цель: прослеживание появления и закрепления ошибочного смысла при переходе от некорректного толкования теоретической концепции к анализу эмпирического материала. Авторы иллюстрируют это тем, как ученые интерпретировали и применяли элементы эволюционной теории Торстейна Веблена.

Методы: дискурсивный анализ. Материалом послужили исходные тексты Веблена; статьи отечественных авторов, ссылающиеся на так называемую дихотомию Веблена; собственные работы, в которых идеи Веблена применены (1) к элементам русской экономической культуры XIX века и (2) к современной технике манипулирования экономическим поведением людей.

Результаты: авторам удалось установить, что Веблен разграничивал аналитические категории при описании характеризующих человеческую природу предрасположенностей и их соотношения с поведенческими установками и социальными практиками: одни предрасположенности вели к производительному поведению, другие – к непроизводительному. В литературе укоренилось превратное толкование этой важной для институционального анализа концепции. А эмпирические работы, отталкиваясь от этого толкования, способствовали закреплению и тиражированию неточных идей. Авторы отделили исходные представления Веблена, в том числе этические, от последующих интерпретаций и «доработок» и проследили, как в научной литературе менялось понимание традиционных ценностей с точки зрения их

© Верников А. В., Курышева А. А., 2024

продуктивности или церемониальности. Мы утверждаем, что в работах отечественных институционалистов упрочилось систематическое смещение оценок в плане трактовки традиционных норм и ценностей лишь как церемониальных, отражающих отсталость и архаику и мешающих развитию технологии, «прогрессу» и «модернизации».
Научная новизна: переосмыслен принцип использования аналитического инструментария Веблена в прикладном институциональном исследовании. Разработана собственная аналитическая техника, при помощи которой можно проводить оценку поведенческих установок, характеризующих экономическое поведение. Эта техника применена к российскому эмпирическому материалу – как историческому, так и современному. Ранее в научной литературе предложенный метод нам не встречался.
Практическая значимость: показано, что этические представления Веблена сохраняют актуальность, а его метод анализа институционального устройства общества результативен. Вносится посильный вклад в «реабилитацию» традиционных ценностей и экономической культуры русского народа. Предложено рассматривать эволюционную теорию Веблена в качестве альтернативы популярным в прошлом расхожим методикам межстрановых и межкультурных социоэкономических сопоставлений, абсолютизирующим западные ценности.

Ключевые слова:
экономическая теория, институциональная экономика, дихотомия Веблена, институция, производительные и непроизводительные поведенческие установки, традиционные ценности

Благодарности
Авторы благодарны В. В. Вольчику, М. А. Корытцеву, Т. О. Проволович и анонимным рецензентам.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Верников, А. В., Курышева, А. А. (2024). От теории к эмпирике и обратно: недоразумение вокруг «дихотомии Веблена». *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 5–23, https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.5-23

Scientific article

A. V. Vernikov[1],
A. A. Kurysheva[2]

[1] *Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*
[2] *Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

From theory to empirics and back: A misunderstanding around the Veblenian dichotomy

Andrey V. Vernikov, Dr. Sci. (Economics), Leading Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
E-mail: vernikov@inecon.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1561-9458
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/I-7868-2013
Scopus Author ID: 55203483300
eLIBRARY SPIN-code: 2406-4535

Contact:
Anna A. Kurysheva, Cand. Sci. (Economics), Senior Researcher, Southern Federal University
E-mail: vesta11@list.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8334-4594
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/L-8661-2013
Scopus Author ID: 57441723800
eLIBRARY SPIN-code: 2860-4434

Abstract

Objective: to trace the emergence and consolidation of a wrong meaning when moving from an inaccurately interpreted theoretical concept to empirical evidence. The authors suggest the case of Thorstein Veblen's evolutionary theory and identify how researchers interpret and apply its selected elements.

Methods: discourse analysis. The authors rely on Veblen's original writings, research papers by Russian authors who refer to the so-called Veblenian dichotomy, and own research findings. The latter show the application of Veblen's concept to study (1) the features of Russian 19th century economic culture, and (2) contemporary techniques of manipulating personal financial decision-making.

Results: the authors found that Veblen had distinguished between contrasting analytical categories when describing different human dispositions, or instinctive proclivities, underlying habitual ways of thinking and doing and economic conduct. Some dispositions lead to productive behavior, while others lead to unproductive one. This concept is essential for institutional analysis. Our research discovers its inaccurate interpretations in the research literature. Starting from a distorted understanding of the theoretical concept, empirical studies contribute to the entrenchment and spread of a misconception, thus feeding a particular ideological agenda. The authors separated Veblen's original concepts, including ethical ones, from subsequent interpretations and elaborations, to monitor the changing treatment of traditional values in research literature as productive or ceremonial ones. Research findings indicate that the articles by Russian institutionalists contain a systematic bias with regard to the treatment of traditional norms and values as merely ceremonial ones, implying backwardness and archaic patterns, which impede technological progress and "modernization".

Scientific novelty: the application of Veblenian analytical tools in an applied institutional study is reconsidered. Authors' own analytical technique is suggested to assess the norms underlying economic behavior in terms of their productivity. This technique is applied to the Russian empirical material, both historical and contemporary. To our knowledge, the proposed research technique has not been used in the previous literature.

Practical significance: the research findings and their interpretation indicate that Veblen's ethics and his analytical approach remain relevant. This article contributes to the "restoration" of core values and economic culture of the Russian people. Veblen's evolutionary theory is suggested as an alternative to the widespread trite methods of cross-country and cross-cultural socio-economic comparisons which presume the supremacy of "Western" values.

Keywords:

economic theory, institutional economics, Veblenian dichotomy, institution, productive and unproductive features of conduct, core values

Acknowledgements

The authors are grateful to V. V. Volchik, M. A. Korytzev, T. O. Provolovich and anonymous reviewers.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Vernikov, A. V., & Kurysheva, A. A. (2024). From theory to empirics and back: A misunderstanding around the Veblenian dichotomy. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 5–23. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.5-23

Ни Дьюи, ни Веблен никогда не заявляли, что это они обнародовали подобную «систему» [различие между технологическими и институциональными аспектами человеческого поведения и культуры], и не указывали на мою дихотомию как на принцип, которым они руководствовались.

C. Ayres. The Gospel of Technology, pp. 36–37

Введение

Предмет нашей работы – неточная передача смысла теоретической концепции последователями и закрепление превратного толкования в прикладном исследовании. Подбор исходных теоретических посылов и особенно их операционализация для эмпирического применения имеют значение. Случайно или намеренно

исследователь может неверно истолковать тот или иной теоретический конструкт, и тогда выявленная эмпирическая закономерность зафиксирует такое неточное толкование, а восстанавливать смысл изначальной идеи станет труднее. Полученный же эмпириком отрицательный результат будет необоснованно воспринят как опровержение исходной теории. Мы иллюстрируем наш тезис тем, как ученые трактовали так называемую дихотомию Торстейна Веблена и как эти трактовки повлияли на результаты эмпирических работ.

В научной литературе под дихотомией Веблена понимают разграничение аналитических категорий, описывающих разные типы поведенческих установок, направляющих взаимодействия людей с точки зрения их связи с культурным и экономическим развитием общества. Некоторые представители институциональной мысли из числа современников и последователей Веблена неточно интерпретировали изначальный замысел и отношение самого Веблена к описываемым явлениям (Waller, 2022). Широко распространились взгляды Кларенса Эйрса, и многие стали писать о «дихотомии Веблена – Эйрса», хотя сам Эйрс отчетливо дистанцировался в этом вопросе от Веблена (Ayres, 1935). Явно или неявно упоминание традиционного уклада и соответствующих ему привычек мышления сопровождалось теперь коннотацией об отсталости и «непрогрессивности» (Ayres, 1946; Bush, 1987). В результате подмены смысла понятий к архаичным стали относить любые традиционные ценности, направленные на сохранение идентичности этноса и передающие культурную традицию.

В англоязычной научной литературе значительный вклад в восстановление исходного смысла оригинальных идей Веблена и его очистку от последующих искажений внесли Уильям Уоллер и некоторые другие авторы (Waller, 1987; 2022; Latsis, 2010; Lawson, 2015). В источниках же на русском языке, на наш взгляд, пока почти безальтернативно господствуют неверные трактовки концепции Веблена и воспроизводятся взгляды Эйрса. Авторитетные учебники и монографии тиражируют, как правило, именно эйрсовскую версию противопоставления между технологией и институтами (Литвинцева, 1999, с. 19; Нуреев, 2008, с. 13; 2010, с. 78–79).

При обсуждении рукописи мы столкнулись с высказываниями отдельных коллег в таком ключе, что ни теории у Веблена никакой нет, ни дихотомии «на самом деле» не существует, ни «ценности для науки построения Веблена не представляют». Ценностные установки якобы не оказывают на экономику никакого влияния и к области экономической науки не относятся. Прямо как в известном романе М. А. Булгакова: «Что же это у вас, чего ни хватишься, ничего нет!» Выпад по поводу отсутствия у Веблена теории за сто с лишним лет уже приелся, а вот мнение о несуществовании дихотомии Веблена показалось нам экстравагантным. Поиск в *Google*-Академии по словам *Veblen dichotomy* мгновенно принес 18 200 результатов.

Путаница вокруг наследия Веблена – это не схоластическая проблема, волнующая узкий круг ученых. Проводя свои эмпирические исследования, мы несколько неожиданно даже для себя убедились в актуальности ряда наблюдений Веблена, в том числе и тех, которыми сегодня пренебрегают или неточно толкуют наши коллеги. Поэтому и было решено начать восполнение исследовательского пробела. Мы поставили цель проследить появление и закрепление ошибочного смысла при переходе от теоретической концепции к анализу эмпирического материала, и это сделано на примере концепции Веблена. Мы покажем, как в трудах российских авторов преломилось понимание инструментальных и церемониальных ценностей при оценке традиционной экономической культуры и этики русского народа и его отдельных слоев. Предложен альтернативный по методике собственный анализ эмпирического материала с опорой на аутентичные идеи Веблена. Анализ подкрепляет нашу гипотезу: вольное или невольное отступление от смысла исходной теоретической концепции смещает знак оценки эмпирического материала, что, в свою очередь, придает новые – и часто неверные – коннотации сам*о*й концепции.

Такой логике и подчинена структура текста. В следующем разделе объясняется интересующий нас аспект теоретического наследия Веблена; затем освещается толкование его идей в работах последователей и интерпретаторов, включая российских авторов. Далее мы предлагаем собственную методику применения идей Веблена в прикладном исследовании. Заключение подводит итог.

1. Представление Веблена о поведенческих установках

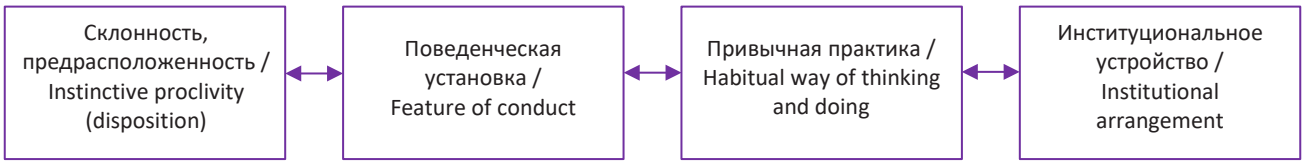
Веблен подчеркивал важность изучения сил, формирующих поведенческие схемы. Он перенес акцент с части на целое, т. е. с эпизода в поведении индивида на всю его поведенческую модель, и критиковал желание

обособить экономические явления и изъять их из культурного контекста (Jennings & Waller, 1994, p. 1004). Отдельный человек рассматривается им с точки зрения включенности в социально-экономическую схему вещей, определенный порядок (например, в капиталистическую культуру) и воплощает собой сущность этой культуры (Gruchy, 1947, pp. 58–62).

Эволюционный подход Веблена преодолевал опасные упрощения, например, редукционизм, характерный для гедонистической экономической теории[1]. Изучение происхождения и развития институций, по утверждению Веблена, имеет своим предметом привычки и условности, налагаемые материальной средой и врожденными и устойчивыми склонностями, укорененными в человеческой природе (*persistent propensity of human nature*), которые он называет инстинктами (Veblen, 1918a, p. 2).

Современников Веблена, как и сегодняшних ученых, смущало слово «инстинкт». Отвечая на критику, а может быть предвосхищая ее, Веблен принимает операциональное определение инстинкта как устойчивой наследуемой склонности к особому способу поведения (Gruchy, 1947, pp. 61–62). Инстинкты переплетены между собой и обнаруживают себя не как отдельные обособленные дискретные элементы в психике, которые выявляются подобно физическим частицам в лабораторном эксперименте, а скорее, проявляются в тех фиксированных моделях поведения, которые показывают, что человек делает или как себя ведет в силу укоренившихся привычек (Veblen, 1918a, p. 4). Например, поиски склонности к стяжательству или накоплению благ в какой-то конкретной части физиологического или неврологического строения человека ни к чему не приведут. Установить ее существование можно, только наблюдая за поведением индивидуумов (Gruchy, 1947, p. 61). Веблен поясняет, что инстинкт проявляется в сознательном стремлении к объективной цели, которая под действием рассматриваемого инстинкта становится стоящей. Набор инстинктов обеспечивает общий диапазон целей для предпринимаемых усилий (Veblen, 1918a, pp. 3, 5).

Веблен использовал не только слово «инстинкт», но и другие термины: *instinctive proclivity/disposition* («инстинктивная склонность, предрасположенность»), *prime mover in human behaviour* («первичная движущая сила человеческого поведения») (Veblen, 1918a, p. 1); *bent* («склонность, направленность») (p. 11); *hereditary trait* («наследуемый признак, наследственная черта») (p. 13), *native bias* («природная наклонность») (p. 39); *sense* («чувство») (p. 27), *sentiment* («настроения, настрой») (p. 31), *impulse* («побуждение, импульс, порыв») (pp. 155, 172). В нашем тексте мы, как правило, используем такие значения термина «инстинкт», как «побуждение» (Даль, 1863, с. XVII; 1881, с. 44), «предрасположенность» и «склонность». По Веблену, побуждения связаны с определенными поведенческими установками (*features of human conduct*) и выражаются в социально-экономической деятельности – производительного (продуктивного, технологичного – *productive, technological*) характера либо непроизводительного (непродуктивного, обрядового, церемониального – *unproductive, ceremonial*). Из совокупности опривычиваемых практик и лежащих в их основе установок рождается институциональное устройство сообщества (рис.).



Связь между побуждением, поведенческой установкой, социальной практикой и институциональным устройством

Источник: построено авторами на основе (Veblen, 1904; 1918a; 1922; Gruchy, 1947; Веблен, 2022).

Connection between instinctive disposition, feature of conduct, habitual practice and institutional arrangement

Source: compiled by the authors based on (Veblen, 1904; 1918a; 1922; Gruchy, 1947; Veblen, 2022).

[1] В то время у институционалистов было принято называть вещи своими именами. Индивидуализм считался не вполне удачным эвфемизмом эгоцентричности (Веблен, 2015, с. 173), а неоклассическую экономическую теорию окрестили гедонистической за сосредоточенность на мотиве удовлетворения потребителя (Veblen, 1961; Коммонс, 2007; Митчелл, 2009).

Разграничение инстинктивных предрасположенностей и соответствующих им поведенческих установок предполагает их противопоставление с точки зрения производительности и непроизводительности. Производительные установки и практики содействуют материальному благополучию общества и продолжению рода (Veblen, 1918a, pp. 25, 49); непроизводительные мешают движению к этой цели. Производительные установки включают:

1) предрасположенность к родительству, т. е. бескорыстную заботу о благополучии подрастающего поколения, о благе своей социальной группы и человечества в целом, антиэгоизм, умеренность в потреблении и тратах, рачительное расходование ресурсов для пользы сыновнего поколения;

2) склонность к труду, мастерству, созиданию, развитию ремесла, эффективному использованию подручных средств (*material means at hand*) (Veblen, 1918a, pp. 31, 36) для достижения жизненно важных целей;

3) досужее любопытство, любознательность, бескорыстное стремление к полезному, прагматичному знанию.

С другой стороны, существует склонность к себялюбию, которая влечет распространение непроизводительных установок и церемониальных практик, препятствующих хозяйственному развитию и ведущих к культурной деградации. Эта склонность включает самодовольство и стремление к самовозвеличиванию за счет других, стремление к стяжательству, примитивную погоню за материальной эффективностью (*naive pursuit of material efficiency*) (Veblen, 1918a, p. 43), зависть, жадность, корысть, агрессию, желание прославиться, денежное соперничество, показные траты и расточительство, желание что-то получить, ничего не давая взамен. Веблен непосредственно противопоставляет своекорыстие предрасположенности к родительству (Veblen, 1918a, pp. 46–47), отмечая, что в реальном поведении разные склонности переплетаются. Так, антирасточительство тесно связано с использованием предметов с наибольшей эффективностью, что составляет содержание склонности к мастерству. Веблен считал отвратительно бесчеловечным со стороны нынешнего поколения умышленно усложнять жизнь следующему поколению. Речь идет не только о недостаточном содержании и ненадлежащем обучении потомства, но и о недальновидном использовании ресурсного наследия и возможностей из-за жадности и лени. Дальновидность, предусмотрительность (*providence*) являются добродетелями в силу того, что направлены на заботу о потомстве (p. 26). Следовательно, предрасположенность к родительству в широком смысле предполагает одобрение экономии, разумного использования ресурсов для общего блага и неодобрение расточительной и бесполезной жизни. Иными словами, бережливость и эффективность являются непосредственным выражением родительской склонности. В то же время такая разумная бережливость неотъемлемо присуща склонности к мастерству, которая и поддерживается в данном случае родительской заботой об общем благе (p. 27).

Актуальность исследовательского фокуса, выбранного Вебленом, обусловлена тем, что «по своей наследственности человеческая природа была до сих пор и наверняка останется на неопределенное будущее дикой человеческой природой» (Веблен, 2015, с. 73). Книга «Теория праздного класса: экономическое исследование институций» (Veblen, 1922) и очерк «Экономическая теория дамского платья» (Веблен, 2022) сосредоточены на эволюции обрядового мотива денежного соперничества, не менее актуального для современного ему «просвещенного» общества XIX в., чем для древних племен. Корыстные мотивы, связанные со стремлением выделиться на фоне других (соревновательность в потреблении, показное потребление и сопряженные с ним непроизводительные расходы, расточительство), Веблен воспринимает как пагубные, препятствующие технологической эффективности, росту профессионализма и развитию общества (Veblen, 1918a; 1922). Веблен подчеркивал, что привычные потребительские расходы надлежит оценивать на предмет того, проистекает ли и насколько мотив приобретения вещи из привычки завистнического денежного сопоставления. Экономическое и культурное развитие связывалось с общей пользой. Критерием отсутствия расточительности служит то, способствует ли расходование общественному развитию, рассматриваемому вне связи с отдельными лицами, служит ли непосредственно улучшению человеческой жизни в целом (Veblen, 1922, pp. 97–101). Веблен критиковал подмену этого принципа нарративом об удовлетворении отдельного потребителя и его субъективном психологическом комфорте, превратившемся в максиму общепринятой экономической теории.

В работе «Теория делового предприятия» (Veblen, 1904) Веблен раскрывает негативные общественные последствия движущих бизнесменом стремления к наживе, погони за прибылью в ущерб развитию технологической эффективности. Демонстрация денежной состоятельности описывается как церемониальная практика (p. 583). В капиталистической культуре, основанной на частной собственности, инстинкт мастерства вырождается в денежное соперничество. Основным мотивом, которому подчинена деятельность, становятся

деньги, а единственная подлинная цель работы сводится к накоплению богатства и распоряжению им (*pecuniary dispensation*) (Veblen, 1918a, pp. 173–174). У Веблена встречаются и другие парные категории (табл. 1).

В основе каждого такого противопоставления лежит разграничение между производительными и непроизводительными установками и практиками. Как видно из табл. 1, речь не идет о том, чтобы отождествить само по себе институциональное устройство или иной социальный фактор, не разбираясь, что за ним стоит, с барьером для общественного развития. Институции могут основываться на продуктивных и непродуктивных установках, могут поощрять тот или иной тип поведения. Более того, Веблен подчеркивал роль традиции в передаче знаний, связанных со склонностью к мастерству (Veblen, 1918a, pp. 38–39). Он считал, что «высшие достижения (прагматического знания ранних дней. – Прим. А. В., А. К.) сведены в систему указаний, содержащих поучительные призывы к бережливости, благоразумию, сдержанности, практичному управлению – свод правил целесообразного поведения» (Veblen, 1961, p. 9).

При помощи соответствующих антитез[2] Веблен в аналитических целях описывает ту или иную грань реальности, которые в действительной жизни едва ли четко разграничимы, и несет как аналитик «ответственность за исправление „среза“ и реконструкцию всей реальности» (Waller, 2022, p. 43). Например, Веблен достаточно четко указывает на то, что любой акт потребления в той или иной мере включает и функциональную, и показную составляющую. Поясняется, что это не отменяет проблематики негативных последствий непроизводительных трат, или расточительства, в контексте модели общественного развития (институционального устройства общества) (Veblen, 1922, pp. 97–101).

Таблица 1

Парные категории в дискурсе Торстейна Веблена

Table 1. Pair categories in Thorstein Veblen's discourse

Производительные установки и практики / Productive patterns	**Непроизводительные установки и практики / Unproductive patterns**
Институции, поощряющие производство / Institutions of production	Институции, поощряющие стяжательство / Institutions of acquisition
Институции, служащие промышленной культуре / Industrial institutions	Институции, служащие денежной культуре / Pecuniary institutions
Институции, обслуживающие нехищнические, бескорыстные экономические интересы / Institutions serving non-invidious economic interests	Институции, обслуживающие хищнические, корыстные экономические интересы / Institutions serving invidious economic interests
Развитие мастерства / Workmanship	Торговое дело / Salesmanship
Обычный человек / Common man	Групповые интересы / Vested interests
Интересы промышленности / Industry	Интересы бизнеса / Business
Создание полезных благ (промышленность) / Making serviceable goods (industry)	Создание денег (бизнес) / Making money (business)
Технологическое / Technological	Церемониальное / Ceremonial
Производственная деятельность / Production	Собственность / Ownership
Материально-вещественные показатели работы / Tangible performance	Доход / Free income
Служение интересам сообщества / Community serviceability	Саботаж — подрыв интересов сообщества / Sabotage
Занятость в промышленности / Industrial employment	Занятость в денежной сфере / Pecuniary employment
Технологическая эффективность / Technological efficiency	Завистническая соревновательность / Invidious emulation
Информация, обладающая ценностью / Valuable information	Конкурентная реклама / Competitive advertising
Эффективность производства (промышленности) / Industrial efficiency	Процветание бизнеса / Business prosperity

Источник: составлено авторами на основе (Waller, 2022, p. 23).

Source: compiled by the authors based on (Waller, 2022, p. 23).

[2] Некоторые исследователи говорили о противоположных категориях, которые использовал Веблен, как об «антиномиях» (Rosenberg, 1948, pp. 105–106; Mirowski, 1987, pp. 1021–1022).

Принцип, лежащий в основе оценки социально-экономических процессов Вебленом, вполне стандартен. Распространенные в настоящее время методики межстрановых сопоставлений (Р. Инглхарта, Г. Хофстеде, Ш. Шварца)[3] основываются на классификации ценностей и культурных характеристик по оценочной шкале, отражающей противоположные по смыслу пары. Популярная методика К. Вельцеля и Р. Инглхарта, по мнению некоторых исследователей, в определенном смысле схожа с вебленовским подходом (Вольчик, Кривошеева-Медянцева, 2013, с. 23). На противопоставлении понятий построены и рассуждения о «правильных» и «неправильных» институциональных устройствах типа «порядков открытого» и «ограниченного» доступа (North et al., 2009, pp. 2, 11–12).

2. Трактовка идей Веблена: недоразумение вокруг теоретических посылов и эмпирические результаты

Институционалисты из числа современников и последователей Веблена пытались развивать его идеи. При этом их смысл и отношение самого Веблена к изучаемым явлениям порой искажались (Waller, 2022). Обойдя вебленовское понятие инстинкта, Эйрс сформулировал антитезу между социальными, в частности институциональными, факторами и технологией (Ayres, 1935, pp. 26–27; 2021; Hodgson, 2004). Противопоставление же поведенческих установок и моделей постепенно свелось к категориям «инструментальные ценности» и «церемониальные ценности» (Bush, 1983). Близкий тому, что Веблен называл «технологическим», термин «инструментальный» был введен Эйрсом, когда он попытался соединить эволюционную теорию Веблена (*Veblen's Evolutionary Theory, VET*) с инструментализмом Джона Дьюи, на свой лад истолковав проведенное Вебленом различие между культурой промышленного производства и денежной культурой как дихотомию между «инструментальной» технологией и «церемониальными» институтами (Latsis, 2010, p. 605). Иными словами, это Эйрс начал изображать реальность так, как будто она дихотомична, рассматривая соответствующие парные категории как отдельные (*separable*) элементы (Waller, 2022, p. 43). Сам Эйрс недвусмысленно дистанцировался в этом вопросе от Веблена, сформулировав свою позицию относительно разграничения технологического и институционального аспектов человеческого поведения и культуры так: «Ни Дьюи, ни Веблен никогда не заявляли, что это они обнародовали подобную "систему", и не указывали на *мою дихотомию* (курсив наш. – Прим. А. В., А. К.) как на принцип, которым они руководствовались» (Ayres, 1935, pp. 36–37). Хотя Веблен, в отличие от Эйрса, не называл свою концепцию «моя дихотомия», вследствие популярности идей самого Эйрса возникло выражение «дихотомия Веблена – Эйрса», навсегда получившее прописку в научной и популярной литературе.

В работах многих авторов образовалась путаница в части понимания институций, технологии, церемониального и инструментального поведения. Подмена понятий привела к отождествлению институционального с церемониальным. У Эйрса (Ayres, 1935, 2021) и его последователей институции ограничены прошлым опытом, мифами и легендами, бесполезными для решения социальных проблем и устойчивыми до такой степени, что препятствуют «прогрессивным» изменениям (Bush, 1987, p. 1079). Технология же, независимо от ее сути и последствий для общества, отождествляется с прогрессом (Waller, 2022). По мнению Энн Мейхью, тональность работ Эйрса определялась его стремлением внести свой вклад в понимание экономической политики. Оппозиция между технологией и институтами означала противопоставление «организованных навыков» – источника постоянного прогресса в манипулировании природой – укорененным образцам поведения и убеждениям, якобы представляющим собой барьер на пути этого прогресса (Mayhew, 1998, pp. 57–59). Подобное представление обесценивает дихотомию как аналитический инструмент: любые факторы социальной природы, т. е. связанные с институциональным порядком, объявляются тормозом развития (Waller, 1987,

[3] Оценка идеологической беспристрастности «общепринятых» методик межстрановых сравнений и научной достоверности эмпирических результатов, получаемых при их применении, неоднозначна. Например, в рамках гранта РГНФ 14-33-01031 «Хозяйственная этика православных мирян в современной России. Социологический анализ» на уровне описания значимости проекта подвергалась сомнению научная ценность работ, прибегающих для описания хозяйственных установок к вторичным данным и косвенным показателям (отношение к демократии, иерархичность и т. п.). Выводы авторов таких исследований произвольно истолковывали те или иные традиционные нормы, в частности, религиозные установки христианства, как свидетельство «контрпродуктивности конфессии как таковой» (http://socrel.pstgu.ru/RU/grants/ethic14).

p. 322). Однако после выхода трудов Эйрса новая таксономия постепенно вписалась в оживившую и укрепившую позиции неоклассическую повестку. Если неоклассика провозгласила «эффективность» критерием успешной общественной политики, то некоторые институционалисты в поисках критерия обратились к наследию Эйрса и нашли искомое в его интерпретации образцов поведения, делящихся на «церемониальные» (или «институциональные») и, следовательно, негодные и «технологические», а значит, «прогрессивные» (Mayhew, 1998, pp. 57–59). В дискурсе Эйрса «пренебречь всей совокупностью человеческих достижений ради неких "высших ценностей" – это то же самое, что пожертвовать действительностью ради пустых фантазий», и противоположностью той реальности свободы, которая дала жизнь этим достижениям, являются «убогие предрассудки, догмы неких одержимых традицией сообществ» (Ayres, 1946, p. 187).

В зарубежной литературе получило признание мнение, что неверное толкование эволюционной теории Веблена повлияло на ее эмпирическую проверку. Сначала Веблена обвинили в использовании не тех методов для анализа институциональной эволюции, затем в том, что его теоретические выводы не подтверждены практикой; и, наконец, в том, что дихотомичная концепция (в действительности введенная Эйрсом) является лишь «бессодержательной классификацией (*empty classificatory scheme*), переопределяющей все, что препятствует развитию, как институцию (*institution*), а все, что ему способствует, как технологию (*technology*)» (Latsis, 2010, pp. 505–506). Недоразумение, привнесенное таким превратным толкованием, было частично прояснено и преодолено после того, как Пол «Дэйл» Буш сформулировал гипотезу о «церемониальной изоляции» (*ceremonial encapsulation*) как одной из двух аналитически выделяемых стадий процесса институционального приспособления (вторая стадия – это «прогрессивное институциональное изменение») (Bush, 1983; Waller, 1987). Речь шла о том, что общество реагирует на прогресс в искусстве и науке в соответствии со своим ценностным устройством, а воплощается этот прогресс в новых моделях инструментального поведения лишь в той мере, в какой это поведение согласуется с преобладающими ценностными установками церемониального характера (Bush, 1983, p. 38). Это явление представляет собой один из аспектов дихотомии, и острота дискуссии снизилась, поскольку такой подход не предполагает редуцирования всех случаев развития общества к одной схеме. Поэтому тенденция противопоставления институционального, или даже социального вообще, технологическому пошла на спад (Waller, 1987, p. 326). Эмпирическое изучение технических инноваций показало, что в реальности социальный и технологический аспекты неразграничимы (Bijker et al., 1993; Latsis, 2010).

И все же эффект от такого противопоставления сохраняется до сих пор. На наш взгляд, в немалой степени это обусловлено дискурсом работ самого Буша, зачастую в одном предложении неявно уравнивающего «прежде сформировавшиеся представления о правильном и надлежащем способе поведения» с церемониально обосновываемыми предписаниями (*preconceived notions of the "right and proper way of doing things" as prescribed by the ceremonially warranted values of the community*) (Bush, 1980, p. 28, цит. по: Waller, 1987, p. 322). А если исследователь склонен видеть в работах других авторов то, что ему выгодно, и интерпретировать материал в соответствии со своими убеждениями, то маловероятно, что он к этому не прибегнет. Порой имеет место приписывание выдернутым из контекста цитатам Веблена противоположного смысла (Lawson, 2015; Waller, 2022, p. 43).

Сложно не согласиться с тем, что, по словам Уоллера, «достаточно беглого обзора (посвященных эволюционной теории Веблена. – Прим. А. В., А. К.) удручающих работ комментаторов, серьезно и внимательно прочитавших имеющуюся литературу и все же демонстрирующих в собственных трудах полное непонимание этой традиции… Ведь именно приложение концепции к конкретному материалу – лучший способ прояснить недоразумения вокруг нее» (Waller, 1987, pp. 326–327). Впрочем, приложение заведомо искаженной концепции к конкретному материалу может не прояснить недоразумения, а усугубить их, попутно компрометируя саму концепцию.

На нескольких примерах, взятых из трудов отечественных авторов, мы проследили, как преломлялось понимание инструментальных и церемониальных ценностей относительно понятий о традициях, традиционных ценностях, традиционном укладе. Мы провели дискурсивный анализ работ, которые содержат ссылку на дихотомичную концепцию Веблена и/или связанные с ней аналитические категории. Для формирования выборки мы воспользовались базой данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), представленной в Научной электронной библиотеке *eLIBRARY.RU*. Отбор источников проходил поэтапно. Поиск по точному словосочетанию «дихотомия Веблена» выявил 22 публикации. Поскольку иногда это словосочетание

в явном виде авторы не используют, то другой фильтр поиска содержал словосочетания «церемониальные ценности» и/или «инструментальные ценности»; «продуктивные ценности» и/или «непродуктивные ценности»; «производительные ценности» и/или «непроизводительные ценности»; «Веблен» и/или *Veblen*, «дихотомия Веблена – Эйрса» в разных комбинациях. Часть обнаруженных источников, вошедших в выборку на предыдущем этапе, отсеивалась. Таким образом было отобрано 40 источников[4]. Мы расположили их в хронологическом порядке, начав с наиболее ранней даты выпуска. В этических целях далее источники цитируются обезличенно: вместо фамилии автора в тексте указан порядковый номер источника, присвоенный нами при формировании выборки.

При анализе работ нас интересовали смысловые коннотации применения дихотомической концепции Веблена, поэтому мы работали с содержанием каждого отдельного текста, не проводя количественного анализа слов, словосочетаний, выражений и прочих элементов текста. Для этого мы не только отметили факт упоминания дихотомии Веблена и то, как она понимается тем или иным ученым, но и внимательно посмотрели на контекст использования этого теоретического конструкта. Затем мы сосредоточились на выбранном нами аспекте использования вебленовской концепции, а именно проследили, в каких источниках и как преломляется понимание связи инструментальных и церемониальных ценностей с традицией, традиционными ценностями и традиционным укладом. Таких работ нашлось двадцать.

Мы обнаружили, что в каждом из двадцати текстов итоговой выборки отсылка к дихотомии Веблена сопровождается явным или неявным противопоставлением технологии институциональным факторам, а традиционный образ жизни или мышления приравнивается к церемониальности. В духе Эйрса утверждается, что «технологии и институты составляют дихотомию», хотя сам подход позиционируется при этом как «вебленовский» (*статья 40, с. 38*). Как вариант, не проводится разграничение между «дихотомией Веблена» и «дихотомией Веблена – Эйрса» (*статья 3, с. 54*). Отмечается, что дихотомия объясняет асинхронность изменения институтов и технологии, или появляющиеся в ходе социальных изменений противоречия «между прогрессивными технологиями и тормозящими развитие институтами» (*статья 3, с. 54; статья 15, с. 149*). Почему институты тормозят развитие, мы в любом случае объяснения не нашли. Верный с точки зрения первоисточника (Веблена) тезис о «церемониальном» характере ориентации на денежные показатели подменяется указанием на инертность институтов как таковых и следующей из контекста безусловной пользы от любых технологических изменений и от стимулирующей их политики (*статья 3*). Та же логика рассуждения воспроизводится в нескольких работах (*статья 9, p. 26; статья 8, с. 36; статья 10, с. 62; статья 11, с. 42; статья 12, с. 86; статья 23, с. 34–35; статья 26, с. 164–165; статья 39; статья 32, с. 76*). В *статье 40* неявно подразумевается, что «инструментальные» ценности как таковые означают положительное восприятие прогресса и технологий, непротивление «инновациям». Утверждение, что «социально-экономический прогресс, базирующийся на технологических изменениях, тормозится инерционностью общественных институтов», даже сопровождается ссылкой на некую «институциональную ловушку» (*статья 39, с. 68*).

Есть статьи, в которых признается различие подходов Веблена и Эйрса: «В работах последователей Веблена концепция вебленовской дихотомии претерпела значительные изменения. Противопоставление „индустрии“ и „бизнеса“ было воспринято как контраст между институтами и технологией» (*статья 4, с. 24*). Этой констатацией дело и ограничивается, а далее автор опирается на подход Эйрса, называя его «традицией Веблена – Эйрса» (*с. 25*). В более поздней статье уже не говорится о различиях в подходах, а «дихотомия индустрии и бизнеса» напрямую названа «дихотомией Веблена – Эйрса», «согласно которой институты по своей природе инертны и хронически не успевают за более динамичным развитием технологий». Утверждается, что сложившаяся в России институциональная структура во многих случаях задает «инерционный вектор» развития страны, «не способствующий внедрению новых технологий» (*статья 6, с. 76*).

Смысл исходных вебленовских представлений оказался смещен – хотя и со ссылкой на Веблена – при анализе эмпирического материала об институциальном устройстве отдельных российских регионов, укладе традиционных сообществ, этнических групп, в том числе в исторической ретроспективе. Так, в регионах Северного Кавказа (к которым на момент написания цитируемой статьи формально относилась и Ростов-

[4] Состав выборки: статьи в журналах, книги, материалы конференций, диссертации. Параметры поиска: в названии публикации, в аннотации, в ключевых словах, в полном тексте публикации. Дата формирования выборки: 14.10.2023.

ская область) социальный капитал предположительно «базируется преимущественно на церемониальных ценностях» (*статья 15, с. 148*). Прилагательные «традиционное» и «церемониальное» используются как взаимозаменяемые (*статья 14, с. 20; статья 15, с. 149; статья 17, с. 17*). Парадоксальным образом такое отождествление иногда соседствует в одном абзаце с пониманием о традиционных ценностях как «эволюционно сложившихся комбинациях инструментарных и церемониальных ценностей» (*статья 17, с. 17*). Говорится о том, что церемониальные ценности коренятся в мифах и традициях, сложившихся в обществе (*статья 14, с. 19; статья 15, с. 149*), и препятствуют вместе с «ложными убеждениями» «инновационному развитию экономики в России» (*статья 14, с. 25*). Нам встретился и тезис о том, что «доминирование и навязывание традиционных (церемониальных) ценностей препятствует эффективным *институциональным* (курсив наш. – Прим. А. В., А. К.) изменениям» (*статья 15, с. 149; статья 17, с. 17*). Мы списали это на невнимательность авторов, иначе суждение тавтологично. Сказано, что «на фундаменте традиционных, преимущественно церемониальных ценностей» нормальное развитие невозможно, и «намеренно консервироваться вопреки современным тенденциям развития социальных порядков» культура и традиционные ценности не должны, а «ограничения, коренящиеся в традиционной хозяйственной культуре периферийных регионов», нужно преодолеть (*статья 17, с. 13, 14*).

Политика в сфере образования по умолчанию считается благоприятной для распространения и воспроизводства «инструментарных ценностей» (*статья 16, с. 37; статья 18, с. 33*). «Церемониальность» населения тем выше, чем ниже его охват образованием[5]. На том же основании про «периферийные институциональные системы» сказано, что они «в целом консервируют архаичные институты, препятствующие модернизации общества в целом и экономики в частности» (*статья 15, с. 155*).

Таким образом, в работах отечественных авторов укоренилось отождествление традиционного с церемониальным в контексте так называемой дихотомии Веблена – Эйрса, хотя правильнее было бы приписывать такой подход лишь одному Эйрсу. Такая трактовка – и фактически только она одна – заставляет цитируемых авторов говорить о консервативности (*статья 33, с. 241*) и отсталости сложившихся в России (и ее отдельных регионах) институтов, сдерживающих «трансформацию технологической структуры» экономики (*статья 32, с. 78*)[6]. При этом отсутствует детальный вдумчивый анализ *каждого в отдельности* института и подпирающих его институций; суждения выносятся сразу о целом институциональном комплексе. Содержательная отсылка на фактический материал встречается нечасто, и собственная операционализация категорий обосновывается недостаточно четко, т. е. «приговор» отечественным институтам выносится легковесно, на основе умозрительного суждения без достаточного фактологического или эпистемологического подкрепления. Ярлык «церемониальности» наклеивается достаточно произвольно. В том числе указание на то, что тот или иной базовый социально-экономический показатель устанавливается в зависимости от экономической ситуации и периодически упраздняется (*статья 40, с. 45*), вряд ли следует рассматривать как критерий его «церемониальности» – скорее, наоборот. В институциональной традиции укоренено представление о функциональной роли экономической науки: обеспечение основ для должного функционирования общества происходит путем выработки суждений на основе фактов, получаемых опытным путем (Gruchy, 1947, p. 157), а это означает, что социально-экономическая политика для решения актуальных проблем ориентирована на контекст и местные условия.

Обнаруженные нами неточности трактовки наследия Веблена показывают своевременность и актуальность исправления допущенных (вольно или невольно) ошибок. В следующем разделе мы суммируем результаты двух своих проектов, что, надеемся, поможет другим заинтересованным исследователям.

---

[5] Нам кажется, что охват населения образованием не обязательно коррелирует с распространением инструментальных образцов поведения, ведь образовательные практики, как следует из работ Веблена, могут в значительной мере основываться на церемониальных канонах (Veblen, 1922). В работе «Высшее образование в Америке: Меморандум о поведении бизнесменов в университетах» (Veblen, 1918b) Веблен разбирает, как проникновение «делового» стиля мышления (businesslike preconceptions, p. 98) и финансовых интересов в университеты превращает их деятельность в церемониальную. Этот аспект наследия Веблена актуален и сегодня. Важно и содержание образовательных программ, через которые могут транслироваться как производительные, так и непроизводительные установки.

[6] Несмотря на обширность набора вебленовских антитез (табл. 1), лишь в одной работе (теоретической направленности) с опорой на «дихотомию» описана эволюция института собственности (*статья 19*).

3. Приложение концепции Веблена к анализу эмпирического материала

3.1. Задачи и метод

В этом разделе мы попытались применить идеи Веблена к анализу поведенческих установок и охарактеризовать их с отсылкой к вебленовским антитезам. Попутно решались две задачи: 1) разработать собственную аналитическую технику, которая позволила бы достоверно оценить те или иные проявления поведения, поведенческие установки, принципы и ценности в плане их разграничения на продуктивные и непродуктивные и 2) использовать эту технику в прикладном институциональном исследовании, показав разницу его результатов с работами, рассмотренными выше.

Опираясь на тексты Веблена (Veblen, 1904; 1918a; 1922; 1961; Веблен, 2022), мы стремились описать соответствующие антитезы так же и тем же языком, как их описывает он сам. Следуя стратегии индуктивного тематического анализа (Guest et al., 2013), мы воспользовались стандартной техникой кодирования, применяемой в рамках одной из традиций качественного исследования, – теоретизирования, основанного на данных (*grounded theorizing*) (Glaser & Strauss, 1967; Corbin & Strauss, 2008), чтобы минимизировать искажения при интерпретации материала. Анализ указанных произведений Веблена продолжался до теоретического насыщения. Удалось идентифицировать 11 смысловых категорий, соответствующих четырем «предрасположенностям» в соответствии с дискурсом Веблена (табл. 2)[7].

Таблица 2

Операционализация смысловых категорий: поведенческие установки согласно концепции Веблена

Table 2. Operationalization of meaningful categories: behavioral patterns according to Veblen's concept

Предрасположенность (тема) / Instinctive dispositions (a theme)	Поведенческая установка (категория) / Feature of conduct (a category)
Продуктивные / Productive	
Родительство / Parental bent	Забота о благосостоянии сыновнего поколения / Unselfish provision for posterity
	Предусмотрительность, умеренность, забота о завтрашнем дне / Guide of parsimony, thrift and prudence in consumption and spending
Любознательность и стремление к овладению полезным знанием / Idle curiosity and learning of a pragmatic character	Ценность полезного знания, умения, навыка / Pragmatic learning, technological knowledge, skills
Созидательность и мастерство / Workmanship, proclivity to construction	Трудолюбие, честный добросовестный труд, достижение мастерства / Diligence, proclivity for taking pains to do something
	Рассудительность, рачительность в ведении хозяйства / Shrewd housekeeping
Непродуктивные / Unproductive	
Себялюбие / Self-regard	Беспечность в тратах, недальновидность, жизнь не по средствам / Improvidence, preceding consumption, living beyond means, debt captivity
	Стяжательство, скаредность; алчность, жажда наживы, корыстолюбие / Acquisitive motive
	Самодовольство, эгоцентричность / Self-aggrandizement, self-complacency, arrogance
	Хищнический мотив / Predatory or hostile exploit
	Зависть и жадность / Invidious comparison and greed
	Показной мотив / Conspicuousness, ostentation

Источник: составлено авторами на основе (Veblen, 1904, 1918a, 1922, 1961; Веблен, 2022).

Source: compiled by the authors based on (Veblen, 1904, 1918a, 1922, 1961; Veblen, 2022).

[7] Подробно техника анализа воспроизведена в рабочем досье (Верников, Курышева, 2023b).

3.2. Русский фольклор

Опираясь на идентифицированные категории, мы попытались оценить нормативные элементы экономической культуры, отраженные в русском фольклоре XIX в. Эмпирической базой стали пословицы и поговорки русского народа, собранные В. И. Далем (Даль, 1862). Выборку из 935 изречений мы подвергли дискурсивному и интерпретативному анализу. Его результат таков: традиционные поведенческие установки, характеризующие хозяйственный быт и трудовую деятельность русского народа, могут быть расценены как продуктивные, сообразующиеся с предрасположенностью к родительству, склонностью к созиданию и грамотному приложению знаний. Противопоставляются им проявления себялюбия, т. е. потребительство, стяжательство, праздность, опережающее, сиюминутное потребление, мотив создания внешнего впечатления и неразумность в тратах. Эти практики порицаются и высмеиваются (Верников, Курышева, 2023b).

Кроме того, исследование отношения к долгам и жизни не по средствам в русских пословицах и поговорках показало, что стереотипные представления могут быть неточными. Нормативная этика еще в середине XIX в. поощряла самообеспечение и самоограничение в потреблении и тратах, включая личную ответственность, умение жить по средствам, оставаться в границах, опираться на свои силы. И наоборот, народный дискурс осуждал опережающее и вообще чрезмерное потребление, равно как и показное потребление и расточительство (Верников, Курышева, 2023a).

3.3. Вовлечение людей в финансовые спекуляции

Та же методика была применена при поиске институций, которые становятся объектом манипулирования при вовлечении простых людей в финансовые спекуляции. Изучив дискурс, транслируемый через видеозаписи вебинаров четырех курсов по инвестированию для непрофессиональных инвесторов и текстовый материал семи телеграм-каналов на эту же тему, мы обнаружили, что способы вовлечения домохозяйств в финансовые спекуляции основаны на стимулировании ценностных установок, относящихся, по Веблену, к непроизводительным, подпитывающим себялюбие. Финансовые мошенники апеллируют к непродуктивным поведенческим установкам, распаляя в людях стяжательство и алчность, заставляя их пускаться в разнообразные авантюры, навязывая паразитические, хищнические и показные модели жизни и потребления. Уважение к производительному труду всеми силами вытравливается из сознания, его результаты обесцениваются, зато стимулируется стремление к незаслуженной прибыли, показная праздность и роскошная жизнь при минимизации трудозатрат (Верников и др., 2023).

3.4. Обсуждение результатов

Неточное понимание идей Веблена о различных предрасположенностях человека и мотивах экономического поведения (например, противопоставление традиционных институций технологии) родилось не в России, а было перенесено сюда из научной литературы. Но семя упало на добрую почву. Тем более что применение «дихотомичного» концепта Веблена к российским реалиям началось в такое время, когда «правилом хорошего тона» стала негативная характеристика институционального устройства нашей страны. Речь идет об этической направленности теоретизирования о традиционных укладах, о ценностных установках граждан вообще и российского населения в частности. Направленность доминирующего дискурса была вполне однозначной: найти черты «русской ментальности», которые можно выставить в нелицеприятном свете, чтобы дискредитировать, распространив на весь народ как некую константу. Оценка русского фольклора (равно как и православной религиозной этики, под значительным влиянием которой сформировался коллективный этос русского народа в дореволюционную (1917 г.) эпоху) по такой этической шкале дала бы парадоксальный результат: преобладают непродуктивные ценности (Ясин, 2003; Архипов и др., 2006).

Социокультурный контекст, в котором развивалась экономическая дисциплина, сам невольно подталкивал к искажению результатов. Вполне логично, что на таком фоне любой подход, включая «дихотомию» Веблена, а уж тем более Эйрса, начинал обслуживать идеологическую и политическую повестку. Смещение оценки неизбежно, если, например, высшим благом и самоцелью видится развитие капитализма или включение в «глобализацию» или финансовое развитие или рост иностранных инвестиций или рост количества материальных товаров в домохозяйстве, и желательно почаще сменяемых на новые, или еще что-то подобное. Каким-либо образом мешающие этому ценности и институции любого традиционного сообщества, особенно неевропейского и аграрного, объявляются «церемониальными», что имплицитно придает им отрицательную коннотацию.

Бывает и так, что применение этих подходов строится на *инверсии* идеи, заложенной Вебленом. Так, «открытость изменениям» (*openness to change*), одна из ключевых четырех базовых ценностей в методике, разработанной Ш. Шварцем (Sagiv & Schwartz, 2022), включает параметр гедонизма (*hedonism*), который операционализируется как собственное удовольствие и чувственное удовлетворение (*pleasure and sensuous gratification for oneself*). В работе Магуна и Руднева (2010) с сожалением констатируется, что «открытости» российскому народу пока недостает и до развитых стран он недотягивает, потому что здесь сильна противоположная ценность, которая носит название «сохранение». Операционализируется она в том числе через показатели «соответствия правилам, законам и формальным обязательствам», «избегания расстраивания или причинения вреда другим людям», «поддержания и сохранения культурных, семейных или религиозных традиций» (Sagiv & Schwartz, 2022). Видимо, мы должны считать эти черты отрицательными. (Для кого? Почему?) В парадигме и этике Веблена знаки оценки оказались бы, вероятно, противоположными. Поэтому мы видим в разработанном Вебленом подходе разумную альтернативу для изучения институционального устройства обществ, в особенности незападных.

Заключение

Мы проследили, как неточное толкование исходной концепции создает ошибочные смыслы, и как они укореняются и тиражируются при анализе фактического материала. Для иллюстрации мы взяли пример использования в научной литературе антитез, с помощью которых Веблен описывал роль производительных и непроизводительных установок в развитии сообществ.

В своей статье мы попытались описать основания эволюционной теории Веблена и отразить исходный смысл его теоретических построений, опиравшихся на противоположные категории.

Мы установили, что российские авторы со ссылкой на Торстейна Веблена, как правило, обсуждают взгляды Кларенса Эйрса. Например, в явном виде прослеживается отождествление традиционных ценностей с церемониальными, а технологических изменений – с прогрессивными. Отсюда проистекает и неточная гипотеза эмпирического исследования (если оно действительно проводится автором, что далеко не всегда имеет место). Происходят и искажение вебленовских идей, и в значительной степени подмена идеи институционального исследования, ведь анализ конкретных ценностных установок и поведенческих проявлений, доказывающих, почему их сочли церемониальными, отсутствует. Недостаточно четкое понимание вебленовских антитез может повлиять и на результаты эмпирического исследования, ведя к дальнейшему укоренению и тиражированию исходного недоразумения.

Выводы прикладных исследований при опоре на исходные тексты Веблена оказались совсем не такими, как при использовании подхода Эйрса и других «улучшателей» Веблена. Традиционные поведенческие установки относительно практик распоряжения личными ресурсами, включая потребление, заимствование и одалживание, обычно характеризуются в научных работах как церемониальные, хотя возвращение к исходному смыслу заставило бы описать их, скорее, как инструментальные. В том, какие из поведенческих установок были церемониальными, а какие инструментальными и помогающими сохраниться и выжить данному сообществу, надо внимательно разбираться в каждом отдельном случае.

Новизна работы в том, что мы пытаемся уточнить бытующее в российской литературе представление о смысле текстов Веблена. Она также и в том, что мы предлагаем аналитическую технику исследования поведения и лежащих в его основе ценностей и принципов – с опорой на работы самого Веблена. Применение дихотомии Веблена в качестве аналитического инструмента проиллюстрировано конкретным материалом: пословицами и поговорками, представляющими народный дискурс XIX в., и современной техникой манипулирования экономическим поведением людей для их вовлечения в финансовую спекуляцию. Наша методика помогла бы уменьшить предвзятость при интерпретации исследовательских данных и избежать приписывания им ложного смысла при формулировании исследовательских выводов.

Наконец, мы считаем, что теоретические построения Веблена способны послужить концептуальной основой для беспристрастного изучения институциональной эволюции обществ и составить разумную альтернативу популярным методикам межстрановых и межкультурных социоэкономических сопоставлений, тоже построенным по принципу дихотомии, но при этом абсолютизирующим западные ценности.

Список литературы

Архипов, А. Ю., Зотова, Т. А., Евграфова, О. В., Королев, В. К. (2006). *Экономическая культура*. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета. https://elibrary.ru/item.asp?edn=rewukl

Веблен, Т. (2015). Христианская мораль и конкурентная система. *Идеи и идеалы*, *7*(4.1), 167–178. https://elibrary.ru/item.asp?edn=vibjtb

Веблен, Т. (2022). Экономическая теория дамского платья. *Экономическая социология*, *23*(5), 37–44. https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-5-37-44

Верников, А. В., Кашапова, Э. Р., Курышева, А. А., Рыжкова, М. В. (2023). Дергая за нужные ниточки: как простых граждан вовлекают в финансовые спекуляции. В сб. *Материалы VIII Межд. науч. конф. «Институциональная трансформация экономики: правила эффективной политики (Восточная конференция ITE-2023)»* (с. 71–73). Новосибирск: НГУЭУ.

Верников, А. В., Курышева, А. А. (2023a). Отношение к жизни не по средствам в русских пословицах и поговорках. *Экономическая социология*, *24*(3), 33–57. https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=ogzsgu

Верников, А. В., Курышева, А. А. (2023b). Русская традиционная экономическая культура с точки зрения концепции Веблена о поведенческих установках. *Препринт ResearchGate № 373092979*. http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.20519.11683/4

Вольчик, В. В. (2008). Эволюция институтов постиндустриальной экономики в контексте дихотомии Веблена. *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, *6*(2), 53–65. https://elibrary.ru/item.asp?edn=jsirod

Вольчик, В. В., Кот, В. В. (2013a). Институциональные изменения в контексте модернизации хозяйственных порядков. *Журнал институциональных исследований*, *5*(4), 36–57. https://elibrary.ru/item.asp?edn=rvgsph

Вольчик, В. В., Кот, В. В. (2013b). Институциональные изменения в периферийных регионах: роль гражданских институтов. *Terra Economicus*, *11*(4), 12–35. https://elibrary.ru/item.asp?edn=rsxctp

Вольчик, В. В., Кривошеева-Медянцева, Д. Д. (2013). Институциональные условия инновационного развития российской экономики. *Terra Economicus*, *11*(4.3), 18–26. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21515081

Вольчик, В. В., Маслюкова, Е. В., Демахина, О. В., Барунова, А. А. (2023). Технологические и институциональные изменения в контексте дихотомии Веблена. *Journal of Economic Regulation*, *14*(1), 34–48. https://doi.org/10.17835/2078-5429.2023.14.1.034-048

Вольчик, В. В., Посухова, О. Ю. (2016). Прекариат и профессиональная идентичность в контексте институциональных изменений. *Terra Economicus*, *14*(2), 159–173. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2016-14-2-159-173

Вольчик, В. В., Ширяев, И. М. (2013). Институциональные изменения в периферийных регионах: роль социального капитала. *Журнал экономической теории*, 4, 148–157. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20926580

Вольчик, В. В., Ширяев, И. М. (2020). Дистанционное высшее образование в условиях самоизоляции и проблема институциональных ловушек. *Актуальные проблемы экономики и права*, *14*(2), 235–248. https://doi.org/10.21202/1993-047x.14.2020.2.235-248

Даль, В. И. (1862). *Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч.* Москва: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете.

Даль, В. И. (1863). Толковый словарь живого великорусского языка. Часть первая. А–З. *Соч. В. И. Даля. Ч. 1–4*. Москва: Издательство общества любителей российской словесности, учрежденного при Императорском московском университете. Типография А. Семена.

Дубова, Ю. И., Нацубидзе, А. С. (2015). Институциональные основы постиндустриального общества. *Актуальные вопросы современной науки*, 1, 34–40. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23737721

Игнатова, Т. В., Черкасова, Т. П. (2011). Институциональные концепции экономического роста и их модернизации. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*, 2, 57–67. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19029652

Коммонс, Дж. (2007). Институциональная экономика. *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, *5*(4), 59–70. https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnaya-ekonomika-1

Литвинцева, Г. П. (1999). *Введение в институциональную экономическую теорию*. Новосибирск: Изд-во НГТУ.

Магун, В., Руднев, М. (2010). Базовые ценности россиян и других европейцев (по материалам опросов 2008 года). *Вопросы экономики*, 12, 107–130. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-12-107-130

Марчук, А. А. (2018). Взаимосвязь институционального и технологического развития экономики. *Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт*, 15, 74–79. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32833598

Митчелл, У. (2009). Рациональность экономической деятельности. *Terra Economica*, *7*(4), 80–88. http://dx.doi.org/10.24412/2073-6606-2009-4-80-88

Нуреев, Р. М. (ред.). (2008). *Национальная экономика*. Москва: Изд-во Российской экономической академии.

Нуреев, Р. М. (2010). *Очерки по истории институционализма*. Ростов н/Д: Содействие – XXI век; Гуманитарные перспективы.

Сизякина, М. С. (2008). Взаимосвязь технологического и институционального развития экономики. *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, *6*(4-4), 24–27. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18784290

Сизякина, М. С. (2010). Роль государства в снижении асимметричности институциональной и технологической структур экономики России. *Journal of Economic Regulation, 1*(1), 75–83. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=14316420

Сухарев, А. Н. (2022). Метод дихотомии в конструкции права. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право*, *4*, 67–74. https://doi.org/10.26456/vtpravo/2022.4.067

Трещевский, Ю. И., Исаева, Е. М. (2012). Регион как институциональная система. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление*, *1*, 81–87. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17730334

Файзрахманов, М. Д. (2011). Роль инновационных отношений в обеспечении поступательной макроэкономической динамики. *Сегодня и завтра российской экономики*, *46*, 41–43. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18246856

Шафиров, Л. А., Оганесян, А. А. (2013). Рационализация потребительского кредитования в интересах местного экономического развития сквозь призму институциональной экономической теории. *Terra Economicus*, *11*(4.3), 27–42. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21515082

Щеголевский, В. А. (2011). Дихотомия рыночных и иерархических структур в теоретических взглядах Т. Веблена и Дж. Коммонса. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика*, (2), 35–40. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16377390

Ясин, Е. Г. (2003). *Модернизация экономики и система ценностей*. Москва: ГУ ВШЭ.

Ayres, C. (1935). The Gospel of Technology. In: Kallen, H., Hook, S. (eds.) *American Philosophy Today and Tomorrow*. New York: Lee Furman, pp. 25–44.

Ayres, C. (1946). *The Divine Right of Capital*. Boston, MA, Houghton Mifflin.

Ayres, C. (2021). *The Theory of Economic Progress. A Study of the Fundamentals of Economic Development and Cultural Change*. Association for Evolutionary Economics.

Bijker, W., Hughes, T., & Pinch, T. (Eds.). (1993). *The Social Construction of Technological Systems*. Cambridge, MA: The MIT Press.

Bush, P. (1980). *Analyzing the energy problem: Pecuniary logic versus institutional analysis*, presented at the annual meeting of the Western Social Science Association, Albuquerque, New Mexico, 25 April 1980, p. 28.

Bush, P. (1983). An exploration of the structural characteristics of a Veblen-Ayres-Foster defined institutional domain. *Journal of Economic Issues*, *17*(1), 35–66.

Bush, P. (1987). The theory of institutional change. *Journal of Economic Issues 21*(3), 1075–1116.

Corbin, J., & Strauss, A. (2008). *Basics of Qualitative Research: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory*. Thousand Oaks, CA: Sage.

Glaser, B., & Strauss, A. (1967). *The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*. New Brunswick, NJ: Aldine Transaction.

Gruchy, A. (1947). *Modern Economic Thought. The American Contribution*. New York: Prentice-Hall, Inc.

Guest, G., Namey, E., & Mitchell, M. (2013). *Collecting Qualitative Data: A Field Manual for Applied Research*. USA: Sage Publications, Inc.

Hodgson, G. (2004). *The Evolution of Institutional Economics: Agency, Structure, and Darwinism in American Institutionalism*. London: Routledge.

Jennings, A., & Waller, W. (1994). Evolutionary economics and cultural hermeneutics: Veblen, cultural relativism, and blind drift. *Journal of Economic Issues*, *28*(4), 997–1030.

Latsis, J. (2010). Veblen on the machine process and technological change. *Cambridge Journal of Economics*, *34*(4), 601–615.

Lawson, T. (2015). Process, order and stability in Veblen. *Cambridge Journal of Economics*, *39*(4), 993–1030.

Mayhew, A. (1998). On the difficulty of evolutionary analysis. *Cambridge Journal of Economics*, *22*, 449–461.

Mirowski, P. (1987). The philosophical bases of Institutionalist Economics. *Journal of Economic Issues*, *21*(3), 1001–1038.

North, D., Wallis, J., & Weingast, B. (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press.

Rosenberg, B. (1948). Veblen and Marx. *Social Research*, *15*(1), 99–117.

Sagiv, L., & Schwartz, S. (2022). Personal values across cultures. *Annual Review of Psychology*, *73*(1), 517–546.

Veblen, T. (1904). *The Theory of Business Enterprise*. New York: Charles Scribner's Sons.

Veblen, T. (1918a). *The Instinct of Workmanship*. New York: B.W. Huebsch.

Veblen, T. (1918b). *The Higher Learning in America: A Memorandum on the Conduct of Universities by Business Men*. N.Y.: B.W. Huebsch. https://afee.net/downloads/The_higher_learning_in_America.pdf.

Veblen, T. (1922). *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. New York: B.W. Huebsch.

Veblen, T. (1961). The place of science in modern civilisation. In *The Place of Science in Modern Civilisation and Other Essays by Thorstein Veblen* (pp. 1–31). New York: Russel & Russel.

Volchik, V. (2011). Facilities of original institutional economics in research of institutional changes. *Journal of Economic Regulation*, *2*(4), 24–38. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17305923

Waller, W. (1987). Ceremonial encapsulation and corporate cultural hegemony. *Journal of Economic Issues*, *21*(1), 321–328.

Waller, W. (2022). Institutions, technology, and instrumental value: A reassessment of the Veblenian dichotomy. In Ch. Whalen (Ed.), *Institutional Economics. Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World* (pp. 19–48). Routledge.

References

Arkhipov, A. Yu., Zotova, T. A., Evgrafova, O. V., & Korolev, V. K. (2006). *Economic culture*. Rostov-on-Don: Southern Federal University Publishers. (In Russ.). https://elibrary.ru/item.asp?edn=rewukl

Ayres, C. (1935). The Gospel of Technology. In: Kallen, H., Hook, S. (eds.) *American Philosophy Today and Tomorrow*. New York: Lee Furman, pp. 25–44.

Ayres, C. (1946). *The Divine Right of Capital*. Boston, MA, Houghton Mifflin.

Ayres, C. (2021). *The Theory of Economic Progress. A Study of the Fundamentals of Economic Development and Cultural Change*. Association for Evolutionary Economics.

Bijker, W., Hughes, T., & Pinch, T. (Eds.). (1993). *The Social Construction of Technological Systems*. Cambridge, MA: The MIT Press.

Bush, P. (1980). *Analyzing the energy problem: Pecuniary logic versus institutional analysis*, presented at the annual meeting of the Western Social Science Association, Albuquerque, New Mexico, 25 April 1980, p. 28.

Bush, P. (1983). An exploration of the structural characteristics of a Veblen-Ayres-Foster defined institutional domain. *Journal of Economic Issues*, *17*(1), 35–66.

Bush, P. (1987). The theory of institutional change. *Journal of Economic Issues 21*(3), 1075–1116.

Commons, J. (2007). Institutional economics. *Economic Herald of Rostov State University*, *5*(4), 59–70. (In Russ.). https://www.elibrary.ru/iiwegb

Corbin, J., & Strauss, A. (2008). *Basics of Qualitative Research: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory*. Thousand Oaks, CA: Sage.

Dal, V. I. (1862). *Proverbs of the Russian people. Collection of proverbs, sayings, catchphrases, tongue twisters, bywords, riddles, beliefs, etc.* Moscow: Imperatorskoe obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete. (In Russ.).

Dal, V. I. (1863). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Part 1*. By V. I. Dal. Parts 1–4. Moscow: Izdatel'stvo obshchestva lyubitelei rossiiskoi slovesnosti, uchrezhdennogo pri Imperatorskom moskovskom universitete. Tipografiya A. Semena. (In Russ.).

Dubova, Yu. I., & Natsubidze, A. S. (2015). Institutional framework of postindustrial society. *Aktualnye voprosy sovremennoi nauki*, 1, 34–40. (In Russ.). https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23737721

Faizrakhmanov, M. D. (2011). Role of innovative relations in providing sustained macroeconomic dynamics. *Segodnya i zavtra rossiiskoi ehkonomiki*, 46, 41–43. (In Russ.). https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18246856

Glaser, B., & Strauss, A. (1967). *The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*. New Brunswick, NJ: Aldine Transaction.

Gruchy, A. (1947). *Modern Economic Thought. The American Contribution*. New York: Prentice-Hall, Inc.

Guest, G., Namey, E., & Mitchell, M. (2013). *Collecting Qualitative Data: A Field Manual for Applied Research*. USA: Sage Publications, Inc.

Hodgson, G. (2004). *The Evolution of Institutional Economics: Agency, Structure, and Darwinism in American Institutionalism*. London: Routledge.

Ignatova, T. V., & Cherkasova, T. P. (2011). Institutional concepts of economic growth and their modernization. *State and Municipal Administration Scientific Notes*, 2, 57–67. (In Russ.). https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19029652

Jennings, A., & Waller, W. (1994). Evolutionary economics and cultural hermeneutics: Veblen, cultural relativism, and blind drift. *Journal of Economic Issues*, *28*(4), 997–1030.

Latsis, J. (2010). Veblen on the machine process and technological change. *Cambridge Journal of Economics*, *34*(4), 601–615.

Lawson, T. (2015). Process, order and stability in Veblen. *Cambridge Journal of Economics*, *39*(4), 993–1030.

Litvintseva, G. P. (1999). *Introduction to institutional economic theory*. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University Publishing house. (In Russ.).

Magun, V., & Rudnev, M. (2010). Basic human values of Russians and other Europeans (The Results of 2008 Surveys). *Voprosy Ekonomiki*, 12, 107–130. (In Russ.) https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-12-107-130

Marchuk, A. A. (2018). Interrelations between institutional and technological development of economy. *Actual Problems and Prospects of Economic Development: Russian and Foreign Experience*, 15, 74–79. (In Russ.). https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32833598

Mayhew, A. (1998). On the difficulty of evolutionary analysis. *Cambridge Journal of Economics*, *22*, 449–461.

Mirowski, P. (1987). The philosophical bases of Institutionalist Economics. *Journal of Economic Issues*, *21*(3), 1001–1038.

Mitchell, W. C. (2009). The rationality of economic activity. *Terra Economica*, *7*(4), 80–88. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.24412/2073-6606-2009-4-80-88

North, D., Wallis, J., & Weingast, B. (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press.

Nureev, R. M. (Ed.) (2008). *National economy*. Moscow: Russian Academy of Economics Publishers. (In Russ.).

Nureev, R. M. (2010). *Sketches on the history of institutionalism*. Rostov-on-Don: Sodeistvie – XXI vek; Gumanitarnye perspektivy. (In Russ.).

Rosenberg, B. (1948). Veblen and Marx. *Social Research*, *15*(1), 99–117.

Sagiv, L., & Schwartz, S. (2022). Personal values across cultures. *Annual Review of Psychology*, *73*(1), 517–546.

Shafirov, L. A., & Oganesyan, A. A. (2013). Consumer lending rationalization for the local development benefits: an institutional approach. *Terra Economicus*, *11*(4.3), 27–42. (In Russ.). https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21515082

Shegolevsky, V. (2011). Dichotomy of T. Veblen and J. Commons' views of market and hierarchical structures. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*, 2, 35–40. (In Russ.). https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16377390

Sizyakina, M. S. (2008). Interconnection of technological and institutional development of economy. *Vestnik of Rostov State University (RINH)*, *6*(4–4), 24–27. (In Russ.). https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18784290

Sizyakina, M. S. (2010). The role of the state in institutional and technological structures asymmetry reducing in Russian economy. *Journal of Economic Regulation*, *1*(1), 75–83. (In Russ.). https://www.elibrary.ru/item.asp?id=14316420

Sukharev, A. N. (2022). Dichotomy method in the construction of law. *Vestnik TVGU. Seriya: Pravo*, *4*, 67–74. (In Russ.). https://doi.org/10.26456/vtpravo/2022.4.067

Treshchevskiy, Y. I., & Isaeva, E. M. (2012). Region as institutional system. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, *1*, 81–87. (In Russ.). https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17730334

Veblen, T. (1904). *The Theory of Business Enterprise*. New York: Charles Scribner's Sons.

Veblen, T. (1918a). *The Instinct of Workmanship*. New York: B.W. Huebsch.

Veblen, T. (1918b). *The Higher Learning in America: A Memorandum on the Conduct of Universities by Business Men*. N.Y.: B.W. Huebsch. https://afee.net/downloads/The_higher_learning_in_America.pdf.

Veblen, T. (1922). *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. New York: B.W. Huebsch.

Veblen, T. (1961). The place of science in modern civilisation. In *The Place of Science in Modern Civilisation and Other Essays by Thorstein Veblen* (pp. 1–31) New York: Russel & Russel.

Veblen, T. (2015). Christian morals and the competitive system. *Ideas and Ideals*, *7*(4.1), 167–178. (In Russ.). https://elibrary.ru/item.asp?edn=vibjtb

Veblen, Th. (2022). The economic theory of women's dress. *Journal of Economic Sociology*, *23*(5), 37–44. (In Russ.). https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-5-37-44

Vernikov, A. V., & Kurysheva, A. A. (2023a). Living beyond means as reflected in old Russian proverbs. *Journal of Economic Sociology*, *24*(3), 33–57. (In Russ.). https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=ogzsgu

Vernikov, A. V., Kashapova, E. R., Kurysheva, A. A., & Ryzhkova, M. V. (2023). Pulling the right strings: how ordinary people are involved in financial tradeoffs. *Works of the 8th International scientific conference "Institutional transformation of economy: rules of effective policy (ITE-2023 Eastern conference)"* (pp. 71–73). Novosibirsk: Novosibirsk State University of Economics and Management. (In Russ.).

Vernikov, A. V., & Kurysheva, A. A. (2023b). *Traditional economic culture of Russians through the lens of Thorstein Veblen*. Preprint ResearchGate No. 373092979. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.20519.11683/4

Volchik, V. (2011). Facilities of original institutional economics in research of institutional changes. *Journal of Economic Regulation*, *2*(4), 24–38. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17305923

Volchik, V. V, & Posukhova, O. Yu. (2016). Precarity and professional identity in the context of institutional change. *Terra Economicus*, *14*(2), 159–173. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2073-6606-2016-14-2-159-173

Volchik, V. V. (2008). Postindustrial economy institutions evolution in context of Veblen's dichotomy. *Economic Herald of Rostov State University*, *6*(2), 53–65. (In Russ.). https://elibrary.ru/item.asp?edn=jsirod

Volchik, V. V., & Kot, V. V. (2013a). Institutional change in context of economic orders modernization. *Journal of Institutional Studies*, *5*(4), 36–57. (In Russ.). https://elibrary.ru/item.asp?edn=rvgsph

Volchik, V. V., & Krivosheeva-Medyantseva, D. D. (2013). Institutional circumstances for innovative development of the Russian economy. *Terra Economicus*, *11*(4.3), 18–26. (In Russ.). https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21515081

Volchik, V. V., & Shiriaev, I. M. (2020). Distant higher education under self-isolation and the problem of institutional traps. *Actual Problems of Economics and Law*, *14*(2), 235–248. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/1993-047x.14.2020.2.235-248

Volchik, V. V., & Shiryaev, I. M. (2013). Institutional change in peripheral regions: impact of the social capital. *Russian Journal of Economic Theory*, 4, 148–157. (In Russ.). https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20926580

Volchik, V. V., Kot, V. V. (2013b). Institutional change in the peripheral regions: the role of the civil institutions. *Terra Economicus*, *11*(4), 12–35. (In Russ.). https://elibrary.ru/item.asp?edn=rsxctp

Volchik, V. V., Maslyukova, E. V., Demakhina, O. V., & Barunova, A. A. (2023). Technological and institutional change in the context of Veblen's dichotomy. *Journal of Economic Regulation*, *14*(1), 34–48. (In Russ.). https://doi.org/10.17835/2078-5429.2023.14.1.034-048

Waller, W. (1987). Ceremonial encapsulation and corporate cultural hegemony. *Journal of Economic Issues*, *21*(1), 321–328.

Waller, W. (2022). Institutions, technology, and instrumental value: A reassessment of the Veblenian dichotomy. In Ch. Whalen (Ed.), *Institutional Economics. Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World* (pp. 19–48). Routledge.

Yasin, E. G. (2003). *Economy modernization and system of values*. Moscow: HSE University. (In Russ.).

Вклад авторов

Оба автора внесли равный вклад в написание статьи на всех этапах исследования.

The author's contributions

Both authors made equal contributions to writing the paper at all stages of the research.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 20.12.2023
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 30.01.2024
Дата принятия в печать / Accepted 30.01.2024

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.24-35**

УДК 336.5:339.186:001.895:316:338.24(470+571)
JEL: H57, O3, O38

С. С. Цыганков[1],
А. И. Маскаев[1],
В. В. Вольчик[1]

[1] *Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

Государственные закупки и инновационная политика в России: взгляд со стороны нарративной экономики

Контактное лицо:
Цыганков Сергей Сергеевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, Южный федеральный университет
E-mail: sscygankov@sfedu.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-7827-8318
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/AAY-4272-2020/
Scopus ID: 57193806365
eLIBRARY SPIN-код: 3015-3550

Маскаев Артем Ильич, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономической теории, Южный федеральный университет
E-mail: maskaev@sfedu.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7431-6978
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/O-8704-2016
Scopus ID: 57217016371
eLIBRARY SPIN-код: 7350-4360

Вольчик Вячеслав Витальевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Южный федеральный университет
E-mail: volchik@sfedu.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0027-3442
Web of Science Researcher ID: https://www.researcherid.com/rid/K-7832-2012
eLIBRARY SPIN-код: 2539-2890

Аннотация

Цель: выявление нарративов, описывающих применение системы государственных закупок для реализации инновационной политики, а также проведение их критического анализа.

Методы: количественный анализ частоты употребления нарративов, качественный анализ нарративов для выявления протомоделей, институтов и социального контекста.

Результаты: в современной экономической системе России государственные закупки используются в качестве инструмента реализации национальной инновационной политики. Анализ нормативно-правовых актов, регулирующих госзакупки инновационных и высокотехнологичных товаров, показал наличие тенденций, потенциально снижающих вариативность действий заказчиков и прозрачность закупочных процедур. Основываясь на инструментарии нарративной экономики, авторы проанализировали отношение акторов (представителей государства, бизнеса и академии) российской инновационной системы к сложившейся практике применения государственных закупок в контексте отечественной инновационной политики. В результате были типологизированы проблемы государственных закупок для инновационного развития России, обсуждаемые в средствах массовой информации.

© Цыганков С. С., Маскаев А. И., Вольчик В. В., 2024

Научная новизна: рассмотренные нарративы позволили обнаружить, что применительно к российской инновационной системе субъекты системы государственных закупок могут действовать в логике теории «принципала-агента», а тенденция на снижение транспарентности встречает одобрение со стороны ряда акторов.
Практическая значимость: институциональный анализ последних изменений в сфере государственных закупок, в том числе правил, регулирующих закупки инновационной и высокотехнологичной продукции, выявил деволюцию формализованных правил, направленных на реализацию государственной инновационной политики, что вместе с выросшим уровнем приватности организационной деятельности заказчиков несет в себе риски не только повышения уровня оппортунистического поведения субъектов рынка госзакупок, но и снижения доверия ко всей системе государственных закупок со стороны общества.

Ключевые слова:
экономическая теория, государственные закупки, инновационная политика, инновации, национальная инновационная система, нарративная экономика, институциональная экономика

Финансирование
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00562 «Развитие российской инновационной системы в контексте нарративной экономики» в Южном федеральном университете. https://rscf.ru/project/21-18-00562/

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Цыганков, С. С., Маскаев, А. И., Вольчик, В. В. (2024). Государственные закупки и инновационная политика в России: взгляд со стороны нарративной экономики. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 24–35. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.24-35

Scientific article

S. S. Tsygankov[1],
A. I. Maskaev[1],
V. V. Volchik[1]

[1] *Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

Public procurement and innovation policy in Russia: a perspective of narrative economics

Contact:
Sergey S. Tsygankov, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Department of Economic Theory, Southern Federal University
E-mail: sscygankov@sfedu.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-7827-8318
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/AAY-4272-2020/
Scopus ID: 57193806365
eLIBRARY SPIN-код: 3015-3550

Artem I. Maskaev, Cand. Sci. (Economics), Senior Lecturer, Department of Economic Theory, Southern Federal University
E-mail: maskaev@sfedu.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7431-6978
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/O-8704-2016
Scopus ID: 57217016371
eLIBRARY SPIN-код: 7350-4360

Vyacheslav V. Volchik, Dr. Sci. (Economics), Professor, Head of the Department of Economic Theory, Southern Federal University
E-mail: volchik@sfedu.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0027-3442
Web of Science Researcher ID: https://www.researcherid.com/rid/K-7832-2012
eLIBRARY SPIN-код: 2539-2890

Abstract

Objective: to identify narratives describing the use of public procurement system for innovation policy implementation and to critically analyze them.

Methods: quantitative analysis of the frequency of narratives, qualitative analysis of narratives to identify protomodels, institutions and social context.

Results: in the modern Russian economic system, public procurement is used as a tool for implementing the national innovation policy. The analysis of legal acts regulating public procurement of innovative and high-tech goods showed the trends that potentially reduce the variability of procuring entities' actions and the transparency of procurement procedures. Based on the tools of narrative economics, the authors analyzed the attitude of actors (representatives of the state, business and academia) of the Russian innovation system to the existing practice of public procurement in the context of the national innovation policy. As a result, the work presents a typology of public procurement problems, discussed in mass media, for Russia's innovative development.

Scientific novelty: the considered narratives show that, in relation to the Russian innovation system, the public procurement subjects can act in the logic of the "principal-agent" theory, while the tendency to reduce transparency is welcomed by some actors.

Practical significance: institutional analysis of the recent changes in public procurement, including the rules governing the procurement of innovative and high-tech products, has revealed the devolution of formalized rules aimed at the implementation of state innovation policy. Together with the increased level of privacy in organizational activities of procuring entities, this carries the risks of not only increasing the level of opportunistic behavior of the public procurement market subjects, but also decreasing confidence in the entire public procurement system.

Keywords:

economic theory, public procurement, innovation policy, innovation, national innovation system, narrative economics, institutional economics

Financial Support

The research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 21-18-00562 "Development of the Russian innovation system in the context of narrative economics" at Southern Federal University. https://rscf.ru/project/21-18-00562/

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Tsygankov, S. S., Maskaev, A. I., & Volchik, V. V. (2024). Public procurement and innovation policy in Russia: a perspective of narrative economics. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 24–35. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.24-35

Введение

Основными акторами национальных инновационных систем (далее – НИС) в модели «тройной спирали» выступают государство, академия и бизнес (Ицковиц, 2011). Данный концепт возник в конце XX в. в результате осознания ключевой роли институтов во взаимодействии данных акторов (Metcalfe, 1995, p. 38), что в дальнейшем было отражено в основном в научных исследованиях в рамках институциональной и эволюционной экономики (Дежина, Киселева, 2007; Carayannis & Campbell, 2012; Вольчик и др., 2022a). Роль государства во взаимодействии между акторам НИС является основной и реализовывается в двух направлениях: во-первых, это создание формальных институтов (т. е. законодательства), регулирующих инновационную сферу, а во-вторых, как совокупность институтов, осуществляющих реализацию национальной инновационный политики (Вольчик и др., 2022b).

Естественно, государственные закупки не являются единственным инструментом, который государство может использовать для стимулирования инновационной деятельности. Государство может активизировать эту деятельность через регулирование прав интеллектуальной собственности, рынка труда, в области антимонопольного законодательства, законодательства в сфере инноваций, за счет институтов развития, в том числе в виде грантов на исследовательскую деятельность (Nemet, 2009; Constantini et al., 2015; Вольчик и др., 2022b; Ширяев и др., 2022; Chiappinelli et al., 2023).

Например, в рамках создания законодательной базы для развития инновационной сферы, куда можно отнести и законодательство о госзакупках, государством была введена в оборот такая организационно-правовая форма юридических лиц, как «хозяйственное партнерство»[1], что оценивалось достаточно позитивно в начальном периоде (Андреев, 2012; Стерледева, 2013), которая может способствовать инновационной активности бизнеса. Однако в более поздних исследованиях (Скворцова и др., 2017; Волос, 2021; Нагдалян, 2020; Самойлов, 2017) отмечалась фактическая неприменимость данной организационно-правовой формы для инновационных компаний из-за ее правовой природы. Более того, проведенный авторами анализ организаций по данным Единого государственного реестра юридических лиц показал, что по состоянию на 25 октября 2023 г. в России было зарегистрировано 69 организаций с данной организационно-правовой формой, из них 47 уже ликвидировано и всего лишь 22 действующих, из которых одна находится на стадии ликвидации. Это подтверждает выводы исследователей о фактической неприменимости данной организационно-правовой формы для инновационной деятельности и свидетельствует о сложности задачи государства по созданию формальных институтов, которые бы способствовали инновационному развитию страны.

В этом аспекте, учитывая значительную долю государственных закупок в ВВП, государству сложно их игнорировать при реализации своей инновационной политики (например, доля госзакупок[2] в ВВП России составляет около 27 %[3]). Используя потенциал государственных закупок, государство может широко их использовать для развития инноваций, технологий и экономического развития (Lember et al., 2014). За счет создания спроса на инновационную продукцию для удовлетворения нужд общественного сектора государство предлагает соответствующий рынок сбыта для организаций, которые производят инновационные товары либо выполняют (оказывают) соответствующие работы и услуги (Chiappinelli et al., 2023).

Цель статьи: на основе нарративного анализа СМИ выявить особенности функционирования системы государственных закупок применительно к развитию российской инновационной системы (далее – РИС).

Для достижения цели требовалось выполнение ряда задач. Во-первых, проанализировать существующую нормативно-правовую базу, связанную с инновационно ориентированными государственными закупками. Во-вторых, сформировать базу нарративов, содержащихся в федеральных и специализированных СМИ. В-третьих, выделить барьеры для развития РИС со стороны системы государственных закупок. В-четвертых, сравнить перспективы развития системы государственных закупок в нарративах различных типов акторов РИС (представителей академии, бизнеса и государства).

Государственные закупки, законодательство и инновации в России

Несмотря на формальную имплементацию элементов инновационной политики в отечественную систему государственных закупок еще в 2014 г. (год, когда вступил в силу Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ (далее – Закон № 44-ФЗ)[4] (Цыганкова, 2018; Tsygankov et al., 2021), в последнее время в российской

[1] О хозяйственных партнерствах. № 380-ФЗ от 03.12.2011. (2011). СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122730/

[2] В данном исследовании речь идет о широкой трактовке государственных закупок, включающих в себя закупки в рамках Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ и Федерального закона «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ.

[3] Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2020 год». https://ach.gov.ru/upload/iblock/123/442w02xo0vq4unq199jwxnr9mpow972c.pdf

[4] О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. № 44-ФЗ от 05.04.2013. (2013). СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/

системе государственных закупок наблюдается обратный процесс – деволюция[5] формализованных правил, направленных на реализацию инновационной политики (см. также Tsygankov, 2022). Так, в начале 2022 г. в контрактной системе из возможных способов закупок был исключен конкурс с ограниченным участием, который предназначался для закупок заказчиками инновационной и высокотехнологичной продукции, которая была утверждена Постановлением Правительства № 99[6]. По причине исключения конкурса с ограниченным участием в электронной форме из положений Закона № 44-ФЗ Постановление Правительства № 99 также было отменено. Как мы отмечали ранее, данное Постановление не было направлено на развитие государственной инновационной политики и преследовало единственную цель – дать возможность заказчикам проводить конкурс с ограниченным участием в электронной форме вместо электронного аукциона[7] (Tsygankov et al., 2021), чтобы победитель закупки определялся не только по цене.

Кроме того, в начале 2022 г. из возможных способов закупки также был исключен двухэтапный конкурс в электронной форме, который, согласно данным Минфина (всего шесть извещений в масштабе всей страны за 2021 г.)[8], был наименее распространенным среди всех конкурентных способов закупки (табл. 1). Тем не менее мы негативно оцениваем данную меру, поскольку вместо анализа причин отсутствия популярности данного способа и корректировки дизайна, условий проведения для повышения его значимости для заказчиков среди всех конкурентных способов закупки было принято решение идти по самому легкому пути, что дополнительным образом снизило вариативность выбора у заказчиков.

Таблица 1

Исключенные способы закупок для инновационных и высокотехнологичных товаров в контрактной системе в 2022 г.

Table 1. Type of procurement for innovative and high-tech goods in contract system excluded in 2022

Способ закупки / Method of procurement	Условия применения / Terms of application
Конкурс с ограниченным участием в электронной форме / Restricted tendering in electronic form	Если поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг по причине их технической и (или) технологической сложности, инновационного, высокотехнологичного или специализированного характера способны осуществить только поставщики (подрядчики, исполнители), имеющие необходимый уровень квалификации / If only suppliers (contractors, performers) with the required level of qualification are able to supply goods, perform works, render services due to their technical and (or) technological complexity, innovative, high-tech or specialized nature
Двухэтапный конкурс в электронной форме / Two-stage tendering in electronic form	При одновременном соблюдении следующих условий: 1) конкурс проводится для заключения: а) … на поставку инновационной и высокотехнологичной продукции; … 2) для уточнения характеристик объекта закупки необходимо провести его обсуждение с участниками закупки / If the following conditions are simultaneously met: 1) the tendering is held for the conclusion of: (a) ... for the supply of innovative and high-tech products; ... 2) in order to clarify the characteristics of the procurement object it is necessary to discuss it with the procurement participants

[5] То есть процесс, обратный институционализации.

[6] Постановление Правительства РФ № 99 от 04.02.2015. (2015). СПС «КонсультантПлюс». Документ утратил силу.

[7] Например, при закупке продуктов питания медицинскими учреждениями, если начальная цена превышала 500 тысяч рублей.

[8] Минфин России. (2022). Сводный аналитический отчет о результатах мониторинга закупок товаров, работ, услуг, осуществляемых в соответствии с Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», за 2021 г. https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/contracts/purchases?id_57=136263-svodnyi_analiticheskii_otchet_o_rezultatakh_monitoringa_zakupok_tovarov_rabot_uslug_osushchestvlyaemykh_v_sootvetstvii_s_federalnym_zakonom_o_kontraktnoi_sisteme_v_sfere_zakupok_tovarov_rabot_uslug_dlya_obespecheniya_gosudarstvennykh_i_munitsipalnykh_nuzhd_za_2021_g

Что касается закупок в рамках Федерального закона «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ (далее – Закон № 223-ФЗ)[9], то продолжается практика оппортунистического поведения заказчиков в рамках их отношения к закупкам инновационных и высокотехнологичных товаров. Например, АО «РЖД» в своем плане закупок инновационной и высокотехнологичной продукции на период с 2022 по 2026 г. включило услуги по доступу к информационно-справочным системам[10] и заправке картриджей[11]. С нашей точки зрения, это обусловлено отсутствием единого подхода к определению инновационной и высокотехнологичной продукции в данном сегменте рынка государственных закупок (Tsygankov et al., 2021), а также служит наглядным примером действия закона Кэмпбелла в рамках теории «принципала-агента» (Покусаенко, Вольчик, 2019). Использование количественных метрик вызывает адаптацию акторов и последующую эрозию показателя, если существует несоответствие между интересами принципала (в данном случае государства, преследующего цели инновационного развития) и агента (компаний, действующих по 223-ФЗ и реализующих собственные экономические интересы).

Еще одной проблемой относительно анализа реализации заказчиками государственной инновационной политики является снижение транспарентности, вызванное «антисанкционными» мерами, установленными Постановлением Правительства РФ от 6 марта 2022 г. № 301[12]. Оно позволило заказчикам, находящимся под санкциями, не размещать информацию о проводимых закупках в открытом доступе в Единой информационной системе в сфере закупок с 1 апреля 2022 г.

Нами были проанализированы специализированный список из 90 заказчиков, которые обязаны ежегодно отчитываться о закупках инновационной и высокотехнологичной продукции[13], а также информация о закупках этих организаций в Единой информационной системе в сфере закупок (www.zakupku.gov.ru). Проведенный анализ показал, что только 32 организации из 90 в настоящий момент размещают информацию о закупках публично в открытом доступе. Это в основном инфраструктурные, энергетические, энергосбытовые компании, а также организации из пищевой промышленности (например, птицефабрики). Среди заказчиков, которые не размещают информацию в открытом доступе, можно выделить организации из сфер приборостроения и машиностроения, а также акционерные общества с большой долей государственного участия. Такая имплементация приватности в организацию закупочной деятельности заказчика приводит к снижению контроля закупок со стороны общества, что, с одной стороны, чревато разрушением доверия к государственным институтам (Grimmelikhuijsen et al., 2017), а с другой – увеличивает риски оппортунистического поведения агентов на рынке государственных закупок (Stigler, 1964; Boehm & Olaya, 2006; Piga, 2011). Снижение доверия и рост оппортунизма в свою очередь ведут к росту трансакционных издержек, а значит, и снижению эффективности системы государственных закупок.

Результаты исследования

Нарративы о государственных закупках и инновациях

В данном исследовании российская инновационная система изучается с позиции методологии нарративного анализа экономики, что предполагает сочетание количественных и качественных методов. Количественный анализ нарративов предполагает анализ их вирусности и частоты употребления во взаимосвязи с экономической динамикой. Качественный подход, в свою очередь, направлен на выявление протомоделей, с помощью которых акторы объясняют причинно-следственные связи, а также на анализ идей, институтов и социального контекста (подробнее см. (Вольчик, 2022)).

---

[9] О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц. № 223-ФЗ от 18.07.2011. (2011). СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/

[10] Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок. https://zakupki.gov.ru/epz/orderplan/innovation/card/common-info.html?id=291165951&infoId=5615490

[11] Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок. https://zakupki.gov.ru/epz/orderplan/purchase-plan/card/position-info.html?id=765241&infoId=5615490

[12] Постановление Правительства РФ № 301 от 06.03.2022 (ред. от 20.12.2022). (2022). СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411094/

[13] Распоряжение Правительства РФ № 475-р от 21.03.2016 (ред. от 04.05.2023). СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195672/

Эмпирическая база нарративов № 1 для данного исследования состоит из 43 рейтинговых источников информации, которые включают в себя газеты, журналы и интернет-ресурсы, содержащихся в электронной базе периодических источников информации «Интегрум». Для выбора данных источников были использованы рейтинги компании «Медиалогия»: «Федеральные СМИ: 2020 год»[14].

Эмпирическая база нарративов № 2 состоит из 11 источников информации, содержащихся в электронной базе периодических источников информации «Интегрум», которые были экспертным образом отобраны в ходе исследования (табл. 2). Данные СМИ целенаправленно специализируются на инновационной сфере, либо в них имеется раздел, который посвящен инновациям (Вольчик, Маслюкова, 2023).

Временной отрезок для поиска нарративов был выбран с 1 января 2010 г. по 10 мая 2022 г.

Таблица 2

Ключевые слова (словосочетания) для поиска нарративов, относящихся к государственным закупкам и инновациям

Table 2. Key words (phrases) for searching narratives related to public procurement and innovation

Ключевые слова (словосочетания) / Key words (phrases)	Количество публикаций без повторов / Number of publications without repetitions	
	База № 1 / Database 1	База № 2 / Database 2
«Госзаказ» и «инновации» / “State order” and “innovation”	301	317
«Госзакупки» и «инновации» / “Public procurement” (abbreviated) and “innovation”	362	294
«Государственные закупки» и «инновации» / “Public procurement” (not abbreviated) and “innovation”	112	99
«Инновационные закупки» / “Innovative procurement”	8	2
«Инновационные госзакупки» / “Innovative public procurement”	2	1
«Закупки инновационной продукции» / “Procurement of innovative products”	33	13
«Закупки высокотехнологичной продукции» / “Procurement of high-tech products”	7	11

В результате анализа нарративов было выделено пять достаточно обширных тем.

Во-первых, все акторы осознают важность госзакупок для развития РИС. Эту позицию, с одной стороны, разделяют представители государственной власти, например, заместитель министра экономического развития РФ Олег Фомичев, подводя итоги дискуссии, отметил ряд мер, необходимых для инновационного развития страны: «*Основными трендами в этой работе стали оптимизация системы институтов развития в сфере инноваций, формирование налоговых льгот для инновационного бизнеса. В их числе стимулирование спроса на инновационную продукцию посредством реализации госкомпаниями программ инновационного развития, создание преференций для малого и среднего предпринимательства по государственным закупкам, совершенствование контрактной системы*»[15]. С другой стороны, бизнес также делает акцент на необходимости государственных закупок: «*Да, cloud-технологии стимулируют модернизацию ИТ-инфраструктуры и развертывание приватных/гибридных “облаков”, что, в свою очередь, увеличивает спрос на ЦОДы и серверное оборудование, но более заметным трендом для российского рынка является госзаказ*»[16].

[14] Подробнее об отборе источников для базы нарративов № 1 можно прочитать в наших предыдущих исследованиях, см. (Ширяев и др., 2022; Вольчик и др., 2022а).

[15] См. Маслов, В. (2015, 2 ноября). Киборг, Теслы и сапфир. Главные премьеры и ключевые моменты форума «Открытые инновации». Lenta.ru. http://lenta.ru/articles/2015/11/02/openinn/

[16] См.: Ермак С., Тетерева И. (2012, 21 мая). Органический год. Эксперт Урал, 20(511). https://expert-ural.com/archive/20-511/organicheskiy-god.html

Такое единодушие находится в некотором противоречии с изначальными взглядами участников РИС. В 1999 г. во время первых дискуссий о Законе «об инновационной политике»[17] существовало противопоставление мер поддержки инноваций за счет снижения налоговой нагрузки и с помощью госзакупок. По словам депутата И. Д. Грачева: «Совершенно неверно понимается поддержка государственная. Цель инновационного законодательства – привлечь частные деньги, потому что бюджетных никогда не хватает. И поддержка в основном сводится к налоговым льготам, а вовсе не к госзаказам, которые могут быть возвратными. <…> Не госзаказы являются основной формой инновационной поддержки во всем мире, а налоговые льготы всем и гарантии, небольшие, частным инвесторам»[18]. Именно недооценка роли государственных закупок для развития инноваций стала причиной непринятия данного закона. Сегодня уже сформировано понимание государственных закупок как неотъемлемого инструмента поддержки РИС.

Однако в рамках этой темы можно выделить особую подтему. А именно ряд представителей бизнеса предлагают **ответственность за инновационное развитие полностью переложить на государство или госкорпорации**, например: «*Нужен госзаказ на инновационную продукцию. Пока у рынка нет в ней потребности, внутреннего производителя должна поддерживать власть*»[19]; «*Если государство создает спрос, частный рынок пойдет за ним. В госвложениях нуждаются радиоэлектроника, дизеле- и судостроение*»[20] или «*частные участники IT-рынка опасаются лишиться доступа к госзаказам, заявляя одновременно о том, что недофинансирование компании не позволит создавать новые отечественные продукты и развивать рынок*»[21].

Но **госкорпорации, т. е. заказчики по 223-ФЗ, не заинтересованы в развитии инноваций** – это вторая обширная тема, выявленная в ходе анализа нарративов. Артем Хрюкин, исполнительный директор *Национального центра содействия развития экономической и промышленной политики, так описывает незаинтересованность госкорпораций в развитии инноваций: «Это видно на первых же переговорах по внедрению инновационной или нанопродукции в госзакупки или технологические циклы госкорпораций – лица напротив смотрят на тебя, а глаза говорят: "Отстань, инопланетянин, без тебя все уже распилили". Возникает чувство обреченности в отношении того, что творится вокруг»*[22]. Или, как сетует Наталья Касперская: «*Мы видим множество примеров, когда госкомпании предпочитали отечественному софту зарубежный, хотя наш продукт не уступал по качеству и функционалу. Я уверена, что властям необходимо запретить эту практику. Пусть госкомпании ругаются, пинают нас, высказывают претензии. Только так мы сможем совершенствовать свой продукт. О каком покорении мирового рынка можно говорить, если мы на своем не можем закрепиться?*»[23]

В-третьих, **провалы в регулировании инновационных госзакупок существуют уже длительное время.**

Схожие проблемы отмечаются в нарративах как в 2013 г.: «*Около трех процентов годового объема производства за треть года. В последующие четыре месяца отгрузим по госзаказу еще процентов тридцать, львиную долю, почти семьдесят процентов производства, в сентябре, октябре, ноябре, декабре. В итоге полгода предприятие несет огромные накладные расходы, а вторые полгода все живут и работают в ситуации жесткого аврала: отгружают, монтируют, обучают и т. д. Если загрузка будет более равномерной, а планирование долгосрочным, это, безусловно, серьезно облегчит жизнь производителям*»[24], так и в 2022 г.: «*Исполнение по нацпроектам никогда не было равномерным. Оно зависит от закупочного цикла, переходящих*

[17] Аналогичный закон не принят до сих, в чем видится один из «провалов» РИС (подробнее см. (Вольчик и др. 2022a; Вольчик и др., 2022b).

[18] Из стенограммы заседания Государственной Думы 19 ноября 1999 г. http://api.duma.gov.ru/api/transcriptFull/1999-11-19

[19] Колбина, Л. (2012, 16 апреля). Как пройти долину смерти. Эксперт Урал, 15(507). https://expert-ural.com/archive/15-507/kak-proyti-dolinu-smerti.html

[20] Полякова, И. (2013, 8 апреля). Промышленные перспективы Петербурга. Эксперт Северо-Запад, 14(611), 26–28.

[21] См. Смирнова, Г. (2019, 16 декабря). Еще одна государственная корпорация? Бизнес – против. Регнум. https://regnum.ru/news/economy/2809198.html

[22] Хрюкин, А. (2011, 27 декабря). Артем Хрюкин: Саботаж модернизации в России: «Отстань инопланетянин, без тебя все уже распилили!». Регнум. http://www.regnum.ru/news/economy/1484356.html

[23] Ермак С., Тетерева, И. (2014, 27 октября). Партия, скажи «надо». Эксперт Урал, 44(621). https://expert-ural.com/archive/nomer-44-621/partiya-skazhi-nado.html

[24] Головнев, О. (2013, 22 апреля). Вертикаль технологий. Эксперт, 16(848).

мероприятий, могут быть и другие объективные и субъективные причины. Более того, в первом квартале уровень исполнения бюджета традиционно ниже, чем в других кварталах, и "добор" осуществляется особенно в четвертом квартале». По словам эксперта, как правило, это связано с «запаздыванием подготовки проектной документации, задержками в строительстве объектов, отсутствием необходимой нормативной базы, процедурами проведения конкурсов по государственным закупкам»[25].

«*Но в системе госзакупок во главу угла поставлена экономия бюджетных средств. А потому таким параметрам, как экономическая эффективность проекта, минимизация затрат на его реализацию и дальнейшую эксплуатацию объекта, внимание не уделяется. Инновации становятся непозволительной роскошью. За рубежом, к слову, практикуется иной подход. Там главным критерием выступает эффективность проекта, а потому на тендере предпочтение отдается не самой дешевой, а наиболее экономически эффективной технологии*» [26]. Этот нарратив релевантен подходу государства к пониманию экономии как основного показателя эффективности в государственных закупках (Мельников, 2022; Яковлев и др., 2020), что, в свою очередь, тяжело соотносится с задачами по развитию инноваций.

Это подводит нас к четвертому блоку проблем – **зачастую под инновациями понимается импортозамещение, а не создание нового продукта**. Чаще всего данный взгляд присутствует в нарративах государственных руководителей высокого уровня: «*Важно также эффективно настроить механизм государственных закупок, чтобы он работал в интересах российского производителя, поощрял производство современной, качественной, востребованной техники. В рамках федеральной контрактной системы уже введены ограничения для импортных поставок при закупках для нужд обороны и безопасности, а также по отдельным видам продукции машиностроения и легкой промышленности*»[27]. «*Существует явно избыточная зависимость от простейших импортных комплектующих. В связи с этим политика импортозамещения должна быть ориентирована на постепенную модернизацию производств за счет привлечения технологического импорта и снижения на этой основе зависимости от импорта комплектующих и инвестиционного оборудования*»[28].

В-пятых, **участники рынка ждут преференций в госзакупках**. Особенно это заметно при рассмотрении отраслей, имеющих особую общественную значимость, например в сфере медицины и фармацевтики[29]. По мнению одного из ведущих российских разработчиков и производителей инновационного медицинского оборудования для лучевой диагностики Али Эйлазова, в это тяжелое время «*правительство должно поддержать отечественного производителя, сохранив и, возможно, расширив меры по регулированию допуска иностранных производителей к государственным закупкам*»[30]. Или, как предлагал Петр Родионов, директор компании «Герофарм»: «*Скорее уместно сказать не о снижении входных барьеров на рынок, а о мерах поддержки, преференциях локальным производителям. Основным таким инструментом поддержки мог бы стать гарантированный объем закупки в регионах посредством заключения специальных инвестиционных контрактов. Определенный гарантированный объем сбыта мог бы помочь инвестору в расчете финансовых моделей. Есть и другие механизмы поддержки, которые работают сегодня, – субсидии, содействие фондов, ими можно пользоваться. Но определенные преференции в области государственных закупок были бы самой эффективной мерой*»[31]. В нарративах делается упор на взаимной выгоде компаний (получающих большую прибыль) и общества (получающего доступ к более современным лекарствам).

---

[25] Башкатова, А. (2022, 17 апреля). Нацпроекты в изменившихся условиях стали дороже почти на 30 процентов. Независимая газета. https://www.ng.ru/economics/2022-04-17/1_8419_realization.html

[26] Денисенко, Е. (2013, 28 января). Системная ошибка. Эксперт Северо-Запад, 4(601), 40–42.

[27] Медведев, Д. А. (2015, 14 января). «РГ» публикует программную речь Дмитрия Медведева на Гайдаровском форуме. RG.Ru. https://rg.ru/2015/01/14/medvedev-stenogramma.html

[28] Кудияров, С., Обухова, Е., Огородников, Е., Хазбиев, А. (2020, 22 июня). Прибрать к рукам добавленную стоимость. Эксперт, 26(1167), 13–17.

[29] О дискриминационных мерах относительно интеллектуальной собственности подробнее см. (Ширяев и др., 2022).

[30] Медовников, Д., Механик, А. (2020, 6 марта). Будем помогать национальным чемпионам? Стимул. https://stimul.online/articles/sreda/budem-pomogat-natsionalnym-chempionam/

[31] Куркин, К. (2015, 5 октября). Миллиардеры из пробирки. Эксперт Северо-Запад, 41–42(716), 7–9.

Заключение

Рассмотренные нарративы подтверждают, что применительно к НИС России субъекты системы государственных закупок могут действовать в логике теории «принципала-агента» (Soudry, 2007). В первую очередь это относится к государственным корпорациям, которые преследуют собственные экономические интересы, а интересы государства-принципала (такие как удовлетворение потребностей в инновационной продукции или содействие инновационному развитию) реализуются по остаточному принципу только при условии создания дополнительной системы стимулов.

Более того, можно сделать вывод, что реальная тенденция на снижение транспарентности системы государственных закупок соотносится с представлениями основных акторов о желаемом направлении изменений, изложенными в нарративах в СМИ. Даже представители малого и среднего бизнеса в качестве условия для развития инноваций называют меры институционального характера, например, создание преференций: либо посредством налогового законодательства, либо через ограничение доступа иностранных производителей.

Список литературы

Андреев, В. (2012). Организационно-правовая форма хозяйственного партнерства. *Хозяйство и право*, 12, 62–66.

Волос, А. А. (2021). Хозяйственное партнерство: вопросы теории и практики. *Правовая политика и правовая жизнь*, *1*, 77–83.

Вольчик, В. В., Маслюкова, Е. В., Пантеева, С. А. (2022). Российская инновационная система в моделях и нарративах. *Журнал Новой экономической ассоциации*, *2*(59), 143–166.

Вольчик, В. В., Маслюкова, Е. В. (2023). Нарративы о российской инновационной системе в средствах массовой информации. *Terra Economicus*, *21*(4), 25–37. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-25-37

Вольчик, В. В. (2022). К вопросу о теории и методологии нарративной экономики. *Вопросы теоретической экономики*, *3*, 31–46.

Вольчик, В. В., Цыганков, С. С., Маскаев, А. И. (2022). Формальные институты российской инновационной системы в свете нарративной экономики. *Всероссийский экономический журнал ЭКО*, *10*(580), 110–128.

Вольчик, В. В., Цыганков, С. С., Фурса, Е. В., Ширяев, И. М., Маскаев, А. И. (2022). Институты и механизмы регулирования российской инновационной системы в зеркале нарративов. *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*, *13*(4), 6–23.

Дежина, И., Киселева, В. (2007). «Тройная спираль» в инновационной системе России. *Вопросы экономики*, 12, 123–135.

Ицковиц, Г. (2011). Модель тройной спирали. *Инновации*, *4*, 5–10.

Мельников, В. В. (2022). Эффективность госзакупок и роль конкуренции. *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, *14*(3), 119–131. https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.3.119-131

Нагдалян, Д. А. (2020). Природа и проблемы организационно-правовой формы хозяйственного партнерства. *Вопросы российской юстиции*, *7*, 247–257.

Покусаенко, М. А., Вольчик, В. В. (2019). Качество высшего образования в контексте институциональных изменений. *Journal of Economic Regulation*, *10*(2), 121–131. https://doi.org/10.17835/2078-5429.2019.10.2.121-131

Самойлов, И.А. (2017). Хозяйственное партнерство как лидер развития коррупционных рисков в корпоративном законодательстве. *Журнал предпринимательского и корпоративного права*, 1, 24–27.

Скворцова, Т. А., Милов, А. А., Зайцева, П. С. (2017). Организационно-правовые формы осуществления инновационной деятельности. *Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал*, *3*, 204–206.

Стерледева, Л. А. (2013). Хозяйственное партнерство, инвестиционное товарищество – новые формы в предпринимательской деятельности. *Вестник Курганской ГСХА*, *2*(6), 76–80.

Цыганкова, Е. М. (2018). Государственные закупки инновационной продукции в России. *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*, *9*(4), 134–145. https://doi.org/10.17835/2078-5429.2018.9.4.134-145

Ширяев, И. М., Маскаев, А. И., Цыганков, С. С. (2022). Институт интеллектуальной собственности в контексте развития российской инновационной системы. *Russian Journal of Economics and Law*, *16*(2), 275–293. http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.275-293

Яковлев, А. А., Балаева, О. Н., Родионова, Ю. Д., Ткаченко, А. В. (2020). Проблемы и эффективность госзакупок глазами их участников. *Всероссийский экономический журнал ЭКО*, *50*(11), 83–103. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-11-83-103

Boehm, F., & Olaya, J. (2006). Corruption in public contracting auctions: the role of transparency in bidding processes. *Annals of Public and Cooperative Economics*, *77*(4). https://doi.org/10.1111/j.1467-8292.2006.00314.x

Carayannis, E. G., & Campbell, D. F. J. (2012). Mode 3 Knowledge Production in Quadruple Helix Innovation Systems. In *SpringerBriefs in Business* (Vol. 7). Springer. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-2062-0_1

Chiappinelli, O., Giuffrida, L. M., & Spagnolo, G. (2023). *Public procurement as an innovation policy: Where do we stand?* ZEW Discussion Papers, 23-002. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4343668

Costantini, V., Crespi, F., Martini, C., & Pennacchio, L. (2015). Demand-pull and technology-push public support for eco-innovation: The case of the biofuels sector. *Research Policy*, *44*(3), 577–595.

Grimmelikhuijsen, S. G., Weske, U., Bouwman, R., & Tummers, L. (2017). Public Sector Transparency. In O. James, S. Jilke, & G. Van Ryzin (Eds.), *Experiments in Public Management Research. Challenges and Contributions* (pp. 291–312). Cambridge University Press.

Lember, V., Kattel, R., & Kalvet, T. (Eds.). (2014). *Public procurement, innovation and policy: International perspectives*. Springer Science & Business Media. https://doi.org/10.1007/978-3-642-40258-6

Metcalfe, J. S. (1995). Technology systems and technology policy in an evolutionary framework. *Cambridge Journal of Economics*, *19*(1), 25–46. https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.cje.a035307

Nemet, G. F. (2009). Demand-pull, technology-push, and government-led incentives for non-incremental technical change. *Research Policy*, *38*(5), 700–709. https://doi.org/10.1016/j.respol.2009.01.004

Piga, G. (2011). A fighting chance against corruption in public procurement? In Rose-Ackerman & Søreide (Eds.), *The International Handbook on the Economics of Corruption, Volume II*. Edward Elgar Publishing. https://doi.org/10.4337/9780857936523.00012

Soudry, O. (2007). A principal-agent analysis of accountability in public procurement. In Khi V. Thai (Ed.), *Advancing public procurement: Practices, innovation and knowledge-sharing*) (pp. 432–451). https://www.ippa.org/IPPC2/BOOK/Chapter_19.pdf

Stigler, G. J. (1964). A theory of Oligopoly. *Journal of Political Economy*, *72*(1), 44–61. https://doi.org/10.1086/258853

Tsygankov, S. (2022, October). Russian Public Procurement and National Innovation Policy. In *Gsom Emerging Markets Conference 2022*. https://ssrn.com/abstract=4445432

Tsygankov, S., Syropyatov, V., & Volchik, V. (2021). Institutional Governance of Innovations: Novel Insights of Leadership in Russian Public Procurement. *Economies*, *9*(4), 189. https://doi.org/10.3390/economies9040189

References

Andreev, V. (2012). The organizational-legal form of economic partnership. *Economy and Law*, 12, 62–66. (In Russ.).

Boehm, F., & Olaya, J. (2006). Corruption in public contracting auctions: the role of transparency in bidding processes. *Annals of Public and Cooperative Economics*, *77*(4). https://doi.org/10.1111/j.1467-8292.2006.00314.x

Carayannis, E. G., & Campbell, D. F. J. (2012). Mode 3 Knowledge Production in Quadruple Helix Innovation Systems. In *SpringerBriefs in Business* (Vol. 7). Springer. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-2062-0_1

Chiappinelli, O., Giuffrida, L. M., & Spagnolo, G. (2023). *Public procurement as an innovation policy: Where do we stand?* ZEW Discussion Papers, 23-002. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4343668

Costantini, V., Crespi, F., Martini, C., & Pennacchio, L. (2015). Demand-pull and technology-push public support for eco-innovation: The case of the biofuels sector. *Research Policy*, *44*(3), 577–595.

Dezhina I., & Kiseleva V. (2007). «Triple Helix» in Russia's Innovation System. *Voprosy Ekonomiki*, *12*, 123–135. (In Russ.).

Etzkowitz H. (2001). Triple Helix Model. *Innovations*, 4, 5–10. (In Russ.).

Grimmelikhuijsen, S. G., Weske, U., Bouwman, R., & Tummers, L. (2017). Public Sector Transparency. In O. James, S. Jilke, & G. Van Ryzin (Eds.), *Experiments in Public Management Research. Challenges and Contributions* (pp. 291–312). Cambridge University Press.

Lember, V., Kattel, R., & Kalvet, T. (Eds.). (2014). *Public procurement, innovation and policy: International perspectives*. Springer Science & Business Media. https://doi.org/10.1007/978-3-642-40258-6

Melnikov, V. V. (2022). Efficient public procurement and the role of competition. *Journal of Institutional Studies*, *14*(3), 119–131. (In Russ.). https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.3.119-131

Metcalfe, J. S. (1995). Technology systems and technology policy in an evolutionary framework. *Cambridge Journal of Economics*, *19*(1), 25–46. https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.cje.a035307

Nagdalyan, D. (2020). Nature and problems of a legal form of an economic partnership. *Issues of Russian Justice*, 7, 247–257. (In Russ.).

Nemet, G. F. (2009). Demand-pull, technology-push, and government-led incentives for non-incremental technical change. *Research Policy*, *38*(5), 700–709. https://doi.org/10.1016/j.respol.2009.01.004

Piga, G. (2011). A fighting chance against corruption in public procurement? In Rose-Ackerman & Søreide (Eds.), *The International Handbook on the Economics of Corruption, Volume II*. Edward Elgar Publishing. https://doi.org/10.4337/9780857936523.00012

Pokusaenko, M. A., & Volchik, V. V. (2019). Quality of Higher Education in the Context of Institutional Change. *Journal of Economic Regulation*, *10*(2), 121–131. (In Russ.). https://doi.org/10.17835/2078-5429.2019.10.2.121-131

Samoylov, I. A. (2017). Economic partnership as a leader of development of corruption risks in corporate law. *Journal of Business and Corporate Law*, 1, 24–27. (In Russ.).

Shiriaev, I. M., Maskaev, A. I., & Tsygankov, S. S. (2022). Institute of intellectual property in the context of the Russian innovative system development. *Russian Journal of Economics and Law*, *16*(2), 275–293. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.275-293

Skvortsova, T. A., Milov, A. A., & Zaitseva, P. S. (2017). Organizational-legal forms of implementation of innovative activities. *Gaps in Russian Legislation*, 3, 204–206. (In Russ.).

Soudry, O. (2007). A principal-agent analysis of accountability in public procurement. In Khi V. Thai (Ed.) *Advancing public procurement: Practices, innovation and knowledge-sharing*) (pp. 432–451). https://www.ippa.org/IPPC2/BOOK/Chapter_19.pdf

Sterledeva, L. A. (2013). Economic partnership, investment association – new forms in business activity. *Bulletin of the Kurgan State Agricultural Academy*, *2*(6), 76–80. (In Russ.).

Stigler, G. J. (1964). A theory of Oligopoly. *Journal of Political Economy*, *72*(1), 44–61. https://doi.org/10.1086/258853

Tsygankov, S. (2022, October). Russian Public Procurement and National Innovation Policy. In *Gsom Emerging Markets Conference 2022*. https://ssrn.com/abstract=4445432

Tsygankov, S., Syropyatov, V., & Volchik, V. (2021). Institutional Governance of Innovations: Novel Insights of Leadership in Russian Public Procurement. *Economies*, *9*(4), 189. https://doi.org/10.3390/economies9040189

Tsygankova, E. M. (2018). Public procurement of innovation production in Russia. *Journal of Economic Regulation*, *9*(4), 134–145. (In Russ.). https://doi.org/10.17835/2078-5429.2018.9.4.134-145

Volchik V., Tsygankov S., Maskaev A. (2022). Formal Institutions of the Russian Innovation System in the Light of Narrative Economics. *ECO*, *10*(580), 110–128. (In Russ.).

Volchik, V. V. (2022). To the issue of the theory and methodology of narrative economics. *Issues of economic theory*, 3, 31–46. (In Russ.).

Volchik, V. V., Maslyukova, E. V., & Panteeva, S. A. (2022). Russian innovation system in models and narratives. *Journal of the New Economic Association*, *2*(59), 143–166. (In Russ.).

Volchik, V. V., Tsygankov, S. S., Fursa, E. V., Shiriaev, I. M., & Maskaev, A. I. The institutions and mechanisms of the Russian innovation system's regulation in the mirror of narratives. *Journal of Economic Regulation*, *13*(4), 6–23. (In Russ.).

Volchik, V., & Maslyukova, E. (2023). Narratives about the Russian innovation system in the mass media. *Terra Economicus*, *21*(4), 25–37. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-25-37

Volos, A. A. (2021). Business partnership: issues of theory and practice. *Legal Policy and Legal Life*, 1, 77–83. (In Russ.).

Yakovlev, A., Balaeva, O., Rodionova, Yu., & Tkachenko, A. (2020). Problems and Efficiency of Public Procurement through the Eyes of their Participants. *ECO*, *50*(11), 83–103. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-11-83-103

Вклад авторов

С. С. Цыганков осуществлял разработку концепции и структуры исследования, формировал цели и задачи исследования, проводил систематизацию материалов исследования.

А. И. Маскаев проводил обзор литературы, сбор и анализ данных, формировал выводы по результатам исследования.

В. В. Вольчик формировал теоретическую рамку исследования системы государственных закупок в контексте российской инновационной системы.

The author's contributions

S. S. Tsygankov developed the research concept and structure, formed the research goals and objectives, and systematized the research materials.

A. I. Maskaev conducted literature review, collected and analyzed data, formed conclusions on the research results.

V. V. Volchik formed the theoretical framework for the study of public procurement system in the context of the Russian innovation system.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Один из авторов (В. В. Вольчик) является членом редколлегии журнала Russian Journal of Economics and Law. Статья прошла рецензирование на общих основаниях / One of the authors (V. V. Volchik) is a member of the Editorial Board of the Russian Journal of Economics and Law. The article has been reviewed on the usual terms.

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 21.01.2024
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 25.02.2024
Дата принятия в печать / Accepted 25.02.2024

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА / REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS

Редактор рубрики *Н. С. Селиверстова* / Rubric editor *N. S. Seliverstova*

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.36-69**

УДК 330.1:332.1:338.1:338.2:339.9
JEL: E, F, F51, H12, O11, R1

Д. В. Манушин[1]

[1] *Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова, г. Казань, Россия*

Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025. Часть 2: Последствия войны санкций, управление изменениями, уточнение понятий исследования

Манушин Дмитрий Викторович, доктор экономических наук, профессор кафедры финансового менеджмента экономического факультета, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова
E-mail: predmet22@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-2799-9235
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/L-9620-2016
eLIBRARY SPIN-код: 8588-3619

Аннотация

Цели: изучение и прогнозирование состояния российской экономики после активизации санкционной войны, формализация антисанкционной и санкционной экономической политики России.

Методы: использованы такие приемы абстрактно-логического метода, как анализ, синтез, дедукция, индукция, аналогия, формализация, прогнозирование.

Результаты: Проанализированы (2006–2023 гг.) и спрогнозированы (2024–2025 гг.) основные макроэкономические показатели России. Дана оценка влияния санкций на тренды развития отраслей, вносящих ключевой вклад в формирование ВВП России. В результате выявлены отрасли, ставшие драйверами развития экономики страны, а также отрасли, подвергшиеся наиболее существенному давлению в результате введения антироссийских санкций. Сравнительный анализ показателей позволил сделать вывод о том, что российская экономика в целом в среднесрочном периоде справилась с санкционной нагрузкой лучше, чем мировая экономика с последствиями санкционной войны. Сделаны выводы по результатам антироссийских санкций и ответным мерам России. Формализована санкционная, антисанкционная и контрсанкционная экономическая политика России.

Научная новизна: уточнены понятия «санкционная экономическая политика», «антисанкционная экономическая политика», «контрсанкционная экономическая политика», «санкционная политика», «антисанкционная политика», «контрсанкционная политика». Выявлены основные цели санкционной и антисанкционной экономической

© Манушин Д. В., 2024

политики России. Дополнены принципы санкционной и антисанкционной политики России. Обнаружено, что российская санкционная экономическая политика является открытой, рациональной, защитной и протекционистской. Выявлено, что антисанкционная экономическая политика России является сильно политизированной, среднесрочной и протекционистской. Обозначены основные направления развития антисанкционной и санкционной экономической политики России.

Практическая значимость: полученные результаты позволят понять суть, причины и процессы в области управления санкционной и антисанкционной деятельностью России, точнее спрогнозировать ее результаты и определить меры по коррекции антисанкционной и санкционной политики РФ.

Ключевые слова:

региональная и отраслевая экономика, санкционная политика, антисанкционная политика, контрсанкционная политика, санкционная война, антикризисные мероприятия, управление антироссийскими санкциями, управление национальной экономикой, антикризисное управление, управление кризисами в экономике

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Манушин, Д. В. (2024). Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025. Часть 2: Последствия войны санкций, управление изменениями, уточнение понятий исследования. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 36–69. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.36-69

Scientific article

D. V. Manushin[1]

[1] *Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia*

Anti-sanction and sanction economic policy of Russia in 2022–2025. Part 2: Aftermaths of sanctions war, management of changes, clarification of research concepts

Dmitriy V. Manushin, Dr. Sci. (Economics), Professor of the Department of Financial Management, Faculty of Economics, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
E-mail: manushin@ieml.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-2799-9235
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/L-9620-2016
eLIBRARY SPIN-код: 8588-3619

Abstract

Objectives: to study and forecast the state of the Russian economy after the intensification of the sanctions war and formalization of the Russian anti-sanctions and sanctions economic policy.

Methods: the research uses such techniques of abstract-logical method as analysis, synthesis, deduction, induction, analogy, formalization, and forecasting.

Results: The main macroeconomic indicators of Russia were analyzed (2006–2023) and forecasted (2024–2025). The impact of sanctions on the negative trends in the development of industries mainly contributing to the Russia's GDP was assessed. As a result, the author identified the industries that have become drivers of the country's economic development, as well as those subjected to the most significant pressure as a result of the sanctions. the comparative analysis of indicators allowed us to conclude that the Russian economy as a whole in the medium term coped with the sanctions load better than the world economy with the consequences of the sanction war. Conclusions were made on the results of anti-Russian sanctions and Russia's response measures. Russia's sanctions, anti-sanctions and counter-sanctions economic policy was formalized.

Scientific novelty: the concepts of "sanctions economic policy", "anti-sanctions economic policy", "counter-sanctions economic policy", "sanctions policy", "anti-sanctions policy", "counter-sanctions policy" were clarified. The main goals of sanctions and anti-sanctions economic policy of Russia were revealed. The principles of Russia's sanctions and anti-sanctions policy were supplemented. It was shown that the Russian sanctions economic policy is open, rational, protective and protectionist. It was found that Russia's anti-sanctions economic policy is highly politicized, medium-term and protectionist. The main directions of development of anti-sanctions and sanctions economic policy of Russia were outlined.
Practical significance: the obtained results will allow understanding the essence, causes and processes in the management of the Russia's sanctions and anti-sanctions activity, predicting its results more accurately, and determining measures to correct the anti-sanctions and sanctions policy of the Russian Federation.

Keywords:
regional and branch economics, sanctions policy, anti-sanctions policy, counter-sanctions policy, sanctions war, anti-crisis measures, anti-Russian sanctions management, national economy management, anti-crisis management, crisis management in the economy

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Manushin, D. V. (2024). Anti-sanction and sanction economic policy of Russia in 2022–2025. Part 2: Aftermaths of sanctions war, management of changes, clarification of research concepts. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 36–69. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.36-69

Введение

К настоящему моменту российскую экономику около двух лет подтачивают антироссийские санкции. В первой части исследования (Манушин, 2023) выявлено, что санкции направлены преимущественно на снижение эффективности работы российской экономики, а ограничение экспорта и импорта России во многом является демонстративным и почти не ограничивает внешнюю торговлю. Так, «санкции оказали заградительный эффект лишь на те товары, для которых была найдена более подходящая замена, и товары, ставшие недоступными из-за повышения цены» (Манушин, 2023, с. 782). В то же время США и их союзники действительно настроены добиться регресса технологий в ключевых отраслях России (финансовой, оборонной, энергетической, авиационной и др.).

После того как Англии и США не удалось разрушить российскую экономику первым масштабным ударом (путем введения за 1,5 мес. пяти пактов санкций), они изменили свои планы. Так, шестой и последующие пакеты антироссийских санкций в первую очередь были направлены на разрушение экономики Евросоюза и обнищание европейских стран (Манушин, 2023, с. 789). Смещение фокуса санкций Англии и США на ЕС и превращение санкционной войны с Россией в демонстративную (Манушин, 2023, с. 789) не избавило Российскую Федерацию от санкционного давления. Так, основное ожидаемое событие (война ЕС с Россией) оказалось отложено до наступления удобного случая, а введенные ограничения вынудили Российскую Федерацию часть торговых потоков перенаправить из Европы в Азию и торговать с ЕС через другие страны, увеличивая свои транспортные издержки.

В этой ситуации важно не допустить сохранения постоянной угрозы нападения от недружественной Украины; показать бесперспективность конфликта ЕС и России; перейти от разрозненных действий по облегчению санкционного давления к реализации активной и системной антисанкционной и санкционной экономической политики России.

Переход к активной форме санкционной войны осложняется отсутствием понимания сути российской антисанкционной и санкционной экономической политики. К сожалению, экспертное и научное сообщество, как правило, ограничивается обсуждением отдельных ответных санкций, антисанкционных и контрсанкционных мер. В то время как накопленный Россией в 2022–2024 гг. опыт сопротивления санкциям уже позволяет перейти от ситуационного реагирования к реализации санкционной и антисанкционной экономической политики РФ.

В первой части этого исследования (Манушин, 2023) обнаружено, что антисанкционная и санкционная политика Российской Федерации реализуется путем ситуационного реагирования. Попытки формализовать санкционную экономическую политику 2022–2024 гг. предпринимались в единичных исследованиях, в основном в форме уточнения ее определения (табл. П1 Приложения). В процессе формализации антисанкционной экономической политики 2022–2024 гг. обнаружены единичные попытки уточнения этого понятия (табл. П1 Приложения) и реализации разрозненных антисанкционных мер (их можно объединить в рамках трех подходов: макроэкономического, отраслевого и регионального) с получением ряда успешных результатов. Все это обуславливает важность постановки следующих целей[1]:

1. Оценить и спрогнозировать результаты антироссийских санкций, санкционных и антисанкционных мер России в 2022–2025 гг. Для этого нужно проанализировать (2006–2023 гг.) и спрогнозировать (2024–2025 гг.) ключевые макроэкономические показатели России. Это позволит понять основные проблемы и перспективы российской экономики в санкционных условиях.

2. Оценить, спрогнозировать и сделать выводы об ожидаемом и реальном результате введения антироссийских санкций 2022–2023 гг. с учетом реализации санкционных и антисанкционных мер Российской Федерации в краткосрочном и долгосрочном периодах в таких основных санкционных направлениях, как политическое, военное, финансово-экономическое, секторальное и социальное.

3. Раскрыть суть санкционной экономической политики России.

4. Формализовать антисанкционную экономическую политику России.

Оценка и прогноз результатов антироссийских санкций, санкционных и антисанкционных мер Российской Федерации в 2006–2025 гг.

Для оценки результатов антироссийских санкций, санкционных и антисанкционных мер России изучены основные социально-экономические показатели российской экономики[2]:

– индекс потребительских цен России, Еврозоны, США и Китая (рис. 1);

– динамика физического объема ВВП РФ и мира (рис. 2);

– влияние отраслей на ВВП РФ (табл. 1);

– изменение индекса производства по основным видам добывающих и обрабатывающих производств РФ (табл. 2);

– число открывшихся и закрывшихся компаний в России (рис. 3);

– величина нефтегазовых и ненефтегазовых доходов в федеральном бюджете РФ (рис. 4).

Большинство показателей изучено в период с 2006 по 2023 г., что обусловлено необходимостью сравнить текущий санкционный кризис с финансовым кризисом 2008–2009 гг., санкционным кризисом 2014–2015 гг. и пандемией COVID-19 2020–2021 гг. При изучении факторов, повлиявших на изменение ВВП РФ в 2021–2022 гг., изучение столь длительных изменений не требовалось, поэтому решено ограничиться сравнением с ближайшими предыдущими годами.

Основными макроэкономическими результатами являются инфляция и ВВП РФ, которые рассмотрены на рис. 1 и 2.

В России в течение всего анализируемого периода темпы роста инфляции превышали темпы роста инфляции Китая, США и стран еврозоны.

При сравнении темпов инфляции России с изменением инфляции в Китае, США и еврозоне можно заключить, что в кризис 2008 г. увеличились цены у всех изучаемых объектов (в России и Китае с отставанием на один год от США и ЕС), в 2014 г. повышение цен коснулось только России, а в 2022 г. высокие темпы инфляции наблюдались во всех изучаемых странах, хотя США и Китай пострадали в меньшей степени, чем

[1] Взаимосвязь этих целей с целями первой и третьей частей исследования раскрыта в первой части этой работы (Манушин, 2023).

[2] Выбор инфляции и ВВП РФ связан с тем, что это основные показатели, характеризующие макроэкономику РФ. Два последующих показателя позволили определить факторы, влияющие на изменение ВВП РФ в 2022–2023 гг. В связи с активно обсуждаемыми проблемами банкротства ряда российских компаний важно изучить данные, позволяющие подтвердить или опровергнуть эти утверждения. В связи с тем, что многие санкции наложены на экспорт топливно-энергетических товаров, изучены нефтегазовые и ненефтегазовые доходы РФ.

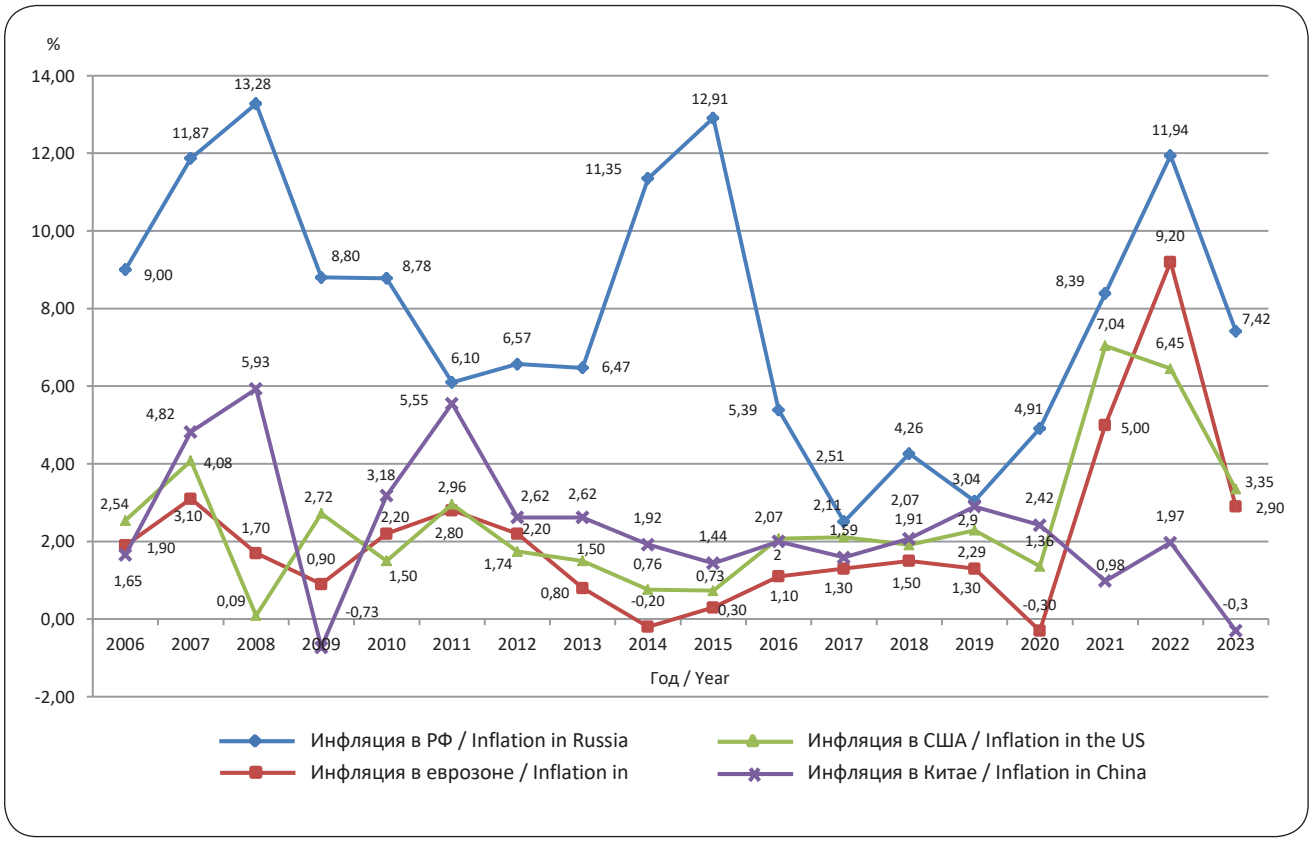


Рис. 1. Индекс потребительских цен в 2006–2023 гг. России, стран еврозоны, США и Китая, в % к декабрю предыдущего года

Fig. 1. Consumer price index in 2006-2023 in Russia, EU, USA and China, % of December of the previous year

Источник / Source: [3, 4, 5, 6, 7, 8, 9].

Россия и еврозона. В 2023 г. темпы инфляции снизились у всех изучаемых объектов, что связано с антикризисными мерами, реализованными почти во всех странах мира. Одним из факторов успешности этих мер будет являться стабильность снижения инфляции в последующие годы. В 2023 г. страной, в наибольшей степени снизившей негативное воздействие мировой санкционной экономики на свое население, стал Китай.

В 2006–2021 гг. темпы инфляции в США весьма схожи с темпами инфляции в еврозоне. В 2022 г. в США улучшились показатели инфляции, а в еврозоне заметно ухудшились. В 2023 г. инфляция в еврозоне (2,9 %) и США (3,35 %) находилась на примерно одинаковом уровне.

При сравнении темпов инфляции России и Китая с 2009 по 2020 г. обнаружено, что кризисы в Китае благоприятно отражались на темпах инфляции в России. Так, «перегрев» китайской экономики в 2010–2012 гг.[10]

---

[3] Индексы потребительских цен по Российской Федерации в 1991–2022 гг. (2022, 8 июня). Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ind_potreb_cen_05.html

[4] Банк России. (2023, 19 января). Динамика потребительских цен. https://cbr.ru/analytics/dkp/dinamic/CPD_2022-12/

[5] Eurozone Historical Inflation Rates. (2024). Inflation Tool. https://www.inflationtool.com/rates/euro/historical

[6] United States Historical Inflation Rates. (2024). Inflation Tool. https://www.inflationtool.com/rates/usa/historical

[7] 中国历年居民消费价格通货膨涨率(CPI增长率). (2023). 于快易理财网. https://www.kylc.com/stats/global/yearly_per_country/g_inflation_consumer_prices/chn.html

[8] Об индексе потребительских цен в декабре 2023 года. (2024, 12 января). Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1_12-01-2024.html

[9] China Inflation Rate. (2024). Inflation Tool. https://www.inflationtool.com/rates/china

[10] Китай и его дисбалансы. (2012, 12 августа). РБК. https://www.rbc.ru/economics/12/08/2011/5703eab29a79477633d36769?ysclid=lo6yy0sjif439248063

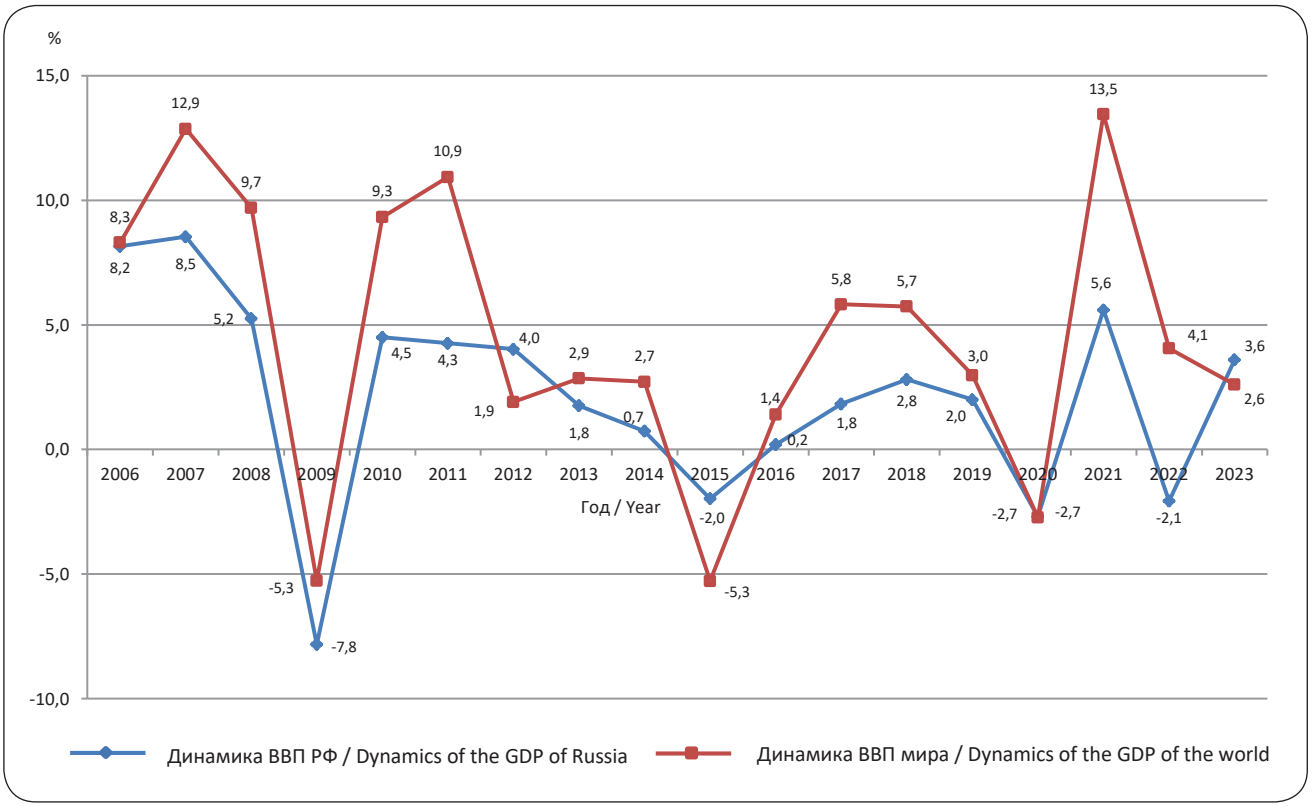


Рис. 2. Динамика физического объема ВВП России и мира в 2006–2023 гг., % к предыдущему году
Fig. 2. Dynamics of the GDP physical volume in Russia and the world in 2006–2023, % to the previous year

Источник / Source[11, 12, 13, 14, 15, 16].

обусловил резкий рост товарооборота России и Китая в 2011–2014 гг. (из графика П. А. Граба видно, что в 2011 г. он увеличился почти в четыре раза (Граб, 2022)). Санкционная война Китая и США (с 2018 г. по н. в.) тоже увеличила товарооборот между нашими странами в 2018–2019 гг. (прибыль – это основной мотив действий китайцев[17]). Все это позитивно повлияло на снижение инфляции в России в 2011 и 2019 гг., так как на российских рынках стало больше дешевых китайских товаров, что снизило официальную инфляцию[18]. Заметный рост товарооборота России и Китая в 2021–2023 гг.[19] слабо связан с изменениями инфляции в наших странах из-за того, что основное влияние на нашу инфляцию стали оказывать другие факторы.

[11] Валовой внутренний продукт. Годовые данные (индексы физического объема, в % к предыдущему году). (2023). Росстат. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab3.htm

[12] Росстат пересмотрел рост ВВП за 2021 год до максимума за 14 лет. (2022, 30 декабря). РБК. https://www.rbc.ru/economics/30/12/2022/63aefd459a79471848ab5c2e?ysclid=lo78cwo73z989992945

[13] Росстат представляет вторую оценку ВВП за 2022 год. (2023, 1 апреля). Росстат. https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/203214

[14] Глобальный ВВП мира: 1980–2023. (2023). Finance. http://global-finances.ru/vvp-mira-po-godam/?ysclid=lo78u6dr1o840085203

[15] О производстве и использовании валового внутреннего продукта в 2023 году. (2024, 7 февраля). Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/18_07-02-2024.html

[16] Всемирный банк улучшил прогноз роста мирового ВВП в 2023 году до 2,6 %. (2024, 9 января). Интерфакс. https://www.interfax.ru/business/939454

[17] Про отношения России и Китая. (2023, 17 октября). Взгляд. https://vz.ru/onlinetext/2016/10/17/838342.html?ysclid=lo6ui8l96132356712

[18] Для ее расчета традиционно используется изменение цен относительно недорогих товаров (более того, цены некоторых из этих товаров регулируются государством, и они меньше среднерыночных цен на эти товары), т. е. официальная инфляция – это инфляция преимущественно для бедных слоев населения.

[19] Павленко, О. (2023, 13 января). Товарооборот России и Китая достиг рекордных $190 млрд. Коммерсантъ. https://www.kommersant.ru/doc/5761392?ysclid=lo6yj0da2x239927307

При изучении изменений ВВП РФ в период с 2006 по 2023 г. становится очевидным, что самое глубокое его падение наблюдалось в 2009 г. (–7,8 %). Падение ВВП РФ в 2015 г. (–2 % из-за последствий первого серьезного санкционного давления США и их союзников), 2020 г. (–2,7 % из-за пандемии COVID-19) и 2022 г. (–2,1 % из-за второго серьезного обострения санкционной войны) было сопоставимым. В то же время США и их союзники начали осуществлять физическое пресечение экспорта Россией энергоносителей в конце 2022 г. и начале 2023 г.[20], поэтому падение ВВП РФ в 2022 г. отражает только часть санкционного эффекта. При сравнении темпов роста ВВП РФ и мира следует отметить, что страны мира в среднем лучше России справились с кризисом 2008 г., санкции 2014–2015 гг. отразились на России заметно меньше, чем кризис во многих странах мира, а ущерб от санкций 2022 г. в России был больше, чем в среднем в мире. Темпы падения ВВП в мире в 2021–2022 гг. были больше (4,1 % – 13,5 % = –9,4 %), чем в России (–2,1 % – 5,6 % = –7,7 %). Падение ВВП в мире в 2021–2022 гг. (–9,4 %) сопоставимо с падением 2011–2012 гг. (–9 %), но в 2011–2012 гг. оно произошло из-за масштабного кризиса в Китае, а в 2021–2022 гг. из-за еще более масштабного кризиса в ЕС. В 2023 г. темпы роста ВВП РФ (3,6 %) превысили темпы роста ВВП в мире (2,6 %). Безусловно, не следует забывать, что рост ВВП РФ в 2023 г. частично обусловлен низкой базой 2022 г. и частично ростом цен в 2023 г. Тем не менее в 2023 г. российская экономика находится на подъеме (увеличение ВВП РФ на 5,7 %), а мировая экономика на спаде (уменьшение ВВП мира на 0,5 %). Все это указывает на то, что Россия в среднесрочном периоде лучше справилась с санкциями, чем мировая санкционная экономика.

Позитивное и негативное влияние основных отраслей РФ на ВВП РФ в 2022 г., определенное на основе изменения индекса физического объема ВВП России по отраслям экономики в процентах к предыдущему году и долей валового внутреннего продукта по отраслям экономики в текущих ценах, в процентах к итогу, представлено в табл. 1.

При анализе табл. 1 обнаружено, что в 2022 г. большая часть российских отраслей (56,3 %) демонстрировала рост после наложения санкций на РФ. В то же время в 2022 г. отрасли, вносящие основной вклад в ВВП РФ, показали либо минимальный рост (добыча полезных ископаемых и операции с недвижимым имуществом), либо заметное падение (обрабатывающие производства, оптовая и розничная торговля). Особенно негативным снижение темпов их роста выглядит на фоне существенного их роста в 2021 г. Так, в 2021 г. Россия смогла захватить ряд рынков сбыта ЕС из-за того, что часть промышленности ЕС приостановила работу в пандемию COVID-19. В 2022–2023 гг. европейцы лишь путем санкций, блокировки работы и ликвидации многих производств РФ, находящихся за рубежом, смогли вытеснить российские предприятия со своих рынков.

Падение в 2023 г. добычи полезных ископаемых (–2,0 %) во многом обусловлено падением добычи нефти, металлических руд и прочих полезных ископаемых в РФ. В то же время весьма позитивным сигналом является рост в 2023 г. обрабатывающего производства (+7,0 %), указывающего на начало перехода российской экономики от сырьевой модели к индустриальной (этот вывод подтверждает и рис. 4, который будет рассмотрен далее). При этом рост обрабатывающих производств в 2023 г. обусловил развитие отрасли «административная деятельность и сопутствующие дополнительные услуги» в 2023 г. (+7,8 %), так как повысилась потребность в получении сопутствующих услуг для основного драйвера роста 2023 г.

Очень существенно в 2022 г. пострадала российская торговля (–12,7 %) из-за перестройки торговых маршрутов, замедления и повышения стоимости доставки продукции, потери части контрагентов и товара из-за санкций. Однако в 2023 г. трансформация логистики во многом была завершена, что обусловило рост российской оптовой и розничной торговли в 2023 г. на 7,3 %. Также в 2023 г. наблюдался рост в отрасли транспортировки и хранения (+3,2 %), финансовой и страховой деятельности (+8,6 %) из-за их тесной связи с торговлей. В 2024–2025 гг. ожидается продолжение роста оптовой и розничной торговли РФ, отрасли транспортировки и хранения, финансовой и страховой деятельности.

К особо негативной тенденции в 2022 г. следует отнести заметное падение в области здравоохранения и социальных услуг (–3,2 %), которое продолжилось и в 2023 г. (–0,4 %). Все это обуславливает необходимость первоочередной поддержки в 2024–2025 гг. сферы здравоохранения и социальных услуг.

[20] Так, прямые поставки угля прекращены в августе 2022 г., газопроводы взорваны в сентябре 2022 г., продажа нефти и нефтепродуктов в ЕС без посредников заблокирована в декабре 2022 г., феврале и июне 2023 г. (Манушин, 2023а).

Таблица 1

Позитивное и негативное влияние отраслей на ВВП РФ в 2021–2023 гг.
Table 1. Positive and negative impact of sectors on the GDP of Russia in 2021–2023

Наименование отрасли / Sector	Год / Year					
	2021		2022		2023	
	Изменения индекса физического объема ВВП РФ, % / Changes of the Russian GDP physical volume index, %	Доли ВВП по отраслям экономики, % / Shares of the GDP by sector, %	Изменения индекса физического объема ВВП РФ, % / Changes of the Russian GDP physical volume index, %	Доли ВВП по отраслям экономики, % / Shares of the GDP by sector, %	Изменения индекса физического объема ВВП РФ, % / Changes of the Russian GDP physical volume index, %	Доли ВВП по отраслям экономики, % / Shares of the GDP by sector, %
Отрасли, оказывающие позитивное влияние на ВВП РФ в 2022 г. / Sectors with a positive impact on the GDP of Russia in 2022						
Сельское хозяйство / Agriculture	–1,3	4,2	**+6,7**	**4,3**	+0,1	н/д / *n/a*
Строительство / Construction	+5,8	5,1	**+5,0**	**5,2**	+7,0	н/д / *n/a*
Госуправление, соцобеспечение и обеспечение военной безопасности / Public administration, social welfare and military safety provision	+1,1	7,1	**+4,1**	**7,1**	+3,5	н/д / *n/a*
Финансовая и страховая деятельность / Finance and insurance	+8,0	4,6	**+3,4**	**4,8**	+8,6	н/д / *n/a*
Административная деятельность и сопутствующие дополнительные услуги / Administrative activity and adjacent services	+2,2	1,9	**+2,4**	**2,2**	+7,8	н/д / *n/a*
Информация и связь / Information and communication	+8,2	2,7	**+0,5**	**2,7**	+10,0	н/д / *n/a*
Добыча полезных ископаемых / Extraction of natural resources	+4,2	12,8	**+0,4**	**14,0**	–2,0	н/д / *n/a*
Операции с недвижимым имуществом / Real estate	+0,9	9,9	**+0,4**	**10,8**	+0,7	н/д / *n/a*
Образование / Education	+0,5	3,2	**+0,1**	**2,9**	+1,6	н/д / *n/a*
Обеспечение электроэнергией / Electric power supply	+6,1	2,4	**+0,1**	**2,3**	+0,1	н/д / *n/a*
Итого / Sum		52,9		**56,3**		
Отрасли, оказывающие негативное влияние на ВВП РФ в 2022 г. / Sectors with a negative impact on the GDP of Russia in 2022						
Оптовая и розничная торговля / Wholesale and retail trade	+8,0	13	**–12,7**	**12,4**	+7,3	н/д / *n/a*
Деятельность профессиональная, научная и техническая / Professional, research and technical activity	+4,9	4,4	**–5,1**	**4,4**	+6,0	н/д / *n/a*
Обрабатывающие производства / Processing industries	+4,5	16,1	**–2,5**	**14,2**	+7,0	н/д / *n/a*
Здравоохранение и социальные услуги / Healthcare and social services	+1,3	3,4	**–3,2**	**3,5**	–0,4	н/д / *n/a*
Транспортировка и хранение / Transportation and storage	+7,7	6,0	**–1,8**	**6,2**	+3,2	н/д / *n/a*
Итого / Sum		42,9		**40,7**		
Всего / Total		96,8		**97,0**		

Примечание. При построении таблицы исключены отрасли с долей в ВВП РФ менее 1 % в 2021 и 2022 гг.
Н/д – нет данных.
Источник: составлено автором по данным Росстата[21, 22, 23].

Note. Sectors with the share of GDP RF less than 1% in 2021 and 2022 were excluded.
N/a – not available.
Source: compiled by the author based on Rosstat data[21, 22, 23].

[21] О производстве и использовании валового внутреннего продукта (ВВП) в 2021 году. (2022, 8 апреля). Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/59_08-04-2022.htm

[22] О производстве и использовании валового внутреннего продукта (ВВП) в 2022 году. (2023, 7 апреля). Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/55_07-04-2023.html

[23] О производстве и использовании валового внутреннего продукта в 2023 году. (2024, 7 февраля). Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/18_07-02-2024.html

Весьма существенное уменьшение темпов роста в 2022 г. в области обеспечения электроэнергией, информацией и связью не является негативной тенденцией. Во многом это падение обусловлено откатом после бурного роста этих направлений в пандемию COVID-19, когда заметно возросли продажи электроэнергии в другие страны, многие российские компании модернизировали управление информацией и связью (в том числе из-за перехода на дистанционную работу). В результате вполне закономерно сохранение роста обеспечения электроэнергией в 2023 г. на уровне 2022 г. Существенный рост в области управления информацией и связью в 2023 г. (+10,0 %) обусловлен значительной господдержкой этих направлений. В этой связи в 2024–2025 гг. ожидается сохранение темпов роста обеспечения электроэнергией на уровне 2023 г., а изменение роста обеспечения информацией и связью зависит продолжительности господдержки этих направлений. При ее отсутствии в 2024–2025 гг. рост обеспечения информацией и связью сохранится на уровне 2022 г., а при ее наличии останется на уровне 2023 г.

В 2022–2023 гг. в сельском хозяйстве произошли позитивные изменения. В основе развития сельского хозяйства лежит технологическое перевооружение АПК, но значительное влияние на его рост в 2022 г. оказал рекордный урожай 2022 г. В этой связи высокий темп роста ВВП в этом направлении в 2022 г. затруднил получение высоких темпов роста сельского хозяйства в 2023 г. (при получении обычного урожая 2023 г.).

В 2022 г. обнаружено заметное падение в области профессиональной, научной и технической деятельности (–5,1 %), но в 2023 г. рост ВВП в этом направлении (+6,0 %) перекрыл падение 2022 г., т. е. за 2022–2023 гг. в этой области наблюдалось небольшое повышение темпов ее роста.

Рост ВВП РФ в 2023 г. в сфере образования (+1,6 %) в первую очередь обусловлен повышением стоимости образования (по данным Минобразования в среднем на 9 %[24]), а не увеличением числа абитуриентов[25]. Низкий рост ВВП РФ в области образования в 2022 г. (+0,1 %) связан с запретом государства на повышение стоимости образования в 2022 г.

Позитивные изменения наблюдаются в обеспечении военной безопасности. Так, ВПК РФ, несмотря на секторальные и индивидуальные санкции, стал малым драйвером роста ВВП РФ в 2022–2023 гг. В этой связи можно заключить, что направление «госуправление, соцобеспечение и обеспечение военной безопасности» будет успешно развиваться в течение хода СВО и через год после окончания СВО (из-за необходимости пополнения арсеналов до довоенного уровня), а потом темпы роста этой сферы деятельности заметно снизятся (если не обострится кризис в Израиле или в мире не вспыхнет новый военный конфликт).

В 2021–2023 гг. высокие темпы роста в РФ сохранило строительство (+5,8, +5,0 и +7,0 %), что благоприятно отразилось на ВВП РФ. Это связано с тем, что доля импорта в строительстве в 2022 г. составляла всего 15 %, а в массовом строительстве – около 4 %[26]. В этой связи в 2024–2025 гг. ожидается сохранение темпов роста строительства на уровне 2021–2023 гг.

Изменение индекса производства по основным видам добывающих и обрабатывающих производств в процентах к предыдущему году представлено в табл. 2. Ее анализ показывает, что в 2022 г. добыча угля, нефти и природного газа находилась примерно на уровне 2021 г.

Для добычи угля это состояние является позитивным, так как, несмотря на запрет покупки угля РФ для стран ЕС в августе 2022 г., его добыча в 2022 г. сохранена на уровне 2021 г. В результате в 2023 г. наблюдался рост добычи угля, так как перестройка логистических маршрутов во многом была завершена в 2022 г. и не оказывала негативного влияния на его добычу в 2023 г. Ожидается, что в 2024–2025 гг. также будет наблюдаться рост добычи угля.

[24] Минобрнауки отметило подорожание обучения в вузах с сентября в среднем на 9 %. (2023, 25 августа). Интерфакс. https://www.interfax.ru/russia/917908

[25] Цикулина, С. (2023, 4 августа). Университеты начали охоту на абитуриентов. Octagon.Media. https://octagon.media/istorii/universitety_nachali_oxotu_na_abiturientov.html?ysclid=lsebfthkmh552240702

[26] Казберов, В. (2022, 22 августа). Импортозамещение с несколькими неизвестными. Как строительная отрасль переходит на отечественные материалы. Ведомости. https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2022/08/21/936931-importozameschenie-neizvestnimi

Таблица 2

Изменение индекса производства по основным видам добывающих и обрабатывающих производств в 2018–2022 гг., % к предыдущему году

Table 2. Change in the production index by main types of extractive and processing industries in 2018-2022, % to the previous year

Наименование производства / Industry	Год / Year					
	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Добыча полезных ископаемых / Extraction of natural resources						
Добыча угля / Extraction of coal	105,7	102,2	93,8	108,0	99,2	101,1
Добыча нефти и природного газа / Extraction of oil and gas	102,9	102,2	92,0	102,6	100,7	н/д / *n/a*
Добыча металлических руд / Extraction of metal ores	103,4	102,1	102,4	101,2	95,5	97,9
Добыча прочих полезных ископаемых / Extraction of other natural resources	104,2	103,6	86,5	115,2	105,6	96,3
Предоставление услуг в области добычи полезных ископаемых / Services in the field of extraction of other natural resources	112,8	120,2	104,4	109,0	105,6	101,0
Обрабатывающие производства / Processing industries						
Производство пищевых продуктов / Food production	103,6	104,1	103,1	104,2	100,4	105,9
Производство напитков / Drinks production	101,7	105,0	101,5	107,6	103,1	101,4
Производство табачных изделий / Tobacco production	104,1	89,6	102,4	102,3	92,9	89,8
Производство текстильных изделий / Textile production	102,5	101,8	109,7	115,1	91,7	100,6
Производство одежды / Clothing production	106,8	103,5	100,3	107,4	102,1	104,1
Производство кожи и изделий из кожи / Production of leather and leather items	95,7	98,4	88,1	116,7	98,3	112,3
Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения / Wood processing and manufacture of wood and cork products, except furniture, manufacture of straw products and weaving materials	114,4	106,2	98,3	111,9	87,5	99,8
Производство бумаги и бумажных изделий / Production of paper and paper items	107,9	104,6	105,1	110,2	100,0	98,6
Деятельность полиграфическая и копирование носителей информации / Printing and reproduction of recorded media	115,1	100,1	97,7	107,7	107,8	102,6
Производство кокса и нефтепродуктов, в том числе: / Production of coke and refined petroleum products, including:	102,6	101,6	95,0	103,6	99,6	102,6
– производство кокса / production of coke	96,4	99,9	100,3	103,6	90,7	н/д / *n/a*
– производство нефтепродуктов / production of petroleum products	102,6	101,6	95,0	103,6	99,7	н/д / *n/a*
– агломерация угля, антрацита и бурого угля (лигнита) и производство термоуглей / agglomeration of coal, anthracite and brown coal (lignite) and production of thermal coals	73,9	82,8	192,7	86,2	153,5	н/д / *n/a*
Производство химических веществ и химических продуктов / Production of chemical substances and products	103,9	103,4	107,3	107,1	96,2	104,6
Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях / Production of medications and materials used for medical purposes	101,1	127,4	120,9	114,3	108,6	101,9
Производство резиновых и пластмассовых изделий, в том числе: / Production of rubber and plastic items, including:	101,3	98,7	106,2	110,5	99,2	109,2
– производство резиновых изделий / production of rubber items	104,0	94,2	100,2	112,2	87,6	н/д / *n/a*
– производство изделий из пластмасс / production of plastic items	100,7	99,8	107,6	110,1	101,8	н/д / *n/a*
Производство прочей неметаллической минеральной продукции, в том числе: / Production of other non-metallic mineral products, including:	100,4	109,0	99,7	109,3	99,8	102,6
– производство прочих фарфоровых и керамических изделий / production of porcelain and ceramic items	101,0	88,9	103,6	103,6	84,9	н/д / *n/a*
Производство металлургическое, в том числе: / Metallurgy production, including:	100,6	103,8	97,3	101,7	99,2	103,3
– производство чугуна, стали и ферросплавов / production of cast iron, steel and ferrous alloys	101,7	99,8	100,2	105,0	93,2	н/д / *n/a*
– производство стальных труб, полых профилей и фитингов / production of steel pipes, hollow profiles and fittings	102,6	103,8	86,5	104,1	116,4	н/д / *n/a*

Продолжение табл. 2 / Continuation of Table 2

Наименование производства / Industry	Год / Year					
	2018	2019	2020	2021	2022	2023
– производство прочих стальных изделий первичной обработкой / production of other steel products with primary processing	102,6	104,5	97,8	100,1	95,0	н/д / *n/a*
– производство основных драгметаллов, прочих цветных металлов, ядерного топлива / production of main precious metals, other non-ferrous metals, nuclear fuel	99,8	105,0	97,4	99,2	100,1	н/д / *n/a*
– литье металлов / casting of metals	90,7	162,7	90,9	115,6	119,0	н/д / *n/a*
Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования / Production of ready metal items, except machines and equipment	105,9	107,3	104,2	111,6	107,0	127,8
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий / Production of computers, electronic and optical devices	103,0	110,6	103,3	109,9	101,7	132,8
Производство электрического оборудования, в том числе: / Production of electric equipment, including:	105,4	101,3	99,2	107,7	96,3	119,0
– производство кабелей и кабельной арматуры / production of cables and cable accessories	109,9	101,8	96,2	109,6	87,1	н/д / *n/a*
– производство бытовых приборов / production of household devices	102,1	101,0	105,4	112,2	59,8	н/д / *n/a*
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки / Production of machines and equipment not included into other groups	102,4	113,5	109,6	117,1	101,9	104,5
Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов, в том числе: / Production of automobile vehicles, trailers and semitrailers, including:	111,5	96,3	87,9	114,6	55,3	113,6
– производство автотранспортных средств / production of automobile vehicles	111,0	95,6	86,9	114,5	49,0	н/д / *n/a*
Производство прочих транспортных средств и оборудования / Production of other transportation means and equipment	107,7	99,0	106,7	110,5	95,8	125,5
Производство мебели / Production of furniture	113,0	102,1	106,7	117,7	97,4	120,7
Производство прочих готовых изделий, в том числе: / Production of other ready items, including:	103,3	99,9	102,1	106,8	97,5	108,1
– производство игр и игрушек / production of toys and games	105,7	117,5	116,9	109,5	83,6	н/д / *n/a*
Ремонт и монтаж машин и оборудования / Maintenance and installation of machines and equipment	106,0	94,7	111,9	101,0	95,2	103,3

Источник / Source: [27, 28, 29, 30].

Примечание: н/д – нет данных.
Note: n/a – not available.

Для добычи нефти и газа это состояние является негативным, так как, несмотря на то, что основные запреты на покупку нефти для США и их союзников начали действовать в 2023 г., темп роста добычи нефти и газа заметно сократился уже в 2022 г. В этой связи в 2023 г., скорее всего, началось падение добычи нефти и газа[31]. Однако в 2024–2025 гг. ожидается рост добычи нефти и газа. Это связано с их низкой себестоимостью в России, которая позволит даже при снизившихся ценах добывать их в том же или увеличившемся объеме.

[27] Промышленное производство в России. 2021: статистический сборник. (2021). Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Prom_proiz-vo_2021.pdf

[28] О промышленном производстве в 2021 году. (2022, 2 февраля). Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/12_02-02-2022.html

[29] О промышленном производстве в 2022 году. (2023, 11 февраля). Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/11_01-02-2023.html

[30] О промышленном производстве в 2023 году. (2024, 31 января). Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/10_31-01-2024.html

[31] Данные о добыче нефти и газа в 2023 г. засекречены, но, опираясь на падение нефтяных доходов госбюджета РФ в 2023 г. по сравнению с 2022 г. на 23,9 % (см. рис. 4), можно предположить, что рост этой отрасли находился на уровне 0,75–0,85 (допущение превосходства индекса добычи нефти и газа над изменением выручки от ее продажи связано с тем, что рост добычи нефтяного попутного газа в 2023 г. по отношению к 2022 г. составил 104,3) (см. О промышленном производстве в 2023 году. (2024, 31 января). Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/10_31-01-2024.html).

Переориентация на азиатские страны уже произошла, процесс обхода санкций постоянно улучшается, поэтому можно ожидать в 2024–2025 гг. роста добычи нефти и газа.

В 2022 и 2023 гг. добыча металлических руд сократилась на 4,5 и 2,1 % по сравнению с их добычей в прошлом году (в 2021 г. наблюдался рост, по сравнению с 2020 г., на 1,2 %). В то же время наблюдается рост производства готовых металлических изделий: +7 % (в 2022 г.) и +27,8 % (в 2023 г.). Данные об изменении структуры металлургического производства в 2022 г. позволяют раскрыть причины столь значительного роста. Так, в 2022 г. сократился выпуск первичных продуктов этого производства (чугуна, стали и ферросплавов (–6,8 %) и прочих изделий стальной обработки (–5 %)) и заметно увеличилось производство готовой продукции (производство стальных труб, полых профилей и фитингов (+16,4 %) и литье металлов (+19 %)). Скорее всего, в 2023 г. наблюдается схожая ситуация, свидетельствующая об уходе от схемы продажи за рубеж слитков металлов с последующим приобретением из-за рубежа готовых металлических изделий и переходе к собственному производству готовых металлических изделий. Это подтверждает рост металлургического производства в 2023 г. на 3,3 %. В этой связи при сохранении роста производства готовой металлической продукции можно ожидать роста добычи металлических руд в 2024–2025 гг.

Позитивно отразился на росте российской промышленности в 2022 и 2023 гг. рост производства лекарственных средств и материалов (+8,6 и +1,9 %)[32, 33, 34], полиграфической деятельности (+7,8 и +2,6 %) и производств в других направлениях. В то же время следует признать, что в 2023 г. их рост замедлился по сравнению с уровнем 2022 г. В этой связи можно сделать вывод лишь о меньшем воздействии на них санкций, по сравнению с другими отраслями. В этой связи, скорее всего, в 2024–2025 гг. их рост сохранится на уровне 2023 г.

Основной спад в 2022 г. наблюдался в производстве:

– автотранспортных средств (–51 %) и бытовых приборов (–40,2 %) из-за ухода иностранных компаний, локализированных в РФ, и сложностей в самостоятельном изготовлении этой продукции и комплектующих для них. Основной причиной этого является слабый уровень развития отечественной *IT*-сферы (Сергеев, 2020) и микроэлектроники. Однако из материалов ученых следует, что в РФ есть возможности развития *IT*-сферы в среднесрочной перспективе (Ильин и др., 2023; Усов, Дроздова, 2023; Имашева, Крамин, 2022; Андрюшин и др., 2022) и отрасли микроэлектроники в долгосрочной перспективе (Манушин и др., 2023b).

– кабелей и кабельной арматуры (–12,9 %) и текстильных изделий (–8,3 %) из-за ограничений на импорт зарубежного сырья;

– изделий из дерева и пробки и обработке древесины (–12,5 %) из-за ограничений на их экспорт из России[35, 36];

– резиновых изделий (–12,4 %) из-за ограничений на импорт зарубежного сырья и экспорта готовых изделий в ЕС.

В 2023 г. многие из выявленных проблем успешно решаются[37]:

– в 2023 г. наблюдался значительный рост производства автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов (+13,6 %), прочих транспортных средств и оборудования (+25,5 %). Так, в 2021 г. в РФ выпущено 1,4 млн легковых машин, в 2022 г. – 0,45 млн шт., а в 2023 г. – 0,537 млн легковых авто[38]. Это означает, что часть проблем в области производства автотранспортных средств устранена путем импортозамещения, но

---

[32] Россия зарегистрировала более тысячи новых отечественных лекарств в 2022 году (2023, 23 марта). ТАСС. https://tass.ru/ekonomika/17349245?ysclid=lswuecztsc723412882

[33] М. В. Мишустин, отчитываясь перед Правительством РФ по итогам 2022 г., отметил, что в 2022 г. «зарегистрировано около тысячи новых лекарств и более 3 тыс. медизделий российского производства» (см. сноску 32).

[34] Киселева, А. (2023, 2 февраля). Российский фармрынок не заметил санкций. Зарубежные компании перестали поставлять в Россию лишь 8 % наименований лекарств. Ведомости. https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/02/02/961366-rossiiskii-farmrinok-ne-zametil-sanktsii?ysclid=ln6yus5y2m911625326

[35] Вятчанин, Н. (2023, 27 февраля). Лесные дороги могут признать объектами капитального строительства. Парламентская газета. https://www.pnp.ru/economics/lesnye-dorogi-mogut-priznat-obektami-kapitalnogo-stroitelstva.html.

[36] Раньше 51 % товара шел на экспорт, из них 38 % поставлялось в Европу (переход на восточные площадки оказался нерентабельным из-за снижения цен закупки и кратного повышения транспортных расходов). См. сноску 35.

[37] Однако не следует забывать, что рост в 2023 г. частично обусловлен низкой базой 2022 г. и частично ростом цен в 2023 г., поэтому часто более объективны сравнения абсолютных значений изучаемых показателей.

[38] Выпуск легковых автомобилей в России вырос на 19 % (2024, 1 февраля). Известия. https://iz.ru/1643248/2024-02-01/vypusk-legkovykh-avtomobilei-v-rossii-vyros-na-19

есть проблемы, все еще решаемые путем параллельного импорта машин и запчастей к ним. Кроме того, проблемы микроэлектроники невозможно было устранить за один год, что означает успешное выстраивание логистических маршрутов в обход западных санкций. В 2023 г. наблюдался взрывной рост производства компьютеров, электронных и оптических изделий (+32,8 %). Это означает, что при сохранении подобных темпов роста проблема слабого развития отечественной микроэлектроники может быть решена не в долгосрочном, а в среднесрочном прогнозном периоде;

– в 2023 г. выявлен существенный рост производства электрического оборудования (+19 %). В то же время в области производства кабелей и бытовой техники проблемы до сих пор не решены[39, 40, 41, 42, 43, 44]. Так, увеличилось лишь производство холодильников и проводников электрического тока в 2023 г. по сравнению с 2022 г., а результаты производства 2021 г. ни по одному проблемному товару не достигнуты. Все это подтверждают результаты обзора электротехнического рынка, в котором за 9 мес. 2023 г. рост, по сравнению с 9 мес. 2021 г., наблюдался лишь в сфере производства электродвигателей, генераторов, распределительных устройств, трансформаторов, контрольно-измерительной аппаратуры, производства электрических аккумуляторов и аккумуляторных батарей, осветительного оборудования и ламп, иного электрического оборудования[45];

– в отрасли по «обработке древесины и производству изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения» продолжилось падение выпуска изделий (в 2022 г. оно составило 12,5 %, а в 2023 г. – 0,2 %). В то же время в области производства мебели в 2023 г. обнаружен существенный рост (+20,7 %), значительно превосходящий темпы ее падения в 2022 г. (–2,6 %). Это означает продолжение изменения структуры отрасли деревообработки в сторону выпуска готовых изделий из российской древесины (в первую очередь в области выпуска мебели). В этой связи можно предположить, что в 2024–2025 гг. рост производства мебели продолжится, а отрасль «обработки древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения» прекратит свое падение и продемонстрирует небольшой рост;

– в 2023 г. в отрасли производства резиновых и пластмассовых изделий наблюдался рост (+9,2 %), но, судя по производству шин, он был в основном в области производства пластмассовых изделий. Так, в 2021 г. изготавливалось 65,1 млн шин, покрышек и камер резиновых, в 2022 г. – 51,8 млн шт., в 2023 г. – 45,6 млн шт. В связи с отсутствием данных по другим направлениям деятельности в области производства резиновых изделий делать окончательные выводы преждевременно, но можно предположить, что в 2023 г. наблюдалось падение или нулевой рост в области производства резиновых изделий;

– в отрасли производства текстильных изделий в 2022 г. наблюдалось падение (–8,3 %), а в 2023 г. незначительный рост (+0,6 %). Это означает, что проблемы в этой отрасли в 2023 г. не решены и если не принять мер, то в 2024–2025 гг. эта отрасль будет показывать результаты, близкие к нулевому росту;

---

[39] Приемники телевизионные в 2021 г. производились в объеме 6,3 млн шт., в 2022 г. – 4,1 млн шт., а в 2023 г. – 3,7 млн шт. Производство стиральных машин в 2021 г. составляло 5,6 млн шт., в 2022 г. – 2,8 млн шт., в 2023 г. – 2,5 млн шт. Холодильники и морозильники в 2021 г. выпускались в объеме 4,1 млн шт., в 2022 г. – 2,4 млн шт., а в 2023 г. – 3,0 млн шт. (см. О промышленном производстве в 2023 году. (2024, 31 января). Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/10_31-01-2024.html).

[40] О промышленном производстве в 2021 году. (2022, 2 февраля). Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/12_02-02-2022.html

[41] О промышленном производстве в 2022 году. (2023, 11 февраля). Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/11_01-02-2023.html

[42] О промышленном производстве в 2023 году. (2024, 31 января). Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/10_31-01-2024.html

[43] Богомолов, В., Лебедева, А. (2023, 22 ноября). Российский рынок кабельно-проводниковой продукции в 2017 – 9 мес. 2023 г. Промышленник Сибири. https://prom-siberia.ru/analytics/rossiyskiy-rynok-kabelno-provodnikovoy-produktsiiv-2017-9-mes-2023-gg/?ysclid=ls78s3jy29295135093

[44] Коаксиальные проводники электрического тока (в том числе кабели), кабели, провода и шнуры связи, провода и шнуры силовые, кабели волоконно-оптические в 2021 г. производились в размере 5 643 тыс. км, в 2022 г. – 3 430 тыс. км, а за 9 мес. 2023 г. – 2 938 тыс. км, или в 2023 г. – около 3 917 тыс. км (2 938 / 9 × 12). (См. сноску 43).

[45] Электротехнический рынок России. Итоги 2023 года. (2023, ноябрь). ГК Step by Step. http://www.step-by-step.ru/publications/Energetika_2024-46-49.pdf?ysclid=ls7abjay2w600361730

– позитивным фактом в 2023 г. является восстановление роста производства машин и оборудования, не включенных в другие группировки (+4,5 %), прочих готовых изделий (+8,1 %), кожи и изделий из кожи (+12,3 %), пищевых продуктов (+5,9 %), ремонта и монтажа машин и оборудования (+3,3 %), которые в 2023 г. отыграли свое негативное состояние, наблюдавшееся в 2022 г. В 2024–2025 гг. в этих отраслях можно ожидать продолжение роста.

Заметное влияние на ВВП РФ оказывает число компаний, работающих в РФ, на рис. 3 продемонстрировано число открывшихся и закрывшихся фирм в РФ.

При изучении рис. 3 становится очевидным, что кризисы 2008, 2014, 2020 и 2022 гг. не оказывали заметного влияния на число компаний в РФ. Так, после кризиса 2008 г. число компаний РФ заметно уменьшилось лишь в 2010–2012 гг. Возможно, это произошло из-за прекращения господдержки организаций после кризиса 2008 г., но это предположение нельзя проверить до момента прекращения господдержки фирм после кризисов 2020 и 2022–2023 гг. Дело в том, что существенное снижение числа фирм в 2016 г. произошло на фоне действий ФНС по активизации закрытия фирм-однодневок (из-за этого юридические лица стали в три раза чаще вычеркиваться из ЕГРЮЛ), что не позволяет определить степень воздействия постэффекта кризиса 2014 г. на российскую экономику. В 2020–2023 гг. наблюдался непрерывный рост числа открывшихся фирм и снижение числа закрытых фирм. Так, в 2020 г. их сальдо составило минус 300,9 тыс. компаний, в 2021 г. – минус 151,2 тыс. фирм, в 2022 г. – минус 38,1 тыс. организаций и в 2023 г. – минус 11,5 тыс. компаний. Ожидается, что при сохранении господдержки организаций в 2024–2025 гг. их число в 2024–2025 гг. будет увеличиваться, что станет одним из факторов, благоприятно влияющих на ВВП РФ в 2024–2025 гг.

В связи с наложением санкций в первую очередь на нефтегазовую деятельность РФ полезно изучить изменения нефтегазовых[46] и ненефтегазовых доходов бюджета РФ, представленных на рис. 4.

После падения в период энергетического кризиса 2020 г., вызванного пандемией COVID-19, нефтегазовые доходы РФ непрерывно увеличивались, даже в санкционный 2022 г. Это связано с тем, что санкции на экспорт нефти из РФ начали действовать в декабре 2022 г., феврале и июне 2023 г., а до этого момента все экспортеры российской нефти делали ее запасы, что повысило объем ее продаж перед вступлением санкций в силу. Важно отметить, что нефтегазовые доходы заметно сокращались примерно через год после кризиса (2009 и 2015 гг.), поэтому в 2023 г. наблюдалось вполне закономерное их падение (–23,9 % к уровню 2022 г.). Это произошло из-за падения спроса на нефть, объема продаж и добычи, а также из-за скидок, направленных на повышение объема продаж российской нефти. Так, дисконт нефти *Urals* по сравнению с *Brent* составлял в январе 2023 г. 40,05 долл. за баррель, в сентябре 2023 г. – 13,71 долл. за баррель, в декабре 2023 г. – 18,22 долл. за баррель, а в январе 2024 г. – 18,38 долл. за баррель[47]. Также санкции США и их союзников вынудили часть покупателей временно отказаться от ее покупки в 2023 г. Сомневающимся руководителям государств США предложили кредиты МВФ и иные бонусы на выгодных условиях[48] или стратегическое партнерство, направленное на активизацию торговли с США[49] (в первую очередь в области поставок нефти и военной продукции, для того чтобы в военных конфликтах эта страна занимала сторону США). В результате в 2023 г. наблюдалось падение нефтегазовых доходов РФ. В 2024–2025 гг. ожидается их рост. Во-первых, это связано с расширением БРИКС, которое позволит переориентировать поставки на новых партнеров России. Во-вторых, к 2024 г. все европейцы потратят российскую нефть, купленную про запас в конце 2022 г., и отладят каналы обхода своих санкций[50].

---

[46] В 2022 г. нефтегазовые доходы составляли 41,6 % в величине всех доходов бюджета РФ. При этом нефтяные доходы составляли 66,5 % в сумме нефтегазовых доходов, а газовые доходы – 33,5 %.

[47] Скидки на российскую нефть выросли. (2024, 31 января). LENTA.RU. https://lenta.ru/news/2024/01/31/rost/?ysclid=ls2z6znjf8688843498

[48] Толокевич, Д. (2023, 13 июля). Большой куш. Эрдоган продал сожженный Коран за миллиарды и истребители. Телеканал 360. https://360tv.ru/tekst/mir/bolshoj-kush-2/

[49] Забродин, А. (2023, 12 сентября). Американцы вошли во Вьетнам. Вашингтон стал стратегическим партнером Ханоя. Коммерсантъ. https://www.kommersant.ru/doc/6210681?ysclid=lmfyp04jiy160554802

[50] Савельева, Е. (2023, 21 сентября). «Откуда она взялась»: Европа тайком скупила российскую санкционку. Германия увеличила объем закупок российской нефти через Индию в 12 раз. РИА Новости. https://ria.ru/20230921/neft-1897633942.html?ysclid=lmu7siaytx266305657

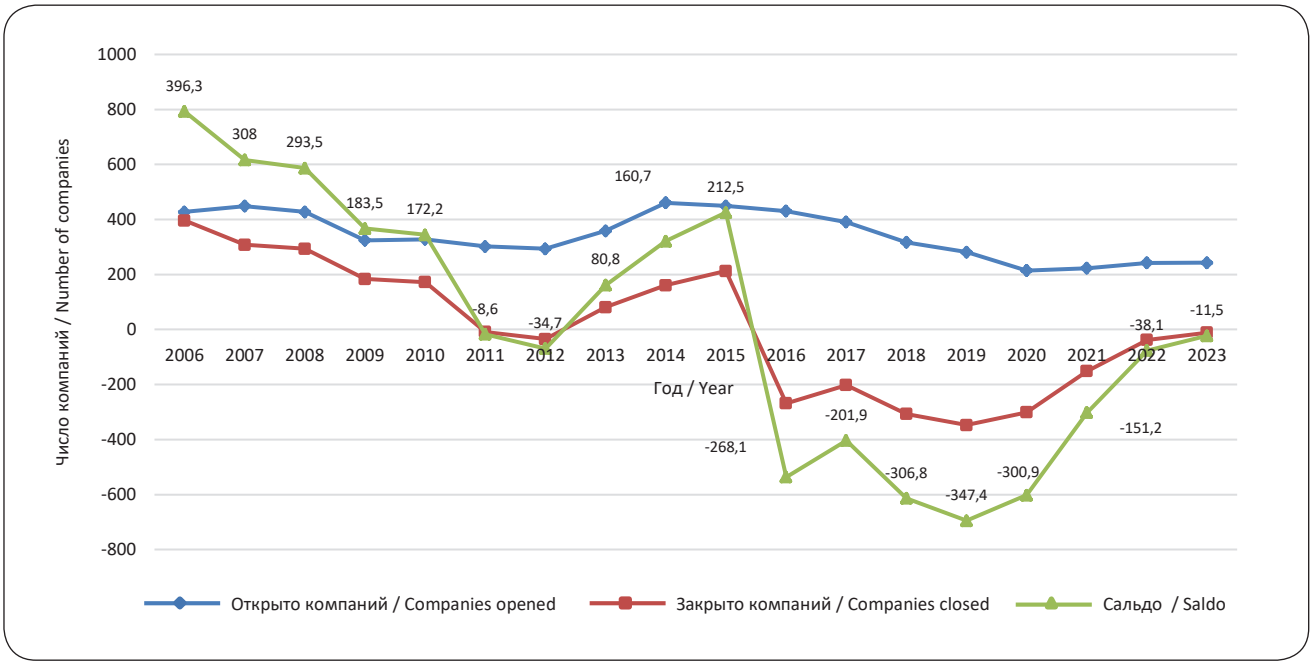


Рис. 3. Число открывшихся и закрывшихся компаний в России в 2006–2023 гг., тыс. компаний
Fig. 3. Number of opened and closed companies in Russia in 2006–2023, thousand companies

Источник / Source: [51, 52, 53, 54].

Представляется, что изменение ненефтегазовых доходов тесно связано с двумя факторами: ходом специальной военной операции и антисанкционными мерами государства. В 2022 г. многие россияне и российские компании перешли в режим экономии. Об этом свидетельствует абсолютная величина ненефтегазовых доходов, почти не изменившаяся в 2021–2022 гг. (рис. 4). В то же время Правительство РФ успешно реализовало антисанкционные меры по развитию экономики, что отражается в увеличении количества открытых организаций в России и снижении числа закрытых российских компаний. В результате антисанкционные меры преодолели негативное влияние на экономику СВО и позволили увеличить ненефтегазовые доходы РФ (в 2023 г. их рост по сравнению с 2022 г. составил 25 %). В 2024–2025 г. ожидается их рост ориентировочно на уровне 15–30 %, который все еще будет сдерживать СВО, а после ее окончания ожидается еще большее увеличение темпа роста этих доходов.

Выводы по результатам антироссийских санкций, санкционных и антисанкционных мер Российской Федерации в 2022–2023 гг.

Все результаты антироссийских санкций в табл. П2 Приложения разделены на ожидаемые и реальные результаты, чтобы показать степень достижения США и их союзниками изначально заявленных целей антироссийских санкций.

[51] Милюкова, Я. и др. (2016, 20 июля). Число новых компаний в России сократилось впервые с 2014 года. РБК. https://www.rbc.ru/economics/20/07/2016/5784a50b9a794760487cda6b?ysclid=lish5uo2hh528248901

[52] Смертность российского бизнеса снизилась до семилетнего минимума. (2023, 18 января). ФинЭкспертиза. https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/smertnost-ros-biz-snizilas/?ysclid=lisgur8x3k42670232

[53] FinExpertiza: в 2023 году в России закрылось рекордно низкое число предприятий (2024, 22 января). Коммерсантъ. https://www.kommersant.ru/doc/6464974?ysclid=ls2wg9zhgz181218809

[54] Число действующих в России компаний в 2023 году увеличилось впервые с 2015 года (2024, 12 января). Коммерсантъ. https://www.kommersant.ru/doc/6452636?ysclid=ls2wo5glet456288773

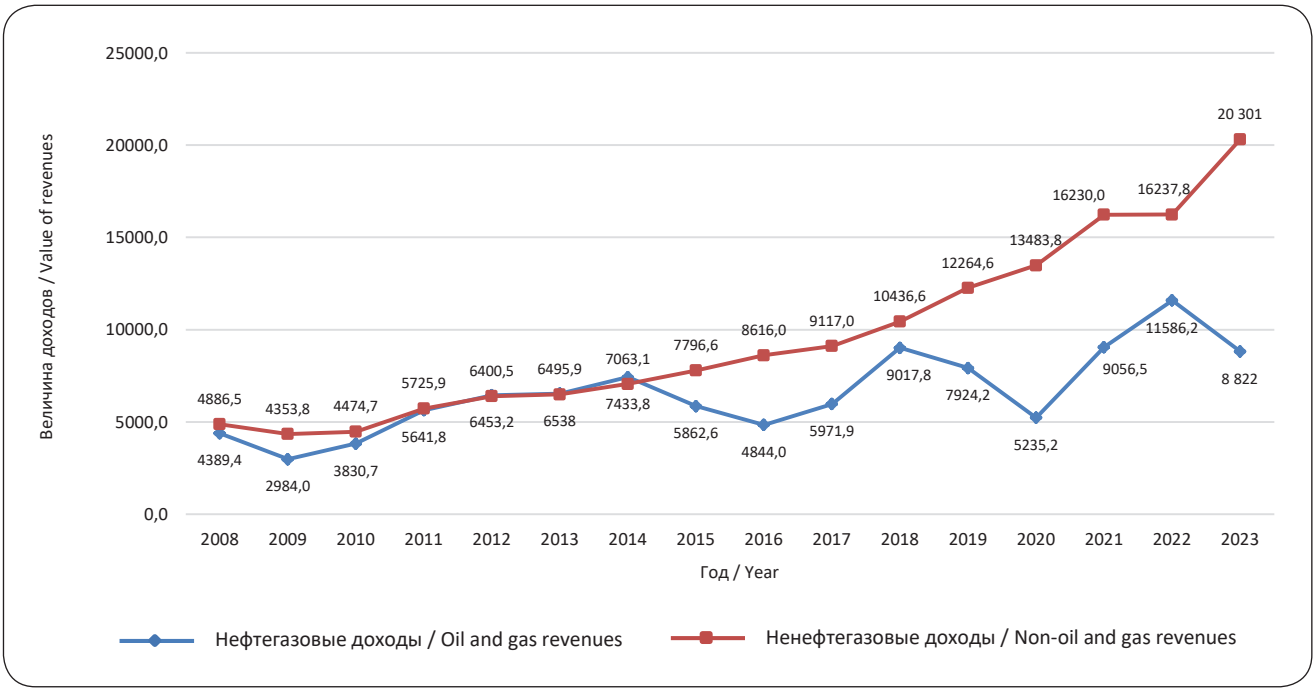


Рис. 4. Величина нефтегазовых и ненефтегазовых доходов в федеральном бюджете РФ в 2008–2023 гг., млрд руб.
Fig. 4. Value of oil and gas and non-oil and gas revenues in the federal budget of the Russian Federation in 2008-2023, bln. rub.

Источник / Source: [55, 56, 57, 58, 59].

Ожидаемые результаты основаны на официально заявленных целях антироссийских санкций и ожиданиях от них; действиях и планах Украины, показывающих истинные мысли ее западных кураторов; информации и дезинформации из западных СМИ; высказываниях западных политиков и экспертов в начале санкционной войны; действиях США и транснациональных компаний (далее – ТНК) на территориях других стран.

Достоверность реальных результатов введения этих санкций с учетом санкционных и антисанкционных российских мер, представленных в табл. П2 Приложения, обусловлена тем, что большая часть санкций США и их союзников уже наложена и прошло много времени после их введения.

В результате можно заключить, что антироссийские санкции США и их союзников не достигли ожидаемых ими целей. В лучшем случае некоторые из их целей были достигнуты частично. В худшем для них случае были получены противоположные результаты (например, вместо признания всеми лидирующей роли США государства разделились на три группы: союзники блока Англия – США – ЕС; союзники блока Россия – Китай – Индия; нейтралы). При этом санкции оказали серьезное негативное воздействие на российскую экономику в краткосрочном периоде. Они также стимулировали развитие российской экономики и технологий в среднесрочном и долгосрочном периоде. Это развитие во многом обусловлено рациональной санкционной и антисанкционной политикой России.

---

[55] Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в 2012 году (предварительные итоги). (2013, 18 апреля). Минфин РФ. https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=64880-ispolnenie_federalnogo_byudzheta_i_byudzhetov_byudzhetnoi_sistemy_rossiiskoi_federatsii_v_2012_godu_predvaritelnye_itogi&ysclid=lk6kjmguxj33742477

[56] Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2014 год. (2015, 30 сентября). Министерство финансов Российской Федерации. https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=60470&ysclid=lk6k2c02kc258652316

[57] Оперативный доклад об исполнении федерального бюджета за 2021 год. (2022, 3 марта). Счетная палата РФ. https://ach.gov.ru/audit/oper-2021#macro

[58] Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2022 год (предварительные итоги). (2023, апрель). Министерство финансов Российской Федерации. https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/04/main/ispolnenie_federalnogo_budzheta_predvaritelnye_itogi.pdf?ysclid=lk6dfhqu4n443662569

[59] Нефтегазовые доходы бюджета РФ в 2023 году превысили план. (2024, 11 января). ТАСС. https://tass.ru/ekonomika/19708261?ysclid=ls2y7x4d2n420514333

Санкционная экономическая политика Российской Федерации

Санкционная экономическая политика России – это институционально-экономическая деятельность в области управления санкциями, влияния на подсанкционные субъекты и объекты, продвижение санкционных целей и принципов России, укрепление и реализация ее власти в сферах, затронутых санкциями (поиск возможностей введения или отмены санкций и иные формы и меры укрепления и реализации ее власти).

В этой связи санкционная политика – это деятельность в области управления санкциями, влияния на подсанкционные субъекты и объекты, продвижение санкционных целей и принципов государства – инициатора санкций, укрепление и реализация его власти в сферах, затронутых санкциями (поиск возможностей введения или отмены санкций и иные формы и меры укрепления и реализации его власти).

В основе уточненных понятий лежат элементы классических определений слова «политика» (Махонин, 2012; Верниченко, 2014; Федоринова, 2016; Мильгунов, 2020; Ерофеева, Жданова, 2022; Ван, 2023). Они подтвердили необходимость особого упора во всех предложенных понятиях на власть и управление, являющихся ключевыми элементами санкционной политики. В то же время решено не рассматривать в тексте этих дефиниций вопросы стратегии (они являются частью управления) и общественных интересов (современные санкционные политики многих стран (например, Англии, США и их союзников) направлены на достижение интересов малого числа представителей бизнес-элиты и политической элиты этих стран, а не интересов населения этих стран; интересы российского населения раскрыты в целях российской санкционной экономической политики).

Под институционально-экономической деятельностью понимается экономическая деятельность, тесно связанная с политической, социальной, информационной, психологической, юридической, военной, культурной, спортивной, образовательной, экологической и иной общественной деятельностью. На важность изучения экономической деятельности во взаимосвязи с другими направлениями деятельности (политической (Войнов, 2015; Орлова, 2017; Скобелева, 2018; Кристиневич, 2019; Terry, 2022; Белозёров, Соколовская, 2022; Мельников, 2023), социальной (Самаруха и др., 2020), информационной (Энтин и др., 2024), юридической (Кумалагов и др., 2023)) указывали и другие ученые (см. табл. П1 Приложения). В этой связи научная новизна выделения институционально-экономической деятельности заключается в предложении общего подхода, включающего общеизвестные и неочевидные направления общественной деятельности. Так, под эгидой зеленой экономики ранее продвигалась неявная санкционная политика США против всех стран мира (в первую очередь против ЕС). После объявления открытой санкционной войны наложение санкций (в виде дополнительных налогов) на товары, изготовленные не на основе зеленой энергии, снизило свою актуальность, так как уже можно не объяснять причины введения санкций. Однако США уже потребовали от Евросоюза в 2026 г. активизировать переход к возобновляемым источникам энергии (путем сбора углеродного налога на товары, изготовленные на основе не зеленой энергии, введенного с 1 октября 2023 г. для доработки системы его взимания)[60] с целью разрушения его экономики.

Преимуществом предложенной дефиниции является указание на необходимость раскрытия целей санкций с отказом от включения этих целей в текст определения. Это позволило детально раскрыть содержание этих целей за пределами предложенного понятия. В то время как одни ученые ограничились использованием слова «цель» в содержании своих определений и не называли цели санкционной политики (Мельников, 2023; Кумалагов и др., 2023), а другие авторы включили свои цели в содержание определения, что существенно ограничило перечень упоминаемых ими целей (Войнов, 2015; Орлова, 2017; Кристиневич, 2019; Terry, 2022; Самаруха и др. 2020; Петросян, 2022; Nwador et al., 2023; Энтин и др., 2024). Важно отметить, что западная трактовка целей санкционной политики (распространение демократии (иначе говоря, распространение власти бизнес-элиты США) и укрепление международной безопасности (иначе говоря, безопасности США, посредством купленных или созданных США организаций, объявивших себя международными)) существенно отличается от российского понимания этих целей. Так, в рамках российского подхода справедливо указана конкуренция, являющаяся причиной многих санкций (Войнов, 2015; Кристиневич, 2019; Пустовойт-Динков, 2023) и обозначен агрессивный характер западных санкций, направленных на подчинение подсанкционного государства (Орлова, 2017; Кристиневич, 2019; Terry, 2022; Боброва, 2022; Пустовойт-Динков, 2023), стагнацию и регресс выбранных агрессором направлений деятельности в других странах (Самаруха и др., 2020; Петросян, 2022).

[60] Боровикова, К. (2023, 21 августа). Европа вышла в первый ТУР. Коммерсантъ. https://www.kommersant.ru/doc/6172115?ysclid=lp51pc1lrr927530840

Федеральный закон № 281-ФЗ подчеркивает «временный характер российских санкций (они должны быть отменены после отмены антироссийских санкций), обозначает принципы их применения (законность, гласность, обоснованность и объективность); выделяет основную цель санкций: обеспечение интересов и безопасности Российской Федерации и (или) устранение или минимизацию угрозы нарушений прав и свобод ее граждан»[61]. Все эти принципы и цели санкций следует признать принципами и целями санкционной и антисанкционной политики России.

В исследованиях российских ученых, изучающих цели российских санкций без взаимосвязи с понятием санкционной политики, можно выделить и оценить степень достижения следующих групп целей:

1. Принятие ответных мер против государств, наложивших санкции на Россию (Полякова, 2023). Эта цель успешно достигнута.

2. Переход от соразмерных и чувствительных ответных мер к санкциям, подрывающим и дестабилизирующим экономику противника, усиливающим уровень протеста в противостоящем нам обществе (Лебедев, 2022). К настоящему моменту времени российские власти не ставят перед собой эту цель[62].

В результате важно заметить, что предложенные ниже цели санкционной экономической политики РФ точнее отражают современные российские цели этой политики, чем цели, указанные всеми изученными учеными и экспертами.

К научной новизне данного понятия можно отнести признание важности управления санкциями, укрепления и реализации власти государства в сферах, затронутых санкциями (поиск возможностей введения или отмены санкций; реализация неофициальных мер, позволяющих легче достигнуть целей санкционной политики (сохранение репутации суверенного государства; уничтожение инфраструктуры противника; введение технических, санитарных и иных ограничений; протекционизм; защита населения, развитие экономики, организация технологических прорывов, лежащих в основе институциональных изменений, популяризация своего видения санкционного конфликта и др.)). Все эти аспекты лежат в основе санкционной войны 2022–2024 гг. и хорошо известны экспертам. В то же время их объединение, научная аргументация и включение в определение «санкционная экономическая политика России» сделано впервые.

В настоящее время реализуются следующие цели санкционной экономической политики 2022–2024 гг. в РФ:

1. Сохранение репутации суверенного государства на международной арене. Эта цель проявляется во введении встречных санкций (в ряде случаев они являются зеркальными) в ответ на санкции недружественных стран[63]. В результате недружественные государства остерегаются вводить санкции, ответная реакция России на которые кажется им чрезмерной[64].

2. Развитие российской экономики. Для этого санкции вводятся в областях, имеющих высокий потенциал развития (переработка лесоматериалов[65] и морепродуктов, запрет импорта стройматериалов и семян и др.)[66].

---

[61] О специальных экономических мерах и принудительных мерах. № 281-ФЗ от 30.12.2006 (в ред. ФЗ № 83-ФЗ от 01.05.2019, № 219-ФЗ от 28.06.2022).

[62] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом № 229 Президента Российской Федерации В. В. Путина 31 марта 2023 г.).

[63] Так, в ответ на закрытие воздушного пространства для нашей страны Россия закрыла свое воздушное пространство для стран, наложивших эту санкцию на нас. В ответ на персональные санкции против россиян вводятся персональные санкции против недружественных лиц. Введение параллельного импорта и копирование патентов недружественных стран стали ответом на запрет ввоза в Россию ряда импортных товаров. Введение оплаты экспортируемых Россией товаров в рублях стало реакцией на запрет предоставления России мировых валют. «Вредительство западных владельцев российских компаний вынудило ограничить участие иностранных лиц в управлении отечественными организациями» (Манушин и др., 2023а, с. 81).

[64] Так, страны ЕС воздерживаются от конфискации российских активов за рубежом в первую очередь из-за понимания того, что Россия в ответ конфискует западные активы, находящиеся в нашей стране.

[65] Станки и техника для ЛПК: лизинг, параллельный импорт или российское производство? (2023, 29 июня). Forestcomplex.ru. https://forestcomplex.ru/forestry/stanki-i-tehnika-dlya-lpk-lizing-parallelnyj-import-ili-rossijskoe-proizvodstvo/

[66] Так, запрет на импорт готовой продукции из рыбы и морепродуктов из недружественных стран связан с наличием возможности у отечественных производителей занять освободившиеся рынки сбыта. Установление ввозных пошлин на фанеру (50 %), стройматериалы из полиуретана (35 %) связано с затовариванием российского рынка отечественными стройматериалами, которые до введения санкций экспортировались в Европу. Запрет на ввоз семян ряда сельскохозяйственных культур связан с наличием схожих отечественных семян. Запрет на вывоз необработанной и грубо обработанной древесины в недружественные страны ориентирует компании переходить к переработке отечественных лесоматериалов (проблема заключается в отсутствии сопоставимого отечественного оборудования и долгом процессе создания своих станков, из-за чего почти все лесопереработчики ориентируются на параллельный импорт, а не на отечественных станкостроителей).

3. Защита российской экономики (сохранение ввезенных подсанкционных товаров, обеспечение продовольственной[67], социальной и энергетической безопасности населения, господдержка пострадавших компаний и т. п.)[68], в том числе направленная на снижение зависимости России от товаров (работ, услуг) иностранных государств. Так, введение экспортных пошлин для российских экспортеров (от 4 до 7 % в зависимости от курса рубля (при 80 руб. за доллар и ниже она будет нулевой))[69] направлено на снижение цен на их товары (в первую очередь на топливо) на внутреннем рынке (для поддержки населения России).

4. Защита интересов российских граждан.

5. Создание проблем недружественным странам с одновременным повышением доходов государства (в области экспорта удобрений[70] и продовольствия, химической продукции[71] и других направлений)[72]. Одним из инструментов этой меры является введение таможенных пошлин на товары недружественных стран для развития отечественных производителей[73].

Влияние России на подсанкционных субъектов осуществляется, во-первых, путем объяснения того, что российские санкции будут отменены после отмены антироссийских санкций. Во-вторых, демонстрацией того, что введенные антироссийские санкции больше вредят странам, наложившим эти санкции на Россию, чем российской экономике.

При изучении российских санкций выявлено, что санкции по поддержке репутации России на международной арене и защитные санкции являются ситуационными и зависят от санкций, введенных недружественными странами, и изменений в мировой экономике. Среди остальных санкций приоритет отдан санкциям, направленным на развитие экономики РФ. Санкции по созданию проблем недружественным государствам либо одновременно направлены на развитие российской экономики, либо носят рекомендательный характер.

При оценке процессов управления российскими санкциями, укрепления и реализации власти России в сферах, затронутых санкциями, можно отметить **крайне слабую агрессивность российской санкционной экономической политики**. К единственному масштабному российскому санкционному проекту можно отнести ограничения, наложенные на российские удобрения, вызвавшие рост цен на продовольствие, которое Россия планировала поставлять на Запад в рамках черноморской зерновой сделки. Проект завершился частичным успехом. Так, повысились цена и объемы российских удобрений, продаваемых западным странам,

---

[67] Карабут, Т. (2023, 14 февраля). В России с 15 февраля начинает действовать квота на экспорт зерна. Российская газета. https://rg.ru/2023/02/14/kolosalnoe-vliianie.html

[68] Например, путем запрета вывоза из России тех товаров, ввоз которых запрещен санкциями недружественных стран (электроаппаратуры, сельхозтехники, транспортных средств, иностранного оборудования и материалов, запрещенных к ввозу в РФ, и т. п.). Введение квот на экспорт зерновых культур позволило обеспечить продовольствием внутренний российский рынок по доступной цене. «Повышение социальных выплат и иных форм господдержки наиболее пострадавшим российским гражданам (мобилизованным гражданам и их родственникам, пенсионерам и др.) стало реакцией российского правительства на ухудшение условий жизни населения. Предоставлены послабления, гарантии и иные формы поддержки предпринимателям, банкам и иным организациям, пострадавшим от действий западных стран и их союзников или работающих в отраслях, в которых возник дефицит товаров из-за западных санкций. Для госкомпаний, системообразующих организаций, малого бизнеса, аграриев, фармацевтических и IT-компаний предусмотрены дополнительные формы господдержки. Наложение адресных санкций на конкретных граждан и организации вынудило государство разрешить им не публиковать информацию, из-за которой на них могут быть наложены санкции» (Манушин и др., 2023а, с. 81).

[69] Постановление Правительства РФ № 1538 от 21.09.2023. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407584262/

[70] Кабмин ввел экспортные пошлины в 7 % на некоторые виды удобрений с 1 сентября по 2024 год. (2023, 31 августа). ТАСС. https://tass.ru/ekonomika/18631319?ysclid=lsk19zbon9100310297

[71] Российским производителям рекомендовано приостановить экспорт в ЕС сырья для пластмасс и бытовой химии. (2022, 5 марта). BFM.RU. https://www.bfm.ru/news/494531

[72] Так, введение квот на экспорт удобрений существенно повысило цены на них на мировом рынке и сократило объем выращиваемых сельхозкультур в мире, что привело к повышению мировых цен на продовольствие, которое в 2022 г. обеспечило рост ВВП РФ в сельском хозяйстве на 6,7 %. В настоящее время введена 7%-я экспортная пошлина на все удобрения сроком до 31 декабря 2024 г. (см. выше сноску 70), а квоты заменены лицензиями на экспорт, которые будут отозваны, если компания не выполнит своих обязательств на внутреннем рынке. Также российским изготовителям сырья для пластмасс и бытовой химии Минпромторг рекомендовал приостановить его экспорт в ЕС, так как недружественные логистические организации и таможенники блокируют его вывоз, одобряя лишь экспорт критически важного для них сырья (пентаэритрит и уротропин), так как российская доля этого сырья на рынке ЕС составляет 40–50 % (см. выше сноску 71). После обвала цен акций российских компаний их выкупило Правительство РФ для повышения контроля государства над этими компаниями, снижения суммы дивидендов, выплачиваемых зарубежным владельцам, и обеспечения России дополнительным источником дохода.

[73] Постановление Правительства РФ № 2240 от 07.12.2022. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405812977/

но Англия, США и страны ЕС отказались соблюдать заключенный договор и не допустили Россию на свои продовольственные рынки.

В этой связи российскую санкционную экономическую политику можно охарактеризовать как открытую, рациональную, защитную и протекционистскую. В рамках открытой политики реализуются прозрачные, очевидные и «линейные» действия, по которым легко понять, к каким результатам они приведут. Соответственно, к дополнительным принципам санкционной политики России предлагается отнести: открытость, рациональность, приоритетность защиты своих интересов перед нанесением ущерба государствам – объектам санкций, протекционизм.

Антисанкционная и контрсанкционная экономическая политика Российской Федерации

Антисанкционная экономическая политика России – это институционально-экономическая деятельность, направленная на развитие России в санкционных условиях, осуществление антисанкционных мер с учетом санкций, влияющих на российскую экономику и связанные с ней направления деятельности, продвижение антисанкционных целей и принципов России, укрепление и реализацию ее власти в сферах, затронутых антироссийскими санкциями.

Контрсанкционная экономическая политика России – это институционально-экономическая деятельность, направленная на преодоление введенных против России санкций, управление контрсанкциями, формирование влияния на субъектов, наложивших на Россию санкции (в том числе путем воздействия на подконтрольные им объекты), продвижение контрсанкционных целей и принципов России, укрепление и реализацию ее власти в сферах, затронутых контрсанкциями (поиск возможностей введения или отмены контрсанкций и иные формы и меры укрепления и реализации ее власти).

В этой связи антисанкционная политика – это деятельность, направленная на развитие государства – объекта санкций в санкционных условиях, осуществление антисанкционных мер с учетом санкций, влияющих на его деятельность, продвижение его целей и принципов, укрепление и реализацию его власти в сферах, затронутых антироссийскими санкциями.

Контрсанкционная политика – это деятельность, направленная на преодоление санкций, введенных против государства – объекта санкций, управление контрсанкциями, формирование влияния на субъектов, наложивших санкции на государство – объект санкций (в том числе путем воздействия на подконтрольные им объекты), продвижение контрсанкционных целей и принципов государства – объекта санкций, укрепление и реализацию его власти в сферах, затронутых контрсанкциями (поиск возможностей введения или отмены контрсанкций и иные формы и меры укрепления и реализации его власти).

Все элементы научной новизны, использованные при определении понятия «санкционная экономическая политика России» или «санкционная политика», применимы и для этих терминов. Кроме того, предлагается отказаться:

– от отождествления антисанкционной и контрсанкционной политики (Городецкий, 2022) и, соответственно, от уравнивания антисанкционных и контрсанкционных мер (Богатина, 2023) и рассматривать контрсанкционную политику как часть антисанкционной политики, направленную на противодействие конкретным санкциям. В то время как антисанкционная политика включает меры по развитию подсанкционной области и смежных областей[74]; содержит ответ на конкретные санкции и дает импульс развития для государства[75];

– сужения этих политик до системы или совокупности антисанкционных или контрсанкционных мер (Городецкий, 2022; Кулешова, Хао, 2022; Бугрышев, Паникарова, 2023)[76], так как система мер является только частью политики.

---

[74] Так, после введения потолка цен на российскую нефть решение об отказе продавать нефть странам, ориентирующимся на этот потолок, является контрсанкцией. Антисанкционной мерой является решение о покупке и постройке танкеров и иных судов с целью транспортировки продукции без учета этих ограничений.

[75] Например, после запрета на получение Россией мировых валют введение запрета на вывоз валюты за пределы РФ предлагается считать контрсанкционной мерой. К антисанкционной мере предлагается отнести требование к иностранным покупателям оплачивать российские товары рублями.

[76] Леер, А., Заседатель, И., Донченко, В. (2023, 3-й квартал). Санкции и антисанкционная политика. Правовой альманах Юридической компании «Лекс Альянс». lexalliance.ru/assets/docs/АЭИ_Правовой_альманах_3_квартал_2023_1.pdf

При обсуждении степени учета региональных аспектов в процессе реализации антисанкционной политики О. Б. Иванов и Е. М. Бухвальд предлагают делать акцент на децентрализации антисанкционной политики и усилении в ней роли субъектов РФ (Иванов, Бухвальд, 2022). В то же время более логичной представляется идея о необходимости концентрации усилий на реализации национальных интересов, а региональную специфику по умолчанию предлагается лишь учитывать, а не делать на ней акцент (Ельшин и др., 2024; Апполонова и др., 2024; Гумерова, Шаймиева, 2023; Воронцова, 2013). Акцент на ней предлагается делать лишь в исключительных случаях. Например, для регионов Дальнего Востока логично разработать отдельную антисанкционную политику, так как в них связи с дружественными и нейтральными странами уже налажены и регионы нуждаются в первую очередь в развитии инфраструктуры для усиления этих связей, а не в перестройке промышленности под торговлю с азиатскими государствами.

При этом важно учесть исследования ученых, изучающих цели антисанкционной деятельности РФ без взаимосвязи с понятием антисанкционной политики, выделить и оценить степень достижения следующих групп целей:

1. Предотвращение или ограничение санкционной эскалации против России (Тимофеев, 2018). Эта цель на настоящий момент не достигнута.

2. Демонстрация бесполезности антироссийских санкций в области политики (Тимофеев, 2018; Капицын, 2023), экономики (Тимофеев, 2018; Ашинова и др., 2022; Тищенко, Мелихова, 2022; Семякин, 2022; Капицын, 2023; Полякова, 2023), энергетики (Новиков, 2022) и социума (Тищенко, Мелихова, 2022; Семякин, 2022; Капицын, 2023). Эта цель успешно достигнута.

3. Достижение тесного сотрудничества банков, предприятий и госаппарата (Ершова, Енькова, 2022; Панова, 2023). Эта цель успешно реализовалась за исключением периодов повышения ЦБ РФ ключевой ставки (февраль – сентябрь 2022 г. и июль 2023 г. – н. в.).

4. Осуществление инноваций (Урядникова, 2023; Красильников, 2022), импортозамещения технологий (Ашинова и др., 2022; Красильников, 2022) и производства (Ашинова и др., 2022; Урядникова, 2023; Красильников, 2022) с обеспечением их необходимым человеческим капиталом (Ашинова и др., 2022; Новиков, 2022). Эта цель успешно достигается, но пока еще не достигнута.

При оценке этих целей можно заключить, что демонстрация бесполезности антироссийских санкций уже снизила темпы введения новых санкций. Для прекращения санкционной эскалации важно показать, что, во-первых, санкции во многом введены для обогащения политиков и бизнес-элиты Англии, США и ЕС, многие из которых вошли на рынок посредников между Россией и ЕС и получают сверхприбыли в санкционный период, обогащаясь за счет населения своих стран (ученые отмечают, что «это случалось в каждом эпизоде санкций» (Коргун, Толорая, 2022)). Во-вторых, продемонстрировать стабильное развитие российской экономики, находящейся под санкциями.

К настоящему моменту действия ЦБ РФ прекратили сотрудничество между банками и предприятиями. Все остальные цели по развитию российской экономики успешно осуществляются (в том числе в области внедрения инноваций, импортозамещения и повышения квалификации персонала).

В этой связи важно понять причину повышения ЦБ РФ ключевой ставки.

Первый аргумент ЦБ РФ о необходимости таким образом снизить инфляцию[77] не выдерживает критики, так как периоды повышения ключевой ставки (с 28.02.2022 по 14.06.2022; с 15.08.2023 по н. в.) были слабо связаны с реальным снижением инфляции в эти периоды.

Второй аргумент ЦБ РФ о том, что развитие предприятий обусловило низкую безработицу, из-за чего сначала растут зарплаты, а потом цены, более правдоподобен. Однако он тоже не соответствует действительности, так как, по данным сайта «Хэдхантер», в сентябре 2023 г. было 3,35 резюме на одну вакансию и основной дефицит проявлялся в сферах с массовым наймом персонала[78]. Это означает, что при снижении требований к соискателям или организации курсов предварительной подготовки сотрудников эта проблема будет устранена.

---

[77] Заявление Председателя Банка России Эльвиры Набиуллиной по итогам заседания Совета директоров Банка России 27 октября 2023 г. (2023, 27 октября). ЦБ РФ. https://cbr.ru/press/event/?id=17158

[78] Наталья Данина: «“Где искать людей?” – не самый главный вопрос сегодня». (2023, 27 октября). Хэдхантер. https://kazan.hh.ru/article/32011?ysclid=lr5y5y3ntl636676196

В этой связи наиболее вероятной причиной повышения ЦБ РФ ключевой ставки является решение взять под контроль неизбежную техническую рецессию после взрывного роста российской экономики. Так, после приостановки развития частной промышленности России за счет заемных средств в последние 4,5 мес. 2023 г. величина ВВП РФ в 2023 г. составила 3,6 %, а в 2024 г. она, скорее всего, будет находиться между 3 и 6 % (середина прогнозного периода – 4,5 %). Если плановые величины ВВП в 2024 г. не будут достигаться, то ЦБ РФ снова снизит ключевую ставку. В то время как бесконтрольный рост ВВП РФ мог составить 6,1 % в 2023 г. и 2 % в 2024 г. Это было неприемлемо для российского руководства в политическом плане, так как могло привести к эскалации антироссийских санкций под предлогом необходимости усилить санкционное давление из-за появления «первых признаков разрушения российской экономики» из-за наложенных санкций. В то время как в реальности взрывной рост российской экономики сменился бы обычным ростом ВВП РФ. В этой связи решение «растянуть» рост экономики России на два года можно назвать верным политическим решением, которое несколько затрудняет развитие российской экономики.

В результате можно выделить основные цели антисанкционной политики 2022–2024 гг., которые в настоящий момент реализуются в России:

1. Своевременный и достойный[79] ответ на ожидаемые и уже введенные санкции против России.

2. Основные антисанкционные действия должны быть направлены на минимизацию антироссийского санкционного давления, в том числе путем обхода санкций, наложенных на Россию США и их союзниками.

3. Поддержка российских юридических и физических лиц, попавших под санкции США и их союзников.

4. Улучшение социального положения россиян. Повышение пособий, стимуляция рождаемости, автоматизация социальной поддержки[80] и т. п.

5. Сохранение сбалансированной структуры российской экономики и устранение диспропорций и «провалов», возникших после введения санкций.

6. Приоритет отдается антисанкциям, позволяющим развивать российскую экономику и повышать ее конкурентоспособность.

7. Отказ от антисанкций, существенно ухудшающих социально-экономическое состояние России.

8. Сохранение объективной и справедливой юрисдикции на своей территории в противовес юрисдикции США, потерявшей часть своей репутации после грабежа российского государства и отдельных россиян. Падение репутации США и их союзников продолжилось после демонстративного несоблюдения ими условий черноморской зерновой сделки. В то время как Россия, напротив, упрочила свою репутацию сверхнадежного партнера.

9. Приоритет отдается постепенному наращиванию контрсанкционного давления, усиливаемого в ответ на конкретные действия США и их союзников.

10. Повышение статуса России от одной из мировых держав до координатора мировой политики дружественных государств[81].

Антисанкции российское государство активно реализует как во внешней среде (расширение БРИКС, продолжение вытеснения доллара США с позиции мировой валюты и др.), так и во внутренней (социальная

---

[79] Серебренников, К. (2023, 7 июня). МИД России: официальная Москва даст достойный ответ на новые санкции со стороны Вашингтона. Newsweekly.by. https://newsweekly.by/politics/moskva-otvetit-na-novye-sankczii-soedinennyh-shtatov

[80] Так, автоматизирована уже 31 мера соцподдержки, что позволило около 35 млн россиян получить адресные выплаты автоматически или на основании одного заявления (см. Мишустин сообщил, что около 35 млн россиян получают адресные выплаты автоматически. (2023, 23 марта). ТАСС. https://tass.ru/obschestvo/17348543?ysclid=lmzzsw5c9b306268107).

[81] В рамках этой цели реализуются следующие задачи: «…формирование справедливого и устойчивого мироустройства; поддержание международного мира и безопасности; развитие взаимовыгодного равноправного сотрудничества с конструктивно настроенными государствами; противодействие антироссийской деятельности иностранных государств; оказание союзникам и партнерам России поддержки в продвижении общих интересов, обеспечении их безопасности и устойчивого развития; раскрытие и укрепление потенциала многосторонних региональных объединений и интеграционных структур с участием России; формирование объективного восприятия России за рубежом и др. При этом Россия не считает себя врагом Запада, не изолируется от него, не имеет враждебных намерений и рассчитывает, что в дальнейшем государства, принадлежащие к западному сообществу, осознают бесперспективность своей конфронтационной политики и гегемонистских амбиций, примут во внимание сложные реалии многополярного мира и вернутся к прагматичному взаимодействию с Россией, руководствуясь принципами суверенного равенства и уважения интересов друг друга» (см. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом № 229 Президента Российской Федерации В. В. Путина 31 марта 2023 г.).

поддержка населения, технологическое развитие (в том числе в области цифровизации), инфраструктурные проекты (в том числе транспортно-логистические), активизация геологоразведки для последующего развития горнодобывающей отрасли и др.). «Регионы получили право снизить ставки ряда налогов (для фирм, находящихся на упрощенном режиме налогообложения, на имущество организаций) и воспользовались этим правом для поддержки выбранных направлений деятельности (в одних регионах это спортивная деятельность, в других газораспределительная и связь, в третьих это предприниматели, в четвертых это строительные фирмы; и т. п.)» (Манушин и др., 2023а).

Все основные антисанкционные меры РФ (они представлены в первой части данного исследования в столбце «ответные меры» в Приложении (Манушин, 2023)) подтверждают наличие выявленных целей.

Основным препятствием реализации новых антисанкционных мер является слишком короткий период господдержки этих мер. Из-за этого российские бизнесмены вкладываются в краткосрочные и среднесрочные проекты по развитию экономики РФ, так как опасаются отмены западных санкций и последующей отмены антисанкционных мер. Периодическое продление антисанкционных мер не дает нужных гарантий, а лишь обостряет понимание того, что прошло много времени после введения санкций и стал ближе момент полной их отмены. Российское руководство подогревает эти опасения, постоянно подчеркивая временный характер введенных антисанкций. Продление В. В. Путиным действия запретов во внешней торговле РФ на два года (до 31.12.2025) является позитивным фактом[82], но это среднесрочная мера господдержки. В результате долгосрочные антисанкционные меры реализуются в основном государством, на деньги государства или компаниями с госучастием в акционерном капитале.

В этой связи антисанкционную экономическую политику России можно охарактеризовать как сильно политизированную, среднесрочную и протекционистскую, направленную на сохранение сбалансированной структуры российской экономики и ее развитие. Соответственно, к дополнительным принципам российской антисанкционной политики предлагается отнести: политизированность, ориентацию на среднесрочные российские интересы, протекционизм.

Промежуточное заключение

Во второй части исследования доказано, что антироссийские санкции США и их союзников не достигли ожидаемых ими целей. В то же время следует признать, что санкции оказали серьезное негативное воздействие на российскую экономику в краткосрочном периоде. Изучение результатов прогноза основных макроэкономических показателей и видов экономической деятельности России позволило заключить, что санкции также стимулировали развитие российской экономики и технологий в среднесрочном и долгосрочном периоде.

В результате можно предварительно обозначить некоторые общие направления развития этих политик:

1. Переход от ситуационного реагирования на продвижение своей санкционной и антисанкционной экономической политики, т. е. переход от защитного подхода к защитно-атакующему.

2. Признание долгосрочного характера санкционной войны и, соответственно, переход со среднесрочных на долгосрочные меры господдержки.

Все это обуславливает необходимость подготовки третьей части данного исследования, в которой будут изучены состав и структура антисанкционного экономического плана РФ 2022–2023 гг., оценены перспективы, основные меры и планы по выведению из кризиса пострадавших отраслей российской экономики, предложены основные санкционные и антисанкционные меры для совершенствования санкционной и антисанкционной экономической политики России.

Список литературы

Андрюшин, С. А., Григорьев, Р. А., Кирилюк, И. Л. и др. (2022). *Трансформация системы монетарного регулирования финансовых рынков Российской Федерации и Республики Беларусь в условиях цифровой экономики*. Москва: ООО «Сам Полиграфист».

[82] Путин продлил действие ответных мер на санкции до конца 2025 года. (2023, 20 июля). РБК. https://www.rbc.ru/politics/20/07/2023/64b90e969a79475b38a378c8?ysclid=lo70tluc8i85378619

Апполонова, А. Д., Манушин, Д. В., Сергеев, Д. А. (2024). Перспективы экономического развития и меры управления парками семейного отдыха с учетом особенностей Республики Татарстан и г. Казань. *Экономика и предпринимательство*, *1*, 1210–1216.

Ашинова, М. К., Козлова, Н. Ш., Козлов, Р. С. (2022). Меры поддержки экономики России и возможные макроэкономические последствия в условиях санкционного давления. *Новые технологии*, *18*(3), 127–133. https://doi.org/10.47370/2072-0920-2022-18-3-127-133

Белозёров, С. А., Соколовская, Е. В. (2022). Теоретико-игровой подход к моделированию конфликта интересов: экономические санкции. *Terra Economicus*, *20*(1), 65–80. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-1-65-80

Боброва, О. В. (2022). Некоторые вопросы защиты прав субъектов предпринимательской деятельности. *Обозреватель – Observer*, *3–4*, 127–143.

Богатина, Ю. Г. (2023). Антисанкционные меры: понятие и их реализация в судебной практике. *Вестник Арбитражного суда Московского округа*, *4*, 77–85. https://doi.org/10.46279/asmo.2023.87.31.005

Бугрышев, А. Л., Паникарова, С. В. (2023). Антисанкционная политика промышленного предприятия как элемент антикризисной стратегии. *Микроэкономика*, *4*, 42–50.

Ван, Ц. (2023). Понятие «политика» в русской и китайской культуре. *Философия и культура*, *10*, 133–144. https://doi.org/10.7256/2454-0757.2023.10.68778

Верниченко, М. А. (2014). О политике как науке: основные понятия и закономерности. *Вестник университета*, 7, 21–31.

Войнов, Д. А. (2015). Санкции как метод политического давления: европейский опыт конкуренции в период доиндустриальной экономики. *Электронный научный журнал «Век качества»*, *4*, 53–73. http://www.agequal.ru/pdf/2015/415005.pdf

Воронцова, Л. В. (2013). Формирование модели оценки эффективности управления трансакционными издержками образовательной отрасли. *Актуальные проблемы экономики и права*, 2, 33–40. https://doi.org/10.21202/1993-047X.07.2013.2.33-40

Городецкий, А. Е. (2022). Технологический переход: экономический кризис, санкции и новая технологическая повестка дня. *ЭВР*, 3, 71–88. https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-3-73-71-88

Граб, П. А. (2022). Развитие торгово-экономических отношений России и Китая: этапы, проблемы. В сб. *Развитие таможенного дела Российской Федерации: дальневосточный вектор*, *3* (с. 44–51).

Гумерова, Г. И., Шаймиева, Э. Ш. (2023). Подходы к исследованию креативных индустрий для управления в цифровой экономике. *Russian Journal of Economics and Law*, *17*(1), 63–89. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.1.63-89

Ельшин, Л. А., Савушкин, М. В., Мингулов, А. М. (2024). Исследование особенностей импортозависимости регионов и разработка концепции политики импортозамещения. *Modern Economy Success*, *1*, 122–135. https://mes-journal.ru/wp-content/uploads/2024/01/mes-1-2024.pdf

Ерофеева, Т. И., Жданова, Ю. В. (2022). Лексема «ПОЛИТИКА»: семантический анализ словарных дефиниций в русском языке. *Политическая лингвистика*, *4*, 109–114.

Ершова, И. В., Енькова, Е. Е. (2022). Санкционный комплаенс, или Внутрифирменное управление рисками от рестрикций. *Актуальные проблемы российского права*, *17*(8), 93–103. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.141.8.093-103

Зорина, А. И. (2018). Влияние санкционной политики на продовольственную безопасность региона на примере молочной отрасли Калининградской области. *Управление инвестициями и инновациями*, 2, 37–42. https://doi.org/10.14529/iimj180206

Иванов, О. Б., Бухвальд, Е. М. (2022). Санкции и контрмеры в российской экономике (региональный аспект). *ЭТАП*, *4*, 7–27.

Ильин, И. В., Лю, В., Юдина, Т. Н., Чжан, Ч. (2023). Особенности развития цифровой экономики России и Китая: российско-китайское сотрудничество в контексте глобальной цифровой экономики. *Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика*, *4*, 5–22.

Имашева, И. Ю., Крамин, Т. В. (2022). Цифровое неравенство: модернизация кривой Кузнеца в цифровую эпоху. *Russian Journal of Economics and Law*, *16*(4), 716–727. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.716-727

Капицын, В. М. (2023). Стигматизация как угроза национальной идентичности (уроки прошлого для настоящего). *Вестник Института социологии*, *14*(1), 45–66. https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.1.3

Коргун, И. А., Толорая, Г. Д. (2022). К вопросу о продуктивности санкций в отношении КНДР. *Полис. Политические исследования*, *3*, 80–95. https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.07

Красильников, О. Ю. (2022). Стратегия импортозамещения в развитии российских регионов (на примере Саратовской области). В сб. *Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Материалы XIII Международной научно-практической конференции «Регионы России: стратегии развития и механизмы реализации приоритетных национальных и региональных проектов и программ»*. (Вып. 17, ч. 2, с. 101–103). Москва: ИНИОН РАН.

Кристиневич, С. А. (2019). Санкции как силовой инструмент в глобальном политико-экономическом пространстве. *Белорусский экономический журнал*, *1*, 30–42.

Кулешова, Н. С., Хао, Л. (2022). Западные экономические санкции и «долгосрочный» ответ России после крымского кризиса. *Вопросы политологии*, *12*(4), 1237–1246.

Кумалагов, Н. Е., Хамхоева, Л. М., Яровой, М. А. (2023). Нормативные правовые акты недружественных государств, вводящие санкции против нефтегазового сектора Российской Федерации (санкционный комплаенс). *Право и государство: теория и практика*, *1*, 213–216. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_1_213

Лебедев, А. С. (2022). Антироссийские санкции в глобальной экономической войне. *Вестник МГИМО-Университета*, *15*(6), 26–35. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-6-87-26-35

Лобан, Н. В. (2023). Особенности управления компаниями в условиях внешних ограничений. *Инновации и инвестиции*, *3*, 69–73.

Манушин Д. В. (2022). Мировая санкционная экономика, санкции, контрсанкции и новая мировая валюта. *Russian Journal of Economics and Law*, *16*(2), 345–369. http://dx.doi. org/10.21202/2782-2923.2022.2.345-369

Манушин, Д. В. (2023). Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025. Часть 1: анализ управления антироссийскими санкциями. *Russian Journal of Economics and Law*, *17*(4), 775–799. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.775-799

Манушин, Д. В., Шабанова, Л. Б., Таишева, Г. Р., Еникеев, Ш. И. (2023a). *Антикризисное управление в современной национальной и региональной экономике*. Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета.

Манушин, Д. В., Таишева, Г. Р., Еникеев, Ш. И. (2023b). Российская микроэлектроника: текущее состояние, логистика, проблемы управления, антикризисные меры. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, *19*(5), 808–842. https://doi.org/10.24891/ni.19.5.808

Махонин, В. А. (2012). О соотношении понятий «политика» и «геополитика». *Геополитика: теория, история, практика*, *1*, 149–152.

Мельников, В. Ю. (2023). Санкционная политика, как ключевой фактор функционирования современной международной экономической системы. В сб. *Развитие предпринимательства как фактор роста экономики: сборник научных трудов преподавателей и студентов кафедры экономики и предпринимательства* (с. 70–73). Москва.

Мильгунов, А. И. (2020). Понятие, сущность политики и ее характерные черты. В сб. *Наука молодых – будущее России: сборник научных статей 5-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых: в 4 томах*. Курск (с. 115–121).

Новиков, В. Е. (2022). Пути модернизации экономики России в условиях устойчивого развития. В сб. *Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник* (Вып. 17, ч. 1, с. 479–483). Москва: ИНИОН РАН.

Орлова, С. В. (2017). Технологии дестабилизации политических режимов в XXI веке. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, *7*(3), 89–94.

Охотский, Е. В. (2015). Антироссийские санкции и антисанкционная политика Российской Федерации. В сб. *Государство, власть, управление и право: история и современность: материалы 6-й Всероссийской научно-практической конференции* (с. 255–259). Москва: Издательский дом ГУУ.

Павлова, С. А., Павлов, И. Е., Амирасланов, И. Д. (2022). Экономические санкции как предпосылка развития национальной экономики России. *Международный научно-исследовательский журнал*, *11*. https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.125.22

Панова, Е. А. (2023). Влияние санкций на деятельность российских производственных предприятий. *Государственное управление. Электронный вестник*, *96*, 48–63. https://spajournal.ru/index.php/spa/article/view/56

Петросян, Г. Э. (2022). Трансформация санкционной политики в отношении Российской Федерации. *Регион и мир*, *13*(3), 29–36. (На армянском).

Полякова, Н. А. (2023). Отдельные вопросы организации надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности в условиях изменения федерального законодательства в связи с недружественными действиями иностранных государств. *Искусство правоведения. The art of law*, *2*, 29–35.

Пустовойт-Динков, Г. А. (2023). Эффекты санкционного давления на состояние морских перевозок углеводородов Российской Федерации. *Инновации и инвестиции*, *7*, 46–49.

Самаруха, В. И., Самаруха, А. В., Самаруха, И. В. (2020). Развитие финансового и налогового механизмов в Советской России и СССР. *Известия Байкальского государственного университета*, *30*(1), 100–112. https://doi.org/10.17150/2500-2759.2020.30(1).100-112

Семякин, М. Н. (2022). Современная гражданско-правовая политика в РФ в условиях глобальных экономических вызовов. *Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право*, *7*(2), 30–35. https://doi.org/10.47475/2618-8236-2022-17205

Сергеев, Д. А. (2020). Основные направления «цифровизации» планирования закупок в контрактной системе. В сб. *Вектор развития управленческих подходов в цифровой экономике: материалы II Всероссийской научно-практической конференции.* (с. 208–212). Казань: Изд-во «Познание» КИУ имени В. Г. Тимирясова.

Скобелева, А. В. (2018). Особенности санкционной политики в условиях различных парадигм устройства международных отношений. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология*, *4*, 123–133.

Тимофеев, И. Н. (2018). *Санкции против России: направления эскалации и политика противодействия: доклад № 37/2018*. Москва: Российский совет по международным делам (НП РСМД).

Тищенко, Е. В., Мелихова, Л. И. (2022). Тенденции российской уголовной политики в условиях санкционного давления. *Вестник Юридического факультета Южного федерального университета*, *9*(3), 114–121.

Урядникова, М. В. (2023). Инновационная модель регионального экономического развития. *Вестник Российского университета кооперации*, *2*, 35–39.

Усов, М. Д., Дроздова, А. П. (2023). Стратегия и перспективы развития цифровой экономики России. *Актуальные проблемы экономики и управления*, *2*(38), 43–49.

Федоринова, Е. А. (2016). К вопросу о содержании понятия «политика». В сб. *Актуальные проблемы современных общественно-политических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты* (с. 9–12). Прага: НИЦ «Социосфера».

Хоминич, И. П., Алихани, С. (2021). Россия и Иран в условиях экономических санкций: антисанкционная политика и экономика сопротивления. *Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова*, *2*, 5–12. http://dx.doi.org/10.21686/2413-2829-2021-2-5-12

Шлычков, В. В., Нестулаева, Д. Р., Зарезнов, Д. А. (2023). Российская экономика 2023: неизбежное изменения парадигм и прогнозы развития. *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий*, *2*, 144–151.

Энтин, М. Л., Энтина, Е. Г., Давранова, С. Б., Наджаров, А. М. (2024). Теоретико-методологические аспекты изучения санкционной политики Запада. *Полис. Политические исследования, 1*, 7–20. https://doi.org/10.17976/jpps/2024.01.02

Nwador, A. F., Sanubi, F. A., & Clark, E. V. (2023). Sanctions as tool for strategic deterrence: an assessment of targeted sanctions in Russia. *Journal of Public Administration, Finance & Law*, *27*, 544–565. https://doi.org/10.47743/jopafl-2023-27-43

Terry, P. (2022). Enforcing US foreign policy by imposing unilateral secondary sanctions: Is might right in public international law? *International Organisations Research Journal*, *17*(1), 25–55. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-01-02

References

Andryushin, S. A., Grigoryev, R. A., Kirilyuk, I. L. et al. (2022). *Transformation of the system of financial markets monetary regulation in the Russian Federation and the Republic of Belarus under the digital economy*. Moscow: Sam Poligrafist. (In Russ.).

Appolonova, A. D., Manushin, D. V., & Sergeev, D. A. (2024). Prospects of economic development and management of family recreation parks given the peculiarities of the Republic of Tatarstan and Kazan. *Journal of Economy and Entrepreneurship*, *1*, 1210–1216. (In Russ.).

Ashinova, M. K., Kozlova, N. S., & Kozlov, R. S. (2022). Measures to support for the Russian economy and possible macroeconomic consequences under sanction pressure. *New Technologies*, *18*(3), 127–133. (In Russ.). https://doi.org/10.47370/2072-0920-2022-18-3-127-133

Belozerov, S., & Sokolovskaya, E. (2022). The game-theoretic approach to modeling the conflict of interests: The economic sanctions. *Terra Economicus*, *20*(1), 65–80. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-1-65-80

Bobrova, O. V. (2022). Issues of protection of the rights of entrepreneurial activity subjects. *Observer*, 3–4, 127–143. (In Russ.).

Bogatina, Yu. G. (2023). Anti-sanctions measures: concept and implementation in judicial practice. *Moscow District Commercial Court Bulletin*, *4*, 77–85. (In Russ.). https://doi.org/10.46279/asmo.2023.87.31.005

Bugryshev, A. L., & Panikarova, S. V. (2023). Anti-sanction policy of an industrial enterprise as an element of an anti-crisis strategy. *Microeconomics*, *4*, 42–50. (In Russ.).

Elshin, L. A., Savushkin, M. V., & Mingulov, A. M. (2024). Research of the features of import dependence of regions and development of the concept of import substitution policy. *Modern Economy Success*, *1*, 122–135. (In Russ.). https://mes-journal.ru/wp-content/uploads/2024/01/mes-1-2024.pdf

Entin, M. L., Entina, E. G., Davranova, S. B., & Nadzharov, A. M. (2024). Theoretical and methodological aspects of the Western sanctions policy research. *Polis. Political Studies*, *1*, 7–20. (In Russ.). https://doi.org/10.17976/jpps/2024.01.02

Erofeeva, T. I., & Zhdanova, Yu. V. (2022). The Lexeme POLITICS: Semantic Analysis of Dictionary Definitions in the Russian Language. *Political Linguistics*, *4*(94), 109–114. (In Russ.).

Ershova, I. V., & Enkova, E. E. (2022). Sanctions Compliance, or Intra-Company Risk Management Caused by Restrictions. *Actual Problems of Russian Law*, *17*(8), 93–103. (In Russ.). https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.141.8.093-103

Fedorinova, E. A. (2016). On the content of "politics" notion. In *Current issues of modern socio-political phenomena: theoretical and methodological and applied aspects* (pp. 9–12). Prague: Sotsiosfera. (In Russ.).

Gorodetsky, A. E. (2022). Technological Transition: Economic Crisis, Sanctions and a New Technological Agenda. *Economic Revival of Russia*, *3*, 71–88. (In Russ.). https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-3-73-71-88

Grab, P. A. (2022). Development of Trade and Economic Relations between Russia and China: Stages, Problems. In *Development of customs sector in the Russian Federation: Far Eastern vector*, *3*, 44–51. (In Russ.).

Gumerova, G. I., & Shaimieva, E. Sh. (2023). Approaches to researching creative industries for management in digital economy. *Russian Journal of Economics and Law*, *17*(1), 63–89. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.1.63-89

Ilyin, I. V., Liu, Wenge, Yudina, T. N., & Zhang, Chi. (2023). Features of Digital Economy Development in Russia and China: Russian-Chinese Cooperation in the Context of the Global Digital Economy. *Journal Bulletin of Moscow University. Series 27:* "*Global Studies and Geopolitics*", *4*, 5–22. (In Russ.).

Imasheva, I. Yu., & Kramin, T. V. (2022). Digital inequality: modernization of Kuznets curve in the digital era. *Russian Journal of Economics and Law*, *16*(4), 716–727. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.716-727

Ivanov, O. B., & Buchwald, E. M. (2022). Sanctions and countermeasures in the economy of the Russian Federation (regional aspect). *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*, *4*, 7–27. (In Russ.).

Kapitsyn, V. M. (2023). Stigmatisation as a threat to national identity (lessons for the present from the past). *Vestnik Instituta Sotziologii*, *14*(1), 45–66. (In Russ.). https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.1.3

Khominich, I. P., & Alikhani, S. (2021). Russia and Iran in Conditions of Economic Sanctions: Anti-Sanction Policy and Resistance Economy. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, *18*(2), 5–12. (In Russ.). https://doi.org/10.21686/2413-2829-2021-2-5-12

Korgun, I. A., & Toloraya, G. D. (2022). On the question of effectiveness of sanctions against DPRK. *Polis. Political Studies*, *3*, 80–95. (In Russ.). https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.07

Krasilnikov, O. Yu. (2022). Import substitution strategy in the development of Russian regions (by the example of Saratov oblast). In *Russia: trends and prospects of development: works of the 13th International scientific and practical conference "Regions of Russia: development strategies and mechanisms of implementation of priority national and regional projects and programs"* (Iss. 17, part. 2, pp. 101–103). Moscow: INION RAS. (In Russ.).

Kristinevich, S. (2019). Sanctions as a forceful instrument in the global political-economic area. *Belarusian Economic Journal*, *1*, 30–42. (In Russ.).

Kuleshova, N. S., & Hao, L. (2022). Western economic sanctions and Russia's "long-term" response after the Crimean crisis. *Voprosy Politologii*, *12*(4), 1237–1246. (In Russ.).

Kumalagov, N. E., Khamkhoeva, L. M., & Yarovoy, M. A. (2023). Regulatory legal acts of unfriendly states imposing sanctions against the oil and gas sector of the Russian Federation (sanctions compliance). *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, *1*, 213–216. (In Russ.). https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_1_213

Lebedev, A. S. (2022). Anti-Russian Sanctions in Global Economic Warfare. *MGIMO Review of International Relations*, *15*(6), 26–35. (In Russ.) https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-6-87-26-35

Loban, N. V. (2023). Features of managing companies under external restrictions. *Innovation & Investment*, *3*, 69–73. (In Russ.).

Makhonin, V. A. (2012). On the correlation between the concepts of "politics" and "geopolitics". *Geopolitika: teoriya, istoriya, praktika*, *1*, 149–152. (In Russ.).

Manushin, D. V. (2022). Global economy of sanctions, sanctions, countersanctions and the new global currency. *Russian Journal of Economics and Law*, *16*(2), 345–369. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.345-369

Manushin, D. V. (2023). Anti-sanction and sanction economic policy of Russia in 2022–2025. Part 1: Analysis and forecast of managing sanctions against Russia. *Russian Journal of Economics and Law*, *17*(4), 775–799. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.775-799

Manushin, D. V., Shabanova, L. B., Taisheva, G. R., & Enikeev, Sh. I. (2023a). *Anti-crisis management in modern national and regional economy*. Kazan: Publishing house "Poznanie" of Kazan Innovative University. (In Russ.).

Manushin, D. V., Taisheva, G. R., Enikeev, Sh. I. (2023b). Russian microelectronics: Current state-of-the-art, logistics, management issues, crisis response measures. *National Interests: Priorities and Security*, *19*(5), 808–842. (In Russ.). https://doi.org/10.24891/ni.19.5.808

Melnikov, V. Yu. (2023). Sanctions policy as a key factor in the modern international economic system functioning. In *Development of entrepreneurship as a factor of economic growth: a collection of scientific works of professors and students of the Department of Economics and Entrepreneurship* (pp. 70–73). Moscow. (In Russ.).

Milgunov, A. I. (2020). The concept and essence of politics and its characteristic features. In *Science of the young – the future of Russia: collection of scientific articles of the 5th International scientific conference of promising developments of young scientists. In 4 vol.* (pp. 115–121). Kursk. (In Russ.).

Novikov, V. E. (2022). Ways to modernize the Russian economy under sustainable development. In *Russia: trends and prospects of development: works of the 13th International scientific and practical conference "Regions of Russia: development strategies and mechanisms of implementation of priority national and regional projects and programs"* (Iss. 17, part 1, pp. 479–483). Moscow: INION RAS. (In Russ.).

Nwador, A. F., Sanubi, F. A., & Clark, E. V. (2023). Sanctions as tool for strategic deterrence: an assessment of targeted sanctions in Russia. *Journal of Public Administration, Finance & Law*, *27*, 544–565. https://doi.org/10.47743/jopafl-2023-27-43

Okhotskii, E. V. (2015). Anti-Russian sanctions and anti-sanctions policy of the Russian Federation. In *State, power, management and law: History and modernity: Proceedings of the 6th All-Russian scientific and practical conference* (pp. 255–259). Moscow: Publishing House of State University of Management. (In Russ.).

Orlova, S. V. (2017). Destabilizing technologies of political regimes in the twenty-first century. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, *7*(3), 89–94. (In Russ.).

Panova, E. A. (2023). The Impact of Sanctions on Russian Manufacturing Enterprises. *Public Administration. E-journal (Russia)*, *96*, 48–63. (In Russ.). https://spajournal.ru/index.php/spa/article/view/56

Pavlova, S. A., Pavlov, I. Y. & Amiraslanov, I. D. (2022). Economic sanctions as a prerequisite for the development of Russia's national economy. *International Research Journal*, *11*(125). (In Russ.). https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.125.22

Petrosyan, G. E. (2022). Transformation of Sanctions against the Russian Federation. *Region and the World*, *13*(3), 29–36. (In Armenian).

Polyakova, N. A. (2023). Separate issues of organizing supervision over the rights of business entities in the conditions of changes in federal legislation due to unfriendly actions of foreign states. *The Art of Law*, *2*, 29–35. (In Russ.).

Poustovoit-Dinkov, G. A. (2023). The effects of sanctions on the state of maritime transport of hydrocarbons from the Russian Federation. *Innovation & Investition*, *7*, 46–49. (In Russ.).

Samarukha, V., Samarukha, A., & Samarukha, I. (2020). Development of Financial and Taxation Mechanisms in Soviet Russia and in the USSR. *Bulletin of Baikal State University*, *30*(1), 100–112. (In Russ.). https://doi.org/10.17150/2500-2759.2020.30(1).100-112

Semyakin, M. N. (2022). Modern Civil Law Policy in the Russian Federation in the Context of Global Economic Challenges. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*, *7*(2), 30–35. (In Russ.). https://doi.org/10.47475/2618-8236-2022-17205

Sergeev, D. A. (2020). Main directions of "digitalization" of procurement planning in the contract system. In *Vector of development of managerial approaches in the digital economy: works of the 2nd All-Russian scientific and practical conference* (pp. 208–212). Kazan: PH "Poznaniye". (In Russ.).

Shlychkov, V. V., Nestulaeva, D. R., & Zareznov, D. A. (2023). The Russian economy 2023: inevitable paradigm shifts and development forecasts. *Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies*, *12*(2), 144–151. (In Russ.).

Skobeleva, A. V. (2018). Features of sanctions policy in the various paradigms of international relations. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology*, *4*, 123–133.

Terry, P. (2022). Enforcing US foreign policy by imposing unilateral secondary sanctions: Is might right in public international law? *International Organisations Research Journal*, *17*(1), 25–55. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-01-02

Timofeev, I. N. (2018). *The Sanctions Against Russia: Areas of Escalation and Counteraction Policies: Project No. 37/2018*. Moscow: Russian International Affairs Council. (In Russ.).

Tishchenko, E. V., & Mielikhova, L. I. (2022). Trends in the Russian criminal policy in the context of sanctions pressure. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*, *9*(3), 114–121. (In Russ.).

Uryadnikova, M. V. (2023). Innovative model of regional economic development. *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii*, *2*, 35–39. (In Russ.).

Usov, M. D., & Drozdova, A. P. (2023). Strategy and prospects for the development of the digital economy of Russia. *Information Technologies in Economy and Management*, *2*(38), 43–49.

Vernichenko, M. A. (2014). On politics as a science: basic concepts and patterns. *Vestnik universiteta*, *7*, 21–31. (In Russ.).

Voinov, D. (2015). Sanctions as a method of political pressure: European competition experience in the period of the pre-industrial economy. *Online scientific journal "Age of Quality"*, *4*, 53–73. http://www.agequal.ru/pdf/2015/415005.pdf

Vorontsova, L. V. (2013). Forming the model of efficiency estimation of transactional costs in educational sphere. *Actual Problems of Economics and Law*, *2*, 33–40. https://doi.org/10.21202/1993-047X.07.2013.2.33-40

Wang, J. (2023). The concept of "politics" in Russian and Chinese culture. *Philosophy and Culture*, 10, 133–144. (In Russ.). https://doi.org/10.7256/2454-0757.2023.10.68778

Zorina, A. I. (2018). The impact of sanctions policy on food security in the region on the example of dairy industry in Kaliningrad region. *Investment and Innovation Management Journal*, *2*, 37–42. (In Russ.). https://doi.org/10.14529/iimj180206

ПРИЛОЖЕНИЕ / APPENDIX

Таблица П1

Обзор и критика понятий «санкционная политика», «санкционная экономическая политика», «антисанкционная политика» и «контрсанкционная политика»

Авторы	Понятие	Критическая оценка
	Санкционная экономическая политика	
Д. А. Войнов (Войнов, 2015, с. 56)	В основе санкционной экономической политики лежит конкуренция, отражающая конфликт интересов субъектов экономической или политической деятельности	Конкуренция является не единственным свойством этой политики
В. И. Самаруха и др. (Самаруха и др., 2020, с. 101)	Санкционная экономическая политика, направлена на финансовую, технологическую и информационную изоляцию РФ и сдерживание ее социально-экономического развития	Целями этой политики являются не только изоляция и сдерживание подсанкционных государств
Г. А. Пустовойт-Динков (Пустовойт-Динков, 2023, с. 49)	Экономическая санкционная политика не связана с политическими действиями РФ, а базируется на недобросовестной конкуренции и попытках силовыми методами повлиять на энергетический рынок	Конкуренция и силовые методы являются не единственными свойствами этой политики

Продолжение табл. П1

Авторы	Понятие	Критическая оценка
	Санкционная политика	
МИД Швеции (2007) (Nwador и др., 2023, pp. 545–546)	Санкционная политика помогает распространять демократию, укреплять международную безопасность и сохранять мир во всем мире	В этом понятии раскрыты лишь цели этой политики
С. В. Орлова (Орлова, 2017, с. 92)	Санкционная политика – это экономический и политический шантаж с целью воздействия на политический курс подсанкционного государства, в том числе для смены режима или национального лидера	Санкционная политика включает в себя не только шантаж
А. В. Скобелева (Скобелева, 2018, с. 125)	Санкционная политика – это политически обусловленная система ограничительных мер	Политика гораздо шире системы мер и не может отождествляться с ними
А. И. Зорина (Зорина, 2018, с. 37)	Под санкционной политикой понимаются действия двух сторон – как санкции, направленные против России, так и российские контрсанкции	Представляется нелогичным объединение антироссийской санкционной политики и контрсанкционной политики РФ
С. А. Кристиневич (Кристиневич, 2019, с. 30)	Санкционная политика основана на концепции институциональных интервенций и предполагает использование односторонних мер принуждения для получения конкурентного преимущества в глобальном политико-экономическом пространстве	Конкуренция является не единственным свойством этой политики. Также не учтено негативное влияние своих санкций на государство-агрессор
П. Терри (Terry, 2022, p. 6)	Санкционная политика США является попыткой установить контроль над внешней политикой других государств	В этом определении раскрыта лишь цель этой политики
Г. Э. Петросян (Петросян, 2022, с. 29)	Западная санкционная политика направлена не только на сдерживание России, но и является самоцелью ряда стран	Санкционная политика обладает и другими свойствами, помимо сдерживания и проявления агрессии к России
О. В. Боброва (Боброва, 2022, с. 134)	Санкционная политика – это элемент неоколониализма	В понятии не раскрыта его суть
С. А. Белозёров, Е. В. Соколовская (Белозёров, Соколовская, 2022, с. 73)	Стандартная санкционная игра предполагает, что взаимоотношения между странами, участвующими в ней, имеют повторяющийся характер; стороны действуют по очереди; санкционный процесс часто длительный и многоходовый; санкционная политика часто ориентирована не на получение прибыли, а на политическое наказание страны-мишени	В понятии раскрыта не суть, а специфика реализации санкционной политики. В то же время повторяющийся характер санкций означает наличие возможности спрогнозировать будущую антироссийскую санкционную политику на основе санкций против СССР, Китая, Ирана, Венесуэлы и иных стран
В. Ю. Мельников (Мельников, 2023, с. 71)	Санкционная политика – это система мер, методов, инструментов и форм политического, экономического и иного воздействия, последовательно и целенаправленно применяемых международными организациями, коалициями государств и отдельными странами для принуждения государств, юрлиц и физлиц к выполнению политических требований	В реальности цели санкционной политики не только политические. Одновременное присутствие в понятии схожих приемов воздействия (мер, методов и инструментов) не обосновано
Н. Е. Кумалагов и др. (Кумалагов и др., 2023, с. 213)	Санкционная политика – это сложный механизм, основанный на юридическом закреплении субъектов и объектов, причин, целей и методов воздействия	В понятии не учитываются неформальные санкции
М. Л. Энтин и др. (Энтин и др., 2024, с. 18)	Для реализации санкционной политики важно поддерживать информационный шум о санкциях (для сохранения их идей в новостной повестке, деморализации противника и его сторонников), продвигать санкции (с заложенным в них обоснованием, коммерческим и (или) политическим эффектом) и стимулировать дискуссию об их эффективности (если санкции эффективные, то это доказательство правильных действий правительства страны, а если неэффективные, то аргумент необходимости их ужесточения; самоаудит своих санкций)	В понятии раскрыты только некоторые цели и схемы реализации санкционной политики

Окончание табл. П1

Авторы	Понятие	Критическая оценка
	Антисанкционная и контрсанкционная политика	
Е. В. Охотский (Охотский, 2015)	Антисанкционная политика – это поступательное развитие рынка на собственной основе	В понятии не учтено влияние санкций. Так, поступательное развитие рынка обычно реализуется в ситуации неявного кризиса, а не в период санкций
И. П. Хоминич, С. Алихани (Хоминич, Алихани, 2021, с. 5, 10)	Антисанкционный экономический подход направлен на противодействие негативному влиянию санкций на экономику подсанкционной страны, ее укрепление и повышение экономической безопасности	Это определение во многом тавтологично. Отождествление антисанкционных действий с повышением экономической безопасности является хотя и логичным, но известным[83] и слишком общим подходом
А. Е. Городецкий (Городецкий, 2022, с. 78)	Анти- и контрсанкционная политика – это система мер по повышению устойчивости экономики в условиях санкций	Политика гораздо шире системы мер и не может отождествляться с ними
О. Б. Иванов, Е. М. Бухвальд (Иванов, Бухвальд, 2022, с. 8)	Антисанкционная политика РФ отражает общегосударственные приоритеты и значимые аспекты политики регионального развития. В ней сделан акцент на известной децентрализации этой политики и усилении в ней роли субъектов РФ	Эта политика включает в себя не только элементы, указанные в этом понятии
Н. С. Кулешова, Л. Хао (Кулешова, Хао, 2022)	Контрсанкционная политика Российской Федерации – это целостная система государственных решений против санкционных принуждений Запада	Отождествление политики с системой (в том числе с системой решений или мер) некорректно
С. А. Павлова и др. Павлова и др., 2022, с. 8)	Антисанкционная политика направлена на формирование внешнеэкономической независимости и стабилизации микроэкономической деятельности внутри государства	При изучении этих позиций обнаружено, что в них сделан акцент на целях и приоритетах антисанкционной политики России, а ее суть не раскрыта
В. В. Шлычков и др. (Шлычков и др., 2023, с. 148)	Антисанкционная политика должна быть основана на соблюдении баланса интересов отдельных экономических агентов, общества и государства при доминирующей роли последнего	
А. Л. Бугрышев, С. В. Паникарова (Бугрышев, Паникарова, 2023, с. 42)	Антисанкционная политика компании – это совокупность мероприятий, направленных на изменение поведения в периоды спадов, устойчивого снижения финансовых показателей, угрозы банкротства с целью финансового оздоровления	Отождествление политики с совокупностью мер некорректно
Н. В. Лобан (Лобан, 2023)	Управление в санкционных условиях является конструктивной реакцией на выявленные изменения, приводящие к ухудшению финансово-хозяйственной деятельности или банкротству предприятия	Некорректно отождествление: 1) управления с конструктивной реакцией; 2) кризиса с санкциями

[83] О специальных экономических мерах и принудительных мерах. № 281-ФЗ от 30.12.2006 (в ред. ФЗ № 83-ФЗ от 01.05.2019, № 219-ФЗ от 28.06.2022).

Таблица П2

Ожидаемый и реальный результаты введения антироссийских санкций 2022–2023 гг. в краткосрочном и долгосрочном периодах

Санкционное направление	Вид результата	Результат антироссийских санкций	
		Краткосрочный	Долгосрочный*
Политическое	Ожидаемый	Политическое давление на руководство России и его окружение (в том числе на российских бизнесменов) в попытках вынудить их обрушить репутацию РФ как координатора нового мироустройства. Физическое уничтожение или запрет на выполнение своей деятельности или нарушение свободы слова политиков, журналистов, общественников, судей и иных лиц, поддерживающих новое мироустройство. Ухудшение геополитического положения России. Международная изоляция России (в политике, спорте, рейтингах и т. п.). Снижение статуса россиян	Сохранение англосаксонского однополярного и неоколониального мира. Принятие политической системы США другими странами и их лидерами[84]. Фальсификация истории конфликта России и Украины. Лишение населения мира альтернативной точки зрения. Российские олигархи, подчинившиеся США, меняют власть в России. Сохранение рядом с Россией зоны вялотекущего конфликта, который будет обостряться, когда этого потребуют интересы США. Запрет русского мира. Разделение России на ряд малых стран, воюющих между собой[85]
	Реальный	Ослабление политического авторитета США. Обострение межпартийной борьбы в США[86, 87, 88]. Повышение политической устойчивости российской власти[89, 90]. Сокращение числа официальных источников, сообщающих правду о предпосылках[91, 92] и процессе конфликта на Украине. Ухудшение отношения европейцев к России[93, 94]. Улучшение геополитического положения России. Усложнение доступа России к областям, контролируемым США и ЕС. Демонстрация подавляющего превосходства оружия России перед оружием США	Признание многополярности мира. Повышение авторитета России и россиян в нейтральных странах. Фальсификация истории конфликта России и Украины в США и ЕС. Лишение граждан США и ЕС альтернативной точки зрения. Улучшение геополитического положения России. Создание на несколько лет очага напряженности рядом с РФ. Недовольство европейцев санкциями ЕС[95, 96, 97, 98]

[84] Реальной политической властью в США обладает бизнес-элита (группа частных банков (ФРС США) по своему разумению печатает доллары, узаконен лоббизм интересов бизнес-элиты и др.), а политики США в основном продвигают интересы бизнес-элиты и выступают в роли «говорящих голов». Именно поэтому американские СМИ и прокуроры преследуют Д. Трампа (он самостоятельный игрок, а не марионетка бизнес-элиты) и поддерживают Д. Байдена (целью его первой встречи с В. В. Путиным была передача ему списка компаний, которые, по мнению Д. Байдена, являются неприкосновенными в любой точке мира). Если в других странах реальная власть окажется в руках бизнес-элиты, то она подчинится бизнес-элите США, которая может легко обанкротить любую корпорацию. Если руководство и политики других стран примут роль марионеток бизнес-элиты своей страны или США, то они отдадут США реальную власть над своей страной. На примере Польши и стран Прибалтики хорошо видно, что население этих стран не может легитимно выйти из подчинения США, так как все политические партии и кандидаты в президенты куплены США, их цель – полное подчинение своей страны Америке, население может лишь выбрать, каким путем они пойдут к этой цели.

[85] Рябов, М. (2022, 3 мая). Украина объявила условия капитуляции России. ПолитНавигатор. https://www.politnavigator.net/ ukraina-obyavila-usloviya-kapitulyacii-rossii.html

[86] Конгрессмен Маккол: лишь 20 % финансовой помощи Украине от США идет напрямую Киеву. (2023, 29 марта). Ведомости. https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/03/29/968693-lish-20-pomoschi-idet-kievu?from=newsline&ysclid=lswyaprrwo250775031

[87] Агафонова, Е. Пентагон назвал сумму оборонной поддержки США Украины за время работы Байдена. (2023, 26 октября). Газета. ru. https://www.gazeta.ru/business/news/2023/10/26/21584803.shtml?ysclid=lswycpbjk543459811

[88] В ее основе лежит желание контролировать финансовый поток «военной помощи Украине», который в реальности в основном оседает в США и распределяется между самыми достойными американцами. Так, глава комитета по иностранным делам Палаты представителей Конгресса США М. Маккол 29 марта 2023 г. сообщил, что «не более 20 % выделяемой Штатами помощи в реальности доходит до Украины» (см. сноску 86). Пентагон 26.10.2023 сообщил, что с начала СВО Украине выделено 43,9 млрд долл. (см. выше сноску 87), т. е. в США осталось более 35 млрд долл.

[89] Рейтинг Путина на сегодня в 2024 году. (2024, 9 февраля). GOGOV. https://gogov.ru/articles/rating-putina

[90] К 4 февраля 2024 г. средний рейтинг доверия В. В. Путину, по данным ВЦИОМ и ФОМ, составил 80 %. (См. выше сноску 89).

[91] «Разворовывается до 70 процентов»: почему ЕС задерживает финансовую помощь Украине. (2022, 5 августа). Рамблер. https://news.rambler.ru/conflicts/49123541/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

[92] Политолог Сергей Марков 05.08.2022 в беседе с «Вечерней Москвой» сообщил, что в мирное время на Украине разворовывалось около 50 % западной поддержки, а в хаосе войны воруют около 70 % помощи (см. выше сноску 91).

[93] Химшиашвили, П. (2023, 7 июня). Опрос показал переход России из партнеров в противники для европейцев. РБК. https://www.rbc.ru/politics/07/06/2023/648056679a79474c14bb2ed8?ysclid=loaztyiy4t759123559

[94] К России относятся как к противнику или конкуренту 64 % опрошенных из 11 стран ЕС в 2023 г. и 35 % (в 2021 г.), а партнером или союзником Россию назвали 23 % (2023 г.) и 42 % (в 2021 г.) (см. выше сноску 93).

[95] Депутат ЕП Уоллес заявил, что 70 % европейцев выступают против санкций в отношении России. (2023, 30 марта). Газета.ru. https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/03/30/20090773.shtml

[96] В Венгрии 97 % граждан высказались против санкций ЕС в отношении России. (2023, 14 января). ТАСС. https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16799537?ysclid=lkovlazbaz69670170

Продолжение табл. П2

Санкционное направление	Вид результата	Результат антироссийских санкций	
		Краткосрочный	**Долгосрочный***
Военное	Ожидаемый	Уничтожение населения ДНР и ЛНР с заселением этих территорий укронацистами. Прекращение выпуска высокотехнологичного российского оружия из-за отсутствия зарубежных компонентов. Прекращение экспорта в РФ товаров военного и двойного назначения. Создание катастроф из-за военных действий	Захват Украиной Крыма с созданием на нем военных баз США и размещением американского оружия, в том числе и ядерного. Ослабление военного и демографического потенциала РФ. Активизация информационной войны против России. Создание зоны отчуждения на территории техногенной или иной катастрофы
	Реальный	Сокращение числа обстрелов ДНР и ЛНР. Улучшение тактики военных действий российской армии, в том числе с учетом новых видов оружия и вариантов доставки боеприпасов до цели. Увеличение числа военных заказов, так как почти все компоненты высокотехнологичного российского оружия являются отечественными. Повышение стоимости зарубежных товаров военного и двойного назначения	Модернизация российского оружия. Популяризация проектирования, производства и эксплуатации беспилотников[99]. Повышение стоимости и снижение объемов зарубежных товаров военного и двойного назначения, приобретаемых РФ через третьи страны. Активизация информационной войны против России
Финансово-экономическое	Ожидаемый	Дефолт России. Закрытие доступа РФ к мировому рынку капитала, мировым валютам (в том числе к криптовалютам) и финансовым услугам. Игнорирование финансовых услуг РФ на мировом рынке. Заморозка российских активов. Обесценивание рубля на мировом рынке. Большие убытки у олигархов РФ	Разорение финансовых организаций РФ и компаний, связанных с российским государством. Захват финансового рынка России зарубежными корпорациями. Изъятие замороженных российских активов у РФ. Обвал фондового рынка РФ и приостановка торгов на нем
	Реальный	Технический дефолт России из-за отказа Запада принимать выплаты в рублях. Закрытие России доступа к рынку капитала и финансовых услуг США и их союзников. Игнорирование российских финансовых услуг на рынках США и их союзников. Снижение доли и роли доллара, евро, фунта, йены и криптовалют в мировой экономике из-за перехода на оплату товара в национальных валютах. Заморозка российских активов. Повышение курса рубля к мировым валютам. Серьезные государственные инвестиции в российскую экономику, обеспечившие заказами российские компании и работой многих россиян. Налоговые льготы, кредитные каникулы, запрет на проверки и господдержка компаний и граждан РФ. Вынужденное повышение величины резервов российскими компаниями. Выкуп государством ОФЗ и ценных бумаг российских компаний, упавших на дно рынка	Кража замороженных российских активов[100]. Уничтожение репутации США, Англии и ЕС как хранителей финансовых активов. Активизация деятельности российских финансовых компаний на внутреннем рынке и рынках дружественных стран. Снижение стоимости ценных бумаг российских компаний. Снижение курса рубля к мировым валютам по сравнению с их курсом на начало конфликта. Снижение в 5–10 раз объема торгов на фондовом рынке РФ[101] слабо повлияло на экономику РФ [102, 103, 104, 105]. Получение природных ископаемых на территориях, присоединившихся к РФ[106, 107]. В 2–3 раза увеличилось время на согласование платежей и поставку товаров, стоимость доставки товаров увеличилась примерно на 30 %[108]. Уход части бизнеса РФ в серую зону из-за сложностей с безналичными расчетами и перехода к оплате наличными

[97] Большинство молдаван выступают за дружбу с Россией – соцопрос. (2023, 27 февраля). Царьград. https://tsargrad.tv/news/bolshinstvo-moldavan-vystupajut-za-druzhbu-s-rossiej-socopros_732285?ysclid=lo9vh5n245537048159

[98] По результатам опроса Европейского совета по международным отношениям, более 70 % европейцев хотят мира с Россией (см. выше сноску 95). По результатам опроса в Венгрии, 97 % венгров высказались за отмену санкций ЕС (см. выше сноску 96). 69, 70 и 73 % молдаван против разрыва соответственно экономических, дипломатических и культурных связей, а 55 % считают выход Молдовы из СНГ ошибочным (см. выше сноску 97).

[99] Путин поручил принять меры для популяризации производства беспилотников. (2023, 14 июня). РИА Новости. https://ria.ru/20230616/kotyakov-1878538927.html

[100] По итогам встречи министров иностранных дел G7 в Японии 18 апреля 2023 г. заявлено, что российские активы не разморозят до завершения конфликта в пользу Украины, т. е. Россия никогда их не получит. На это указывает и опыт заморозки активов других стран. «Так, Венесуэла до сих пор не смогла вернуть активы, замороженные США и Англией в 2019 г. (около 30 млрд долл.) (доступ к ним получила венесуэльская оппозиция). Большая часть активов Ирана заморожена в 2012 г. (около 100 млрд долл.) (часть средств Ирана США раздали американцам, пострадавшим от разных терактов). В 2016, 2021 и 2022 гг. Иран (в том числе через суды) смог вернуть около 9 млрд долл. после ряда уступок США и Англии» (Манушин, 2022).

[101] Как российский финансовый рынок избежал коллапса после 24 февраля. (2022, 30 декабря). Forbes. https://www.forbes.ru/investicii/483175-kak-rossijskij-finansovyj-rynok-izbezal-kollapsa-posle-24-fevrala?ysclid=ljwif1sju8637973176

[102] См. сайт Московской биржи. https://www.moex.com/s3122

[103] Количество действующих в РФ компаний в 2023 году выросло впервые с 2015 г. (2024, 12 января). Интерфакс. https://www.interfax.ru/business/939989

[104] Сколько акций торгуется в США и сколько в России. (2018, 22 марта). БКС-ЭКСПРЕСС. https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/skol-ko-aktsii-torguetsia-v-ssha-i-skol-ko-v-rossii

Продолжение табл. П2

Санкционное направление	Вид результата	Результат антироссийских санкций	
		Краткосрочный	Долгосрочный*
Секторальное	Ожидаемый	Изоляция финансовых организаций РФ. Запрет на получение компаниями из РФ зарубежных финансовых услуг. Приостановка экспорта и производства в РФ высокотехнологичной продукции, электроэнергии, самолетов, цифровых технологий, оборудования для строительства, добычи природных ископаемых, их переработки и транспортировки. Запрет на импорт из РФ нефти, газа, угля, многих драгоценных и иных металлов (золота, серебра, стали и др.), удобрений, продовольствия, финансовых и медиауслуг	Разрушение промышленности РФ, ориентированной на экспорт. Развитие экономики Англии, США и ЕС. Развал финансового сектора РФ с целью замены его на банки и иные финансовые организации США. Приход на рынок РФ ТНК США, которые будут за бесценок добывать у нас нужные им ресурсы и производить товары, в которых, по мнению бизнес-элиты США, россияне будут нуждаться
	Реальный	Усложнение работы финансовых организаций РФ на некоторых зарубежных рынках. Запрет на получение компаниями из РФ финансовых услуг США и их союзников. Повышение стоимости в РФ высокотехнологичной продукции, цифровых технологий, оборудования для строительства, добычи природных ископаемых, их переработки и транспортировки. Переориентация импорта РФ в дружественные и нейтральные страны со скидками. Развитие инфраструктуры в России и в дружественных странах	Повышение уровня интеграции промышленности и финансового сектора России, Китая и Индии. Активизация развития цифровых технологий, гражданской и военной инфраструктуры и продукции в РФ. Признание превосходства российского вооружения и военных технологий над иностранными. Приобретение иностранных компаний, ушедших с российского рынка[109, 110, 111, 112, 113, 114] с дисконтом в 50 %[115, 116, 117]

[105] Так, на Московской бирже до 2022 г. торговались акции около 300 российских компаний, а на 22.02.2024 торгуются 233 российские и 629 иностранных акций из 2,61 млн юрлиц РФ (в 2023 г.) (см. сайт Московской биржи. https://www.moex.com/s3122). В США в 2018 г. на биржах торговалось около 6,5 тыс. акций и около 10 тыс. акций на внебиржевых торгах (см. выше сноску 104). В результате из-за слабой развитости рынка ценных бумаг в РФ многие компании не заметили изменений на российском фондовом рынке.

[106] Эксперты оценили в $12,4 трлн контролируемые Россией месторождения Украины. (2022, 12 августа). Forbes. https://www.forbes.ru/biznes/474207-eksperty-ocenili-v-12-4-trln-kontroliruemye-rossiej-mestorozdenia-ukrainy?ysclid=lswwirl69w996899447

[107] Аналитики SecDev в августе 2022 г. сообщили, что Россия получила контроль над большой частью природных ресурсов Украины (общей суммой 12,4 трлн долл.): «63 % залежей угля, 42 % залежей металлов, 33 % месторождений редкоземельных элементов, 20 % месторождений природного газа, 11 % месторождений нефти» (см. выше сноску 106).

[108] Храмкин, П. (2023, 20 апреля). «Вариантов поставок из Европы все меньше»: что происходит в логистике спустя год санкций. Тинькофф журнал. https://journal.tinkoff.ru/logistics-2023/?ysclid=liznlipzcb444565843

[109] Эксперты оценили потери ушедших из России компаний в $240 млрд. (2022, 7 октября). РБК. https://www.rbc.ru/economics/07/10/2022/633e94809a79475aa5d84f00?ysclid=lswws1nkgi693778981&from=copy

[110] Мингазов, С. (2023, 20 января). Только 8,5 % западных компаний смогли уйти из России до конца 2022 года. Forbes. https://www.forbes.ru/biznes/483977-tol-ko-8-5-zapadnyh-kompanij-smogli-ujti-iz-rossii-do-konca-2022-goda?ysclid=lp9e4rgaw468473371

[111] Кокуркин, В. (2022, 5 мая). Как иностранные компании продают или передают бизнес в России. RG.RU. https://rg.ru/2022/05/05/kak-inostrannye-kompanii-prodaiut-ili-peredaiut-biznes-v-rossii.html?ysclid=lswwyihr3r708461730

[112] Роджерс А. 10 мировых гигантов, незаметно вернувшихся в Россию под новым брендом. (2023, 6 ноября). LIFE. https://life.ru/p/1618334?ysclid=lswx3q83mw733900892

[113] Бойко, А. (2024, 11 января). За два года число компаний с иностранным участием сократилось почти на 10 000. Ведомости. https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/01/11/1014512-za-dva-goda-chislo-kompanii-s-inostrannim-uchastiem-sokratilos?ysclid=lsjzqmd81c380727203

[114] К сентябрю 2022 г. из крупнейших зарубежных компаний, работавших в России: 34 % – ограничили свою деятельность, 15 % решили покинуть РФ через передачу бизнеса новому собственнику, 7 % заявили о полном уходе без продажи бизнеса, 44 % – продолжают работать в штатном режиме (см. сноску 109). По итогам 2022 г. полностью покинули российский рынок только 8,5 % иностранных компаний (см. выше сноску 110) При этом часть из них продала бизнес с получением опциона на его обратный выкуп (российским бизнесменам, государству или менеджерам своих компаний), часть продала россиянам долю в своем бизнесе, часть передала свои активы в доверительное управление (см. выше сноску 111), часть вернулась путем открытия своих филиалов под другим названием с заменой своего товарного знака (см. выше сноску 112). Ограничение деятельности часто выражалось в виде отказа от новых инвестиций и рекламы иностранного бизнеса в России. По данным «СПАРК-Интерфакса» за 10 мес. 2023 г. число иностранных компаний уменьшилось на 3 400 юрлиц (ушло 9,5 тыс. фирм, а появилось 6,1 тыс. компаний), за 2022 г. – на 6200, за 2021 г. – на 17 300. При этом уходят в основном очень мелкие фирмы (91,5 % от общего числа ликвидированных иностранных компаний). В 2023 г. число нерезидентов было меньше их количества в 2021 г. на 9 %. Новые компании приходят в РФ в основном из Китая и СНГ (см. выше сноску 113).

[115] Иванова Е., Сизов И. Бюджетный взнос. (2023, 28 марта). Коммерсантъ. https://www.kommersant.ru/doc/5901357

[116] Власти решили повысить «налог на выход» для западных компаний. (2023, 3 октября). Audit-it.ru. https://www.audit-it.ru/news/finance/1087351.html?ysclid=lswxkg9ts2255120292

[117] Для ухода от дисконта многие зарубежные компании официально продавались за 1 рубль или 1 евро. Для пресечения этой схемы введено требование внесения обязательного взноса в бюджет РФ сначала в размере 5 % от стоимости компании, а потом 15 % (с 26.09.2023), если цена ее продажи меньше 90 % ее стоимости (см. выше сноску 116).

Окончание табл. П2

Санкционное направление	Вид результата	Результат антироссийских санкций	
		Краткосрочный	Долгосрочный*
Социальное	Ожидаемый	Снижение качества жизни россиян путем лишения предметов роскоши из США и ЕС, ограничений на зарубежный туризм, повышения стоимости иностранных товаров и т. п. Возникновение паники из-за ожидания следующего пакета санкций, призыва ряда медиаперсон подчиниться США, ухода иностранных компаний из РФ, частичной мобилизации россиян	Создание волны социального возмущения властью и организация протестов. Снижение рождаемости россиян. Миграция многих россиян в западные страны вслед за медиаперсонами, поддержавшими действия США и их союзников. Повышение безработицы в РФ (из-за ухода западных компаний и разорения экспортоориентированных корпораций)
	Реальный	Снижение уровня жизни россиян, в том числе из-за повышения цен на зарубежные товары и услуги. Повышение напряженности и экономии россиян. Социальная господдержка россиян	Снижение рождаемости россиян. Миграция некоторых россиян. Снижение безработицы в РФ[118]

* Он частично основан на решениях США и их союзников, высказываниях мировых лидеров, их действиях в схожих ситуациях в России в 1990-х гг. и в других государствах и частично является прогнозным.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 10.09.2023
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 02.02.2024
Дата принятия в печать / Accepted 02.02.2024

[118] Уровень безработицы в России обновил исторический минимум. (2023, 31 мая). РИА Новости. https://ria.ru/20230531/bezrabotitsa-1875404080.html?ysclid=lnxgp5oi2k711964484

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.70-87**

УДК 330.4:519:336.7:658.155(470+571)
JEL: C1, C4, C53, G21, G33, H12

Д. Ф. Закирова[1]

[1] Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет), г. Санкт-Петербург, Россия

Исследование вопросов прогнозирования вероятности дефолта кредитных организаций в Российской Федерации

Закирова Диляра Фариловна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Менеджмент», Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)
E-mail: ZakirovaDF@gtifem.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-7706-0074
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/B-2971-2018
eLIBRARY ID: SPIN-код: 3569-5186

Аннотация

Цель: формирование модели прогнозирования неисполнения кредитными организациями своих обязательств в современных условиях функционирования банковского сектора.

Методы: одномерный дисперсионный анализ, регрессионный анализ моделей бинарного выбора.

Результаты: устойчивость банковской системы в современной экономике во многом оказывает влияние не только на финансовый сектор, но и экономический, инвестиционный климат в стране. Понимание степени влияния банков на состояние экономики обусловливает необходимость формирования соответствующих эффективных систем прогнозирования, позволяющих выявлять проблемные банки до того момента, когда возникнет необходимость отзыва у них лицензии. Существующая методика Банка России характеризуется субъективизмом и неточностью оценки. Анализ исследований по тематике прогнозирования дефолта банков показал наличие разнообразных подходов к методике оценки вероятности банкротства кредитных организаций, вместе с тем имеющих ряд недостатков. На основе выбора ключевых факторов, влияющих на финансовую устойчивость банка, сформирована модель логистической регрессии по прогнозированию банкротства банков. Предложенная в настоящей статье методика включает в себя пять предикторов, выделенных на основе усовершенствованной методики отбора переменных для логит-регрессии, и дополняет существующие методики.

Научная новизна: разработана методика для оценки вероятности банкротства коммерческих банков в Российской Федерации, которая включает в себя пять предикторов, являющихся ключевыми при оценке финансовой устойчивости банка: рентабельность активов, удельный вес ликвидных активов в валюте баланса, удельный вес кредитного портфеля в валюте баланса, доля кредитов реальному сектору в валюте баланса, доля долгосрочных размещений в кредитном портфеле. Логистическая регрессионная модель бинарного выбора, предложенная в работе, позволяет отграничивать финансово устойчивые кредитные организации от проблемных банков с горизонтом прогнозирования в пять месяцев и классификационной точностью 88,33 %.

Практическая значимость: сравнительно высокая классификационная точность полученной модели допускает возможность ее использования как Банком России при контроле за функционированием кредитных организаций, так и непосредственно руководством кредитной организации для оценки финансовой устойчивости организации и прогнозирования вероятности ее дефолта, а также при формировании стратегии развития банка.

Ключевые слова:

региональная и отраслевая экономика, банковская система, логистическая регрессионная модель, банкротство, показатели финансовой устойчивости кредитной организации, система прогнозирования вероятности дефолта банка

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

© Закирова Д. Ф., 2024

Как цитировать статью: Закирова, Д. Ф. (2024). Исследование вопросов прогнозирования вероятности дефолта кредитных организаций в Российской Федерации. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 70–87. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.70-87

Scientific article

D. F. Zakirova[1]

[1] *Saint Petersburg State Institute of Technology (Technical University), Saint Petersburg, Russia*

On predicting the probability of default of credit organizations in the Russian Federation

Dilyara F. Zakirova, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management, Saint Petersburg State Institute of Technology (Technical University)
E-mail: ZakirovaDF@gtifem.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-7706-0074
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/B-2971-2018
eLIBRARY ID: SPIN-code: 3569-5186

Abstract

Objective: to form a model for predicting the default of credit organizations under the modern conditions of the banking sector functioning.

Methods: unidimensional analysis of variance, regression analysis of binary choice models.

Results: in the modern economy, the banking system stability largely affects not only the financial sector, but also the economic and investment climate in the country. Understanding of the banks' influence on the economy necessitates the formation of appropriate effective forecasting systems that allow identifying problem banks before revoking their licenses is necessary. The existing methodology of the Bank of Russia is characterized by subjectivity and inaccuracy of assessment. The analysis of studies on predicting bank defaults showed various approaches to the methodology of assessing the probability of credit institutions' bankruptcy, though they have a number of shortcomings. Based on the selection of key factors affecting the bank's financial stability, the logistic regression model for predicting bankruptcy of banks was formed. The methodology proposed in this article includes five predictors, selected on the basis of the improved methodology for selecting logit regression variables, and complements the existing methodologies.

Scientific novelty: a methodology for assessing the probability of commercial banks' bankruptcy in the Russian Federation was developed, which includes five key predictors for assessing the bank's financial stability: return on assets, unit weight of liquid assets in the balance sheet currency, unit weight of the loan portfolio in the balance sheet currency, share of loans to the real sector in the balance sheet currency, and share of long-term placements in the loan portfolio. The logistic regression model of binary choice proposed in the paper allows distinguishing financially stable credit organizations from problem banks with a forecasting horizon of five months and a classification accuracy of 88,33 %.

Practical significance: the relatively high classification accuracy of the model allows its use by the Bank of Russia in controlling the credit organizations functioning, as well as directly by the credit organization's management, in order to assess the organization's financial stability and to predict the default probability, as well as to form the bank's development strategy.

Keywords:

regional and branch economics, banking system, logistic regression model, bankruptcy, indicators of financial stability of a credit organization, the system of forecasting the probability of bank's default

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Zakirova, D. F. (2023). On predicting the probability of default of credit organizations in the Russian Federation. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 70–87. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.70-87

Введение

В настоящее время банковский сектор представляет собой один из важнейших элементов рыночной экономики. Развитая и конкурентоспособная банковская система оказывает непосредственное влияние на то, будет ли экономика страны эффективна. Банковская система управляет системой платежей и расчетов, обеспечивает распределение денежных средств, осуществляет монетарную политику. Тем не менее любая кредитная организация – это сложный механизм, подверженный ряду «заболеваний», следствием которых может стать ее ликвидация. Несомненно, банкротство кредитных организаций может рассматриваться как естественный процесс, позволяющий очистить рынок от неэффективных структур. Однако необходимо учитывать важность данного института для экономики страны, а также понимать, что банкротство оказывает значительное негативное влияние не только на кредитную организацию, ее клиентов и контрагентов, но и опосредованно на экономический, инвестиционный, социальный и политический климат в регионе или стране. Данный факт подтверждается тем, что последствия финансовых кризисов, произошедших за последнее десятилетие, в значительной степени затрагивали всю глобальную экономику.

Кроме того, отметим, усугубление макроэкономической ситуации функционирования банковского сектора Российской Федерации, обусловленное влиянием экономических санкций, ростом дефицита бюджета, обусловленного геополитической ситуацией в мире и значительным увеличением расходов госбюджета в рамках «военного бюджета», ростом ключевой ставки Банка России с 4,25 % по состоянию на 27.07.2020 до 13 % по состоянию на 22.09.2023[1], что не могло не сказаться на финансовой устойчивости российских кредитных организаций. Финансовый результат банковского сектора в 2022 г. сократился в восемь раз по сравнению с 2020 г. и в 12 раз по сравнению с 2021 г. и составил 0,2 трлн руб., и, как отмечают в самом Центральном Банке России, достаточность капитала банковской отрасли в настоящее время поддерживается мерами Банка России[2].

Данные обстоятельства обусловливают необходимость формирования соответствующих эффективных систем прогнозирования, позволяющих выявлять проблемные банки до того момента, когда возникнет необходимость отзыва у них лицензии. Эти системы прогнозирования дефолта позволят руководству любой кредитной организации, а также Центральному банку России своевременно принимать меры по их выявлению и оздоровлению, тем самым предотвращая закрытие таких кредитных организаций и развитие новых финансовых кризисов.

На сегодняшний день в связи с существенным влиянием последствий отзыва лицензий тех или иных банков на экономику как всей страны, так и отдельных регионов, динамическим изменением условий функционирования банковского сектора в научных кругах не иссякает обсуждение вопросов прогнозирования вероятности банкротства кредитных организаций, факторов, его обусловливающих, и формирования стратегий развития банков по предупреждению банкротства. Среди них следует отметить работы американских (Kahn & Papanikolaou, 2013; Zhao et al., 2009; Kolari et al., 2000; Nagel & Purnanandam, 2020; Jo et al., 2022), европейских (Macedo & Jose, 2019), канадских (Ahangar & Ozturk, 2019), индонезийских (Asfahan & Abdul, 2020) ученых-экономистов, которые в силу различий в нормативно-правовом регулировании и макроэкономических особенностей функционирования банковского сектора в большей степени адекватно отражают картину функционирования зарубежных кредитных организаций, но не применимы для российских банков; некоторые исследования зарубежных специалистов посвящены рассмотрению чисто теоретических вопросов банкротства кредитных организаций (Tyler, 2001; Felita & Wirawan, 2021; Alma et al., 2022), ряд работ акцентируют свое внимание на обосновании применения методик прогнозирования дефолта предприятий к кредитным

[1] Ключевая ставка. https://cbr.ru/hd_base/KeyRate

[2] Банк России. (2023, январь). О развитии банковского сектора Российской Федерации в декабре 2022 года: информационно-аналитический материал. http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/43685/razv_bs_22_12.pdf

организациям (Калицкая и др., 2022; Салахетдинова, 2021; Винокурова, 2019), что, на наш взгляд, не совсем корректно, поскольку данные методики не учитывают особенности банков как специфических предприятий; отдельные работы посвящены лишь исследованию факторов, обусловливающих риск возникновения дефолта (Закирова, Вафин, 2018; Иванов, Федорова, 2015; Шуба, 2022), либо анализу применяемых на практике существующих методик оценки вероятности банкротства кредитных организаций (Синельникова-Мурылева и др., 2018; Зубарев, Бекирова, 2020), не предлагая тем самым усовершенствованные инструментарии для прогнозирования, адекватные современным реалиям.

Цель данного исследования – предложить модель прогнозирования дефолта кредитных организаций в современных условиях функционирования банковского сектора. В соответствии с поставленной целью необходимо:

1) сформировать выборку проблемных и финансово устойчивых банков для проведения исследования;

2) обеспечить сбор финансовых показателей об операционной деятельности включенных в выборку банков, способных оказать негативное влияние на их функционирование.

3) осуществить отбор финансовых и иных показателей, влияющих на вероятность банкротства кредитной организации, определить характер этого влияния;

4) обосновать спецификацию моделей вероятности дефолта кредитной организации;

5) проанализировать полученные модели, оценить их качество и предсказательную способность.

Обзор литературы. Методические рекомендации по мониторингу вероятности банкротства, реализуемые коммерческими банками в соответствии с Указанием Банка России от 11.06.2014 № 3277-У «О методиках оценки финансовой устойчивости в целях признания ее достаточной для участия в системе страхования вкладов»[3] и Указанием Банка России № 4336-У от 03.04.2017 «Об оценке экономического положения банков»[4], основаны на балльной оценке, недостатками которой, как справедливо отмечают М. И. Еримизина и Е. Н. Еримизина (2017), являются субъективизм, отсутствие статистической базы и, как следствие, неточность оценки. В связи с чем все большую значимость в практической деятельности кредитных организаций приобретают математические подходы по прогнозированию дефолта, основанные на статистической обработке информации, среди которых наибольшую популярность получили классификационные модели с дискретным выбором (Аль-Саади, 2021; Богданов, Замятина, 2020; Орешко, Савина, 2019; Челышев, 2019; Я. А. Клаас, Т. А. Клаас, 2019; Емельянов, Брюхова, 2021; Zakirova et al., 2019; Головань и др., 2003; Каминский и др., 2012; Доронин, Уруджова, 2019; Мартыненко, Терещенко, 2019; Zakirova et al., 2018; Lanine & Vennet, 2006; Бурова, 2021; Богданов, Замятина, 2020; Радионова, Приступина, 2019; Косорукова, Братанов, 2021; Соловьева, 2020). В данных моделях объясняемая переменная может принимать лишь два значения: 0 – кредитная организация является финансово устойчивой, 1 – кредитная организация стала банкротом. Для классификации банков на две категории (банкрот/небанкрот) применяются различные методики, среди которых следует отметить параметрические методы (логит- и пробит-регрессия, дискриминантный анализ, обобщенные линейные модели (*GLM*, *cloglog*), методы интеллектуального анализа (нейронные сети, дерево принятия решений, кластеризация, нечеткая логика, метод *k*-ближайших соседей и т. д.) и т. п. Среди них наибольшее практическое применение в силу высокой точности прогнозирования и простоты использования получили классические параметрические модели (например, логит-регрессия) (Аль-Саади, 2021). Применение логистической регрессии для прогнозирования банкротства кредитных организаций можно встретить как в работах зарубежных (Kahn & Papanikolaou, 2013; Zhao et al., 2009; Kolari et al., 2000; Nagel & Purnanandam, 2020; Jo et al., 2022; Macedo, Jose, 2019; Ahangar & Ozturk, 2019; Asfahan & Abdul, 2020; Tyler, 2001; Felita & Wirawan, 2021; Alma et al., 2022; Аль-Саади, 2021; Lanine & Vennet, 2006; Martin, 1977; Calabrese, & Giudici, 2013), так и отечественных исследователей (Богданов, Замятина, 2020; Орешко, Савина, 2019; Челышев, 2019; Емельянов, Брюхова, 2021; Zakirova et al., 2019; Головань и др., 2003; Каминский и др., 2012; Доронин, Уруджова, 2019; Мартыненко, Терещенко, 2019; Zakirova et al., 2018; Бурова, 2021; Радионова, Приступина, 2019; Пересецкий, 2013; Головань и др., 2004).

Одним из первых подобных исследований является работа Даниэля Мартина (Martin, 1977), который проанализировал 5 600 банков США, в том числе 23 кредитные организации, обанкротившиеся за период с 1975 по 1976 г. В качестве предикторов, определяющих финансовую устойчивость банка, были выбраны 25 по-

[3] Указание Банка России № 3277-У от 11.06. 2014. (2014). https://base.garant.ru/70710774/

[4] Указание Банка России № 4336-У от 03.04.2017. (2017). https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71582362/

казателей, которые условно можно объединить в четыре группы: качество активов, доходность, ликвидность, достаточность капитала. Разработанные Даниэлем Мартином модели обладали достаточно высоким уровнем предсказательной способности (90 % случаев верно определили отзыв лицензии), и все группы факторов, за исключением ликвидности, оказывали статистически значимое влияние на наступление банкротства. Данные результаты подтверждаются и более поздними современными исследованиями.

Calabrese и Giudici (2013) отдают предпочтение макроэкономическим факторам, однако используют и широкий спектр внутренних показателей оценки финансового состояния организации.

Применительно к российской практике из наиболее ранних следует выделить исследование G. Lanine и R. Vennet (2006), которое включало в себя статистические данные о 414 российских банках за период с 1991 по 2004 г. по семи показателям: размеру банка, рентабельности активов, ликвидности активов, доле государственных облигаций в активах, достаточности капитала, доле просроченных кредитов в активах, доле всех кредитов и займов в активах. В отличие от предшественников G. Lanine и R. Vennet рассматривали более короткие горизонты прогнозирования вероятности банкротства (3, 6, 9 и 12 месяцев), и полученные модели продемонстрировали неодинаковую прогностическую силу. Наибольшую значимость с точки зрения влияния на финансовое состояние кредитной организации проявили такие предикторы, как качество активов, достаточность капитала, а также показатели ликвидности.

Вопросы прогнозирования вероятности дефолта кредитных организаций освещены и в работах ряда российских ученых-экономистов. Так, А. Карминский с соавт. (2012) разработали методику оценки вероятности дефолта российских банков с отрицательным капиталом. Предлагаемая ими модель является достаточно точной и ориентирована на долгосрочный прогноз.

Интерес представляет и исследование Голованя с соавт. (2003), в котором впервые проведено разделение банков по кластерам. Для каждого кластера была сформирована отдельная модель оценки вероятности банкротства кредитной организации. Данный подход позволил выявить, какие факторы оказывают влияние на отдельный кластер, а какие являются общими для всех групп банков (собственный капитал, резервы, доля ликвидных активов). В исследовании участвовало 1 569 российских банков, по каждому из которых информация собиралась по более 30 независимым предикторам, причем ученые-исследователи сконцентрировали свое внимание на относительных показателях, что позволило нивелировать влияние размера банка на итоговый результат. Статистически значимыми оказались такие показатели, как валюта баланса; собственный капитал; ликвидные активы; депозиты физических лиц; резервы под возможные потери; кредиты нефинансовым организациям; неликвидные активы и основные средства; негосударственные долговые обязательства; вложения в государственные долговые обязательства.

В более поздней работе данных авторов (Головань и др., 2004) были рассмотрены особенности моделирования дефолта кредитных организаций РФ не только на основе внутренних показателей деятельности, но и с учетом макроэкономических и институциональных показателей. Согласно полученным результатам, использование макроэкономических показателей и факторов институциональной среды улучшает статистические характеристики качества модели, а также снижает долю допускаемых ошибок.

В дальнейшем А. А. Пересецкий дополнил данные исследования, выделив группу банков, которые следует исключить из выборки по причине того, что в случае значительного ухудшения финансового положения этих банков они получат государственную поддержку, так как являются системно значимыми банками (Пересецкий, 2013). Однако опыт зарубежных исследований показывает, что крупные системно значимые банки также подвержены риску дефолта.

Последующие работы в данной области отличались различной системой выбранных для анализа предикторов и периодом проведения исследования. Так, например, Б. А. Доронин, Л. Б. Уруджова предлагают рассчитывать четыре показателя в своей модели: отношение созданных резервов на возможные потери по ссудам к объему суммарной ссудной задолженности, показатель чистой ликвидной позиции банка, леверидж, процентную маржу – и берут для исследования данные 2017 и 2018 гг. (Доронин, Уруджова, 2019). И. В. Бурова анализирует период 2018 г. и включает в свою методику прогнозирования банкротства шесть предикторов, в частности обязательные резервы, деленные на уставный капитал; чистую ссудную задолженность, деленную на уставный капитал; вклады (средства) физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, деленные на уставный капитал; нераспределенную прибыль, деленную на уставный капитал; выпущенные долговые обязательства, деленные на уставный капитал; собственные средства, деленные на уставный капитал (Бурова, 2021). В работе Зубарева

и Бекировой отмечено, что значительное влияние на вероятность дефолта оказывают доля вложений в государственные ценные бумаги, доля ликвидных активов, доля собственных средств, доля кредитов нефинансовым организациям и сумма активов (Зубарев, Бекирова, 2020). В то время как в исследовании Синельниковой-Мурылевой с соавторами в модель прогнозирования включены коэффициент текущей ликвидности и отношение обязательств к активам (Синельникова-Мурылева и др., 2018). Н. А. Шуба приходит к выводу, что для получения более точных оценок вероятности дефолта следует отслеживать темпы создания ликвидности банками, а также учитывать размер ликвидных средств на остатках на корреспондентских счетах и резервы на возможные потери (Шуба, 2022). Такое многообразие подходов обусловлено тем, что современный коммерческий банк является сложной социально-экономической системой, зависящей от очень большого числа различных факторов.

Таким образом, на текущий момент в экономической литературе и практической деятельности коммерческих банков можно встретить множество подходов к построению моделей, позволяющих оценивать финансовое состояние кредитных организаций и прогнозировать вероятность их дефолта в будущем. Однако многим из них свойственны существенные недостатки, обусловленные низкой актуальностью для анализа и прогнозирования применительно к российским банкам (например, методические подходы зарубежных авторов), низкой классификационной точностью прогнозирования, связанной с неудачной адаптацией зарубежных методик к отечественным условиям и методик прогнозирования банкротства промышленных предприятий к коммерческим банкам, невозможностью в полной мере учесть макроэкономические показатели и качественные параметры деятельности коммерческих банков. Данные обстоятельства предполагают проведение дальнейшей работы по совершенствованию существующих методик и разработке новых подходов по формированию прогностических моделей. Предложенная в настоящей статье методика, включающая в себя пять предикторов, выделенных на основе усовершенствованной в данном исследовании методики отбора переменных для логит-регрессии, дополняет существующие, но не может являться единственной применяемой на практике для прогнозирования банкротства. Использование нескольких моделей параллельно могут дать более точный результат. Подобного мнения придерживаются авторы исследований (Asfahan & Abdul, 2020; Богданов, Замятина, 2020; Бурова, 2021), рекомендующие использовать различные методики для прогнозирования банкротства, что повысит качество результатов анализа и принимаемых управленческих решений.

Методы исследования

В качестве базовой модели для разработки системы оценки вероятности банкротства российских кредитных организаций в данном исследовании была использована логистическая регрессионная модель, с помощью которой можно отделить финансово устойчивые банки от проблемных.

На первом этапе построения модели был определен список банков, у которых Банк России отозвал лицензию в период с 01.01.2020 по 31.12.2022 (банки-банкроты), а также кредитных организаций, функционирующих в указанный период времени (банки-небанкроты). С 01.01.2020 по 31.12.2022 лицензий лишились 37 российских банков[5], 20 из которых были зарегистрированы в Москве, что связано с высокой концентрацией банковского сектора (51,36 %) в столице России (по состоянию на 01.01.2020 227 из 442[6], 3 – в Санкт-Петербурге, 2 – в Саранске. На другие российские города (Краснодар, Чебоксары, Пермь, Саратов, Астрахань, Екатеринбург, Майкоп и т. д.) приходилось не более одного банка, чья лицензия была отозвана.

В рамках данного исследования были рассмотрены только те банкротства банков, которые были вызваны ухудшением их финансовой устойчивости. Это ограничило выборку банков, которые были учтены при анализе. Те банки, которые лишились лицензии по иным причинам (например, в связи с нарушением законодательства о противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма[7], или из-за выявления фактов искажения отчетности), либо деятельность которых была прекращена по решению руководства в виде добровольной ликвидации, в выборку включены не были.

---

[5] Банк России. (2023). Годовой отчет Банка России за 2022 год. https://www.cbr.ru/collection/collection/file/43872/ar_2022.pdf; Банк России. (2022). Годовой отчет Банка России за 2021 год. https://www.cbr.ru/collection/collection/file/40915/ar_2021.pdf

[6] Статистические показатели банковского сектора Российской Федерации (интернет-версия). (2021, сентябрь). https://www.cbr.ru/collection/collection/file/35555/obs_227.xlsx

[7] О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. № 115-ФЗ от 07.08.2001 (в ред. от 29.12.2022). (2001). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/

Поскольку размер банков, ставших банкротами в анализируемом периоде, не был одинаковым, то при подготовке выборки учитывалась величина валюты баланса по состоянию на дату, наиболее близкую к дате лишения лицензии, и использован метод отбора по подобию. Материалы для исследования были отобраны из рейтингов сайта www.banki.ru[8], построенных на основании размера валюты баланса. Также для проведения исследования для каждого банка-банкрота было отобрано пять финансово устойчивых кредитных организаций, функционирующих в указанный период времени. Если в банке уже было введено внешнее управление, то в выборку он не включался.

В итоге были созданы:

1) исходная обучающая выборка из 19 банков-банкротов и 95 банков-небанкротов, т. е. в общей сложности 114 банков,

2) тестирующая выборка из 10 банков-банкротов (с отзывом лицензии в период с 01.01.2017 по 31.12.2019) и 50 финансово устойчивых кредитных организаций, т. е. в общей сложности 60 банков.

На втором этапе построения модели была сформирована система факторов, воздействие которых могло оказать влияние на вероятность банкротства. С этой целью были исследованы причины ухудшения финансовой устойчивости коммерческих банков, которые легли в основу отзыва лицензий Банком России. В частности, наиболее значимыми факторами выступили уменьшение величины собственных средств и потеря ликвидности. Среди банков, лицензии которых были отозваны из-за потери ликвидности, оказались ООО КБ «Геобанк», КБ «Спутник», АО «НВКБанк», АО «Нефтепромбанк» и др. Снижение размера собственных средств произошло вследствие проведения банками высокорискованной кредитной политики без создания адекватных резервов. У таких кредитных организаций, как АО «Майкопбанк», ПАО АКБ «Проинвестбанк», АО «Народный банк», АО АКБ «ИРС», ПАО Акционерный коммерческий кредитно-страховой банк «КС-банк», ПАО «Энергомашбанк», АО «БАНК НБТ», АО КБ «Интерпромбанк» и других, лицензии были отозваны в результате уменьшения величины собственных средств и потери ликвидности.

Данное обстоятельство обусловливает необходимость в качестве объясняющих факторов для проведения моделирования использовать показатели достаточности собственных средств, а также величины резервов на возможные потери по ссудам, ссудной и приравненной к ней задолженности. Кроме того, считаем допустимым при моделировании не использовать макроэкономические показатели в связи с тем, что все включенные в выборку банки функционируют в одинаковых экономических и политических условиях в рамках одной страны, соответственно, их изменениями можно пренебречь в связи с тем, что для анализа рассматривается сравнительно короткий временной период.

Далее выбор наиболее значимых показателей для оценки вероятности прогноза кредитной организации осуществлялся на основании источниковедческого анализа теоретических (Иванов, Федорова, 2015; Шуба, 2022; Синельникова-Мурылева и др., 2018; Богданов, Замятина, 2020; Я. А. Клаас, Т. А. Клаас, 2019) и эмпирических работ (Kahn & Papanikolaou, 2013; Zhao et al., 2009; Kolari et al., 2000; Nagel & Purnanandam, 2020; Jo et al., 2022; Macedo, Jose, 2019; Ahangar & Ozturk, 2019; Asfahan & Abdul, 2020; Tyler, 2001; Felita & Wirawan, 2021; Alma et al., 2022; Zakirova et al., 2019; Головань и др., 2003; Каминский и др., 2012; Доронин, Уруджова, 2019; Мартыненко, Терещенко, 2019; Zakirova et al., 2018; Lanine & Vennet, 2006; Бурова, 2021; Богданов, Замятина, 2020; Радионова, Приступина, 2019; Косорукова, Братанов, 2021; Соловьева, 2020; Яшина и др., 2017; Martin, 1977; Calabrese & Giudici 2013; Пересецкий, 2013; Головань и др., 2004), включающего в себя следующие аспекты:

1) отбор семейств показателей, характеризующих, по существу, одну и ту же сторону финансового состояния кредитной организации, но с использованием разных подходов к расчету. Выбор осуществлялся исходя из следующего соотношения: $X_i > X_{ср.}$, где X_i – частота встречаемости в экономической литературе семейств показателей; $X_{ср.}$ – средняя частота встречаемости семейств показателей;

2) выбор показателя в рамках семейств показателей, частота встречаемости которого в экономической литературе наибольшая.

В результате источниковедческого анализа были выявлены ключевые факторы, от изменения которых может зависеть финансовая устойчивость коммерческого банка и ее возможный дефолт. В их число вошли:

[8] Banki.ru. www.banki.ru/banks/

X_1 – рентабельность активов; X_2 – доля ликвидных активов в валюте баланса (учитываются только те активы, которые должны быть получены в сроки до 30 календарных дней (текущая ликвидность)); X_3 – доля вложений в государственные ценные бумаги в валюте баланса; X_4 – доля собственного капитала в валюте баланса; X_5 – удельный вес кредитного портфеля в валюте баланса; X_6 – удельный вес просроченной задолженности в кредитном портфеле; X_7 – доля сформированных резервов в кредитном портфеле; X_8 – валюта баланса, поскольку крупные банки устойчивее и вероятность их банкротства меньше; X_9 – доля вкладов и депозитов физических лиц в валюте баланса; X_{10} – доля кредитов реальному сектору в валюте баланса; X_{11} – доля долгосрочных размещений в кредитном портфеле.

Описательная статистика по данным факторам в разрезе рассматриваемых в данном исследовании банков-банкротов и банков-небанкротов представлена в табл. 1. В ходе исследования в качестве источника аналитической информации был выбран официальный сайт Банка России (www.cbr.ru), на котором опубликована отчетность коммерческих банков. Инструментом для осуществления расчетов стала программа *Microsoft Excel*.

Таблица 1

Описательные статистики ключевых факторов, влияющих на вероятность возникновения дефолта

Table 1. Descriptive statistics of the key factors influencing the probability of default

Описательная статистика / Descriptive statistics		Среднее значение показателя / Mean value of the indicator	Стандартная ошибка / Standard error	Стандартное отклонение / Standard deviation	Дисперсия выборки / Sample dispersion	Минимальное значение показателя / Minimum of the indicator	Максимальное значение показателя / Maximum of the indicator	Уровень надежности (95,0 %) / Reliability level (95,0 %)
X_1	Б	–0,0531	0,0203	0,0885	0,0078	–0,3713	0,0086	0,0426
	НБ	0,005	0,002	0,019	0,000	–0,029	0,109	0,004
X_2	Б	0,1009	0,0255	0,1111	0,0124	0,0110	0,4256	0,0536
	НБ	0,228	0,018	0,183	0,033	0,011	0,839	0,036
X_3	Б	0,0044	0,0035	0,0154	0,0002	–	0,0669	0,0074
	НБ	0,003	0,001	0,011	0,000	–	0,068	0,002
X_4	Б	0,1352	0,0313	0,1364	0,0186	–0,1041	0,5192	0,0657
	НБ	0,151	0,015	0,145	0,021	–0,011	0,579	0,029
X_5	Б	0,3955	0,0507	0,2210	0,0489	0,0092	0,9506	0,1065
	НБ	0,270	0,019	0,192	0,037	0,013	0,890	0,038
X_6	Б	0,0672	0,0135	0,0591	0,0035	0,0013	0,1859	0,0285
	НБ	0,113	0,018	0,183	0,034	–	1,000	0,037
X_7	Б	0,2049	0,0322	0,1402	0,0197	0,0249	0,4772	0,0676
	НБ	0,213	0,026	0,259	0,067	–	1,444	0,052
X_8	Б	16,0031	0,4456	1,9425	3,7732	13,2673	20,4495	0,9362
	НБ	16,573	0,261	2,593	6,722	1,558	22,160	0,517
X_9	Б	0,2300	0,0353	0,1539	0,0237	0,0197	0,4901	0,0742
	НБ	0,169	0,015	0,150	0,022	–	0,725	0,030
X_{10}	Б	0,2631	0,0407	0,1773	0,0314	0,0084	0,5567	0,0855
	НБ	0,137	0,011	0,106	0,011	0,004	0,481	0,021
X_{11}	Б	0,3505	0,0558	0,2434	0,0592	0,0001	0,9003	0,1173
	НБ	0,093	0,008	0,084	0,007	–	0,433	0,017

Примечание: Б – банки-банкроты. Представлена описательная статистика по 19 банкам-банкротам, включенным в обучающую выборку; НБ – финансово устойчивые кредитные организации. Представлена описательная статистика по 95 финансово устойчивым кредитным организациям, включенным в обучающую выборку.

Источник: составлено на основе данных, взятых с сайта https://cbr.ru/banking_sector/credit/

Note: Б – bankrupt banks. Descriptive statistics is presented for 19 bankrupt banks, included into the training sample; НБ – financially stable credit organizations. Descriptive statistics is presented for 95 financially stable credit organizations, included into the training sample.

Source: compiled based on https://cbr.ru/banking_sector/credit/

Анализ табл. 1 позволил сформулировать следующие гипотезы:

– наиболее значимыми факторами, обусловливающими вероятность банкротства, являются:

1) рентабельность активов (X_1) – чем она ниже, тем выше вероятность дефолта, следовательно, ожидаем отрицательный знак у данной переменной;

2) доля ликвидных активов в валюте баланса (X_2) – чем она меньше, тем выше вероятность дефолта, следовательно, ожидаем отрицательный знак у данного предиктора;

3) удельный вес кредитного портфеля в валюте баланса (X_5) – чем выше его значение, тем выше вероятность банкротства, следовательно, ожидаем положительный знак у данной объясняющей переменной;

4) доля кредитов реальному сектору в валюте баланса (X_{10}) – чем она выше, тем выше вероятность банкротства, ожидаем положительный знак у данного показателя;

5) доля долгосрочных размещений в кредитном портфеле (X_{11}) – чем выше его значение, тем выше вероятность дефолта, следовательно, ожидаем положительный знак у данного предиктора;

– среди факторов, не оказывающих существенное влияние на вероятность банкротства, следует выделить:

1) долю вложений в государственные ценные бумаги в валюте баланса (X_3);

2) долю собственного капитала в валюте баланса (X_4);

3) удельный вес просроченной задолженности в кредитном портфеле (X_6);

4) долю сформированных резервов в кредитном портфеле (X_7);

5) валюту баланса (X_8);

6) долю вкладов и депозитов физических лиц в валюте баланса (X_9).

На третьем этапе с помощью одномерного дисперсионного анализа (*ANOVA*) была оценена дискриминационная способность отобранных факторов путем определения значимости различий в средних значениях показателей для поиска зависимостей, а также проведена проверка выбранных факторов на мультиколлинеарность. Поскольку объясняющие факторы принимают большое количество различных значений, сделано допущение об их непрерывности. В отличие от указанных факторов объясняемая переменная «вероятность банкротства» принимает всего два значения: банкрот и небанкрот, что позволило применить по отношению к ней модель бинарного выбора – модель логистической регрессии, которая формально выглядит следующим образом (Радионова, Приступина, 2019, с. 229):

$$P(y_i = 1) = F(Zi) = \frac{1}{(1 + e^{-z})}, \quad (1)$$

где $P(y_i = 1)$ – вероятность банкротства i-го банка; $Z_i = b_0 + \sum_{j=1}^{n} b_j x_{ij}$ – линейная комбинация независимых факторов; b_j – коэффициент регрессии для j-го фактора; x_{ij} – значение j-го фактора для i-го банка.

Особенностью моделей логистической регрессии бинарного типа является то, что результирующий признак может принимать лишь два значения: «1» – если банк является банкротом, «0» – если банк признается финансово «здоровым». Преимуществами ее применения являются, во-первых, низкая степень восприимчивости к выбросам в наблюдениях, во-вторых, при относительной простоте вычислений данные модели показывают сравнительно высокую точность относительно других статистических методов, что подтверждают результаты предыдущих исследований (Kahn & Papanikolaou, 2013; Zhao et al., 2009; Kolari et al., 2000; Nagel & Purnanandam, 2020; Jo et al., 2022; Macedo, Jose, 2019; Ahangar & Ozturk, 2019; Asfahan & Abdul, 2020; Tyler, 2001; Felita & Wirawan, 2021; Alma et al., 2022; Аль-Саади, 2021; Богданов, Замятина, 2020; Орешко, Савина, 2019; Челышев, 2019; Емельянов, Брюхова, 2021; Zakirova et al., 2019; Головань и др., 2003; Каминский и др., 2012; Доронин, Уруджова, 2019; Мартыненко, Терещенко, 2019; Zakirova et al., 2018; Lanine & Vennet, 2006; Бурова, 2021; Радионова, Приступина, 2019; Martin, 1977; Calabrese & Giudici, 2013; Пересецкий, 2013; Головань и др., 2004).

На заключительном этапе проведена оценка качества модели и ее способности отграничивать финансово устойчивые банки от проблемных при горизонте прогнозирования в пять месяцев посредством:

1) определения показателя *ROC AUC* и расчета коэффициента $GINI_{normalized}$ по формуле (Богданов, Замятина, 2020, с. 126):

$$GINI_{normalized} = 2 \times ROC\ AUC - 1, \quad (2)$$

где $GINI_{normalized}$ – нормализованный коэффициент Джинни; *ROC AUC* –площадь, ограниченная *ROC*-кривой и осью доли ложных положительных классификаций;

2) расчета коэффициента детерминации Макфаддена по формуле (Давнис, 2005, с. 74):

$$R^2_{MCF} = 1 - \frac{(L_M)}{(L_0)}, \quad (3)$$

где R^2_{MCF} – коэффициент детерминации Макфаддена; L_M, L_0 – вероятности для подбираемой и нулевой модели соответственно;

3) определения псевдо R^2 по формуле (4) (Давнис, 2005, с. 75):

$$R^2_p = \frac{1}{1 + \frac{2}{n}}, \quad (4)$$

где R^2_p – коэффициент псевдо R^2; n – объем выборки; L_m, L_0 – вероятности для подбираемой и нулевой модели соответственно;

4) расчета взвешенного показателя эффективности по формуле (Kahn & Papanikolaou, 2013, p. 45):

$$WE = \frac{\frac{FCC}{PF} \times FCC}{AF} \times CC, \quad (5)$$

где *WE* – взвешенный показатель эффективности модели; *FCC* – количество верно классифицированных банкротов; *PF* – количество банков, классифицированных как банкроты; *AF* – количество фактических банкротов; *CC* – процент верно классифицированных банков.

Результаты и обсуждение

В табл. 2 представлены результаты проведения отбора показателей финансовой устойчивости с помощью одномерного анализа *ANOVA*.

Таблица 2

Отбор показателей финансовой устойчивости посредством *ANOVA*

Table 2. Selection of financial stability indicators by ANOVA

Показатель / Indicator	*p*-значение / *p*-value	*F*	*F*-критическое / *F*-critical	Среднее значение / Mean value		Дисперсия / Dispersion	
				Б	НБ	Б	НБ
X_1	0	36,04	3,94	-0,052	0,005	0,0078	0,0002
X_2	0	8,95	3,94	0,101	0,228	0,0123	0,0302
X_3	0,418	0,67	3,94	0,005	0,003	0,0002	0
X_4	0,712	0,15	3,94	0,136	0,149	0,018	0,019
X_5	0,0087	7,16	3,94	0,396	0,270	0,049	0,034
X_6	0,322	0,994	3,94	0,068	0,106	0,004	0,027
X_7	0,969	0,002	3,94	0,206	0,204	0,021	0,054
Логарифм X_8 / Logarithm X_8	0,175	1,92	3,94	15,95	16,71	3,773	4,148
X_9	0,077	3,215	3,94	0,24	0,167	0,025	0,021
X_{10}	0	18,974	3,94	0,263	0,137	0,032	0,01
X_{11}	0	73,37	3,94	0,35	0,093	0,06	0,006

Примечание. Б – банки-банкроты выборки; НБ – финансово устойчивые кредитные организации.

Note: Б – bankrupt banks of the sample; НБ – financially stable credit organizations.

По итогам тестирования были определены факторы с наибольшей дескриптивной способностью: X_1, X_2, X_5, X_{10}, X_{11}.

В связи с тем, что присутствие линейной зависимости между объясняющими переменными негативно влияет на качество моделирования, была выполнена проверка факторов на мультиколлинеарность (табл. 3).

Таблица 3

Проверка факторов на мультиколлинеарность

Table 3. Checking factors for multicollinearity

Корреляция / Correlation	X_1	X_2	X_5	X_{10}	X_{11}
X_1	1,00				
X_2	0,16	1,00			
X_5	0,05	0,32	1,00		
X_{10}	–0,10	0,09	0,65	1,00	
X_{11}	–0,31	–0,02	0,49	0,22	1,00

По результатам анализа, представленного в табл. 3, сильная линейная зависимость между исследуемыми показателями не была обнаружена, соответственно, все выбранные показатели могут быть учтены при построении модели и заявленные в исследовании гипотезы о включении данных ключевых факторов в модель подтверждаются.

Принимая во внимание, что объясняемая переменная «вероятность банкротства» принимает всего два значения – банкрот и небанкрот, – к ней была применена модель логистической регрессии бинарного выбора. Важным моментом при построении модели логистической регрессии по прогнозированию банкротства банков является определение оптимального горизонта прогнозирования, поскольку как кредитной организации, так и надзорным органам необходима информация за более длительный период времени, чтобы иметь возможность предпринять необходимые шаги по предупреждению банкротства. Опираясь на результаты эмпирических исследований теоретических (Иванов, Федорова, 2015; Шуба, 2022; Синельникова-Мурылева и др., 2018; Богданов, Замятина, 2020; Я. А. Клаас, Т. А. Клаас, 2019) и эмпирических работ (Kahn & Papanikolaou, 2013; Zhao et al., 2009; Kolari et al., 2000; Nagel & Purnanandam, 2020; Jo et al., 2022; Macedo, Jose, 2019; Ahangar & Ozturk, 2019; Asfahan & Abdul, 2020; Tyler, 2001; Felita & Wirawan, 2021; Alma et al., 2022; Zakirova et al., 2019; Головань и др., 2003; Каминский и др., 2012; Доронин, Уруджова, 2019; Мартыненко, Терещенко, 2019; Zakirova et al., 2018; Lanine & Vennet, 2006; Бурова, 2021; Богданов, Замятина, 2020; Радионова, Приступина, 2019; Косорукова, Братанов, 2021; Соловьева, 2020; Яшина и др., 2017; Martin, 1977; Calabrese & Giudici 2013; Пересецкий, 2013; Головань и др., 2004), а также характеристики качества модели за горизонт прогнозирования был выбран период, составляющий пять месяцев. С помощью пакета статистических решений *SPSS Statistics* была построена следующая модель диагностики риска банкротства кредитных организаций, которая позволяет спрогнозировать вероятность банкротства с горизонтом прогнозирования пять месяцев, представленная в табл. 4.

Как следует из табл. 4, все представленные в модели предикторы являются значимыми. По итогам проведенных расчетов была построена следующая модель диагностики риска банкротства кредитных организаций:

$$p_i = \frac{1}{1+e^{-(-4{,}092 - 107{,}314 \times X_1 - 56{,}151 \times X_2 - 10{,}393 \times X_5 + 29{,}086 \times X_{10} + 39{,}245 \times X_{11})}}, \quad (6)$$

где p_i – вероятность банкротства кредитной организации (в долях единицы); e – основание натурального логарифма (число Эйлера, e = 2,71828); X_1 – рентабельность активов кредитной организации; X_2 – доля ликвидных активов в валюте баланса кредитной организации; X_5 – удельный вес кредитного портфеля в валюте баланса кредитной организации; X_{10} – доля кредитов реальному сектору в валюте баланса кредитной организации; X_{11} – доля долгосрочных размещений в кредитном портфеле кредитной организации.

В случае если бинарная переменная p_i, то риск наступления банкротства высокий, если p_i [0; 0,5], то риск наступления банкротства низкий.

Таблица 4

Логистическая модель диагностики риска банкротства кредитных организаций с горизонтом прогнозирования в пять месяцев

Table 4. Logistic model of diagnosing the bankruptcy risk of credit organizations with a forecasting horizon of five months

Предиктор / Predictor	Коэффициент / Coefficient	Среднеквадратичная ошибка / Mean-square error	Вальд / Wald	Степень свободы / Degree of freedom	Значимость / Significance	95 % доверительный интервал / 95% confidence interval	
X_1	–107,314	53,762	3,984	1	0,046	–212,686	–1,94262
X_2	–56,151	27,664	4,120	1	0,042	–110,372	–1,93065
X_5	–10,393	9,991	1,082	1	0,298	–29,9758	9,18969
X_{10}	29,086	15,753	3,409	1	0,065	–1,78984	59,9616
X_{11}	39,245	17,648	4,945	1	0,026	4,65456	73,8349
_cons	–4,092	1,767	5,361	1	0,021	–7,55608	–0,628133
_cons	–4,092	1,767	5,361	1	0,021	–7,55608	–0,628133

R-квадрат Нэйджелкерка / Nagelkerke *R*-square	0,894000	*R*-квадрат / *R*-square	0,84000
R-квадрат МакФаддена / McFadden *R*-square	0,839824	Испр. *R*-квадрат / Corr. *R*-square	0,723010
Количество «корректно предсказанных» случаев / Number of “correctly forecasted” cased	110 (96,5 %)	*R*-квадрат Кокса и Снелла / Cox and Snell *R*-square	0,53100

Логит, использовано наблюдений – 114.

Logit, observations used – 114.

Для рассмотрения влияния каждого коэффициента на интегральный показатель банкротства был проведен расчет предельных эффектов (табл. 5).

Таблица 5

Расчет предельных эффектов

Table 5. Calculation of marginal effects

		Delta-method					
Предиктор / Predictor	*dy/dx*	Среднеквадратичная ошибка / Mean-square error	Вальд / Wald	Степень свободы / Degree of freedom	Значимость / Significance	95 % доверительный интервал / 95% confidence interval	
X_1	–2,21092	53,762	3,984	1	0,046	–212,686	–1,94262
X_2	–0,00009	27,664	4,120	1	0,042	–110,372	–1,93065
X_5	–0,00545	9,991	1,082	1	0,298	–29,9758	9,18969
X_{10}	0,81961	15,753	3,409	1	0,065	–1,78984	59,9616
X_{11}	0,38638	17,648	4,945	1	0,026	4,65456	73,8349

Согласно полученным результатам, наибольшее влияние на вероятность банкротства кредитных организаций оказывает рентабельность ее активов. Можно предположить, что при увеличении показателя рентабельности активов на 1 балл вероятность наступления банкротства уменьшается на 221,09 %. Следующим по значимости предиктором выступает доля кредитов реальному сектору в валюте баланса кредитной организации, рост которого на единицу способствует повышению вероятности банкротства кредитной организации на 81,96 %. Такая ситуация связана с тем, что реальный сектор экономики характеризуется длительными сроками реализации проектов, низкой оборачиваемостью и окупаемостью, а также наличием потребности в больших объемах заемных средств, что увеличивает кредитные риски банков.

Одним из немаловажных показателей при оценке вероятности банкротства кредитной организации является доля долгосрочных размещений в кредитном портфеле кредитной организации: при увеличении данного показателя на базовую единицу вероятность банкротства увеличивается на 38,64 %. Данное обстоятельство обусловлено тем, что долгосрочные инвестиции в условиях нестабильной экономической ситуации повышают риски ликвидности банковского сектора.

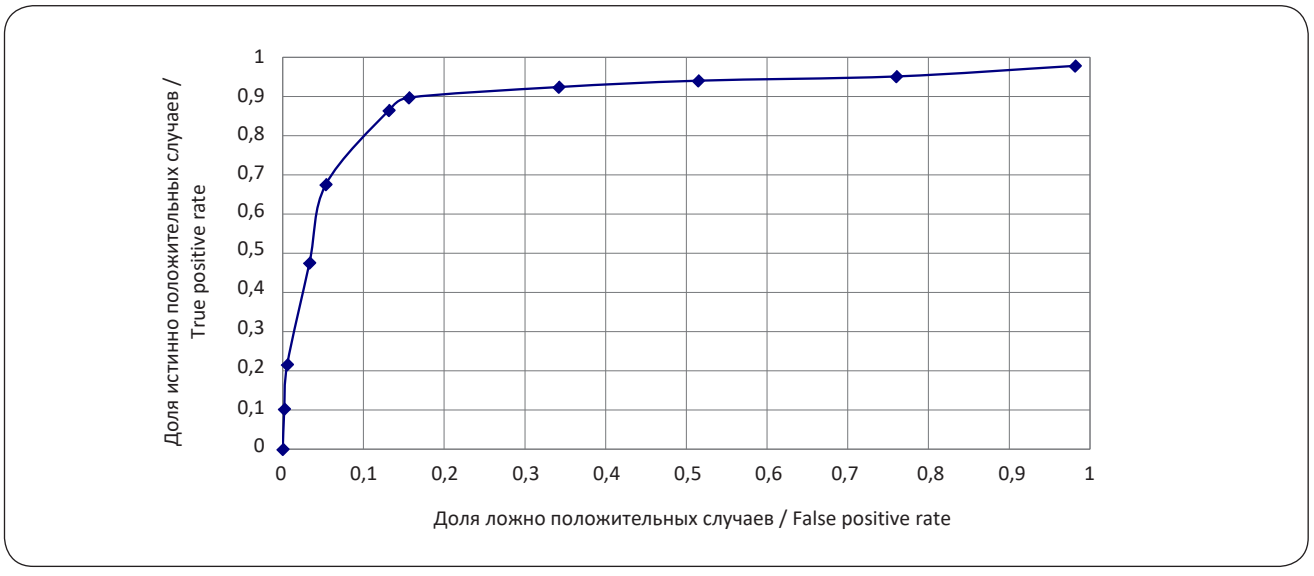
Одним из немаловажных показателей при оценке вероятности банкротства кредитной организации является удельный вес кредитного портфеля в валюте баланса кредитной организации. Так, увеличение данного показателя на базовую единицу снижает вероятность банкротства на 0,545 %. Можно предположить, что данная зависимость обусловлена тем, что рост кредитного портфеля свидетельствует об эффективности деятельности и стабильности кредитной организации.

Также следует обратить внимание на долю ликвидных активов в валюте баланса кредитной организации, рост которого на базовую единицу снижает вероятность банкротства банка на 0,09 %. Важность данного предиктора обусловлена тем, что он характеризует достаточность ликвидных активов для своевременного покрытия обязательств.

Кроме того, анализируя логистическую модель, представленную на рисунке, отметим, что доверительные интервалы для предикторов X_5 и X_{10} имеют разные знаки, т. е. включают в себя ноль, следовательно, соответствующие коэффициенты при них с вероятностью 95 % статистически незначимы.

С целью оценки качества модели был построен график *ROC*-кривой («кривая ошибок») (рис. ниже) и рассчитаны показатели *ROC AUC (*площадь под кривой) и коэффициент *GINI* по формуле (2).

Как следует из рисунка, *ROC*-кривая модели стремится к левому верхнему углу, величина площади под кривой (*ROC AUC*) и коэффициент *GINI* составили 0,920354 и 0,840708 соответственно, из чего следует, что предлагаемая в исследовании модель способна отграничивать финансово устойчивые кредитные организации от банков-банкротов.



***ROC*-кривая модели**
ROC-curve of the model

Также для оценки качества модели по формуле (3) был рассчитан коэффициент детерминации Макфаддена, по формуле (4) – псевдо R^2. Средние значения данных показателей по всей выборке равны 0,839824 и 0,5756 соответственно, это говорит о том, что сформированная модель достаточно эффективна по сравнению с моделью, которая в качестве объясняющей переменной содержит только константу. Однако относительно низкое значение показателя псевдо R^2 свидетельствует, что модель может быть улучшена и существуют факторы, также являющиеся значимыми для прогнозирования дефолта банков, для выявления которых необходимо дополнительное целенаправленное исследование.

Далее для проверки качества построенной модели была выполнена оценка точности классификации банков в тестирующей выборке, результаты которой приведены в табл. 6.

Показатель *CC* демонстрирует классификационную способность разработанной модели. Его значение в 88,33 %, показывает, что для 53 банков из 60 категория была определена верно.

Таблица 6

Оценка точности классификации банков при горизонте прогнозирования в пять месяцев

Table 6. Estimation of the accuracy of banks classification at a forecasting horizon of five months

Модель / Model	**Факт / Fact**	
	Небанкрот / Non-bankrupt	**Банкрот / Bankrupt**
Небанкрот / Non-bankrupt	45	2
Банкрот / Bankrupt	5	8
Процент верно классифицированных банков / % true	90,00	80,00
Процент верно классифицированных банков, всего (*CC)* / % total true (CC)	88,33	
Взвешенный показатель эффективности (*WE)* / Weighted efficiency (WE)	59,62	

На основании проведенного исследования было выявлено, что на вероятность сохранения финансовой устойчивости коммерческими банками, а соответственно, и на вероятность обратной ситуации – банкротства существенное влияние оказывает система факторов, включающая пять предикторов: рентабельность активов (X_1), долю ликвидных активов в валюте баланса (X_2), удельный вес кредитного портфеля в валюте баланса (X_5), долю кредитов реальному сектору в валюте баланса (X_{10}), долю долгосрочных размещений в кредитном портфеле (X_{11}). Учитывая, что результирующая переменная «вероятность банкротства» принимает всего два значения – банкрот и небанкрот, – для ее объяснения была построена логистическая модель регрессии бинарного выбора с горизонтом прогнозирования в пять месяцев.

Отрицательные коэффициенты перед переменными в сформированной модели свидетельствуют о том, что с увеличением показателей X_1, X_2 и X_5 уменьшается вероятность банкротства и растет финансовая устойчивость. В свою очередь, с увеличением доли кредитов реальному сектору, а также долгосрочных размещений финансовое состояние коммерческого банка становится хуже, а риск вероятности дефолта возрастает.

Найденные при моделировании взаимосвязи представляются устойчивыми, так как знаки коэффициентов перед объясняющими переменными оказались идентичными при формировании уравнений для разных временных горизонтов.

Оценка точности классификации банков в тестирующей выборке показала, что общее количество допущенных ошибок составило 7, т. е. 5 банков-небанкротов из 50 (или 10 %) были отнесены моделью к банкротам, в свою очередь, 2 банка-банкрота из 10 (или 20 %) по модели оказались в числе небанкротов. Взвешенный показатель эффективности построенной модели продемонстрировал довольно высокое значение, благодаря чему ее допустимо использовать для составления прогнозирования будущего банкротства. Но следует отметить, что при ее применении для выявления устойчивых банков она сможет продемонстрировать более точный результат.

Таким образом, построенная логистическая регрессионная модель позволяет с горизонтом прогнозирования в пять месяцев и классификационной точностью 88,33 % отграничивать финансово устойчивые и проблемные банки.

Заключение

Для обеспечения большей стабильности банковской системы Российской Федерации несомненна актуальность формирования системы прогнозирования банкротства кредитных организаций, которое на фоне ухудшения общеэкономической ситуации и влияния экономических санкций приобретает масштабный характер. В ходе исследования с помощью одномерного дисперсионного анализа и проверки факторов на мультиколлинеарность была сформирована система факторов, включающих пять предикторов: рентабельность активов, долю ликвидных активов в валюте баланса, удельный вес кредитного портфеля в валюте баланса, долю кредитов реальному сектору в валюте баланса, долю долгосрочных размещений в кредитном портфеле. Также было установлено, что рост значений первых трех факторов данной системы приводит к снижению вероятности банкротства и увеличению финансовой устойчивости, а рост доли кредитов реальному сектору и долгосрочных размещений приводит к ухудшению финансового состояния банка и повышает риск вероятности банкротства. Таким образом, мониторинг данных показателей является важным шагом в процессе предупреждения банкротства. На основе данных факторов была построена логистическая регрессионная модель, позволяющая с горизонтом прогнозирования в пять месяцев и классификационной точностью 88,33 % отграничивать финансово устойчивые и проблемные банки.

Результаты исследования могут быть использованы:

– кредитными организациями при формировании стратегии развития, определении мер по предупреждению банкротства и повышению финансовой устойчивости. В этом плане важным представляется знание системы факторов, оказывающих влияние на изменение вероятности банкротства, а также характера данного влияния;

– Центральным банком РФ при мониторинге финансовой устойчивости банковского сектора Российской Федерации и выявлении банков, которые находятся в группе риска;

– учеными-экономистами, финансистами для расширения и углубления предметных областей научных исследований.

Список литературы

Аль-Саади, М. Р. (2021). Разработка моделей прогнозирования финансового состояния и оценки вероятности банкротства кредитных организаций. В сб. *Инновационный потенциал развития науки в современном мире: технологии, инновации, достижения: сборник научных статей по материалам V Международной научно-практической конференции* (с. 97–102). Уфа.

Богданов, В. В., Замятина, А. А. (2020). Математическая модель оценки вероятности дефолта кредитных организаций России. *Экономика: вчера, сегодня, завтра*, *10*(4А), 121–131.

Бурова, И. В. (2021). Построение математической модели вероятности банкротства кредитных организаций на основе бинарной логистической регрессии. *Региональные проблемы преобразования экономики*, *3*(125), 123–129. https://doi.org/10.26726/1812-7096-2021-3-123-129

Винокурова, Т. Г. (2019). Модели прогнозирования дефолтов в банковском секторе. В сб. *Саяпинские чтения: сборник материалов II Всероссийской (национальной) научно-практической конференции* (с. 45–50).

Головань, С. А., Евдокимов, А. М., Карминский, А. М., Пересецкий, А. А. (2003). *Модели вероятности дефолта российских банков. Предварительное разбиение банков на кластеры*. Москва: РЭШ.

Головань, С. В., Евдокимов, М. А., Карминский, А. М., Пересецкий, А. А. (2004). *Модели вероятности дефолта российских банков. II. Влияние макроэкономических факторов на устойчивость банков*. Препринт # WP/2004/043 R. Москва: РЭШ.

Давнис, В. В. (2005). *Прогнозные модели экспертных предпочтений*: монография. Воронеж: ВГУ.

Доронин, Б. А., Уруджова, Л. Б. (2019). Разработка новой методики прогнозирования финансовой несостоятельности банка. *Академическая публицистика*, 11, 97–99.

Емельянов, А. М., Брюхова, О. О. (2013). Оценка вероятности банкротства. *Финансы и кредит*, *27*(555), 47–58.

Еримизина, М. И., Еримизина, Е. Н. (2017). Методические основы оценки вероятности банкротства. *Символ науки*, 04-1, 94–100.

Закирова, Д. Ф., Вафин, И. А. (2018). Исследование факторов, влияющих на вероятность банкротства кредитных организаций. *Казанский экономический вестник*, *1*(33), 59–63.

Зубарев, А., Бекирова, О. (2020). Анализ банковских дефолтов 2013–2019 годов. *Экономическая политика*, *15*(3), 106–133. https://doi.org/10.18288/1994-5124-2020-3-106-133

Иванов, В. В., Федорова, Ю. И. (2015). Проблемы подбора показателей для оценки дефолта кредитной организации. В сб. *Теоретические и практические аспекты развития современной науки: материалы XV Международной научно-практической конференции* (с. 83–89). Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований».

Калицкая, В. В., Рыкалина, О. А., Баландина, Я. А. (2022). Методики оценки вероятности банкротства и несостоятельности кредитных организаций и предприятий. *StudNet*, 6, 6609–6620.

Каминский, А. М., Костров, А. В., Мурзенков, Т. Н. (2012). *Моделирование вероятности дефолта российских банков с использованием эконометрических методов*. Москва.

Касьянова, М. А., Пекарская, О. А., Саитгареева, Л. Ф. (2020). К вопросу о прогнозировании банкротства кредитной организации. *Успехи современной науки и образования*, *4*(5), 26–31.

Клаас, Я. А., Клаас, Т. А. (2018). Идентификация факторов риска банкротства кредитных организаций и их моделирование. *Финансы и кредит*, *24*(1), 19–32. https://doi.org/10.24891/fc.24.1.19

Косорукова, И. В., Братанов, А. А. (2021). Оценка финансовой устойчивости банка на основе риск ориентированного подхода. *Проблемы теории и практики управления*, 2, 117–137. https://doi.org/10.46486/0234-4505-2021-2-117-137

Мартыненко, Н. Н., Терещенко, Л. Г. (2019). Диагностика банкротства коммерческих банков: отработка механизмов расчетов. *Финансовые рынки и банки*, *1*, 45–49.

Мацулевич, Р. М. (2014). Методы прогнозирования вероятности банкротства кредитной организации. *Международный научно-исследовательский журнал*, 3-3(22), 48–50.

Орешко, И. И., Савина, И. А. (2019). Оценка вероятности банкротства российских банков. *Экономика и управление в XXI веке: тенденции и развитие*, 26, 139–142.

Пересецкий, А. А. (2013). Модели причин отзыва лицензий российских банков. Влияние неучтенных факторов. *Прикладная эконометрика*, *2*(30), 49–64.

Радионова, М. В., Приступина, Ю. В. (2019). Моделирование вероятности дефолта российских банков. *Финансы и кредит*, *25*(6) (786), 1336–1352. https://doi.org/10.24891/fc.25.6.1336

Салахетдинова, Г. А. (2021). Теоретические исследования об инструментарии оценки банкротства кредитных организаций. *Аудиторские ведомости*, 3, 134–137.

Синельникова-Мурылева, Е., Горшкова, Т., Макеева, Н. (2018). Прогнозирование дефолтов в российском банковском секторе. *Экономическая политика*, *13*(2), 8–27. https://doi.org/10.18288/1994-5124-2018-2-01

Соловьева, Н. Н. (2020). Прогнозирование банкротства коммерческого банка в системе управления финансовыми рисками. В сб. *Экономика в теории и практике: актуальные вопросы и современные подходы: сборник статей IV Международной научно-практической конференции* (с. 213–215). Пенза.

Челышев, Д. С. (2019). Моделирование вероятности дефолта российских банков. *Бизнес. Образование. Право*, *2*(47), 262–266.

Шуба, Н. А. (2022). Вероятность дефолта кредитной организации: сигнальные показатели несостоятельности и их оценка. *Научный альманах Центрального Черноземья*, 1-2, 237–240.

Яшина, Н. И., Макарова, С. Д., Макаров, И. А., Отделкина, А. А. (2017). Прогнозирование дефолта коммерческих банков на основе вероятностной модели. *Экономический анализ: теория и практика*, *16*(12), 2376–2391. https://doi.org/10.24891/ea.16.12.2376

Ahangar, R. G., & Ozturk, C. (Eds.). (2019). *Accounting and Finance – New perspectives on banking, financial statements and reporting*. IntechOpen. https://doi.org/10.5772/intechopen.79593

Bella, F., & Radianto, W. (2021). Bankruptcy prediction of the banking sector using bankometer: comparative study based on company size. In *Proceedings of the 2nd International Conference on Business and Management of Technology (ICONBMT 2020)*. https://doi.org/10.2991/aebmr.k.210510.051

Calabrese, R., & Giudici, P. (2013). Estimating bank default with generalised extreme value models. *DEM Working Paper Series*, 35. http://economiaweb.unipv.it/wp-content/uploads/2017/06/DEMWP0035.pdf

Garcia-Almanza, A. L., Alexandrova-Kabadjova, B., & Martinez-Jaramillo, S. (2022). Bankruptcy prediction for banks: an artificial to improve understandability. In *Artificial Intelligence, Evolutionary Computing and Metaheuristics* (Vol. 427, pp. 633–656).

Ishak, A. A., Mongid, A. (2020). Determinants of bankruptcy banking after the global financial crisis (GFC): theoretical review. *IPTEK Journal of Proceedings Series*, 1, 243–248. http://dx.doi.org/10.12962/j23546026.y2020i1.7858

Jo, K. Choi, G., Jeong, J., & Ahn, K. (2022). Forecasting bank default with the Merton Model: the case of US bank. In *International Conference in Computational Science – ICCS 2022. 15 June 2022* (pp. 682–691). https://doi.org/10.1007/978-3-031-08751-6_49

Kahn, C., & Papanikolaou, N. (2013, April). What problem banks reveal about future financial distress: Evidence from the late 2000s financial crisis. *SSRN Electronic Journal*. https://www.researchgate.net/publication/228202404_What_Problem_Banks_Reveal_About_Future_Financial_Distress_Evidence_from_the_Late_2000s_Financial_Crisis

Kolari, J., Glennon, D., Shin, H. & Caputo, M. (2020, January). Predicting large U.S. Commercial Failures. *OCC Economics Working Paper*.

Lanine, G., & Vennet, R. (2006). Failure prediction in the Russian bank sector with logit and trait recognition models. *Expert Systems with Applications*, *30*(3), 463–478. https://doi.org/10.1016/j.eswa.2005.10.014

Macedo, S., & Jose, M. (2019). *Bankruptcy prediction models for banks using camel factors*. Tilburg University.

Martin, D. (1977). Early Warning of Bank Failure: A Logit Regression Approach. *Journal of Banking & Finance*, *1*(3), 249–276.

Nagel, S., & Purnanandam, A. (2020). Banks' risk dynamics and distance to default. *The Review of Financial Studies*, *33*(6), 2421–2467. https://doi.org/10.1093/rfs/hhz125

Shumway, T. (2001). Forecasting bankruptcy more accurately: a simple hazard model. *The Journal of Business*, 74(1), 101–124. https://doi.org/10.1086/209665

Zakirova, D. F., Panteleev, D. S., & Zakirova, E. F. (2018). Estimating bankruptcy probability of credit organizations. *International Transaction Journal of Engineering Management & Applied Sciences & Technologies*, *9*(4), 307–315.

Zakirova, D. F., Zakirova, E. F., & Potapova, E. A. (2019). Formation of a method for determination of a commercial credit bank rating. *International Journal of Emerging Technologies*, *10*(2a), 129–132.

Zhao, H., Sinha, A., & Ge, W. (2009). Effects of feature construction on classification performance: An empirical study in bank failure prediction. *Expert Systems with Applications*, *36*, 2633–2644. https://doi.org/10.1016/j.eswa.2008.01.053

References

Ahangar, R. G., & Ozturk, C. (Eds.). (2019). *Accounting and Finance – New perspectives on banking, financial statements and reporting*. IntechOpen. https://doi.org/10.5772/intechopen.79593

Al'-Saadi, M. R. (2021). Elaboration of models for predicting financial status and evaluating the bankruptcy probability of credit organizations. In *Innovative potential of science development in the modern world: collection of scientific articles by the works of the 5th International scientific-practical conference* (pp. 97–102). Ufa. (In Russ.).

Bella, F., & Radianto, W. (2021). Bankruptcy prediction of the banking sector using bankometer: comparative study based on company size. In *Proceedings of the 2nd International Conference on Business and Management of Technology (ICONBMT 2020)*. https://doi.org/10.2991/aebmr.k.210510.051

Bogdanov, V. V., & Zamyatina, A. A. (2020). A mathematical model for assessing the probability of default of credit organizations in Russia. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, *10*(4A), 121–131. (In Russ.).

Burova, I. V. (2021). Building a mathematical model of probability bankruptcy of credit institutions on the basis of binary logistic regression. *Regionalnye problemy preobrazovaniya ehkonomiki*, *3*(125), 123–129. (In Russ.). https://doi.org/10.26726/1812-7096-2021-3-123-129

Calabrese, R., & Giudici, P. (2013). Estimating bank default with generalised extreme value models. *DEM Working Paper Series*, 35. http://economiaweb.unipv.it/wp-content/uploads/2017/06/DEMWP0035.pdf

Chelyshev, D. S. (2019). Modelling of Russian banks' probability of default. *Business. Education. Law*, *2*(47), pp. 262–266. (In Russ.).

Davnis, V. V. (2005). *Prognostic models of expert preferences:* monograph. Voronezh: Voronezh State University. (In Russ.).

Doronin, B. A., & Urudzhova, L. B. (2019). Elaboration of a new methodology for predicting financial insolvency of a bank. *Akademicheskaya publitsistika*, 11, 97–99. (In Russ.).

Emelyanov, A. M., & Bryukhova, O. O. (2013). Estimating the probability of bankruptcy. *Finance and Credit*, *27*(555), 47–58. (In Russ.).

Erimizina, M. I., & Erimizina, E. N. (2017). Methodological bases for estimating the probability of bankruptcy. *Symbol of Science*, 04-1, 94–100 (In Russ.).

Garcia-Almanza, A. L., Alexandrova-Kabadjova, B., & Martinez-Jaramillo, S. (2022). Bankruptcy prediction for banks: an artificial to improve understandability. In *Artificial Intelligence, Evolutionary Computing and Metaheuristics* (Vol. 427, pp. 633–656).

Golovan, S. A., Evdokimov, A. M., Karminskii, A. M., & Peresetskii, A. A. (2003). *Models of the probability of default of the Russian banks. Preliminary division of the banks into clusters*. Moscow: New Economic School. (In Russ.).

Golovan, S. V., Evdokimov, M. A., Karminskii, A. M., & Peresetskii, A. A. (2004). *Models of the probability of default of the Russian banks. II. Influence of macroeconomic factors on the banks' stability*. Preprint# WP/2004/043 R. Moscow: New Economic School. (In Russ.).

Ishak, A. A., & Mongid, A. (2020). Determinants of bankruptcy banking after the global financial crisis (GFC): theoretical review. *IPTEK Journal of Proceedings Series*, 1, 243–248. http://dx.doi.org/10.12962/j23546026.y2020i1.7858

Ivanov, V. V., & Fedorova, Yu. I. (2015). Problems of selecting indicators for estimating a default of a credit organization. In *Theoretical and practical aspects of modern science development: works of the 15th International scientific-practical conference* (pp. 83–89). Nauchno-informatsionnyi izdatel'skii tsentr "Institut strategicheskikh issledovanii" (In Russ.).

Jo, K. Choi, G., Jeong, J., & Ahn, K. (2022). Forecasting bank default with the Merton Model: the case of US bank. In *International Conference in Computational Science – ICCS 2022. 15 June 2022* (pp. 682–691). https://doi.org/10.1007/978-3-031-08751-6_49

Kahn, C., & Papanikolaou, N. (2013, April). What problem banks reveal about future financial distress: Evidence from the late 2000s financial crisis. *SSRN Electronic Journal*. https://www.researchgate.net/publication/228202404_ What_Problem_Banks_ Reveal_About_Future_Financial_Distress_Evidence_from_the_Late_2000s_Financial_Crisis

Kalitskaya, V. V., Rykalina, O. A., & Balandina, Ya. A. (2022). Methodologies for assessing the probability of bankruptcy and inconvention of credit organizations and enterprises. *StudNet*, 6, 6609–6620. (In Russ.).

Kaminskii, A. M., Kostrov, A. V., & Murzenkov, T. N. (2012). *Modeling the probability of default of the Russian banks with econometric methods*. Moscow. (In Russ.).

Kasyanova, M. A., Pekarskaya, O. A., & Saitgareeva, L. F. (2020). On predicting a bankruptcy of a credit organization. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya*, *4*(5), 26–31. (In Russ.).

Klaas, Ya. A., & Klaas, T. A. (2018). Identification of Risk Factors of Bankruptcy of Credit Institutions and Their Modelling. *Finance and Credit*, *24*(1), 19–32. (In Russ.). https://doi.org/10.24891/fc.24.1.19

Kolari, J., Glennon, D., Shin, H. & Caputo, M. (2020, January). Predicting large U.S. Commercial Failures. *OCC Economics Working Paper*.

Kosorukova, I., & Bratanov, A. (2021). Assessment of the bank's financial stability based on a risk-based approach. *Theoretical and practical aspects of Management*, 2, 117–137. (In Russ.). https://doi.org/10.46486/0234-4505-2021-2-117-137

Lanine, G., & Vennet, R. (2006). Failure prediction in the Russian bank sector with logit and trait recognition models. *Expert Systems with Applications*, *30*(3), 463–478. https://doi.org/10.1016/j.eswa.2005.10.014

Macedo, S., & Jose, M. (2019). *Bankruptcy prediction models for banks using camel factors*. Tilburg University.

Martin, D. (1977). Early Warning of Bank Failure: A Logit Regression Approach. *Journal of Banking & Finance*, *1*(3), 249–276.

Martynenko, N. N., & Tereshchenko, L. G (2019). Bankruptcy diagnostics commercial banks: refinement of the settlement mechanism. *Financial Markets and Banks*, *1*, 45–49. (In Russ.).

Matsulevich, R. M. (2014). Methods of predicting the probability of a bankruptcy of a credit organization. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, *3-3*(22), 48–50. (In Russ.)

Nagel, S., & Purnanandam, A. (2020). Banks' risk dynamics and distance to default. *The Review of Financial Studies*, *33*(6), 2421–2467. https://doi.org/10.1093/rfs/hhz125

Oreshko, I. I., & Savina, I. A. (2019). Estimating the probability of bankruptcy of the Russian banks. *Economica i upravlenie v XXI veke: tendentsii i razvitie*, 26, 139–142. (In Russ.).

Peresetskii, A. A. (2013). Models of reasons for retrieving licenses of the Russian banks. Impact of unaccounted factors. *Applied Econometrics*, *2*(30), 49–64. (In Russ.).

Radionova, M. V., & Pristupina, Yu. V. (2019). Modeling the probability of default of Russian banks. *Finance and Credit*, *6*(786), 1336–1352. (In Russ.). https://doi.org/10.24891/fc.25.6.1336

Salakhetdinova, G. A. (2021). Theoretical studies on the tools for assessing the bankruptcy of credit institutions. *Audit Journal*, 3, 134–137. (In Russ.).

Shuba, N. A. (2022). Probability of default of a credit institution: signal indicators of insolvency and their assessment. *Nauchnyi al'manakh Tsentral'nogo Chernozem'ya,* 1-2, 237–240. (In Russ.).

Shumway, T. (2001). Forecasting bankruptcy more accurately: a simple hazard model. *The Journal of Business*, *74*(1), 101–124. https://doi.org/10.1086/209665

Sinelnikova-Muryleva, E. V., Gorshkova, T. G., & Makeeva, N. V. (2018). Default Forecasting in the Russian Banking Sector. *Economic Policy*, *13*(2), 8–27. (In Russ.). https://doi.org/10.18288/1994-5124-2018-2-01

Solovyeva, N. N. (2020). Predicting the bankruptcy of a commercial bank in the system of financial risks management. In: *Economics in theory and practice: topical issues and modern approaches: collection of works of the 4th International scientific-practical conference* (pp. 213–215). Penza. (In Russ.).

Vinokurova, T. G. (2019). Model of predicting defaults in the banking sector. In *Sayapinskiye chteniya: collection of works of the 2nd All-Russia (national) scientific-practical conference* (pp. 45–50). (In Russ.).

Yashina, N. I., Makarova, S. D., Makarov, I. A., & Otdelkina, A. A. (2017). Forecasting the Commercial Bank Default Based on a Probabilistic Model. *Economic Analysis: Theory and Practice*, *16*(12), 2376–2391. (In Russ.). https://doi.org/10.24891/ea.16.12.2376

Zakirova, D. F., & Vafin, I. A. (2018). Study of factors influencing bankruptcy probability of credit organizations. *Kazanskii Ehkonomicheskii Vestnik*, *1*(33), 59–63. (In Russ.).

Zakirova, D. F., Panteleev, D. S., & Zakirova, E. F. (2018). Estimating bankruptcy probability of credit organizations. *International Transaction Journal of Engineering Management & Applied Sciences & Technologies*, *9*(4), 307–315.

Zakirova, D. F., Zakirova, E. F., & Potapova, E. A. (2019). Formation of a method for determination of a commercial credit bank rating. *International Journal of Emerging Technologies*, *10*(2a), 129–132.

Zhao, H., Sinha, A., & Ge, W. (2009). Effects of feature construction on classification performance: An empirical study in bank failure prediction. *Expert Systems with Applications*, *36*, 2633–2644. https://doi.org/10.1016/j.eswa.2008.01.053

Zubarev, A., & Bekirova, O. (2020). Analysis of Bank Default Factors in 2013–2019. *Economic Policy*, *15*(3), 106–133. https://doi.org/10.18288/1994-5124-2020-3-106-133

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 22.05.2023
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 15.12.2023
Дата принятия в печать / Accepted 15.12.2023

КРИПТОМИР И ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСЫ / CRYPTO-WORLD AND DIGITAL FINANCE

Редактор рубрики *Р. А. Григорьев* / Rubric editor *R. A. Grigoryev*

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.88-104**

УДК 336.7:004
JEL: E4, G1, G2, L86

С. А. Андрюшин[1]

[1] *Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия*

Токенизация реальных активов: классификация, платформы, приложения, возможности и проблемы развития

Андрюшин Сергей Анатольевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики РАН
E-mail: sandr956@gmail.com
ORCID: http://orcid.org/0000-0003-2620-8515
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/N-7005-2017
eLIBRARY SPIN-код: 9666-6701

Аннотация

Цель: обзор литературы и базовых характеристик процесса токенизации активов; уточнение типов классификации токенов; определение этапов моделирования процесса токенизации активов; анализ приложений протоколов экосистемы децентрализованных финансов; исследование возможностей и системных преимуществ токенизации активов; изложение проблем, возникающих в процессе токенизации активов; разбор факторов роста эффективности токенизации активов.

Методы: в статье использованы эмпирический, исторический, логический, страновой, корпоративный, сравнительный и статистический методы экономического анализа, позволяющие изучать особенности развития процесса токенизации активов в условиях цифровой трансформации современной экономики.

Результаты: раскрыты базовые характеристики процесса токенизации активов; определены типы стандартизируемых токенов, участвующих в процессе токенизации активов; рассмотрены этапы развития процесса токенизации активов; показаны варианты использования приложений децентрализованных финансов в условиях токенизации активов; исследованы возможности процесса токенизации за счет формирования новых форм инвестиций, повышенного уровня финансовой доступности, прозрачности и компонуемости токенизированных активов; проанализированы проблемы процесса токенизации активов; сделан разбор факторов роста эффективности токенизации активов в условиях кроссчейн-совместимости различных типов блокчейнов.

Научная новизна: в статье показано, что токенизация активов – это процесс трансформации учета и управления активами, при котором каждый актив представляется в виде программируемого цифрового токена; токенизация – это новая форма создания дополнительной ликвидности за счет расширения в обращении незадействованных неликвидных активов. Токенизация гарантирует большую прозрачность в отношении прав на реальные активы и историю владения этими правами; способствует росту эффективности транзакций за счет снижения операционных расходов, включая издержки, связанные с управлением, выпуском токенов и возможными формами посредничества;

© Андрюшин С. А., 2024

получая доступ к приложениям экосистемы *DeFi*, позволяет расширять потенциал финансового рынка за счет дробления и компонуемости токенизированных активов. Все проблемы в процессе токенизации активов связаны с трилеммой блокчейна, когда нельзя одновременно совместить децентрализацию, безопасность и масштабируемость. Трилемма блокчейна в настоящее время становится набором возможных компромиссов, которые могут сохранять все три свойства блокчейна, но на разных уровнях их совместимости. Для формирования набора возможных компромиссов необходимо разработать теорию функциональной совместимости, которая должна строиться на совместимости таких факторов, как анонимность и конфиденциальность, безопасность и сохранность прав на токенизированные активы.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы: для разработки сценариев развития процессов токенизации активов в условиях цифровой трансформации современной экономики; анализа приложений протоколов экосистемы децентрализованных финансов; роста эффективности токенизации активов в условиях кроссчейн-совместимости различных типов блокчейнов; изучения дополнительных возможностей и системных преимуществ в результате дробления и компонуемости токенизированных активов; исследования проблем, возникающих в процессе токенизации активов, а также поиска дополнительных факторов роста эффективности процесса токенизации активов.

Ключевые слова:

реальные активы, анонимность, безопасность, блокчейн, децентрализованные финансы, компонуемость, конфиденциальность, масштабируемость, цифровые платформы, приложения, прозрачность, протоколы, сервисы, смарт-контракты, совместимость, токены, токенизация активов

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Андрюшин, С. А. (2024). Токенизация реальных активов: классификация, платформы, приложения, возможности и проблемы развития. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 88–104. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.88-104

Scientific article

S. A. Andryushin[1]

[1] *Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Tokenization of real assets: classification, platforms, applications, opportunities and challenges of development

Sergey A. Andryushin, Dr. Sci. (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
E-mail: sandr956@gmail.com
ORCID: http://orcid.org/0000-0003-2620-8515
Web of Science Researcher: http://www.researcherid.com/rid/N-7005-2017
eLIBRARY SPIN-код: 9666-6701

Abstract

Objective: literature review and basic characteristics of the asset tokenization; clarification of the types of token classification; identification of the stages of modeling the asset tokenization; analysis of applications of decentralized finance ecosystem protocols; study of the opportunities and systemic advantages of asset tokenization; presentation of the problems arising in the asset tokenization; analysis of the factors of asset tokenization efficiency growth.

Methods: the article uses empirical, historical, logical, country-specific, corporate, comparative and statistical methods of economic analysis to study the peculiarities of the asset tokenization development in the digital transformation of modern economy.

Results: the basic characteristics of the asset tokenization are disclosed; the types of standardized tokens involved in the asset tokenization are defined; the stages of the asset tokenization development are considered; the options of using decentralized finance applications under asset tokenization are shown; the opportunities of tokenization through the new forms of investment, increased financial accessibility, transparency and componentization of tokenized assets are studied; the problems of tokenization are analyzed; the factors of asset tokenization efficiency growth under the cross-chain compatibility of different types of blockchains are analyzed.
Scientific novelty: the article shows that asset tokenization is a process of accounting and asset management transformation, in which each asset is represented in the form of a programmable digital token; tokenization is a new form of creating additional liquidity by expanding the circulation of idle illiquid assets. Tokenization guarantees greater transparency regarding the rights to real assets and the history of ownership of these rights; it contributes to transaction efficiency by reducing transaction costs, including costs associated with management, token issuance and possible forms of intermediation. By accessing the applications of the DeFi ecosystem, it allows the expansion of financial market potential through the fragmentation and compartmentalization of tokenized assets. All the challenges in the asset tokenization are related to the blockchain trilemma, where decentralization, security and scalability cannot be implemented together. The blockchain trilemma is now becoming a set of possible trade-offs that can preserve all three properties of the blockchain, but at different levels of compatibility. To form a set of possible trade-offs, it is necessary to develop a theory of interoperability, which should be built on the compatibility of factors such as anonymity and privacy, security and preservation of rights to tokenized assets.
Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used: to develop scenarios for the asset tokenization development under the digital transformation of modern economy; to analyze the applications of the decentralized finance ecosystem protocols; to increase the efficiency of asset tokenization under the cross-chain compatibility of different types of blockchains; to study additional opportunities and systemic advantages as a result of fragmentation and compatability of tokenized assets; to study the problems arising in the asset tokenization; and to search for additional growth factors for the asset tokenization efficiency.

Keywords:
real assets, anonymity, security, blockchain, decentralized finance, compatability, privacy, scalability, digital platforms, applications, transparency, protocols, services, smart contracts, interoperability, tokens, asset tokenization

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Andryushin, S. A. (2024). Tokenization of real assets: classification, platforms, applications, opportunities and challenges of development. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 88–104. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.88-104

Введение

В настоящее время токенизация активов становится новым мейнстримом современной экономики. Она открывает дополнительные инвестиционные возможности для населения, не имеющего доступа к услугам банковского сектора[1]. Токенизация связана с информационными технологиями, такими как смарт-контракты, криптография и технология блокчейна. Эти технологии способны провести дробление активов, оцифровать их в токены или цифровые сертификаты (права) собственности, имеющие реальную рыночную стоимость. Поэтому процесс токенизации активов представляет собой многообещающее решение по преобразованию различных групп активов (прав на активы) в уникальное цифровое представление под названием «токен».

Токенизация активов распространяется практически на любой объект, включая реальные активы (недвижимость, товары, валюты, ценные бумаги, интеллектуальную собственность и пр.), цифровые активы (права управления в DAO, межсетевые активы и пр.) и игровые активы (скины или внутриигровые валюты)[2].

[1] The World Bank. (2021). The Global Findex Database 2021. https://www.worldbank.org/en/publication/globalfindex/Report
[2] Asset Tokenization: What It Is and How It Works. (2023, December 14). Chainlink. https://chain.link/education/asset-tokenization

И это очень большие средства. Так, токенизация только реальных активов (а это сегодня более 867 трлн долл. США) способна сделать мировой рынок криптоиндустрии современным драйвером экономического роста[3]. По оценкам Всемирного экономического форума (*WEF*), к 2027 г. до 10 % мирового ВВП будет связано с токенизированными активами, которые к этому времени потенциально могут вырасти до 24 трлн долл. США[4]. Поэтому неслучайно изучением этого нового экономического феномена стали активно заниматься не только ученые, но и ведущие бизнес-структуры мировой экономики, такие как *Microsoft* и *Vanguard*, *Boston Consulting Group* и *ADDX*, *BlackRock* и *Deloitte*, *BNY Mellon* и *EY*.

В настоящее время идеальным испытательным полигоном для токенизации активов становятся финансовый сектор и страны Азии, первыми в мире осознавшие преимущества активов, связанных с токенизацией. Показательный пример – *HSBC Singapore*, *Cargill* и *ING*, которые в мае 2018 г. осуществили транзакцию реального торгового финансирования на масштабируемой блокчейн-платформе *R3 Corda*. Через год, в ноябре 2019 г., *HSBC Singapore* объявила о партнерстве с *SGX* и *Temasek*, чтобы начать выпуск и обслуживание ценных бумаг с фиксированным доходом[5].

Планируется, что на Азиатско-Тихоокеанский регион (далее – АТР) будет приходиться подавляющее число (90 %) пользователей из общего числа (2,4 млрд чел.) новых пользователей, вступающих в мировую экономику в 2027 г. Основная часть этого роста будет связана с рынками Китая, Индии и стран всей Юго-Восточной Азии (Schwab, 2019). Здесь будет проживать наибольшее количество интернет-пользователей[6], население будет активно использовать криптовалюты[7] и безналичные платежи[8]. Учитывая быстрорастущую цифровую доступность населения (особенно за счет увеличения количества владельцев смартфонов[9]) в АТР, мы считаем, что этот рынок будет обладать огромным и уникальным потенциалом для развития токенизации активов.

В статье будут рассмотрены только реальные активы, процесс токенизации которых изложен в следующих параграфах: 1. Базовые характеристики токенизации активов и обзор литературы. 2. Классификация токенизированных активов. 3. Моделирование процесса токенизации активов. 4. Приложения децентрализованных финансов. 5. Возможности токенизации активов. 6. Проблемы токенизации активов. 7. Факторы роста эффективности токенизации активов.

1. Базовые характеристики токенизации активов и обзор литературы

Токенизация – это процесс трансформации учета и управления активами, при котором каждый актив представляется в виде программируемого цифрового токена. Причем суть токенизации связана с созданием цифровых аналогов реальных активов с целью быстрой, экономной и безопасной работы с ними (Андрюшин, 2019, с. 286). При этом программируемые токены могут представлять собой небольшую часть (долю) любого реального актива. Это позволяет повысить капитализацию рынка за счет токенизации долевого владения ликвидными и неликвидными активами, например, такими как недвижимость, ценные бумаги, интеллектуальная собственность или произведения искусства, традиционно требующими более высоких капитальных вложений[10].

Токенизация активов по сути становится аналогична краудфандингу, в рамках которого возникает новый класс инвесторов, финансирующих или покупающих актив с относительно низким уровнем собственного

---

[3] Tokenized Real-World Assets (RWAs): Scaling Onchain Finance to a Global Level. (2023, February 18). Chainlink. https://blog.chain.link/tokenized-real-world-assets/

[4] World Economic Forum. (2015, September.). Deep Shift. Technology Tipping Points and Societal Impact. Survey. Report. http://www3.weforum.org/docs/WEF_GAC15_Technological_Tipping_Points_report_2015.pdf

[5] The 10x potential of tokenization. (2020, August). HSBC. https://www.gbm.hsbc.com/insights/securities-services/distributed-ledger-technology

[6] Our research and content philosophy. Statista. https://www.statista.com/aboutus/our-research-commitment

[7] Buchholz, K. (2021, March 17). How Common is Crypto? https://www.statista.com/chart/18345/crypto-currency-adoption/

[8] Roper, W. (2020, January 24). Asia Leading the Cashless Revolution. URL: https://www.statista.com/chart/20618/cashless-payments-across-the-world/

[9] Kakihara, M. (2015, October). Measuring Asia's Mobile Transformation. https://www.thinkwithgoogle.com/intl/en-apac/tools-resources/research-studies/measuring-asias-mobile-transformation/

[10] Такое дробление сделает участие на фондовых рынках гораздо более доступным для гораздо большей части населения. Например, дробление акций (до 1/10 или 1/100) таких крупных компаний, как *Apple* или *Amazon*, позволило бы мелким инвесторам стать небольшим совладельцем этих компаний.

капитала. И если на традиционные активы их владельцы обычно предоставляют покупателям определенные стимулы, такие как скидки за неликвидность, снижающие их цену, то токенизация активов, напротив, повышает ликвидность актива, поскольку предлагает дробное владение, устраняя при этом какие-либо скидки за неликвидность. Более того, продажа небольших долей (прав) собственности (ценных бумаг или недвижимости) позволяет ее владельцам устанавливать более справедливую рыночную цену на этот актив.

Ожидается, что токенизация уменьшит фрагментацию традиционной финансовой системы, повысит прозрачность, обеспечит соблюдение требований (стандартов), облегчит построение необходимой инфраструктуры и расширит доступ значительных групп населения к традиционным финансовым рынкам. Хотя все эти преимущества еще окончательно не подтверждены, но первые результаты процесса токенизации уже налицо.

Так, в одних публикациях утверждается, что токенизированные облигации, по сравнению с обычными облигациями традиционного рынка, гарантируют пользователям как более низкую стоимость заимствования, так и повышенную ликвидность, привлекаемую с токенизированного рынка (Leung et al., 2023). В других – аргументированно объясняются плюсы токенизации, связанные с отдельными компонентами новой торговой инфраструктуры – депозитарием (учетом и хранением активов), криптобиржей (процессом торгов токенизированными активами), расчетным центром (платформой для создания токенов и операций с ними) и клиентским софтом (клиентскими кошельками) (Auer et al., 2021). В третьих публикациях анализируются инклюзивные свойства токенизированных активов, способных увеличить скорость и безопасность транзакций, наличие сетевого эффекта и удобства проведения операций, а также отсутствие потребности для одноранговых сетей любых форм посредничества, процессов монополизации и корректировки транзакций, вносимых в реестр распределенной сети блокчейна (Lacity & Treiblmaier, 2022).

В работах большинства авторов часто анализируются недостатки токенизации активов. Самая большая проблема, выделяемая в работах этих авторов, связана как с анонимностью транзакций, так и с конфиденциальностью пользователей (и их кошельков), что позволяет допускать к процессу токенизации всевозможных преступников и мошенников. Эти авторы считают, что процессы токенизации активов должны всегда активно сопровождаться процедурами *KYC*[11]/*AML*[12], полной идентификацией клиентов и их кошельков, а также централизованной регуляцией клиентских транзакций и всех потребляемых ими финансовых услуг (Aldasoro et al., 2023). В настоящее время эта проблема решается путем ограничения круга инвесторов, способных переводить свои активы в цифровую форму, правила управления которой принадлежат узкому кругу стейкхолдеров (*stakeholders*).

Важной проблемой, исследуемой в публикациях, является проблема, связанная со стандартизацией процессов токенизации. Очень часто многие исследователи токенизацию ассоциируют с типом блокчейна: публичным или частным. Но это не совсем верное объяснение. Публичный или частный блокчейн – это формы получения, обмена и хранения информации об активе, но не сам многофункциональный процесс токенизации актива (Carapella et al., 2023). Иначе говоря, процесс токенизации есть сочетание взаимосвязанных между собой систем управления: систем пользователей, валидаторов, оракулов и администраторов; систем выпуска, обращения, вывода токенов из оборота, депонирования и секьюритизации токенов; системы управления финансовыми и технологическими рисками, соблюдения принципов *KYC/AML* и обеспечения аудита смарт-контрактов; систем управления комиссиями и лимитами, связанных с мобильными и веб-приложениями, установками биржевого модуля и децентрализованными биржами[13].

---

[11] *KYC* (*Know Your Customer*) – термин «Знай своего клиента» – используется для регулирования финансовых институтов и букмекерских контор, а также других компаний, работающих с деньгами частных лиц, и означает, что они должны идентифицировать и устанавливать личность контрагента, прежде чем дозволять ему проводить финансовую операцию.

[12] *AML* (*Anti-Money Laundering*) – борьба с легализацией денежных средств, включающая в себя комплекс мер, направленных на предотвращение использования финансовой системы страны или конкретной финансовой организации для легализации средств, полученных преступным путем, или финансирования терроризма. Разработкой и внедрением данных мер и инструментов занимаются международные и национальные институты, банковское и прочее деловое сообщество.

[13] Кравченко, П. (2017, 17 октября). Токенизация активов как способ повышения их ценности. ForkLog. https://forklog.com/exclusive/tokenizatsiya-aktivov-kak-sposob-povysheniya-ih-tsennosti

2. Классификация токенизированных активов

Токен имеет идентификатор, набор связанных с ним определяющих свойств (запрограммированных правил) и защищен криптографически. Согласно Международной организации по стандартизации [14], все токены классифицированы в следующие типы[15]:

– взаимозаменяемый токен (*Fungible token*, *FT*) – это токен, способный к взаимной замене между токенами одного и того же типа. Это когда каждая единица токенизированного актива имеет одинаковую рыночную стоимость и юридическую силу. Например, все единицы 1 биткоин (далее – *BTC*) в 1 доллар США абсолютно одинаковы. При этом не имеет значения, у кого был куплен *BTC*, поскольку все единицы *BTC* имеют одинаковую функциональность и являются частью одной распределенной сети;

– невзаимозаменяемый токен (*Non-Fungible token*, *NFT*) – это когда один токен нельзя заменить токенами того же типа, поскольку каждый токен представляет собой уникальное значение, представляющее такие реальные активы, как произведения искусства (картины, антиквариат) или недвижимость. Каждый токен содержит уникальную информацию и собственные атрибуты. *NFTs* обычно не делятся, хотя *F-NFTs* предлагают долевое владение *NFTs*, например, в случае уникального дорогостоящего произведения искусства или коммерческой недвижимости;

– секьюрити/инвестиционный токен (*Security token*, *ST/Investment token*, *IT*) – токен с особыми характеристиками, соответствующими определению финансового инструмента или другого инвестиционного актива согласно требованиям действующего законодательства соответствующей юрисдикции. Эти токены предназначены для представления полных или частичных прав собственности на активы, они сталкиваются с рядом ограничений в отношении юрисдикции, категории активов и идентификации личности. Как правило, данные типы токенов могут выступать в различных формах: в форме токенизированных акций (*Equity tokens*)[16], токенизированных долгов (*debt tokens*)[17], токенов, обепеченных активами (*Asset-backed tokens*)[18] или токенов, гарантирующих дивиденды (*Dividend tokens*)[19];

– утилитарный токен (*Utility token*, *UT*) – токен, который может использоваться его владельцем для получения доступа к товарам и/или услугам, а также выступать в качестве средства обмена внутри определенного сообщества. Данные токены в основном связаны с публичным блокчейном *Ethereum* и не предназначены для инвестиций. Такие токены могут использоваться как в роли средства оплаты (*Pay token[20]) и средства расчетов (Settlement token[21]), так и в роли владения (Ownership token[22]), управления (Governance token[23]) или*

---

[14] Тип токена задается стандартами (*ERC*-20, *ERC*-721, *ERC*-1155, *ERC*-1400, *ERC*-1594, *ERC*-1644 и т. д.), на основании которых выбираются тип токена, пределы эмиссии (количество токенов в обращении), механизм управления токеном, а также другие пользовательские настройки, параметры и наборы правил. Например, *ERC*-1400 является стандартом для *security token*, построенного исключительно на блокчейне *Ethereum*.

[15] Blockchain and Distributed Ledger Technologies – Vocabulary. (2023, January). https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:22739:dis:ed-2:v1:en

[16] *Equity token* представляет собой часть токенизированной акции компании, с помощью него инвесторам удобнее управлять и проще контролировать свои права и привилегии, связанные с владением ценными бумагами компании.

[17] *Debt token* (долговой токен) – это токенизированный актив, представляющий собой долговые ценные бумаги (кредиты, облигации, депозитные сертификаты и пр.), записанные в блокчейне с использованием смарт-контракта, содержащего все условия обращения данных токенов, в том числе условия погашения и факторы риска основного долга.

[18] *Asset-backed token* представляет из себя торгуемый актив, классифицируемый как токен безопасности, обращающийся на рынке ценных бумаг. Он является цифровым двойником реального (физического) актива или определенной услуги, выступающих в качестве его обеспечения.

[19] *Dividend token* (деривативный токен) дает его держателю пассивный доход, но в то же время такой токен может, как и любая акция, как предоставлять, так и не предоставлять право голоса его держателю.

[20] *Pay token* (платежный токен) представляет собой цифровое представление стоимости, которое не создается центральным банком или любым другим государственным органом. Он не является законным средством платежа, но может использоваться в системе расчетов в качестве обеспеченного и необеспеченного средства платежа (EBA, 2014).

[21] *Settlement token* (расчетный токен), который, согласно классификации Международной ассоциации стандартизации токенов (*ITSA*), предназначен для осуществления расчетов по транзакциям, таким как покупка товаров или услуг в экосистеме внешней, третьей стороны (*third-party ecosystem*). International Token Standardization Association (ITSA). (2019). www.itsa.global

[22] *Ownership token* (токен владения) создан с целью управления и передачи права собственности на материальные или нематериальные активы.

[23] *Governance token* (токен управления) предоставляет его пользователю права на участие в управлении сервисом (протоколом), для которой был создан токен, например, право голоса.

доступа (Access token[24]) к товарам и/или услугам. Для создания таких токенов нужен смарт-контракт, а порой и несколько, чтобы пройти различные стадии токенизации – от предпродажи до основной стадии продаж, а возможно, и для обратного выкупа токенов;

– гибридный токен (*Hybrid toke*, *HT*), сочетающий в себе элементы утилитарного и инвестиционного токенов, а также всех их разновидностей (платежного, валютного, дивидендного, долгового и обеспеченных активами токенов).

Таким образом, токенизированный актив – это цифровая форма того или иного актива или прав владения на него, представленного в сети. При этом создаваемые токены могут действовать как цифровые сертификаты собственности (например, на золотые слитки или объекты недвижимости), которые могут представлять практически любой реальный объект, включая физические (*physical*), цифровые (*digital*), взаимозаменяемые (*fungible*) и невзаимозаменяемые активы (*non-fungible assets*). Поскольку токены хранятся в блокчейне, то их владельцы могут давать их держателю право требования на реальный актив. Иначе говоря, токенизация активов позволяет создавать, хранить, закладывать, продавать, использовать и ликвидировать активы в распределенных сетях блокчейнов.

3. Моделирование процесса токенизации активов

Моделирование процесса токенизации активов связано с пошаговым набором компонентов, необходимых для реализации этого процесса. Первый шаг – это определить актив, который мы собираемся токенизировать. Это могут быть товары (золото, зерно, нефть), объекты недвижимости (здания, земля), валюты, ценные бумаги (акции, облигации, деривативы), произведения искусства (картины, антиквариат), кредиты (займы, свопы), интеллектуальная собственность или бренды компаний. После того как мы определили актив, который хотим токенизировать, нам необходимо будет определить тип токена, который мы собираемся создать. При этом нам нужно будет учитывать такие факторы, как стандарт токена (*ERC*-20, *ERC*-721, *ERC*-1155 и т. д.), который мы хотим использовать на блокчейне, количество создаваемых токенов, механизм управления этими токенами и прочие пользовательские настройки, связанные с параметрами и правилами обращения токенов (Giungato et al., 2021).

Все это алгоритмически прописывается в смарт-контрактах, предписывающих последовательность решений на основе заранее определенных критериев, не требующих участия посредников (человека). Далее нам необходимо будет определить тип самого блокчейна, в котором будут выпущены токены. Сюда могут входить такие блокчейны, как *Bitcoin*, *Ethereum*, *Corda* (*R3*), *Tezos*, *NEO*, *Stellar EOS*, *WeOwn* и др. Выбор в пользу того или иного типа блокчейна будет зависеть от конкретных требований рассматриваемого токенизированного актива, а значит, нужно на этом этапе учитывать некоторые логические аспекты: следует ли выпускать токены в публичном (*public blockchain*) или узком, разрешенном блокчейне (*a permissioned blockchain*) или использовать структуру для создания собственной сети или объединения централизованных и децентрализованных форматов.

В дальнейшем нам необходимо будет определиться с выбором стороннего аудитора (оракула, координатора), кто способен будет передавать в блокчейн необходимую информацию, которая хранится вне распределенной сети. Данная информация должна гарантировать, что количество выпущенных токенов соответствует стоимости базовых активов, находящихся вне цепочек блокчейна[25]. При этом любые проекты токенизированных активов могут использовать децентрализованную службу проверки *Chainlink Proof of Reserve* (*PoR*), которая интегрирована в их протоколы, чтобы обеспечить передачу более объективной информации в цепочку сети блокчейна. В качестве примера можно назвать такие протоколы, как *OpenEden* для токенизированных казначейских векселей, *TUSD* и *Poundtoken* для токенизированной фиатной валюты или *CCIP* – протокол межсетевого взаимодействия, предназначенный для коинтеграции приложений децентрализованных финансов.

[24] *Access token* (токен доступа) дает право его пользователю использовать определенные услуги, товары или ресурсы, предлагаемые в среде, для которой был создан такой токен.

[25] How to Tokenize an Asset: A Step-by-Step Guide to Asset Tokenization. (2023, November 30). ChainLink. https://chain.link/education-hub/how-to-tokenize-an-asset

4. Приложения децентрализованных финансов

Появление публичных блокчейнов без разрешения (*the emergence of permissionless, public blockchains*) породило целую систему приложений децентрализованного финансирования (*DeFi*)[26], формируемых смарт-контрактами и стандартизированными токенами. Ряд фундаментальных исследований в области *DeFi* (Werner et al., 2021) служит этому подтверждением. Все приложения *DeFi* работают на цифровых платформах[27], функционируют автоматически по запрограммированным алгоритмам, кодам без вмешательства финансовых организаций. Они доступны для проверки их пользователями в режиме реального времени и могут с помощью криптографических инструментов довольно легко объединяться с другими приложениями экосистемы *DeFi*, способствуя развитию процесса токенизации активов в реальной экономике.

На начало 2023 г. самыми востребованными платформами в экомистеме *DeFi* являлись *Ethereum*, *BSC*, *Polygon*, *Avalanche*, *Fantom*, *Arbitrum*, *Optimism*, *Salona* и *Tron*. При этом наибольшее количество приложений существовало на *Ethereum* (614), *BSC* (513), *Polygon* (384) и *Avalanche* (277). Эти приложения были сосредоточены в таких протоколах, как *Dexes* (где можно обменивать и/или торговать криптовалютой), *Lending* (позволяющий пользователям брать и предлагать кредиты), *Liquid Staking* (размещающий активы в обмен на вознаграждение, а также ордера по стейкингу для продажи), *CDP* (выпускающий обеспеченные стейблкоины), *Bridge* (соединяющий токены разных сетей), *Yield* (позволяющий выплачивать вознаграждения за стейкинг или ликвидность пользователя платформы), *Services* (предоставляющий сервис пользователю), *Derivatives* (для производства сделок с кредитным плечом), *Algo-Stables* (запускающий алгоритмические стейблкоины), *Cross-Chain* (добавляющий совместимость между разными блокчейнами), *Options* (дающий право приобретать актив по фиксированной цене), *Privacy* (гарантирующий анонимность осуществляемых транзакций) и *Payments* (предлагающий производство оплаты/отправки/получения криптовалюты)[28].

Именно эти криптографические протоколы играют в настоящее время наибольшую роль в процессе токенизации активов, поскольку они позволяют приложениям децентрализованных финансов (*DeFi*) сохранять конфиденциальность и анонимность совершаемых пользователями транзакций. Публичный характер блокчейна позволяет ввести в расчеты дополнительные стимулы (*MEV[29]), которые бросают вызов как безопасности приложений DeFi*, так и конфиденциальности всех пользователей. Однако внедрение миксеров криптоактивов[30], основанных на доказательствах *ZK-SNARK* в блокчейне, привело к появлению приложений *DeFi*, ориентированных на сохранение конфиденциальности и открывающих новые подходы к смягчению последствий от стимулов *MEV*. Также в последнее время разработчиками было предложено приложение *DeFi*, регулирующее исполнение заказов пользователей с применением методов многосторонних вычислений (*multi-party-computation techniques*) (Baum et al., 2021), что позволяет повысить эффективность токенизации активов за счет этих приложений *DeFi*. Кроме того, совершенствование криптографических протоколов *DeFi* способно в разы улучшить масштабируемость транзакций, поскольку многие из них перешли на *ZK*-роллапсы (*ZK-rollups*)[31], позволяющие обмениваться данными и передавать токенизированные активы между разными блокчейнами.

Совершенствование криптографических протоколов позволило повысить эффективность функционирования таких базовых приложений *DeFi*, как кредитные пулы (*Lending Pools*, *LPs*) и автоматические маркетмейкеры (*Automatic Market Makers*, *AMMs*). На эти изменения в приложениях *LPs* и *AMMs* указали в своих публикаций зарубежные исследователи М. Бартолетти, Дж. Синь-Ю Чан и А. Ллуч-Лафуэнте (Bartoletti et al., 2021a; 2021b).

---

[26] ERC-20 token standard. (2015). https://github.com/ethereum/EIPs/blob/master/EIPS/eip-20.md

[27] Перечислим наиболее известные платформы: *OpenSea* (лидер отрасли в создании и торговле *NFT*, открывающий возможности для токенизации активов в нескольких сферах); *Harbor* (концентрируется на токенизации активов недвижимости, чтобы повысить доступность долевого владения для большей группы пользователей); *Securitize* (предоставляет полный спектр решений по токенизации активов в различных секторах, таких как ценные бумаги, изобразительное искусство и предметы коллекционирования); *Alchemy* (предоставляет инвесторам полезную информацию, основанную на данных и аналитике для токенизированных активов); *Polymath* (платформа, позволяющая эмитентам создавать токенизированные ценные бумаги и управлять ими).

[28] Top protocols. Defi Llama. https://defillama.com/top-protocols

[29] *MEV* (*miner-extractable-value*) – способность майнеров извлекать ценность, помимо комиссий за транзакции из определенных последовательностей действий, в *DeFi*, которая была обозначена как извлекаемая майнером ценность (Daian et al., 2020).

[30] Что такое zk-SNARKs и zk-STARKs? Binance academy. https://academy.binance.com/ru/articles/zk-snarks-and-zk-starks-explained

[31] Starkware. (2021). https://starkware.co/

Кредитные пулы (*LPs*) как децентрализованные приложения позволяют взаимно не доверяющим пользователям кредитовать друг друга и брать взаймы криптоактивы. Данные авторы в своих исследованиях попытались формализовать все взаимоотношения между пользователями и *LPs*, раскрывая тем самым особенности экономической природы *LPs*. В частности, модель кредитного пула позволяет сформулировать и раскрыть фундаментальные свойства *LPs*, такие как учет выпущенных на платформе токенов и размер запасов депонированных токенов, необходимый для согласованного обмена и распределения токенов в *LPs*. Одновременно эта модель позволяет рассматривать пользователей *LPs* как рациональных агентов, которые заинтересованы в погашении кредитов в обмен на дисконтированное обеспечение или предоставление процентных депозитов. Авторы привели веские аргументы в пользу разработки стимулов для *LPs*, например, для вкладчиков, которые могут выкупить больше токенов, чем внесли их в кредитный пул. Более того, они формализовали понятие безопасности использования токенов, которое представляет собой некий компромисс между займом и его погашением, регулируемый плавающей процентной ставкой.

М. Бартолетти, Дж. Синь-Ю Чан и А. Ллуч-Лафуэнте также исследовали новые возможности автоматических маркетмейкеров (*AMMs*), позволяющие пользователям обмениваться различными криптоактивами без необходимости поиска валютного посредника. В своих работах они развивают теорию *AMMs*, одним из результатов которой является концепция параллелизма. Данная концепция объясняет взаимосвязанные действия как по открытию депозита, так и по погашению кредита, свидетельствующие о том, что депонированные токены в условиях погашения кредита не могут быть заморожены в приложении *AMMs*. Кроме того, авторы вводят в обращение понятие согласованности стимулов, а именно динамический обменный курс, на который полагаются пользователи приложения *AMMs*. При этом данный курс управляется определенным числом так называемых торговых инвариантов (*trading invariants*), для которых существуют механизмы стимулирования и арбитражная игра, способные провести объективный формальный анализ поведения *AMMs* на рынке токенизированных активов (Bartoletti et al., 2023).

5. Возможности токенизации активов

Токенизация активов открывает широкие возможности для своих пользователей. По сравнению с нетокенизированными активами она позволяет: а) привлечь дополнительную ликвидность за счет расширения в обращении незадействованных неликвидных активов; б) повысить уровень доступности малых и средних групп инвесторов к рынку денег и капиталов; в) обеспечить большую прозрачность в отношении прав на реальные активы и историю владения этими правами; г) повысить эффективность транзакций за счет снижения операционных расходов, включая управление, выпуск и возможные формы посредничества; д) получить доступ к экосистеме *DeFi*, позволяющей повысить потенциал финансового рынка за счет дробления и компонуемости токенизированных активов.

5.1. Создание дополнительной ликвидности

На традиционных финансовых рынках платежные транзакции обычно фиксируются в разрозненных реестрах, что приводит к значительной неэффективности рынков, росту операционных затрат и увеличению времени расчетов. Токенизация активов позволяет решить эти проблемы за счет фиксации транзакций в распределенных реестрах совместимых блокчейнов. Токенизация активов также может способствовать росту ликвидности финансового рынка за счет исторически неликвидных активов. В процессе токенизации любой актив может быть представлен в виде значительного количества токенов, созданных в результате дробления актива на доли (части), которые впоследствии могут быть зарегистрированы на различных платформах и доступных для расчетов на децентрализованных биржах (*DEX*).

Это устранит необходимость в дорогостоящих посредниках и расширит круг потенциальных покупателей, сохраняя привязку эмитируемых токенов к выбранному реальному активу. Более того, активы, которые являются неликвидными, как правило, имеют волатильную рыночную цену. В этом случае владельцы таких активов обычно предоставляют покупателям такие стимулы, как скидки за неликвидность, снижающие цену этого актива. Токенизация активов, напротив, повышает ликвидность актива, поскольку предлагает дробное владение, одновременно устраняя скидки за неликвидность. Кроме того, продажа небольших долей собственности (прав владения) позволяет их владельцам устанавливать более справедливую рыночную цену.

5.2. Повышение уровня финансовой доступности

Многие из наиболее перспективных активов (например, акций крупных компаний) недоступны для мелких и средних инвесторов из-за действующих финансовых или регулятивных ограничений. Но токенизация позволяет этим инвесторам повысить свою доступность к этим активам благодаря диверсификации инвестиционного портфеля компании. Одновременно выгоду от токенизации получают и владельцы самих крупных компаний, позволяя им наращивать активы своих компаний за счет привлечения ликвидности от мелких и средних групп инвесторов[32]. Короче говоря, токенизация может привести к появлению нового демографического класса инвесторов, создавая для них повышенную доступность и расширяя географию возможных инвестиционных сценариев развития бизнеса во многих странах и регионах.

Поскольку посреднических функций в условиях токенизации больше не требуется, инвесторы получают более гибкие и адекватные для себя формы инвестиционных возможностей. В частности, возможность дробления активов позволяет ввести в обращение такое понятие, как совместная собственность, когда несколько человек могут вместе владеть одним и тем же активом и совместно использовать его. Это является ключевым моментом в новом информационном обществе, члены которого имеют равные права на владение той или иной частью собственности. Например, люди могут за токены, эмитируемые под объект недвижимости, купить дом для совместного отдыха и решить между собой, кто и в какое время будет пользоваться этим домом. Другой пример – это предложение ассоциации *Diem* (*Facebook*[33]), которая в рамках своего проекта *Diem* (*Libra*) в 2023 г. предложила своим клиентам приобретать одновалютные стейблкоины (*single currency stablecoins*), расширяя тем самым географию своей капитализации.

5.3. Прозрачность процесса токенизации

Прозрачность изначально включена в процесс токенизации, поскольку содержит всю доступную информацию о каждом владельце и историю всех его транзакций. Благодаря этой беспрецедентной прозрачности, способствующей подотчетности и доверию, инвесторы имеют полную информацию о владении этими активами и транзакциях, связанных с ними. Отсутствие информации особенно остро ощущается при покупке иностранных активов, когда покупатель не может лично изучить интересующий актив перед его приобретением. Наличие прозрачности токенизации, позволяющей открыто отслеживать и проверять все записи, достигается за счет публичного характера многих блокчейнов. С помощью блокчейнов пользователи могут видеть запись в реестре о собственности, а также доход в виде процентов или дивидендов, что автоматически заложено в программируемой логике смарт-контракта на актив. Поэтому прозрачность токенизации позволяет значительно снизить риски мошенничества во многих сферах экономики и финансов, особенно в предметах роскоши, таких как бриллианты, вино и икра, а также в модельном бизнесе и произведениях искусства.

5.4. Компонуемость активов

Одним из наиболее многообещающих преимуществ токенизации активов является компонуемость – соединение стоимости реальных активов с возможностью их компоновки в рамках экосистемы *DeFi*. Компоновке активов предшествует их дробность. Иначе говоря, позволяя дробить активы на доли прав владения, блокчейн в конечном счете создает на рынке большую ликвидность. Децентрализованные денежные рынки вокруг токенизированных реальных активов позволяют пользователям зарабатывать дополнительный доход от процентов, полученных от использования залога вне сети. Это еще больше повышает ликвидность для пространства экосистемы *DeFi*, доступ к которой расширяет инвестиционные возможности розничных инвесторов. В дальнейшем токенизация активов способна раскрыть множество дополнительных возможностей для разработчиков смарт-контрактов, стремящихся получить реальную ценность за счет развития совершенно

[32] В конце 2018 г. 588 млн мелких пользователей китайской компании *Alipay* разместили небольшие суммы денег во взаимном фонде *Tianhong Yu'e Bao*, активы которого по состоянию на июнь 2019 г. составляли 150 млрд долл. США. См. Lee, G. (2019, September 27). Ant Financial's Yu'e Bao shrinks 39 per cent, loses top spot as world's biggest money market fund, says Fitch Ratings. South China Morning Post. https://www.scmp.com/business/banking-finance/article/3030678/ant-financials-yue-bao-shrinks-39-cent-loses-top-spot

[33] Соцсеть принадлежит *Meta* – организации, признанной экстремистской, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

новых типов синтетических активов, индексов и корзин токенов, привязанных к различным активам, а также превращения реальных потоков доходов от токенизации форм залога. Иными словами, компонуемость активов, поддерживая инклюзивное финансирование, открывает для широкого круга инвесторов новый рынок денег и капиталов. При этом одноранговая торговля (*peer-to-peer trading*) предлагает частным инвесторам безопасную и надежную инфраструктуру, одновременно сопровождая это большей свободой, внутренним контролем и необходимой для рынка прозрачностью.

5.5. Новые формы сбора средств инвесторов

Рост популярности токенизации активов устраняет разрыв между традиционными и новыми рынками капитала. Предложение токенов безопасности (*Security Token Offering, STO*) – это новая форма сбора средств в условиях токенизации. Данные средства отличаются от венчурного капитала (*Venture Capital*, *VC*), первичного публичного размещения акций (*Initial Public Offering*, *IPO*) и первичного размещения монет (*Initial Coin Offering*, *ICO*).

Венчурные капиталисты обычно стремятся инвестировать в многообещающие стартапы, а также в малые и средние предприятия, которые имеют потенциал стать публичными или частью более крупной компании. При этом венчурные капиталисты выдвигают такие условия, которые часто более выгодны для них самих, чем для владельцев малого и среднего бизнеса.

Для массового инвестора рынок *IPO* не подходит, так как он строго регулируется и является очень дорогостоящим и трудоемким. Перед тем как выйти со своими акциями на биржу, компании для осуществления *IPO* необходимо иметь хорошую историю бизнеса (в части структуры активов и корпоративного управления) и прозрачную отчетность за несколько лет. Затем компания подписывает контракт со своим андеррайтером (андеррайтерами), который в конечном счете и определяет параметры предстоящего *IPO* (сколько акций будет выпущено и по какой цене), чтобы привлечь как можно больше институциональных инвесторов.

Рынок *ICO* породил так называемый утилитарный токен (*utility token*), предлагающий его владельцу доступ к потенциальному продукту или услугам. Но данные токены не дают инвесторам прав владения ценными бумагами или доли владения в компании или проекте[34]. Как только *ICO* запускается, компания может получать средства от инвесторов, в основном в форме криптовалют, таких как биткоин или эфириум. При получении этих средств компании (через смарт-контракты) выдают инвестору соответствующее количество токенов и переводят полученные средства на кошелек эмитента. Эти транзакции проверяются майнерами и сохраняются в блокчейне. Затем токены могут быть размещены на криптобиржах, таких как *Binance, Coinbase Exchange* или *Huobi Global*, для торговли держателями токенов. Но тут могут возникнуть риски, связанные с отсутствием лица, предоставляющего гарантии, не несущего ответственность в отношении этих токенов[35].

Финансирование через *STO* имеет существенные преимущества и структурные различия по сравнению с традиционными формами сбора денежных средств. В отличие от традиционных форм финансирования, *STO* не обязательно требует финансового посредника, а скорее может быть спроектирована как одноранговый механизм (*peer-to-peer mechanism*), в рамках которого владелец токена получает право на долю в компании или договорные претензии на активы, выраженные в форме ценной бумаги[36]. Например, токены в форме *STO* могут представлять собой ряд неликвидных активов, включая акции компаний, недвижимость или права интеллектуальной собственности. Это привело к тому, что начиная с 2019 г. предложения токенов безопасности (*STOs*) приобрели популярность во многих юрисдикциях (Lambert et al., 2021). Но в то же время до сих пор не совсем ясно, выживет ли данная форма финансирования, если на этот рынок *STOs* придут такие игроки, как фондовые биржи и крупные инвестиционные банки.

[34] *Mastercoin* была первой организацией, которая в 2014 г. провела *ICO*, собрав около 5,5 млн долл. США, а *Ethereum* стала второй компанией, собрав в том же году 18 млн долл. США. См. Griffith, E. (2017). Why startups are trading IPOs for ICOS. Fortune Magazine, http://fortune.com/2017/05/05/ico-initial-coin-offering/.

[35] Правовые аспекты криптовалюты и ICO. (2017). Москва: Адвокатское бюро «Линия права».

[36] Tokenization of Assets. Decentralized Finance (DeFi). Vol. 1. Spot on: Fundraising & StableCoins in Switzerland (pp. 30–34). https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/en_ch/topics/blockchain/ey-tokenization-of-assets-broschure-final.pdf

6. Проблемы токенизации активов

Все проблемы токенизации активов связаны с трилеммой блокчейна, постулированной одним из основателей *Ethereum* Виталиком Бутериным (Buterin, 2014). Она гласит, что из трех основных свойств – децентрализации, безопасности и масштабируемости – блокчейн может совместить, реализовать только два. Идеи трилеммы блокчейна были заимствованы из теории *CAP*[37], которую в 90-х гг. прошлого века разработал Эрик Брюэр. Данные свойства блокчейна реализуются в одноранговой сети распределенных реестров посредством консенсусных алгоритмов, криптографии и хеш-функции (Correia, 2019; Zhang et al., 2019).

При наличии большого количества узлов (нод пользователей), задействованных в одноранговой сети, такую сеть взломать практически невозможно. Так, при текущей рыночной капитализации *Cosmos Hub* и *Polkadot* злоумышленнику потребуется мобилизовать примерно 1,5 и 3,25 млрд долл. США соответственно, чтобы повредить соответствующие экосистемы или *XCMP* в ходе атаки 51 % (Belchior et al., 2023, p. 9). Но в то же время большее количество узлов требует и значительно большего периода времени на установление консенсуса между всеми узлами распределенной сети.

Иначе говоря, невозможно одновременно достичь совместимости между тремя базовыми свойствами блокчейна. Например, блокчейны могут гарантировать высокую децентрализацию и безопасность, но не способны обеспечить высокую масштабированность. Однако современные наработки в этой области свидетельствуют о том, что данная трилемма в настоящее время становится не столько неразрешимой проблемой, сколько набором возможных компромиссов, которые могут сохранять все эти три свойства, но на разных уровнях. И этому способствуют недавние исследования в области совместимости различных типов блокчейнов (*cross-chain interoperability*), объясняющих способы повышения масштабируемости транзакций в распределенной сети блокчейнов.

Чтобы соединить, совместить блокчейны, нам необходимо использовать набор методов, таких как сайдчейны (*sidechains*) (Back et al., 2014; Singh et al., 2020), роллапсы (*rollups*) (Thibault et al., 2022) или механизмы временных меток (*timestamping mechanisms*) (Tas et al., 2023), позволяющих обмениваться данными и передавать активы между реестрами разных блокчейнов (Belchior et al., 2021). В то же время данные методы не совсем совершенны, они еще уязвимы (Сидоренко, 2023a; 2023b), о чем свидетельствуют потери на сумму более 2,5 млрд долл. США, возникшие в блокчейн-мостах (более 110 мостов) самых популярных кроссчейн-приложений *DeFi* (Belchior et al., 2023a; Lee et al., 2022). Для минимизации потерь в процессе передачи данных и активов между разными блокчейнами был предложен компромиссный вариант – омникан-приложения (*omnichain applications*), известные как децентрализованные приложения с несколькими цепочками (Belchior et al., 2023b).

По мнению ряда экспертов, хорошей альтернативой кроссчейн-совместимости может выступать мультичейн-совместимость (*multi-chain interoperability*)[38]. Но данная точка зрения в настоящее время принимается не всеми разработчиками[39]. Так, с одной стороны, можно согласиться с тем, что мультичейн-совместимость способна снижать вектор атаки на совместимые приложения блокчейна, но, с другой стороны, верно и обратное – невозможно создать единый (общий) блокчейн, который бы эффективно управлял всеми приложениями *DeFi* одновременно. Поэтому неудивительно, что одни разработчики отдают приоритет масштабируемости, жертвуя при этом децентрализацией, другие больше фокусируются на конфиденциальности (Androulaki et al., 2018), третьи ориентируются на отдельные приложения, больше связанные с безопасностью сети и транзакций (Kwon & Buchman, 2019; Wood, 2016).

Мы считаем, что кроссчейн-совместимость (*cross-chain interoperability*) является наилучшим вариантом совместимости блокчейнов, обеспечивающих рост эффективности процесса токенизации активов. Этот факт подтверждается как уже существующей академической литературой, появившейся за последнее десятилетие

[37] Теорема *CAP* свидетельствует, что для децентрализованной базы данных выполняются только два из трех основных свойств: согласованности, доступности и устойчивости к делению (Gilbert & Lynch, 2012).

[38] *Multi-chain interoperability* – это взаимосвязь между цепочками внутри блокчейна, механизм которого позволяет взаимодействовать блокам в цепочке блокчейна через якорь доверия, реализованный в блокчейн-протоколе (Belchior et al., 2021).

[39] Buterin, V. (2022). Vitalik.eth on Twitter, arguments for a multi-chain future. https://twitter.com/VitalikButerin/status/1479501366192132099 (*Twitter* – социальная сеть, заблокированная на территории Российской Федерации за распространение незаконной информации).

(Belchior et al., 2021), так и самими наработками криптосферы[40], называющих функциональную кроссчейн-совместимость ключом к массовому внедрению блокчейнов в процессы токенизации активов (Belchior et al., 2021; CoinTelegraph, 2023; Pillai et al., 2022). В качестве примера кроссчейн-совместимости блокчейнов в процессе токенизации активов можно назвать такие проекты, как проект *Genesis*[41], проект *Guardian*[42], проект *JP Morgan*[43], проект *Expobank*[44], проект *HSBC*[45] и ряд других.

7. Факторы роста эффективности токенизации активов

Повышение эффективности токенизации активов связано с решением проблем функциональной совместимости, уже систематизированных в отдельных работах (Belchior et al., 2021; 2023b). В то же время в научной сфере до сих пор отсутствует теория функциональной совместимости, что является одной из фундаментальных проблем, сдерживающих обоснование и рост эффективности токенизации активов. Именно наличие данной теории способно, по мнению ряда специалистов, обеспечить основу для разработки различных методов, режимов и связанных с ними рабочих процессов, обеспечивающих рост эффективности токенизации активов (Belchior et al., 2023). По состоянию на июнь 2023 г. наиболее важными, по нашему мнению, факторами роста эффективности токенизации активов могут стать анонимность и конфиденциальность, безопасность и сохранность прав на токенизированные активы.

7.1. Анонимность и конфиденциальность

Поскольку лежащая в основе токенизации активов технология блокчейн является прозрачной, это позволяет инвесторам видеть всю историю движения активов и принимать в связи с этой прозрачностью свои бизнес-решения. Но при этом принято считать, что данная прозрачность движения активов должна обязательно сопровождаться анонимностью передаваемых транзакций и в контексте *cross-chain interoperability* (Yin et al., 2023). Иначе говоря, анонимная передача (или обмен) активов должна скрывать личности пользователей, участвующих в транзакции. Конфиденциальность же не позволяет передавать информацию о пользователях третьим сторонам.

Исследователи и практики, продвигающие *cross-chain interoperability*, проделали немалую работу, особенно в области передачи активов (между блокчейнами с повышенной конфиденциальностью в качестве источника и публичными блокчейнами в качестве цели (Sanchez et al., 2022), используя, например, технологии с нулевым разглашением доказательства). Несмотря на то, что данные работы находятся еще в самом начале пути, уже становится ясно, что в сценариях, где задействован хотя бы один блокчейн с повышенной конфиденциальностью (такие как *Hyperledger Fabric*, *ZCash* или *Monero*), необходимо сохранять и гарантировать определенный уровень анонимности.

И все же конфиденциальность при передаче данных о клиентах в условиях анонимности изучена в научной литературе недостаточно, лишь частично. Поэтому некоторые авторы стали работать над созданием концепции самодостаточной идентичности (*self-sovereign identity*) для облегчения кроссчейн-совместимости между блокчейнами (Belchior et al., 2020). Однако это может потребовать аутентифицировать запросы о клиентах с использованием четкого контроля за их данными, что приведет к внедрению стандарта *KYC* («Знай своего клиента»), а значит, к снижению уровня конфиденциальности клиентов, участвующих в транзакционных

[40] Coindesk. (2023). Cross-chain articles – coindesk. https://www.coindesk.com/tag/cross-chain/ ; The Block (2023). Theblocknews-cross-chain. https://www.theblock.co/search?query=cross%20chain

[41] В 2021 г. Валютное управление Гонконга (*HKMA*) и центр инноваций Банка международных расчетов в Гонконге (*BIS Innovation Hub's Hong Kong center*) провели тестирование по выпуску токенизированных зеленых облигаций.

[42] Этот проект связан с инициативой Валютного управления Сингапура (*The Monetary Authority of Singapore*) и финансового сектора страны, направленный на оценку жизнеспособности приложений токенизации активов и децентрализованного финансирования (*DeFi*).

[43] В 2020 г. *JP Morgan* запустил первую блокчейн-платформу *Onyx*, предназначенную для облегчения передачи цифровых активов, информации и ценностей. Было разработано приложение «Токенизированная сеть обеспечения» (*TCN*), позволяющая инвесторам закладывать активы в качестве залога.

[44] *Expobank* выпустил первое в мире токенизированное предложение бриллиантов, допустив к этому рынку мелких инвесторов.

[45] *HSBC* представил свою платформу токенизации золота, которая предоставляет клиентам токенизированное владение физическим золотом, надежно хранящимся в хранилищах банка.

сделках в одноранговой сети. И, хотя первые шаги в кроссчейн-совместимости между блокчейнами уже сделаны, решения по обеспечению конфиденциальности (передаче данных), обмену активами с сохранением конфиденциальности и передаче активов с сохранением конфиденциальности еще практически не реализованы. Более того, отсутствуют серьезные исследования, позволяющие провести работу по совместимости анонимности и конфиденциальности в условиях токенизации активов (Belchior et al., 2023c, p. 10).

7.2. Мониторинг безопасности

В современном мире безопасность имеет важное значение. Технология блокчейн, лежащая в основе токенизации активов, обеспечивает неизменяемую запись о собственности (правах владения), исключая вероятность ошибок и мошенничества. Процессы шифрования и проверки транзакций обеспечивают целостность и безопасность частных инвестиций. Более того, мониторинг мостов и сложных, а иногда и хрупких связей между блокчейн-технологиями быстро становятся труднореализуемыми, поскольку системы, с которыми приходится иметь дело, неоднородны и децентрализованы, а системы, построенные на их основе (например, децентрализованные приложения), могут иметь сколь угодно сложную бизнес-логику (Belchior et al., 2023a).

Представьте себе простой случай: ваше приложение на блокчейне *A* зависит от консенсуса блокчейна *B*. Что произойдет, если блокчейн *B* подвергнется кроссчейн-атаке (Lee et al., 2022) (например, 51 %)? Скорее всего, произойдет то, что случилось с блокчейном *Terra*, подвергнутым атаке, что негативно повлияло на связанные с ним через мост *Osmosis* блокчейны *Cosmos* и *Ethereum*. В результате краха блокчейна *Terra* хакеры дестабилизировали стейблкоин, размещенный на платформе *Terra*. Эта дестабилизация вызвала каскадную ликвидацию монет на крипторынке[46] (Economy, and Business, 2022). В результате операторы мостов вынуждены были вручную отключать мосты, что приводило к серьезным экономическим потерям. Поэтому своевременный мониторинг безопасности операций мог бы предотвратить столь трагический исход и помочь смягчить возникшие потери, показанные на примере блокчейна *Terra*. Поэтому решения, основанные на моделировании по спецификациям (Belchior et al., 2023a) или больших кроссчейновых моделях (Gai et al., 2023), могут стать интересными направлениями для будущих исследований в сфере совместимости блокчейнов.

7.3. Сохранность прав на токенизированные активы

Сохранность прав на токенизированные активы подтверждается для пользователя его «закрытым ключом»[47] (*private key*), который способен предотвращать кражу и несанкционированный доступ к этим активам. В условиях цифровых платформ кардинально меняется сама роль кастодианта, которая в условиях токенизации активов будет заключаться в безопасном хранении и управлении ключами клиентов. Но в настоящее время лишь немногие квалифицированные хранители имеют лицензию от регуляторов на хранение токенов институциональных инвесторов. И основная причина – отсутствие единой общепринятой стандартизации требований к лицензиям кастодиантных организаций, обеспечивающих хранение и передачу токенизированных активов между кастодиантами и институциональными инвесторами.

В настоящее время лишь нескольким компаниям удалось получить одобрение регулирующих органов, в том числе криптовалютным биржам (*Coinbase*, *Gemini* и *BitGo*) и крупнейшим банковским корпорациям (*HSBC* и *Fidelity International*), являющимся в настоящее время квалифицированными хранителями токенизированных активов институциональных инвесторов во всем мире. Например, банковская корпорация *HSBC* в ноябре 2019 г. запустила кастодиальную блокчейн-платформу *Digital Vault* для оцифровки записей транзакций по хранению и передаче активов частных клиентов, а *Fidelity International*, базирующаяся в США, организовала платформу *Fidelity Digital Asset Services* с целью защиты, торговли и поддержки цифровых активов[48].

Все это свидетельствует о том, что развитие решений по хранению токенизированных активов, а также стандартизация лицензионных требований к кастодиантам в перспективе будет иметь решающее значение

[46] Sánchez, Á. (2022, May 12). Luna crypto crash wipes out savings of thousands of investors, sparking fears for sector. El País. https://english.elpais.com/economy-and-business/2022-05-12/luna-crypto-crash-wipes-out-savings-of-thousands-of-investors-sparking-fears-for-sector.html

[47] Закрытый ключ – это фрагмент кода, который известен только владельцу и дает ему возможность подписывать транзакцию.

[48] The 10x potential of tokenization. (2020, August). HSBC, 8. https://www.gbm.hsbc.com/insights/securities-services/distributed-ledger-technology

для стимулирования роста токенизированных активов в мировой экономике. Более того, ряд финансовых организаций-кастодиантов могут рассматривать возможность выполнения роли назначенного депозитария, чтобы обеспечить лучшую совместимость токенизированных активов с реальными активами.

Заключение

В настоящее время токенизация активов становится новым мейнстримом современной экономики. Она позволяет привлечь в экономику дополнительную ликвидность, обеспечить большую прозрачность в отношении прав на реальные активы, повысить эффективность транзакций за счет снижения операционных расходов, а также получить доступ к экосистеме *DeFi*, позволяющей расширить потенциал финансового рынка за счет сочетания дробления и компонуемости токенизированных активов.

Токенизация активов – это процесс трансформации учета и управления активами, при котором каждый актив представляется в виде программируемого цифрового токена. При этом программируемые токены могут представлять собой небольшую часть (долю) любого реального актива. Это позволяет повысить капитализацию рынка за счет токенизации долевого владения ликвидными и неликвидными активами, например, такими, как недвижимость, ценные бумаги, интеллектуальная собственность или произведения искусства, традиционно требующие более высоких капитальных вложений.

Токенизация, предлагая новые источники ликвидности, может изменить динамику финансового рынка. Более широкое внедрение токенизации может принести системные преимущества, такие как более надежная, открытая и эффективная инфраструктура финансового рынка. Однако это прежде всего представляет собой проблему координации, совместимости блокчейнов, протоколов и приложений *DeFi*. Без эффективной координации этих процессов токенизация может еще больше фрагментировать рынок активов как технически, так и финансово за счет добавления в его структуру новых цифровых платформ вместо их объединения.

Все проблемы токенизации активов связаны с трилеммой блокчейна, постулирующей, что из трех основных свойств – децентрализации, безопасности и масштабируемости – блокчейн может совместить, реализовать только два. Однако современные наработки в этой области свидетельствуют о том, что данная трилемма в настоящее время становится не столько неразрешимой проблемой, сколько набором возможных компромиссов, которые могут сохранять все эти три свойства, но на разных уровнях. И этому способствуют недавние исследования в области совместимости различных типов блокчейнов (*cross-chain interoperability*), объясняющие способы повышения масштабируемости транзакций в распределенной сети блокчейнов.

Повышение эффективности токенизации активов связано с решением проблем функциональной совместимости. В научной сфере до сих пор отсутствует теория функциональной совместимости, что является одной из фундаментальных проблем, сдерживающей обоснование и рост эффективности токенизации активов. Данная теория должна строиться на совместимости таких факторов токенизации, как анонимность и конфиденциальность, безопасность и сохранность прав на токенизированные активы. Это позволит создать основу для разработки различных методов, режимов и связанных с ними рабочих процессов, обеспечивающих рост эффективности токенизации активов в любой экономике.

Список литературы / References

Androulaki, E., Barger, A., Bortnikov, V., Cachin, C., Christidis, K., De Caro, A., Enyeart, D., Ferris, C., Laventman, G., Manevich, Y., Muralidharan, S., Murthy, Ch., Nguyen, B., Sethi, M., Singh, G., Smith, K., Sorniotti, A., Stathakopoulou, Ch., Vukolić, M., Weed Cocco, Sh., & Yellick, J. (2018). Hyperledger fabric: a distributed operating system for permissioned blockchains. In *Proceedings of the Thirteenth EuroSys conference* (pp. 1–15). https://arxiv.org/abs/1801.10228

Andryushin, S. A. (2019). *Money-credit systems: from sources to cryptocurrencies*. Moscow: Sam Poligrafist LLC. (In Russ.).

Auer, R., Monnet, C., & Shin, H. S. (2021, January). Permissioned distributed ledgers and the governance of money. *BIS Working Papers*, 924.

Aldasoro, I., Doerr, S., Gambacorta, L., Garratt, R., & Wilkens, P. K. (2023, April 11). The tokenisation continuum. *BIS Bulletin*, 72.

Back, A., Corallo, M., Dashjr, L., Friedenbach, M., Maxwell, G., Miller, A., Poelstra, A., Timón, J., & Wuille, P. (2014). *Enabling blockchain innovations with pegged sidechains*. https://blockstream.com/sidechains.pdf

Bartoletti, M., Hsin-yu Chiang, J., & Lluch-Lafuente, A. (2023). Towards a Theory of Decentralized Finance. In M. Bernhard et al. *Financial Cryptography and Data Security. FC 2021 International Workshops. FC 2021. Lecture Notes in Computer Science* (vol. 12676). Springer, Berlin, Heidelberg. https://doi.org/10.1007/978-3-662-63958-0_20

Baum, C., David, B., & Frederiksen, T. (2021). P2DEX: Privacy-Preserving Decentralized Cryptocurrency Exchange. *Cryptology ePrint Archive, Report 2021/283*. https://eprint.iacr.org/2021/283

Bartoletti, M., Hsin-yu Chiang, J., & Lluch-Lafuente, A. (2021a). SoK: Lending pools in decentralized finance. *5th Workshop on Trusted Smart Contracts*. https://arxiv.org/abs/2012.13230

Bartoletti M., Hsin-yu Chiang J., & Lluch-Lafuente A. (2021b). A theory of automated market makers in defi. *arXiv preprint arXiv:2102.11350*. http://arxiv.org/abs/ 2102.11350

Belchior, R., Süßenguth, J., Feng, Q., Hardjono, T., Vasconcelos, A., & Correia, M. (2023, October). A Brief History of Blockchain Interoperability. *TechRxiv*. https://doi.org/10.36227/techrxiv.23418677

Belchior, R., Riley, L., Hardjono, T., Vasconcelos, A., & Correia, M. (2023b). Do you need a distributed ledger technology interoperability solution? *Distributed Ledger Technologies: Research and Practice*, *2*(1), Art. 1, 1–37. https://doi.org/10.1145/3564532

Belchior, R., Vasconcelos, A., Guerreiro, S., & Correia, M. (2021). A survey on blockchain interoperability: Past, present, and future trends. *ACM Computing Surveys (CSUR)*, *54*(8), Art. 168, 1–41. https://doi.org/10.1145/3471140

Belchior, R., Somogyvari, P., Pfannschmid, J., Vasconcelos, A., & Correia, M. (2023a). Hephaestus: Modelling, analysis, and performance evaluation of cross-chain transactions. TechRxiv preprint. https://www.techrxiv.org/articles/preprint/Hephaestus_Modelling_Analysis_and_Performance_Evaluation_of_Cross-Chain_Transactions/20718058

Belchior, R., Putz, B., Pernul, G., Correia, M., Vasconcelos, A., Somogyvari, P., & Guerreiro, S. (2020). SSIBAC: self-sovereign identity based access control. *IEEE 19th International Conference on Trust, Security and Privacy in Computing and Communications (TrustCom)*. https://doi.org/10.1109/trustcom50675.2020.00264

Belchior, R., Süßenguth, J., Feng, Q., Hardjono, T., Vasconcelos, A., & Correia, M. (2023c). A Brief History of Blockchain Interoperability. *TechRxiv*. https://doi.org/10.36227/techrxiv.23418677

Belchior, R., Mihaiu, Iu., Scuri, S., et al. (2023, October 12). A Framework to Evaluate Blockchain Interoperability Solutions. *TechRxiv*. https://doi.org/10.36227/techrxiv.17093039.v4

Buterin, V. (2014). A next-generation smart contract and decentralized application platform. *Ethereum White Paper*. https://blockchainlab.com/pdf/Ethereum_white_paper-a_next_generation_smart_contract_and_decentralized_application_platform-vitalik-buterin.pdf

Carapella, F., Chuan, G., Gerszten, J., Hunter, Ch., & Swem, N. (2023, August). Tokenization: Overview and Financial Stability Implications. *Finance and Economics Discussion Series*. 2023-060.

Clarke, A. (2022, August 28). Why interoperability is the key to blockchain technology's mass adoption. *Cointelegraph*. https://cointelegraph.com/news/why-interoperability-is-the-key-to-blockchain-technology-s-mass-adoption

Correia, M. (2019). From Byzantine Consensus to Blockchain Consensus. In Essentials of Blockchain Technology (Chapter 3). CRC Press. https://www.dpss.inesc-id.pt/~mpc/pubs/Chapter-From-Byzantine-Consensus-to-Blockchain-Consensus.pdf

Daian, P., Goldfeder, S., Kell, T., Li, Y., Zhao, X., Bentov, I., Breidenbach, L., & Juels, A. (2020). Flash boys 2.0: Frontrunning in decentralized exchanges, miner extractable value, and consensus instability. In *2020 IEEE Symposium on Security and Privacy (SP), San Francisco, CA, USA, 2020* (pp. 910–927). https://doi.org/10.1109/SP40000.2020.00040

European Banking Authority. (2014). *EBA Opinion on 'virtual currencies'* (S. 1–46). https://eba.europa.eu/documents/10180/657547/EBA-Op-2014-08+Opinion+on+Virtual+Currencies.pdf

Gai, Y., Zhou, L., Qin, K., Song, D., & Gervais, A. (2023, April). Blockchain large language models. *IEEE Access*. *arXivpreprintarXiv*. https://arxiv.org/pdf/2304.12749.pdf

Gilbert, S., & Lynch, N. (2012). Perspectives on the CAP theorem. *Computer*, *45*(2), 30–36. https://doi.org/10.1109/mc.2011.389

Giungato, P., Rana, R. L., Tricase, C., & Foltynowicz, Z. (2021). Standards for the New Economy. In R. Pamfilie, V. Dinu, L. Tăchiciu, D. Pleşea, C. Vasiliu (Eds.). *7th BASIQ International Conference on New Trends in Sustainable Business and Consumption*. Foggia, Italy, 3–5 June (pp. 441–447). Bucharest: ASE. https://doi.org/10.24818/basiq/2021/07/057

Kwon, J., & Buchman, E. (2019). Cosmos white paper. A Network. Distrib. Ledgers. https://www.mdpi.com/2073-431X/10/7/89

Lacity, M. C., & Treiblmaier, H. (Eds.). (2022). *Blockchains and the Token Economy. Theory and Practice*. Palgrave Macmillan. Springer Nature Switzerland AG.

Lambert, T., Liebau, D., & Roosenboom, P. (2021). Security token offerings. *SSRN Electronic Journal*. https://doi.org/10.2139/ssrn.3634626

Lee, S.-S., Murashkin, A., Derka, M., & Gorzny, J. (2022, October 28). SoK: Not quite water under the bridge: Review of cross-chain bridge hacks. October. *arXiv:2210.16209v1*. https://arxiv.org/pdf/2210.16209.pdf

Leung, V., Wong, J., Ying, A., & Wan, W. (2023, November). An Assessment on the Benefits of Bond Tokenisation. *Hong Kong Monetary Authority*. https://www.hkma.gov.hk/media/eng/publication-and-research/research/research-memorandums/2023/RM04-2023.pdf

Pillai, B., Biswas, K., Hóu, Z., & Muthukkumarasamy, V. (2022). Cross-blockchain technology: integration framework and security assumptions. *IEEE Access*, *10*(1). https://doi.org/10.1109/access.2022.3167172

Sanchez, A., Steward, A., & Shirazi, F. (2022). Bridging sapling: Private cross-chain transfers. *IEEE Crosschain Workshop (ICBC-CROSS)* (pp. 1–9). https://arxiv.org/pdf/2204.10611.pdf

Schwab, K. (2019). The Global Competitiveness Report. World Economic Forum. https://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf

Sidorenko, E. L. (2023). Defi-crime: condition, trends and criminological models. *Russian Journal of Economics and Law*, *17*(2), 327–341. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.2.327-341.

Sidorenko, E. L. Legalization of criminal income using DeFi: typical schemes and risk indicators. *Russian Journal of Economics and Law*, *17*(4), 822-836. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.4.822-836.

Singh, A., Click, K., Parizi, R. M., Zhang, Q., Dehghantanha, A., & Choo, K.-K. R. (2020). Sidechain technologies in blockchain networks: An examination and state-of-the-art review. *Journal of Network and Computer Applications*, *149*(C). https://dl.acm.org/doi/abs/10.1016/j.jnca.2019.102471

Tas, E. N., Han, R., Tse, D., Yu, F., & Nazirkhanova, K. (2023, May 13). Interchain timestamping for mesh security. *arXiv:2305.07830v1*. https://arxiv.org/pdf/2305.07830.pdf

Thibault, L. T., Sarry, T., & Hafid, A. S. (2022, August). Blockchain scaling using rollups: A comprehensive survey. *IEEE Access*. https://doi.org/10.1109/access.2022.3200051

Werner, S. M., Perez, D., Gudgeon, L., Klages-Mundt, A., Harz, D., & Knottenbelt, W. J. (2021). *Sok: Decentralized finance (DeFi)*. https://arxiv.org/abs/2101.08778

Wood, G. (2016). Polkadot: Vision for a heterogeneous multi-chain framework. Draft 1. *White paper*. https://assets.polkadot.network/Polkadot-whitepaper.pdf

Yin, R., Yan, Z., Liang, X., Xie, H., & Wan, Z. (2023). A survey on privacy preservation techniques for blockchain interoperability. *Journal of Systems Architecture*, *140*(C). https://doi.org/10.1016/j.sysarc.2023.102892

Zhang, R., Xue, R., & Liu, L. (2019). Security and privacy on blockchain. *ACM Computing Surveys (CSUR)*, *52*(3), Art. 51, 1–34. https://dl.acm.org/doi/10.1145/3316481

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автор является членом редколлегии журнала Russian Journal of Economics and Law. Статья прошла рецензирование на общих основаниях / The author is a member of the Editorial Board of the Russian Journal of Economics and Law. The article has been reviewed on the usual terms

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 25.01.2023
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 27.02.2024
Дата принятия в печать / Accepted 27.02.2024

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО / ENTREPRENEURSHIP LAW

Редактор рубрики *А. Г. Никитин* / Rubric editor *A. G. Nikitin*

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.105-120**

УДК 347.9

О. С. Белослудцев[1],

И. В. Гинзбург[1]

[1] *Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Россия*

Урегулирование конфликта интересов в судебной и адвокатской деятельности: общие и специальные вопросы (на примере групповых производств)

Белослудцев Олег Станиславович, кандидат юридических наук**,** доцент кафедры государственного и административного права, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
E-mail: adm.pravo601@yandex.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-6946-3327
Scopus Author ID: 58031318900
eLIBRARY SPIN-код: 2278-7957

Контактное лицо:
Гинзбург Ирина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
E-mail: civil_mrsu@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0003-4219-8345
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/N-6193-2016
eLIBRARY SPIN-код: 1532-3530

Аннотация

Цель: уточнение понятия «конфликт интересов», выявление особенностей урегулирования конфликта интересов в групповых производствах, а также выработка практических рекомендаций по предотвращению конфликта интересов в судебной и адвокатской деятельности.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-юридический и сравнительно-правовой.

Результаты: объективная невозможность законодательного закрепления всех возможных вариантов конфликтов интересов обуславливает необходимость разрешения вопросов как «реального», так и «кажущегося» конфликта интересов непосредственно самим правоприменителем. Отсутствие надлежащих правил и рекомендаций вызывает

© Белослудцев О. С., Гинзбург И. В., 2024

неопределенность в вопросе о наличии (отсутствии) конфликта интересов судьи. В статье сформулированы основные признаки конфликта интересов: а) наличие противоречия между личными (частными) интересами судьи и принципами осуществления правосудия; б) личная заинтересованность судьи; в) финансовая заинтересованность судьи; г) наличие юридического факта, подтверждающего конфликт интересов; д) необходимость информирования лиц, участвующих в деле о конфликте интересов; е) бремя доказывания основания для отвода лежит на заявителе. Кроме того, дана правовая оценка мерам урегулирования конфликта интересов в судебной деятельности, а также обозначены подходы и предложения по совершенствованию института урегулирования конфликта интересов в судебной и адвокатской деятельности, выявлены особенности урегулирования конфликта интересов в групповых производствах.

Научная новизна: в статье представлено комплексное исследование института конфликта интересов в судебной и адвокатской деятельности, в котором выявлены основные признаки конфликта интересов в судебной и адвокатской деятельности, определены особенности урегулирования конфликта интересов в производстве по защите прав и законных интересов группы лиц, осуществлен сравнительно-правовой анализ зарубежной и российской правоприменительной практики по вопросу урегулирования конфликтов интересов.

Практическая значимость: основные выводы статьи могут быть использованы в правотворческой деятельности при совершенствовании правового регулирования института конфликта интересов. Сформулированные положения и выводы могут применяться при чтении лекций, проведении семинарских занятий, подготовке методических материалов по юридическим дисциплинам.

Ключевые слова:

конфликт интересов, судебная деятельность, отвод судье, адвокатская деятельность, фидуциарные обязанности, групповое производство

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Белослудцев, О. С., Гинзбург, И. В. (2024). Урегулирование конфликта интересов в судебной и адвокатской деятельности: общие и специальные вопросы (на примере групповых производств). *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 105–120. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.105-120

Scientific article

O. S. Belosludtsev[1],

I. V. Ginzburg[1]

[1] *Mordovia State University named after N. P. Ogarev, Saransk, Russia*

Settling a conflict of interest in judicial and lawyer activity: general and specific issues (by the example of class proceedings)

Oleg S. Belosludtsev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Public and Administrative Law, Mordovia State University named after N. P. Ogarev
E-mail: adm.pravo601@yandex.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-6946-3327
Scopus Author ID: 58031318900
eLIBRARY SPIN-code: 2278-7957

Contact:
Irina V. Ginzburg, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Mordovia State University named after N. P. Ogarev
E-mail: civil_mrsu@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0003-4219-8345
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/N-6193-2016
eLIBRARY SPIN-code: 1532-3530

Abstract

Objective: to clarify the concept of "conflict of interest", to identify the peculiarities of conflict of interest resolution in group proceedings, and to develop practical recommendations to prevent conflict of interest in judicial and advocacy activities.

Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors, which predetermined the following research methods: formal-logical and comparative-legal.

Results: the objective impossibility of legislatively stipulating all possible variants of conflicts of interest makes it necessary to resolve both "real" and "seeming" conflicts of interest directly by the law enforcer. The lack of appropriate rules and recommendations causes uncertainty regarding the presence (absence) of a judge's conflict of interest. The article formulates the main signs of a conflict of interest: a) a contradiction between the personal (private) interests of a judge and the principles of justice; b) personal interest of a judge; c) financial interest of a judge; d) the existence of a legal fact confirming the conflict of interest; e) the need to inform the persons involved in the case about the conflict of interest; f) the burden of proving the grounds for recusal lies with the applicant. In addition, the author provides a legal assessment of the measures of settling a conflict of interest in judicial activity, outlines approaches and proposals to improve the institute of conflict of interest settlement in judicial and advocacy activities, and reveals the peculiarities of conflict of interest settlement in group proceedings.

Scientific novelty: the article presents a comprehensive study of the institute of conflict of interest in judicial and advocacy activities, in which the main features of conflict of interest in judicial and advocacy activities are identified, the peculiarities of conflict of interest settlement in proceedings for the protection of rights and legitimate interests of a group of persons are determined, a comparative legal analysis of foreign and Russian law enforcement practice on the conflicts of interest settlement is carried out.

Practical significance: the main conclusions of the article can be used in law-making activities to improve the legal regulation of the conflict of interest institute. The formulated provisions and conclusions can be used in lectures, seminars, preparation of methodological materials on legal disciplines.

Keywords:

conflict of interest, judicial activity, recusal of a judge, advocacy, fiduciary duties, group proceedings

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Belosludtsev, O. S., & Ginzburg, I. V. (2023). Settling a conflict of interest in judicial and lawyer activity: general and specific issues (by the example of class proceedings). *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 105–120. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.105-120

Введение

С точки зрения российского законодательства такое понятие, как «конфликт интересов», отражено в основном в контексте противодействия коррупционным проявлениям. Согласно Закону о противодействии коррупции, конфликт интересов представляет собой ситуацию, при которой личная заинтересованность должностного лица влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им должностных обязанностей[1]. Конфликт интересов в деятельности должностного лица порождает несоответствие его частных интересов публичным обязанностям, которое может привести к недобросовестному поведению и необъективному выполнению им своих функций (Хабриева и др., 2018).

Указом Президента РФ от 16 августа 2021 г. (далее – Указ) был утвержден Национальный план противодействия коррупции до 2024 г.[2], который, по сути, определил необходимость изменения нормативного правового регулирования в сфере противодействия коррупции, а также принятия мер организационно-правового характера в части повышения эффективности мер по предотвращению коррупционных проявлений. Согласно п. 7 Указа, в числе

[1] О противодействии коррупции. № 273-ФЗ от 25.12.2008. (2008). Собрание законодательства Российской Федерации, 52 (ч. 1), ст. 6228.

[2] Указ Президента РФ № 478 от 16.08.2021. (2021). Собрание законодательства Российской Федерации, 34, ст. 6170.

таких мер – уточнение понятия «конфликт интересов», анализ правоприменительной практики и зарубежного опыта использования механизма предотвращения конфликта интересов в целях снижения коррупционных рисков и т. д. Сам по себе конфликт интересов не является этическим проступком, и для вывода о наличии конфликта интересов необязательно устанавливать наступление негативных последствий, однако отсутствие контроля над ситуацией может привести к доминированию личных интересов над общественными или публичными и, как следствие, к нарушению антикоррупционного законодательства (Севальнев, Черепанова, 2017).

Неукоснительное соблюдение принципов законности, беспристрастности и объективности в судебной и адвокатской деятельности в условиях потенциального или реального конфликта интересов укрепляет авторитет судебной власти и адвокатуры, повышает доверие общества к данным институтам. При этом несвоевременное принятие мер по предотвращению конфликта интересов на практике может иметь серьезные последствия, выраженные в нарушении конституционного права на судебную защиту. Процесс глобализации изменил гражданские дела, увеличив количество участников процесса. Групповое производство объединяет множество различных интересов, ввиду чего вопрос урегулирования конфликта интересов в групповом производстве относится к числу наиболее сложных. Все вышеперечисленное обусловило постановку целей и задач настоящего исследования, к которым относятся: уточнение понятия «конфликт интересов» в судебной и адвокатской деятельности, выработка практических рекомендаций по их предотвращению, выявление особенностей урегулирования конфликта интересов судьи в групповых производствах, анализ стандартов эффективного этического контроля и их различных компонентов (тестов) в современной зарубежной доктрине и практике, исследование проблем управления фидуциарными обязанностями адвокатов в групповых производствах.

Результаты исследования

1. Конфликт интересов в судебной деятельности

Одним из актуальных вопросов является проблема выявления и предупреждения конфликта интересов в судебной деятельности, так как отсутствие внимания к ней может стать причиной нарушения конституционного права на судебную защиту. Принимая во внимание особый статус судьи как носителя судебной власти, меры, применяемые в целях разрешения конфликта интересов в судебной деятельности, имеют ряд отличий. Профессиональная деятельность судьи включает в себя не только деятельность по рассмотрению и разрешению дел, но и выполнение других задач и полномочий, имеющих отношение к деятельности суда (Рябцева, 2021). В связи с этим конфликт интересов у судьи может возникнуть как в рамках рассмотрения им конкретного дела (например, ввиду наличия родственных или дружеских отношений с одним из участников процесса), так и в рамках осуществления иных полномочий, имеющих отношение к деятельности суда (например, в случае одновременной работы в одном суде состоящих в браке судьи и работника аппарата суда)[3], а также в конкретных случаях в рамках осуществления управленческих задач (участие в органах судебного управления). Ввиду этого конфликт интересов может быть разрешен путем применения процессуального законодательства и иного законодательства, прямо не регулирующего вопросы судопроизводства. Причем с точки зрения практики сложности возникают в большей степени именно при выявлении конфликта интересов у судьи при рассмотрении им конкретного дела.

Российское процессуальное законодательство не содержит такого понятия, как конфликт интересов. При этом оно содержится в Законе РФ «О статусе судей» и Кодексе судейской этики. В Кодексе судейской этики указаны случаи, в которых судья должен отказаться от рассмотрения дела, в основном в контексте недопустимости нарушения принципов независимости и беспристрастности[4]. В Законе РФ «О статусе судей» определены понятия «конфликт интересов» и «личная заинтересованность», а также отмечено, что судья, рассматривающий дело, обязан заявить самоотвод в случае возникновения конфликта интересов или раскрыть информацию о сложившейся ситуации участникам процесса[5].

---

[3] См., например, Заключение Комиссии Совета судей РФ по этике № 6-КЭ от 23.08.2021. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_394748/

[4] Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г.). (2013). Бюллетень актов по судебной системе, 2.

[5] О статусе судей в Российской Федерации. № 3132-1 от 26.06.1992. (1995). Российская юстиция, 11.

Соответствующее правовое регулирование носит в большей степени рамочный характер, не дает какой-либо конкретики и, по сути, возлагает задачу урегулирования конфликта интересов непосредственно на правоприменителя. Это негативно сказывается на практике: отсутствует единство в разрешении вопроса о наличии или отсутствии конфликта интересов в деятельности судьи. Закрепление в законе оценочных критериев для установления конфликта интересов объясняет существование разных взглядов на схожие ситуации. При этом рассмотрение данного вопроса во многом ставится в зависимость от того, кто первым обратился с соответствующим заявлением: сам судья (модель самоурегулирования конфликта интересов) или иные субъекты (модель внешнего урегулирования последствий конфликта интересов).

Проблемы нормативно-правового регулирования конфликта интересов в судебной деятельности обозначаются и зарубежными исследователями. Так, Элен Руис Фабри считает, что беспристрастность судьи – основа доверия к нему и вынесенному им судебному решению (Fabri, 2019, p. 308). Однако определить, насколько судья независим и беспристрастен, не так легко. По ее мнению, «место, где связи лица, принимающего решение, перерастают в конфликт интересов, – это серая зона процесса», так как на практике крайне редко возникают ситуации, прямо закрепленные в законодательстве, так называемые априорные конфликты интересов (например, когда судья и один из участников процесса являются близкими родственниками) (Fabri, 2019, p. 308). Соответственно, наличие или отсутствие конфликта интересов зависит от анализа каждого конкретного случая, результаты которого в том числе могут варьироваться, исходя из того, кто принимает решение об этом.

Придерживаясь ст. 3 Закона о статусе судей, судья должен раскрыть участникам процесса информацию о фактах, которые объективно могут быть интерпретированы как обоснование наличия конфликта интересов в его деятельности. Раскрытие информации о возможном конфликте интересов судьи в отсутствие эффективной правовой базы признается не только оптимальной мерой предотвращения негативных последствий конфликта интересов, но и способом укрепления доверия граждан и организаций к правосудию.

В случае если у судьи имеются сомнения относительно наличия или отсутствия конфликта интересов в какой-либо конкретной ситуации, он вправе обратиться с запросом о разъяснении требований профессиональной судейской этики в Комиссию Совета судей РФ по этике (далее – Комиссия по этике). При этом заключения Комиссии по этике носят рекомендательный характер, судья несет личную ответственность за принятие решений в спорной ситуации.

Проанализируем ряд заключений Комиссии по этике с целью выяснения «общих мест» в рекомендациях по урегулированию конфликтов интересов в судебной деятельности.

Так, в Комиссию по этике обратился судья с запросом о разъяснении вопроса о наличии или отсутствии конфликта интересов по причине того, что истцом по рассматриваемому им делу является гражданин, который в один период времени обучался вместе с судьей в аспирантуре. Комиссия по этике в ответе на запрос указала следующее:

– личная заинтересованность судьи, формирующая возможный конфликт интересов, не может быть основана только лишь на факте личного знакомства судьи с кем-либо из участников процесса;

– если личное знакомство повлекло за собой возникновение отношений (дружеских или неприязненных) между судьей и лицом, участвующим в деле, которые могут повлиять на беспристрастность и объективность рассмотрения спора, судья должен проинформировать об этом участвующих в деле лиц или заявить самоотвод.

В этой ситуации разрешение вопроса переходит в сферу процессуального законодательства[6].

В другом примере в Комиссию по этике поступил запрос судьи, в котором были поставлены вопросы о том, возможно ли возникновение конфликта интересов у судьи судебной коллегии по гражданским делам, если сын судьи занимает должность прокурора гражданско-судебного отдела той же области, как урегулировать данную ситуацию, в случае если сын судьи будет участвовать в деле, находящемся в производстве судебной коллегии по гражданским делам. Комиссия по этике дала следующие разъяснения по существу вопроса:

– из требований процессуального законодательства следует, что в случае участия в процессе лица, состоящего в близком родстве с судьей, судья не может участвовать в коллегиальном рассмотрении дела и должен заявить самоотвод;

[6] Заключение Комиссии Совета судей Российской Федерации по этике № 2-КЭ от 13.04.2020. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351038/

– подтверждением личной заинтересованности судьи должны выступать не абстрактные, ни на чем не основанные предположения, а факты, которые можно подтвердить;

– в случае если имеются внешние признаки конфликта интересов судьи, именно им должен отдаваться приоритет при обосновании наличия или отсутствия конфликта интересов, даже если внутренняя убежденность судьи иная[7].

Еще одно интересное для анализа заключение было вынесено Комиссией по этике по запросу судьи, супруг которого работает в должности начальника подразделения организации, довольно часто выступающей в качестве истца и ответчика в суде, а также взыскателем по делам приказного производства. Комиссия по этике на вопрос о наличии/отсутствии конфликта интересов пояснила следующее:

– объективная невозможность законодательного закрепления всех возможных вариантов конфликта интересов обязывает разрешать вопросы как «реального», так и «кажущегося» конфликта интересов непосредственно самим судьей;

– для того чтобы установить конфликт интересов в отношении судьи, близкий родственник которого работает по трудовому договору в организации – участнике процесса, решающими могут быть самые разные обстоятельства: объем функциональных полномочий, многочисленность штата, взаимозависимость сотрудников организации и т. д.;

– в приказном производстве (несмотря на бесспорность требований) судье рекомендуется избегать любых потенциальных конфликтов интересов ввиду того, что раскрыть информацию в самом процессе невозможно[8].

Уже из представленных примеров напрашивается вывод, что установление факта наличия или отсутствия конфликта интересов в судебной деятельности – вопрос максимально сложный, требующий серьезной проверки всех обстоятельств. По сути, это как процесс внутри процесса, только, в отличие от обычного процесса, не урегулированный должным образом и далеко не во всех случаях объективный. В основе установления конфликта интересов лежат два критерия, на которые довольно часто ссылается Комиссия по этике в своих заключениях, – субъективной беспристрастности и объективной беспристрастности, отмечая, что судья должен ориентироваться на второй. В отличие от субъективной беспристрастности, представляющей собой внутренние убеждения судьи относительно наличия у него конфликта интересов в рамках конкретного дела, объективная беспристрастность – это «взгляд на ту же ситуацию со стороны». Но насколько легко обеспечить объективность этого взгляда? Не предоставит ли это возможность недобросовестным участникам процесса влиять на ситуацию?

В рамках поставленных вопросов очень интересна позиция американских ученых Бенджамина Б. Джонсона и Джона Ньюби Партона. Ученые обращают внимание на поразительную частоту, с которой судьи отказываются от самоотвода, когда есть реальные юридические основания сделать это (в работе разобраны примеры объективного обоснования наличия финансовой заинтересованности и конфликта интересов – когда судьи и члены их семьи владеют акциями истца или ответчика) (Johnson & Parton, 2021, p. 4). Соответствующая ситуация ставит под угрозу справедливость конкретного разбирательства. Однако вторая серьезная проблема вытекает из обратной ситуации – судьи объявляют о самоотводе или удовлетворяют ходатайство об отводе после раскрытия информации, когда юридически значимых обстоятельств для этого не имеется (в качестве примера отсутствия финансовой заинтересованности приводится ситуация, когда судья оформил кредит в кредитной организации, выступающей истцом или ответчиком в процессе). Несмотря на то, что вред от второй ситуации ниже, чем от первой, он все же имеется. Американские исследователи считают, что отвод судьи в отсутствие конкретных юридически значимых обстоятельств для этого нарушает принцип случайного (автоматизированного) назначения судей при распределении дел, что ставит под угрозу справедливость судебной системы как по отношению к сторонам дела, так и по отношению к судьям (Johnson & Parton, 2021, p. 4). В статье Тейлор Э. Бретт приводится схожая мысль. Так, по мнению автора, процедура судебного отвода тесно связана с этическими обязательствами судьи, вытекающими из Кодекса поведения судей Луизианы, ввиду чего «судья не свободен и не имеет права отказываться от рассмотрения дела, обременяя другого судью своим отводом без уважительной и законной причины» (Taylor, 2023, p. 473).

---

[7] Заключение Комиссии Совета Судей Российской Федерации по этике № 9-КЭ от 17.11.2021. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_401212/

[8] Заключение Комиссии Совета судей РФ по этике № 3-КЭ от 15.01.2021. СПС «Консультант плюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_377953/

Возвращаясь к работе Бенджамина Б. Джонсона и Джона Ньюби Партона, приведем некоторые выводы, которые делают авторы. Так, неопределенность в вопросе о конфликте интересов судьи возникает в связи с отсутствием четкого и единого стандарта относительно понятий «личная заинтересованность» в целом и «финансовая заинтересованность» в частности; правила, регулирующие отвод судей, неадекватны, и судьи часто их игнорируют (Johnson & Parton, 2021, p. 6). Кроме того, отдельная проблема связана с процедурными аспектами заявления самоотвода в связи с наличием конфликта интересов у судьи: судьи иногда отказываются от участия в деле после того, как они уже приняли участие в нем, хотя данный вопрос должен быть рассмотрен сразу после возбуждения дела, на стадии подготовки к судебному разбирательству. Еще одна проблема связана с незнанием судьи о своем интересе в деле, например, в ситуации, когда интерес возникает в связи с участием в отношениях с истцом/ответчиком близких родственников судьи (например, акциями истца/ответчика владеет супруг(а) судьи, о чем судье на момент рассмотрения дела известно не было). На этот проблемный вопрос можно найти ответ в законодательстве США, которое содержит норму о том, что «Судья должен узнать о своих личных и фидуциарных финансовых интересах и приложить разумные усилия, чтобы узнать о личных финансовых интересах своего супруга и детей, проживающих в его семье» (Johnson & Parton, 2021, p. 5).

Вопрос о наличии или отсутствии конфликта интересов в деятельности судьи может лежать в основе принятия решения о дисциплинарном проступке судьи при рассмотрении соответствующего обращения.

Так, в одной из ситуаций судья рассмотрел гражданские дела, предметом спора которых являлся автомобиль, зарегистрированный на одно лицо, но фактически находившийся во владении и пользовании другого лица, с которым судья состоял в близких отношениях. Информация о наличии конфликта интересов раскрыта участникам процесса не была, более того, после рассмотрения дела судья попросил не обжаловать решение по мотивам своего знакомства с истцами. В результате служебной проверки указанные факты были установлены и послужили причиной привлечения судьи к ответственности в виде досрочного прекращения полномочий[9]. В другом примере судью привлекли к дисциплинарной ответственности за совершение проступка, выразившегося в неурегулировании конфликта интересов при рассмотрении ряда гражданских и административных дел с участием конкретного представителя. Представитель ранее неоднократно представлял интересы супруга судьи в делах, находившихся в производстве других судей[10].

Подводя итоги приведенного выше исследования, следует уточнить понятие конфликта интересов в судебной деятельности. Под конфликтом интересов в судебной деятельности понимается ситуация, при которой частный (личный) интерес судьи может повлиять (потенциальный конфликт интересов) или повлиял (реальный конфликт интересов) на беспристрастность принятия решений при осуществлении им полномочий по осуществлению правосудия, а также при разрешении иных служебных и управленческих задач. В целях повышения эффективности процесса выявления конфликта интересов в судебной деятельности предлагаем ряд общих практических рекомендаций, основанных на выделении признаков конфликта интересов и мер по его устранению, на которые могли бы ориентироваться как судьи, так и заинтересованные субъекты:

– конфликт интересов возникает в связи с наличием противоречий между личными (частными) интересами судьи и принципами осуществления правосудия;

– личная заинтересованность судьи, влияющая на его профессиональное поведение, может основываться как на имущественных, так и на неимущественных интересах (например, связанных с семейными, дружескими отношениями), при этом она не может быть подтверждена только лишь фактом личного знакомства судьи с кем-либо из участников процесса;

– финансовая заинтересованность судьи, формирующая возможный конфликт интересов, возникает в связи с наличием у него и членов его семьи (близких родственников) финансового актива, цена (стоимость) которого зависит от результатов рассмотрения дела;

---

[9] Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ № АПЛ19-5Д от 13.06.2019. СПС «Консультант плюс». https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=587400&cacheid=7F74EABE84515B69B5C58FCBEB8A78BB&mode=splus&rnd=g7n9G2UyUClqXfcM#J6KvH2Ue0HvltE4D1

[10] Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ № АПЛ19-9Д от 22.10.2019. СПС «Консультант плюс». https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=613606&cacheid=F1BD00AC31AF72F60F2149BFE0645245&mode=splus&rnd=g7n9G2UyUClqXfcM#vH5wH2UFdMNMQKU

– подтверждением конфликта интересов судьи не могут выступать абстрактные, ни на чем не основанные предположения, а только факты, которые можно подтвердить, однако если имеются внешние признаки конфликта интересов судьи, именно им должен отдаваться приоритет при обосновании наличия или отсутствия конфликта интересов, даже если внутренняя убежденность судьи иная;

– при возникновении конфликта интересов или его внешних признаков судья должен проинформировать об этом участвующих в деле лиц или заявить самоотвод уже на стадии подготовки дела к судебному разбирательству; в приказном производстве рекомендуется избегать любых потенциальных конфликтов интересов ввиду того, что раскрыть информацию в самом процессе невозможно;

– бремя доказывания оснований для отвода лежит на заявителе; судья должен внимательно рассмотреть любое заявление об отводе по причине предвзятости или разумного опасения предвзятости; последствия неурегулированного конфликта интересов самим судьей могут лежать в основе принятия решения о его дисциплинарном проступке в рамках возбужденного дисциплинарного производства и проведения служебных проверок.

2. Конфликт интересов судьи в групповых производствах

Отдельный вопрос, который заслуживает внимания в рамках нашего исследования, – это вопрос урегулирования конфликта интересов судьи при рассмотрении группового иска (иска о защите прав и законных интересов группы лиц).

Процесс глобализации изменил гражданские дела, увеличив количество участников процесса, заметно усложнив юридические вопросы. Групповые иски в Российской Федерации – это относительно новая форма коллективной защиты в судах общей юрисдикции. Глава 22.3 «Рассмотрение дел о защите прав и законных интересов группы лиц» была введена в Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее – ГПК РФ) в 2019 г. Арбитражный процессуальный кодекс РФ (далее – АПК РФ) с 2009 г. содержал гл. 28.2, регулирующую производство по групповым искам. При этом данная глава с 2019 г. подверглась изменениям, нормы АПК РФ были приведены в соответствие с нормами ГПК РФ.

Необходимо отметить, что за последнее время количество поданных групповых исков заметно возросло, что подтверждает востребованность данной формы защиты.

Роль судьи в принятии к рассмотрению и рассмотрении группового иска велика, причем как с точки зрения российской практики, так и зарубежной. Судья принимает решение о сертификации группы, устанавливает состав группы лиц, проверяет полномочия представителя, действующего от лица группы, тщательно следит за соблюдением прав и законных интересов членов группы, в том числе при заключении мирового соглашения, подаче заявления об отказе от иска и т. д. Судья проверяет вероятность восстановления прав членов группы, условия возмещения убытков, характер возражений, если таковые имеются, добросовестность участников процесса, отсутствие сговора между представителем группы и ответчиком. Одна из главных задач судьи при рассмотрении группового иска заключается в том, чтобы защитить тех членов группы, чьи права, возможно, не были должным образом учтены сторонами группового производства.

Именно поэтому обеспечение реализации принципов объективности, справедливости и беспристрастности в действиях судьи при рассмотрении групповых исков – актуальный вопрос, требующий особого внимания (Coben, 2013).

Учитывая, что природа группового иска заключается в объединении множества различных интересов, можно предположить, что правила о конфликте интересов судьи в групповых производствах вполне применимы в отношении урегулирования конфликтов интересов между судьей и ответчиком (можно установить как личную, так и финансовую заинтересованность судьи). Однако применить все те же правила к групповому истцу сложнее. Нэнси Дж. Мур отмечает, что применение существующих правил конфликта интересов в групповых производствах – это довольно дискуссионный вопрос. По ее мнению, если рассматривать группу лиц в качестве «единого истца», правила о конфликте интересов в отношении конфликтов, возникающих внутри группы, будут неприменимы (Moore, 2002). Придерживаясь данной логики, устанавливать конфликт интересов необходимо только по отношению к представителю группы, но не к каждому ее члену, что, по нашему мнению, может, и позволит формально урегулировать конфликт интересов, но фактически – едва ли.

Российское производство по защите прав и законных интересов группы лиц строится по модели *opt-in*. Группа формируется путем подачи письменного заявления о присоединении к требованиям. Несмотря на установленный круг групповых истцов, позволяющий в каждом конкретном случае рассмотреть вопрос о явном конфликте интересов судьи (п. 1.2 ст. 16 ГПК РФ), личную прямую или косвенную заинтересованность в исходе дела (п. 1.3 ст. 16 ГПК РФ) выявить довольно трудно. Например, это касается ситуаций с рассмотрением самостоятельных исков членов группы, не присоединившихся к групповому производству. Согласно п. 5 ст. 244.25 ГПК РФ, производство по самостоятельному иску члена группы приостанавливается до вступления в законную силу решения по групповому иску. В том случае, если родственник (свойственник) судьи, рассматривающий групповой иск, обратится с самостоятельным иском, будет ли этот факт определять наличие конфликта интересов судьи в групповом производстве? По нашему мнению, да. Однако установить соответствующий конфликт интересов без активного участия в этом процессе самого судьи довольно непросто.

Также по общему правилу судья должен проинформировать о наличии конфликта интересов (или его внешних признаков) участвующих в деле лиц или заявить самоотвод уже на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. В силу того, что группа формируется в том числе в процессе рассмотрения иска (по принципу *opt-in*) путем добавления новых членов[11], с которыми у судьи могут быть личная связь, родственные отношения, конфликт интересов может возникнуть значительно позже стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Отвод или самоотвод судьи в этой ситуации может негативно отразиться на процессуальных сроках рассмотрения группового иска, которые и так значительно больше, чем в обычных производствах. Этим фактом может воспользоваться и недобросовестный ответчик, стремящийся затянуть процессуальные сроки.

В качестве вывода отметим, что, несмотря на наличие ряда проблем, которые мы обозначили выше, в групповых производствах, особенно при скрытых и сложно устанавливаемых конфликтах интересов, активную позицию по их устранению (Piche, 2010) должен занять сам судья, рассматривающий дело (модель самоурегулирования конфликта интересов). Именно от его честной позиции будет зависеть соблюдение принципов гражданского судопроизводства. В том случае, если заявление об отводе поступит от участников процесса, судья должен тщательно исследовать доводы, приведенные ими. Если в заявлении есть хоть какая-то реальность, судье рекомендовано удовлетворить заявление об отводе или взять самоотвод.

3. Конфликт интересов в адвокатской деятельности

Тема конфликта интересов имеет особенное значение для адвокатуры и института представительства в целом. Адвокат, представляя интересы клиента, действует в фидуциарном контексте, который подразумевает ряд обязанностей перед клиентом. Под фидуциарными обязанностями обычно понимают сочетание двух обязанностей: сохранение верности или лояльности своему клиенту, а также сохранение конфиденциальности (Rotman, 2017). Адвокат в отношениях с клиентом выступает фидуциарием, т. е. доверенным лицом, действующим от имени своего клиента. Вследствие этого отношения между клиентом и его адвокатом требуют от последнего соблюдения строгого стандарта поведения, обусловленного этими фидуциарными отношениями. Главным условием добросовестного исполнения адвокатом своих фидуциарных обязанностей перед клиентом является предупреждение ситуации коллизии фидуциарных обязанностей, конфликта с другим фидуциарным долгом. Соответственно, грамотное управление своими фидуциарными обязанностями является ключевым тестом на добросовестность, а в конкретном деле может непосредственно повлиять на его результат.

В настоящее время предупреждение конфликта интересов в адвокатской деятельности в Российской Федерации осуществляется в соответствии со ст. 9, 11 Кодекса профессиональной этики адвоката. По смыслу взаимосвязанных положений указанных статей адвокат не вправе быть защитником, советником, представителем нескольких сторон с противоположными интересами. В случае выявления конфликта интересов доверителей адвокат должен отказаться от дела, не отдавая предпочтение кому-либо из доверителей[12]. Под

[11] Присоединиться со своими требованиями истцы могут до судебных прений. См. п. 6 ст. 244.20 ГПК РФ. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/39359d15e88b9690c68d9a8de1f922c10e64a248/

[12] Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. (2003). Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ, 3.

конфликтом интересов в адвокатской деятельности следует понимать ситуацию, при которой наличие частного (личного) интереса адвоката может повлиять или повлияло на добросовестность исполнения адвокатом своих фидуциарных обязанностей перед клиентом при осуществлении им представительских полномочий. Игнорирование данного положения может привести к привлечению адвоката к дисциплинарной ответственности. При этом в Российской Федерации не приняты типовые правила предотвращения и урегулирования конфликта интересов в адвокатской практике, хотя данный вопрос неоднократно обсуждался[13], отсутствуют рекомендации по применению конкретных видов наказаний в случае выявления факта осуществления адвокатской деятельности в ситуации явного конфликта интересов, отсутствует регулярный мониторинг конфликта интересов, что затрудняет реализацию положений Кодекса профессиональной этики адвоката.

В рамках обозначенного вопроса актуальным представляется рассмотрение зарубежного опыта урегулирования конфликта интересов в деятельности адвокатов. Зарубежная практика дает богатый материал для рецепции поиска новых решений в области создания модели эффективного этического контроля.

Конфликт интересов может быть связан с нарушением базовых, фидуциарных обязательств адвоката. Причем, как верно отмечает судья Верховного суда США Ф. Франфурктер: «Утверждение, что человек является фидуциарием, – это только отправная точка, которая дает направление для дальнейшего анализа ситуации. Перед кем он является фидуциарием? Какие обязательства он несет как фидуциарий? В какой части он не выполнил эти обязательства? И каковы последствия неисполнения фидуциарных обязанностей?»[14]

В рамках отношений адвоката с клиентом одной из причин неисполнения фидуциарных обязательств может выступить конфликт интересов. Сосуществование нескольких противоречащих друг другу фидуциарных обязательств приводит к риску, что профессиональные действия адвоката, связанные с первичным интересом его клиента, оказываются под влиянием другого вторичного интереса (например, собственных интересов адвоката или интересов его бывших клиентов). Таким образом, конфликт интересов может прямо или косвенно нанести вред интересам клиента, нарушить доверительные отношения между клиентом и фидуциарием. Однако рассмотрение профессиональной деятельности адвоката в фидуциарном контексте является чрезвычайно сложной задачей. Как справедливо отмечает Леонард И. Ротман, фидуциарная юриспруденция является одной из наиболее запутанных и наименее понятных областей современного права (Rotman, 1996).

Тематика конфликта интересов в адвокатской деятельности разнообразна и включает в себя как различные их классификации, так и компоненты (тесты) эффективного этического контроля. Особенный интерес представляет богатый североамериканский опыт. В США действуют достаточно строгие правила в отношении исполнения адвокатами своих фидуциарных обязанностей. Так, в ряде случаев американские суды констатируют наличие нарушений, даже если клиент не имеет претензий к своему представителю, а сам адвокат действовал вполне добросовестно, т. е. не стремился извлечь какую-либо дополнительную выгоду. Например, в деле *Regal (Hastings) Ltd v Gulliver* Суд находит нарушение фидуциарных обязанностей, даже несмотря на то, что клиент получил выгоду, а адвокат действовал добросовестно[15].

Также в американской доктрине и судебной практике для предупреждения нарушений используется тест на существенные взаимоотношения (*substantial relationship test*), который касается исключения параллельной лояльности адвоката. Он зафиксирован в *Law Governing Lawyers* и *Model Rules of Prof'l Conduct* и гласит: «Юрист, который ранее представлял клиента в деле, не должен впоследствии представлять другое лицо в том же или существенно связанном с ним деле»[16]. Это правило подразумевает и исключение – информированное согласие клиента на конфликт интересов, совершенное в письменной форме (неотъемлемая часть того же правила 1.9). Требование письменного согласия на конфликт интересов распространяется также и на отношения с текущим клиентом, согласно правилу 1.7 (*Conflict of Interest: Current Clients*)[17]. Правила 1.7 и 1.9

---

[13] См., например, Иванов, С. (2020, 12 февраля). О конфликте интересов доверителей в адвокатской практике. ФПА. https://fparf.ru/polemic/opinions/o-konflikte-interesov-doveriteley-v-advokatskoy-praktike/

[14] SEC v. Chenery Corporation, 318 U.S. 80 (1943). P. 85. https://supreme.justia.com/cases/federal/us/318/80/

[15] Regal (Hastings) Ltd v Gulliver [1942] 1 All ER 378.

[16] Типовые правила профессионального поведения, правило 1.9 («Обязанности перед бывшим клиентом») См.: A Concise Restatement of the Law Governing Lawyers; Model Rules of Prof'l Conduct r. 1.9 (Am. Bar Ass'n 1983).

[17] См.: Model Rules of Prof'l Conduct r. 1.7 (Am. Bar Ass'n 1983). https://ethics.unl.edu/ethics_resources/online/AmericanBarAssociation%28ABA%29ModelRulesofProfessionalConduct%28DOC%2C201KB%29.pdf

логически взаимосвязаны и подразумевают, что письменное согласие необходимо получить как у текущего клиента, так и бывшего.

В отношении юридических фирм действует специальный пункт этого правила 1.9 (b), который устанавливает ограничение на представительство, если интересы бывшего клиента представлял не сам адвокат, а его фирма[18]. Конфликты юридической фирмы вменяются ее отдельному юристу. Это правило работает и в обратном случае, когда конфликты интересов отдельного юриста фирмы вменяются всем ее адвокатам и партнерам (во всех этих случаях действует требование обязательного письменного согласия). Причем в отличие от российской практики наличие каждого письменного согласия находит отражение в протоколе судебного заседания. Правила отказа от вменения прописаны четко и доступно. Также они подразумевают и строго определенные условия, указанные в правиле 1.7[19].

Особую сложность представляет проблема «странствующего юриста»: должно ли правило вменения быть распространено на случаи, когда юрист переходит из одной юридической фирмы в другую, вменяются ли конфликты интересов его новой фирме? В целом по общему правилу на этот вопрос следует ответить утвердительно. Однако есть и некоторые исключения, т. е. правило не является абсолютным. Так, исключения из этой презумпции вменения были сформулированы в решении по делу *Kirk v. First American Title Ins. Co*[20]. *В данном деле Суд отметил, что презумпция вменения конфликта интересов не действует автоматически, а «зависит от конкретных фактов дела»*[21]. *Соответственно, для ее применения «недостаточно предварительной профессиональной связи с бывшим клиентом», а требование субсидиарной дисквалификации всей фирмы в данном случае является опровержимой презумпцией, т. е. это правило можно преодолеть в некоторых случаях*[22]. *Главным условием является грамотное управление своими фидуциарными обязанностями. Юридическая фирма должна возвести «этическую стену», препятствующую передаче конфиденциальной информации, наносящей ущерб бывшему клиенту. По мнению суда, новая фирма вполне в состоянии провести эффективную этическую проверку для выполнения фидуциарных обязательств в конкретном случае. Для этого необходимо, чтобы проверка включала в себя следующие обязательные компоненты: физическую сепарацию адвокатов внутри фирмы, санкции за нарушения фидуциарных обязательств, определенные процедуры, затрудняющие доступ к конфиденциальной информации, процедуры, препятствующие дисквалифицированному адвокату участвовать в прибыли от представительства, затрагивающего интересы его бывших клиентов, регулярное обучение правилам профессионального поведения.*

Этот стандарт эффективного этического контроля используется профессиональными ассоциациями юристов. Так, на его основе разработано официальное заключение Комитета по этике Калифорнийской ассоциации юристов (от 11 февраля 2021 г.)[23]. *В этом документе перечислены конкретные элементы этического контроля (шесть обязательных universally mandatory elements*):

1) своевременное проведение проверки (означает проведение проверки как можно скорее после обнаружения конфликта любого сотрудника фирмы);

2) запрет на выплату гонорара дисквалифицированному адвокату (означает исключение финансового стимулирования адвоката, непосредственно связанного с вопросом, в котором адвокату запрещено участвовать);

3) рассылка уведомлений всем затронутым клиентам (такое уведомление должно соответствовать ряду требований: во-первых, информировать о потенциальной угрозе конфиденциальной информации; во-вторых,

---

[18] «Юрист не должен сознательно представлять лицо в том же или существенно связанном деле, в котором фирма, с которой юрист ранее был связан, ранее представляла клиента». См.: Model Rules of Prof'l Conduct r. 1.9 (Am. Bar Ass'n 1983).

[19] (1) юрист обоснованно полагает, что сможет обеспечить компетентное и добросовестное представительство каждого затронутого клиента; (2) представительство не запрещено законом; (3) представительство не предполагает предъявления иска одним клиентом к другому клиенту, представленному адвокатом, в рамках того же судебного разбирательства или другого разбирательства в суде; (4) каждый затронутый клиент дает информированное согласие, подтвержденное в письменной форме. См.: Model Rules of Prof'l Conduct r. 1.7 (Am. Bar Ass'n 1983).

[20] Kirk v. First American Title Ins. Co. (1990). https://law.justia.com/cases/california/court-of-appeal/3d/220/785.html

[21] Там же.

[22] Там же.

[23] California Lawyers Association. Ethics Committee Formal Opinion No. 2021-1. March 15, 2021. CLA ethics. https://calawyers.org/california-lawyers-association/ethics-committee-formal-opinion-no-2021-1/

раскрывать информацию о мерах, принятых для предотвращения ненадлежащего использования конфиденциальных данных бывших клиентов);

4) прямой запрет на обсуждение конфиденциальной информации в рамках этического контроля (подразумевает такие процедуры, как «письменное уведомление и инструкции для всего остального персонала юридической фирмы, запрещающие любое общение с адвокатом, которому вменен конфликт интересов»);

5) ограничение доступа запрещенного лица к досье проверяемого лица (подразумевает хранение файлов, содержащих конфиденциальные данные в отдельном месте, к которому дисквалифицированный адвокат не будет иметь доступа. Так, «на дверях картотеки могут быть вывешены предупреждения. Файлы могут быть защищены замком и ключом. Электронные документы могут быть закодированы с ограничением доступа»);

6) ограничение доступа юристов фирмы и персонала к документам дисквалифицированного лица (подразумевает исключение хранения любой информации из бывших материалов юриста в фирме как в физической, так и электронной форме)[24].

В том же заключении предусматривается и ряд дополнительных мер (*Other elements that may be required*), так как всегда есть факторы, «выходящие за рамки вышеуказанных универсальных элементов»[25]. Эти универсальные компоненты «этического барьера» могут оказаться недостаточными, необходимо также учитывать «размер и наличие структурных подразделений соответствующей юридической фирмы», а также другие условия[26]. В некоторых ситуациях можно использовать дополнительные меры для достижения целей эффективного этического контроля (изоляции отдельного юриста или сотрудника юридической фирмы, у которого возник конфликт, от любого участия в деле). К таким дополнительным мерам относят: физическое и географическое разделение персонала; введение санкций за нарушение «этического барьера»; постоянный мониторинг состояния «барьера», включающий в себя как ведение соответствующих записей, так и проведение периодического внутреннего аудита.

Есть еще одна важная проблема, связанная с фидуциарными обязанностями. Не будет ли буквальное исполнение требования об избегании конфликта интересов в некоторых случаях противоречить обязательству лояльности, если его использовать в качестве предлога для разрыва отношений с менее выгодным или «удобным» клиентом (в случае несогласия такого клиента на конфликт интересов). Нельзя игнорировать опасность того, что в случае возникновения ситуации конфликта интересов юридической фирме или адвокату будет проще отказаться от «неудобного» клиента, превратив его в бывшего клиента и прекратив обязательство лояльности. Очевидно, что в ситуации выбора между различными обязательствами лояльности по отношению к бывшим и настоящим клиентам любой представитель будет скорее заинтересован в более выгодном ему клиенте. В конечном итоге это может привести к тому, что интересы менее обеспеченных клиентов могут быть принесены в жертву финансовому благополучию юридической фирмы или отдельного адвоката. В качестве профилактики данной проблемы американские суды используют специальную доктрину, получившую негласное название «доктрина горячей картошки» (*Hot Potato Doctrine*) (Leubsdorf, 2010). Суть этой доктрины сводится к тому, что адвокат не может без уважительной причины разорвать отношения с клиентом в случае обнаружения конфликта интересов. Даже если клиент отказался от соглашения о конфликте интересов, его адвокат не может просто самоустраниться, для этого нужны уважительные причины (такой отзыв адвоката квалифицируется как неэффективный). Фактически суды заблокировали попытки некоторых фирм избавляться от старых клиентов, чтобы иметь возможность вступить в отношения с новыми, более «выгодными» клиентами, ужесточив для них правила параллельного представительства. Фактически данная судебная доктрина существенно ограничивает переход от стандарта, вытекающего из правила 1.7, касающегося текущих клиентов, в более мягкий стандарт правила 1.9, касающихся бывших клиентов. Суды сыграли ключевую роль в создании и распространении данной доктрины. Отправной точкой здесь является дело *Picker International, Inc. v. Varian Associates*[27]. В этом деле судья Э. Олдрич констатировал, что «фирма не может отказаться от клиента, как от горячей картошки, особенно если это делается для того, чтобы осчастливить гораздо более

[24] California Lawyers Association. Ethics Committee Formal Opinion No. 2021-1. March 15, 2021. CLA ethics. https://calawyers.org/california-lawyers-association/ethics-committee-formal-opinion-no-2021-1/

[25] Там же.

[26] Там же.

[27] Picker International, Inc. v. Varian Associates, Inc., 670 F. Supp. 1363 (N.D. Ohio 1987). https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/670/1363/2594432/

прибыльного клиента»[28]. Этот подход получил широкое распространение в американской судебной практике. Так, например, в деле *El Camino Res., LTD. v. Huntington Nat'l Bank* суд не предоставил возможность юридической фирме *Fish & Richardson* уклониться от исполнения фидуциарных обязательств под предлогом неустранимого конфликта интересов между текущим и новым клиентами[29].

В числе трудных вопросов, связанных с фидуциарными обязанностями адвокатов, особое место занимает вопрос управления конфликтом интересов в рамках группового производства. Как справедливо отмечает С. Горлу, «без эффективного управления фидуциарные обязанности адвокатов и проблемы конфликта интересов могут подорвать целостность коллективных исков и системы гражданского правосудия» (Golru, 2019).

4. Конфликт интересов адвоката в групповых производствах

Хотя проблема конфликта интересов характерна для всех форм судебных разбирательств, по мнению многих исследователей, конфликты между адвокатом и клиентом усугубляются в групповых производствах из-за неспособности представителей группы контролировать своего адвоката (Miller, 1987). Во многом данная проблема является неустранимой, так как конфликты интересов пронизывают все формы судебного разбирательства по таким делам (Coffee, 1987, 1986). Так, С. Горлу отмечает, что «потенциальный конфликт возникает на каждом этапе разбирательства: от первоначального взаимодействия с клиентами до проведения судебного разбирательства, урегулирования спора и заключения соглашений о вознаграждении» (Golru, 2019).

И в литературе, и в соответствующей судебной практике подчеркивается, что адвокаты несут фидуциарные обязанности по отношению ко всем членам группы. Таким образом, несмотря на отсутствие конкретного соглашения между адвокатом и клиентом (отдельным членом группы), фидуциарные обязательства все равно возникают (Macey & Geoffrey, 1991). В подтверждение этой мысли можно привести позицию Суда в деле *Beach Petroleum NL v Abbott Tout Russell Kennedy*: «Если установлено, что лицо может взять на себя роль фидуциара посредством менее формального соглашения, чем договор… то фактические обстоятельства конкретного дела будут определять, какие фидуциарные обязанности налагаются, а также отвечать на вопрос об объеме этих обязанностей»[30]. Несмотря на наличие фидуциарных обязательств между отдельными членами группы и адвокатом, реальной проблемой является неспособность отдельных членов группы контролировать действия адвоката.

У адвоката в таких делах, как правило, нет прямого контакта с отдельными членами группы. Все это делает членов группы уязвимой стороной, так как они вынуждены полагаться на добросовестность и лояльность представителя, которого они зачастую никогда не видели и действия которого они не в состоянии отслеживать. Таким образом, базовой проблемой и главной предпосылкой для конфликта интересов в групповом производстве является информационная асимметрия в отношениях адвоката и отдельных членов группы.

В обычных случаях конфликт интересов может быть устранен путем простого раскрытия информации и получения информированного согласия на конфликт интересов. Однако в случае с групповым производством это в некоторых случаях невозможно. Так, например, в Австралии это невозможно по закону – члены группы могут быть лишь описаны, но не идентифицированы (система *opt-out*). Также самому юристу может быть сложно с точностью определить, есть ли у него конфликт интересов. Как справедливо отмечают Симона Дегелинг и Майкл Легг, даже если группу удалось определить, управление фидуциарными обязательствами осложняется тем, что невозможно выяснить, получил ли конкретный член группы надлежащее уведомление (Degeling & Legg, 2014). Адвокат членов группы не может быть до конца уверен в их согласии, так как отсутствие возражения еще не означает информированное согласие. Отдельный член группы вполне может и не получить уведомление по каким-то причинам. Таким образом, как показывает судебная практика, существует фундаментальная проблема раскрытия информации, т. е. выполнение главного требования по устранению потенциального конфликта интересов фактически невозможно. Пути решения этой проблемы предлагаются самые разные: от более узких подходов к определению группы до применения принципа «гипотетического согласия». Последняя концепция, на наш взгляд, выглядит наиболее перспективной. Так, Дж. П. Миллер

[28] Там же.

[29] El Camino Res., LTD. v. Huntington Nat'l Bank, No. 12-1254 (6th Cir. 2013). https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca6/12-1254/12-1254-2013-04-08.html

[30] Beach Petroleum NL v Abbott Tout Russell Kennedy. (1999). 33 ACSR 1.

отмечает, что суды не сформулировали последовательных принципов, которыми можно было бы руководствоваться при анализе конфликтов интересов в группах (Miller, 2003). Как правило, судьи сами выступают в качестве гарантов соблюдения фидуциарных обязательств. Судья защищает интересы класса в ключевые моменты судебного разбирательства, такие как сертификация группы или утверждение мирового соглашения (Resnik, 1986). Вопросы о наличии конфликтов интересов рассматриваются *ad hoc* на основе решающего мнения суда первой инстанции.

Однако вопрос состоит в том, как правильно рассматривать такие конфликты в отсутствие какого-либо четкого стандарта. Обычно большинство случаев рассматриваются в индивидуальном порядке, при этом решение основывается главным образом на усмотрении и интуиции судьи. Такой произвольный подход не устраивает многих ученых. Так, Дж. П. Миллер настаивает на том, что обычные этические правила по защите от конфликта интересов не могут применяться в коллективных исках без существенных изменений. Буквальное применение общих правил в данном случае серьезно осложняет или даже может повредить успеху всего дела. Этот ученый предлагает в отношении коллективных исков ввести стандарт гипотетического согласия (*hypothetical consent standard*). Данный стандарт предполагает презумпцию рационального поведения членов группы. Исходя из этого, конфликт интересов не возникает, если один из членов группы отказывается дать свое согласие, ссылаясь на незнание или недостаточную информированность. Ученый отмечает, что, «поскольку согласие от реальных истцов получить невозможно, концепция требует создания гипотетического истца, решения которого можно справедливо отнести к членам класса в целом» (Miller, 2003, p. 12).

Идея разумного истца базируется на том, что член группы должен руководствоваться рациональным личным интересом, определяемым как желание максимизировать ценность своей личной доли в групповом иске. Соответственно, нерациональные действия отдельного члена группы не должны вредить общему успеху процесса и должны игнорироваться. Например, если указанный нерациональный истец недоволен представительством и добивается отвода адвоката, судье необходимо для начала выяснить, работает ли адвокат в интересах группы в целом. Если адвокат ведет себя в процессе добросовестно, то разумный истец не должен добиваться его отвода, даже если он оказался в каком-то вопросе недостаточно информирован, в этом случае нельзя, прикрываясь «завесой незнания», действовать против общего интереса всей группы.

Заключение

Контроль конфликта интересов в судебной деятельности является одним из актуальных вопросов, так как отсутствие внимания к нему может стать причиной нарушения конституционного права на судебную защиту. При этом нормативно-правовое регулирование конфликта интересов в судебной деятельности носит в большей степени рамочный характер, не дает какой-либо конкретики и, по сути, возлагает задачу урегулирования конфликта интересов непосредственно на правоприменителя. Это негативно сказывается на практике: отсутствует единство в разрешении вопроса о наличии или отсутствии конфликта интересов в деятельности судьи. Необходимость в уточнении понятия «конфликт интересов», а также разработка общих рекомендаций по его предотвращению не подвергаются сомнению. Вопрос о наличии или отсутствии конфликта интересов в деятельности судьи не только может лежать в основе принятия решения о дисциплинарном проступке судьи при рассмотрении соответствующего обращения, но и отразиться на авторитете судебной власти. Тема конфликта интересов также имеет особенное значение для адвокатуры и института представительства в целом. При этом в Российской Федерации не приняты типовые правила предотвращения и урегулирования конфликта интересов в адвокатской практике, хотя данный вопрос неоднократно обсуждался, отсутствуют рекомендации по применению конкретных видов наказаний в случае выявления факта осуществления адвокатской деятельности в ситуации явного конфликта интересов, отсутствует регулярный мониторинг конфликта интересов. Проблемные аспекты выявления и предотвращения конфликта интересов в групповых производствах – особенно сложный вопрос. С учетом специфики группового иска, выраженной в объединении множества различных интересов, в групповых производствах, особенно при скрытых и сложно устанавливаемых конфликтах интересов, активную позицию по их устранению должен занять сам судья, рассматривающий дело. Вопрос управления конфликтом интересов в рамках группового производства занимает также особое место в числе трудных вопросов, связанных с фидуциарными обязанностями адвокатов. Без эффективного управления проблемы конфликта интересов могут подорвать целостность коллективных исков и негативно

отразиться на защите прав и законных интересов группы лиц. В связи с этим выявленные с учетом анализа российской и зарубежной практики основные признаки, характеризующие конфликт интересов в судебной и адвокатской деятельности, а также рекомендации по применению конкретных мер, направленных на его урегулирование, могут быть использованы при совершенствовании данного института.

Список литературы

Рябцева, Е. В. (2021). Способы правового регулирования конфликтов интересов в судебной деятельности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*, *12*(4), 935–948.

Севальнев, В. В., Черепанова, Е. В. (2017). Конфликт интересов как правовой феномен в публичной сфере. *Журнал российского права*, 10, 143–151. https://doi.org/10.12737/article_59c4d75e1bf445.36849459

Хабриева, Т. Я., Капустин, А. Я., Габов, А. В., Черногор, Н. Н. (2018). Конфликт интересов: природа, предупреждение, социальное регулирование. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*, 3, 5–12. https://doi.org/10.12737/art.2018.3.1

Coben, J. R. (2013). Creating a 21st Century Oligarchy: Judicial Abdication to Class Action Mediators. *Arbitration Law Review*, *5*, 162–193.

Coffee, J. C. Jr. (1986). Understanding the Plaintiff Understanding the Plaintiff's Attorney: The Implications of Economic Theory for Private Enforcement of Law Through Class and Derivative Actions. *Columbia Law Review*, *86*(4), 669–727. https://doi.org/10.2307/1122577

Coffee, J. C. Jr. (1987). The Regulation of Entrepreneurial Litigation: Balancing Fairness and Efficiency in the Large Class Action. *The University of Chicago Law*, *54*(3), 877–937. https://doi.org/10.2307/1599829

Degeling, S., & Legg, M. (2014). Fiduciary Obligations of Lawyers in Australian Class Actions: Conflicts Between Duties. *UNSW Law Journal*, *37*(3), 914. http://classic.austlii.edu.au/au/journals/UNSWLawJl/2014/33.html#fn82

Fabri, H. R. (2019). Conflicts of Interests: Navigating in the Fog. *AJIL Unbound*, 113, 307–311. https://doi.org/10.1017/aju.2019.43

Golru, S. (2019, January). How Do the Fiduciary Duties of Solicitors and Issues of Conflict of Interest Impact on Class Actions and Litigation Funding? *SSRN Electronic Journal*. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3905636

Johnson, B. B., & Parton, J. N. (2021). Judges Breaking the Law: An Empirical Study of Financially Interested Judges Deciding Cases. *North Carolina Law Review*, *99*(1). https://scholarship.law.unc.edu/nclr/vol99/iss1/2

Leubsdorf, J. (2010). Conflicts of Interest: Slicing the Hot Potato Doctrine. *Rutgers School of Law-Newark Research Paper*, 079. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1662130

Macey, J. R., & Geoffrey, P. M. (1991). The Plaintiffs Attorney's Role in Class Action and Derivative Litigation: Economic Analysis and Recommendations for Reform. *University of Chicago Law Review*, *58*(1). https://doi.org/10.2307/1599901

Miller, G. P. (1987). Some Agency Problems in Settlement. *Journal of Legal Studies*, *16*(1), 189–215. https://www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.1086/467828

Miller, G. P. (2003). Conflicts of Interest in Class Action Litigation: An Inquiry into the Appropriate Standard. *NYU, Ctr for Law and Business Research Paper*, 03-16. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.446942

Moore, N. J. (2002). Who Should Regulate Class Action Lawyers? *SSRN Electronic Journal*. https://doi.org/10.2139/ssrn.316639

Piché, C. (2010). Judging Fairness in Class Action Settlements. *Windsor Yearbook on Access to Justice*, *28-1*, 111–151.

Resnik, J. (1986). Failing Faith: Adjudicatory Procedure in Decline. *The University of Chicago Law Review*, *53*(2), 494–560. https://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4464&context=uclrev

Rotman, L. I. (1996). Fiduciary Doctrine: A Concept in Need of Understanding. *Alberta Law Review*, *34*(4). https://doi.org/10.29173/alr1074

Rotman, L. I. (2017). Understanding Fiduciary Duties and Relationship Fiduciarity. *McGill Law Journal*, *62*(4). https://ssrn.com/abstract=3078806

Taylor, E. B. (2023). Coming at the King: A Summary of the 2021 and 2022 Amendments to the Rules Governing Recusal of Judges in Louisiana's Civil District Courts. *Loyola Law Review*, 69, 472–509.

References

Coben, J. R. (2013). Creating a 21st Century Oligarchy: Judicial Abdication to Class Action Mediators. *Arbitration Law Review*, *5*, 162–193.

Coffee, J. C. Jr. (1986). Understanding the Plaintiff Understanding the Plaintiff's Attorney: The Implications of Economic Theory for Private Enforcement of Law Through Class and Derivative Actions. *Columbia Law Review*, *86*(4), 669–727. https://doi.org/10.2307/1122577

Coffee, J. C. Jr. (1987). The Regulation of Entrepreneurial Litigation: Balancing Fairness and Efficiency in the Large Class Action. *The University of Chicago Law*, *54*(3), 877–937. https://doi.org/10.2307/1599829

Degeling, S., & Legg, M. (2014). Fiduciary Obligations of Lawyers in Australian Class Actions: Conflicts Between Duties. *UNSW Law Journal*, *37*(3), 914. http://classic.austlii.edu.au/au/journals/UNSWLawJl/2014/33.html#fn82

Fabri, H. R. (2019). Conflicts of Interests: Navigating in the Fog. *AJIL Unbound*, 113, 307–311. https://doi.org/10.1017/aju.2019.43

Golru, S. (2019, January). How Do the Fiduciary Duties of Solicitors and Issues of Conflict of Interest Impact on Class Actions and Litigation Funding? *SSRN Electronic Journal*. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3905636

Johnson, B. B., & Parton, J. N. (2021). Judges Breaking the Law: An Empirical Study of Financially Interested Judges Deciding Cases. *North Carolina Law Review*, *99*(1). https://scholarship.law.unc.edu/nclr/vol99/iss1/2

Khabrieva, T. Y., Kapustin, A. Ya., Gabov, A. V., & Chernogor, N. N. (2018). Conflict of interest: nature, prevention, social regulation. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 3, 5–12. (In Russ.). https://doi.org/10.12737/art.2018.3.1

Leubsdorf, J. (2010). Conflicts of Interest: Slicing the Hot Potato Doctrine. *Rutgers School of Law-Newark Research Paper*, 079. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1662130

Macey, J. R., & Geoffrey, P. M. (1991). The Plaintiffs Attorney's Role in Class Action and Derivative Litigation: Economic Analysis and Recommendations for Reform. *University of Chicago Law Review*, *58*(1). https://doi.org/10.2307/1599901

Miller, G. P. (1987). Some Agency Problems in Settlement. *Journal of Legal Studies*, *16*(1), 189–215. https://www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.1086/467828

Miller, G. P. (2003). Conflicts of Interest in Class Action Litigation: An Inquiry into the Appropriate Standard. *NYU, Ctr for Law and Business Research Paper*, 03-16. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.446942

Moore, N. J. (2002). Who Should Regulate Class Action Lawyers? *SSRN Electronic Journal*. https://doi.org/10.2139/ssrn.316639

Piché, C. (2010). Judging Fairness in Class Action Settlements. *Windsor Yearbook on Access to Justice*, *28-1*, 111–151.

Resnik, J. (1986). Failing Faith: Adjudicatory Procedure in Decline. *The University of Chicago Law Review*, *53*(2), 494–560. https://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4464&context=uclrev

Rotman, L. I. (1996). Fiduciary Doctrine: A Concept in Need of Understanding. *Alberta Law Review*, *34*(4). https://doi.org/10.29173/alr1074

Rotman, L. I. (2017). Understanding Fiduciary Duties and Relationship Fiduciarity. *McGill Law Journal*, *62*(4). https://ssrn.com/abstract=3078806

Ryabtseva, E. V. (2021). The problem of determining ways of legal regulation for conflicts of interest in judicial activity. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, *12*(4), 935–948. (In Russ.). https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.408

Sevalnev, V. V., & Cherepanova, E. V. (2017). Conflict of Interest as a Legal Phenomenon in the Public Sphere. *Journal of Russian Law*, 10, 143–151. (In Russ.). https://doi.org/10.12737/article_59c4d75e1bf445.36849459

Taylor, E. B. (2023). Coming at the King: A Summary of the 2021 and 2022 Amendments to the Rules Governing Recusal of Judges in Louisiana's Civil District Courts. *Loyola Law Review*, 69, 472–509.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 05.11.2023
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 23.01.2024
Дата принятия в печать / Accepted 23.01.2024

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.121-133**

УДК 34(0.041):334(470+571)

Е. А. Громова[1]

[1] Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), г. Челябинск, Россия

Модель правового регулирования кластеров в Российской Федерации

Громова Елизавета Александровна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Юридического института по международной деятельности, доцент кафедры предпринимательского, конкурентного и экологического права, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)
E-mail: gromovaea@susu.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6655-8953
Scopus ID: https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57208846603
Web of Science Researcher ID: https://www.webofscience.com/wos/author/record/46250123
eLIBRARY SPIN-код: 8054-2491

Аннотация

Цель: создание модели правового регулирования кластеров в Российской Федерации.

Методы: исторический метод, формально-юридический анализ, методы статистики, а также социологических исследований, метод систематизации, сравнительно-правовой метод, методы правового моделирования и прогнозирования.

Результаты: в работе на основе анализа научной литературы, законодательства России и зарубежных стран и практики их применения сформулировано определение понятия «кластер» (группа субъектов предпринимательской деятельности (поставщиков, производителей и др.), находящихся на территории особой экономической зоны, осуществляющих деятельность в определенной сфере, производящих и (или) осуществляющих взаимодополняющие товары, работы, услуги), определены его признаки и виды, выявлены модели стимулирующих правовых режимов (а) «модель отступлений» – модель ЭПР; б) «модель гарантий» – модель стимулирующего правового режима предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий в рамках ГЧП (МЧП); в) «модель поддержки» – модель стимулирующего правового режима предпринимательской деятельности субъектов МСП в сфере цифровых инноваций и технологий; г) «модель преференций» – модель стимулирующего правового режима предпринимательской деятельности в границах территорий и образований с высоким инновационным потенциалом), а также предложено создать унифицированное правовое регулирование кластеров и кластерной политики в Российской Федерации путем разработки и принятия одноименного федерального закона и внесения изменения в законодательство об особых экономических зонах.

Научная новизна: в статье впервые осуществлен комплексный сравнительно-правовой анализ кластеров и кластерной политики, их правового регулирования в России и зарубежных странах.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с правовым регулированием кластеров и кластерной политики в России и зарубежных странах, а также стимулирующих правовых режимов предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий.

Ключевые слова:

кластеры, инновационные кластеры, предпринимательская деятельность, цифровая экономика, кластерная политика, особые экономические зоны, цифровая экономика

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

© Громова Е. А., 2024

Как цитировать статью: Громова, Е. А. (2024). Модель правового регулирования кластеров в Российской Федерации. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 121–133. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.121-133

Scientific article

E. A. Gromova[1]

[1]*South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia*

Model of legal regulation of clusters in the Russian Federation

Elizaveta A. Gromova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Director of the Law Institute for International Activities, Associate Professor of the Department of Business, Competition and Environmental Law, South Ural State University (National Research University)
E-mail: gromovaea@susu.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6655-8953
Scopus ID: https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57208846603
Web of Science Researcher ID: https://www.webofscience.com/wos/author/record/46250123
eLIBRARY SPIN-код: 8054-2491

Abstract

Objective: to create a model of legal regulation of clusters in the Russian Federation.
Methods: historical method, formal-legal analysis, statistical and sociological methods, systematization, comparative-legal method, methods of legal modeling and forecasting.
Results: based on the analysis of scientific literature, Russian and foreign legislation and legal practice, the paper formulates the definition of a "cluster" concept (a group of business entities (suppliers, manufacturers, etc.) located on the territory of a special economic zone, operating in a certain sphere, producing and/or carrying out complementary goods, works, services), defines its features and types, and identifies the models of incentive legal regimes: (a) "model of derogations" – EPR model; b) "model of guarantees" – model of a legal regime stimulating entrepreneurial activity in the field of digital innovations and technologies in the PPP (MPP) framework; c) "model of support" – model of a legal regime stimulating entrepreneurial activity of SMEs in the field of digital innovations and technologies; d) "model of preferences" – model of a legal regime stimulating entrepreneurial activity within the boundaries of territories and entities with high innovation potential. The author proposes to create a unified legal regime of cluster and cluster activity in the Russian Federation by developing and adopting a relevant federal law and amending the legislation on special economic zones.
Scientific novelty: the article is the first to carry out a comprehensive comparative legal analysis of clusters and cluster policy, their legal regulation in Russia and foreign countries.
Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering issues related to the legal regulation of clusters and cluster policy in Russia and foreign countries, as well as legal regimes stimulating entrepreneurial activity in the field of digital innovation and technology.

Keywords:

clusters, innovation clusters, entrepreneurial activity, digital economy, cluster policy, special economic zones, digital economy

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original

For citation: Gromova, E. A. (2024). Model of legal regulation of clusters in the Russian Federation. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 121–133. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.121-133

Введение

На сегодняшний день прогрессивное инновационное развитие Российской Федерации выступает одним из ключевых условий обеспечения национальной безопасности, стабилизации экономики и достижения технологического суверенитета.

В этой связи детерминантой желаемого развития является обеспечение благоприятного национального правового климата в сфере создания и внедрения цифровых инноваций и технологий (Gromova & Ferreira, 2023; Gallese Nobile, 2023; Gromova et al., 2023). Необходимость создания такого правового климата обусловлена в том числе тем, что на сегодняшний день весьма значительная роль в создании и развитии цифровых инноваций и технологий возлагается на частный сектор экономики – субъектов предпринимательской деятельности.

Вместе с тем объективные реалии таковы, что возлагаемые на деятельность данных субъектов ожидания могут стать неоправданными. Причиной указанного выступает низкая активность так называемого инновационного бизнеса – хозяйствующих субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность в сфере цифровых инноваций и технологий. К сожалению, статистика показывает, что Российская Федерация значительно отстает от ряда прогрессивных государств по уровню инновационной активности бизнеса. Так, в 2021 г. в нашей стране он составил 11,9 %, а, например, в Канаде – 79,3 %, Федеративной Республике Германия – 68,8 %, Соединенных Штатах Америки – 64,7 %[1].

Следовательно, для того чтобы повысить активность субъектов предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий, необходимо поднять их интерес к данной сфере, в том числе за счет создания благоприятных условий осуществления данного вида деятельности (Громова, 2023b; Громова, 2023c).

Вместе с тем, к сожалению, на сегодняшний день такие условия не являются достаточно благоприятными. На это указывают как показатели активности субъектов в сфере рассматриваемого вида деятельности, так и результаты социологических исследований (Громова, 2023a). В свою очередь, в Концепции технологического развития на период до 2030 г., утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р[2], отмечается необходимость пересмотра существующих и развития новых стимулирующих механизмов инновационной деятельности, в том числе посредством создания инновационных кластеров. Ученые также указывают на необходимость модернизации инновационных кластеров как необходимых элементов инновационной инфраструктуры (Лафитский и др., 2014; Бородина, 2013; Громова, 2023b; Golikova et al., 2019; Golov et al., 2021).

В этой связи целью статьи стала разработка модели правового регулирования кластеров (в том числе инновационных) в Российской Федерации. Задачами исследования стали: 1) исследование феномена кластера; 2) анализ правового регулирования кластеров, в том числе инновационных; 3) выявление места кластеров в системе стимулирующих правовых режимов предпринимательской деятельности в границах территорий и образований с высоким инновационным потенциалом; 4) анализ зарубежной кластерной политики; 5) разработка проекта Федерального закона «О кластерах и кластерной политике Российской Федерации».

Для достижения поставленной цели статья была структурирована следующим образом. В вводных частях обоснована актуальность исследования, проведен обзор литературы, а также показана и обоснована избранная автором методология. В основной части статьи исследуются понятие и правовое регулирование кластеров, в том числе особенности и место кластеров в системе стимулирующих правовых режимов предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий, а также особенности кластерной политики за рубежом. Кроме того, предпринята попытка предложить наиболее эффективную модель правового регулирования кластеров в Российской Федерации. В заключении подведены итоги исследования, раскрыты его теоретическая и практическая значимость.

[1] Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1315-р от 20.05.2023 (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года»). (2023). Собрание законодательства Российской Федерации, 22, 3964.

[2] Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1315-р от 20.05.2023. Собрание законодательства Российской Федерации, 22, 3964.

Обзор литературы

Анализ научной литературы в исследуемой области показал, что если таким территориям и образованиям с высоким инновационным потенциалом, как особые экономические зоны (далее – ОЭЗ), Инновационному центру «Сколково», инновационным научно-технологическим центрам, технопаркам посвящено множество научных трудов, то инновационные кластеры, напротив, не являются объектом пристального внимания современных российских исследователей.

Заметим, что иная ситуация складывается в отношении исследования инновационных кластеров за рубежом. Так, иностранные ученые активно исследуют феномен кластеров, в том числе инновационных (Smoliński & Pichlak, 2009; Singh et al., 2023; Konstantynova & Wilson, 2017; Mešl, 2002; Paraušić et al., 2014). Указанное обусловлено тем, что на сегодняшний день кластерная политика формирует более 50 % мировых экономик. Неслучайно европейские государства объединились в кластерную сеть в целях поддержки кластерных инициатив, способствующих выходу малого бизнеса на новые международные рынки (Банных, Костина, 2019). Преимущества инновационных кластеров исследуются в работе Kim et al. (2023). В свою очередь, Liu, Fang и Chi отмечают, что кластеры важны для содействия структурной трансформации экономики (Liu et al., 2022).

Кроме того, значительное внимание уделяется авторами и проблемам, препятствующим развитию кластеров (Cruz-Jesus et al., 2017; Prodi & Frattini, 2012; Ustina & Karlina, 2021; Yang et al., 2015). Так, например, ученые обращаются к вопросам выработки правовой политики, направленной на обеспечение информационной безопасности инновационных кластеров (Cruz-Jesus et al., 2017; Ustina & Karlina, 2021). В свою очередь, другие авторы исследуют особенности и проблемы стимулирования кластеров (Grillitsch et al., 2019).

Диаметрально противоположная ситуация складывается в Российской Федерации, где кластеры не получили должного законодательного закрепления и не так широко распространены. Возможно, именно указанное является причиной низкого интереса современных исследователей к данному феномену.

Вместе с тем представляется, что на сегодняшний день необходимо пересмотреть отношение к данному образованию с высоким инновационным потенциалом. Немногочисленные исследователи, изучающие правовые аспекты создания и функционирования кластеров, отмечают их потенциал. Так, по мнению И. А. Черешневой, высокотехнологичные цепи кластеров способны положительно влиять на развитие государства (Черешнева, 2018).

Методология исследования

Для достижения цели исследования и решения поставленных задач был избран комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания.

Так, исторический метод обусловил возможность ретроспективного анализа становления теории кластеров. В свою очередь, обращение к формально-юридическому методу сделало возможным осуществить анализ доктринальных и «легальных» подходов к определению кластеров и их отдельных видов.

Методы статистики, а также социологических исследований позволили получить и проанализировать информацию о развитии кластеров в России и за рубежом.

Применение метода систематизации предоставило возможность проанализировать положение инновационных кластеров в системе территорий и образований с высоким инновационным потенциалом.

Обращение к сравнительно-правовому методу дало основание выявить признаки кластеров, их особенности, а также недостатки законодательной модели инновационных кластеров.

Использование метода правового моделирования позволило «сконструировать» эффективную правовую модель инновационного кластера.

Включение метода правового прогнозирования предопределило возможность оценить перспективы развития законодательства об отдельных видах стимулирующих правовых режимов предпринимательской деятельности.

Применение совокупности указанных методов обусловило возможность прийти к обоснованным и достоверным выводам, а также сформулировать аргументированные предложения по совершенствованию законодательства о кластерах.

Результаты исследования

Понятие и признаки кластера

Отправной точкой, предшествующей формированию теории кластеров, ученые называют появление в рамках отдельных отраслей экономики или промышленного производства территориально локализованных групп предприятий и объединений. Так, исследуя указанные группы, А. Маршал стал именовать их «локализованной промышленностью», понимая под таковой некое «специализированное производство, сосредоточенное в определенной географической точке» (Marshall, 1920).

Ученые полагают, что появлению термина «кластер» также предшествовали изучение, анализ и обобщение информации о деятельности так называемой локализованной промышленности – успешных американских и европейских корпораций (Николаев, Жук, 2012).

Согласно теории кластеров М. Портера, кластер представляет собой «группу географически соседствующих взаимосвязанных компаний (поставщиков, производителей и др.) и связанных с ними организаций (образовательные заведения, органы госуправления, инфраструктурные компании), действующих в определенной сфере и взаимодополняющих друг друга» (Портер, 2002). По мнению ученого, конкурентоспособность отдельного государства необходимо рассматривать сквозь призму международной конкурентоспособности кластеров. При этом ключевое значение будет иметь потенциал таких кластеров в области эффективного применения внутренних ресурсов государства (Porter, 1990).

Заметим, что определение понятия «кластер» нашло свое закрепление в рамках отдельных федеральных законов, устанавливающих стимулирующие правовые режимы предпринимательской деятельности в определенной сфере.

При этом, проанализировав данные акты, можно сделать вывод о нескольких подходах к определению данного термина.

Первый из них, так называемый территориальный подход, предполагает определять кластер как объединение территорий. Так, впервые данный термин в указанном понимании был закреплен в рамках законодательства о российских особых экономических зонах. Федеральный закон № 116-ФЗ от 22.07.2005 «Об особых экономических зонах Российской Федерации»[3] (далее – Закон об ОЭЗ) определяет кластер как «совокупность особых экономических зон одного типа или нескольких типов, которая определяется Правительством Российской Федерации и управление которой осуществляется одной управляющей компанией» (ст. 2). Обращает на себя внимание тот факт, что указанное определение существенно отличается от понимания кластера, предложенного учеными-экономистами.

Сходным образом определен и международный медицинский кластер – совокупность инфраструктуры территории международного медицинского кластера, участников проекта и механизмов взаимодействия участников проекта (ст. 2 Федерального закона № 160-ФЗ от 29.06.2015 «О международном медицинском кластере»[4]).

Второй подход можно условно обозначить как «субъектный», поскольку в его основе лежит понимание кластера как объединения субъектов предпринимательской деятельности. В частности, более близким к определению кластера, данному М. Портером, можно считать определение промышленного кластера, содержащееся в Федеральном законе от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике»[5]. Так, данный акт определяет промышленный кластер как «совокупность субъектов деятельности в сфере промышленности, связанных отношениями в указанной сфере вследствие территориальной близости и функциональной зависимости и размещенных на территории одного субъекта Российской Федерации или на территориях нескольких субъектов Российской Федерации».

---

[3] Об особых экономических зонах в Российской Федерации. № 116-ФЗ от 22.07.2005. (2005). Собрание законодательства Российской Федерации, 30 (Ч. II), ст. 3127.

[4] О международном медицинском кластере. № 160-ФЗ от 29.06.2015. (2015). Собрание законодательства Российской Федерации, 27, ст. 3951.

[5] О промышленной политике в Российской Федерации. № 488-ФЗ от 31.12.2014. (2015). Собрание законодательства Российской Федерации, 1 (Ч. I), ст. 41.

Аналогичного подхода придерживается законодатель и в рамках других актов. Так, в Методических рекомендациях по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации под кластерами понимают «объединение предприятий, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных производственных и сервисных услуг, научно-исследовательских и образовательных организаций, связанных отношениями территориальной близости и функциональной зависимости в сфере производства и реализации товаров и услуг»[6].

Исходя из последних двух определений понятия «кластер», можно сделать вывод о том, что признаками кластеров являются субъектный, территориальный, функциональный и деятельностный.

Так, субъектный признак подразумевает, что кластер являет собой некое объединение субъектов предпринимательской деятельности, а также иных субъектов. В свою очередь, территориальный признак говорит о географической близости расположения указанных субъектов. Функциональный признак указывает на то, что объединение происходит в рамках одной сферы деятельности. Например, медицинской деятельности – для участников международного медицинского кластера или инновационной – для участников инновационного кластера. И, наконец, деятельностный признак подразумевает, что указанные субъекты осуществляют сходные или взаимодополняющие друг друга виды деятельности.

Отдельные авторы также предлагают выделять такой признак кластеров, как «инновационность». При этом, по мнению ученых, данный признак является обязательным для всех видов кластеров, поскольку последние должны обладать способностью быстро трансформироваться в соответствии с объективными реалиями (Мохов и др., 2018).

С данной точкой зрения сложно согласиться. Дело в том, что, во-первых, специфика некоторых кластеров может быть не связана непосредственно с созданием и внедрением инноваций (новшеств). Так, например, едва ли следует ожидать инновационности от кластера, созданного в рамках туристско-рекреационных или портовых ОЭЗ, цели создания которых заключаются в привлечении инвестиций в развитие специфических сфер деятельности. Кроме того, весьма сложно будет не только законодательно закрепить такой признак, как «инновационность», но и выработать критерии и осуществлять оценку соответствия кластера данному признаку.

Кластеры в системе стимулирующих правовых режимов предпринимательской деятельности в границах территорий и образований с высоким инновационным потенциалом

Сформулированный государством запрос на создание благоприятного инновационного климата может быть реализован в рамках развития так называемых стимулирующих правовых режимов предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий – группы правовых режимов, арсенал правовых средств которых способен обеспечить необходимую благоприятность национального правового климата в инновационной сфере.

К таковым режимам относятся: 1) экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций и технологий (далее – ЭПР); 2) стимулирующие правовые режимы предпринимательской деятельности в границах территорий и образований с высоким инновационным потенциалом; 3) стимулирующие правовые режимы предпринимательской деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) в сфере цифровых инноваций и технологий; 4) стимулирующий правовой режим предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий в рамках государственно-частного (муниципально-частного) партнерства (далее – ГЧП (МЧП)).

На основании перечисленных видов стимулирующих правовых режимов в сфере цифровых инноваций и технологий можно говорить о существовании моделей таких режимов: 1) *«модель отступлений»* – модель ЭПР; 2) *«модель гарантий»* – модель стимулирующего правового режима предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий в рамках ГЧП (МЧП); 3) *«модель поддержки»* – модель стимулирующего правового режима предпринимательской деятельности субъектов МСП в сфере цифровых инноваций и технологий; 4) *«модель преференций»* – модель стимулирующего правового режима предпри-

[6] Приказ Минэкономразвития РФ № 20615-ак/д19 от 26.12.2008. Текст официально опубликован не был. Предоставлен СПС «КонсультантПлюс».

нимательской деятельности в границах территорий и образований с высоким инновационным потенциалом. Указанные модели обладают присущими им особенностями комплекса правовых средств, положенных в основу отдельного вида стимулирующего правового режима предпринимательской деятельности.

Модель стимулирующего правового режима предпринимательской деятельности в границах территорий и образований с высоким инновационным потенциалом *(«модель преференций»*) отличает предоставление резидентам (участникам) технико-внедренческих ОЭЗ, ОЭЗ в Калининградской области, Инновационного центра «Сколково», инновационных научно-технологических центров, а также технопарков и инновационных кластеров ряда преференций. Таковыми выступают, прежде всего, налоговые льготы и таможенные преференции, пониженная ставка арендной платы за предоставляемый земельный участок или иное государственное и (или) муниципальное имущество (например, ст. 5 Закона об ОЭЗ).

Одним из таких правовых режимов, исследуемых в рамках модели преференций, будет выступать стимулирующий правовой режим предпринимательской деятельности, установленный в рамках кластеров.

Если говорить об инновационных кластерах[7], то в 2018 г. Указом Президента Российской Федерации был образован московский инновационный кластер. В Указе говорится о необходимости создания на территории г. Москвы инновационного кластера, обеспечивающего координацию взаимодействия субъектов деятельности в сфере промышленности, науки, образования, связи и иных сферах, и организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства.

Во исполнение данного Указа в 2019 г. был принят Закон «Об инновационном кластере города Москвы». В нем указывается, что кластер создается на территории Москвы в целях развития инновационного потенциала города, создания условий для реализации приоритетных направлений научно-технического развития Российской Федерации, разработки и внедрения инновационных технологий, обеспечения научно-технической и производственной кооперации и координации взаимодействия участников кластера[8].

Целями установления данного правового акта выступают стимулирование участников кластера на создание новых инновационных продуктов и услуг, конкурентоспособных на российском и международном рынках, а также содействие в оформлении прав на результаты интеллектуальной деятельности, а также их коммерциализацию.

Данный режим распространяется на участников кластера – юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, зарегистрированных в качестве налогоплательщиков на территории города Москвы, соответствующих требованиям, установленным Правительством Москвы, и включенных в реестр участников кластера.

Участникам кластера могут быть предоставлены финансовая, информационная, консультационная поддержка, поддержка развития их кадрового потенциала и иные виды поддержки (ст. 11 Закона г. Москвы «Об инновационном кластере города Москвы»). При этом финансовая поддержка осуществляется в форме предоставления грантов. Так, на официальном сайте кластера указывается, что участник кластера вправе претендовать на гранты на создание импортозамещающих производств, патентование, реализацию комплексных инновационных проектов; субсидии на внедрение результатов инжиниринговой деятельности, приобретение оборудования; гранты на проведение пилотного тестирования, развитие вертикальных ферм[9].

Особенности кластерной политики за рубежом

Выше отмечалось, что зарубежные государства активно реализуют кластерную политику, которая формирует более 50 % мировых экономик.

Так, развитию кластеров уделяется значительное внимание в Китайской Народной Республике. Заметим, что кластеры стали формироваться в Китае в 1970-х гг., что было связано с созданием первых специальных экономических зон и реализацией политики открытых дверей (*Open Door Policy*), что в дальнейшем привело к известному всему миру «китайскому экономическому чуду» (Groff & Rau, 2019).

В Стратегии содействия развитию промышленных кластеров, разработанной Национальной комиссией по реформам и развитию 2007 г., правительство Китая признает вклад кластеров в экономическое развитие

[7] Указ Президента Российской Федерации № 672 от 26.11.2018. (2018). Собрание законодательства Российской Федерации, 49 (ч. VI), ст. 7582.

[8] Закон г. Москвы № 5 от 20.02.2019. (2019). https://www.mos.ru/authority/documents/doc/40839220/?ysclid=ljbcdvkqdh96 7506814

[9] Официальный сайт Московского инновационного кластера. https://i.moscow/uridicheskaya-informaciya

страны. Документ содержит перечень мероприятий, направленных на стимулирование развития кластеров: укрепление процесса планирования, создание осведомленности о наилучшем использовании ресурсов, развитие компетенций бизнес-лидеров, стимулирование инноваций, содействие устойчивому росту, поощрение создания региональных брендов через патентование, поддержка поставщиков услуг и обеспечение скоординированного размещения предприятий (Jankowiak, 2017; Frattini & Prodi, 2013; Heilman et al., 2013).

На основании данной стратегии в Китае реализуются следующие программы поддержки и развития кластеров. Так, Программа *TORCH* (в рамках Центра развития индустрии высоких технологий «Факел» под эгидой Министерства науки и технологий Китая) направлена на стимулирование экономического роста, предпринимательства и развитие технологической инфраструктуры за счет инновационных кластеров и технологических бизнес-инкубаторов[10]. Программа «Политика городских кластеров» направлена на создание 19 суперрегионов в Китае, ориентированных на региональный рост за счет аккумулирования ресурсов предприятий, научно-исследовательских институтов и университетов в рамках городского кластера[11].

В свою очередь, Европейский союз также активно реализует кластерную политику – так называемую политику сплочения (*Cohesive Policy*), поддерживая кластеры за счет региональных фондов[12]. Например, региональная программа поддержки кластеров «Конкурентоспособность Страны Басков» направлена на преодоление общего промышленного спада за счет поощрения активного сотрудничества между компаниями и связанными с ними региональными инновационными институтами[13].

Иная региональная программа поддержки кластеров – «Руководящие принципы стратегии сообщества по сплочению в рамках регулирования фонда регионального развития»[14] – имеет своей целью развитие кластерного сетевого взаимодействия. Доказательством успешности мероприятий данной программы является кластер ИКТ в Оулу (Финляндия). Благодаря должному финансированию были предприняты значительные усилия по интеграции отдельных инициатив, действий и программ в регионе в рамках так называемого Соглашения о росте Оулу (Huskinson & Lawson, 2014; Karafili, 2021), в связи с чем была реализована программа развития кластера ИКТ – «Сеть Осьминога» – открытая инновационная и тестовая среда для развития мобильных технологий[15].

Модель правового регулирования кластеров в Российской Федерации

Ранее отмечалось, что на сегодняшний день важным является обеспечение условий для взаимодействия субъектов предпринимательской деятельности в целях создания конкурентоспособных цифровых технологий, в том числе в рамках инновационных кластеров. Вместе с тем, как отмечалось выше, пока что законодатель весьма слабо прорабатывает данную возможность.

Это проявляется, в частности, в отсутствии необходимого регулирования создания кластеров. Выше уже отмечалось, что представляет собой кластер и в чем заключается его роль. Так, эффективное использование государством указанных территорий и образований будет способствовать повышению потенциала российской экономики, в том числе за счет создания кластеров (Меджидов, 2017).

Проанализировав нормативные правовые акты, регулирующие отношения по поводу создания и функционирования кластеров, можно сделать вывод о том, что создание кластеров в нашей стране имеет единую цель – развитие определенного вида деятельности за счет объединения субъектов (территорий или инфраструктуры) в условиях стимулирующего правового режима предпринимательской деятельности таких субъектов.

---

[10] Torch High Technology Industry Development Center Ministry of Science and Technology. http://www.chinatorch.gov.cn/english/index.shtml

[11] China's City Clusters: The Plan to Develop 19 Super-regions. (2018, August 14). https://www.china-briefing.com/news/chinas-city-clusters-plan-to-transform-into-19-super-regions/ ; Outline Development Plan for the Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area, https://www.bayarea.gov.hk/filemanager/en/share/pdf/Outline_Development_Plan.pdf

[12] European Union. (2008). The concept of clusters and cluster policies and their role for competitiveness and innovation: main statistical results and lessons learned. https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/c15445bd-8203-4d15-b907-56ea17a9876e

[13] Там же.

[14] Regulation (EC) No 1080/2006 of the European Parliament and of the Council of 5 July 2006 on the European Regional Development Fund". Official Journal of the European Union on 31.07.2006.

[15] The concept of clusters and cluster policies and their role for competitiveness and innovation: main statistical results and lessons learned. https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/c15445bd-8203-4d15-b907-56ea17a9876e

Следовательно, видится необходимым проведение комплексной работы по созданию унифицированного правового регулирования для кластеров, а также внесение точечных изменений в законодательство об отдельных видах кластеров в целях приведения его в соответствие данному акту.

Предлагаем разработать и принять Федеральный закон «О кластерах и кластерной политике Российской Федерации», который должен состоять из следующих обязательных разделов.

Так, в первом разделе «Общие положения о кластерах» следует в том числе дать определение кластерам, указать возможные виды кластеров, сформировать перечень принципов создания и функционирования кластеров.

Второй раздел – «Организационно-правовые основы развития кластерной политики Российской Федерации» – будет содержать принципы кластерной политики, а также функции уполномоченных органов государственной власти по ее реализации.

Третий раздел – «Особенности создания и прекращения кластеров» – может включать в себя порядок и процедуру создания кластеров, а также основания для прекращения деятельности кластера.

Четвертый раздел – «Стимулирование развития кластеров в Российской Федерации» – будет посвящен особенностям стимулирования создания и функционирования кластеров, а также деятельности их участников.

И, наконец, пятый раздел предлагаемого нормативного правового акта «Оценка эффективности кластеров» должен быть посвящен процедуре и критериям оценки функционирования кластеров в Российской Федерации.

Как отмечалось выше, необходимо также внести «точечные» изменения в нормативные правовые акты, регулирующие создание и функционирование отдельных видов кластеров.

Так, во-первых, необходимо внести изменения в законодательство об особых экономических зонах. Как отмечалось ранее, федеральное законодательство определяет кластер как совокупность ОЭЗ одного типа или нескольких типов (ст. 2 Закона об ОЭЗ), что не является верным с точки зрения теории кластеров. Представляется необходимым дополнить данный акт определением кластера как группы субъектов предпринимательской деятельности (поставщиков, производителей и др.), находящихся на территории особой экономической зоны, осуществляющих деятельность в определенной сфере, производящих и (или) осуществляющих взаимодополняющие товары, работы, услуги.

Более того, представляется важным формировать кластеры (в том числе инновационные) в границах территорий и образований с высоким инновационным потенциалом.

В первую очередь следует осуществлять отбор потенциальных резидентов таких территорий с учетом способности предлагаемых ими проектов формировать кластеры в границах территорий и образований с высоким инновационным потенциалом.

На наш взгляд, в число критериев предлагаемого к проведению отбора может войти такой критерий, как потенциальная способность предлагаемых проектов участвовать в создании кластерной цепи.

Кроме того, необходимо также работать над созданием мер стимулирования деятельности резидентов, способных стать участниками кластера, а также иных компаний, деятельность которых дополняет друг друга и усиливает общий потенциал территории или образования с высоким инновационным потенциалом.

Если говорить о международном медицинском кластере, а также промышленных кластерах, то понятийно-категориальный аппарат законодательства об этих видах кластеров также необходимо привести в соответствие с содержательной сущностью термина «кластер».

Переходя к инновационным кластерам, следует отметить, что для таких кластеров типичными проблемами являются: низкая интенсивность научно-исследовательской деятельности по ключевым направлениям развития кластеров, включая образовательную компоненту; низкая эффективность процесса коммерциализации технологий; проблемы с доступом к финансовым ресурсам для развития новых технологических компаний; низкий уровень доступности специализированных услуг для развития начинающих технологических компаний; неэффективное отраслевое регулирование[16].

Полагаем, что перечисленные выше проблемы только доказывают необходимость создания правового регулирования кластеров, в том числе инновационных. Отсутствие такого нормативного акта не позволяет

[16] Приказ Минэкономразвития РФ № 20615-ак/д19 от 26.12.2008 г. Текст официально опубликован не был. Предоставлен СПС «КонсультантПлюс».

выработать ключевые направления развития инновационных кластеров, равно как меры стимулирования и поддержки предпринимательской и иной деятельности их участников.

Следует отметить, что на сегодняшний день поддержка кластерам практически не оказывается. Так, проанализировав разработанный НИУ ВШЭ информационный ресурс «Карта кластеров России»[17], мы пришли к выводу о том, что отдельные субъекты Российской Федерации предоставляют меры поддержки кластеров, расположенных в их границах. Другие же такой поддержки не осуществляют.

Например, единственной мерой поддержки для инновационного кластера авиа- и судостроения в Хабаровском крае, согласно данным информационного ресурса, выступает подготовка заявки на предоставление субсидии Правительства Российской Федерации на развитие пилотных проектов инновационных территориальных кластеров. К сожалению, возможность получения такой субсидии была представлена лишь в 2013 г.[18], что, разумеется, нельзя признать достаточным.

Заключение

Таким образом, на сегодняшний день развитие кластерной политики в Российской Федерации является одним из способов повышения инновационной активности субъектов предпринимательской деятельности. Входя в состав кластера, данный субъект приобретает возможность осуществлять деятельность в условиях предоставления определенных преференций, расширить сеть партнеров, приобретать комплектующие товары и др.

Вместе с тем на сегодняшний день кластеры не получили должного законодательного закрепления, их правовое регулирование носит фрагментарный характер, что может нивелировать их потенциал, а также негативно отразиться на инновационном развитии нашей страны.

В этой связи в рамках проведенного исследования:

1) выявлены основные подходы к определению кластера в российском законодательстве;

2) сформулированы и раскрыты признаки кластеров;

3) предложено создать унифицированное правовое регулирование кластеров и кластерной политики в Российской Федерации;

4) предлагается внесение точечных изменений в нормативные правовые акты, регулирующие общественные отношения по поводу создания и функционирования кластеров, в том числе в сфере стимулирования их создания и функционирования, а также поддержки предпринимательской деятельности их участников.

Выводы, к которым пришел автор, обладают теоретической значимостью, поскольку вносят определенный вклад в развитие теории кластеров, а также учения о стимулирующих правовых режимах предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий.

Перечисленные выше выводы и предложения могут лечь в основу дальнейших исследований в сфере кластеров, кластерной политики и стимулирующих правовых режимов предпринимательской деятельности.

В свою очередь, предложенные автором проект Федерального закона «О кластерах и кластерной политике», а также иные поправки в нормативные правовые акты, регулирующие отношения по поводу создания и функционирования кластеров, могут найти применение в процессе нормотворчества в сфере реализации кластерной политики в Российской Федерации.

Список литературы

Банных, Г. А., Костина, С. И. (2019). Реализация кластерной политики с участием университетов как фактор развития территории. В кн. *Сборник докладов XIII Международной конференции «Российские регионы в фокусе перемен»*, Екатеринбург, 15–17 ноября 2018 г. Екатеринбург: УМЦ УПИ.

[17] Карта кластеров России. https://map.cluster.hse.ru/

[18] Приказ Министерства экономического развития РФ № 275 от 21.05.2013. Документ официально опубликован не был. Предоставлен СПС «КонсультантПлюс».

Бородина, Е. В. (2013). Технопарки в России: особенности законодательного регулирования. *Леса России и хозяйство в них*, *2*(45), 149–152. https://cyberleninka.ru/article/n/tehnoparki-v-rossii-osobennosti-zakonodatelnogo-regulirovaniya

Громова, Е. А. (2023a). Стимулирующие правовые режимы предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий: результаты социологического исследования. *Социальное управление*, *5*(9), 444–452. https://sciup.org/journal-1411062/2023-5-9

Громова, Е. А. (2023b). *Стимулирующие правовые режимы предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий в границах территорий и образований с высоким инновационным потенциалом*: монография. Москва: Проспект.

Громова, Е. А. (2023c). Технопарки в сфере высоких технологий: анализ новелл законодательства. *Lex Russica (Русский закон)*, *76*(9), 110–120. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.202.9.110-120

Лафитский, В. И., Терещенко, Л. К., Едкова, Т. А., Калмыкова, А. В., Крысенкова, Н. Б., Чурсина, Т. И. (2014). *Технопарки в инфраструктуре инновационного развития*: монография. Москва: ИНФРА-М. https://doi.org/10.12737/2840

Меджидов, З. У. (2017). Сравнительный анализ использования территорий с особым экономическим статусом в Российской Федерации. *Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева*, *4*, 1–4.

Мохов, А. А., Балашов, А. Е., Шевченко, О. А., Яворский, А. Н. (2018). *Инновационные кластеры: доктрина, законодательство, практика*. Москва: Контракт.

Николаев, Ю. О., Жук Л. А. (2012). Структурная модель инновационного кластера. *Экономический вестник Донбасса*, *1*, 166–172.

Портер, М. (2002). *Конкуренция*. Москва: Вильямс.

Черешнева, И. А. (2018). Цифровая экономика в контексте территорий со специальным режимом осуществления предпринимательской деятельности. *Право и цифровая экономика*, 2, 39–41.

Cruz-Jesus, F., Oliveira, T., Bacao, F., & Irani, Z. (2017). Assessing the pattern between economic and digital development of countries. *Information Systems Frontiers*, *19*, 835–854. https://doi.org/10.1007/s10796-016-9634-1

Frattini, F., & Prodi, G. (2013). Industrial clusters in China: Policy tools for further and more balanced development. *European Review of Industrial Economics and Policy*, 5, 12456.

Gallese Nobile, C. (2023). Legal Aspects of the Use Artificial Intelligence in Telemedicine. *Journal of Digital Technologies and Law*, *1*(2), 314–336. https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.13

Golikova, N. V., Bezrukova, T. L., Safonova, N. A., Titareva, V. A., & Komov, I. V. (2019). Formation of Cluster Policy in the IT Sector. In E. Popkova, V. Ostrovskaya (Eds.), *Perspectives on the Use of New Information and Communication Technology (ICT) in the Modern Economy. ISC 2017. Advances in Intelligent Systems and Computing* (vol. 726, pp. 546–553). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-90835-9_64

Golov, R. S., Palamarchuk, A. G., & Anisimov, K. V. (2021). Cluster Policy in a Digital Economy. *Russian Engineering Research*, *41*, 631–633. https://doi.org/10.3103/S1068798X21070108

Grillitsch, M., Rekers, J. V., & Tödtling, F. (2019). When drivers of clusters shift scale from local towards global: What remains for regional innovation policy? *Geoforum*, *102*, 57–68. https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2019.03.010

Groff, S. P., & Rau, S. (2019). China's city clusters: Pioneering future mega-urban governance. *American Affairs*, *III*(2). https://americanaffairsjournal.org/2019/05/chinas-city-clusters-pioneering-future-mega-urban-governance/

Gromova, E. A., & Ferreira, D. B. (2023). Tools to Stimulate Blockchain: Application of Regulatory Sandboxes, Special Economic Zones, and Public Private Partnerships. *International Journal of Law in Changing World*, *2*(1), 17–36. https://doi.org/10.54934/ijlcw.v2i1.48

Gromova, E. A., Ferreira, D. B., & Begishev, I. R. (2023). ChatGPT and Other Intelligent Chatbots: Legal, Ethical and Dispute Resolution Concerns. *Revista Brasileira de Alternative Dispute Resolution*, *5*(10), 153–175.

Heilman, S., Shih, L., & Hofem, A. (2013). National planning and local technology zones: Experimental governance in China's Torch Program. *The China Quarterly*, *216*, 896–919. https://doi.org/10.1017/s0305741013001057

Huskinson, T., & Lawson, R. (2014). Clusters of economic freedom. *Applied Economics Letters*, *21*(15), 1070–1074. https://doi.org/10.1080/13504851.2014.909565

Jankowiak, A. H. (2017). Cluster-based development: A Chinese cluster policy. *Prace Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego we Wrocławiu = Research Papers of Wrocław University of Economics*, 486, 71–79.

Karafili, E. (2021). Cluster Policies. In *Cluster Dynamics in Transition Economies*. *SpringerBriefs in Geography* (pp. 21–26). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69842-3_2

Kim, H., Hwang, S., & Yoon, W. (2023). Industry cluster, organizational diversity, and innovation. *International Journal of Innovation Studies*, *7*(3), 187–195. https://doi.org/10.1016/j.ijis.2023.03.002

Konstantynova, A., & Wilson, J. R. (2017). Cluster policies and cluster institutions: an opportunity to bind economic and social dimensions? *Economia e Politica Industriale*, *44*, 457–472. https://doi.org/10.1007/s40812-017-0081-x

Liu, S., Fang, Y., & Chi, Y. (2022). Evolution of innovation networks in industrial clusters and multidimensional proximity: A case of Chinese cultural clusters. *Heliyon*, *8*(10), e10805. https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2022.e10805

Marshall, A. (1920). *Principles of Economics*. London: Macmillan and Co.

Mešl, M. (2002). Cluster Policy as an Aspect of a Pro-Active Industrial Policy in Slovenia. In W. Bartlett, M. Bateman & M. Vehovec (Eds.). *Small Enterprise Development in South-East Europe* (pp. 193–202). Springer, Boston, MA. https://doi.org/10.1007/978-1-4615-0959-2_9

Paraušić, V, Cvijanović, D., Mihailović, B., & Veljković, K. (2014). Correlation between the state of cluster development and national competitiveness in the global competitiveness report of the World Economic Forum 2012–2013. *Economic Research-Ekonomska Istrazivanja*, *27*(1), 662–672. 10.1080/1331677X.2014.974917

Porter, M. E. (1990). *The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction*. N. Y.: The Free Press.

Prodi, G., & Frattini, F. (2012). Industrial clusters in China: Policy tools for further and more balanced development. *European Review of Industrial Economics and Policy*, *5*. https://doi.org/10.61953/suptest.2874

Sing, M., Darold, D. L., Klobasa, M., Zielinski, A., & Frietsch, R. (2023). Keeping track of cleantech development using innovation clusters and member's website data: Evidence from leading energy clusters in Germany. *Energy Reports*, 10, 756–767. https://doi.org/10.1016/j.egyr.2023.07.026

Smoliński A., & Pichlak, M. (2009). Innovation in Polish industry: The cluster concept applied to clean coal technologies in Silesia. *Technology in Society*, *31*(4), 356–364. https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2009.10.008

Ustina, N. A., & Karlina, A. A. (2021). Theory and Practice of Management Decisions on Regional Cluster Policy Implementation. In S. I. Ashmarina, J. Horák, J. Vrbka, & P. Šuleř (Eds.), *Economic Systems in the New Era: Stable Systems in an Unstable World. IES 2020. Lecture Notes in Networks and Systems* (Vol. 160, pp. 380–389). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-60929-0_49

Yang, Z., Hao, P., & Cai, J. (2015). Economic clusters: a bridge between economic and spatial policies in the case of Beijing. *Cities*, *42*(PB), 171–185. https://doi.org/10.1016/j.cities.2014.06.005

References

Bannykh, G. A., & Kostina, S. I. (2019). Implementing cluster policy with participation of universities as a factor of territory development. In *Collection of works of the 13th International conference "Russian regions in the focus of change"*, Yekaterinburg, November 15–17, 2018. Yekaterinburg: UMTS UPI. (In Russ.).

Borodina, E. V. (2013). Russian technoparks: specifisity of legal regulation. *Forests of Russia and economy in them*, *2*(45), 149–152. (In Russ.). https://cyberleninka.ru/article/n/tehnoparki-v-rossii-osobennosti-zakonodatelnogo-regulirovaniya

Chereshneva, I. A. (2018). Digital economy in the context of territories with a special business regime. *Law and Digital Economy*, *2*, 39–41. (In Russ.).

Cruz-Jesus, F., Oliveira, T., Bacao, F., & Irani, Z. (2017). Assessing the pattern between economic and digital development of countries. *Information Systems Frontiers*, *19*, 835–854. https://doi.org/10.1007/s10796-016-9634-1

Frattini, F., & Prodi, G. (2013). Industrial clusters in China: Policy tools for further and more balanced development. *European Review of Industrial Economics and Policy*, 5, 12456.

Gallese Nobile, C. (2023). Legal Aspects of the Use Artificial Intelligence in Telemedicine. *Journal of Digital Technologies and Law*, *1*(2), 314–336. https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.13

Golikova, N. V., Bezrukova, T. L., Safonova, N. A., Titareva, V. A., & Komov, I. V. (2019). Formation of Cluster Policy in the IT Sector. In E. Popkova, V. Ostrovskaya (Eds.), *Perspectives on the Use of New Information and Communication Technology (ICT) in the Modern Economy. ISC 2017. Advances in Intelligent Systems and Computing* (vol. 726, pp. 546–553). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-90835-9_64

Golov, R. S., Palamarchuk, A. G., & Anisimov, K. V. (2021). Cluster Policy in a Digital Economy. *Russian Engineering Research*, *41*, 631–633. https://doi.org/10.3103/S1068798X21070108

Grillitsch, M., Rekers, J. V., & Tödtling, F. (2019). When drivers of clusters shift scale from local towards global: What remains for regional innovation policy? *Geoforum*, *102*, 57–68. https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2019.03.010

Groff, S. P., & Rau, S. (2019). China's city clusters: Pioneering future mega-urban governance. *American Affairs*, *III*(2). https://americanaffairsjournal.org/2019/05/chinas-city-clusters-pioneering-future-mega-urban-governance/

Gromova, E. A. (2023). Technology Parks in High Tech Sphere: New Legislation Analysis. *Lex Russica*, *76*(9), 110–120. (In Russ.). https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.202.9.110-120

Gromova, E. A. (2023a). Incentivizing legal regimes of entrepreneurial activity in the sphere of digital innovations and technologies: results of a sociological study. *Social Management*, *5*(9), 444–452. (In Russ.). https://sciup.org/journal-1411062/2023-5-9

Gromova, E. A. (2023b). *Stimulating legal regimes of business activity in the sphere of digital innovations and technologies within territories and entities with high innovative potential:* monograph. Moscow: Prospekt. (In Russ.).

Gromova, E. A., & Ferreira, D. B. (2023). Tools to Stimulate Blockchain: Application of Regulatory Sandboxes, Special Economic Zones, and Public Private Partnerships. *International Journal of Law in Changing World*, *2*(1), 17–36. https://doi.org/10.54934/ijlcw.v2i1.48

Gromova, E. A., Ferreira, D. B., & Begishev, I. R. (2023). ChatGPT and Other Intelligent Chatbots: Legal, Ethical and Dispute Resolution Concerns. *Revista Brasileira de Alternative Dispute Resolution*, *5*(10), 153–175.

Heilman, S., Shih, L., & Hofem, A. (2013). National planning and local technology zones: Experimental governance in China's Torch Program. *The China Quarterly*, *216*, 896–919. https://doi.org/10.1017/s0305741013001057

Huskinson, T., & Lawson, R. (2014). Clusters of economic freedom. *Applied Economics Letters*, *21*(15), 1070–1074. https://doi.org/10.1080/13504851.2014.909565

Jankowiak, A. H. (2017). Cluster-based development: A Chinese cluster policy. *Prace Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego we Wrocławiu = Research Papers of Wrocław University of Economics*, 486, 71–79.

Karafili, E. (2021). Cluster Policies. In *Cluster Dynamics in Transition Economies*. SpringerBriefs in Geography (pp. 21–26). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69842-3_2

Kim, H., Hwang, S., & Yoon, W. (2023). Industry cluster, organizational diversity, and innovation. *International Journal of Innovation Studies*, *7*(3), 187–195. https://doi.org/10.1016/j.ijis.2023.03.002

Konstantynova, A., & Wilson, J. R. (2017). Cluster policies and cluster institutions: an opportunity to bind economic and social dimensions? *Economia e Politica Industriale*, *44*, 457–472. https://doi.org/10.1007/s40812-017-0081-x

Lafitskiy, V., Tereshchenko, L., Edkova, T., Kalmykova, A., Krysenkova, N., & Chursina, T. (2014). Technoparks in Infrastructure of Innovative Development. Moscow: INFRA-M. (In Russ.). https://doi.org/10.12737/2840

Liu, S., Fang, Y., & Chi, Y. (2022). Evolution of innovation networks in industrial clusters and multidimensional proximity: A case of Chinese cultural clusters. *Heliyon*, *8*(10), e10805. https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2022.e10805

Marshall, A. (1920). *Principles of Economics*. London: Macmillan and Co.

Medzhidov, Z. U. (2017). Comparative analysis of using territories with a special economic status in the Russian Federation. *Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev*, *4*, 1–4. (In Russ.).

Mešl, M. (2002). Cluster Policy as an Aspect of a Pro-Active Industrial Policy in Slovenia. In W. Bartlett, M. Bateman & M. Vehovec (Eds.), *Small Enterprise Development in South-East Europe* (pp. 193–202). Springer, Boston, MA. https://doi.org/10.1007/978-1-4615-0959-2_9

Mokhov, A. A., Balashov, A. E., Shevchenko, O. A., & Yavorskii, A. N. (2018). *Innovative clusters: doctrine, legislation, practice*. Moscow: Kontrakt. (In Russ.).

Nikolaev, Yu. O., & Zhuk, L. A. (2012). Structural model of an innovative cluster. *Ekonomicheskiy Vestnik Donbassa*, 1, 166–172. (In Russ.).

Paraušić, V, Cvijanović, D., Mihailović, B., & Veljković, K. (2014). Correlation between the state of cluster development and national competitiveness in the global competitiveness report of the World Economic Forum 2012–2013. *Economic Research-Ekonomska Istrazivanja*, *27*(1), 662–672. 10.1080/1331677X.2014.974917

Porter, M. (2002). *Competition*. Moscow: Vilyams. (In Russ.).

Porter, M. E. (1990). *The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction*. N. Y.: The Free Press.

Prodi, G., & Frattini, F. (2012). Industrial clusters in China: Policy tools for further and more balanced development. *European Review of Industrial Economics and Policy*, *5*. https://doi.org/10.61953/suptest.2874

Sing, M., Darold, D. L., Klobasa, M., Zielinski, A., & Frietsch, R. (2023). Keeping track of cleantech development using innovation clusters and member's website data: Evidence from leading energy clusters in Germany. *Energy Reports*, 10, 756–767. https://doi.org/10.1016/j.egyr.2023.07.026

Smoliński A., & Pichlak, M. (2009). Innovation in Polish industry: The cluster concept applied to clean coal technologies in Silesia. *Technology in Society*, *31*(4), 356–364. https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2009.10.008

Ustina, N. A., & Karlina, A. A. (2021). Theory and Practice of Management Decisions on Regional Cluster Policy Implementation. In S. I. Ashmarina, J. Horák, J. Vrbka, & P. Šuleř (Eds.). *Economic Systems in the New Era: Stable Systems in an Unstable World. IES 2020. Lecture Notes in Networks and Systems* (Vol. 160, pp. 380–389). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-60929-0_49

Yang, Z., Hao, P., & Cai, J. (2015). Economic clusters: a bridge between economic and spatial policies in the case of Beijing. *Cities*, *42*(PB), 171–185. https://doi.org/10.1016/j.cities.2014.06.005

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 10.01.2024
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 17.02.2024
Дата принятия в печать / Accepted 17.02.2024

ТРУДОВОЕ ПРАВО / LABOR LAW

Редактор рубрики *А. Г. Никитин* / Rubric editor *A. G. Nikitin*

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.134-147**

УДК 349.2:340.1:339.9

К. Л. Томашевский[1]

[1] *Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова, г. Казань, Россия*

Либертарные принципы трудового права в государствах – членах Евразийского экономического союза

Томашевский Кирилл Леонидович, доктор юридических наук, профессор, заместитель декана юридического факультета по научной работе, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова
E-mail: TomashevskijKL@ieml.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4098-4943
Scopus Author ID: 13608916900
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/K-9961-2016
eLIBRARY SPIN-код: 8440-8299

Аннотация

Цель: определение либертарных принципов трудового права, установление их места в системе трудового права, а также выявление проблем, связанных с их реализацией в правоприменительной практике в государствах – членах ЕАЭС.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-юридический, сравнительно-правовой, метод конкретно-социологического исследования.

Результаты: на основе естественно-правовой и либертарной концепций правопонимания сформулировано определение понятия «либертарные принципы трудового права» как руководящие идеи, в которых воплощается свобода и которые лежат в основе построения трудового права, определяют направление его дальнейшего развития в регламентации трудовых и непосредственно связанных с ними отношений. Предложены и проанализированы основные либертарные принципы трудового права: а) свобода движения рабочей силы; б) свобода труда и право на труд; в) запрещение принудительного труда; г) свобода договора (конкретизируемая как принципы свободы трудового договора; свободы коллективного договора, соглашения); д) свобода объединения (ассоциации); е) свобода коллективных переговоров, свобода выбора при обсуждении вопросов, входящих в сферу труда, добровольность принятия сторонами на себя обязательств (как основные принципы социального партнерства). Результаты исследования выражаются в теоретических выводах и оценке законодательства о труде стран ЕАЭС в части полноты отражения и гарантирования в них либертарных принципов трудового права.

© Томашевский К. Л., 2024

Научная новизна: в работе впервые проанализированы либертарные принципы трудового права как обособленная группа принципов трудового права в государствах – членах ЕАЭС, раскрыта правовая природа и система либертарных принципов трудового права.
Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с рассмотрением и разрешением трудовых споров, при преодолении пробелов и юридических коллизий в трудовом законодательстве.

Ключевые слова:
гражданское право, принципы, трудовое право, свобода, свобода труда, запрещение принудительного труда, свобода трудового договора, свобода объединения, работник, работодатель, профсоюз

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Томашевский, К. Л. (2024). Либертарные принципы трудового права в государствах – членах Евразийского экономического союза. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 134–147. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.134-147

Scientific article

K. L. Tomashevskiy[1]

[1] *Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia*

Libertarian principles of labor law in the member states of the Eurasian Economic Union

Kirill L. Tomashevskiy, Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Dean of Law Faculty on scientific research, Professor of the Department of Civil and Entrepreneurship Law, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
E-mail: TomashevskijKL@ieml.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4098-4943
Scopus Author ID: 13608916900
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/K-9961-2016
eLIBRARY SPIN-код: 8440-8299

Abstract
Objective: to define libertarian principles of labor law, to establish their place in the system of labor law, and to identify problems related to their implementation in the law enforcement practice of EAEU member states.
Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors, which predetermined the following research methods: formal-legal, comparative-legal, and method of specific sociological research.
Results: based of natural-law and libertarian concepts of legal understanding, the author formulates a definition of the "libertarian principles of labor law" concept as guiding ideas that embody freedom and underlie the labor law construction. The author determines the vector of its further development in the regulation of labor and associated relations. The main libertarian principles of labor law are proposed and analyzed: a) freedom of labor force movement; b) freedom of labor and the right to work; c) prohibition of forced labor; d) freedom of contract (specified as the principles of freedom of labor contract, freedom of collective bargaining, agreement); e) freedom of association; f) freedom of collective bargaining, freedom of choice in discussing issues within the sphere of labor, voluntariness of the parties' taking obligations (as the main principles of social partnership). The study results are expressed in theoretical conclusions and assessment of labor legislation of the EAEU countries in terms of the libertarian principles of labor law completely reflected and guaranteed in them.
Scientific novelty: the paper is the first to analyze libertarian principles of labor law as a separate group of principles of labor law in the EAEU member states and to reveal the legal nature and system of libertarian principles of labor law.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering issues related to the consideration and resolution of labor disputes, in overcoming gaps and legal conflicts in labor legislation.

Keywords:
civil law, principles, labor law, freedom, freedom of labor, prohibition of forced labor, freedom of labor contract, freedom of association, employee, employer, trade union

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Tomashevskiy, K. L. (2024). Libertarian principles of labor law in the member states of the Eurasian Economic Union. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 134–147. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.134-147

Введение

Теоретическая проблема принципов трудового права была предметом научных поисков юристов на протяжении нескольких веков, продолжаются эти поиски и в XXI в. Из советских и российских ученых-юристов значительный вклад в развитие учения о принципах трудового права внесли Л. Ю. Бугров (1984, 1992a, 1992b), И. К. Дмитриева (2004), В. В. Ершов, Е. А. Ершова (Ershov, Ershova, 2021), А. М. Лушников, М. В. Лушникова (2021), Н. Л. Лютов, Е. С. Герасимова (2015), С. П. Маврин, Е. Б. Хохлов, В. А. Сафонов[1], О. В. Смирнов (1977) и некоторые другие. Среди ученых-юристов ряда других стран ЕАЭС, которые также занимались проблемой принципов трудового права, выделим Е. А. Волк, К. С. Костевич, Е. М. Попок, К. Л. Томашевского (2015), Е. Н. Нургалиеву (2015), Т. М. Петоченко (2022), К. С. Раманкулова (2021), М. Х. Хасенова (2020) и др. Вместе с тем феномен либертарных принципов трудового права или вообще не исследовался в их монографиях, диссертациях и научных статьях, или затрагивался, но вскользь через один-два принципа, так или иначе связанных с идеей свободы.

Наиболее заметный вклад в изучение либертарных принципов трудового права в СССР и постсоветской России внес пермский ученый-юрист Л. Ю. Бугров, чья докторская диссертация и ряд монографий были посвящены принципам свободы трудового договора и свободы труда в России (Бугров 1984, 1992a, 1992b). Уместно упомянуть коллективную монографию четырех белорусских исследователей, посвященную идее свободы в трудовом праве, изданную в 2015 г. (Волк и др., 2015), где была предпринята попытка комплексно исследовать феномен свободы в трудовом праве Беларуси. В настоящей статье постараемся ответить на вопрос о том, в достаточной ли мере отражены и гарантированы либертарные принципы трудового права в правовых системах государств – членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС).

Цель настоящей статьи состоит в определении либертарных принципов трудового права, выяснении их места в системе принципов трудового права и выявлении актуальных проблем с их реализацией на практике в государствах – членах ЕАЭС. Для достижения указанной цели в статье использован комплекс общенаучных и специальных научных методов исследования, прежде всего диалектика, историко-правовой, сравнительно-правовой методы, системный анализ, синтез, дедукция, индукция, обобщение и ряд других. Концептуальную основу данного исследования составили идеи, разработанные в рамках теории естественного права, а также в русле либертарной концепции правопонимания[2], в доктрине трудового права.

[1] Маврин, С. П., Хохлов, Е. Б., Сафонов, В. А. (ред.). (2021). Трудовое право России: учебник. Проспект.
[2] Нерсесянц, В. С. (1997). Философия права: учебник для вузов. Москва: ИНФРА-М – НОРМА.

Результаты исследования

1. Феномен либертарных принципов трудового права как философско-правовой категории

Под принципами права в юридической литературе обычно понимаются руководящие или основополагающие правовые идеи (начала), которые определяют направление (вектор, нацеленность) правового регулирования тех или иных общественных отношений. Дефиниций принципов права в общей теории права было высказано множество. К примеру, известный советский и российский теоретик права С. С. Алексеев понимал под принципами права «выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание, его основы, закрепленные в нем закономерности общественной жизни»[3]. По мнению профессора М. Н. Марченко, принципы права представляют собой «основные идеи, исходные положения или ведущие начала процесса его формирования, развития и функционирования»[4]. Р. З. Лившиц считал, что принципы права, «бесспорно, относятся к числу его основных механизмов, несущих конструкций»[5], «исходное направляющее начало»[6]. Белорусский ученый-теоретик С. Г. Дробязко писал, что «принципы в праве – это исходные, непререкаемые положения, наиболее характерно выражающие его сущность и сущность регулируемых им объектов, предопределяющих содержание права, установление и реализацию его норм» (Дробязко, 2005, с. 32).

В данной статье нас будут интересовать не все принципы права, а лишь те из них, которые выражают сущность идеи свободы, причем не во всем ее многообразии, а только применительно к трудовому праву. В этой связи кратко коснемся того, как в науке трудового права понимаются принципы трудового права, а затем выделим из них либертарные принципы трудового права.

Обратимся к взглядам на дефиниции принципов трудового права современных российских ученых в области трудового права. По мнению профессора МГУ имени Ломоносова И. К. Дмитриевой, «под принципами трудового права можно понимать исходные начала и основные положения, определяющие его единство, сущность правового регулирования и общую направленность развития отрасли трудового права» (Дмитриева, 2004, с. 53). Недостаток этого определения – в элементах тавтологии, поскольку в определяемом понятии (принципы трудового права) и самом определении упоминается трудовое право. На взгляд ярославских ученых А. М. Лушникова и М. В. Лушниковой, «принципы трудового права представляют собой систему социального долженствования, носят императивный характер», играют «первую скрипку в правовом регулировании трудовых отношений»[7]. При этом данные ученые избегают авторской дефиниции принципов трудового права. Санкт-петербургские ученые В. В. Коробченко и С. П. Маврин попытались определить принципы права (в том числе трудового) в единстве и взаимопроникновении позитивного и естественного права как «основополагающую и руководящую правовую идею, задающую характер и общую направленность правового регулирования общественных отношений и определяющую изначальное и результативное тождество естественного и позитивного права»[8]. Далее С. П. Маврин пишет, что «на принципах свободы, равенства и справедливости должно основываться, конечно, не только право в целом, но и трудовое право» а «естественно-правовые принципы свободы и равенства трансформируются в позитивном праве в принципы свободы труда и равенства возможностей всех физических лиц в трудовых отношениях»[9].

Здесь уместно немного подискутировать с позицией С. П. Маврина, поскольку правовая идея всеобщей свободы трансформируется не только в принцип свободы труда, но и в принципы запрещения принудительного труда, а также свободы объединения (ассоциации), имеющих не менее важное значение для трудового права. Причем все вышеуказанные принципы трудового права до их легальной фиксации в нормах трудового права существовали в качестве принципов естественного трудового права, а с закреплением в законодательстве переходят в позитивное трудовое право.

---

[3] Алексеев, С. С. (2008). Общая теория права (2-е изд., перераб. и доп.). Москва: ТК «Велби», Проспект. С. 75.

[4] Марченко, М. Н. и др. (1998). Общая теория государства и права: академический курс в 2 т. (Т. 2. Теория права). Москва: Зерцало. С. 23.

[5] Лившиц, Р. З. (2001). Теория права: учебник. Москва: БЕК. С. 195.

[6] Там же.

[7] Лушников, А. М., Лушникова, М. В. (2021). Трудовое право: учебник. Проспект. С. 93–94.

[8] Маврин, С. П., Хохлов, Е. Б., Сафонов, В. А. (2021). Трудовое право России: учебник. Проспект. С. 58.

[9] Там же. С. 61.

Кыргызский ученый К. С. Раманкулов, опираясь на схожий с теоретиком М. Н. Марченко подход, считает принципами трудового права «основные требования, исходные положения или ведущие начала процесса его формирования, развития и функционирования»[10]. При этом принцип свободы труда данный ученый не без основания считает межотраслевым, а также выделяет принципы обеспечения права на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, обеспечения права на объединение как работников, так и работодателей и некоторые другие[11]. Белорусский автор Т. М. Петоченко под принципами трудового права понимает «выраженные в нормах международного права, в действующем законодательстве о труде нормативные начала и руководящие идеи, характеризующие сущность отрасли трудового права, направления ее развития, а также отражающие политику государства в области правового регулирования общественных отношений, связанных с функционированием рынка труда и складывающихся в процессе организации и применения наемного труда»[12]. Данное определение представляется достаточно полным и точным, хотя заметим, что оно сформулировано в русле нормативистской концепции правопонимания.

В учебном пособии П. Е. Морозова и А. С. Чанышева «Трудовое право стран Евразийского экономического союза» предпринималась попытка сравнительного анализа принципов трудового права стран ЕАЭС[13], при этом либертарные принципы они системно не исследовали.

В учебнике «Евразийское трудовое право» нами было предложено следующее определение принципов трудового права: «…руководящие идеи (основополагающие начала), закладывающие основу построения всей отрасли трудового права (ее структурных элементов), определяющие направление ее дальнейшего развития в регламентации трудовых и тесно (непосредственно) связанных с ними отношений»[14].

О свободе как философской категории и всеобщей свободе как правовой идее писали многие философы и юристы различных эпох.

Либертарно-юридическая концепция различения права и закона была выдвинута академиком В. С. Нерсесянцем и обоснована в ряде его публикаций 1970–1980-х гг. Из наиболее известных его монографий этого периода – «Право и закон», где он обосновывал понимание права как всеобщей формы и равной нормы (меры) свободы индивидов (Нерсесянц, 1983).

В начале 1980-х гг. известный ученый-теоретик и специалист по трудовому праву Р. З. Лившиц в совместной монографии с профессором С. А. Ивановым «Личность в советском трудовом праве» обратился к принципу свободы труда и роли трудового права в обеспечении индивидуальных прав и свобод личности (Иванов, Лившиц, 1982).

В современной коллективной монографии «Принципы частного права» категория «либертарные принципы права» отдельно не выделяется, вместе с тем в отдельных главах указанной научной работы некоторые принципы, в которых отражается идея свободы индивида, тем не менее исследуются, в частности: принцип свободы договора, свободы предпринимательской деятельности, свободы труда и запрета принудительного труда, принцип свободы движения рабочей силы (Подшивалова и др., 2018).

В современной юридической литературе трактовки понятия «право» укладываются в рамки основных типов правопонимания: юридического нормативизма, социологической юриспруденции, теории естественного права и либертарно-юридической теории права. Как отмечают А. Ф. Вишневский, В. А. Кучинский, указанные трактовки права основаны на определенных критериях соответственно: «(1) на нормах поведения, установленных компетентными государственными органами; (2) на реальных отношениях, приобретающих юридическую значимость; (3) на неотъемлемых правах и свободах человека; (4) на философски трактуемой свободе и справедливости, формальном равенстве людей в общественных отношениях» (Василевич и др., 2022, с. 10–11).

---

[10] Раманкулов, К. С. (2008). Трудовое право Кыргызской Республики : учебник (2-е изд., испр.). Бишкек: Турар. С. 104.

[11] Там же. С. 108–111.

[12] Петоченко, Т. М. (2022). Принципы трудового права. В кн. А. А. Греченков, Г. А. Василевич, К. Л. Томашевский (ред.), Трудовое право: учебное пособие (гл. 2). Минск: Адукацыя і выхаванне.

[13] Морозов П. Е., Чанышев А. С. (2016). Трудовое право стран Евразийского экономического союза: учеб. пособие. Москва: Проспект.

[14] Лушникова, М. В., Раманкулов, К. С., Томашевский, К. Л., Волк, Е. А., Герасимова, Е. С., Головина, С. Ю. (2017). Евразийское трудовое право: учебник. Москва: Проспект. С. 48.

Хотя в либертарно-юридической концепции правопонимания В. С. Нерсесянца всеобщая свобода дополняется справедливостью и формальным равенством[15], полагаем, что применительно к определению либертарных принципов трудового права и их последующей классификации выделение в качестве признаков или свойств данных принципов формального равенства и справедливости, а равно введение их в критерий классификации не требуется.

С учетом проведенного краткого обзора высказанных в науке трудового права позиций ученых-юристов попытаемся определить понятие либертарных принципов трудового права.

Напомним, что в переводе с латинского *libertas* – «свобода, воля». Соответственно, либертарный принцип права – это такое руководящее правовое начало, которое относится к свободе, т. е. в котором свобода индивида или групп лиц в той или иной форме находит свое выражение.

Таким образом, **либертарные принципы трудового права** – это руководящие идеи, в которых воплощается свобода и которые лежат в основе построения данной отрасли права, определяют направление ее дальнейшего развития в регламентации трудовых и непосредственно связанных с ними отношений.

Итак, какие же принципы трудового права могут быть отнесены к либертарным? Данный вопрос достаточно сложен, поскольку в разных системах трудового права тех или иных государств принципы трудового права имеют разную степень закрепления и текстуальные отличия в формулировках. Вместе с тем применительно к интересующей нас группе пяти государств – членов ЕАЭС наблюдается хотя и не тождество, но определенное сходство законодательных подходов к закреплению принципов трудового права, что позволяет выделить следующие **либертарные принципы трудового права**:

– свобода движения рабочей силы (этот принцип носит транснациональный характер в ЕАЭС, поскольку выделен наряду с еще тремя основными свободами в ст. 1 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014[16]);

– свобода труда, свобода выбора труда и право на труд;

– запрещение принудительного труда;

– свобода договора (конкретизируемый как принципы свободы трудового договора; свободы коллективного договора, соглашения);

– свобода объединения (ассоциации);

– свобода коллективных переговоров, свобода выбора при обсуждении вопросов, входящих в сферу труда, добровольность принятия сторонами на себя обязательств (как основные принципы социального партнерства).

Данные принципы имеют различные места расположения в системе принципов трудового права, которые могут быть классифицированы по различным критериям. В частности, принципы свободы труда, права на труд, запрещения принудительного труда и свободы объединения, как правило, являются конституционными (закрепляются в нормах конституций), тогда как остальные принципы – законодательными (закрепляются только в трудовых кодексах). Такие принципы, как свобода труда, право на труд, свобода договора, свобода объединения, имеют значение межотраслевых, поскольку характерны и для других отраслей права (к примеру, для гражданского права – право на труд, свободу труда и свободу договора можно реализовать, занимаясь предпринимательской деятельностью, заключая гражданско-правовые договоры, в форме ремесленничества, самозанятости; в конституционном праве – свобода объединения может быть реализована гражданами через создание политических партий, общественных объединений, религиозных организаций). Большинство либертарных принципов трудового права являются нормами-принципами, но не все. К примеру, свобода трудового договора и свобода коллективного договора, соглашения текстуально четко не закреплены в нормах трудового права государств – членов ЕАЭС, а относятся к «принципам, выводимым из духа закона».

Далее рассмотрим наиболее важные либертарные принципы трудового права на основе сравнительного анализа норм законодательства государств – членов ЕАЭС и выявим некоторые проблемы с их реализацией на практике.

---

[15] Нерсесянц, В. С. (1997) Философия права: учебник для вузов. Москва: ИНФРА-М – НОРМА. С. 17–31.

[16] Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 24.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/

2. Свобода труда, право на труд и запрещение принудительного или обязательного труда в трудовом праве государств – членов ЕАЭС

В ч. 1 ст. 57 Конституции Армении закреплен принцип не свободы труда, а свободы выбора труда, причем в довольно лаконичной форме: «Каждый имеет право на свободный выбор труда»[17]. В соответствии с ч. 5 ст. 57 Конституции Армении запрещается обязательный или принудительный труд. Не считается обязательным или принудительным трудом: 1) работа, которую в соответствии с законом выполняет осужденное лицо; 2) военная или альтернативная служба; 3) любая работа, которая требуется во время чрезвычайных ситуаций, угрожающих жизни или благополучию населения.

Обратим внимание, что в некоторых странах ЕАЭС (к примеру, в Беларуси и России) используется более лаконичная формулировка «запрещение принудительного труда», тогда как в Конституции Армении пошли по пути расширения данного принципа, в том числе за счет запрещения обязательного труда.

Интересно, что в ст. 3 Трудового кодекса Республики Армении (далее – ТК Армении) принципы трудового законодательства сформулированы несколько иначе, чем в Конституции Армении:

«1) свобода труда, включая и право на труд (который каждый свободно выбирает или на который свободно соглашается), право распоряжаться способностями к труду, выбирать профессию и вид деятельности;

2) запрещение любой формы (любого характера) принудительного труда и насилия в отношении работников»[18].

Как видим, если в Конституции Армении речь шла о свободе выбора труда и запрещении принудительного или обязательного труда, то в ТК Армении – о свободе труда, праве на труд и запрещении принудительного труда. Поскольку принцип свободы труда, принцип свободы выбора труда и право на труд носят межотраслевой характер и во многом охватывают друг друга, то полагаем, что эти несоответствия формулировок названий принципов в Конституции и ТК Армении требуют законодательного устранения.

Для сравнения: в ст. 41 Конституции Республики Беларусь речь идет в том числе о праве на труд (ч. 1) и запрещении принудительного труда (ч. 4). Эти принципы достаточно точно воспроизводятся и конкретизируются в ст. 13 и п. 1 ст. 11 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК Беларуси).

Обратим внимание, что применительно к принципу запрещения принудительного труда в 2022 г. в ч. 4 ст. 41 Конституции Беларуси и ст. 13 ТК Беларуси произошла одна корректировка. Воспроизведем норму ч. 4 ст. 41 Конституции Беларуси (в ред. решения республиканского референдума от 27.02.2022 (ред. 04.03.2022)): «Принудительный труд запрещается, кроме работы или службы на основании судебного постановления либо в соответствии с законами о чрезвычайном и военном положениях»[19]. Позднее Законом Республики Беларусь от 30.06.2022 № 183-З аналогичным образом была скорректирована норма ч. 3 ст. 13 ТК Беларуси[20].

В прежней редакции указанной нормы речь шла о том, что не считается принудительным трудом работа, выполняемая вследствие вступившего в законную силу приговора суда, в действующей – о судебном постановлении, т. е. более широком понятии, что расширяет допустимые по закону формы обязательного труда, не подпадающие под понятие принудительного труда (к примеру, трудоустройство по решению суда лиц, обязанных возмещать расходы на содержание детей, а также направление по решению суда в лечебно-трудовые профилактории граждан, больных хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией и т. п.).

Остается дискуссионным вопрос о том, считать ли принудительным трудом обязательное распределение в Беларуси выпускников государственных учреждений образования, обучавшихся за счет бюджета (в настоящее время срок такой отработки по распределению согласно пп. 4 и 5 ст. 72 Кодекса Республики Беларусь об образовании составляет от 1 года до 2 лет в зависимости от уровня получения образования; обсуждается возможность увеличения срока такой обязательной отработки выпускниками).

В ч. 1 ст. 24 Конституции Казахстана провозглашен принцип свободы труда: «…каждый имеет право на свободу труда, свободный выбор рода деятельности и профессии»[21]. Довольно своеобразно в ч. 1 ст. 24

[17] Конституция Республики Армения (принята 06.12.2015). Сайт Президента Республики Армения. https://www.president.am/ru/constitution-2015/

[18] Сайт Парламента Армении. http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2131&lang=rus#2

[19] Официальный портал Президента Республики Беларусь. https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution

[20] Трудовой кодекс Республики Беларусь. ИПС «Эталон-онлайн». https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900296

[21] Официальный сайт Президента Республики Казахстан. https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution

Конституции Казахстана закреплен принцип запрещения принудительного труда через его ограниченное «разрешение»: «Принудительный труд допускается только на основании судебного акта о признании виновным в совершении уголовного или административного правонарушения либо в условиях чрезвычайного или военного положения»[22]. Как видим, допустимая сфера обязательного труда в Казахстане уже, чем в Беларуси, поскольку речь идет не о любых судебных постановлениях, а только о судебных актах о признании виновным в совершении уголовного или административного правонарушения.

В ст. 4 Трудового кодекса Республики Казахстан (далее – ТК Казахстана) в числе 11 принципов трудового законодательства отдельно выделены свобода труда (п. 2), также запрещение дискриминации в сфере труда, принудительного труда и наихудших форм детского труда (п. 3). Полагаем, что объединение в одном пункте трех самостоятельных принципов (запрещение дискриминации в сфере труда, запрещение принудительного труда и запрещение наихудших форм детского труда) не совсем оправдано, так как они имеют различное содержание, хотя все три являются общепризнанными принципами международного права в сфере труда. Конечно, принципиально допустимы расхождения в научном подходе к принципам трудового права и в их нормативном закреплении. Самостоятельность принципов в рамках научного подхода относительна. Так, свобода труда наиболее тесно переплетается с принципом запрещения принудительного труда, а принцип запрещения дискриминации в сфере труда дополняет собой принцип равенства работников в трудовых отношениях. Все они являются проявлением естественного трудового права. Полагаем, что несколько обособленно стоит принцип запрещения наихудших форм детского труда, который более сопряжен с идеей гуманизма. Соотношение между сущностью (правовым принципом, идеей) и явлением (нормативным воплощением) в законотворчестве может различаться, но все же законодателю следует стремиться к более точному формулированию принципов права.

Принципу запрещения принудительного труда посвящена также отдельная ст. 7 ТК Казахстана, которая Законом Казахстана от 05.11.2022 № 157-VII была скорректирована (словосочетание «вследствие приговора суда» было заменено словами «на основании судебного акта о признании виновным в совершении уголовного или административного правонарушения»)[23]. Как видим, казахстанский законодатель учел предшествующий опыт белорусского и немного расширил законодательный «люфт» для допустимых форм обязательного труда.

Согласно ч. 3 ст. 28 Конституции Кыргызской Республики запрещается принудительный труд, кроме случаев войны, ликвидации последствий стихийных бедствий и других чрезвычайных обстоятельств, а также в порядке исполнения решения суда. Не считается принудительным трудом привлечение к военной, альтернативной (вневойсковой) службе[24]. В соответствии с ч. 1 ст. 42 Конституции Кыргызстана каждый имеет право на свободу труда, распоряжаться своими способностями к труду, на выбор профессии и рода занятий, охрану и условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены, а также право на получение оплаты труда в размере не ниже установленного законом прожиточного минимума[25].

Принцип запрещения принудительного труда находит свое дальнейшую детализацию в ст. 10 Трудового кодекса Кыргызской Республики[26] (далее – ТК Кыргызстана), согласно которой принудительный труд, т. е. принуждение к выполнению работы под угрозой применения какого-либо насильственного воздействия, запрещается, кроме случаев:

– выполнения работы, которая обусловлена законодательством о воинской обязанности и военной службе или заменяющей ее альтернативной службе;

– выполнения работы в условиях чрезвычайных обстоятельств, т. е. в случаях объявления чрезвычайного или военного положения, бедствия или угрозы бедствия (пожаров, наводнений, голода, землетрясений, сильных эпидемий или эпизоотий), а также в иных случаях, ставящих под угрозу жизнь или нормальные жизненные условия всего населения или его части;

---

[22] Там же.

[23] Трудовой кодекс Республики Казахстан № 414-V ЗРК от 23.11.2015. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Адилет». https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414

[24] Конституция Кыргызской Республики. Сайт Кабинета Министров Кыргызской Республики. https://www.gov.kg/ru/p/constitution

[25] Там же.

[26] Трудовой кодекс Кыргызской Республики № 106 от 04.08.2004. Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. https://cbd.minjust.gov.kg/1505?refId=1220610

– выполнения работы вследствие вступившего в законную силу приговора суда под надзором государственных органов, ответственных за соблюдение законодательства при исполнении судебных приговоров.

Подобно рассмотренной ранее ошибке в ст. 4 ТК Казахстана, кыргызский законодатель необоснованно, на наш взгляд, поместил в ст. 10 ТК Кыргызстана принцип запрещения использования детского труда в наихудших формах вместе с запрещением принудительного труда, хотя это самостоятельные принципы трудового права.

В России принцип свободы труда нашел емкое закрепление в ч. 1 ст. 37 Конституции Российской Федерации: «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию». Еще более лапидарно в ч. 2 ст. 37 Конституции России закреплен принцип запрещения принудительного труда: «Принудительный труд запрещен»[27]. Данные нормы-принципы повторены в абз. 2 и 3 ст. 2 Трудового кодекса Российской Федерации[28] (далее – ТК РФ), а принцип запрещения принудительного труда находит свое более детализированное закрепление в ст. 4 ТК РФ.

Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ неоднократно обращались к вопросу о том, есть ли нарушение принципа запрещения принудительного труда в отдельных нормах российского законодательства, в том числе касающихся дисциплинарных переводов отдельных категорий работников (Жевняк, Жевняк, 2019, с. 270). К примеру, в п. 3.3 Определения Конституционного Суда РФ от 02.03.2006 № 60-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сазонова Владимира Григорьевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 124, 142 и 234 Трудового кодекса Российской Федерации» была высказана правовая позиция о том, что содержание конституционного принципа свободы труда предопределяет запрет принудительного труда[29]. Аналогичная позиция была повторена позднее в Определении Конституционного Суда РФ от 19.10.2010 № 1304-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Келя Сергея Ивановича на нарушение его конституционных прав абзацем пятым части второй статьи 142 Трудового кодекса Российской Федерации»[30].

В завершение сравнительного обзора данной подгруппы либертарных принципов сформулируем вывод о том, что, несмотря на расхождения формулировок и способов закрепления, в большинстве сравниваемых пяти стран ЕАЭС принципы свободы труда, права на труд и запрещения принудительного труда находят свое закрепление как в конституциях, так и в кодифицированных законах.

3. Свобода трудового договора и его осуществление в государствах – членах ЕАЭС

В отличие от ранее рассмотренных либертарных принципов трудового права, имеющих текстуальное закрепление в нормах конституций и трудовых кодексах государств – членов ЕАЭС, принцип свободы трудового договора текстуального закрепления, как правило, не имеет и выводится путем толкования (так называемый принцип, выводимый из духа закона).

Данный принцип был предметом научных исследований Л. Ю. Бугрова, С. Ю. Головиной, Р. З. Лившица, Б. М. Чубайса (Бугров, 1984; Головина, 2017, Лившиц, Чубайс, 1986) и ряда других российских ученых-юристов.

Под принципом свободы трудового договора понимается «общее нравственно-юридическое положение, означающее свободное волеизъявление работника и нанимателя по вопросам установления, изменения, прекращения трудовых отношений между ними» (Томашевский, 2009, с. 89). Данная научная дефиниция сохраняет свою актуальность и сегодня.

Свобода вступления в трудовые отношения работника и работодателя (нанимателя) вытекает уже из легальных определений трудового договора, закрепленных во всех ТК государств – членов ЕАЭС. Кроме того,

---

[27] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Ст. 37. СПС «Консультант Плюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/5e37b9644c66582efdaf762a109a281bf999c28d/

[28] Трудовой кодекс Российской Федерации № 197-ФЗ от 30.12.2001 (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024). СПС «Консультант Плюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/

[29] Определение Конституционного Суда РФ от 02.03.2006 № 60-О. СПС «Консультант». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60423/

[30] Определение Конституционного Суда РФ № 1304-О-О от 19.10.2010. СПС «Конусультант». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106949/

трудовой договор как основание возникновения трудовых отношений указывается в ст. 15–19.1 ТК РФ, ст. 13 и 14 ТК Армении, ст. 1 ТК Беларуси, п. 36 ст. 1 ТК Казахстана, ст. 13–17 ТК Кыргызстана.

Даже в ситуации, когда первоначально трудовые отношения возникают в ситуации фактического допущения к работе работодателем или в результате последующей переквалификации гражданско-правовых отношений в трудовые по решению суда предполагается свободное волеизъявление обеих сторон на вступление в данные отношения. В этом проявляется действие принципа свободы трудового договора при заключении трудового договора. В случае принуждения (насилия или угрозы) к заключению трудового договора он может быть признан недействительным, что специально урегулировано в п. 1 ст. 22 ТК Беларуси, п. 1 ст. 60 ТК Кыргызстана.

Проиллюстрируем проблемы с реализацией принципа свободы трудового договора в Беларуси применительно к стадии изменения трудового договора на примере норм о переводах в трудовом праве.

Как и в других странах ЕАЭС, по общему правилу перевод работника на другую работу, согласно ч. 2 ст. 30 ТК Беларуси, осуществляется только с письменного согласия работника. Из этого правила ТК Беларуси предусматривает три исключения, при которых переводы допускаются и без согласия работника: временный перевод в связи с производственной необходимостью (ст. 33); временный перевод в случае простоя (ст. 34); дисциплинарный перевод работников, обязанных возмещать расходы на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении (ч. 3 ст. 30).

Кроме того, в законодательстве Республики Беларусь установлены также специальные виды дисциплинарных переводов:

– понижение в должности работников прокуратуры, сотрудников органов внутренних дел, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям;

– перевод на нижеоплачиваемую работу на срок до 3 месяцев или смещение на низшую должность на этот же срок; лишение свидетельства на право управления машиниста электропоезда с переводом на другую работу в качестве слесаря, а машиниста и помощника машиниста мотовоза – на работу, не связанную с эксплуатацией транспортного средства, на срок лишения свидетельства (для работников Минского метрополитена);

– лишение члена экипажа воздушного судна права выполнения полетов (для командира воздушного судна – права выполнения полетов в прежней должности); специалиста, осуществляющего управление воздушным движением, – права управления воздушным движением; специалиста, осуществляющего техническое обслуживание воздушных судов, – права технического обслуживания воздушных судов на срок от 3 месяцев до 1 года с переводом на другую нижеоплачиваемую работу на такой же срок (Комлева и др., 2020, с. 184–185).

При решении вопроса о разрешении юридических коллизий между вышеуказанными нормами, с одной стороны, и правилами ст. 20 и ч. 2 ст. 30 ТК Беларуси, с другой, принимая во внимание принципы свободы труда, свободы трудового договора и запрещения принудительного труда, следует руководствоваться нормами нормативного правового акта, имеющего более высокую юридическую силу, т. е. ТК Беларуси.

Относительно подынститута прекращения трудового договора свобода трудового договора выражается в возможности увольнения работника по его инициативе в период действия трудового договора. Обратим внимание на то, что в трудовом законодательстве четырех из пяти государств – членов ЕАЭС (кроме Беларуси) такое право за работниками закрепляется, причем независимо от того, какой вид трудового договора (на неопределенный срок или срочный) с ними заключен. В Республике Беларусь право свободного увольнения по желанию работника увязывается только с трудовыми договорами на неопределенный срок, которые на практике почти не заключаются. Большинство же работников, принятых по срочным трудовым договорам (в том числе контрактам) такого права лишены и могут уволиться только по соглашению сторон (но для этого требуется согласие нанимателя) или по требованию работника (для этого требуется уважительная причина или установленный компетентным органом факт нарушения нанимателем законодательства о труде, коллективного или трудового договора). О том, что данная концепция расторжения трудового договора противоречит основополагающему принципу свободы труда и запрещению принудительного труда, верно писали С. Ю. Головина (Головина, 2017, с. 16) и белорусские авторы.

Пермский исследователь А. С. Кудрин не без основания усматривал проявления принудительного труда в норме подп. 1.2 п. 1 Декрета Президента Республики Беларусь от 08.12.2012 № 9 «О дополнительных мерах по развитию деревообрабатывающей отрасли» (в настоящее время этот декрет уже утратил силу), согласно которой расторжение контракта в период реализации инвестиционных проектов по инициативе работника базовой организации возможно было только с согласия нанимателя (Кудрин, 2016, с. 151–152).

Свободу работодателя в расторжении трудового договора законодатель должен ограничить, учитывая социальную и защитную функции трудового права и принимая во внимание то, что работодатель – более сильная сторона трудового отношения по сравнению с работником.

4. Свобода объединения (ассоциации) в сфере труда и проблемы с ее реализацией в государствах – членах ЕАЭС

Согласно ч. 1 ст. 45 Конституции Армении «Свобода объединений», каждый имеет право на свободное объединение с другими лицами, включая право на создание в целях защиты трудовых интересов профессиональных союзов и на вступление в них. Никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо частное объединение[31]. Схожие положения о свободе объединения, в том числе в профсоюзы, можно встретить и в других основных законах государств – членов ЕАЭС (ст. 36 и ч. 3 ст. 41 Конституции Беларуси, ст. 23 Конституции Казахстана, ч. 1 ст. 8 и ст. 36 Конституции Кыргызстана, ст. 30 Конституции РФ). Дальнейшее развитие свобода объединения и основные принципы социального партнерства находят в трудовых кодексах сравниваемых пяти государств.

К либертарным принципам трудового права, относящимся к коллективному трудовому праву и вытекающим из свободы объединения, можно отнести, в частности:

– свободу объединения граждан в профсоюзы;

– свободу объединения (ассоциации) работодателей (нанимателей);

– свободу ведения коллективных переговоров (здесь стоит заметить, что эта свобода ограничена, т. е. любая из сторон вправе инициировать начало ведения коллективных договоров, а другая сторона в установленный в законе срок (как правило, в семидневный срок; в Казахстане – в десятидневный срок) должна вступить в коллективные переговоры);

– добровольность принятия на себя обязательства и свободу заключения коллективного договора, соглашения. Если стороны не могут договориться по всем пунктам коллективного договора, то в этом случае коллективный договор заключается на согласованных между сторонами условиях, а по несогласованным пунктам составляется протокол разногласия – ст. 38 ТК РФ и ст. 150 ТК Казахстана, хотя в ТК некоторых стран ЕАЭС (Армении, Беларуси и Кыргызстана) этот момент не столь четко урегулирован.

С реализацией принципа свободы объединения и действенного признания права на ведение коллективных переговоров в некоторых странах ЕАЭС (в особенности в Беларуси, Казахстане и Кыргызстане) в разные годы независимости были проблемы с реализацией на практике, что было также и предметом разбирательств в рамках контрольных органов МОТ (в отношении Беларуси была принята отдельная резолюция на Международной конференции труда в 2023 г.). В основном эти проблемы так или иначе связаны с ограничением прав независимых (демократических) профсоюзов в пользу крупных профсоюзных объединений и вмешательством в свободу объединения граждан со стороны государств. Как отмечал М. Х. Хасенов, в законодательстве ряда государств ЕАЭС «имеются нормы, нарушающие право на свободу объединения», о чем неоднократно в своих докладах и рекомендациях отмечал Комитет экспертов по применению конвенций и рекомендаций МОТ. Комитетом по свободе объединения МОТ неоднократно были инициированы дела по жалобам на нарушения права на свободу объединения: в отношении Беларуси – 3 дела, в отношении Казахстана – 4 дела, России – 19 дел (Хасенов, 2020, с. 165).

Казахстанский ученый-юрист Е. Н. Нургалиева критически оценила нововведения Закона Казахстана «О профессиональных союзах», которые были направлены против независимых профсоюзов и в пользу крупного профцентра – Федерации профсоюзов Казахстана (Нургалиева, 2015). Кыргызский исследователь К. С. Раманкулов приходит к выводу о существенном несоответствии, в частности, ст. 11–15 Закона Республики Казахстан от 27.06.2014 № 211-V «О профессиональных союзах» и ст. 7–12 нового Закона (проекта) Кыргызской Республики «О профессиональных союзах» принципам ст. 2 и 11 Конвенции МОТ № 87 (Раманкулов, 2021). Об отступлениях от свободы объединения в Беларуси писали ранее мы (Томашевский 2022); применительно к России – Е. С. Герасимова, Н. Л. Лютов, Ю. Е. Островская и др. (Лютов, Герасимова, 2015; Герасимова и др., 2018), но на конкретных примерах этих отступлений останавливаться не будем.

[31] Конституция Республики Армения. Сайт Президента Республики Армения. https://www.president.am/ru/constitution-2015/

Заключение

Сформулируем основные выводы по итогу проведенного теоретического и сравнительно-правового анализа либертарных принципов трудового права в государствах – членах ЕАЭС.

Либертарные принципы трудового права – это руководящие идеи, в которых воплощается свобода и которые лежат в основе построения данной отрасли права, определяют направление ее дальнейшего развития в регламентации трудовых и непосредственно связанных с ними отношений.

К либертарным принципам трудового права следует отнести:

– свободу движения рабочей силы;

– свободу труда и право на труд;

– запрещение принудительного труда;

– свободу договора (конкретизируемую как принципы свободы трудового договора; свободы коллективного договора, соглашения);

– свободу объединения (ассоциации);

– свободу коллективных переговоров, свободу выбора при обсуждении вопросов, входящих в сферу труда, добровольность принятия сторонами на себя обязательств (как основные принципы социального партнерства).

Данные принципы имеют различные места расположения в системе принципов трудового права, а также степень закрепления и детализации (некоторые являются нормами-принципами, другие выводятся из духа закона).

Проведенный сравнительно-правовой анализ трудового законодательства и практики его применения и соблюдения, в том числе с учетом позиции контрольных органов МОТ, показывает, что наибольшие проблемы в государствах – членах ЕАЭС по-прежнему связаны с реализацией принципа свободы объединения (по отношению к профсоюзам), несколько меньше проблем, хотя они все еще остаются с принципами свободы труда, права на труд, запрещения принудительного труда.

Естественно-правовые начала свободы, воплощаемые в либертарных принципах трудового права, хотя в достаточной степени проникли в позитивное право стран ЕАЭС, в их правовую материю, все еще с трудом пробивают себе дорогу в реальные общественно-трудовые отношения, в живое трудовое право.

Список литературы

Бугров, Л. Ю. (1984). *Свобода труда и свобода трудового договора в СССР*. Красноярск: Изд-во Красноярского университета.

Бугров, Л. Ю. (1992a). *Проблемы свободы труда в трудовом праве России*. Пермь: Изд-во Пермского университета.

Бугров, Л. Ю. (1992b). *Проблема свободы труда в советском трудовом праве*: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва.

Василевич, Г. А., Вишневский, А. Ф., Кучинский, В. А., Томашевский, К. Л. (ред.). (2022). Современные проблемы белорусского законодательства в условиях конституционных преобразований: монография. Минск: Амалфея.

Волк, Е. А., Костевич, К. С., Попок, Е. М., Томашевский, К. Л. (2015). *Идея свободы в трудовом праве*: монография. Минск: Амалфея. https://www.mitso.by/images/2022/kaf_grazhd_prav_distc/tomashevskii_idea_svobody.pdf

Герасимова, Е. С., Островская, Ю. Е., Бирюзов П. В. (2018). *Свобода объединения в современной России: практика, проблемы, опыт защиты*: монография. АНО «Центр социально-трудовых прав».

Головина, С. Ю. (2017). Особенности трудового договора по законодательству государств – членов ЕАЭС. *Российское право. Образование, практика, наука*, 3, 9–18.

Дмитриева, И. К. (2004). *Принципы российского трудового права*: монография. Москва: РПА МЮ РФ.

Дробязко, С. Г. (2005). Принципы в праве. В сб. С. А. Балашенко (гл. ред.), *Проблемы развития юридической науки и совершенствование правоприменительной практики*: сборник науч. трудов (с. 27–33). Минск: Изд-во БГУ.

Жевняк, О. В., Жевняк, М. П. (2019). Российская судебная практика о квалификации принудительного труда. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия. Право*, 2, 259–272.

Иванов, С. А., Лившиц, Р. З. (1982). *Личность в советском трудовом праве*. Москва: Наука.

Комлева К. С., Томашевский К. Л. (2020). Комментарий к статье 30 Трудового кодекса Республики Беларусь. В кн. Г. А. Василевич (ред.), *Постатейный комментарий Трудового кодекса Республики Беларусь*. Регистр.

Кудрин, А. С. (2016). *Антиправовое воздействие в трудовом праве России: теория и практика*: монография. Пермь: Пермский филиал РАНХиГС.

Лившиц, Р. З., Чубайс, Б. М. (1986). *Трудовой договор*. Москва: Наука.

Лютов, Н. Л., Герасимова, Е. С. (2015) *Международные трудовые стандарты и российское трудовое законодательство*: монография (2-е изд., доп. и перераб.). Москва: Центр социально-трудовых прав. https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/osmhvmfzb2/150990875.pdf

Нерсесянц, В. С. (1983) *Право и закон. Из истории правовых учений*: монография. Москва: Наука.

Нургалиева, Е. Н. (2015). Профессиональные союзы в новом правовом поле Казахстана. В сб. *Право и национальные интересы в современной геополитике: доклады исполнительного комитета к Девятой сессии Европейско-Азиатского правового конгресса* (с. 73–76). Екатеринбург: Изд. дом Уральск. гос. юрид. ун-та.

Подшивалов, Т. П., Кванина, В. В., Сагандыков, М. С. (Ред.). (2018). *Принципы частного права*: монография. Москва: Проспект.

Раманкулов, К. С. (2021). Проблемы свободы объединения: сравнительно-правовое исследование норм законов о профессиональных союзах государств Евразийского экономического союза с учетом международных трудовых стандартов. *Актуальные проблемы российского права*, *16*(2), 165–174. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.123.2.165-174

Смирнов, О. В. (1977). *Основные принципы советского трудового права*. Москва: Юридическая литература.

Томашевский, К. Л. (2009). *Очерки трудового права. История, философия, проблемы систем и источников*. Минск: Изд. центр БГУ. https://law.bsu.by/pub/28/4135.pdf

Томашевский, К. Л. (2021). Проблемы свободы объединения и сферы действия коллективных договоров в Беларуси как вызов международным трудовым стандартам. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*, *12*(4), 1082–1094. https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.417

Хасенов, М. Х. (2020). Совершенствование нормативно-правовой основы социального партнерства в государствах Евразийского экономического союза с учетом международных трудовых стандартов. *Lex Russica*, *73*(1), 160–175. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.158.1.160-174

Ershov, V. V., & Ershova, E. A. (2021). Nature and classification of special principles of national labour law. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, *1*, 123–130. https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.108

References

Bugrov, L. Yu. (1984). *Liberty of labor and liberty of labor contract in the USSR*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Publishers. (In Russ.).

Bugrov, L. Yu. (1992a). *Issues of the liberty of labor in the Russian labor law.* Perm: Perm State University Publishing House. (In Russ.).

Bugrov, L. Yu. (1992b). *Issue of the liberty of labor in the Soviet labor law:* abstract of Dr. Sci. (Law) thesis. Moscow. (In Russ.).

Dmitrieva, I. K. (2004). *Principles of the Russian labor law*: monograph. Moscow: RPA MYU RF. (In Russ.).

Drobyazko, S. G. (2005). *Principles in law*. In. S. A. Balashenko (chief ed.), *Issues of juridical science development and improving law-enforcement practice*: collection of scientific works (pp. 27–33). Minsk: Belarusian State University Publishing House. (In Russ.).

Ershov, V. V., & Ershova, E. A. (2021). Nature and classification of special principles of national labour law. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, *1*, 123–130. https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.108

Gerasimova, E. S., Ostrovskaya, Yu. E., & Biryuzov, P. V. (2018). *Liberty of associations in modern Russia: practice, problems, experience of protecting*: monograph. ANO "Tsentr sotsialno-trudovykh prav". (In Russ.).

Golovina, S. Yu. (2017). Features of a labor contract according to legislation of EAEU member states. *Russian Law: Education, Practice, Researches*, 3, 9–18. (In Russ.).

Ivanov, S. A., & Livshits, R. Z. (1982). *Personality in the Soviet labor law*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

Khasenov, M. Kh. (2020). Improving the legal framework for social partnership in the Eurasian Economic Union States under international labor standards. *Lex Russica*, *73*(1), 160–174. (In Russ.). https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.158.1.160-174

Komleva, K. S., & Tomashevsky, K. L. (2020). Commentary to Article 30 of the Labor Code of the Republic of Belarus. In Vasilevich, G. A. (Ed.), *Article-for-article commentary to the Labor Code of the Republic of Belarus*. Register.

Kudrin, A. S. (2016). *Anti-legal impact in the Russian labor law: theory and practice*: monograph. Perm: Perm branch of RANEPA. (In Russ.).

Livshits, R. Z., & Chubais, B. M. (1986). *Labor contract*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

Lyutov, N. L., & Gerasimova, E. S. (2015). *International labor standards and the Russian labor law*: monograph (2d ed.). Moscow: Tsentr sotsialno-trudovykh prav. (In Russ.). https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/osmhvmfzb2/150990875.pdf

Nersesyants, V. S. (1983) *Law and order. From the history of legal doctrines*: monograph. Moscow: Nauka. (In Russ.).

Nurgalieva, E. N. (2015). Professional unions in the new legal environment of Kazakhstan. In *Law and international interests in modern geopolitics: reports of the Executive Committee for the 9th session of the European-Asian Legal Congress* (pp. 73–76). Yekaterinburg: Ural State Law University named after V. F. Yakovlev Publishing House. (In Russ.).

Podshivalov, T. P., Kvanina, V. V., & Sagandykov, M. S. (Eds.). (2018). *Principles of private law*: monograph. Moscow: Prospect. (In Russ.).

Ramankulov, K. S. (2021). The problem of freedom of association: a comparative legal study of provisions of laws on trade unions of the states of the Eurasian economic union, taking into account international labor standards. *Actual Problems of Russian Law*, *16*(2), 165–174. (In Russ.). https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.123.2.165-174

Smirnov, O. V. (1977). *Main Principles of the Soviet labor law*. Moscow: Yuridicheskaya literatura. (In Russ.).

Tomashevski, K. L. (2009). *Sketches on labor law. History, philosophy, problems of systems and sources*. Minsk: Belarusian State University Publishing House. (In Russ.). https://law.bsu.by/pub/28/4135.pdf

Tomashevski, K. L. (2022). Problems of freedom of association and scope of collective agreements in Belarus as a challenge to international labor standards. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, *12*(4), 1082–1094. (In Russ.). https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.417

Vasilevich, G. A., Vishnevskii, A. F., Kuchinskii, V. A., & Tomashevskii, K. L. (Eds.). (2022). *Modern problems of the Belarusian legislation under constitutional reforms:* monograph. Minsk: Amalfeya. (In Russ.).

Volk, E. A., Kostevich, K. S., Popok, E. M., & Tomashevskii, K. L. (2015). *Idea of liberty in labor law*: monograph. Minsk: Amalfeya. (In Russ.). https://www.mitso.by/images/2022/kaf_grazhd_prav_distc/tomashevskii_idea_svobody.pdf

Zhevnyak, O. V., & Zhevnyak, M. P. (2019). Russian judicial practice on the qualification of forced labor. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Pravo*, 2, 259–272. (In Russ.).

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 09.01.2024
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 18.02.2024
Дата принятия в печать / Accepted 20.02.2024

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ / CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Редактор рубрики *И. Р. Бегишев* / Rubric editor *I. R. Begishev*

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.148-189**
УДК 343.9

П. А. Кабанов[1, 2]

[1] *Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород, Россия*

[2] *Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова, г. Казань, Россия*

Прасковья Николаевна Тарновская и ее вклад в российскую, европейскую и мировую криминологию: историко-криминологическое исследование

Кабанов Павел Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии, Нижегородская академия МВД России; профессор кафедры уголовного права и процесса, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова
E-mail: kabanovp@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2964-004X
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/ D-7776-2015
eLIBRARY SPIN-код: 5342-0391

Аннотация

Цель: описание и оценка вклада Прасковьи Николаевны Тарновской в российскую, европейскую и мировую криминологию на основе анализа ее трудов и мнений экспертов.

Методы: общенаучные (анализ, синтез, сравнение, группировка, моделирование, интерпретация) и специальные (историко-правовой, контент-анализ публикаций в средствах массовой информации), которые применяются в современной криминологической науке.

Результаты: выявлены и введены в научный оборот новые литературные источники – произведения Прасковьи Николаевны Тарновской, опубликованные в конце XIX – начале XX в. на русском и иностранных языках по вопросам противодействия женской преступности. Определен значительный вклад П. Н. Тарновской в формирование и развитие российской, европейской и мировой криминологической науки.

Научная новизна: впервые в криминологической науке проведена оценка содержания максимального количества литературных источников одной из основоположников мировой криминологии П. Н. Тарновской, опубликованных на русском, французском и итальянском языках. Осуществлен мониторинг оценки произведений П. Н. Тарновской ее современниками на основе опубликованных в научных периодических изданиях рецензий, отзывов и иной информации. Внесено предложение по разработке самостоятельного направления российской криминологии – исторической криминологии.

© Кабанов П. А., 2024

Практическая значимость: работа может быть использована при подготовке учебников, учебных пособий и иных учебных материалов по курсу «Криминология» и наполнить новым содержанием раздел «История отечественной криминологии», а также для теоретической разработки нового научного направления мировой, европейской и отечественной криминологии – исторической криминологии.

Ключевые слова:

уголовное право и криминология, криминология, криминальная антропология, П. Н. Тарновская, историческая криминология, преступность, личность преступника, этиология преступности

Благодарности

Автор выражает искреннюю признательность за предоставление сведений о сроках работы П. Н. Тарновской в Психиатрической больнице Святого Николая Чудотворца главному врачу Санкт-Петербургского государственного казенного учреждения здравоохранения «Психиатрическая больница Святого Николая Чудотворца» Комитета по здравоохранению Правительства Санкт-Петербурга Отмахову Андрею Павловичу; библиотекарю 1-й категории Сунгатуллиной Милавше Замиловне и другим сотрудникам Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета за помощь в подборке литературы, своевременность ее предоставления и благоприятную атмосферу сотрудничества; Григорьеву Руслану Аркадиевичу, заместителю директора НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова, за подборку и предоставление литературных источников на иностранных языках XIX–XXI вв. по исследуемой проблематике.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Кабанов, П. А. (2024). Прасковья Николаевна Тарновская и ее вклад в российскую, европейскую и мировую криминологию: историко-криминологическое исследование. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 148–189. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.148-189

Scientific article

P. A. Kabanov[1, 2]

[1] *Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation, Nizhniy Novgorod, Russia*

[2] *Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia*

Praskovya Nikolayevna Tarnovskaya and her contribution to the Russian, European and global criminology: historical and criminological research

Pavel A. Kabanov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminology, Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation; Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
E-mail: kabanovp@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2964-004X
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/ D-7776-2015
eLIBRARY SPIN-код: 5342-0391

Abstract

Objective: to describe and evaluate the contribution of Praskovya Nikolayevna Tarnovskaya to the Russian, European and world criminology based on the analysis of her works and expert opinions.

Methods: general scientific (analysis, synthesis, comparison, grouping, modeling, interpretation) and special (historical-legal, content analysis of media publications) scientific methods, which are used in modern criminological science.

Results: new literary sources were identified and introduced into the scientific turnover, i.e. Praskovya Nikolayevna Tarnovskaya's works published in the late 19th – early 20th century in Russian and foreign languages and devoted to the issues of combating female criminality. The significant contribution of P. N. Tarnovskaya to the formation and development of the Russian, European and world criminological science was established.
Scientific novelty: for the first time in criminological science, the content of a maximum number of literary sources by P. N. Tarnovskaya, one of the founders of the world criminology, published in Russian, French and Italian languages, was assessed. Based on the reviews, commentaries and other information published in scientific periodicals, the author monitored how P. N. Tarnovskaya's contemporaries assessed her works. A proposal is made to develop a new branch of Russian criminology – historical criminology.
Practical significance: the work can be used to prepare textbooks, manuals and other teaching materials on the course "Criminology" and to fill with new content the section "History of the Russian criminology". It may also be useful for the theoretical development of a new scientific area of the world, European and Russian criminology – historical criminology.

Keywords:
criminal law and criminology, criminology, criminal anthropology, P. N. Tarnovskaya, historical criminology, criminality, criminal personality, etiology of crime

Acknowledgements
The author is sincerely grateful to Andrey Pavlovich Otmakhov, Chief Medical Officer of Saint Petersburg State Medical Establishment "Saint Nicolas Psychiatric Hospital"– for providing information about the period of P. N. Tarnovskaya working at Saint Nicolas Psychiatric Hospital; a librarian of the 1st category Milavsha Zamilovna Sungatullina and other staff members of Scientific Library named after N. I. Lobachevskiy of Kazan (Volga) Federal University – for assistance in selecting and timely delivering literature and for favorable cooperative environment; to Ruslan Arkadiyevich Grigoryev, Deputy Director of Scientific-research Institute for Socio-Economic Issues at Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov – for selecting and providing foreign literature sources of the 19th – 21st cc. on the topic under study.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Kabanov, P. A. (2024). Praskovya Nikolayevna Tarnovskaya and her contribution to the Russian, European and global criminology: historical and criminological research. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 148–189. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.148-189

Введение

Преступность сопровождает человечество с момента его возникновения. Она развивается вместе с ним, трансформируется под новые условия жизни, сохраняя свой разрушительный потенциал. Противодействие этому явлению со временем получило научные основы в виде самостоятельной науки – криминологии, исследующей не только преступность, ее причины, личность преступника, но и вырабатывающей меры сдерживания этого негативного явления. С учетом богатого опыта противостояния человечества преступности криминологические исследования довольно часто начинаются с обзора работ предшественников, начиная с отцов-основателей этой области научных знаний – Кетле (Ламбер Адольф Жак Кетле – Lambert-Adolph-Jacques Quetelet), Беккариа (Чезаре Беккариа Бонезана – Cesare Beccaria Bonesana), Бентама (Иеремия Бентам – Jeremy Bentham), Ломброзо (Чезаре Ломброзо – Cesare Lombroso) и других специалистов, получивших широкую известность и признание в мировой криминологической науке. Для сохранения исторического наследия указанных авторов их работы периодически переиздаются на различных языках мира. В современной российской криминологической науке произведения этих (Беккариа, 2004; Ломброзо, 2004) и некоторых других авторов вышли в свет в серии «Библиотека криминолога» московского издательства «ИНФРА-М» (всего 12 книг в период с 2004 по 2016 г.). Фактически этими работами для российских читателей XXI в. представляются труды выдающихся криминологов прошлого, чей вклад в мировую криминологию признан и оценен совре-

менниками. Необходимо отметить, что развитие мировой теоретической криминологии привело к тому, что стала очевидной необходимость нового прочтения работ классиков мировой криминологии и формирования нового направления – исторической криминологии, в котором бы нашлось место не только уже известным произведениям основателей криминологии, но и работам незаслуженно забытых криминологов прошлого.

Современная российская криминология, являясь продолжательницей советской криминологии, как правило, сохранила прежнюю структуру и предусматривает обращение к историческим вопросам развития самой науки. Это отражается не только в научных произведениях, но и в учебниках и учебных пособиях. Однако со временем в исторических разделах все больше уделяется внимания новейшей криминологии и все меньше – достижениям советской и дореволюционной российской криминологии. Отдельные представители криминологической науки прошлого по неизвестным причинам выпадают из учебников и монографий, а их произведения предаются забвению. Среди тех, кого нечасто упоминают отечественные исследователи и авторы учебников по криминологии, оказалась наша соотечественница, выдающаяся представительница мировой криминологической науки Прасковья Николаевна Тарновская. Здесь необходимо отметить, что отдельные произведения, посвященные ее научному творчеству, в современной российской науке появлялись, но носили общий описательный характер (Ворошилова, 2020) либо касались исследований ею частных вопросов противодействия отдельным видам женской преступности (Белоусов, 2013; Лопатюк, 2020; Луговенко, 2012). В то же время крупных историко-криминологических исследований, позволяющих адекватно оценить вклад П. Н. Тарновской в мировую, европейскую и отечественную криминологию, до настоящего времени российскими криминологами не проводилось. В связи с этим можно говорить о наличии научной новизны проведенного нами историко-криминологического исследования, а введение в научный оборот незаслуженно забытых произведений указанного автора, опубликованных в России и за рубежом на иностранных языках, – о практической и теоретической значимости.

Объект исследования – общественные отношения, регулирующие противодействие преступности и ее отдельным видам.

Предмет исследования – особенности взглядов П. Н. Тарновской на предмет и методику антропологических исследований преступников, специфика проводимых ею антропологических исследований преступников, влияние проведенных ею исследований на развитие мировой, европейской и российской криминологии.

Цель исследования – определение вклада в формирование и развитие мировой, европейской и российской криминологии Прасковьи Николаевны Тарновской.

Задачи исследования – найти, описать и оценить:

– наиболее значимые научные произведения П. Н. Тарновской, опубликованные в России, и при необходимости ввести их повторно в научный оборот;

– наиболее значимые научные произведения П. Н. Тарновской, опубликованные за рубежом, и ввести их в научный оборот;

– произведения современников П. Н. Тарновской, отражающие ее вклад в развитие отечественной, европейской и мировой криминологии;

– работы зарубежных специалистов, характеризующих влияние произведений П. Н. Тарновской на состояние и развитие отечественной, европейской и мировой криминологии.

Методология и методика исследования. Методологической основой проведенного исследования является диалектический материализм и основанные на нем общенаучные методы познания, используемые в криминологии. Основным методом научного исследования является контент-анализ научных произведений П. Н. Тарновской, отзывов, рецензий, обзоров и иной информации специалистов по опубликованным произведениям П. Н. Тарновской.

Эмпирическая база нашего исследования включает в себя:

– произведения П. Н. Тарновской, изданные в России и за рубежом, – 48 единиц;

– рецензии на произведения П. Н. Тарновской, опубликованные в научных периодических изданиях Российской империи, – 6 единиц;

– рецензии на произведения П. Н. Тарновской, опубликованные в научных периодических изданиях за рубежом, – 24 единицы;

– обзоры (рефераты) и иные информационные данные о произведениях П. Н. Тарновской, опубликованные в Российской империи и за рубежом, – 57 единиц;

– некрологи, опубликованные в российских и зарубежных средствах массовой информации в связи со смертью П. Н. Тарновской, – 11 единиц;

– произведения авторов различных поколений, содержащие экспертную оценку научных произведений П. Н. Тарновской и ее вклада в отечественную, европейскую и мировую криминологию, – 36 единиц;

– произведения современных российских криминологов, отражающие историю криминологии и историю противодействия женской преступности, – 217 единиц.

Хронологические рамки исследования охватываются периодом с 1872 по 1911 г. Это обусловлено тем, что именно в это время наиболее полно проявились творческие и организационные способности П. Н. Тарновской по проведению криминолого-антропологических исследований и публикации их результатов, а также были изданы произведения, содержащие оценку ее трудов. В то же время мы сделали отдельные исключения из этого периода, обусловленные тем, что оценку ее трудов и вклад в отечественную, европейскую и мировую криминологию до сих пор объективно не в полном объеме определен. Дискуссии по вопросу вклада Прасковьи Николаевны в криминологическую науку продолжаются на страницах научных периодических изданий до настоящего времени.

Территориальные рамки исследования нами не устанавливались в силу ряда причин. Во-первых, П. Н. Тарновская являлась одним из лидеров российской, европейской и мировой криминологической науки конца XIX – начала XX в., ее труды распространялись по всему миру, а не ограничивались каким-либо одним государством или континентом. Во-вторых, она в разное время проживала и в Российской империи, и за ее пределами (Париж и Ницца, Франция; Рим, Италия). В-третьих, П. Н. Тарновская в совершенстве владела не только литературным русским языком, но и несколькими иностранными языками (немецкий, французский, итальянский), на которых написано значительное количество ее научных произведений.

Процесс и результаты проведенного исследования

Предпосылки, повлиявшие на научную любознательность Прасковьи Николаевны Тарновской и выбор профессии

Козлов
Николай Илларионович

Прасковья Николаевна Тарновская родилась в 1847 г. в семье известного военного врача, выпускника Императорского Казанского университета 1833 г., доктора медицины, профессора, действительного тайного советника Козлова Николая Илларионовича. Ее отец был известен не только трудами в области медицины, но и тем, что занимал высокие должности в Министерстве внутренних дел и в военном ведомстве Российской империи. Кроме того, он в 1869–1871 гг. был начальником Императорской медико-хирургической академии, а в последующем состоял в должности главного военно-медицинского инспектора. Научные интересы и труды профессора Н. И. Козлова были связаны с патологическими изменениями человека, и не только биологическими патологиями, но социальными, например, самоубийством (Козлов, 1844). Исследователи творчества и организаторских способностей Н. И. Козлова отмечают его значительный вклад в развитие отечественной военной медицины (Егорышева, 2014; Кривенко, 1902; Н. И. Козлов, главный…, 1878, с. 173). По мнению женщин-врачей, вклад отца Прасковьи Николаевны заключался еще и в том, что он был одним из инициаторов создания и формирования в Российской империи женского высшего медицинского образования (Драгневич, 1893; К двадцатипятилетию…, 1903; Шабанова, 1886, 1904). Возможно, дополнительным фактором, повлиявшим на выбор специальности «медицина», являлось и то обстоятельство, что родной брат ее отца, Козлов Александр Илларионович, выпускник Императорского Казанского университета 1836 г., доктор медицины, профессор акушерства и женских болезней, декан медицинского факультета этого же вуза (1863–1872 гг.), также успешно занимался исследованиями в области медицины[1] (Груздев, 1904). Безусловно,

[1] Груздев, В. С. (1904). Козлов Александр Илларионович, профессор акушерства и женских болезней. В кн. Н. П. Загоскин (ред.), Библиографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета: за сто лет (1804–1904). В 2 ч. (с. 228–231). Казань: типо-лит. Имп. ун-та.

Тарновская
Прасковья Николаевна

под влиянием научных воззрений отца, дяди, а после замужества и мужа Вениамина Михайловича Тарновского она приняла решение о продлении династии врачей и получении высшего медицинского образования. Вениамин Михайлович имел степень доктора медицины, звание тайного советника, должность профессора Императорской медико-хирургической академии. В последующем его признали основателем российской научной школы венерологии. Он был сторонником женского высшего медицинского образования, как и отец Прасковьи Николаевны (Ашурков, 1957). Для получения медицинского образования и занятия медицинской деятельностью П. Н. Тарновская в 1872 г. поступила на Высшие женские курсы ученых акушерок при Санкт-Петербургской Императорской медико-хирургической академии. В процессе обучения Высшие курсы ученых акушерок были переименованы в Высшие женские врачебные курсы при Николаевском военном госпитале с продлением срока обучения с четырех до пяти лет. Эти курсы ей успешно были окончены в 1878 г. с получением документа об образовании, а в последующем специального знака отличия «женщина-врач». В процессе образовательной деятельности у Прасковьи Николаевны, как и у некоторых других слушательниц, проявились способности к научно-исследовательской деятельности. Это было обусловлено тем, что в течение всего периода обучения на женских врачебных курсах слушательницы проводили собственные исследования, которые в последующем публиковали в научных периодических изданиях не только в России, но и за рубежом. По краткому перечню научных публикаций слушательниц этих курсов, опубликованному в книге преподававшего на женских врачебных курсах доктора медицины, ординарного профессора Военно-медицинской академии Петра Петровича Сущинского, П. Н. Тарновской за весь период обучения и существования названных курсов были подготовлены четыре научные публикации по медицине (Сущинский, 1883, с. 32). Автор этого списка без ссылок на источники публикаций указал следующие наименования произведений, принадлежащие П. Н. Тарновской: Dysthimia neuralgica, «О влиянии острых процессов на психоз», «О влиянии температуры на развитие спор грибков Penicillium glaucum и Rhizopus nigricas» и «Реферат книги Бильрота: Untersuchungen uber die Vegetationsformen von Coccabactrien». При поиске нами этих и других произведений П. Н. Тарновской (Тарновская, 1881a, 1881b, 1872, 1885b, 1884a, 1884b), а также при обработке иной информации (рецензий, отзывов, обзоров) по ее работам выяснилось, что в начале научного пути значительное количество работ П. Н. Тарновской было посвящено отдельным вопросам психиатрии (Ковалевский, 1884a, 1884b). Некоторые из опубликованных работ имели высокую научную ценность, поэтому развернутые письменные отзывы о них, публиковались в отраслевых медицинских изданиях (Степанов, 1881). Научный интерес к исследованиям в области психиатрии можно объяснить тем, что после окончания вуза Прасковья Николаевна устроилась врачом Психиатрической больницы Святого Николая Чудотворца в Санкт-Петербурге с 1878 г. (Санкт-Петербургская психиатрическая больница…, 2012; Свистун, 2015) по 1885 г.[2], а в последующем стала практиковать медицинскую деятельность в качестве врача-психиатра на дому по адресу: Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, д. 104, кв. 4[3], где она проживала с мужем. Занятие П. Н. Тарновской частной практикой позволило ей больше сосредоточиться на научно-исследовательской деятельности, которую поддерживали ее отец и муж, также интенсивно занимавшийся научными исследованиями не только в области медицины, но и отдельных аспектов криминальной антропологии – особенностями девиантного поведения проституток (Prostitution…, 1890; Тарновский, 1890, 1888).

[2] Письмо главного врача Санкт-Петербургского государственного казенного учреждения здравоохранения «Психиатрическая больница Святого Николая Чудотворца» Комитета по здравоохранению Правительства Санкт-Петербурга от 30 января 2024 г. № 524 Отмахова Андрея Павловича, подтверждающее срок работы Прасковьи Николаевны Тарновской в этом медицинском учреждении. Документ опубликован не был и находится в личном архиве автора.

[3] Весь Петербург на 1900 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. (1900). Санкт-Петербург: издание А. С. Суворина; Весь Петербург на 1906 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. (1906). Санкт-Петербург: издание А. С. Суворина; Полный список адресов С.-Петербургских врачей 1884 года. (1884). Санкт-Петербург: Издание Александра Ванцеля; типография Э. Аргольда; Список женщин-врачей Санкт-Петербурга. (1905). В изд. П. Н. Ареян (сост.), Первый женский календарь (С. 103). Санкт-Петербург: первая скоропечатная «Труд».

В связи с изложенными выше положениями можно предположить, что основными предпосылками научно-исследовательской деятельности в области криминальной антропологии Прасковьи Николаевны Тарновской явились:

– сформированная внутренняя потребность к самосовершенствованию в процессе обучения на женских высших медицинских курсах и в кругу семьи;

– благоприятная внешняя окружающая среда, позволяющая проводить собственные научные исследования;

– поддержка ее творческих способностей близкими членами семьи, обладавшими выдающимися достижениями в медицине, и ее организации (отцом, дядей и мужем);

– высокий уровень профессиональной подготовки, включающей в себя не только знания, умения и навыки в медицинской и научно-исследовательской деятельности, но и знание нескольких иностранных языков.

Процесс становления Прасковьи Николаевны Тарновской как одного из крупных представителей российской, европейской и мировой криминальной антропологии

После окончания женских высших медицинских курсов их выпускницы, женщины-врачи, пользовались особым вниманием со стороны общества и средств массовой информации. Чаще всего заметки в средствах массовой информации были обусловлены либо их значимыми (знаменательными) событиями (достижениями)[4], созданием специальных общественных организаций помощи женщинам-врачам[5], либо профессиональными юбилеями, например, 20-летием первого выпуска женщин-врачей с позитивной оценкой профессиональной деятельности выпускниц женских врачебных курсов, в том числе врача-психиатра П. Н. Тарновской[6] (Петербуржец…, 1898). Однако популярность и признание в научном сообществе ей принесли не медицинская практика и не исследования в области психиатрии, которые оценивались специалистами высоко, а научные исследования в области модного тогда в Европе направления – криминальной антропологии. Увлеченность П. Н. Тарновской этим направлением исследовательской деятельности была вызвана трудами итальянских тюремных медиков, которые активно представляли результаты своих антропологических исследований преступников на международных мероприятиях, публиковали их в научных периодических изданиях. Наибольший интерес для современников представляли работы доктора медицины, профессора психиатрии и уголовной антропологии Туринского университета Чезаре Ломброзо. Именно эти произведения П. Н. Тарновская не просто читала в подлинниках, опубликованных на итальянском и/или французском языках, а со знанием дела готовила по ним обстоятельные критические обзоры и рецензии. Первой ее обзорной работой, получившей известность в России, можно считать подробный обзор монографического исследования Чезаре Ломброзо «Гениальность и помешательство», опубликованный в специализированном научном издании «Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии» (Тарновская, 1883). Указанное произведение Чезаре Ломброзо, положительно оцененное П. А. Тарновской, в последующем было переведено с итальянского языка на русский язык и опубликовано в России (Ломброзо, 1885). Несколько позже П. Н. Тарновская подготовила и опубликовала в том же журнале рецензию на самую популярную до настоящего времени работу в мире по криминальной антропологии Ч. Ломброзо «Преступный человек» (Тарновская, 1885а). Одновременно с изучением зарубежной и отечественной научной литературы по криминальной антропологии П. Н. Тарновская стала самостоятельно проводить антропологические исследования преступниц и проституток в больницах и пенитенциарных учреждениях Санкт-Петербурга. Результаты своих научных исследований автор докладывала на публичных мероприятиях различного уровня, в том числе в Санкт-Петербургском обществе психиатров, членом которого она стала в начале 1881 г. Поскольку это был первый случай в Российской империи, когда в качестве действительного члена общества была избрана женщина-врач, то новость об этом событии сразу же распространилась через средства массовой информации в разделах «новости», «события», «происшествия», «хроника» (Врач г-жа Тарновская…, 1881). Следует отметить, что этот высокий статус, как

[4] Письмо товарища председателя П. Тарновской в газету «Новое время» о сборе средств в Городской Думе 16, 17 и 18 марта для Санкт-Петербургского женского медицинского института в сумме 6.691 руб. и выражении признательности. (1897, 18 апреля). Новое время, 4.

[5] Общее собрание «Общества взаимной помощи женщин-врачей» (редакционная заметка) (1890, 19 ноября). Новое время, 3; Первое общее собрание Русского женского взаимо-благотворительного общества 25 мая 1895 года. (1895, 7 июня). Новое время, 3.

[6] Петербуржец. Хроника. (1898, 4 февраля). Новое время, 3.

правило, получали лица, имеющие заслуги в психиатрии: доктора медицины, руководители психиатрических больниц (клиник). Достаточно привести лишь небольшой список действительных членов этого общества (академик Владимир Михайлович Бехтерев, доктор медицины, психиатр Павел Яковлевич Розенбах, доктор медицины, психиатр Владимир Федорович Чиж), членов-корреспондентов (доктор медицины, психиатр Павел Иванович Ковалевский, доктор медицины, психиатр Исаак Григорьевич Оршанский), совещательных членов (юристы Дмитрий Андреевич Дриль, Анатолий Федорович Кони, Владимир Дмитриевич Спасович) (Список членов Общества…, 1888), чьи имена до сих пор не забыты представителями отечественной науки, медицины и образования.

Необходимо отметить, что первоначально антропологические исследования П. Н. Тарновской проводились над «привычными проститутками», поступающими в медицинские учреждения Санкт-Петербурга для определения их вменяемости. Первым крупным исследованием, результаты которого были доложены на Первом съезде отечественных психиатров, проходившем в Москве с 5 по 11 января 1887 г., стала работа П. Н. Тарновской «О некоторых антропологических измерениях и физических признаках вырождения у привычных проституток». В этой работе под термином «привычные проститутки» автор называла (в силу теоретической значимости этого определения привожу его текст дословно с сохранением орфографии и стиля автора. – Прим. П. К.) «тѣхъ несчастныхъ женщинъ, которыя живутъ по нѣсколько лѣтъ въ домахъ терпимости, не находятъ своего положенія ненормальнымъ и не мѣняютъ его добровольно на трудовую жизнь» (Тарновская, 1887a, с. 885). Для объективности, полноты и репрезентативности своих исследований по выявлению антропологических особенностей 50 «привычных проституток» П. Н. Тарновская использовала для сравнения две контрольные группы: «1) интеллигентныхъ женщинъ съ высшимъ образованіемъ; 2) безграмотныхъ крестьянокъ, занимающихся полевыми работами, по 50 человек каждая» (Тарновская, 1887a). По результатам исследования автор пришла к выводам о том, что у «привычных проституток» (84 %) по сравнению с представителями контрольных групп имеются существенные признаки физического вырождения. Причинами таких аномалий являлись несколько объективных факторов. Первая причина – пьянство родителей – у 82 % проституток оба или один из родителей были пьяницами. Вторая причина – чахотка у родителей 12 %, а также у 4 % – наследственный сифилис. Третья причина – 18 % проституток являлись последними детьми в семье из 8, 10, 13 детей, умерших в малолетстве. С учетом того, что, по данным зарубежных специалистов, проститутки в 0,6 % рожают детей, которые в последующем погибают в младенческом возрасте, автор делает вывод о том, что происходит вырождение «привычных проституток», т. е. снижение возможности продления рода. При этом автор полагает, что «привычные проститутки» предрасположены к заболеванию нервными и душевными болезнями, поэтому специалистам нужно исследовать связь между проституцией и психическими заболеваниями, используя результаты статистических данных (Тарновская, 1887a, с. 891–893). По данным участника этого публичного мероприятия, доктора медицины, приват-доцента Харьковского университета Бориса Самсоновича Грейденберга, выступление П. Н. Тарновской сопровождалось «массовым рукоплесканием» (Грейденберг, 1887). Представленная в виде научного доклада работа П. Н. Тарновской, помимо опубликования в сборнике Трудов Первого Съезда отечественных психиатров, в связи с возникшим спросом была издана в качестве отдельного оттиска (брошюры) (Тарновская, 1887b) и стала распространяться не только в Российской империи (Тарновская, 1903, с. 302; 1894a, 1892a), но и за рубежом. Если в России к этому произведению отнеслись спокойно, то за рубежом среди специалистов это научное произведение получило позитивные отклики, в том числе заведующего кафедрой юридической медицины в Сиенском университете (Рим, Италия), доктора медицины, профессора Сальваторе Оттоленги, одного из учеников легендарного Чезаре Ломброзо (Ottolenghi, 1888).

Продолжая свои исследования в области криминальной антропологии, П. Н. Тарновская подготовила уникальную работу «Антропометрические исследования проституток, воровок и здоровых крестьянок – полевых работниц» и доложила на очередном заседании Общества психиатров Санкт-Петербурга 21 ноября 1887 г. (Тарновская, 1888). Доклад вызвал живой интерес и дискуссию среди российских специалистов-психиатров (докторов Нижегородцева, Данилло, Чечетта, Розенбаха, Мержевского и др.) на самом заседании (Приложение…, 1888, с. 62–65) и стал в кратком виде распространяться в профессиональных медицинских периодических изданиях (Блуменау, 1887). Представленный Прасковьей Николаевной доклад вызвал искренний научный интерес у иностранных специалистов, а его тезисы были переведены и опубликованы в зарубежных научных периодических изданиях (Hinze, 1888). В последующем этот доклад был переработан, переведен

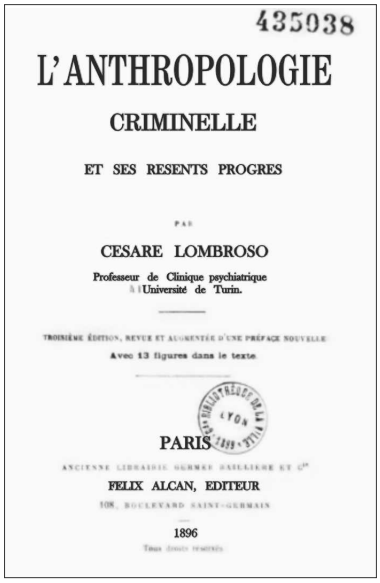
на французский язык и в 1889 г. опубликован во Франции парижским издательством *Leerosnier and Bade* в качестве монографии. Название этой монографической работы было изменено и сокращенно переводилось «Антропометрическое исследование проституток и воровок». Полное наименование работы на титульном листе было указано *Etude Anthropométrique sur les Prostituées et les Voleuses. With eight anthropometric tables and twenty wood-cuts*, на следующей странице более точное – *Etude Anthropométrique sur les Prostituées et les Voleuses. Avec 8 Tableaux Anthropometriques et 20 Dessins* (Tarnowsky, 1889). Объем произведения значительно вырос не только за счет получения дополнительных результатов исследования и привлечения новых литературных источников, но и за счет включения в него приложений в виде антропометрических таблиц преступниц (заключенных из лазарета женского отделения Литовского замка) и проституток (больных сифилисом Калинкинской больницы Санкт-Петербурга, которой в 1922 г. было присвоено имя Вениамина Михайловича Тарновского – мужа Прасковьи Николаевны). Выход в свет этого произведения получил широкий резонанс в научной среде в Европе, а в последующем и по всему миру. На эту работу были опубликованы в значительном количестве обзоры (рефераты) и полноценные рецензии в ведущих научных изданиях Европы (Франции (Melikoff, 1895), Германии (Joseph, 1890; Tarnowski, 1892), Италии (Mingazzini, 1891), Великобритании (A study of Russian Prostitutes..., 1890; Bertram & Windle, 1890), Бельгии (J. M., 1890), Чехии (Nove casopsy…, 1891) и Америки (Etude Anthropométrique…, 1890; W. L. W., 1890). Всего нами было обнаружено и описано 43 источника на различных языках мира, включая 15 рецензий и 28 обзоров или иной информации, в том числе торговую рекламу по данному научному произведению. Зарубежные специалисты высоко оценили это научное произведение, указав на его беспристрастность, эмпиричность, точность и логичность сделанных автором выводов. Эта высокая оценка повлияла на судьбу данного произведения в будущем, поскольку уже после небольшого периода в 1892 г. оно было переиздано этим же издательством. На этом можно было бы и закончить описание судьбы этого произведения, но жизнь иногда приносит неожиданные сюрпризы – возрождение интереса к прошлому, в том числе и к наиболее значимым научным произведениям, опубликованным ранее. Но к этой стороне возрождения интереса, к упомянутому произведению П. Н. Тарновской, мы обратимся позже, в соответствующем разделе данной статьи.

Мировое признание полученных научных результатов не вскружило голову П. Н. Тарновской. Она продолжала активно проводить исследования, докладывая их результаты на публичных мероприятиях различного уровня и публикуя в периодических изданиях. Как отмечалось в Еженедельной медицинской газете «Врач», членам Русского общества охранения народного здравия (на проходившем там заседании 26 февраля 1890 г.) запомнился доклад доктора П. Н. Тарновской о результатах исследования над преступницами-воровками (Груздев, 1890, с. 43). Краткое содержание самого доклада под названием «Воровки (антропологическое исследование)» было опубликовано в мартовском номере журнала «Русское богатство» с измененным редакцией наименованием «Женщины-воровки. Исследование г-жи Тарновской» (Женщины-воровки, 1890). Полная версия результатов этого исследования была опубликована в пятом номере Журнала Русского общества охранения народного здравия за 1891 г. (Тарновская, 1891a), а приложение к этой работе – антропометрические таблицы – было размещено в шестом номере этого научного периодического издания (Тарновская, 1891b). Как закономерное следствие, по результатам проведенных исследований в 1891 г. в Санкт-Петербурге П. Н. Тарновская издает небольшим тиражом в 350 экземпляров (Тарновская, 1891c, 1891d) еще одно крупное научное произведение под названием «Воровки. Антропологическое исследование» (Тарновская, 1891e), не получившее широкий резонанс в российском научном сообществе. По этой работе нами были обнаружены лишь одна положительная рецензия доктора медицины, психиатра, профессора Павла Ивановича Ковалевского (Ковалевский, 1892) и несколько объявлений информационного характера о выходе в свет этого издания и возможностях его приобрести (П. Н. Тарновская. «Воровки», 1892; Тарновская, 1894b, 1892d). На наш взгляд, научная ценность этого произведения заключалась в том, что автор исследования впервые в мировой криминальной антропологии провела классификацию женщин-воровок по следующим основаниям: по роду деятельности; по умственным способностям; по состоянию их эмоциональной сферы – на четыре большие группы: 1) привычные воровки; 2) воровки-проститутки; 3) воровки-психопатки; 4) случайные воровки. По мнению автора исследования, общими чертами первых двух категорий является то, что они непременно рецидивистки; о раскаянии и возвращении их к честной жизни здесь не может быть и речи. Воровки-психопатки обыкновенно душевнобольные, у которых факт совершаемого воровства может быть подведен под различные другие проступки, бессмысленные, совершаемые

душевнобольными; так, они не скрывают своего деяния и нисколько не дорожат присвоенной вещью, часто бросают ее вовсе. Группу привычных воровок по роду деятельности и выработанным приемам П. Н. Тарновская подразделяет на домашних воровок, воровок по магазинам, воровок-укрывательниц, воровок из прихожих, карманных воровок и воровок-нищенок.

На наш взгляд, представляют научную ценность отдельные выводы автора исследования женщин-воровок, которые не потеряли свой значимости и в современных условиях. Во-первых, это экспериментально доказанная связь поведения привычных воровок с наследственными душевными и иными заболеваниями, а также пьянством. Во-вторых, доказано, что причинами преступного поведения воровок, помимо наследственности, являются неблагоприятные условия их жизни (неблагоприятная внешняя среда), при которой отсутствуют меры воспитательного воздействия, развития наклонностей к труду. В-третьих, показано, что карательные меры не в состоянии уменьшить воровство и другие формы девиантного поведения женщин, пока не будет обращено внимание общества на коренные причины этого зла, распространение болезней, пьянство и т. д. При этом автор считала, что по мере возникновения школ с правильно поставленным обучением ремеслам, по мере допущения женщин к различным профессиям большее число женщин будет находить себе честный заработок; а по мере образования населения уменьшится и болезненная наследственная передача, и в результате получится уменьшение численности «порочных женщин». На это произведение в последующем стали ссылаться отечественные исследователи, специализирующиеся на вопросах криминальной антропологии и криминологии (Есипов, 1896, с. 248; 1900, с. 112).

Продолжая знакомиться с произведениями европейских криминальных антропологов, П. Н. Тарновская в декабре 1891 г. осуществила их аналитический обзор и подготовила доклад под названием «Новые работы по криминальной антропологии». Этот доклад был представлен автором для обсуждения на заседании I секции Русского общества охранения народного здравия 27 декабря 1891 г. В подготовленный П. Н. Тарновской обзор вошли следующие произведения: Чезаре Ломброзо (второе издание «Криминальной антропологии» 1890 г. (Lombrozo, 1896)), критикуемое Энрико Ферри и защищаемое ею от неправомерных нападок; и появившаяся в научном журнале Королевской медицинской академии Италии в номерах 9–10 за 1891 г. статья Чезаре Ломброзо и его ученика, доктора медицины Сальваторе Оттоленги, под названием «Женщина-преступница и проститутка» (Lombroso e Ottolenghi, 1891). При обзоре работы Ч. Ломброзо докладчица обращает внимание на три основных вывода, к которым пришел автор этого произведения: 1) в образовательных учреждениях, подготавливающих юристов, необходимо изучать тюрьмоведение; 2) в научной сфере следует изучать больше личность преступника и 3) изучение преступника должно происходить в местах заключения. При этом автор доклада оценила критически едкие замечания на данную работу Энрико Ферри, обращая внимание на отсутствие у критика достаточных эмпирических данных, которые могли бы уменьшить достижения естествоиспытателей в области криминальной антропологии. Значительная доля аналитического обзора была посвящена статье Ч. Ломброзо и С. Оттоленги, где она обнаруживает дополнительное эмпирическое подтверждение своих предыдущих выводов по исследованию женской преступности и доводит это до сведения присутствующих. Это действительно так, более того, упомянутые авторы статьи достаточно часто – 11 раз по тексту работы – ссылались на результаты исследований П. Н. Тарновской. В конце аналитического обзора она сформулировала лозунг криминальной антропологии: «Не карать злую волю, а исправлять слабую и больную – вот к чему должно стремиться человечество». Этот обзорный доклад был опубликован во втором номере Журнала Русского общества охранения народного здравия за 1892 г. (Тарновская, 1892b) и отдельным изданием (Тарновская, 1892c), а его краткое реферативное изложение – в еженедельной газете «Врач» (Франц, 1892). Сведения о дополнительном самостоятельном тираже данного произведения под-


435038

L'ANTHROPOLOGIE

CRIMINELLE

ET SES RESENTS PROGRES

PAR

CESARE LOMBROSO

Professeur de Clinique psychiatrique
à l'Université de Turin.

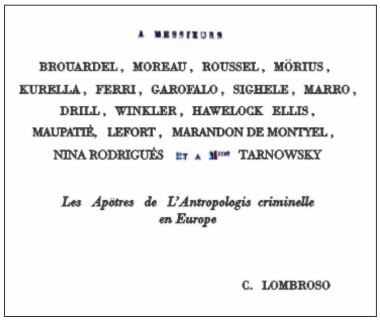
TROISIÈME ÉDITION, REVUE ET AUGMENTÉE D'UNE PRÉFACE NOUVELLE
Avec 13 figures dans le texte

PARIS

FELIX ALCAN, EDITEUR

1896

Титульный лист второго издания «Криминальной антропологии»


A MESSIEURS

BROUARDEL, MOREAU, ROUSSEL, MÖRIUS,
KURELLA, FERRI, GAROFALO, SIGHELE, MARRO,
DRILL, WINKLER, HAWELOCK ELLIS,
MAUPATIÉ, LEFORT, MARANDON DE MONTYEL,
NINA RODRIGUÈS ET A Mme TARNOWSKY

Les Apôtres de L'Antropologis criminelle en Europe

C. LOMBROSO

утверждаются объявлениями о его продаже, размещенными издательством в различных информационных источниках[7] (Тарновская, 1891c; 1891d). В результате активной профессиональной и научной деятельности 6 марта 1892 г. решением общего собрания Русского общества охранения народного здравия женщина-врач Тарновская Прасковья Николаевна была избрана действительным членом этого общества (Новые члены общества…, 1892). В это же время зарубежные исследователи начинают не только цитировать произведения П. Н. Тарновской, но и заимствовать значительную часть результатов ее исследований при подготовке своих монографических работ. Одной из таких работ стала монография французского криминолога, доктора Эмиля Лорана «Криминальная антропология и новые теории преступности. С портретами 11 французских и зарубежных криминологов вне текста» (Dr. Emile Laurent, 1891, с. 101–108). При подготовке гл. 12 «Преступность женщин» этого произведения автор практически полностью сослался не на результаты собственного исследования, а на труды П. Н. Тарновской и частично работы Ч. Ломброзо, без ссылок на конкретные произведения лишь указав на это обстоятельство в конце произведения (Dr. Emile Laurent, 1891, с. 155). Существенную научную, профессиональную и товарищескую эмоциональную поддержку Прасковье Николаевне оказывал Чезаре Ломброзо, который постоянно в своих работах по криминальной антропологии ссылался на ее произведения (Lombroso, 1893, pp. 74, 77, 80, 89; 1894, pp. 86, 108, 133, 135, 451, 453), как и некоторые другие зарубежные специалисты в области криминальной антропологии (Hans, 1892, pp. 28, 49–50).

Исследовательская и публикационная активность П. Н. Тарновской набирала темпы. В начале 1890-х гг. она стала чаще публиковаться в ведущих европейских научных журналах. В этот период выходят ее статьи в итальянском журнале «Архивы криминальной антропологии, криминологии, нормальной и патологической психологии» (Archives d'anthropologie criminelle de criminologie et de psychologie normale et pathologique). Наибольшую значимость получают ее произведения на итальянском языке «Об органах чувств преступниц и проституток» (Tarnowsky, 1893a), «Физиогномика русской проститутки» (Tarnowsky, 1893b) и совместная с Ч. Ломброзо статья «Русская криминальная фотография» (Tarnowsky & Lombroso, 1893), опубликованные в упомянутом журнале, главным редактором которого был ее выдающийся соавтор. Всплеск публикационной активности Прасковьи Николаевны был обусловлен еще и тем, что 7–13 августа 1892 г. в Брюсселе проходил Третий Международный конгресс криминальной антропологии, где она выступила со своим докладом «Об органах чувств женщин-преступниц», который сопровождался обсуждениями среди участников форума. Этот доклад в последующем был опубликован в трудах III Международного конгресса криминальной антропологии (Tarnovsky, 1893). Участие П. Н. Тарновской в Третьем Международном конгрессе криминальной антропологии стало ее триумфом: выступление с собственным докладом и защита своих выводов и основных положений в острой дискуссии с исследователем женской преступности в Германии, опубликовавшим в 1884 г. монографию на эту тему, доктором медицины, психиатром из Лейпцига Паулем Адольфом Некке (Paul Näcke). В последующем дискуссия продолжалась с участием вице-президента конгресса, доктора, профессора психологии Брюссельского университета Поля Хегера (Paul Heger) и президента форума, профессора неврологии Венского университета Морица Бенедикта (Moritz Benedikt) (Discussion: MM. Näcke, Heger, Benedikt, Mme Tarnovsky, 1893). Прасковья Николаевна активно участвовала в работе конгресса, в том числе в прениях по докладам выступавших, за что была удостоена аплодисментов участников форума (Actes du troisième…, 1893, с. 277). Своей активной позицией на форуме она заслужила особое внимание организаторов: президента Бельгийского общества антропологов, профессора антропологии Брюссельского свободного университета, доктора Эмиля Хузе (Emile Houze) (Actes du troisième…, 1893, p. 283) и уже упомянутого нами ранее Поля Хегера (Actes du troisième…, 1893, p. 470).

Краткий отчет о работе III Международного конгресса криминальной антропологии, проходившего в Брюсселе, со своими замечаниями, представил в журнал «Вопросы философии и психологии» наш соотечественник В. Ф. Чиж (Чиж, 1893), не забыв упомянуть в нем и доклад П. Н. Тарновской (Чиж, 1893, с. 5). Позитивную научную активность Прасковьи Николаевны на этом конгрессе отмечали и иностранные специалисты в своих письменных обзорах данного международного научного мероприятия (Bournet, 1893, p. 471,

[7] Штерринг, Г. В. (1903). Психопатология в применении к психологии = (Vorlesungen über Psychopatologie in ihrer Bedeutung für die normale Psychologie mit Einschluss der psychologischen Grundlagen der Erkenntnistheorie): С прил. Указателя сочинений по психологии, педагогике, теории познания и психопатологии, сост. проф. С.-Петерб. ун-та А. И. Введенским, прив.-доц. И. И. Лапшиным и А. А. Крогиусом (пер. А. А. Крогиуса; с предисл. авт. и акад. В. М. Бехтерева, с. 302). Санкт-Петербург: т-во «Знание», 1903.

486, 514; C. L., 1892; J. M., 1892, pp. 277–278). В этот период происходит интенсивное развитие криминальной антропологии и появляется спрос на научную литературу, в том числе произведения П. Н. Тарновской, опубликованные в научной периодической печати. В результате появляются дополнительные оттиски некоторых произведений этого автора в виде отдельных брошюр, которые распространяются по всему миру. В числе таких произведений оказалась уже упомянутая нами ранее статья *Sur les Organs des sens des femmes criminelles et des prostituées*, получившая высокую оценку специалистов (Gurrieri, 1893) и изданная отдельным тиражом (Tarnowsky, 1893c). Судя по каталогу библиотечных материалов, один из экземпляров этой работы в настоящее время находится в коллекции университетской библиотеки Нагойского университета Тюо Хасэгава в Японии[8]. В этот же период, но до начала международного форума в Брюсселе в журнале «Бюллетени и мемуары Парижского общества антропологии» выходит совместная статья П. Н. Тарновской с Лорисом Меликовым на французском языке, посвященная антропологическому исследованию проституток и воровок, под названием *Etudes anthropométriques sur les prostitués et les voleuses* (Tarnowsky, 1892).

Продолжая активно проводить антропологические исследования женщин-преступниц, П. Н. Тарновская готовится с докладом к IV Международному конгрессу криминальной антропологии в Женеве. При этом Прасковья Николаевна принимает активное участие в обсуждении результатов научных исследований по криминальной антропологии в России, не только проводимых врачами[9], но и юристами на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Так, 4 февраля 1895 г. она принимала участие в заседании уголовного отделения этого вуза под председательством И. Я. Фойницкого при обсуждении доклада Д. А. Дриля о предупреждении преступности и репрессии в соответствии с личными особенностями преступника[10].

По данным американских исследователей, в апреле 1894 г. П. Н. Тарновская участвовала в Международном медицинском конгрессе в Риме с докладом «Антропометрия женщин-убийц и сравнение их с нормальными женщинами» (*Antropometria di donne assassine e confronto con normale*) (Manley, 1894, p. 45), который подтверждается материалами конгресса, опубликованными в одном из периодических изданий Италии (XI Congresso Medico, 1894, p. 111).

На IV Международном конгрессе криминальной антропологии, проходившем в Женеве с 24 по 29 августа 1896 г., П. Н. Тарновская выступила с докладом «Женская преступность», в котором представила краткое изложение результатов антропологического исследования женщин-убийц, а также анонсировала подготовку новой монографии. Подготовленный и озвученный ею на конгрессе доклад получил одобрение и поддержку участников и был опубликован в материалах этого международного форума (Tarnowsky, 1897). Более того, результаты исследования были дополнительно опубликованы на русском языке в виде научных статей в журнале «Северный вестник». Почти через год после конгресса в этом журнале выходит ее крупная статья под названием «Криминальная антропология и преступность женщин» (Тарновская, 1897), а еще почти через год – другое произведение, «Женская преступность в связи с ранними браками» (Тарновская, 1898). При этом вторая статья была предварительно обсуждена на заседании Русского женского взаимо-благотворительного общества 24 марта 1898 г.[11] Следует отметить, что указанные произведения не воспроизводят дословно основные тезисы доклада, опубликованного в материалах конгресса, – они существенно переработаны и дополнены. В упомянутых нами статьях она обратила внимание на преступления женщин против семьи, в первую очередь убийства, в том числе мужеубийство и детоубийство, а также описала их основные причины и провела собственную классификацию мотивов преступлений, совершаемых женщинами.

Наиболее полное содержание выступления на женевском конгрессе П. Н. Тарновской «Женская преступность» на русском языке было изложено доктором медицины, психиатром, профессором Московского университета Владимиром Петровичем Сербским в его обзоре IV Международного конгресса криминальной антропологии (Сербский, 1896, с. 443–446), в котором было упомянуто, что основные положения исследования будут опубликованы отдельной книгой. Аналогичное содержание указанного сообщения П. Н. Тарновской изложено другим участником конгресса, доктором медицины Павлом Яковлевичем Розенбахом в его обзоре этого международного форума (Розенбах, 1896, с. 177–179). По мнению обоих участников конгресса,

[8] 名古屋大学 附属図書館中央長谷川

[9] В Обществе русских врачей Санкт-Петербурга (редакционный материал). (1893, 8 декабря). Новое время, 4.

[10] В Юридическом обществе (редакционный материал). (1895, 18 февраля). Новое время, 3

[11] В Русском женском взаимо-благотворительном обществе (справочный указатель). (1898, 22 марта). Новое время, 5.

доклад П. Н. Тарновской был положительно оценен Чезаре Ломброзо и другими участниками мероприятия. В то же время наиболее содержательным по оценке процесса и результатов IV Международного конгресса криминальной антропологии оказался обзор, подготовленный сенатором, тайным советником Игнатием Платоновичем Закревским и опубликованный им в качестве отдельного произведения – отчета (Закревский, 1897a) и его расширенной версии (Закревский, 1897b)[12], а также в виде журнальной статьи под названием «Уголовная антропология на Женевском международном конгрессе» (Закревский, 1897c). В упомянутых работах автор подробно излагает не только содержание основных выступлений докладчиков, но и отдельные вопросы, возникшие в процессе обсуждения этих докладов. Наиболее ценным для нашего исследования оказалось описание тех оценок Чезаре Ломброзо, которые он давал в процессе своих выступлений П. Н. Тарновской и ее антропологическим исследованиям. В частности, упоминание П. Н. Тарновской как проявившей гениальность в науке, раскрывшей для России уголовную антропологию (Закревский, 1897c, с. 67). После заслушивания сообщения П. Н. Тарновской «Женская преступность» в процессе дискуссии он назвал ее «сестрою по оружию» (Закревский, 1897c, с. 92). Автор обзора И. П. Закревский особо подчеркнул, что доклад П. Н. Тарновской о русских преступницах произнесен на изящном французском языке с безукоризненным произношением и приятной интонацией (Закревский, 1897c, с. 91). Другими авторами содержание этого доклада было кратко, емко и относительно полно изложено в отчетах о Международном конгрессе криминальной антропологии, опубликованных в российских научных журналах (Постовский, 1897) и частично в иных информационных материалах[13]. Участвовавший в работе конгресса доктор медицины, главный врач городской больницы Святого Пантелеймона при Воскресенской церкви в Санкт-Петербурге, профессор кафедры психиатрии Юрьевского университета Владимир Федорович Чиж, сославшись на отсутствие письменного реферата по докладу П. Н. Тарновской о преступности женщин, дал положительную оценку ее выступлению. Такой вывод без описания содержания доклада он сделал в заключительной части своего обзора IV Международного конгресса криминальной антропологии (Чиж, 1896, с. 944). Положительно было оценено выступление П. Н. Тарновской и другими участниками, подготовившими и опубликовавшими свои обзоры этого конгресса (Сикорский, Баршевский, 1897), в том числе иностранными обозревателями (Marie, 1896, p. 162; Martin Etienne, 1896, p. 483; Quatrième Congres…, 1896, pp. 500–501, 512, 517; Räcke, 1897; The Fourth international congress…, 1896). По результатам конгресса криминальной антропологии научный авторитет П. Н. Тарновской значительно вырос в глазах специалистов всего мира. В результате этого основоположник итальянской школы криминальной антропологии Чезаре Ломброзо при очередном переиздании своего труда «Криминальная антропология» (Lombrozo, 1896) на французском языке в Париже указал, что этот труд посвящается «апостолам криминальной антропологии в Европе». В числе 17 европейских криминальных антропологов, внесших значительный вклад в формирование и развитие этого научного направления, он указал двух россиян: юриста Дмитрия Андреевича Дриля и врача-психиатра Прасковью Николаевну Тарновскую (Lombrozo, 1896, p. V). Высоко оценили научные, организаторские, профессиональные и ораторские способности П. Н. Тарновской ее российские коллеги по медицинской деятельности, которые указали в разделе «Хроника и мелкие известия» еженедельной медицинской газеты «Врач» за 1897 г., что только пять женщин-врачей способны преподавать медицину в России – это Архангельская, Павловская, Серебрянникова, **Тарновская** (выделено автором. – Прим. П. К.) и Шабанова[14]. В научной сфере получили признание результаты антропологических исследований Прасковьи Николаевны, связанные с преступностью женщин. Так, К. А. Белиловский в своей докторской диссертации на тему «К вопросу об антропологическом типе преступника», защищенной им в 1895 г., по тексту работы неоднократно ссылался на ее книгу «Воровки. Антропологическое исследование» (Белиловский, 1895, с. 55, 94, 97).

Продолжая свои исследования женщин-преступниц, П. Н. Тарновская приняла участие в V Международном конгрессе криминальной антропологии, проходившем в Амстердаме с 9 по 14 сентября 1901 г., однако с собственным докладом она не выступала. Об этом свидетельствует обзор этого мероприятия, проведенный В. Ф. Чижом и опубликованный в журнале «Вопросы философии и психологии» в конце 1901 г. (Чиж,

[12] Закревский, И. П. (1897). Уголовная антропология на Женевском международном конгрессе. Санкт-Петербург: тип. Правительствующего сената.

[13] Л. Б. (1896, декабрь). Женевский конгресс уголовной антропологии (письмо из Женевы). Новое слово, 3, 20–37.

[14] Хроника и мелкие известия (редакционный материал). (1897). Врач. Еженедельная медицинская газета, XXVIII(36), 1035.

1901), а также аналогичный обзор Д. А. Дриля, опубликованный в журнале Министерства юстиции (Дриль, 1901). Более того, Прасковья Николаевна подготовила собственный обзор V Международного конгресса криминальной антропологии, который был опубликован в двух номерах журнала «Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии» за 1901 г. – № 11 (Тарновская, 1901a) и № 12 (Тарновская, 1901b), а в последующем в качестве отдельной брошюры (Тарновская, 1901c). Ценность этого обзора состоит в том, что автор по его результатам указала основные вопросы, которые стоят перед криминальной антропологией и предлагаемые докладчиками механизмы их разрешения, подчеркнув при этом особую значимость профилактики преступности (Тарновская, 1901b, с. 932–933). К тому же в указанный период Прасковья Николаевна подготовила и опубликована на французском языке свою работу «Обзор медицинского образования российских женщин» (Tarnowsky, 1900), которая в последующем была переиздана в жанре исторического очерка под новым наименованием «Женский медицинский институт и женские врачебные курсы. Исторический очерк» в журнале «Вестник Европы» в 1903 г. на русском языке (Тарновская, 1903). Франкоязычная версия этого произведения до сих пор востребована мировой исторической наукой и регулярно переиздается (Tarnowsky, 2021).

Завершая антропологическое исследование женской преступности в апреле 1901 г., Прасковья Николаевна подготовила крупную монографию «Женщины-убийцы» (Тарновская, 1902), которая была издана в 1902 г. в Санкт-Петербурге типографией Товарищества художественной печати тиражом 600 экземпляров (Тарновская, 1903). Ценность этого произведения заключается в том, что в нем впервые в криминальной антропологии были выработаны собственные критерии криминологической группировки женщин-убийц, их классификация и раскрыта этиология преступного поведения женщин. Все женщины-убийцы П. Н. Тарновской были разделены на пять групп (категорий): убийцы под влиянием побуждения страсти – или страстного импульса (убийцы по страсти) и убийцы с подавленным восприятием, которые были поделены на подгруппы, а также убийцы на почве половых отклонений; убийцы нервно- и душевнобольные и случайные убийцы (нечаянные). В первую подгруппу в число убийц по страсти вошли: убийцы из корысти; убийцы на почве материнской любви; убийцы на почве половой любви; убийцы из ревности; убийцы из мести; убийцы вследствие накопления обид; убийцы по ненависти и жестокости. Вторая подгруппа была поделена на следующие виды женщин-убийц: убийцы с притуплением нравственного чувства и детоубийцы (Тарновская, 1902, с. 98–99). Проведенное автором комплексное криминологическое исследование (антропологические измерения, анализ судебных приговоров и подробные опросы (интервью) женщин-убийц) позволило ей прийти к выводам, которые актуальны и по настоящее время. В качестве основных причин убийств, совершаемых женщинами, П. Н. Тарновская выделяет: неблагоприятную наследственность (психиатрические и иные заболевания (алкоголизм, сифилис, туберкулез) близких родственников); неблагоприятную социальную среду, в которой находится женщина. В связи с этим было предложено обеспечить индивидуализацию при назначении наказания женщинам с учетом их биологических особенностей и социальных условий. Более того, она уверена в том, что для работы с осужденными к наказанию в виде лишения свободы должны быть привлечены лица, обладающие необходимой профессиональной подготовкой. Говоря о перспективах развития криминальной антропологии, она отмечает, что «строго научные воззрения должны стать основой современной криминологии» (Тарновская, 1902, с. 497), а главной ее целью является разработка этиологии преступности и предупреждение преступлений (Тарновская, 1902, с. 498). В работе множество положений, которые в современных условиях звучат иначе, но они представляют научную ценность для российской, европейской и мировой криминологии.

Выход в свет данного комплексного исследования в виде отдельной книги был достаточно осторожно воспринят отечественными специалистами. Положительную оценку этому произведению дал В. Ф. Чиж, опубликовав небольшую рецензию в журнале «Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии» (Чиж, 1902). Еще один позитивный отзыв работа получила от выпускника медицинского факультета и бывшего приват-доцента Императорского Казанского университета, доктора медицины (Воротынский, 1897), главного врача Одесской городской психиатрической больницы Воротынского Бронислава Ивановича (Воротынский, 1902). Рецензент, имея соответствующую квалификацию и публикации по криминальной антропологии (Воротынский, 1901, 1900), отметил научную ценность, важность, значимость для криминальной антропологии этого произведения, соразмерность цены и качества книги. Несколько позже вышла краткая рецензия на эту книгу историка А. Фересова, которая была опубликована в 1903 г. в журнале «Исторический вестник» (Фересов, 1903). Развернутая положительная рецензия на монографическое исследование П. Н. Тарновской

была опубликована в 1904 г. в журнале «Русская мысль» в библиографическом разделе «Медицина» в форме редакционного материала (Рецензия на книгу…, 1904). Положительно оценивали опубликованную работу и некоторые зарубежные специалисты, в том числе аргентинский криминолог Карлос Галли (Carlos Galli) (Galli, 1903) и немецкий медик-антрополог, доктор Рихард Вайнберг-Дерпт (R. Weinberg-Dorpat) (Weinberg-Dorpat, 1904). После выхода указанного произведения в издательстве Прасковья Николаевна продолжила совершенствовать его, проводила дополнительные исследования отдельных вопросов и публиковала их результаты в зарубежных изданиях (Tarnowsky, 1907a; 1907b). Одновременно с этим она начала переводить текст произведения на французский язык, не забывая принимать участие в деятельности Русского общества охранения народного здравия.

Для сохранения профессиональных навыков П. Н. Тарновская занималась медицинской практикой, сохраняя высокий статус женщины-врача. Сведения об этом сохранились в Алфавитном списке женщин-врачей Российского медицинского списка, изданного Медицинским департаментом Министерства внутренних дел на 1904 г. с указанием следующих персональных данных «Козлова-Тарновская Праск. Ник. ж.-вр СПБ» (Российский медицинский список…, 1904).

В 1906 г. Прасковья Николаевна участвовала в VI Международном конгрессе криминальной антропологии, проходившем в Турине с 28 апреля по 3 мая 1906 г., где выступила с докладом *Traitement des femmes criminelles*[15]. Упоминание о ее участии в этом научном мероприятии было в зарубежных (Locard Edmon, 1906; Storck, 1906) и российских научных изданиях (Португалов, 1907, с. 71). После этого мероприятия П. Н. Тарновскую постигло несчастье – 18 мая 1906 г. в Париже умер ее муж Вениамин Михайлович Тарновский[16].

Ухудшение здоровья, вызванное смертью мужа, в 1906 г. не позволило Прасковье Николаевне активно участвовать в научной, общественной и медицинской жизни Санкт-Петербурга и снизило интенсивность научной работы. Она перестала заниматься медицинской практикой, но продолжала проводить исследования. На следующий год в адресной и справочной книге г. С.-Петербурга за 1907 г. вместо традиционно повторяющейся из года в год записи «Тарновская (Козлова) Праск. Ник. „жен-врач“» появилась сокращение, определяющее ее социально-правовой статус «вд.тс.», что означало – вдова тайного советника[17].

В 1907 г. Прасковья Николаевна, находясь во французском городе Ницце, завершает подготовку своей монографии «Женщины-убийцы» на французском языке. В 1908 г. указанная работа была опубликована в Париже в том же издательстве, где она публиковалась ранее, – *Félix Alcan* (Tarnowsky, 1908a). Сразу же после титульного листа на отдельной странице П. Н. Тарновская указала, что она посвятила это произведение основателю криминальной антропологии профессору Чезаре Ломброзо. Вот как дословно это указано в тексте самой работы: *«Au Createur a l'initiateur de l'anthropologie criminelle le professour Cesar Lombroso je dedie traveil. Pauline Tarnowsky»*, что в переводе с французского означает «создателю и инициатору криминальной антропологии профессору Чезаре Ломброзо я посвящаю свою работу»[18].

Выход этого произведения оказался ожидаемым явлением для представителей медицинской науки, поскольку еще на Женевском международном конгрессе криминальной антропологии был анонсирован автором. Опубликованная П. Н. Тарновской книга получила широкий резонанс в европейском и мировом научном сообществе. В научных периодических изданиях появились развернутые положительные рецензии на это антропологическое исследование женщин-убийц, в том числе самого основателя криминальной антропологии Ч. Ломброзо (Lombroso, 1908). В числе авторитетных рецензентов, поддержавших выход в свет этого произведения, следует упомянуть двух американцев: доктора медицины, профессора психиатрии, директора Патологического института системы больниц штата Нью-Йорк Адольфа Майера (Adolf Meyer) (Meyer, 1908) и автора первого учебника криминологии в США (Criminology, 1893) Артура Мак-Дональда (Arthur MacDonald) (MacDonald, 1910).

---

[15] (1906). L'informateur des aliénistes et des neurologistes (Informateur des aliénistes et des neurologistes), 1–2, 7.

[16] Некролог: Тарновский Вениамин Михайлович. (1906). Практический врач, 42, 703–704; Тарновский Вениамин Михайлович. Некролог. (1906). Русский врач, 16, 595.

[17] Весь Петербург на 1907 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. (1907). Санкт-Петербург: издание А. С. Суворина.

[18] Электронная копия этой работы находится в берлинской библиотеке в открытом доступе по адресу: https://digital.staatsbibliothek-berlin.de/werkansicht?PPN=PPN1826588221&PHYSID= PHYS_0005&DMDID=

Авторитетный латиноамериканский криминолог, доктор наук, профессор кафедры юридической психологии, сотрудник Института криминологии Национальной пенитенциарной системы из Буэнос-Айроса Орасио Ареко (Horacio P. Areco) в своей небольшой по объему рецензии также положительно оценил результаты проведенного Прасковьей Николаевной антропологического исследования женщин-убийц (Horacio Areco, 1908). По мнению современных аргентинских специалистов, Орасио Ареко являлся одним из ведущих криминологов не только Аргентины, но и всей Южной Америки того времени (Miceli et al., 2011).

Позитивно отозвался о проведенном исследовании П. Н. Тарновской ее английский коллега, доктор медицины тюремный врач Чарльз Бакман Горинг из Лондона (Charles Buckman Goring) (Goring, 1909), которого на родине считают одним из пионеров английской криминологии (Edwin D. Driver, 1957). Вполне ожидаемо, позитивные отклики на монографическое исследование П. Н. Тарновской были опубликованы в европейских научных журналах и от других менее известных европейских специалистов (Buttersack, 1908; Tarnowsky, 1908b; Ray J., 1906–1907; Russa: anthropology…, 1908; Tarnowsky, 1912; 1908). В указанных рецензиях и обзорах отмечались ее искренняя вера в значимость осуществляемых ею антропологических исследований, скрупулезность и безграничное усердие при сборе обширного эмпирического материала, логичность, аргументированность и глубина научных выводов и сформулированных предложений, а также критическое отношение к работам других авторов в случае отсутствия научных эмпирически доказанных аргументов. По мнению отдельных благожелательных рецензентов, выход в свет этого произведения повлиял на развитие не только европейской, но и мировой криминальной антропологии, особенно при исследовании феномена женской преступности. Эти выводы позже будут подтверждены исследователями других поколений. Безусловно, все произведения П. Н. Тарновской основаны на достоверных биологических (антропометрических) данных, включая наследственность, также в них отражены дополнительные важные сведения, добытые эмпирическим путем, такие как состояние психического здоровья, социально-правовая характеристика совершенных деяний и мотивация преступного поведения женщин. Как справедливо отметил известный российский криминальный антрополог профессор В. Ф. Чиж, таких обстоятельных исследований по криминальной антропологии мало не только в нашей, но и в мировой литературе (Чиж, 1902).

Выход в свет этой работы стал завершающей (финальной) стадией активной исследовательской деятельности Прасковьи Николаевны в качестве криминального антрополога. Хотя отдельные произведения на некоторые социально значимые вопросы она публиковала, но уже менее интенсивно (Тарновская, 1908). Последняя известная нам работа этого автора была посвящена памяти Чезаре Ломброзо и оценке его вклада в науку, а опубликована она была в Еженедельной юридической газете «Право» от 13 декабря 1909 г. (Тарновская, 1909). Ровно через год после выхода в свет указанной статьи, 12 декабря 1910 г., П. Н. Тарновская умерла. Скорбная весть о ее кончине отразилась в периодических печатных изданиях не только Российской империи, но и во многих странах мира. Некрологи на русском языке были опубликованы в российских периодических изданиях «Вестник Европы»[19], «Практический врач»[20], «Русская мысль»[21], а также в виде отдельных оттисков произведений[22] (Памяти врачей-антропологов…, 1911). Информация о смерти П. Н. Тарновской быстро распространилась по Европе и Америке, где также выразили соболезнование в связи с ее кончиной. Некрологи появились в журналах: «Журнал Американского института уголовного права и криминологии» (США) (Wigmore, 1911), «Архивы криминальной антропологии, криминологии, нормальной и патологической психологии» (Италия) (Nécrologie…, 1911), «Архив криминальной антропологии, психиатрии и судебной медицины, официальный орган Итальянской ассоциации судебной медицины и страхования» (Италия) (Necrologio…, 1911). В некрологах давалась положительная оценка ее научного творчества, медицинской и общественной деятельности, а также значительного вклада в развитие криминальной антропологии. Итальянские специалисты называли ее даже «одной из самых умных, культурных и добрых пропагандисток криминальной антропологии» (*dell*

[19] Прасковья Николаевна Тарновская. (1911). Некролог. Вестник Европы, 1, 433–434.

[20] Никольский, Д. П. (1911). Памяти врачей-антропологов – Н. В. Гильченко и П. Н. Тарновской. Практический врач, 13, 222–223.

[21] Некролог. Прасковья Николаевна Тарновская. (1911). Русская мысль, 32(1), 234.

[22] Никольский, Д. (1911). Памяти врачей-антропологов – Н. В. Гильченко и П. Н. Тарновской: Речь, сказанная в заседании 14 февраля Общества анатомии и антропологии при Военно-медицинской академии. Санкт-Петербург: Б. и.

piufevleli, colte e gentile propagatrici della Antropologie Criminale) (Necrologio…, 1911), а американцы считали «выдающимся ученым» и «ведущей женщиной-криминологом Европы» (Wigmore, 1911).

Анализ изученных нами произведений П. Н. Тарновской, рецензий, отзывов, рефератов, обзоров и иной информации о произведениях этого исследователя, архивных и иных материалов о ее учебе, профессиональной и общественной деятельности позволяет сделать некоторые предварительные выводы. Во-первых, избранная ею тематика антропологических исследований оказалась востребованной больше европейской и мировой наукой, чем российской. Во-вторых, проведенные ею комплексные исследования женщин-преступниц оказались больше востребованы за рубежом (Италия, Франция, Германия, Бельгия, Англия, США, Аргентина), где она получила широкую известность как добросовестный исследователь, чем в Российской империи. В-третьих, ее труды получали одобрение и поддержку со стороны самых авторитетных специалистов европейской и мировой криминальной антропологии, включая ее основоположника Чезаре Ломброзо, его учеников и последователей. В-четвертых, она является одной из немногих, а может быть и единственной, из российских исследователей, которые публиковали свои произведения в соавторстве с Чезаре Ломброзо. В-пятых, наиболее популярные в мировом научном сообществе произведения П. Н. Тарновской по криминальной антропологии были опубликованы в конце XIX – XX в. на иностранных языках (французский, итальянский, немецкий) и незначительная часть на русском.

Период затухания интереса к произведениям и личности Прасковьи Николаевны Тарновской в российской науке о преступности

В процессе социальных изменений в России в начале XX в. и абсолютной победе социалистических идей в науке о преступности дореволюционные криминолого-антропологические исследования подвергались искажению, замалчиванию и несправедливой критике. Например, в статье В. А. Внукова «Женщины-убийцы» из сборника «Убийства и убийцы», изданного в 1928 г., дважды упоминается о результатах исследования женщин-убийц П. Н. Тарновской. Однако в конце статьи в библиографическом списке (литературном указателе – так указано в тексте статьи. – Прим. П. К.) не указано ни одного литературного источника с выходными данными произведений цитированного им автора (Внуков, 1928). В более поздние периоды развития советской криминологии упоминания об антропологических исследованиях преступников в дореволюционной России практически прекратились, даже при исследовании личности преступника указывалось, что биологические (антропологические) теории причин преступности являются буржуазными реакционными и антинаучными теориями[23] (Герцензон, 1965, 1967). Советские криминологи иногда вспоминали об антропологических исследованиях преступников лишь при описании исторических аспектов изучения преступности в дореволюционной России без глубокого анализа сущности этих исследований в силу их «буржуазной псевдонаучности» (Остроумов, 1980).

Широко применяемый в советской криминологии подход к игнорированию результатов антропологических исследований привел к тому, что в советской и современной российской криминологии произведения П. Н. Тарновской оказались невостребованными и практически были забыты. Лишь единицы отечественных криминологов ссылались или ссылаются на ее работы при исследовании женской преступности (Ю. М. Антонян (2023), В. В. Лунеев (2009) и некоторые другие (Ростовская и др., 2022)), по предупреждению преступности (Е. Б. Кургузкина (2003)) либо по истории отечественной криминологии (А. И. Долгова[24], Г. Ф. Хохряков[25], Г. Н. Горшенков (2015; 2016, с. 58–88), Л. М. Прозументов и А. В. Шеслер[26]). К сожалению, указанные авторы упоминают лишь некоторые работы, которые были опубликованы на русском языке. В результате складывается такое ощущение, что о наличии у нее основных произведений на иностранных языках отечественные криминологи даже не подозревают. И это тревожное ощущение подтверждается проверкой цитирования ее произведений на иностранных языках на платформе российской Научной электронной библиотеки на 1 января

[23] Герцензон, А. А. (1968). Уголовный закон и личность преступника: учебное пособие. Москва: Знание. С. 42.

[24] Долгова, А. И. (2010). Становление и развитие криминологии как науки. В кн. А. И. Долгова (ред.), Криминология: учебник (4-е изд., перераб. и доп., с. 26–32). Москва: Норма: Инфра-М.

[25] Хохряков, Г. Ф. (2002). Криминология: учебник. Москва: Юристъ, 2002. С. 254.

[26] Прозументов, Л. М., Шеслер, А. В. (2017). Криминология (Общая часть): учебное пособие. Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2017. С. 47–50.

2024 г., где ссылки российских авторов на научные работы П. Н. Тарновской, опубликованные за рубежом, отсутствуют. Хотя и произведения этого автора на русском языке были процитированы всего 123 раза, включая и искаженные библиографические сведения. В то же время в дореволюционной науке даже явные противники антропологического подхода к изучению личности преступника не забывали указывать на произведения П. Н. Тарновской, опубликованные не только в Российской империи, но и за рубежом на иностранных языках (Гернет, 1911, с. 98; Есипов, 1900, с. 89; Зеланд, 1899, с. 5, 14; Обозенко, 1896, с. 62; Петри, 1894, с. 98; 1895, с. 246; Сабинин, 1905, с. 92; Фойницкий, 1893, с. 127, 163–164).

Проведенный нами анализ современных литературных источников по криминологии (диссертаций, монографий, учебников и учебных пособий), а их оказалось 217 единиц, позволяет с горечью утверждать, что для современных российских криминологов имя Прасковьи Николаевны Тарновской практически неизвестно, как и ее научные труды, опубликованные за рубежом. Более того, как не прискорбно это фиксировать, даже в 2023 г. – год 175-летия со дня рождения Прасковьи Николаевны – ни одно российское криминологическое научное издание не упомянуло об этой юбилейной дате.

Возрождение интереса к научным произведениям Прасковьи Николаевны Тарновской в мировой криминологической науке

Обращение к научным результатам прошлого позволяет нам избежать ошибок, совершенных предшественниками, и использовать их исследования уже в новых условиях для собственного научного роста и повышения результативности профессиональной деятельности. Эта очевидная истина позволяет нам существенно снизить исследовательскую нагрузку при оценке криминальных явлений и процессов. Снятый в российской науке в начале 90-х гг. XX в. идеологический запрет на обращение к работам дореволюционных криминологов, в том числе принадлежащих к антропологическому направлению, позволил исследователям чаще обращаться к научным произведениям отдельных специалистов, но не сформировал академическую потребность постоянного обращения к ним.

Несколько иначе обстоит дело за рубежом. Там обращение к результатам исследования женской преступности П. Н. Тарновской было постоянным. Для подтверждения этого достаточно обратиться к наиболее известным произведениям мировой криминологии (Adler & Simon, 1979, p. 75; Beirne, 1993, p. 251; Bowker, 1978, p. 51; Mannheim, 2013, p. 748; Reckless, 1967, p. 148; The Origins of Criminology…, 2009, pp. 17, 349; Pollak, 1890, pp. 16, 123; Scarzanella, 1999; The International Library…, 1962). Новый этап в переосмыслении криминологии проявился в начале XXI в., когда оказались востребованными научные исследования конца XIX – начала XX в., в том числе Прасковьи Николаевны Тарновской, которые были опубликованы на французском языке. Проведенный нами анализ наиболее известных зарубежных произведений по вопросам исследования женской преступности показал, что зарубежные специалисты не обращаются к научным источникам П. Н. Тарновской, опубликованным на русском языке, а также к полемике ее российских современников по вопросам криминальной антропологии и противодействию женской преступности. В результате переписки с некоторыми из них выяснилось, что эти работы труднодоступны для иностранных специалистов и требуют дополнительной лингвистической подготовки. В то же время переводы этих работ на английский язык требуют дополнительных временных, интеллектуальных и финансовых ресурсов.

Как показывает личный опыт автора, в результате повторного прочтения одних и тех же произведений в разное время одним и тем же автором, а еще лучше представителями новых поколений происходит переосмысление (переоценка) их содержания, основанное на историческом опыте. Этот процесс произошел и в отношении указанных нами произведений П. Н. Тарновской. Сначала в 2014 г. была переиздана ее наиболее популярная книга «Женщины-убийцы», вышедшая в 1908 г. в Париже на французском языке (Tarnowsky, 2014). Второе рождение *Etude Anthropométrique sur les Prostituées et les Voleuses* произошло ровно через 125 лет после первого издания этого произведения. В 2017 г. лондонское издательство *Forgotten Books*, специализирующееся на реставрации старых книг, после его технической переработки и экспертной оценки качества выпустило это произведение на французском языке в печатном и электронном виде и выставило на продажу (Étude anthropométrique…, 2017). С учетом появившегося спроса на классические произведения по криминологии в 2018 г. данное произведение вновь переиздается в печатном виде этим же издательством в серии *Classic Reprint* (Tarnowsky, 2018a) и до сих пор пользуется спросом читателей. Это же издательство в той же серии опубликовало на французском языке и второе произведение Прасковьи Николаевны – «Женщины-убийцы»

(Tarnowsky, 2018b), которое привлекло еще больше внимания иностранных специалистов различных отраслей знания, а также заставило обратиться к творчеству этого автора. Судя по интенсивности цитирования работ П. Н. Тарновской зарубежными авторами при проведении собственных исследований (Political Symbolism, 2020, p. 251), можно утверждать, что интерес к ним не ослабевает. Зарубежными авторами не только высоко оценены ее работы, но и созданы специальные видеоролики с указанием ее вклада в современную мировую криминологию. Примером тому служит короткий учебный видеоролик, созданный и размещенный в открытом доступе в сети Интернет авторитетным индийским криминологом, доктором криминологии, профессором криминологии, президентом Южноазиатского общества криминологии и виктимологии (*SASCV*) Каруппаннаном Джайшанкаром под названием «Паулина Тарновская: мать криминологии» (*Pauline Tarnowsky: Mother of Criminology*) в серии «Основные мыслители криминологии» (*Key Thinkers in Criminology*)[27].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что массовое переиздание указанных произведений П. Н. Тарновской началось по истечении чуть более 100 лет с момента их издания и с момента смерти их автора, да и то за пределами исторической родины и на чужих языках. На сегодняшний день в открытой продаже в печатном и электронном виде различными торговыми платформами продаются упомянутые ранее две монографии по криминальной антропологии, которые принесли ей мировую известность как выдающегося российского криминолога, изучавшего женскую преступность. В Российской Федерации отдельные научные произведения П. Н. Тарновской были адаптированы к новым условиям и переизданы в сборнике научных работ «Русская расовая теория до 1917 года» (Русская расовая теория…, 2004). В этом сборнике опубликованы только две небольшие работы этого автора «Новые работы по криминальной антропологии» (Тарновская, 2004a) и «Об органах чувств у преступниц и проституток» (Тарновская, 2004b). В то же время уже упомянутые нами ранее два фундаментальных научных произведения – монографии «Воровки. Антропологическое исследование» и «Женщины-убийцы. Антропологическое исследование» – до сих пор еще не переизданы в качестве самостоятельных произведений. Надеемся, что это ненадолго – просто в российской криминологической науке еще не наступило время для вдумчивой переоценки дореволюционного криминологического наследия, включая и криминолого-антропологические исследования П. Н. Тарновской.

На наш взгляд, научный интерес к произведениям Прасковьи Николаевны за рубежом обусловлен активными научными историко-криминологическими исследованиями иностранных авторов. Наиболее известным из них в начале XXI в. стала опубликованная на английском языке в книге Николь Рафтер «Истоки криминологии», изданной в Лондоне в 2009 г. (The Origins of Criminology…, 2009), отдельная глава под названием «Полина Тарновски: Антропология проституток и воровок, 1889 г.». В этой главе на английском языке в краткой форме были изложены основные положения монографии «Антропометрические исследования проституток и воровок». В указанном произведении указывается, что П. Н. Тарновская была одним из ведущих европейских криминальных антропологов, а сегодня она известна главным образом благодаря частым упоминаниям о ней Чезаре Ломброзо в книге о женской преступности. Автор этого произведения приводит только две ее монографии, упомянутые нами ранее, изданные в Париже на французском языке (Tarnowsky, 2009, pp. 178–182), а произведения П. Н. Тарновской, опубликованные на других языках, в том числе и на русском, не упоминаются вовсе.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что методы, применяемые П. Н. Тарновской, как и результаты антропометрических исследований проституток и преступниц, проведенные еще в конце XIX – начале XX в., стали активно использоваться представителями бразильской исторической науки из федерального университета штата Рио-де-Жанейро. Эти работы позволяют им сравнивать антропологические данные преступниц и проституток с аналогичными исследованиями других авторов и осуществлять новую научную историко-криминологическую интерпретацию женской девиантности и преступности (Beatriz do Nascimento Prechet et al., 2015).

В последние несколько лет появились добротные исследования научного творчества П. Н. Тарновской, в которых с использованием новейших информационных технологий доказывается то, что в работах зарубежных специалистов XIX в. отчетливо просматривается методологическое влияние трудов этого автора на развитие европейской и мировой криминальной антропологии. В них подчеркивается изменение взглядов основоположника криминальной антропологии Чезаре Ломброзо и других специалистов в вопросах иссле-

[27] Jaishankar, K. Pauline Tarnowsky: Mother of Criminology. https://www.youtube.com/watch?v=lUPPjWOF2Io

дования женской преступности и проституции, а также заимствовании ими материалов и результатов исследований Прасковьи Николаевны. Об этом свидетельствует серия публикаций авторитетного американского специалиста – профессора русского языка и комплексных исследований в Университете долины Юты (*Utah Valley University*) Фредерика Уайта (Frederick White) (White, 2021; Уайт, 2020). Действительно, проведенный нами анализ произведения Чезаре Ломброзо и Гульельмо Ферреро «Женщина-преступница и проститутка», опубликованного на старофранцузском языке в Париже в 1896 г., содержит в себе множественные ссылки на результаты исследований, проведенных Прасковьей Николаевной Тарновской, без указания на первоисточник (Lombroso & Ferrero, 1896). В самой монографии о полученных П. Н. Тарновской результатах авторы упоминают 78 раз, в том числе при сравнении их со своими антропологическими измерениями и антропометрическими данными, полученными другими исследователями.

Фредерик Уайт не единственный специалист, кто обратился к исследованию отдельных аспектов научного творчества П. Н. Тарновской. На научное наследие Прасковьи Николаевны обратили внимание и другие американские исследователи. К ним следует отнести профессора факультета социологии Университета Центральной Флориды (*University of Central Florida*) Лин Хафф-Корзин (Lin Huff-Corzine) и доктора психологии, доцента кафедры криминологии и уголовного правосудия Университета Тампы (*The University of Tampa*) Кайлу Тухи (Kayla Toohy), которые занимались переводом со старофранцузского языка на английский язык ее книги «Женщины-убийцы». В результате исследования творчества П. Н. Тарновской и перевода ее книги ими подготовлены отдельные научные статьи «Новые открытия из прошлого: отчет о переводе книги доктора Полины Тарновски 1908 года «Женщины-убийцы» (Huff-Corzine & Toohy, 2019) и «Жизнь и научная деятельность Полины Тарновской: матери криминологии». Анализ изученных ими произведений П. Н. Тарновской, архивных материалов из музея Чезаре Ломброзо в Риме, включая личную переписку Ч. Ломброзо и П. Н. Тарновской, произведений иных авторов, опубликованных на английском языке, позволил им оценить вклад Прасковьи Николаевны в формирование и развитие мировой криминальной антропологии и криминологии. В результате чего они однозначно заявили о том, что Прасковья Николаевна Тарновская является «матерью криминологии» (Huff-Corzine & Toohy, 2023). На наш взгляд, такая оценка вклада П. Н. Тарновской в мировую криминологию является субъективной и не бесспорной, хотя и имеет право на жизнь. Эта высокая оценка обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, привычкой академической среды присваивать неофициальные профессиональные статусы основателям новых научных направлений. Так, Чезаре Ломброзо отдельные зарубежные специалисты именуют «пионером криминологии» (Wolfgang, 1961) и/или «отцом криминологии» (Mazzarello, 2011). Во-вторых, создание образа «матери криминологии» является элементом феминизма в криминологии и закономерным процессом, отражающим наибольший вклад Прасковьи Николаевны Тарновской в мировую криминологическую науку в момент ее становления среди женщин, вовлеченных в исследовательскую деятельность. Такое образное мышление на рубеже XX и XXI вв. в советско-российской академической среде криминологов позволило «наградить» неформальным статусом «бабушки советской криминологии» лауреата Государственной премии СССР в области науки, заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, заслуженного профессора Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова Кузнецову Нинель Федоровну. В-третьих, закрепление неформального статуса «матери криминологии» можно объяснить еще и тем, что из всех женщин-криминологов конца XIX – начала XX в. только П. Н. Тарновская имела крупные научные произведения в области криминальной антропологии, повлиявшие на ее развитие, а также зарождение и формирование антропологического направления мировой криминологии женской преступности.

В результате проведенного нами историко-криминологического исследования нам удалось установить и идентифицировать 48 произведений П. Н. Тарновской, написанных ею и опубликованных на различных языках, среди них три крупных монографии, имеющие важное теоретическое и прикладное значение для современной криминологии. (См. Приложение, табл. П1). Кроме того, нами выявлены, идентифицированы, описаны и оценены 80 источников, опубликованных на различных языках, характеризующих качественную и количественную характеристики наиболее значимых научных произведений П. Н. Тарновской. (См. Приложение, табл. П2). Нами обнаружены материалы международных и национальных научных мероприятий с участием П. Н. Тарновской с указанием ее вклада в них, а также иные публикации о ее научном творчестве, отраженные в иных документах, в том числе некрологах (См. Приложение, табл. 3). Нами проанализирована справочная и иная информация, позволяющая судить о вкладе Прасковьи Николаевны Тарновской в отечественную, европейскую и мировую криминологию.

Заключение

Проведенное нами историко-криминологическое исследование научно-исследовательской деятельности преступного поведения женщин, осуществленной Прасковьей Николаевной Тарновской в конце XIX – начале XX в., позволяет сформулировать некоторые выводы.

Во-первых, Прасковья Николаевна Тарновская подготовила и опубликовала в конце XIX – начале XX в. значительное количество научных произведений по исследованию женской девиантности (проституции) и преступности на нескольких языках, с использованием комплексных методов познания, применяемых в биологии, медицине (психиатрии), психологии, социологии и праве. Общее количество таких произведений в рамках одного исследования сейчас установить сложно, но, по нашим данным, минимальное их количество – не менее 50. Это обусловлено не только географией публикаций, использованием для изложения результатов исследований на нескольких языках, но и временным промежутком от их обнародования до нынешних дней, в результате чего их большая часть безвозвратно утеряна, а сохранились лишь единичные экземпляры в различных государствах, которые не всегда доступны для современных исследователей и массового читателя.

Во-вторых, наиболее значимые для отечественной, европейской и мировой криминологической науки произведения Прасковьи Николаевны Тарновской были опубликованы на нескольких языках: русском, французском, итальянском и немецком. В результате такого лингвистического многообразия современным исследователям, как правило, не обремененным знанием нескольких европейских языков, сложно объективно оценить ее вклад в криминологическую науку. Российские специалисты оценивают ее вклад лишь по двум основным произведениям: «Воровки. Антропологическое исследование» и «Женщины-убийцы. Антропологическое исследование». Эти работы на сегодняшний день малодоступны для читателей и являются библиографической редкостью, а о существовании других работ этого автора, опубликованных на иностранных языках, они и не осведомлены. Современные иностранные специалисты, как правило, оценивают произведения П. Н. Тарновской, опубликованные на французском и итальянском языках, не зная ее основных работ, опубликованных в России. В результате проведенные историко-криминологические исследования не в полной мере отражают вклад Прасковьи Николаевны в отечественную, европейскую и мировую криминологическую науку.

В-третьих, в целях всестороннего, полного и объективного исследования научного творчества Прасковьи Николаевны Тарновской необходимо создание интернациональной исследовательской группы для выявления, учета, лингвокультурной адаптации, распространения и популяризации всех ее научных произведений, посвященных исследованию личностных характеристик женщин-преступниц. Возможным вариантом популяризации произведений П. Н. Тарновской могут стать перевод и переиздание наиболее ценных монографических работ «Женщины-убийцы. Антропологическое исследование» и «Воровки. Антропологическое исследование» на английский язык, а также перевод со старофранцузского языка на русский книги *Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses* и ее переиздание в России. Безусловно, потребуется создание сборника научных статей П. Н. Тарновской, опубликованных как в России, так и за рубежом, но это уже рассуждения на будущее. По-видимому, в ближайшее время это может осуществиться. Этому способствует не только научный интерес к творчеству Прасковьи Николаевны, но и формирование нового научного направления в мировой криминологической науке, именуемого «историческая криминология».

В-четвертых, проведенное нами историко-криминологическое исследование не претендует на всесторонность, бесспорность и окончательность. Многие важные вопросы из жизни Прасковьи Николаевны Тарновской остались за пределами нашего исследования, поскольку выходили за пределы предметных границ, хотя и представляют историческую ценность. Мы ограничились лишь одной стороной ее многогранной и плодотворной жизни, вне нашего исследования оказались вопросы, связанные с проведением исследований в области психиатрии, ее активной общественной деятельности. Полагаем, что и проведенное нами исследование – это лишь основания и поводы или плодотворная пища для раздумья по истории российской криминологической науки и переоценки взглядов на нее.

Список литературы

Авдеев, В. Б. (ред.). (2004). *Русская расовая теория до 1917 года: сборник оригинальных работ русских классиков* (Вып. 2). Москва: ФЭРИ-В.

Антонян, Ю. М. (2023). *Причины убийств*. Москва: Юрлитинформ.

Ашурков, Е. Д. (1957). Тарновский В. М. и его роль в женском медицинском образовании. *Вестник дерматологии и венерологии*, *1*, 43–50.

Беккариа, Ч. (2004). *О преступлениях и наказаниях*. Москва: ИНФРА-М, 2004.

Белиловский, К. А. (1895). К вопросу об антропологическом типе преступника: диссертация на степень доктора медицины. Санкт-Петербург: Императорская Военно-Медицинская Академия.

Белоусов, К. Ю. (2013). О проблемах женской преступности и профилактике правонарушений в творчестве П. Н. Тарновской. *Общество и право*, *3*(45), 256–258.

Блуменау, Л. (1887, 26 ноября). Из Общества психиатров (заседание 21-го ноября). *Врач. Еженедельная газета, посвященная всем отраслям медицинской науки, общественной и частной гигиене и вопросам врачебного быта*, *8*(48), 939.

Внуков, В. А. (1928). Женщины-убийцы. В кн. Е. К. Краснушкин, Г. М. Сегал, Ц. М. Фейнберг (ред.), *Убийства и убийцы*: сборник статей. Московский губернский суд и Московский кабинет по изучению личности преступника и преступности при Мосздравотделе (с. 191–248). Москва: Мосздравотдел, 21 тип. «Мосполиграф».

Воротынский, Б. И. (1897). Материалы к учению о вторичных перерождениях в спинном мозгу после поперечных его повреждений: (Патолого-анатомическое и экспериментальное исследование): дис. на степ. д-ра мед.: с 2 табл. рис. Казань: типо-лит. Имп. ун-та.

Воротынский, Б. И. (1900). *Психофизические особенности преступника-дегенерата: вступ. лекция в курс судеб. психопатологии*. Казань: типо-лит. Имп. ун-та.

Воротынский, Б. И. (1901, сентябрь). Биологические и социальные факторы преступности. *Журнал Министерства юстиции*, 7, 1–34.

Воротынский, Б. И. (1902). Рецензия: П. Н. Тарновская. Женщины-убийцы. Антропологическое исследование. Съ 163 рис. и 8 антропометрическими таблицами in 8-512 страницъ. СПб., 1902. Ц. 4 р. *Русский врач*, *1*(34), 1229.

Ворошилова, С. В. (2020). Женщина-врач П. Н. Тарновская (1848–1910) – представительница русской школы криминальной антропологии. В кн. *Проблемы истории общества, государства и права: сборник научных трудов* (вып. 10, с. 51–59). Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного юридического университета.

Врач г-жа Тарновская избрана членом Санкт-Петербургского общества психиатров (редакционный материал). (1881, 24 февраля). *Новое время*, 3.

Гернет, М. Н. (1911). Детоубийство: Социологическое и сравнительно-юридическое исследование: С приложением 12 диаграмм. Москва : тип. Имп. Моск. ун-та.

Герцензон, А. А. (1965). Неоломброзианство и кризис современной буржуазной криминологии. *Советское государство и право*, *11*, 89–95.

Герцензон, А. А. (1967). Против биологических теорий причин преступности. *Вопросы борьбы с преступностью*, *5*, 3–53. Москва: Юридическая литература.

Горшенков, Г. Н. (2015). *Криминология как «расширенная наука» о преступности: время становления и развития*: монография. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия.

Грейденберг, Б. С. (1887, 26 февраля). Первый съезд отечественных психиатров в Москве. *Врач. Еженедельная газета, посвященная всем отраслям медицинской науки, общественной и частной гигиене и вопросам врачебного быта*, *9*(9), 216–217.

Груздев, В. (1890). Из Русского Общества Охранения Народного Здравия (Заседание 26 февраля). Доклад доктора П. Н. Тарновской на заседании Русского общества охранения народного здравия 26 февраля о своем исследовании над преступницами-воровками. *Врач. Еженедельная медицинская газета*, *XI*(10), 43–44.

Драгневич, Н. (1893, январь). Из воспоминаний женщины-врача (К 25-летию деятельности женщин-врачей). *Русское богатство*, 1, 61–74.

Дриль, Д. А. (1901, ноябрь). Уголовная антропология в 1901 году (Международный уголовно-антропологический конгресс в Амстердаме). *Журнал Министерства Юстиции*, *9*, 89–132.

Егорышева, И. В. (2014). Николай Илларионович Козлов – ученый, врач, выдающийся организатор военной медицины (К 200-летию со дня рождения). *Военно-медицинский журнал*, *335*(11), 71–74.

Есипов, В. В. (1896). *Отравление. Историко-догматическое исследование*. Варшава: Типография Варшавского учебного округа.

Есипов, В. В. (1900). Преступность и меры воздействия. Варшава: тип. Варшавского учебного округа.

Женщины-воровки. Исследование г-жи Тарновской. (1890, Март). *Русское богатство*, 3, 201–203.

Закревский, И. (1897с, февраль). Уголовная антропология на Женевском международном конгрессе. *Журнал юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете*, 2, 59–108.

Закревский, И. П. (1897а). *Отчет о занятиях Четвертого Международного уголовно-антропологического конгресса*. Санкт-Петербург: тип. Правительствующего сената.

Закревский, И. П. (1897b). *Уголовная антропология на Женевском международном конгрессе*. Санкт-Петербург: тип. Правительствующего сената.

Зеланд, Н. (1899). *Женская преступность*. Санкт-Петербург: тип. А. А. Пороховщикова.

К двадцатипятилетию первого выпуска женщин-врачей. (1903). В кн. П. Н. Ариян (сост.), *Первый женский календарь* (с. 419–426). Санкт-Петербург: первая скоропечатная «Труд».

Ковалевский, П. И. (1884). П. Н. Тарновская, Изменение спинного мозга под влиянием вытяжения N. ischiadici (Ueber Veranderungen des Ruckemnerks in Folge von Dlhnung des N. ischiadicus). *Архив психиатрии, нейрологии и судебной психопатологии*, *III*(3),148.

Ковалевский, П. И. (1884). П. Н. Тарновская, Об изменениях спинного мозга при вытяжении седалищного нерва. *Архив психиатрии, нейрологии и судебной психопатологии*, *IV*(2), 147–148.

Ковалевский, П. И. (1892). Тарновская П. Н. Воровки. Антропологическое исследование. 1891. *Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии*, *XX*(1), 115–116.

Козлов, Н. И. (1844). Сужение яремной дыры у людей умопомешанных и самоубийц. *Друг здравия. Врачебная газета*, *325*(40).

Кривенко, В. С. (1902, 22 ноября). Женщины-врачи. *Новое время*, *10*.

Кургузкина, Е. Б. (2003). *Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений*: дис. … д-ра юрид. наук. Москва: Всероссийский научно-исследовательский институт МВД РФ.

Л. Б. (1896, декабрь). Женевский конгресс уголовной антропологии (письмо из Женевы). *Новое слово*, *3*, 20–37.

Ломброзо, Ч. (1885). *Гениальность и помешательство. Параллель между великими людьми и помешанными. С портретом автора, таблицами и рисунками* (т. VIII, пер. с 4-го итал. издания К. Тетюшиновой). Санкт-Петербург: Издание Ф. Павленкова; типография товарищества «Общественная польза».

Ломброзо, Ч. (2004). *Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты*. Москва: ИНФРА-М.

Лопатюк, И. И. (2020). О книге «Женщины-убийцы», автор Прасковья Тарновская. *Вестник «Результаты работы ученых»*, *1*(2), 1–11.

Луговенко, Т. П. (2012). Вклад П. Н. Тарновской в изучение женской преступности. *Юридический позитивизм и конкуренция теорий права: история и современность (к 100-летию со дня смерти Г. Ф. Шершеневича): материалы VI ежегодной Международной научно-практической конференции (Иваново, 5–8 октября 2012 г.): в 3 ч. Ч. 2*. (с. 267–278). Иваново: Иван. гос. ун-т.

Лунеев, В. В. (2009). Характеристика и причины преступности женщин. *Труды Института государства и права Российской академии наук*, 6, 3–24.

Н. И. Козлов, главный военно-медицинский инспектор (редакционный материал). (1878). *Иллюстрированная хроника войны. Приложение к журналу «Всемирной иллюстрации»*, *72* (т. 2, № 22), 170.

Некролог. Прасковья Николаевна Тарновская. (1911). *Русская мысль*, *32*(1), 234.

Новые члены Русского общества охранения народного здравия (редакционный материал). (1892, апрель). *Журнал Русского общества охранения народного здравия*, *4*, 412.

Обозенко, П. Е. (1896). *Поднадзорная проституция Санкт-Петербурга по данным Врачебно-полицейского комитета и Калинкинской больницы: дис. на степ. д-ра мед*. Санкт-Петербург: паровая скоропеч. «Надежда».

Остроумов, С. С. (1980). *Преступность и ей причины в дореволюционной России*. Москва: Изд-во МГУ.

П. Н. Тарновская. «Воровки». Антропологическое исследование. Цена 30 к. с пересылкой 35 коп. (1892, февраль). *Журнал Русского общества охранения народного здравия*, *2*, 2.

Петри, Э. (1894, февраль). Типы преступников. Антропологический этюд. *Северный вестник*, 2, 93–122.

Петри, Э. Ю. (1895). *Антропология. Т. II. Соматическая антропология с 41 рисунком в тексте*. Санкт-Петербург: Картографическое заведение А. Ильина.

Португалов, Ю. (1907). VI Конгресс уголовной антропологии в Турине. *Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма*, *IV*(1), 67–72.

Постовский, Н. (1897). Отчетъ о Четвертомъ международномъ конгрессѣ криминальной антропологiи въ Женевѣ, читанный В. П. Сербскимъ въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ. *Неврологический вестник*, *V*(1), 115–130. https://doi.org/10.17816/nb46645

Протоколы заседаний общества психиатров в С.-Петербурге за 1887 год. (1888). *Приложение к «Вестнику клинической и судебной психиатрии и невропатологии»* (вып. 1). Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича.

Рецензия на книгу П. Н. Тарновской «Женщины-убийцы. Антропологическое исследование с 163 рисунками и 8 антропометрическими таблицами. СПб., 1902 (редакционный материал). (1904). *Русская мысль. Кн. 1. Январь. Библиографический отдел журнала. Медицина* (с. 22–26).

Розенбах, П. Я. (1896, ноябрь). Четвертый конгресс криминальной антропологии (в Женеве, в августе 1896 г.). *Журнал Министерства юстиции*, *9*, 163–207.

Российский медицинский список, изданный Медицинским департаментом Министерства внутренних дел на 1904 год (по сведениям к 1 апреля 1904 г.). (1904). Санкт-Петербург: Тип. М-ва Внутр. Дел.

Ростовская, Т. К., Нарутто, С. В., Ворошилова, С. В. (2022). *Правовой статус и социальная адаптация молодых женщин, освобождаемых из мест лишения свободы: монография*. Москва: Проспект.

Сабинин, А. Х. (1905). *Проституция: Сифилис и венерические болезни. Половое воздержание. Профилактика проституции: Историко-профилактический этюд*. Санкт-Петербург: тип. П. П. Сойкина.

Санкт-Петербургская психиатрическая больница св. Николая Чудотворца. К 140-летию. Т. I. История. (2012). Санкт-Петербург: Издательско-полиграфическая компания «КОСТА».

Свистун, С. Я. (2015). Судебная психиатрия в истории Психиатрической больницы святого Николая. В сб. *Проблемные вопросы теории и практики принудительного лечения: сборник статей и тезисов Межрегиональной научно-практической конференции «Проблемные вопросы теории и практики принудительного лечения»* (Санкт-Петербург, 3 декабря 2015 года) (с. 3–5). Санкт-Петербург: Альта Астра.

Сербский, В. П. (1896). Четвертый международный конгресс криминальной антропологии в Женеве. *Вопросы философии и психологии*, *34*, 429–459.

Сикорский, И. А., Баршевский, В. В. (1897). Прибавление. Четвертый конгресс уголовной антропологии в Женеве в 1896 году. В кн. Э. Лоран, *Уголовная антропология и новые теории преступности* (с. 172–175). Киев: типография товарищества И. Н. Кушнерев и К° в Москве, Киевское отделение.

Список членов Общества психиатров в Санкт-Петербурге к 7 мая 1888 года. (1888). *Приложение к «Вестнику клинической и судебной психиатрии и невропатологии», вып. 1. Протоколы заседаний общества психиатров в С.-Петербурге за 1887 год* (с. 76–78). Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича.

Степанов, Е. П. (1881). Тарновская. – Dysthimia neurologica (Еженед. кл. газета. 1881. № 5 и 6). *Медицинское обозрение. Ежемесячный журнал*, *XVI*, Октябрь, 438–440.

Сущинский, П. П. (1883). *Женщина-врач в России: очерк десятилетия Женских врачебных курсов, 1872–1882 г.* Санкт-Петербург: тип. Н. А. Лебедева.

Тарновская, П. (1897, июль). Криминальная антропология и преступность женщин. *Северный вестник*, *7*, отд. I, 8–22.

Тарновская, П. (1898, май). Женская преступность в связи с ранними браками. *Северный вестник*, *5*, 133–154.

Тарновская, П. (1903, август). Женский медицинский институт и женские врачебные курсы. Исторический очерк. *Вестник Европы*, *4*(8), 497–517.

Тарновская, П. (жен.-врач). (1891c, 1 сентября). Воровки. Антропологическое исследование. Типография дома призрения малолетних бедных, 8 л. 79 стр., 350 экз. *Книжный вестник*, *8*, 191.

Тарновская, П. Н. (1872). Влияние температуры на развитие спор грибков. *Военно-медицинский журнал*, *113*(II), 55–76.

Тарновская, П. Н. (1881a). Dysthimia neurologica (клинический случай). *Еженедельная клиническая газета под ред. проф. С.П. Боткина и доц. Н. И. Соколова*, *5*, 65–68.

Тарновская, П. Н. (1881b). Dysthimia neurologica (клинический случай) (окончание). *Еженедельная клиническая газета под ред. проф. С.П. Боткина и доц. Н. И. Соколова*, *6*, 85–88.

Тарновская, П. Н. (1884a). *Об изменениях спинного мозга при вытяжении седалищного нерва*. Санкт-Петербург: Б. и.

Тарновская, П. Н. (1884b). Об изменениях спинного мозга при вытяжении седалищного нерва. *Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи*, *2*(1), 98–154.

Тарновская, П. Н. (1885b). Об изменении в спинном мозгу кролика при вытаскивании седалищного нерва. *Медицинское обозрение*, *XXIV*, 719.

Тарновская, П. Н. (1887a). О некоторых антропологических измерениях и физических признаках вырождения у привычных проституток. *Труды Первого Съезда отечественных психиатров, происходившего в Москве с 5 по 11 января 1887 г.* (с. 884–894). Санкт-Петербург: Распорядительное бюро Съезда, Типографія М. М. Стасюлевича.

Тарновская, П. Н. (1887b). *О некоторых антропологических измерениях и физических признаках вырождения у привычных проституток*. Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, ценз.

Тарновская, П. Н. (1891e). *Воровки (Антропологическое исследование)*. Санкт-Петербург: Типография дома призрения малолетних бедных.

Тарновская, П. Н. (1891a). Воровки. Антропологическое исследование: доклад I секции Русского общества охранения народного здравия. *Журнал Русского общества охранения народного здравия*, *5*, 1–67.

Тарновская, П. Н. (1891b). Таблицы к статье П. Н. Тарновской «Воровки». Антропологическое исследование. *Журнал Русского общества охранения народного здравия*, *6*, 73–83.

Тарновская, П. Н. (1892d). Воровки. СПб., 1891. Цена 50 коп. В кн. Ю. В. Янсон, *Сравнительная статистика населения*. Санкт-Петербург: тип. Дома призрения малолетних бедных.

Тарновская, П. Н. (1892a). Новые работы по криминальной антропологии. СПб., 1891. Цена 10 коп. В кн. Ю. В. Янсон, *Сравнительная статистика населения*. Санкт-Петербург: тип. Дома призрения малолетних бедных.

Тарновская, П. Н. (1892b). Новые работы по криминальной антропологии: доклад 1 Секции Русского общества охранения народного здравия, 27 декабря 1891 года. *Журнал Русского общества охранения народного здравия*, *2*, февраль, 132–145.

Тарновская, П. Н. (1892c). *Новые работы по криминальной антропологии: Доклад 1 Секции Русского общества охранения народного здравия, 27 декабря 1891 г.* Санкт-Петербург: тип. Дома призрения малолетних бедных.

Тарновская, П. Н. (1894b). Воровки 1891 г. Ц. 50 коп. *Известия Варшавского университета*, *1–5*, vi.

Тарновская, П. Н. (1894a). Новые работы по криминальной антропологии, 1891 г. Ц. 10 коп. *Известия Варшавского университета*, *1–5*, vi.

Тарновская, П. Н. (1901a). V-й Международный съезд криминальной антропологии в Амстердаме с 9–14 сентября 1901 г. *Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии*, *11*, 871–897.

Тарновская, П. Н. (1901b). V-й Международный съезд криминальной антропологии в Амстердаме с 9–14 сентября 1901 г. (окончание). *Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии*, *12*, 925–933.

Тарновская, П. Н. (1901c). *V-й международный съезд криминальной антропологии в Амстердаме*. Санкт-Петербург: Типо-лит. «Энергия».

Тарновская, П. Н. (1902). *Женщины-убийцы; Антропологическое исследование с 163 рисунками и 8 антропометрическими таблицами*. Санкт-Петербург: Товарищество художественной печати.

Тарновская, П. Н. (1908). Алкоголизм и преступность. *Труды Комиссии по вопросу об алкоголизме*, *IX*, отд. II, 656–658.

Тарновская, П. Н. (1909, 13 декабря). Памяти Ломброзо. *Право. Еженедельная юридическая газета*. Санкт-Петербург, 50, 2755–2760.

Тарновская, П. Н. (1988). Антропометрические исследования проституток, воровок и здоровых крестьянок – полевых работниц (заседание 21 ноября 1887 г.). *Приложение к «Вестнику клинической и судебной психиатрии и невропатологии»*, *вып. 1. Протоколы заседаний общества психиатров в С.-Петербурге за 1887 год* (с. 58–62). Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича.

Тарновская, П. Н. (2004b). Об органах чувств у преступниц и проституток. В кн. В. Б. Авдеев (ред.), *Русская расовая теория до 1917 года: сборник оригинальных работ русских классиков* (с. 533–544). Москва: ФЭРИ-В.

Тарновская, П. Н. (жен.-врач). (1891d). Воровки. Антропологическое исследование. (Извлечено из журнала № 6 Русского общества охранения народного здравия). СПб. 1891. Тип. Дома призрения малолетних бедных, 8 д. 3 нен. + 79 стр., 350 экз. В сб. *Список изданий, вышедших в России в 1891 году* (с. 113). Санкт-Петербург.

Тарновская, П. Н., врач. (1903). Женщины-убийцы; Антропологическое исследование Со 163 рисунками и 8 антропометрическими таблицами. СПб., 1902. Тип. «То-ва художеств. печати».8 д., 1 + VII+512 стр., 600 экз. Ц. 4 р. В сб. *Список книг, вышедших в России в 1902 году* (с. 152). Санкт-Петербург: Тип. Мин-ва внутр. дел.

Тарновская, П. (1883). Гениальность и умопомешательство по Ц. Ломброзо. *Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии*, *1*, 190–206.

Тарновская, П. (1885a). Рецензия на кн. Ломброзо «Преступный человек». *Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии*, *3*(1), 278–296.

Тарновская, П. Н. (2004a). Новые работы по криминальной антропологии. В кн. В. Б. Авдеев (ред.), *Русская расовая теория до 1917 года: сборник оригинальных работ русских классиков* (с. 523–532). Москва: ФЭРИ-В.

Тарновский, В. М. (1888). *Проституция и аболиционизм: доклад Русскому сифилидологическому и дерматологическому обществу*. Санкт-Петербург: Издание Карла Риккера.

Тарновский, В. М. (1890). *Потребители проституции*. Санкт-Петербург: Губернская типография.

Уайт, Ф. Х. (2020). Прасковья Тарновская и русские источники книги Чезаре Ломброзо «Женщина-преступница и проститутка» (авториз. пер. с англ. А. С. Волгиной). *Новое литературное обозрение*, *5*(165), 7–23.

Ферезов, А. (1903). Женщины-убийцы. Антропологическое исследование врача П. Н. Тарновской. *Исторический вестник. Историко-литературный журнал*, *XCII*, 332–334.

Фойницкий, И. Я. (1893, февраль). Женщина-преступница. *Северный вестник. Журнал литературно-научный и политический*, *2*, 123–144.

Франц, Г. (1892). Из Русского общества охранения народного здравия (заседание I секции, 27 декабря 1891 г.). *Врач. Еженедельная медицинская газета*, *XIII*(1), 21.

Хроника и мелкие известия (редакционный материал). (1897). *Врач. Еженедельная медицинская газета*, *XXVIII*(36), 1035.

Чиж, В. (1902, июнь). Рецензия: П. Н. Тарновская. Антропологическое исследование. Женщины-убийцы. Петербург, 1902. 512 с. *Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии: ежемесячный журнал, посвященный психиатрии, неврологии, электротерапии, хирургии нервной системы, гипнотизму, психологии и уголовной антропологии*, *6*, 464–465.

Чиж, В. Ф. (1896, декабрь). Четвертый Международный Конгресс Криминальной Антропологии в Женеве (12/24–17/29 августа) (окончание). *Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии: Ежемесячный журнал, посвященный психиатрии, неврологии, электротерапии, хирургии нервной системы, гипнотизму, психологии и уголовной антропологии*, *12*, 942–944.

Чиж, В. Ф. (1893). Третий международный конгресс по криминальной антропологии в Брюсселе. *Вопросы философии и психологии*, *16*, 1–24.

Чиж, В. Ф. (1901). Пятый международный конгресс криминальной антропологии в Амстердаме 9–14 сентября 1901 г. *Вопросы философии и психологии*, *59*, 376–404.

Шабанова, А. Н. (1886). Женские врачебные курсы. Из воспоминаний бывшей слушательницы. *Вестник Европы*, *1*, 345–358.

Шабанова, А. Н. (1904). Из первых лет женского медицинского образования в России. (Воспоминания женщины-врача первого выпуска). В сб. Ек. П. Леткова, Ф. Д. Батюшков, *К свету: научно-литературный сборник* (с. 289–310). Санкт-Петербург: Издание Комитета Общества доставления средств С.-Петербургским высшим женским курсам.

(1890). Etude Anthropométrique sur les Prostituées et les Voleuses, par le Docteur Pauline Tarnowsky, (Anthropometric Study of Prostitutes and Female Thieves, by Dr. Pauline Tarnowsky.) Paris, 1889: Bureaux du Progrès Médical. 8vo. pp. 226. *American Journal of Psychiatry*, *47*(1), p. 82. https://doi.org/10.1176/ajp.47.1.82

(1906). L'informateur des aliénistes et des neurologistes (*Informateur des aliénistes et des neurologistes*), *1-2*, 7.

A study of Russian Prostitutes. (1890, May). *Public Health. The Journal of Society Medical Officers of Health*, *III*(1), 103–105. https://doi.org/10.1016/s0033-3506(05)82837-9

Actes du troisième Congrès International d'Anthropologie Criminelle: tenu a Bruxelles en Aout 1892 Sous Le Haut Patronage Du Gouvernement: Biologie et Sociologie. (1893). Bruxelles: Hayez.

Adler, F., & Simon, R. J. (1979). *The Criminology of Deviant Women*. Houghton Mifflin.

Areco, H. (1908). [Reseña, Pauline Tarnowski, Les femmes homicides, París, Alcan, 1908]. *Archivos de psiquiatría y criminologia*, *7*, 382.

Beirne, P. (1993). *Inventing Criminology: Essays on the Rise of 'Homo Criminalis'*. New York: State University of New York Press.

Bertram, C. A. Windle, M. A., M. D. (1890, June). Anthropométrique sur les Prostituées et les Voleuses. Par le Dr. Pauline Tarnowsky. Paris, 1889: Aux Bureaux du Progres Medical. *The London Medical Recorder*, *III*, 234–235.

Bournet A. (1893). Troisième congrès International d'antropologia criminale. *Archives d'anthropologie criminelle, de médecine légale et des sciences penales*, *7*(41), 465–591.

Bowker, L. H., Chesney-Lind, M., & Pollock, J. (1978). *Women, crime, and the criminal justice system*. Lexington Books.

Buttersack. (1908, June 30). Frauen als Mörderinnen. (Les femmes homicides). Dr. Pauline Tarnowski. París: Alcan. 590. Seiten mit 161 Textfiguren und 40 Tafeln. *Fortschritte der Medizin*, *XXVI*(21), 672.

C. L. Congresso d Antropologia criminale di Bruxelles. (1892). *Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale*, *13*, 596–599.

Discussion: MM. Näcke, Heger, Benedikt, Mme Tarnovsky. *Actes du troisième Congrès International d'Anthropologie Criminelle: tenu a Bruxelles en Aout 1892* (XXXIII, c. 234–235).

Driver, E. D. (1957). Pioneers in Criminology XIV – Charles Buckman Goring (1870–1919). *J. Crim. L. Criminology & Police Sci.*, *47*(5), 515–525.

Etienne, M. (1896). Quatrième Congres d'antropologie criminalle. *Archives d'anthropologie criminelle, de criminologie et de psychologie normale et pathologique*, *11*(65), 481–484.

Galli, C. (1903, Octubre). [Reseña, Pauline Tarnowski, Jenchtchini Oubiytsi, Petersburgo, 1902]. *Archivos de psiquiatría y criminologia*, *II*(X), 638.

Goring, Ch. (1909, Jul. – Oct.). Some Recent Criminological Works [Review of Les femmes homicides; Britain's Blot, by Pauline Tarnowsky & G. F. Sutherland]. *Biometrika*, *7*(1/2), 231–233. https://doi.org/10.2307/2345374

Gurrieri. (1893). Tarnowsky. Sur les organes des sens des femmiles crimineles et der prostitutioneis // Arch. di Psich., scienze penali ece. Vol. XIV. Fase. I-II, 1893. *Rivista sperimentale di freniatria e di medicina legale in relazione con l'antropologia le scienze giuridiche e sociale*, *XXX*(XIX), 164.

Hinze. (1888). Original-Vereinsberichte. Psychiatrischer vereine in St. Petersburg. Sitzung am 21. Novembr 1887. P.N. Tarnowski (weiblicher Arzt): Antropometrische Untersuchurgen Prostiturler und Verbrecherinnen. *Zentralblatt für Nervenheilkunde und Psychiatrie*, *XI*(1), 5–6.

Huff-Corzine, L., & Toohy, K. (2019, 29 May – 1 June). New Discoveries from the Past: A Report on the Translation of Dr. Pauline Tarnowsky´s 1908 Book, Les Femmes Homicide. *Annual Meeting Homicide Research Working Group* (c. 18–21).

Huff-Corzine, L., & Toohy, K. (2023, March – April). The life and scholarship of Pauline Tarnowsky: Criminology's mother. *Journal of Criminal Justice*, *85*. https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2022.101986

J. M. (1890). Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses, par le dr. Tarnowsky, aves 8 tableaux et 20 dessins (Paris, Bureaux du Progres medical, 1890). *Bulletin de la Société de Medicine Mentale de Belgique*, 56, Juin, 237–239.

J. M. (1892). Troisieme Congres d'antropologie criminalle, tenu a Bruxelles en aout 1892. *Bulletin de la Société de médecine mentale de Belgique*, Septembre, *66*, 266–296.

Joseph. (1890). Pauline Tarnowsky. Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses, Paris, 1889. *Centralblatt für klinische Medizin*, *11*(31), 567.

Kurella, H. (1892). *Cesare Lombroso und die Naturgeschichte des Verbrechers*. Gamburg: Verlagsanstalt und Druckerei A. G.

Laurent, E. (1891). *L'anthropologie criminelle et les nouvelles théories du crime*. Avec 11 portretshors texte criminologies francalis et etrangeres. Paris: Societe d'editions scientifiques.

Locard Edmon. (1906). Le VI Congres d'anthropologie criminelle (Turin, 28 Abril – 3 Mai 1906.). *Archives d'anthropologie criminelle, de criminologie et de psychologie normale et pathologique*, *21*(150), 423–473.

Lombroso, & Ottolenghi. (1891, Settembre – Ottobre). La donna delinquente e la prostitute. *Giornale della Reale Accademia di Medicina di Torino*, *LIV*(9–10), 833–862.

Lombroso, C. (1893). *Le più recenti scoperte ed applicazioni della psichiatria ed antropologia criminale*. Torino: Bocca.

Lombroso, C. (1894). *Neue Fortschritte in den Verbrecherstudien: mit 38 Textillustrationen und zwei Tafeln*. Leipzig: Friedrich.

Lombroso, C. (1908). Pauline Tarnowsky. Les femmes homicides. *Archivio di Psichiatria Scienze Penali ed Antropologia*, *XXIX*, 146–151.

Lombroso, C., & Ferrero, G. (1896). *La femme criminelle et la prostituée*. Avec 13 planches hors texte. Paris: Felix Alcan, 1896.

Lombrozo, C. (1896). *L'anthropologie Criminelle. Et ses recents progress*. Paris: Felix Alcan.

MacDonald, A. (1893). *Criminology. With an Introduction by Dr. Cesare Lombroso*. New York: Funk and Wagnalls Co.

MacDonald, A. (1910, November). Les Femmes Homicides by Pauline Tarnowsky. *Journal of the American Institute of Criminal Law and Criminology*, *1*(4), 666–668.

Manley, Th. H. (1894). Medico-Legal section of the Late International Medical Congress at Rome, Italy, April, 1894. *The Medico-legal Journal*, *XXII*, 42–45.

Mannheim, H. (2013). *Comparative Criminology: A Textbook*. Taylor & Francis.

Marie, A. (1896, (Juollet – Decembre). Congres International d'antropologie criminalle, session de Geneve (24–28 aout 1896). *Le Progres Medical*, *IV*, 162–164.

Mazzarello, P. (2011, Apr – Jun). Cesare Lombroso: an anthropologist between evolution and degeneration. *Funct Neurol.*, *26*(2), 97–101. PMID: 21729591; PMCID: PMC3814446.

Melikoff, L. (1895). Etudes antropometriges sur les prostitutes et les voleures par Mme Pauline Tarnowski. *Archiv fur Antropologie*, *XXIII*, BAND, 223.

Meyer, A. (1908, September 24). Les Femmes Homicides. (Avec 40 planches hors texte contenant 161 figures, et 8 tableaux anthropometriques.) Pauline Tarnowski. Paris: Felix Alcan. 1908. Pp. viii + 591. *The Journal of Philosophy, Psychology, and Scientific Methods*, *5*(20), 556–557. https://about.jstor.org/terms

Miceli, C., Bruno, D., Riccitelli, L., Celentano, C., & Reghitto, M. A. (2011). Trazas históricas y conceptos centrales en las Conferencias inaugurales de la Cátedra de 'Psicología Legal' realizadas por el Dr. Horacio P. Areco en agosto de 1912. In *Actas del V Congreso Marplatense de Psicología , Facultad de Psicología, Universidad Nacional de Mar del Plata*. http://23118.psi.uba.ar/academica/carrerasdegrado/psicologia/informacion_adicional/obligatorias/034_historia_2/Archivos/inv/6TrazasAreco.pdf

Mingazzini. (1891). Sull "Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses" della Tarnowsky. *Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale* (Vol. Dodicesimo. Parte. VI. pp. 146–148).

Nécrologie Mme P. Tarnowsky. (1911). *Archives d'anthropologie criminelle de criminologie et de psychologie normale et pathologique*, *26*, 316.

Necrologio Pauline Tarnowski. (1911). *Archivio di antropologia criminale, psichiatria e medicina legale organo ufficiale della Associazione italiana di medicina legale e delle assicurazioni* (XXVIII, Vol. III. Serie. IV. C. 175).

Nove casopsy kriminologicke "LAntropolo" a"Pivista" di discipline carcerarie. (1891). Dr. E. Portel, Lantropologie et la responsabilite medico-logale, Paris, (J. B. Beilliere et Fils), 1891, str. 181. Dr. X. Francotte "Lantropologie criminalie". Bruxelles. 1890. Str. 83. Dr. Pauline Tarnowsky "Étude anthropométrique sur les prostituées (Aves 8 tableaux antropometriques et 20 dessins). Paris, (Lecrosnier et Babe). 1889. (E. Dortel "Antropologie kriminalni a zodpovednost saudniho lekart) X. Francotte Antropologie kriminalni. P. Tarnovska Studie antropometrika o prostituvanych a zlodejkach. *Athenaeum: listy pro literaturu a kritiku vědeckou*, *IX*, 10–11.

Ottolenghi, S. (1888). Tarnowsky P. Misure antrometriche su centocinguonta prostitute, ceuto landre e cento contadie della dottoressa Tarnowsky di Saint-Peterbourg. *Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale*, *IX*, 196–197.

Political Symbolism in Modern Europe: Essays in Honour of George L. Mosse. (2020). Taylor & Francis.

Pollak, O. (1961). *The Criminality of Women*. Greenwood Press.

Prechet, B. do N., Saiol, J. R. S., & Nery, L. (2015). Antropologia Criminal e prostituição : a matematização do corpo segundo Pauline Tarnowsky. *Revista TransVersos*, *3*(1), 61–73. https://doi.org/10.12957/transversos.2015.19796

Prostitution and abolitiolismus. (1890). In *Briefe von B. Tarnowsky* (XI). Gambourg und Leipzig: L. Voss.

Quatrième Congres d'antropologie criminalle. (1896). *Archives d'anthropologie criminelle, de criminologie et de psychologie normale et pathologique*, *11*(65), 485–521.

Räcke, G. (1897). 13. Der. 4. Internationale Kongreß für Kriminalanthropologie in Genf, vom 24. bis 29. August 1896. *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft*, *17*(Jahresband), 390–394. https://doi.org/10.1515/zstw.1897.17.1.390

Rafter, N. H. (Ed.). (2009). *The Origins of Criminology: A Reader*. London: Routledge-Cavendish. https://doi.org/10.4324/9780203869949

Ray, J. (1906–1907). Pauline Tarnowsky. Les femmes homicides. *L'Année Sociologique*, *XI*, 455.

Reckless, W. C. (1967). *The Crime Problem*. Appleton-Century-Crofts.

Russa: antropology. (1909). Tarnowsky, Les Femmes homicides. Per. Dr. Pauline Tarnowsky. Paris, Alcan, 1908. Pp. VIII.+591. 25x16 cm. Price. 15 francs. *Man*, *9*, 79. Vereinigtes Königreich: Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland.

Scarzanella, Eu. (1999). *Italiani malagente: immigrazione, criminalità, razzismo in Argentina, 1890–1940*. F. Angeli.

Storck, A. (1906). VI Congres International d'anthropologie criminelle et fetes en l hommeur du professer Cesare Lombroso, a loccasio son jbile scientifigue. *Archives d'anthropologie criminelle, de criminologie et de psychologie normale et pathologique*, *21*(148), 309–312.

Tarnovsky, P. (1893). Sur les organs des sens chez les femmes criminelles. *Actes du troisième Congrès International d'Anthropologie Criminelle: tenu a Bruxelles en 7-13 aout 1892. Biologie et sociologie* (XXXIII, c. 225–233). Bruxelles: Hayez.

Tarnowski, P. Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses. – Paris 1889. Lecrosnier et Babe. 8. 226 s. (1892). *Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie und psychisch gerichtliche Medizin herausgegeben von Deutschlands Inrenarzten* (Vol. 48, s. 228–229).

Tarnowsky (Pauline). Les femmes homicides. viii, 591 pp., 39 pl. 8. Paris,F. Alcan. 1908. (1912). *Index-catalogue of the Library of the Surgeon-General's Office United Stases Army*, *XVII*, 614.

Tarnowsky, P. (1889). *Etude Anthropométrique sur les Prostituées et les Voleuses*. Avec 8 Tableaux Anthropometriques et 20 Dessins. Paris: Aux Bureaux du Progrés Mèdical, E. Leerosnier and Bade, Éditeurs.

Tarnowsky, P. (1893b). Fisionomie di prostitute russe (con una tavola). *Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale*, *XIV*, 141–143.

Tarnowsky, P. (1893a). Sur les organes des sens des femmiles crimineles et der prostitutioneis. *Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale*, *XIV*, 25–38.

Tarnowsky, P. (1893c). *Sur les Organs des sens des femmes criminelles et des prostituées*. Turin: Camilla et Bertolero.

Tarnowsky, P. (1897). Criminalite de la femme. In *Congres International D'Anthropologie Criminelle: Compte Rendu Des Travaux De La Quatrieme Session Tenue A Geneve Du 24 Au 29 Aout 1896* (pp. 231–237). Geneva: Georg & Co.

Tarnowsky, P. (1900). *Aperçu sur l'instruction médicale des femmes en Russie*. St. Pétersbourg: Imprimerie R. Golpke.

Tarnowsky, P. (1907a). L'oreille de Vespasien. *Bulletin de la Société d'Anthropologie de Bruxelles*, *26*, LXXVII–LXXX.

Tarnowsky, P. (1907b). Quelques Signes de la degénérescent Physique. *Bulletin de la Société d'Anthropologie de Bruxelles*, *26*, LXXXI–XCIV.

Tarnowsky, P. (1908a). *Les femmes homicides*. Avec 40 planches hors texte contenant 161 figures et 8 tableaux antropometriques. Paris, Félix Alcan.

Tarnowsky, P. (1908b, Mars 15). Les femmes homicides (Vol. 1), avec 40 planches hors texle contenant 161 figures et 8 tableaux antropoloques. In F. Alcan (Ed.), *Revue neurologique*, *5*, 216–217.

Tarnowsky, P. (2009). The anthropology of prostitutes and female thieves, 1889. In N. H. Rafter (Ed.), *The Origins of Criminology: A Reader* (s. 178–182). London: Routledge-Cavendish. https://doi.org/10.4324/9780203869949

Tarnowsky, P. (2014). *Les Femmes Homicides*. Hachette Livre – Bnf.

Tarnowsky, P. (2017). *Étude anthropométrique sur les prostitueés et les voleuses*. Forgotten Books.

Tarnowsky, P. (2018a). *Étude Anthropométrique Sur Les Prostituées Et Les Voleuses (Classic Reprint)*. Forgotten Books.

Tarnowsky, P. (2018b). *Les Femmes Homicides (Classic Reprint)*. Forgotten Books.

Tarnowsky, P. (2021). *Aperçu sur l'instruction médicale des femmes en Russie*. Hachette Livre Bnf.

Tarnowsky, P., & Lombroso, C. (1893). Fotografie di criminali russe. *Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale*, *XIV*, 273–275.

Tarnowsky, P., & Mélikoff, L. (1892). Etudes anthropométriques sur les prostitués et les voleuses. *Bulletins de la Société d'anthropologie de Paris, IV° Série*, *3*, 95–104. https://doi.org/10.3406/bmsap.1892.3964

The Fourth International congress of criminals (from our Special Correspondent) (Concluded from p.853). (1896, Sept. 26). *The Lancet*, *II*, 918–919.

The International Library of Criminology, Delinquency and Deviant Social Behaviour (1962). Tavistock Publications.

Umpfenbach (Bonn). Tarnowsky, P. (1908). Les femmes homicides. Paris, Felix Alcan. 1908. 591. S. *Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane*, *49*(XX). *Individuum and Gesellschagt*, 312.

W.L.W. Etudes antropometriges sur les prostitutes et les voleures. par le Docteur Pauline Tarnowsky, (Anthropometric Study of Prostitutes and Female Thieves, by Dr. Pauline Tarnowsky.). Paris, 1889: Bureaux du Progrès Médical. 8vo. pp. 226. (1890–1891). *The American Journal of Insanity*, *XLVII*(1), 82.

Weinberg-Dorpat, R. (1904). *P. N. Tarnowski, Des weib als Verbrecherin. Eine antropologische Untersuohung. VII -|- 512 Seiten in Groß 8", mit 163 Figuren und 8 anthropometrisclien Tabellen. St. Petersburg 1902. Biologisches Centralblatt* (pp. 408–412). Verlag von Georg Thieme.

White, F. H. (2021). Pauline Tarnowsky and the Russian Influence on Cesare Lombroso's Criminal Woman. In M. Miller & K. Starikov (Eds.), *The Russian Medical Humanities: Past, Present, and Future* (pp. 67–98). Lanham, Maryland: Lexington Books.

Wigmore, J. (1911). Death of Madame Pauline Tarnowsky. *Journal of the American Institute of Criminal Law and Criminology*, *2*, 270–271.

Wolfgang, M. E. (1961). Pioneers in Criminology: Cesare Lombroso (1835–1909). *The Journal of Criminal Law, Criminology, and Police Science*, *52*(4), 361–391. https://doi.org/10.2307/1141263

XI Congresso Medico Internationale in Roma del 28 Marso al 5 Aprile 1894. (1894). *Rivista sperimentale di freniatria e medicina legale*, *XX*, 108–115.

References

(1890). Etude Anthropométrique sur les Prostituées et les Voleuses, par le Docteur Pauline Tarnowsky, (Anthropometric Study of Prostitutes and Female Thieves, by Dr. Pauline Tarnowsky.) Paris, 1889: Bureaux du Progrès Médical. 8vo. pp. 226. *American Journal of Psychiatry*, *47*(1), p. 82. https://doi.org/10.1176/ajp.47.1.82

(1906). L'informateur des aliénistes et des neurologistes (*Informateur des aliénistes et des neurologistes*), *1–2*, 7.

A study of Russian Prostitutes. (1890, May). *Public Health. The Journal of Society Medical Officers of Health*, *III*(1), 103–105. https://doi.org/10.1016/s0033-3506(05)82837-9

Actes du troisième Congrès International d'Anthropologie Criminelle: tenu a Bruxelles en Aout 1892 Sous Le Haut Patronage Du Gouvernement: Biologie et Sociologie. (1893). Bruxelles: Hayez.

Adler, F., & Simon, R. J. (1979). *The Criminology of Deviant Women*. Houghton Mifflin.

Antonyan, Yu. M. (2023). *Causes of murders*. Moscow: Yurlitinform. (In Russ.).

Areco, H. (1908). [Reseña, Pauline Tarnowski, Les femmes homicides, París, Alcan, 1908]. *Archivos de psiquiatría y criminologia*, *7*, 382.

Ashurkov, E. D. (1957). V. M. Tarnovskiy and his role in medical education of women. *Vestnik dermatologii i venerologii, 1*, 43–50. (In Russ.).

Avdeev, V. B. (Ed.). (2004). *Russian racial theory before 1917: a collection of original works of Russian classics* (Iss. 2). Moscow: FERI-V. (In Russ.).

Beirne, P. (1993). *Inventing Criminology: Essays on the Rise of 'Homo Criminalis'*. New York: State University of New York Press.

Bekkaria, Ch. (2004). *On crimes and punishments*. Moscow: INFRA-M. (In Russ.).

Belilovskii, K. A. (1895). On the anthropological type of a criminal: a Doctor of Medicine dissertation. Saint Petersburg: Imperatorskaya Voenno-Meditsinskaya Akademiya. (In Russ.).

Belousov, K. Yu. (2013). On female criminality and prevention of delinquency in the work by P. N. Tarnovskaya. *Society and Law*, *3*(45), 256–258. (In Russ.).

Bertram, C. A. Windle, M. A., M. D. (1890, June). Anthropométrique sur les Prostituées et les Voleuses. Par le Dr. Pauline Tarnowsky. Paris, 1889: Aux Bureaux du Progres Medical. *The London Medical Recorder*, *III*, 234–235.

Blumenau, L. (1887, November 26). From the Psychiatrists' Society (meeting of November 21st). *Vrach. Ezhenedel'naya gazeta, posvyashchennaya vsem otraslyam meditsinskoi nauki, obshchestvennoi i chastnoi gigiene i voprosam vrachebnogo byta*, *8*(48), 939. (In Russ.).

Bournet A. (1893). Troisième congrès International d'antropologia criminale. *Archives d'anthropologie criminelle, de médecine légale et des sciences penales*, *7*(41), 465–591.

Bowker, L. H., Chesney-Lind, M., & Pollock, J. (1978). *Women, crime, and the criminal justice system*. Lexington Books.

Buttersack. (1908, June 30). Frauen als Mörderinnen. (Les femmes homicides). Dr. Pauline Tarnowski. París: Alcan. 590. Seiten mit 161 Textfiguren und 40 Tafeln. *Fortschritte der Medizin*, *XXVI*(21), 672.

C. L. Congresso d Antropologia criminale di Bruxelles. (1892). *Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale*, *13*, 596–599.

Chizh, V. (1893). Third International Congress on Criminal Anthropology in Brussels. *Voprosy filosofii i psikhologii*, *16*, 1–24. (In Russ.).

Chizh, V. (1896, December). Fourth International Congress on Criminal Anthropology in Geneva (August 12/24–17/29) (ending). *Obozrenie psikhiatrii, nevrologii i ehksperimental'noi psikhologii: ezhemesyachnyi zhurnal, posvyashchennyi psikhiatrii, nevrologii, ehlektroterapii, khirurgii nervnoi sistemy, gipnotizmu, psikhologii i ugolovnoi antropologii*, 12, 942–944. (In Russ.).

Chizh, V. (1901). Fifth Third International Congress on Criminal Anthropology in Amsterdam on September 9–14, 1901. *Voprosy filosofii i psikhologii*, *59*, 376–404. (In Russ.).

Chizh, V. (1902, June). Review: P. N. Tarnovskaya. Anthropological study. Female murderers. Petersburg, 1902. 512 p. *Obozrenie psikhiatrii, nevrologii i ehksperimental'noi psikhologii: ezhemesyachnyi zhurnal, posvyashchennyi psikhiatrii, nevrologii, ehlektroterapii, khirurgii nervnoi sistemy, gipnotizmu, psikhologii i ugolovnoi antropologii*, 6, 464–465. (In Russ.).

Dragnevich, N. (1893, January). From memoirs of a woman doctor (to the 25th anniversary of women doctors' activities). *Russkoe bogatstvo*, *1*, 61–74. (In Russ.).

Dril, D. A. (1901, November). Criminal anthropology in 1901 (International Criminal Anthropological Congress in Amsterdam). *Zhurnal Ministerstva Yustitsii*, *9*, 89–132. (In Russ.).

Driver, E. D. (1957). Pioneers in Criminology XIV – Charles Buckman Goring (1870–1919). *J. Crim. L. Criminology & Police Sci.*, *47*(5), 515–525.

Egorysheva, I. V. (2014). Nikolay Illarionovich Kozlov – researcher, doctor, outstanding organizer of military medicine (on the 200th anniversary of birth). *Voenno-meditsinskii zhurnal*, *335*(11), 71–74. (In Russ.).

Esipov, V. V. (1896). *Otravlenie. Istoriko-dogmaticheskoe issledovanie*. Warsaw: tip. Varshavskogo uchebnogo okruga. (In Russ.).

Esipov, V. V. (1900). Crime and impact measures. Warsaw: tip. Varshavskogo uchebnogo okruga. (In Russ.).

Etienne, M. (1896). Quatrième Congres d'antropologie criminalle. *Archives d'anthropologie criminelle, de criminologie et de psychologie normale et pathologique*, *11*(65), 481–484.

Feresov, A. (1903). Female murderers. Anthropological study by physician P. N. Tarnovskaya. *Istoricheskii vestnik. Istoriko-literaturnyi zhurnal*, *XCII*, 332–334. (In Russ.).

Foinitskii, I. Ya. (1893, February). A female criminal. *Severnyi vestnik. Zhurnal literaturno-nauchnyi i politicheskii*, 2, 123–144. (In Russ.).

Franz, G. (1892). From the Russian Society for the Preservation of Public Health (session of Section I, December 27, 1891). *Vrach. Ezhenedel'naya meditsinskaya gazeta*, *XIII*(1), 21. (In Russ.).

Galli, C. (1903, Octubre). [Reseña, Pauline Tarnowski, Jenchtchini Oubiytsi, Petersburgo, 1902]. *Archivos de psiquiatría y criminologia*, *II*(X), 638.

Gernet, M. N. (1911). *Infanticide: a sociological and comparative-legal study: with 12 diagrams*. Moscow: ip. Imp. Mosk. un-ta. (In Russ.).

Gertsenzon, A. A. (1965). Neolombrosianism and the crisis of modern bourgeois criminology. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, *11*, 89–95. (In Russ.).

Gertsenzon, A. A. (1967). Against biological theories on crime causes. *Voprosy borby s prestupnostyu*, *5*, 3–53. Moscow: Yuridicheskaya literatura. (In Russ.).

Goring, Ch. (1909, Jul. – Oct.). Some Recent Criminological Works [Review of Les femmes homicides; Britain's Blot, by Pauline Tarnowsky & G. F. Sutherland]. *Biometrika*, *7*(1/2), 231–233. https://doi.org/10.2307/2345374

Gorshenkov, G. N. (2015). *Criminology as an "extended science" of crime: period of formation and development:* monograph. Nizhny Novgorod: Nizhegorodskaya pravovaya akademiya. (In Russ.).

Greidenberg, B. S. (1887, February 26). The First Congress of Russian Psychiatrists in Moscow. *Vrach. Ezhenedel'naya gazeta, posvyashchennaya vsem otraslyam meditsinskoi nauki, obshchestvennoi i chastnoi gigiene i voprosam vrachebnogo byta*, *9*(9), 216–217. (In Russ.).

Gruzdev, V. (1890). From the Russian Society for the Protection of Public Health (session of February 26). Report by Dr. P. N. Tarnovskaya at the meeting of the Russian Society for the Protection of Public Health on February 26 on her research on female thieves. *Vrach. Ezhenedel'naya meditsinskaya gazeta*, *XI*(10), 43–44. (In Russ.).

Gurrieri. (1893). Tarnowsky. Sur les organes des sens des femmiles crimineles et der prostitutioneis // Arch. di Psich., scienze penali ece. Vol. XIV. Fase. I-II, 1893. *Rivista sperimentale di freniatria e di medicina legale in relazione con l'antropologia le scienze giuridiche e sociale*, *XXX*(XIX), 164.

Hinze. (1888). Original-Vereinsberichte. Psychiatrischer vereine in St. Petersburg. Sitzung am 21. Novembr 1887. P.N. Tarnowski (weiblicher Arzt): Antropometrische Untersuchurgen Prostiturler und Verbrecherinnen. *Zentralblatt für Nervenheilkunde und Psychiatrie*, *XI*(1), 5–6.

Huff-Corzine, L., & Toohy, K. (2019, 29 May – 1 June). New Discoveries from the Past: A Report on the Translation of Dr. Pauline Tarnowsky´s 1908 Book, Les Femmes Homicide. *Annual Meeting Homicide Research Working Group* (pp. 18–21).

Huff-Corzine, L., & Toohy, K. (2023, March – April). The life and scholarship of Pauline Tarnowsky: Criminology's mother. *Journal of Criminal Justice*, *85*. https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2022.101986

J. M. (1890). Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses, par le dr. Tarnowsky, aves 8 tableaux et 20 dessins (Paris, Bureaux du Progres medical, 1890). *Bulletin de la Société de Medicine Mentale de Belgique*, *56*, Juin, 237–239.

J. M. (1892). Troisieme Congres d'antropologie criminalle, tenu a Bruxelles en aout 1892. *Bulletin de la Société de médecine mentale de Belgique*, Septembre, *66*, 266–296.

Joseph. (1890). Pauline Tarnowsky. Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses, Paris, 1889. *Centralblatt für klinische Medizin*, *11*(31), 567.

Kovalevskii, P. I. (1884). P. N. Tarnovskaya, Changes in the spinal cord under the influence of traction of N. ischiadici (Ueber Veranderungen des Ruckemnerks in Folge von Dlhnung des N. ischiadicus). *Arkhiv psikhiatrii, neirologii i sudebnoi psikhopatologii*, *III*(3),148. (In Russ.).

Kovalevskii, P. I. (1884). P. N. Tarnovskaya, On changes in the spinal cord under the influence of sciatic nerve traction. *Arkhiv psikhiatrii, neirologii i sudebnoi psikhopatologii*, *IV*(2), 147–148. (In Russ.).

Kovalevskii, P. I. (1892). P. N. Tarnovskaya Female thieves. Anthropological study. 1891. *Arkhiv psikhiatrii, neirologii i sudebnoi psikhopatologii*, *XX*(1), 115–116. (In Russ.).

Kozlov, N. I. (1844). Narrowing of the jugular in insane and suicidal people. *Drug zdraviya. Vrachebnaya gazeta*, *325*(40). (In Russ.).

Krivenko, V. S. (1902, November 22). Female doctors. *Novoe vremya*, 10.

Kurella, H. (1892). *Cesare Lombroso und die Naturgeschichte des Verbrechers*. Gamburg: Verlagsanstalt und Druckerei A.G.

Kurguzkina, E. B. (2003). *Theory of a criminal personality and issues of individual crime prevention:* Dr. Sci. (Law) thesis. Moscow: Vserossiiskii nauchno-issledovatel'skii institut MVD RF. (In Russ.).

L. B. (1896, December). Geneva Congress of Criminal Anthropology (letter from Geneva). *Novoe slovo*, *3*, 20–37. (In Russ.).

Laurent, E. (1891). *L'anthropologie criminelle et les nouvelles théories du crime*. Avec 11 portretshors texte criminologies francalis et etrangeres. Paris: Societe d'editions scientifiques.

Locard Edmon. (1906). Le VI Congres d'anthropologie criminelle (Turin, 28 Abril – 3 Mai 1906.). *Archives d'anthropologie criminelle, de criminologie et de psychologie normale et pathologique*, *21*(150), 423–473.

Lombroso, & Ottolenghi. (1891, Settembre – Ottobre). La donna delinquente e la prostitute. *Giornale della Reale Accademia di Medicina di Torino*, *LIV*(9–10), 833–862.

Lombroso, C. (1893). *Le più recenti scoperte ed applicazioni della psichiatria ed antropologia criminale*. Torino: Bocca.

Lombroso, C. (1894). *Neue Fortschritte in den Verbrecherstudien: mit 38 Textillustrationen und zwei Tafeln*. Leipzig: Friedrich.

Lombroso, C. (1908). Pauline Tarnowsky. Les femmes homicides. *Archivio di Psichiatria Scienze Penali ed Antropologia*, *XXIX*, 146–151.

Lombroso, C., & Ferrero, G. (1896). *La femme criminelle et la prostituée*. Avec 13 planches hors texte. Paris: Felix Alcan, 1896.

Lombrozo, C. (1896). *L'anthropologie Criminelle. Et ses recents progress*. Paris: Felix Alcan.

Lombrozo, C. (1885). *Genius and insanity. A parallel between great men and insane men. With a portrait of the author, tables and drawings* (Vol. VIII, translated from the 4th Italian edition by K. Tetyushinova). Saint Petersburg: Izdanie F. Pavlenkova; tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya polza". (In Russ.).

Lombrozo, C. (2004). *Crime. The latest advances in the science of a criminal. Anarchists*. Moscow: INFRA-M.

Lopatyuk, I. I. (2020). On the book "Female murderers" by Praskovya Tarnovskaya. *Vestnik "Rezultaty raboty uchenyh"*, *1*(2), 1–11. (In Russ.).

Lugovenko, T. P. (2012). P. N. Tarnovskaya's contribution to the study of female criminality. In *Legal positivism and competition of theories of law: history and modernity (to the 100th anniversary of the death of G. F. Shershenevich): proceedings of the 6th Annual international scientific and practical conference (Ivanovo, October 5-8, 2012): in 3 parts. Part 2*. (pp. 267–278). Ivanovo: Ivanovo State University. (In Russ.).

Luneev, V. V. (2009). Characteristics and causes of women's criminality. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 6, 3–24.

MacDonald, A. (1893). *Criminology. With an Introduction by Dr. Cesare Lombroso*. New York: Funk and Wagnalls Co.

MacDonald, A. (1910, November). Les Femmes Homicides by Pauline Tarnowsky. *Journal of the American Institute of Criminal Law and Criminology*, *1*(4), 666–668.

Manley, Th. H. (1894). Medico-Legal section of the Late International Medical Congress at Rome, Italy, April, 1894. *The Medico-legal Journal*, *XXII*, 42–45.

Mannheim, H. (2013). *Comparative Criminology: A Textbook*. Taylor & Francis.

Marie, A. (1896, (Juollet – Decembre). Congres International d'antropologie criminalle, session de Geneve (24–28 aout 1896). *Le Progres Medical*, *IV*, 162–164.

Mazzarello, P. (2011, Apr – Jun). Cesare Lombroso: an anthropologist between evolution and degeneration. *Funct Neurol.*, *26*(2), 97–101. PMID: 21729591; PMCID: PMC3814446.

Melikoff, L. (1895). Etudes antropometriges sur les prostitutes et les voleures par Mme Pauline Tarnowski. *Archiv fur Antropologie*, *XXIII*, BAND, 223.

Meyer, A. (1908, September 24). Les Femmes Homicides. (Avec 40 planches hors texte contenant 161 figures, et 8 tableaux anthropometriques.) Pauline Tarnowski. Paris: Felix Alcan. 1908. Pp. viii + 591. *The Journal of Philosophy, Psychology, and Scientific Methods*, *5*(20), 556–557. https://about.jstor.org/terms

Miceli, C., Bruno, D., Riccitelli, L., Celentano, C., & Reghitto, M. A. (2011). Trazas históricas y conceptos centrales en las Conferencias inaugurales de la Cátedra de 'Psicología Legal' realizadas por el Dr. Horacio P. Areco en agosto de 1912. In *Actas del V Congreso Marplatense de Psicología , Facultad de Psicología, Universidad Nacional de Mar del Plata*. http://23118.psi.uba.ar/academica/carrerasdegrado/psicologia/informacion_adicional/obligatorias/034_historia_2/Archivos/inv/6TrazasAreco.pdf

Mingazzini. (1891). Sull "Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses" della Tarnowsky. *Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale* (Vol. Dodicesimo. Parte. VI. pp. 146–148).

Nécrologie Mme P. Tarnowsky. (1911). *Archives d'anthropologie criminelle de criminologie et de psychologie normale et pathologique*, *26*, 316.

Necrologio Pauline Tarnowski. (1911). *Archivio di antropologia criminale, psichiatria e medicina legale organo ufficiale della Associazione italiana di medicina legale e delle assicurazioni* (XXVIII, Vol. III. Serie. IV. C. 175).

Nove casopsy kriminologicke "LAntropolo" a"Pivista" di discipline carcerarie. (1891). Dr. E. Portel, Lantropologie et la responsabilite medico-logale, Paris, (J. B. Beilliere et Fils), 1891, str. 181. Dr. X. Francotte "Lantropologie criminalie". Bruxelles. 1890. Str. 83. Dr. Pauline Tarnowsky "Étude anthropométrique sur les prostituées (Aves 8 tableaux antropometriques et 20 dessins). Paris, (Lecrosnier et Babe). 1889. (E. Dortel "Antropologie kriminalni a zodpovednost saudniho lekart) X. Francotte Antropologie kriminalni. P. Tarnovska Studie antropometrika o prostituvanych a zlodejkach. *Athenaeum: listy pro literaturu a kritiku vědeckou*, *IX*, 10–11.

Obozenko, P. E. (1896). *Supervised prostitution in Saint Petersburg according to the data of the Physician-Police Committee and Kalinka Hospital: Doctor of Medicine thesis*. Saint Petersburg: parovaya skoropech. "Nadezhda" (In Russ.).

Ostroumov, S. S. (1980). *Crime and its causes in pre-revolutionary Russia*. Moscow: Publishing house of Moscow State University. (In Russ.).

Ottolenghi, S. (1888). Tarnowsky P. Misure antrometriche su centocinguonta prostitute, ceuto landre e cento contadie della dottoressa Tarnowsky di Saint-Peterbourg. *Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale*, *IX*, 196–197.

Petri, E. (1894, February). Types of criminals. Anthropological study. *Severnyi vestnik*, 2, 93–122. (In Russ.).

Petri, E. (1895). *Anthropology. Vol. II. Somatic anthropology with 41 figures in the text*. Saint Petersburg: Kartograficheskoe zavedenie A. Ilina. (In Russ.).

Political Symbolism in Modern Europe: Essays in Honour of George L. Mosse. (2020). Taylor & Francis.

Pollak, O. (1961). *The Criminality of Women*. Greenwood Press.

Portugalov, Yu. (1907). 6th Congress of Criminal Anthropology in Turin. *Vestnik psikhologii, kriminal'noi antropologii i gipnotizma*, *IV*(1), 67–72. (In Russ.).

Postovsky, N. (1897). Report on the Fourth International Congress of Criminal Anthropology in Geneva, read by V.P. Serbsky in the Moscow Psychological Society. *Neurology Bulletin*, *V*(1), 115–130. (In Russ.). https://doi.org/10.17816/nb46645

Prechet, B. do N., Saiol, J. R. S., & Nery, L. (2015). Antropologia Criminal e prostituição : a matematização do corpo segundo Pauline Tarnowsky. *Revista TransVersos*, *3*(1), 61–73. https://doi.org/10.12957/transversos.2015.19796

Prostitution and abolitiolismus. (1890). In *Briefe von B. Tarnowsky* (XI). Gambourg und Leipzig: L. Voss.

Quatrième Congres d'antropologie criminalle. (1896). *Archives d'anthropologie criminelle, de criminologie et de psychologie normale et pathologique*, *11*(65), 485–521.

Räcke, G. (1897). 13. Der. 4. Internationale Kongreß für Kriminalanthropologie in Genf, vom 24. bis 29. August 1896. *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft*, *17*(Jahresband), 390–394. https://doi.org/10.1515/zstw.1897.17.1.390

Rafter, N. H. (Ed.). (2009). *The Origins of Criminology: A Reader*. London: Routledge-Cavendish. https://doi.org/10.4324/9780203869949

Ray, J. (1906–1907). Pauline Tarnowsky. Les femmes homicides. *L'Année Sociologique*, *XI*, 455.

Reckless, W. C. (1967). *The Crime Problem*. Appleton-Century-Crofts.

Rostovskaya, T. K., Narutto, S. V., & Voroshilova, S. V. (2022). *Legal status and social adaptation of young women released from prison*: monograph. Moscow: Prospekt. (In Russ.).

Rozenbakh, P. Ya. (1896, November). 4th Congress of Criminal Anthropology (in Geneva, August 1896). *Zhurnal Ministerstva yustitsii*, 9, 163–207. (In Russ.).

Russa: antropology. (1909). Tarnowsky, Les Femmes homicides. Per. Dr. Pauline Tarnowsky. Paris, Alcan, 1908. Pp. VIII.+591. 25x16 cm. Price. 15 francs. *Man*, *9*, 79. Vereinigtes Königreich: Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland.

Sabinin, A. Kh. (1905). *Prostitution: Syphilis and venereal diseases. Sexual abstinence. Prevention of prostitution: Historical and preventive study*. Saint Petersburg: tip. P. P. Soikina. (In Russ.).

Scarzanella, Eu. (1999). *Italiani malagente: immigrazione, criminalità, razzismo in Argentina, 1890–1940*. F. Angeli.

Schatten, M., & Protrka, R. (2021). Conceptual Architecture of a Cognitive Agent for Telemedicine based on Gamification. In *Proceedings of the 32nd CECIIS, October 13-15, 2021* (pp. 3–10).

Serbskii, V. P. (1896). 4th Congress of Criminal Anthropology in Geneva. *Voprosy filosofii i psikhologii*, *34*, 429–459. (In Russ.).

Shabanova, A. N. (1886). Women's medical courses. From the memoirs of a former student. *Vestnik Evropy*, 1, 345–358. (In Russ.).

Shabanova, A. N. (1904). From the first years of women's medical education in Russia. (Memories of a female doctor of the first graduating class). In Ek. P. Letkova, F. D. Batyushkov, *Toward the light: a scientific and literary collection* (pp. 289–310). Saint Petersburg: Izdanie Komiteta Obshchestva dostavleniya sredstv S.-Peterburgskim vysshim zhenskim kursam. (In Russ.).

Sikorskii, I. A., & Barshevskii, V. V. (1897). Addition. 4th Congress of Criminal Anthropology in Geneva in 1896. In E. Loran, *Criminal anthropology and new theories of crime* (pp. 172–175). Kiev: tipografiya tovarishchestva I. N. Kushnerev i K° v Moskve, Kievskoe otdelenie. (In Russ.).

Stepanov, E. P. (1881, October). Tarnovskaya. – Dysthimia neurologica (Weekly clinical gazette. 1881. No. 5 and 6). *Meditsinskoe obozrenie. Ezhemesyachnyi zhurnal*, *XVI*, 438–440. (In Russ.).

Storck, A. (1906). VI Congres International d'anthropologie criminelle et fetes en l hommeur du professer Cesare Lombroso, a loccasio son jbile scientifigue. *Archives d'anthropologie criminelle, de criminologie et de psychologie normale et pathologique*, *21*(148), 309–312.

Sushchinskii, P. P. (1883). *Female doctors in Russia: a sketch of the decade of women doctors' courses, 1872–1882*. Saint Petersburg: tip. N. A. Lebedeva. (In Russ.).

Svistun, S. Ya. (2015). Forensic psychiatry in the history of St. Nicholas Psychiatric Hospital. In *Problematic issues of the theory and practice of forced treatment: collection of articles and theses of the Interregional scientific and practical conference "Problematic issues of the theory and practice of forced treatment"* (St. Petersburg, December 3, 2015) (pp. 3–5). Saint Petersburg: Alta Astra. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. (1872). Effect of temperature on fungal spore development. *Voenno-meditsinskii zhurnal*, *113*(II), 55–76. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. (1883). Genius and insanity by C. Lombroso. *Vestnik klinicheskoi i sudebnoi psikhiatrii i nevropatologii*, *1*, 190–206. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. (1891c, September 1). *Female thieves. Anthropological study*. Typography of the almshouse for the underage poor, 8 sheets, 79 pages, 350 copies. *Knizhnyi vestnik*, *8*, 191. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. (1897, July). Criminal anthropology and women's criminality. *Severnyi vestnik*, 7, dep. I, 8–22. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. (1898, May). Female criminality in relation to early marriage. *Severnyi vestnik*, 5, 133–154. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. (1903, August). Women's Medical Institute and women's medical courses. *Vestnik Evropy*, *4*(8), 497–517. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. N. (1884b). On changes in the spinal cord under the influence of sciatic nerve traction. *Vestnik klinicheskoi i sudebnoi psikhiatrii i nevropatologii*, *2*(1), 98–154. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. N. (1892a). New works on criminal anthropology. Saint Petersburg, 1891. Price 10 kop. In Yu. V. Yanson, *Comparative population statistics*. Saint Petersburg: Tip. doma prizreniya maloletnikh bednykh. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. N. (1881a). Dysthimia neurologica (clinical case). *Weekly clinical gazette edited by Prof. S. P. Botkin and Ass. Prof. N. I. Sokolov*, *5*, 65–68. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. N. (1881b). Dysthimia neurologica (clinical case). *Weekly clinical gazette edited by Prof. S. P. Botkin and Ass. Prof. N. I. Sokolov*, *6*, 85–88. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. N. (1884a). *On changes in the spinal cord under the influence of sciatic nerve traction*. Saint Petersburg. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. N. (1885b). On changes in the spinal cord of a rabbit under the sciatic nerve traction. *Meditsinskoe obozrenie*, *XXIV*, 719. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. N. (1885a). Review of C. Lombroso's "Delinquent man". *Vestnik klinicheskoi i sudebnoi psikhiatrii i nevropatologii*, *3*(1), 278–296. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. N. (1887a). On some anthropological measurements and physical signs of degeneration in habitual prostitutes. *Proceedings of the First Congress of Russian psychiatrists, held in Moscow from January 5 to 11, 1887*. (pp. 884–894). Saint Petersburg: Rasporyaditelnoe byuro Sezda, Tip. M. M. Stasyulevicha. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. N. (1887b). *On some anthropological measurements and physical signs of degeneration in habitual prostitutes*. Saint Petersburg: Tip. M. M. Stasyulevicha. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. N. (1891a). Female thieves. Anthropological study: report on the I section of the Russian Society for the Protection of Public Health. *Zhurnal Russkogo obshchestva okhraneniya narodnogo zdraviya*, *5*, 1–67. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. N. (1891b). Tables to the article by P. N. Tarnovskaya "Female thieves". Anthropological study. *Zhurnal Russkogo obshchestva okhraneniya narodnogo zdraviya*, *6*, 73–83. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. N. (1891d). Female thieves. Anthropological study. (Extracted from Journal No. 6 of the Russian Society for the Protection of Public Health). СПб. 1891. Typography of the almshouse for the underage poor, 8 d. + 3 nen. + 79 pages, 350 copies. In *List of publications issued in Russia in 1891* (p. 113). Saint Petersburg. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. N. (1891e). *Female thieves. Anthropological study*. Saint Petersburg: Tip. Doma prizreniya maloletnikh bednykh. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. N. (1892b). New works on criminal anthropology: report on the I section of the Russian Society for the Protection of Public Health, December 27, 1891. *Zhurnal Russkogo obshchestva okhraneniya narodnogo zdraviya*, *2*, February, 132–145. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. N. (1892c). *New works on criminal anthropology: report on the I section of the Russian Society for the Protection of Public Health, December 27, 1891*. Saint Petersburg: Tip. doma prizreniya maloletnikh bednykh (In Russ.).

Tarnovskaya, P. N. (1892d). Female thieves. Saint Petersburg, 1891. Price 50 kop. In Yu. V. Yanson, *Comparative population statistics*. Saint Petersburg: Tip. doma prizreniya maloletnikh bednykh. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. N. (1894a). New works on criminal anthropology, 1891. Price 50 kop. *Izvestiya Varshavskogo universiteta*, *1–5*, vi. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. N. (1894b). Female thieves 1891. Price 50 kop. *Izvestiya Varshavskogo universiteta*, *1–5*, vi. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. N. (1901a). 5th International Congress of Criminal Anthropology in Amsterdam on 9–14 September, 1901. *Obozrenie psikhiatrii, nevrologii i ehksperimental'noi psikhologii*, 11, 871–897. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. N. (1901b). 5th International Congress of Criminal Anthropology in Amsterdam on 9–14 September, 1901 (ending). *Obozrenie psikhiatrii, nevrologii i ehksperimental'noi psikhologii*, *12*, 925–933. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. N. (1901c). *5th International Congress of Criminal Anthropology in Amsterdam*. Saint Petersburg: Tipo-lit. "Energiya". (In Russ.).

Tarnovskaya, P. N. (1902). *Female murderes; Anthropological study with 163 figures and 8 anthropometric tables*. Saint Petersburg: Tovarishchestvo khudozhestvennoi pechati. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. N. (1903). Female murderers. Anthropological study with 163 figures and 8 antropometric tables. Saint Petersburg, 1902. Typography of the "Tovarishchestvo khudozhestvennoi pechati". 8 d., 1 + VII+512 p., 600 copies. Price 4 rub. In *List of books issued in Russia in 1902* (p. 152). Saint Petersburg: Tip. Min-va vnutr. del. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. N. (1908). Alcoholism and crime. *Proceedings of the Commission on alcoholism*, IX, dep. II, 656–658. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. N. (1909, December 13). In memory of Lombroso. *Pravo. Ezhenedel'naya yuridicheskaya gazeta. Saint Petersburg*, 50, 2755–2760. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. N. (1988). Anthropological study of prostitutes, female thieves and healthy female peasants – field workers (meeting on November 21, 1887). *Supplement to the Bulletin of Clinical and Forensic Psychiatry and Neuropathology, iss. 1. Minutes of the meetings of the Society of Psychiatrists in St.-Petersburg of 1887* (pp. 58–62). Saint Petersburg: Tip. M. M. Stasyulevicha. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. N. (2004a). New works on criminal anthropology. In V. B. Avdeev (Ed.), *Russian racial theory before 1917: a collection of original works of Russian classics* (pp. 523–532). Moscow: FERI-V. (In Russ.).

Tarnovskaya, P. N. (2004b). On the sense organs in female criminals and prostitutes. In V. B. Avdeev (Ed.), *Russian racial theory before 1917: a collection of original works of Russian classics* (pp. 533–544). Moscow: FERI-V. (In Russ.).

Tarnovsky, P. (1893). Sur les organs des sens chez les femmes criminelles. *Actes du troisième Congrès International d'Anthropologie Criminelle: tenu a Bruxelles en 7–13 aout 1892. Biologie et sociologie* (XXXIII, pp. 225–233). Bruxelles: Hayez.

Tarnovsky, V. M. (1888). *Prostitution and abolitionism: report to the Russian Syphilidological and Dermatological Society*. Saint Petersburg: Izdanie Karla Rikkera. (In Russ.).

Tarnovsky, V. M. (1890). *Consumers of prostitution*. Saint Petersburg: Gubernskaya tipografiya. (In Russ.).

Tarnowski, P. Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses. – Paris 1889. Lecrosnier et Babe. 8. 226 s. (1892). *Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie und psychisch gerichtliche Medizin herausgegeben von Deutschlands Inrenarzten* (Vol. 48, s. 228–229).

Tarnowsky (Pauline). Les femmes homicides. viii, 591 pp., 39 pl. 8. Paris,F. Alcan. 1908. (1912). *Index-catalogue of the Library of the Surgeon-General's Office United Stases Army*, *XVII*, 614.

Tarnowsky, P. (1889). *Etude Anthropométrique sur les Prostituées et les Voleuses*. Avec 8 Tableaux Anthropometriques et 20 Dessins. Paris: Aux Bureaux du Progrés Mèdical, E. Leerosnier and Bade, Éditeurs.

Tarnowsky, P. (1893b). Fisionomie di prostitute russe (con una tavola). *Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale*, *XIV*, 141–143.

Tarnowsky, P. (1893a). Sur les organes des sens des femmiles crimineles et der prostitutioneis. *Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale*, *XIV*, 25–38.

Tarnowsky, P. (1893c). *Sur les Organs des sens des femmes criminelles et des prostituées*. Turin: Camilla et Bertolero.

Tarnowsky, P. (1897). Criminalite de la femme. In *Congres International D'Anthropologie Criminelle: Compte Rendu Des Travaux De La Quatrieme Session Tenue A Geneve Du 24 Au 29 Aout 1896* (pp. 231–237). Geneva: Georg & Co.

Tarnowsky, P. (1900). *Aperçu sur l'instruction médicale des femmes en Russie*. St. Pétersbourg: Imprimerie R. Golpke.

Tarnowsky, P. (1907a). L'oreille de Vespasien. *Bulletin de la Société d'Anthropologie de Bruxelles*, *26*, LXXVII–LXXX.

Tarnowsky, P. (1907b). Quelques Signes de la degénérescent Physique. *Bulletin de la Société d'Anthropologie de Bruxelles*, *26*, LXXXI–XCIV.

Tarnowsky, P. (1908a). *Les femmes homicides*. Avec 40 planches hors texte contenant 161 figures et 8 tableaux antropometriques. Paris, Félix Alcan.

Tarnowsky, P. (1908b, Mars 15). Les femmes homicides (Vol. 1), avec 40 planches hors texle contenant 161 figures et 8 tableaux antropoloques. In F. Alcan (Ed.), *Revue neurologique*, *5*, 216–217.

Tarnowsky, P. (2009). The anthropology of prostitutes and female thieves, 1889. In N. H. Rafter (Ed.), *The Origins of Criminology: A Reader* (s. 178–182). London: Routledge-Cavendish. https://doi.org/10.4324/9780203869949

Tarnowsky, P. (2014). *Les Femmes Homicides*. Hachette Livre – Bnf, 2014.

Tarnowsky, P. (2017). *Étude anthropométrique sur les prostitueés et les voleuses*. Forgotten Books.

Tarnowsky, P. (2018a). *Étude Anthropométrique Sur Les Prostituées Et Les Voleuses (Classic Reprint)*. Forgotten Books.

Tarnowsky, P. (2018b). *Les Femmes Homicides (Classic Reprint)*. Forgotten Books.

Tarnowsky, P. (2021). *Aperçu sur l'instruction médicale des femmes en Russie*. Hachette Livre Bnf.

Tarnowsky, P., & Lombroso, C. (1893). Fotografie di criminali russe. *Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale*, *XIV*, 273–275.

Tarnowsky, P., & Mélikoff, L. (1892). Etudes anthropométriques sur les prostitués et les voleuses. *Bulletins de la Société d'anthropologie de Paris, IV° Série*, *3*, 95–104. https://doi.org/10.3406/bmsap.1892.3964

The Fourth International congress of criminals (from our Special Correspondent) (Concluded from p.853). (1896, Sept. 26). *The Lancet*, *II*, 918–919.

The International Library of Criminology, Delinquency and Deviant Social Behaviour (1962). Tavistock Publications.

Umpfenbach (Bonn). Tarnowsky, P. (1908). Les femmes homicides. Paris, Felix Alcan. 1908. 591. S. *Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane*, *49*(XX). *Individuum and Gesellschagt*, 312.

Vnukov, V. A. (1928). Female murderers. In E. K. Krasnushkin, G. M. Segal, T. M. Feinberg (Eds.), *Ubiistva i ubiitsy: sbornik statei. Moskovskii gubernskii sud i Moskovskii kabinet po izucheniyu lichnosti prestupnika i prestupnosti pri Moszdravotdele* (pp. 191–248). Moscow: Moszdravotdel, 21 tip. "Mospoligraf". (In Russ.).

Voroshilova, S. V. (2020). Female doctor P. N. Tarnovskaya (1848–1910) – a representative of a Russian school of criminal anthropology. In *Issues of the history of society, state and law: collection of academic works* (Iss. 10, pp. 51–59). Ekaterinburg: Publishing House of Ural State Law University. (In Russ.).

Vorotynskii, B. I. (1897). Materials to the doctrine of secondary degeneration in the spinal cord after its transverse injuries: (Pathological-anatomical and experimental study): Doctor of Medicine thesis: with 2 tab. fig.. Kazan: tipo-lit. Imp. un-ta. (In Russ.).

Vorotynskii, B. I. (1900). *Psychophysical characteristics of a degenerate criminal: introductory lecture to forensic psychopathology course*. Kazan: tipo-lit. Imp. un-ta. (In Russ.).

Vorotynskii, B. I. (1901, September). Biological and social factors of crime. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*, 7, 1–34. (In Russ.).

Vorotynskii, B. I. (1902). Review: P. N. Tarnovskaya. Female murderers. Anthropological study. With 163 figures and 8 anthropometric tables in 8-512 pages. Saint Petersburg, 1902. Price 4 rub. *Russkii vrach*, *1*(34), 1229. (In Russ.).

W.L.W. Etudes antropometriges sur les prostitutes et les voleures. par le Docteur Pauline Tarnowsky, (Anthropometric Study of Prostitutes and Female Thieves, by Dr. Pauline Tarnowsky.). Paris, 1889: Bureaux du Progrès Médical. 8vo. pp. 226. (1890–1891). *The American Journal of Insanity*, *XLVII*(1), 82.

Weinberg-Dorpat, R. (1904). *P. N. Tarnowski, Des weib als Verbrecherin. Eine antropologische Untersuohung. VII -|- 512 Seiten in Groß 8", mit 163 Figuren und 8 anthropometrisclien Tabellen. St. Petersburg 1902. Biologisches Centralblatt* (pp. 408–412). Verlag von Georg Thieme.

White, F. H. (2020). Praskovya Tarnovskaya and Russian sources of the book by Cesare Lombroso "A woman-criminal and prostitute" (authorized translation from English by A. S. Volgina). *Novoe literaturnoe obozrenie*, *5*(165), 7–23. (In Russ.).

White, F. H. (2021). Pauline Tarnowsky and the Russian Influence on Cesare Lombroso's Criminal Woman. In M. Miller & K. Starikov (Eds.), *The Russian Medical Humanities: Past, Present, and Future* (pp. 67–98). Lanham, Maryland: Lexington Books.

Wigmore, J. (1911). Death of Madame Pauline Tarnowsky. *Journal of the American Institute of Criminal Law and Criminology*, *2*, 270–271.

Wolfgang, M. E. (1961). Pioneers in Criminology: Cesare Lombroso (1835–1909). *The Journal of Criminal Law, Criminology, and Police Science*, *52*(4), 361–391. https://doi.org/10.2307/1141263

XI Congresso Medico Internationale in Roma del 28 Marso al 5 Aprile 1894. (1894). *Rivista sperimentale di freniatria e medicina legale*, *XX*, 108–115.

Zakrevskii, I. (1897a). *Report on the Fourth International Criminal Anthropological Congress*. Saint Petersburg: tip. Pravitel'stvuyushchego senata. (In Russ.).

Zakrevskii, I. (1897b). *Criminal anthropology at the Geneva International Congress*. Saint Petersburg: tip. Pravitel'stvuyushchego senata. (In Russ.).

Zakrevskii, I. (1897c, February). Criminal anthropology at the Geneva International Congress. *Zhurnal yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete*, *2*, 59–108. (In Russ.).

Zeland, N. (1899). *Female criminality*. Saint Petersburg: tip. A. A. Porokhovshchikova. (In Russ.).

Doctor Ms. Tarnovskaya elected a member of Saint Petersburg Society of Psychiatrists (editorial). (1881, February 24). *Novoe vremya*, *3*. (In Russ.).

Female thieves. Research by Ms. Tarnovskaya. (1890, March). *Russkoe bogatstvo, 3*, 201–203. (In Russ.).

On the twenty-fifth anniversary of the first graduation of female doctors. (1903). In P. N. Ariyan, *The first women's calendar* (pp. 419–426). Saint Petersburg: pervaya skoropechatnaya "Trud". (In Russ.).

N. I. Kozlov, chief military medical inspector (editorial). (1878). In *Illustrated Chronicle of War. Supplement to the Journal of World Illustration, 72* (vol. 2, No. 22), 170. (In Russ.).

New Members of the Russian Society for the Protection of Public Health (editorial). (1892, April). *Zhurnal Russkogo obshchestva okhraneniya narodnogo zdraviya*, *4*, 412. (In Russ.).

P. N. Tarnovskaya. Female thieves. Anthropological study. Price 30 kop. with postage 35 kop. (1892, February). *Zhurnal Russkogo obshchestva okhraneniya narodnogo zdraviya*, 2, 2. (In Russ.).

Minutes of sessions of Saint Petersburg Society of Psychiatrists in 1887. (1888). Supplement to *Vestnik klinicheskoi i sudebnoi psikhiatrii i nevropatologii* (Iss. 1). Saint Petersburg: Tip. M. M. Stasyulevicha. (In Russ.).

Review of the book by P. N. Tarnovskaya. Female murderers. Anthropological study with 163 figures and 8 anthropometric tables. Saint Petersburg, 1902 (editorial). (1904). *Russian Thought. Book 1. January. Bibliographical section of the journal. Medicine* (pp. 22–26). (In Russ.).

Russian Medical List, published by the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs as of 1904 (according to information by April 1, 1904). (1904). Saint Peterburg: Tip. M-va Vnutr. Del. (In Russ.).

Russian Thought. Book 1. January. Bibliographical section of the journal. Medicine (pp. 22–26). (In Russ.).

Russian Medical List, published by the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs for 1904 (according to information by April 1, 1904). (2012). Saint Petersburg: Izdatelsko-poligraficheskaya kompaniya "KOSTA". (In Russ.).

List of members of Saint Petersburg Society of Psychiatrists as of May 7, 1888. (1888). *Appendix to the Bulletin of Clinical and Forensic Psychiatry and Neuropathology, vol. 1. Minutes of the meetings of Saint Petersburg Society of Psychiatrists in 1887* (pp. 76–78). Saint Petersburg: Tip. M. M. Stasyulevicha. (In Russ.).

Chronicles and minor news (editorial). (1897). *Vrach. Ezhenedel'naya meditsinskaya gazeta*, *XXVIII*(36), 1035. (In Russ.).

ПРИЛОЖЕНИЕ / APPENDIX

Таблица П1

Список опубликованных работ Прасковьи Николаевны Тарновской

№	Выходные данные
	Работы по криминальной антропологии
1	Тарновская, П. Н. (1887). *О некоторых антропологических измерениях и физических признаках вырождения у привычных проституток*. Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, ценз.
2	Тарновская, П. Н. (1887). О некоторых антропологических измерениях и физических признаках вырождения у привычных проституток. *Труды Первого Съезда отечественных психиатров, происходившего в Москве с 5 по 11 января 1887 г.* (с. 884–894). Санкт-Петербург: Распоряд. бюро Съезда, Типографія М. М. Стасюлевича.
3	Тарновская, П. Н. (1892). *Новые работы по криминальной антропологии: Докл. 1 Секции Рус. о-ва охранения нар. здравия, 27 дек. 1891 г.* Санкт-Петербург: тип. Дома призрения малолетних бедных.

Продолжение табл. П1

4 Тарновская, П. Н. (1892, февраль). Новые работы по криминальной антропологии. Доклад 1 Секции Русского общества охранения народного здравия, 27 декабря 1891 года. *Журнал Русского общества охранения народного здравия*. 1892, 2, 132–145.

5 Tarnowski, P., & Lombroso C. (1893). Fotografie di criminali russe. *Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale, XIV*, 273–275.

6 Tarnowsky, P. (1893). Fisionomie di prostitute russe (con una tavola). *Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale*, *XIV*, 141–143.

7 Tarnowsky, P. (1893). Sur les organes des sens des femmiles crimineles et der prostitutioneis. *Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale*, *XIV*, 25–38.

8 Tarnowsky, P. (1889). *Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses*. Paris: Progrés Mèdical.

9 Tarnowsky, P. (1892). *Etude Anthropométrique sur les Prostituées et les Voleuses. With eight anthrometric tables and twenty wood-cuts*. Paris: Leerosnier and Bade.

10 Tarnowsky, P. (1897). Criminalite de la femme. In *Congres International D'Anthropologie Criminelle: Compte Rendu Des Travaux De La Quatrieme Session Tenue A Geneve Du 24 Au 29 Aout 1896* (pp. 231–237). Geneva: Georg & Co.

11 Pauline Tarnovsky. (1893). Sur les organs des sens chez les femmes criminelles. In *Actes du troisième Congrès International d'Anthropologie Criminelle: tenu a Bruxelles en 7–13 aout 1892; Biologie et sociologie* (pp. 225–233). Bruxelles: Hayez. https://www.google.ru/books/edition/Actes_du_troisième_Congrès_internation/KVlGAAAAYAAJ?hl=ru&gbpv=1&dq=%22Tarnowsky%22+%22anthropologie+criminelle%22&pg=PA234&printsec=frontcover

12 Pauline Tarnowsky. (1908). *Les femmes homicides. Avec 40 planches hors texte contenant 161 figures et 8 tableaux antropometriques*. Paris, Félix Alcan.

13 Тарновская, П. Н. (1902). *Женщины-убийцы; Антропологическое исследование с 163 рисунками и 8 антропометрическими таблицами*. Санкт-Петербург: Товарищество художественной печати.

14 Тарновская, П. Н. (1891). *Воровки (Антропологическое исследование)*. Санкт-Петербург: Типография дома призрения малолетних бедных.

15 Тарновская, П. Н. (1891). Воровки. Антропологическое исследование: доклад I секции Русского общества охранения народного здравия. *Журнал Русского общества охранения народного здравия*, 5, 1–67.

16 Тарновская, П. Н. (1891). Таблицы к статье П. Н. Тарновской «Воровки». Антропологическое исследование. *Журнал Русского общества охранения народного здравия*, 6, 73–83.

17 Тарновская, П. Н. (1888). Антропометрические исследования проституток, воровок и здоровых крестьянок – полевых работниц (заседание 21 ноября 1887 г.). *Приложение к «Вестнику клинической и судебной психиатрии и невропатологии»*, 1. *Протоколы заседаний общества психиатров в С.-Петербурге за 1887 год* (с. 58–62). Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича.

18 Тарновская, П. Н. (1894). Об органах чувств у преступниц и проституток. *Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи*, 2, 93–105.

19 Tarnowsky, Pauline, & Mélikoff, J. Loris. (1892). Etudes anthropométriques sur les prostitués et les voleuses. *Bulletins de la Société d'anthropologie de Paris, IV° Série*, *3*, 95–104. https://doi.org/10.3406/bmsap.1892.3964

20 Тарновская, П. (1897, июль). Криминальная антропология и преступность женщин. *Северный вестник*, 7, Отд. I, 8–22.

21 Тарновская, П. (1898, май). Женская преступность в связи с ранними браками. *Северный вестник*, 5, 133–154.

22 Тарновская, П. Н. (1901). V-й Международный съезд криминальной антропологии в Амстердаме с 9–14 сентября 1901 г. *Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии*, 11, 871–897.

23 Тарновская, П. Н. (1901). V-й Международный съезд криминальной антропологии в Амстердаме с 9–14 сентября 1901 г. (окончание). *Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии*, 12, 925–933.

24 Pauline Tarnowsky. (2014). *Les Femmes Homicides*. Hachette Livre – Bnf. ISBN: 2013427816, 978-2013427814

25 Pauline Tarnowsky. (2018). *Les Femmes Homicides (Classic Reprint)*. Forgotten Books. ISBN: 0428107648, ISBN 978-0428107642

27 (2017). *Étude anthropométrique sur les prostituеés et les voleuses Pauline Tarnowsky*. Forgotten Books. ISBN: 0282843744, 978-0282843748

28 Pauline Tarnowsky. (2018). *Étude Anthropométrique Sur Les Prostituées Et Les Voleuses (Classic Reprint)*. Forgotten Books. ISBN: 0282843744, 978-0282843748.

29 Pauline Tarnowsky. (2017–2018). *Étude Anthropométrique sur les Prostituées Et les Voleuses (Classic Reprint)*. Forgotten Books. ISBN: 048438371X, ISBN: 978-0484383714

30 Тарновская, П. Н. (2004). Об органах чувств у преступниц и проституток. В сб. В. Б. Авдеев (ред.), *Русская расовая теория до 1917 года. Вып. 2. Сборник оригинальных работ русских классиков* (с. 543–554). Москва: ФЭРИ-В.

Окончание табл. П1

31 Тарновская, П. Н. (2004). Новые работы по криминальной антропологии. В сб. В. Б. Авдеев (ред.), *Русская расовая теория до 1917 года. Вып. 2. Сборник оригинальных работ русских классиков* (с. 523–532). Москва: ФЭРИ-В.

32 Tarnowsky, P. (1907). Quelques Signes de la degénérescent Physique. *Bulletin de la Société d'Anthropologie de Bruxelles*, *26*, LXXXI–XCIV.

33 Tarnowsky, P. (1907). L'oreille de Vespasien. *Bulletin de la Société d'Anthropologie de Bruxelles*, *26*, LXXVII–LXXX.

34 Тарновская, П. (1885). Рецензия на кн. Ломброзо «Преступный человек». *Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии*, *3*(1), 278–296.

35 Тарновская, П. (1883). Гениальность и умопомешательство по Ц. Ломброзо. *Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии*, 1, 190–206.

36 Тарновская, П. Н. (1909, 13 декабря). Памяти Ломброзо. *Право. Еженедельная юридическая газета*, 50, 2755–2760.

37 Тарновская, П. Н. (1901). *V-й международный съезд криминальной антропологии в Амстердаме*. Санкт-Петербург: Типо-лит. «Энергия».

38 Pauline Tarnowsky. (1893). *Sur les Organs des sens des femmes criminelles et des prostituées*. Turin: Camilla et Bertolero.

39 Тарновская, П. Н. (1908). Алкоголизм и преступность. *Труды Комиссии по вопросу об алкоголизме*, IX. Отд. II, 656–658.

Работы по иным научным направлениям

40 Тарновская, П. Н. (1872). Влияние температуры на развитие спор грибков. *Военно-медицинский журнал*, 113. II, 55–76.

41 Тарновская, П. Н. (1884). *Об изменениях спинного мозга при вытяжении седалищного нерва*. Санкт-Петербург: Б. и.

42 Тарновская, П. Н. (1884). Об изменениях спинного мозга при вытяжении седалищного нерва. *Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи*, *2*(1), 98–154.

43 Тарновская, П. Н. (1881). Dysthimia neurologica (клинический случай). *Еженедельная клиническая газета под ред. проф. С. П. Боткина и доц. Н. И. Соколова*, 5, 65–68.

44 Тарновская, П. Н. (1881). Dysthimia neurologica (клинический случай) (окончание). *Еженедельная клиническая газета под ред. проф. С. П. Боткина и доц. Н. И. Соколова*, 6, 85–88.

45 Тарновская, П. Н. (1885). Об изменении в спинном мозгу кролика при вытаскивании седалищного нерва. *Медицинское обозрение*, XXIV, 719.

46 Тарновская, П. (1903, август). Женский медицинский институт и женские врачебные курсы. Исторический очерк. *Вестник Европы*, *4*(8), 497–517.

47 Tarnowsky, Pauline. (1900). *Aperçu sur l'instruction médicale des femmes en Russie*. St. Pétersbourg: Tip. R. Golpke.

48 Tarnowsky, Pauline. (2021). *Aperçu sur l'instruction médicale des femmes en Russie*. Hachette Livre Bnf.

Таблица П2

Список рецензий, обзоров и иной информации на произведения П. Н. Тарновской

№	**I. Tarnowsky, P. (1889). *Etude Anthropométrique sur les Prostituées et les Voleuses. Avec 8 Tableaux Anthrometriques et 20 Dessins*. Paris: Aux Bureaux du Progrés Mèdical, E. Leerosnier and Bade, Éditeurs.**
	I.I. РЕЦЕНЗИИ
1	L.F.B. (1891). Anthropometric Study of Prostitutes and Female Thievers. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 1, 51–52. https://doi.org/10.1097/00005053-189101000-00025 (обзор книги «Антропометрическое исследование проституток и воров»)
2	W.L.W. (1890, Juli). Etudes antropometriges sur les prostitutes et les voleures. par le Docteur Pauline Tarnowsky, (Anthropometric Study of Prostitutes and Female Thieves, by Dr. Pauline Tarnowsky.). Paris, 1889: Bureaux du Progrès Médical. 8vo. p. 226. *The American Journal of Insanity*, *XLVII*(1), 82.
3	Dr. P. Topinard. (1890). Pauline Tarnowsky (Docter) Etude anthropométrique sur les Prostituées et les voleuses. Aves tableaux et 20 dessins. Broch. in-8 de 226 pages. Paris, 1889. *L'anthropologie. Paraissant tous les deux mois*, Tome. Premier, 478–481.
4	Mingazzini. (1891). Sull "Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses" della Tarnowsky. *Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale*, Vol. Dodicesimo, Parte. VI, 146–148.

Продолжение табл. П2

5 S. (1892). Tarnowski, P., Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses. Paris 1889. Lecrosnier et Babe. 8. 226 s. *Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie und psychisch gerichtliche Medizin herausgegeben von Deutschlands Inrenarzten (Общий журнал по психиатрии и психиатрической судебной медицине, издаваемый врачами внутренних болезней Германии)*, *48*, s. 228–229.

6 J.M. (1890, Juin). Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses, par le dr. Tarnowsky, aves 8 tableaux et 20 dessins (Paris, Bureaux du Progres medical, 1890). *Bulletin de la Société de Medicine Mentale de Belgique*, 56, 237–239.

7 Bertram C. A. Windle M. A., M. D. (1890, June). Anthropométrique sur les Prostituées et les Voleuses. Par le Dr. Pauline Tarnowsky. Paris, 1889: Aux Bureaux du Progres Medical. *The London Medical Recorder*, *III*, 234–235.

8 Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses, par le dr. Pauline Tarnowsky Lecrosnier and Babe, Paris, 1889. (1890). *Archives de l'anthropologie criminelle et des sciences pénales . Médecine légale, judiciaire. Statistique criminelle. Législation et droit*, tome cinquieme, 568–570.

9 Dr. R. (1891). Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses, par le Dr. Pauline Tarnowsky, Paris, E. Lecrosnier et Babe. 1889. *Annales D'hygiène Publique et Médecine Legale*, *XXVI*, 378–379.

10 Dr. L. Camuset. (1896). Étude anthropométrique sur les prostitueés et les voleuses; par le Dr. Pauline Tarnowsky. - Paris, Lecrosnier et Babe, editeuers, et aux bureau du Progres Medical, 1889. *Annales médico psychologiques Journal de Lalienation Mentale et de La Medicine Legale des alienes*, Tome.Troisieme, 316–319.

11 Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses, par Pauline Tarnowsky. Un vol. in 8 de 230 pagus avec 8 tableaux antropometriques et 20 dessins; publication du Progres Medical. – Paris Lecrosnier et Babe, 1889. (1890, Mai 17). *Revue Scientifique (Revue Rose)*, *XLV*(20), 630–631.

12 Haverlok, Ellis. (1889, July). Cesare Lombroso Luono Delinguente. Volime Secundo Porino: Bocca, 1889. Lautropologie Criminale et ses Recents Progres ("Bibliotheque de Philosophie Comtlmporaire"). Par Cesare Lombroso. Paris: Alcan, 1890. Etude Anthropométrique sur les Prostituées et les Voleuses. Par le Docteur Pauline Tarnowsky (Publication du Progres Medical) Paris, 1889. *The Journal of Mental Science*, *XXXVI*(154). (New Series № 118), 439–445.

13 Keravel, P. P. (1891, Febrier 28). Tarnowsky. Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses. Paris, in-8. 1889. Progres Medical et Lecrosnier et Babe, editeures. *Le progrès médical: journal de médecine, de chirurgie et de fuarmacie*, *XIII* (2-e serie), 9, 175–176.

14 F.H.P. (1893). Etude Anthropométrique sur les Prostituées et les Voleuses. By Dr. Mme. Pauline Tarnowsky (St. Petersburgs, Russa). Witch eight antropometric tables and twenty wood-cuts. 226 pp. 1892. Lecrosnier and Babe, Paris. *The Cincinnati Lancet-clinic: a wekkly journal of Medicine and surgery*, *LXIX*, 315–316.

15 N. (1891). Nove casopsy kriminologicke "L'Antropolo" a"Pivista" di discipline carcerarie. Dr. E. Portel, Lantropologie et la responsabilite medico-logale, Paris, (J.B. Beilliere et Fils), 1891, str. 181. Dr. X. Francotte "Lantropologie criminalie". Bruxelles. 1890. Str. 83. Dr. Pauline Tarnowsky "Étude anthropométrique sur les prostituées (Aves 8 tableaux antropometriques et 20 dessins). Paris, (Lecrosnier et Babe). 1889. (E. Dortel "Antropologie kriminalni a zodpovednost saudniho lekart) X. Francotte Antropologie kriminalni. P. Tarnovska Studie antropometrika o prostituvanych a zlodejkach. *Athenaeum: listy pro literaturu a kritiku vědeckou*, ročník IX, 10–11.

I.II. ОТЗЫВЫ, ОБЗОРЫ И ИНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

1 (1890, January to June). Etude Anthropométrique sur les Prostituées et les Voleuses. Par le Docteur Pauline Tarnowsky. Anthropométric Study of Prostitutes and Female Thieves. By Dr. Pauline Tarnowsky. With twenty-eignt illustration. 8vo, pp. 226. Paris: Progrès Médical, 1889. Price 5 francs. *The Medical and Surgical Reporter*, *LXII*, 758.

2 Tarnowsky (Pauline). (1908). Etudes antropometriges sur les prostitutes et les voleures.8. Paris, 1889. *Index-catalogue of the Library of the Surgeon-General's Ofisse, United States Army*, *XIII*, 884.

3 (1891, Cent.). Étude anthropométrique de la prostitution. Étude anthropométrique sur les prostituées et des voleuses du dr. Dauline Tarnowski. *Revue de l'hypnotisme et de ta psychologie physiologique*, 6, 183–184.

4 (1890). Etude Anthropométrique sur les Prostituées et les Voleuses, par le Docteur Pauline Tarnowsky, (Anthropometric Study of Prostitutes and Female Thieves, by Dr. Pauline Tarnowsky.) Paris, 1889: Bureaux du Progrès Médical. 8vo. pp. 226. *American Journal of Psychiatry*, *47*(1), 82. https://doi.org/10.1176/ajp.47.1.82

5 Loris Melikoff. (1895). Etudes antropometriges sur les prostitutes et les voleures par Mme Pauline Tarnowski. *Archiv fur Antropologie*, *XXIII*, BAND, 223.

6 (1890, 17 Mai). Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses, par le Dr. Pauline Tarnowsky, Paris, E. Lecrosnier et Babe,1889, in 8, 226 p.av. tig. *Gazette Hebdomadaire de Medicine et de Chirurgie*, 20, 239.

7 (1891, April). Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses / By Dr. Pauline Tarnowsky. Progrés Mèdical 1889. *The Journal of Mental Science*, *XXXVII*(157), 265–268. https://doi.org/10.1192/bjp.37.157.265

8 Joseph (Berlin). (1890). Pauline Tarnowsky. Étude anthropométrique sur les prostituées. et les voleuses, Paris, 1889. *Centralblatt für klinische Medizin*, *11*(31), 567.

Продолжение табл. П2

9 (1891, Februal 21). Étude anthropométrique sur les prostituées. Par le Docteur Pauline Tarnowsky. Aves 8 tableaux antropometriques et 20 dessins, Paris, E. Lecrosnier et Babe,1889. Pp.V-226.[Prix 5 francs] [Publication du Progres medical.]. *The New York Medical Journal, A Weckly Rivev of Medicine*, 225.

10 Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses, par le doteur. Pauline Tarnowsky (Antropometric Study of Prostitutes and Femali Thvies.) With 8 Antropometric Tables and 20 Figures. Paris, E. Lecrosnier and Babe, Publishers. Place de l Ecole de Medicine. Paper 8 vo. Pp. 226. Price $1.2 includ ing postage. *Virginia Medical Monthly (Ricnmon D.)*, 1891. Vol. XVII. April, 1890 – march, 1891, Uiclusive. 1890. № 5(197). August. Pp. 407–408.

11 (1891, January – June). Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses, par le Docteur Pauline Tarnowsky, aves 8 tableaux antropometriques et 20 dessins. 8 vo. Pp. 226. [Paris: Progres Medical and E. Lecrosnier et Babe, 1889. Price, 5 francs]. *Medical and Surgical Journal*, *LX*, 253.

12 (1890). Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses, par le Docteur. Pauline Tarnowsky, - Paris 1889. Lecrosnier and Babe. *St. Petersburger Medicinische Wochenschrift*, XV, Jahrgang, 30.

13 (1894). Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses, par le docteur Pauline Tarnowsky, aves 8 tableaux antropometriques et 20 dessins. Paris, Lecrosnier et Babe, 1889. pag. v-226. *Rivista penale di dottrina, legislazione e giurisprudenza*, XXXIX (IX della 3 serie). Fase. I., 510.

14 Tarnovsky (Dr. Pouline). (1890). Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses par le Dr. Pauline Tarnowsky, … (16 septembre 1889.) Paris Lecrosnier et Babe, 1889, in 8. *Bulletin Mensuel des recentes publications francalses*, Annee. Avril – Mai, 191.

15 Tarnowsky (Pauline) doctuer medicine. (1892). Étude anthropométrique sur les prostituées. et les voleuses. Aves 8 tableaux antropometriques et 20 dessins. In 8. 1890. Lecrosnier et Babe, 5 fr. *Catalogue General de la Librairie Francause*, Tome. Douzieme. (periode de 1886 A 1890), 966.

16 Tarnowsky, Pauline. (1891). Étude anthropométrique sur les prostituées. et les voleuses. Paris, 1889. *Annual of the Universal Medical Sciences*, *IV*, 16.

17 Tarnowsky. (1892). Étude anthropométrique sur les prostituées. et les voleuses. Paris, 1889. *Bulletin of the Public Library of the City of Boston*, *10*. (Now Series, vol. 2.), 206.

18 Tarnowsky (le docteuer Pauline). (1890). Étude anthropométrique sur les prostituées. et les voleuses. Aves 8 tableaux antropometriques et 20 dessins. In 8. Lecrosnier et Babe, 5 fr. *Catalogue Mensuel de la Librairie Française*, Annee. 15. Mars, 22.

19 Tarnowsky (P.). (1890, Fevrer 8). Étude anthropométrique sur les prostituées; par le docteur Pauline Tarnowsky. Aves 8 tableaux antropometriques et 20 dessins. In 8., VI. 230 pages. Paris, imrtimerie Noizette; lib. Lecrosnier et Babe; aux bureau du Progres medical. (22 jnuver). Publication du Progres medical. *Bibliographie de la France*, 6, 75.

20 Tarnowsky. (1897). Etude Anthropométrique sur les Prostituées et les Voleuses. Paris, Aux Bureaux des Progres medical; also Medical Record, August 9, 1890. P. 15. *The Menopause*, 40.

21 (1890, June 12). Etude Anthropométrique sur les Prostituées et les Voleuses. Par le Docteur Pauline Tarnowsky. Avec 8 tableaux anthropométriques, et 20 dessins. Paris: Au Bureaux du Progrès Mlidicul. 1889. *The Boston Medical and Surgical Journal*, 594.

22 (1890, Апрель 6(18)). Вышла новая книга: Etude Anthropométrique sur les Prostituées et les Voleuses. P. Tarnowsky (объявление). *Новое время*, 1.

23 (1890, May). A study of Russian Prostitutes. *Public Health. The Journal of Society Medical Officers of Health*, *III*(1), 103–105.

24 (1890, June 28). Etude Anthropométrique sur les Prostituées et les Voleuses. Par le Docteur Pauline Tarnowsky. Antropometric Studies in Prostitutes and Female Thieves. By Dr. Pauline Tarnowsky. With twenty-eight illustrations, 8 vo, pp. 226. Paris: Progres Medical, 1889. Price, 5 francs. *The Medical and Surgical Reporter*, *LXII*(26), 758.

25 (1891, January to June). Étude anthropométrique sur les prostituées. Par le Docteur Pauline Tarnowsky. Avec 8 tableaux anthropométriques et 20 dessins. Paris, E. Lecrosnier et Babe, 1889. pp. v – 226. [Prix 5 francs] Publication dy Progrès Mlidical. *The New York Medical Journal*, *LIII*, 225.

26 (1890, Decembr). An antropometrical Study of Prostitution. *Medical Record. A weekly journal of Medicine and Surgery*, 38, 153.

27 (1890, July). Cesare Lombroso: L'Uomo Delinguente. Volume Secundo. Torino: Bocca, 1889. L'Antropologie Criminalle et ses Recents Progres ("Bibliotheque de Philosophie Contemporaire"). Par Cesare Lombraso. Paris: Alcan, 1890. Etude Antrometrique sur les Prostituess et les Voleuses. Par le Docteur Pouline Tarnowsky (Publication dy Progrès Mlidical). Paris, 1889. *The Journal of Mental Science*, *XXXVI*(154) (New Series № 118), 439–445.

28 Tarnowsky (Pauline). (1891, January – December). Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses. Par.,1889, E. Lecrosnier & Babe. 231 p. 8°. *Index Medicus*, *XII*, 255.

Продолжение табл. П2

II. Tarnowsky (Pauline). (1908). *Les femmes homicides*. Paris, Alcan, VIII.

II.I. РЕЦЕНЗИИ

1 Lombroso, C., Pauline Tarnowsky. (1908). Les femmes homicides. *Archivio di Psichiatria Scienze Penali ed Antropologia*, *XXIX*, 146–151.

2 Meyer, A. (1908, September 24). Les Femmes Homicides. (Avec 40 planches hors texte contenant 161 figures, et 8 tableaux anthropometriques.) Pauline Tarnowski. Paris: Felix Alcan. 1908. Pp. viii + 591. *The Journal of Philosophy, Psychology, and Scientific Methods*, *5*(20), 556–557. https://about.jstor.org/terms

3 Ray, J. (1906–1907). Pauline Tarnowsky. Les femmes homicides. *L'Année Sociologique*, *XI*, 455.

4 Goring, Ch. (1909, Jul. – Oct.). Some Recent Criminological Works [Review of Les femmes homicides; Britain's Blot, by Pauline Tarnowsky & G. F. Sutherland]. *Biometrika*, *7*(1/2), 231–233. https://doi.org/10.2307/2345374

5 Umpfenbach (Bonn). (1908). Pauline Tarnowsky. Les femmes homicides. Paris, Felix Alcan. 1908. 591. S. *Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane*, Band. 49, Abteilung. XX. Individuum and Gesellschagt, 312.

6 MacDonald, A. (1910, November). Les Femmes Homicides by Pauline Tarnowsky. *Journal of the American Institute of Criminal Law and Criminology*, *1*(4), 666–668.

7 Horacio Areco. (1908). [Reseña, Pauline Tarnowski, Les femmes homicides, París, Alcan, 1908]. *Archivos de psiquiatría y criminologia*, año 7, 382. Buenos Aires.

8 R. (1908, Mars 15). Les femmes homicides. Par le Dr Pauline Tarnowsky, 1 vol.grand in-8? avec 40 planches hors texle contenant 161 figures et 8 tableaux antropoloques (Felix Alcan, editeur). *Revue neurologique*, 5, 216–217.

9 Buttersack (Berlin). (1908, 30 June). Frauen als Mörderinnen. (Les femmes homicides). Dr. Pauline Tarnowski, París, Alcan, 1908. 590. Seiten mit 161 Textfiguren und 40 Tafeln. *Fortschritte der Medizin*, Band. XXVI(21), 672.

II.II. ОТЗЫВЫ, ОБЗОРЫ И ИНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

1 Horacio P. Areco. (1908). Pauline Tarnowsky. Les femmes homicides. *Archivos de Psiquatria y criminología. (Архив психиатрии и криминологии. Буэнос-Айрес)*, Ano. 7, 382.

2 Tarnowsky (Pauline). (1912). Les femmes homicides. viii, 591 pp., 39 pl. 8. Paris,F. Alcan. 1908. *Index-catalogue of the Library of the Surgeon-General's Office United Stases Army*, *XVII*, 614.

3 Russa: antropology. Tarnowsky, Les Femmes homicides. Per. Dr. Pauline Tarnowsky. Paris, Alcan, 1908. Pp. VIII.+591. 25x16 cm. Price. 15 francs // Man. 1909. Vereinigtes Königreich: Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. Band. 9. P. 79.

4 Lopatyuk, I. (2020). О книге «Женщины-убийцы», автор Прасковья Тарновская. *Newsletter on the Results of Scholarly Work in Sociology, Criminology, Philosophy and Political Science*, *1*(2), 83–93.

5 Tarnovski, P. (1908). Les Femmes Homicide, 08. 156 b XIV. 95-97. (Dannenberger) 52 B 313-314. (Umpfekbach). *Bibliographie der deutschen Rezensionen, mit Einschluss von Referaten und Selbstranzeigen*, Band. XX, 285.

6 Tarnowsky Dr. Pauline. (1908, Februar 21). Les femmes homicides. Paris, Félix Alcan. In-8. Av. 40. planches hors texte. 15 fr. *Nederlandsch Letterkundig Nieuwsblad*, Band 75, № 15, 208.

7 (1908). Les femmes homicides. (Avec 40 planches hors texle contenant 161 figures et 8 tableaux antropometriques. Pauline Tarnowsky. Paris, Félix Alcan. 1908. Pp. VIII.+591). *The Journal of Philosophy*, Band. 5, 166.

8 (1908). Les femmes homicides. (Avec 40 planches hors texle contenant 161 figures et 8 tableaux antropometriques. Pauline Tarnowsky. Paris, Félix Alcan. 1908. Pp. VIII.+591). *The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods*, Band 5, 556.

9 (1908). Pauline Tarnowski. – Les femmes homicides, 1 vol. graude in-8 con 40 tavole fiori testo e 8 tavole antrometriche. Félix Alcan (Fr. 15). *Rivista di psicologia applicate*, 187.

10 Pauline Tarnowski. (1910, ottobre). Les femmes homicides [Dott. BENETTI VALERIA]. *Rivista di discipline carcerarie in relazione con l'antropologia, col diritto penale, con la statistica*, 45.

11 Dr Pauline Tarnowsky. (1908). Les femmes homicides gr. in-8, 591 p. 40 pl. hors texte. Paris. Alcan. 1908. (15 fr.). *Archives de Psychologie*, 7–8, 316.

12 Dr Pauline Tarnowsky. (1908). Les femmes homicides avec 40 planches planches hors texle contenant 161 fig. et 8 tableaux vol. in-8 de 591 p. Paris. Alcan. 1908. *Archives d'anthropologie criminelle, de médecine légale et de psychologie normale et pathologique*, *VII*, 256.

13 Tarnowski. (1908). Les femmes homicides. Paris, F. Alcan. *Zentralblatt für Anthropologie*, 13, 241.

Продолжение табл. П2

III. Тарновская, П. Н. (1902). Женщины-убийцы; Антропологическое исследование с 163 рисунками и 8 антропометрическими таблицами. Санкт-Петербург: Товарищество художественной печати.

III.I. РЕЦЕНЗИИ

1 Чиж В. (1902, июнь). Рецензия: П. Н. Тарновская. Антропологическое исследование. Женщины-убийцы. Петербург, 1902. 512 с. // *Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии: Ежемесячный журнал, посвященный психиатрии, неврологии, электротерапии, хирургии нервной системы, гипнотизму, психологии и уголовной антропологии*, 6, 464–465.

2 (1904, январь). Рецензия на книгу П. Н. Тарновской «Женщины-убийцы». Антропологическое исследование С 163 рисунками и 8 антропометрическими таблицами. Санкт-Петербург, 1902 (редакционная). *Русская мысль*, 1. Библиографический отдел журнала. Медицина, 22–26.

3 Carlos Galli. (1903, octubre). [Reseña, Pauline Tarnowski, Jenchtchini-Oubiytsi, Petersburgo, 1902]. *Archivos de psiquiatría y criminologia*, ANO. II. № X, 638.

4 Weinberg-Dorpat, R. (1904). P. N. Tarnowski, Des weib als Verbrecherin. Eine antropologische Untersuohung. VII -|- 512 Seiten in Groß 8", mit 163 Figuren und 8 anthropometrisclien Tabellen. St. Petersburg 1902. *Biologisches Centralblatt* (pp. 408–412). Verlag von Georg Thieme.

5 Воротынский, Б. И. (1902). Рецензия: П. Н. Тарновская. Женщины-убийцы. Антропологическое исследование. Съ 163 рис. и 8 антропометрическими таблицами in 8-512 страницъ. Спб., 1902. Ц. 4 р. *Русский врач*, *1*(34), 1229.

III.II. ОТЗЫВЫ, ОБЗОРЫ И ИНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

1 Тарновская, П. Н., врач. (1903). Женщины-убийцы; Антропологическое исследование Со 163 рисунками и 8 антропометрическими таблицами. Спб., 1902. Тип. «Т-ва художеств. печати».8 д., 1 + VII+512 стр., 600 экз. Ц. 4 р. *Список книг, вышедших в России в 1902 году* (с. 152). Санкт-Петербург: Тип. Мин-ва внутр. дел.

2 Тарновская, П. (1903). Женщины-убийцы. Съ 163 рис. и 8 антропометр, таблицами. Спб., 1902 г. Ц. 4 р. *Русская мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание* (кн. IV, с. 159). Библиографический отдел.

3 Тарновская, П. Н., вр. (1902, декабрь). Женщины-убийцы. Антропологическое изслъдование. Съ 163 рис, и 8 антропометр. табл. Спб. 1902. Ц. 4 р. *Вестник Европы* (Кн. 12, с. 868).

4 Тарновская, П. Н. (1903). Женщины убийцы – СПб, 1902. В кн. Г. В. Штёрринг, *Психопатология в применении к психологии = (Vorlesungen über Psychopatologie in ihrer Bedeutung für die normale Psychologie mit Einschluss der psychologischen Grundlagen der Erkenntnistheorie) : С прил. Указателя сочинений по психологии, педагогике, теории познания и психопатологии*, сост. проф. С.-Петерб. ун-та А.И. Введенским, прив.-доц. И. И. Лапшиным и А. А. Крогиусом (пер. А. А. Крогиуса; с предисл. авт. и акад. В. М. Бехтерева, с. 302). Санкт-Петербург: т-во «Знание».

5 Врачъ П. Н. Тарновская. (1902). Женщины-убийцы. (Антропологическое изслъдование) Съ 163 рисунками и 8 антропометрическими таблицами. 1902. 4 р. *Русский врач*, *1*(19), XIV.

6 Тарновская, П. Н. (1902). Женщины-убийцы, с 163 рис. и 8 таблицами, Петербург, 1902, ц. 4 р. *Русский врач*, *1*(18), II.

7 Тарновская, П. Н. (1902). Женщины-убийцы. Антропологическое изслъдование. Съ 163 рис. и 8 антропометрическими таблицами. 1902. 4 р. *Русский врач*, *1*(20), XII.

8 Врачъ П. Н. Тарновская. (1902). Женщины-убийцы. (Антропологическое изслъдование) Съ 163 рисунками и 8 антропометрическими таблицами. 1902. 4 р. *Русский врач*, *1*(27), XII.

9 Врачъ П. Н. Тарновская. (1902). Женщины-убийцы. (Антропологическое изслъдование) Съ 163 рисунками и 8 антропометрическими таблицами. 1902. 4 р. *Русский врач*, *1*(28), XIII.

10 Врачъ П. Н. Тарновская. (1902). Женщины-убийцы. (Антропологическое изслъдование) Съ 163 рисунками и 8 антропометрическими таблицами. 1902. 4 р. *Русский врач*, *1*(34), X.

IV. Тарновская, П. Н. (1891). Воровки (Антропологическое исследование). Санкт-Петербург: Типография дома призрения малолетних бедных.

IV.I. РЕЦЕНЗИИ

1 Ковалевский, П. И. (1892). Тарновская П. Н. Воровки. Антропологическое исследование. 1891. *Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии*, *XX*(1), 115–116.

IV.II. ОТЗЫВЫ, ОБЗОРЫ И ИНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

1 Тарновская, П. Н. (1892). Воровки. СПб., 1891. Цена 50 коп. В кн. Ю. В. Янсон, *Сравнительная статистика населения* (с. 147). Санкт-Петербург: тип. Дома призрения малолет. бедных.

Окончание табл. П2

2	Тарновская, П. (жен.-врач). (1891, 1 сентября). Воровки. Антропологическое исследование. Типография дома призрения малолетних бедных, 8 л. 79 стр., 350 экз. *Книжный вестник*, 8, 191.
3	Тарновская, П. Н. (жен.-врач). (1891). Воровки. Антропологическое исследование. (Извлечено из журнала № 6 Русского общества охранения народного здравия). СПб. 1891. Тип. Дома призрения малолетних бедных, 8 д. 3 нен. + 79 стр., 350 экз. В сб. *Список изданий, вышедших в России в 1891 году* (с. 113). Санкт-Петербург.
4	Тарновская, П. Н. (1894). Воровки 1891 г. Ц. 50 коп. *Известия Варшавского университета*, *1–5*, vi.
5	Тарновская П. Н. (1903). Воровки, СПб., 1891. В кн. Г. В. Штёрринг. *Психопатология в применении к психологии = (Vorlesungen über Psychopatologie in ihrer Bedeutung für die normale Psychologie mit Einschluss der psychologischen Grundlagen der Erkenntnistheorie) : С прил. Указателя сочинений по психологии, педагогике, теории познания и психопатологии* (сост. проф. С.-Петерб. ун-та А. И. Введенским, прив.-доц. И. И. Лапшиным и А. А. Крогиусом; пер. А. А. Крогиуса; с предисл. авт. и акад. В. М. Бехтерева, с. 302). Санкт-Петербург: т-во «Знание».
6	Тарновская, П. Н. (1892, февраль). «Воровки». Антропологическое исследование. Цена 30 к. с пересылкой 35 коп. *Журнал Русского общества охранения народного здравия*, 2, 2.

Таблица П3

Список некрологов, посвященных памяти Прасковьи Николаевны Тарновской

№	Выходные данные некрологов
	I. Некрологи в российских периодических изданиях
1.1	Никольский, Д. П. (1911). *Памяти врачей-антропологов – Н. В. Гильченко и П. Н. Тарновской: Речь, сказанная в заседании 14 февраля Общества анатомии и антропологии при Военно-медицинской академии*. Санкт-Петербург: Б. и.
1.2	Никольский, Д. П. (1911). Памяти врачей-антропологов – Н. В. Гильченко и П. Н. Тарновской. *Практический врач*, 13, 222–223.
1.3	(1911). Прасковья Николаевна Тарновская. Некролог. *Вестник Европы*, 1, 433–434.
1.4	(1911). Некролог. Прасковья Николаевна Тарновская. *Русская мысль*, *32*(1), 234.
1.5	(1911). Некролог. Тарновская, П. Н. *Исторический вестник. Историко-литературный журнал*, *CXXII*, 808.
1.6	(1910). Некролог. Тарновская, П. Н. *Речь. Ежедневная политическая, литературная и экономическая газета*, 343.
1.7	Р. В. (1911). П. Н. Тарновская. *Женское дело*, 1, 31.
1.8	(1911, январь). П. В. Тарновская. *Женский вестник: общественный научно-литературный ежемесячный журнал: посвящен равноправию и улучшению положения женщин*, 1, 28. **Примечание автора:** анонимный автор некролога перепутал отчество покойной – вместо «Николаевна» написал «Васильевна» и дату смерти указал неверно – 13, а не фактическую – 12 декабря.
	II. Некрологи в зарубежных периодических изданиях
2.1	Wigmore, J. (1911). Death of Madame Pauline Tarnowsky. *Journal of the American Institute of Criminal Law and Criminology*, 2, 270–271.
2.2	(1911). Nécrologie Mme P. Tarnowsky. *Archives d'anthropologie criminelle de criminologie et de psychologie normale et pathologique*, *tome 26*, 316.
2.3	(1911). Necrologio Pauline Tarnowski. *Archivio di antropologia criminale, psichiatria e medicina legale organo ufficiale della Associazione italiana di medicina legale e delle assicurazioni*, XXVIII, Vol. III, Serie. IV, 175.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автор является членом редколлегии журнала Russian Journal of Economics and Law. Статья прошла рецензирование на общих основаниях / The author is a member of the Editorial Board of the Russian Journal of Economics and Law. The article has been reviewed on the usual terms.

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 15.01.2024
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 20.02.2024
Дата принятия в печать / Accepted 20.02.2024

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ / TRANSLATED ARTICLES

Ответственный за подбор *П. А. Кабанов* / Persons in charge of selection *P. A. Kabanov*

Редактор рубрики *Дж. Шаббар* / Rubric editor *J. Shabbar*

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.190-216**

УДК 347.77/.78:004.8

Дж. Ву[1]

[1] *Школа права Фордемского университета, г. Фордем, США*

Восполнение пробела в правовом регулировании отношений в сфере изобретений, сделанных искусственным интелектом

Переводчик *Е. Н. Беляева*

Джеффри Ву, доктор права, 2024, Школа права Фордемского университета

Аннотация

Цель: изучение пробелов в правовом регулировании отношений в сфере изобретений, сделанных искусственным интеллектом.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический и социологический.

Результаты: в решении по делу Thaler v. Vidal Апелляционный суд США по федеральному округу постановил, что искусственный интеллект (ИИ) не может считаться изобретателем, согласно патентному праву. Это решение оставляет открытым вопрос о том, может ли по закону физическое лицо считаться автором изобретений, сделанных искусственным интеллектом. Актуальность этого вопроса определяется тем, что от него зависит, можно ли патентовать изобретения, сделанные искусственным интеллектом, поскольку права на патент не существуют без изобретателя. В науке предложены две доктрины, позволяющие решить эту проблему: а) доктрина одновременности замысла и практического осуществления; б) доктрина первого лица, понявшего и оценившего идею. В настоящей статье проанализированы обе доктрины и доказано, что ни одну из них нельзя непосредственно применить к изобретениям, сделанным искусственным интеллектом, а значит, существует «пробел изобретательства».

© Ву Дж., 2024. Впервые опубликовано на русском языке в журнале *Russian Journal of Economics and Law* (https://rusjel.ru) 25.03.2024

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Fordham Law Review*. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала: tmelnick@law.fordham.edu

Цитирование оригинала статьи на английском: Wu, J. (2023). Bridging the AI inventorship gap. *Fordham Law Review*, *91*(6), 2515–2547.

URL публикации: https://fordhamlawreview.org/issues/bridging-the-ai-inventorship-gap/

Научная новизна: в статье впервые поставлена и решена проблема правового регулирования изобретательства с помощью искусственного интеллекта, а также обозначена необходимость внесения изменения Конгрессом США в законодательство об авторских правах в части признания физического лица, использующего искусственный интеллект для генерации изобретений, автором подобного рода изобретений. Вследствие этого будет восполнен пробел в правовом регулировании отношений в сфере изобретений и патентования, сделанных искусственным интеллектом, и облегчено достижение целей патентной системы.
Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с правовым регулированием отношений в сфере изобретений, сделанных искусственным интеллектом.

Ключевые слова:
пробелы в праве, право интеллектуальной собственности, изобретение, искусственный интеллект

Благодарности
Выражаю благодарность профессору Aditi Bagchi за ее знания и руководство на протяжении всего периода исследования. Благодарю также Кевина Грина и других сотрудников журнала Fordham Law Review за их отклик и редактирование текста. Наконец, я хотел бы поблагодарить Р. Н., мою семью и друзей за их безусловную любовь и поддержку.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: By, Дж. (2024). Заполнение законодательного пробела в отношении изобретений, сделанных искусственным интеллектом. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 190–216. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.190-216

Scientific article

J. Wu[1]

[1] *Fordham University School of Law, Fordham, USA*

Bridging the artificial intelligence inventorship gap

Translator *E. N. Belyaeva*

Jeffrey Wu, J.D. Candidate, 2024, Fordham University School of Law

Abstract
Objective: to study the gaps in the legal regulation of relations in the sphere of inventions made by artificial intelligence.
Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors, which predetermined the following research methods: formal-logical and sociological.
Results: in Thaler v. Vidal, the U.S. Court of Appeals for the Federal Circuit ruled that an artificial intelligence (AI) machine cannot be an inventor under patent law. This decision leaves open the question of whether a natural person can be the legal inventor of AI-generated inventions. This is a pressing question because it decides whether AI-generated inventions are patentable, as no patent rights can exist without an inventor. Scholars have proposed two doctrines that might resolve this question: the doctrine of simultaneous conception and reduction to practice and the doctrine of first to recognize and appreciate.

The article was first published in English language by *Fordham Law Review*. For more information please contact: tmelnick@law.fordham.edu

For original publication: Wu, J. (2023). Bridging the AI inventorship gap. *Fordham Law Review*, *91*(6), 2515–2547.
Publication URL: https://fordhamlawreview.org/issues/bridging-the-ai-inventorship-gap/

This article analyzes the two doctrines and argues that neither doctrine readily applies to AI-generated inventions, thereby leaving an “inventorship gap”.
Scientific novelty: the article is the first to pose and solve the problem of legal regulation of inventions made with the help of artificial intelligence and to state the need for the U.S. Congress to amend the copyright law in terms of recognizing a physical person who uses artificial intelligence to generate inventions as the author of such inventions. It bridges the gap in legal regulation of relations in the sphere of inventions and patenting and facilitates the goals of the patent system.
Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to the legal regulation of relations in the sphere of inventions made by artificial intelligence.

Keywords:
gaps in law, intellectual property right, invention, artificial intelligence

Acknowledgements
Thank you to Professor Aditi Bagchi for her knowledge and guidance throughout the process. I would also like to thank Kevin Green and the other members of the Fordham Law Review for their feedback and editing. Finally, I would like to thank P. H. and my family and friends for their unconditional love and support.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Wu, J. (2024). Bridging the artificial intelligence inventorship gap. *Russian Journal of Economics and Law, 18(1)*, 190–216. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.190-216

Введение

Вы в восторге – ваш искусственный интеллект (далее – ИИ) сообщил, что создал кое-что новенькое! Он дополнил обычную зубную щетку перекрещенными щетинками. Вы поражены оригинальностью этой идеи, ведь вы никогда не думали, что можно расположить щетинки таким образом. Вы также не давали искусственному интеллекту прямого указания спроектировать новую зубную щетку. Вы лишь снабдили ИИ информацией о существующих моделях средств гигиены зубной полости и о качестве их работы. Вы оценили коммерческую ценность нового дизайна и решили подать заявку на патент. Вы обсуждаете эту идею с вашим патентным юристом, и предварительный поиск показывает, что никому до сих пор этот дизайн не приходил в голову[1]. Когда юрист спрашивает о преимуществах новой щетки перед традиционными, вы отвечаете уверенно. Однако когда речь заходит о том, как у вас родилась эта идея, вы медлите с ответом: «Ну... искусственный интеллект предложил эту модель. Так что технически эта идея родилась не у меня, но это ведь не важно? Я же все равно могу ее запатентовать?»

Оказывается, нет. Патентные права распространяются только на изобретателя[2]. Без изобретателя эти права не существуют, а значит, не может быть никакого патента[3]. Действительно, неверное указание изобретателя является основанием для отмены патента[4]. Следовательно, критически важно правильно указать изобретателя. Таким образом, возникает вопрос: кто является изобретателем новой модели зубной щетки?

[1] Одним из требований для патентования является новизна изобретения. См. ниже прим. 34–39 и соответствующий текст.

[2] U.S. Const. art. I, § 8, cl. 8; 35 U.S.C. § 101; Beech Aircraft Corp. v. EDO Corp., 990 F.2d 1237, 1248 (Fed. Cir. 1993); см. ниже прим. 50–52 и соответствующий текст.

[3] См. Gemstar-TV Guide Int'l, Inc. v. Int'l Trade Comm'n, 383 F.3d 1352, 1381 (Fed. Cir. 2004) («Патент считается недействительным, если указано большее или меньшее число изобретателей, чем в действительности» (цитируется дело Jamesbury Corp. v. United States, 518 F.2d 1384, 1395 (Ct. Cl. 1975))).

[4] См. Там же.

ИИ уже продемонстрировал свою способность производить революционные изменения в различных сферах человеческой деятельности[5]. Он уже может генерировать оригинальный контент в таких областях, как музыка (Marshall, 2017), искусство (Metz, 2022) и даже фейковые новости (Harwell, 2019). После демонстрации возможностей *ChatGPT* компанией *OpenAI*[6] и выпуска приложения *Bard* от *Google*[7] генеративный ИИ получил широкое распространение. Вероятно, совсем скоро любой человек, имеющий выход в Интернет, сможет поручить искусственному интеллекту создать изобретение, как уже сейчас можно поручить программе *DALL-E* создать художественное изображение, даже если вы не умеете рисовать[8]. Однако, согласно действующему патентному законодательству, ИИ не может быть изобретателем, так как не является физическим лицом[9]. Следовательно, ИИ, создавший щетку с перекрещенными щетинками, по закону не может считаться ее изобретателем. Должно ли такое изобретение просто стать общественным достоянием или у него существует законный автор? В частности, может ли считаться законным автором изобретения человек, пользующийся искусственным интеллектом, если саму идею породил не он?

В данной статье мы рассмотрим, может ли физическое лицо по закону считаться автором изобретений, созданных искусственным интеллектом. Мы докажем, что существующая патентная система плохо подходит для решения этого вопроса. Чтобы заполнить этот пробел, Конгресс должен изменить доктрину о служебном произведении законодательства об авторских правах и признать, что человек, пользующийся искусственным интеллектом, создавшим изобретение, является законным автором этого изобретения. В Разделе I представлена патентная система и основные правовые положения в области изобретательства. Рассмотрены также вопросы создания изобретений искусственным интеллектом и возникающие при этом проблемы. В Разделе II обсуждаются две патентные доктрины, предложенные учеными для решения вопроса о том, может ли физическое лицо по закону считаться автором изобретения, созданного искусственным интеллектом: (1) доктрина одновременности замысла и практического осуществления и (2) доктрина первого лица, понявшего и оценившего идею. Наконец, в Разделе III показано, что ни одна из двух доктрин не может быть применена к изобретениям, созданным искусственным интеллектом, а значит, возникает пробел в законодательстве. Чтобы заполнить этот пробел, Конгрессу следует изменить доктрину о служебном произведении и выработать определение для автора изобретений, созданных искусственным интеллектом. В рамках этого нового подхода необходимо, чтобы лицо, использующее искусственный интеллект для создания изобретений, получило статус изобретателя. Этот шаг не только придаст определенности вопросу о возможности патентования изобретений, созданных искусственным интеллектом, но и будет способствовать достижению целей патентной системы.

Результаты исследования

I. Патенты, изобретательская деятельность и изобретения, созданные искусственным интеллектом

В данной статье мы, прежде всего, описываем основы патентной системы и изобретательства с помощью искусственного интеллекта. В Разделе I.A рассмотрена патентная система, ее обоснования и требования к получению патента. В Разделе I.B обсуждаются основы изобретательства, включая вопросы его значимости, а также чем определяется изобретательство и как оно соотносится с авторством. В Разделе I.C объясняется, как искусственный интеллект генерирует изобретения, и затрагиваются возникающие при этом проблемы.

---

[5] См. в целом Thomas, R. (2020, Mar. 4). How AI Is Driving the New Industrial Revolution, Forbes. https://www.forbes.com/sites/ibm/2020/03/04/how-ai-is-driving-the-new-industrial-revolution/ [https://perma.cc/P6DP-G8FX].

[6] ChatGPT – это языковая модель, генерирующая ответы на текстовые запросы, сходные с ответами человека. См. Introducing ChatGPT, OpenAI, https://openai.com/blog/chatgpt/ [https://perma.cc/87AK-4PZQ]. Интересной особенностью ChatGPT является ее способность порождать любые типы текстов, включая гитарные аккорды или компьютерный код (Heaven, 2020).

[7] Как и ChatGPT, программа Bard – это чатбот на основе искусственного интеллекта, созданный компанией *Google*, который способен генерировать подробные ответы на текстовые запросы. См. (Kleinman, 2023).

[8] См. DALL-E 2, OpenAI, https://openai.com/dall-e-2/ [https://perma.cc/5HSL-L9TL].

[9] См. Thaler v. Vidal, 43 F.4th 1207, 1213 (Fed. Cir. 2022), petition for cert. filed, No. 22-919 (U.S. Mar. 21, 2023).

A. Общие положения патентной системы

Патент утверждает право собственности на изобретение[10]. Он дает обладателю патента право «исключить других лиц из процессов изготовления, использования, предложения к продаже и продажи изобретения на всей территории Соединенных Штатов, а также импортирования изобретения из Соединенных Штатов»[11] на двадцать лет[12]. При этом патент не дает права практически использовать изобретение[13]. Он лишь дает владельцу патента возможность исключить других из процесса его практического использования через подачу судебного иска против нарушителя патента[14]. Но чем обоснована эта монополия?

1. Обоснования патентной системы

Общепринятое обоснование патентной системы представлено в Конституции США[15]. С целью «способствовать прогрессу науки и полезных искусств» статья «Об интеллектуальной собственности» дает Конгрессу полномочия давать изобретателям исключительные права на их изобретения[16]. Монополия, которую дает патент, побуждает изобретателей прилагать творческие усилия в надежде, что на определенный период времени они смогут быть вне конкуренции[17]. Если у изобретателей не будет надежды на окупаемость вложенных усилий, у них не будет и стимула изобретать, ведь создание новой технологии требует затрат[18] и несет риски[19]. После истечения срока действия патента общество может практически использовать изобретение, тем самым увеличивая всеобщее благосостояние[20].

Другим обоснованием патентной системы является вознаграждение изобретателю за его труд[21]. Это трудовая теория патентного права[22]. Считается, что она восходит к теории собственности Джона Локка, согласно которой у человека есть естественное право на собственность, обоснованное затратами его труда[23]. В контексте патентного права изобретатель получает право исключить других из процесса практического использования своего изобретения в качестве награды за свой умственный труд[24]. Однако, чтобы пользоваться монополией на патентные права, изобретатель должен выполнить ряд вещественных и административных требований[25].

2. Требования для получения патента

Чтобы получить патент, необходимо заполнить заявку в адрес Ведомства по патентам и товарным знакам США (U.S. Patent and Trademark Office, USPTO)[26]. Затем, если заявка соответствует законным требованиям, изложенным в 35 U.S.C. §§ 101–103 и § 111, Ведомство выпускает патент[27].

---

[10] General Information Concerning Patents. (2023, Mar. 27). U.S. Pat. & Trademark Off., https://www.uspto.gov/patents/basics/general-information-patents [https://perma.cc/WRW7-ABGS].

[11] 35 U.S.C. § 154(a)(1).

[12] По умолчанию, срок действия патента составляет 20 лет. Там же, § 154(a)(2). Однако см., например, там же § 154(b) (перечислены условия установления сроков патентов); там же, § 156 (установлено продление сроков патентов при определенных условиях).

[13] General Information Concerning Patents, выше прим. 10.

[14] 35 U.S.C. §§ 154(a)(1), 271(a).

[15] См. U.S. Const. art. I, § 8, cl. 8; см. также Graham v. John Deere Co., 383 U.S. 1, 9 (1966) («[Монополия] была наградой, стимулом для открытия нового знания»).

[16] U.S. Const. art. I, § 8, cl. 8.

[17] Biotechnology Indus. Org. v. District of Columbia, 496 F.3d 1362, 1372 (Fed. Cir. 2007).

[18] 1 John W. Schlicher, Patent Law, Legal and Economic Principles § 2:4 (2d ed. 2015).

[19] Там же, § 2:5.

[20] 1 R. Carl Moy, Moy's Walker on Patents § 1:30 (4th ed. 2020).

[21] См. (Mossoff, 2007) (показано, что патентные права являются гражданскими правами и что к ним должен применяться принцип естественного права, согласно которому лицо может пользоваться плодами своей умственной деятельности).

[22] Там же.

[23] См. (Schaffner, 1995).

[24] 1 Moy, выше прим. 20, § 1:29; (Schaffner, 1995, pp. 1089–1092).

[25] См. ниже прим. 27 и соответствующий текст; ниже Раздел I.A.2.

[26] General Information Concerning Patents, выше прим. 10.

[27] В Разделе 111 описано содержание заявки на патент, а в разделах 35 U.S.C. §§ 112–113 и § 115 перечислены конкретные требования. См. 35 U.S.C. § 111.

Раздел 101 устанавливает четыре требования[28]. Во-первых, на одно изобретение или открытие можно получить только один патент[29]. Во-вторых, в заявке должен быть указан конкретный автор или перечислены соавторы изобретения[30]. В-третьих, представленное изобретение должно (1) попадать в одну из четырех установленных законом категорий, перечисленных в § 101 – процесс, механизм, производство, состав веществ[31], а также (2) не являться абстрактным понятием, законом природы или природным явлением[32]. В-четвертых, представленное изобретение должно быть полезным или иметь конкретное и проверяемое применение[33].

Раздел 102 посвящен требованию новизны[34]. Представленное изобретение не является новым, если оно «было запатентовано, описано в печатной публикации, либо находилось в общественном пользовании, в продаже, либо было иным способом общедоступно до момента подачи заявки на представленное изобретение»[35]. Однако до принятия в 2011 г. Американского закона об изобретениях (*Leahy-Smith America Invents Act, AIA*)[36] изобретатель не мог получить патент, если иное лицо сделало это изобретение ранее, но не подавало заявку на изобретение и не раскрывало его публично[37]. Таким образом, до принятия Закона *AIA* получить патент могло только лицо, сделавшее изобретение, соответствующее установленным требованиям[38]. Теперь же получить патент может тот автор изобретения, кто первым подал заявку, если другой изобретатель не подал такую заявку или сделал свое изобретение общедоступным[39].

Согласно Разделу 103, заявленное изобретение должно быть неочевидным для специалиста средней квалификации в данной области (*person of ordinary skill in the art, POSA*) в период подачи заявки на изобретение[40]. «Специалист средней квалификации в данной области» – это воображаемый правовой конструкт, «подобный понятию “разумный человек” при определении действий по неосторожности» в деликтном праве[41]. Предполагается, что такой специалист знаком со всеми соответствующими достижениями в данной области на момент изобретения[42]. Наконец, § 111 описывает требуемое содержание заявки на патент[43]. Такая заявка должна включать описание изобретения, его чертеж, если он необходим для объяснения сути изобретения, а также декларацию изобретателя[44]. Описание и чертеж должны описывать изобретение достаточным образом, чтобы продемонстрировать, что изобретатель действительно является его автором, и чтобы специалист средней квалификации в данной области мог изготовить, использовать и понять данное изобретение[45]. В декларации должно быть указано, что заявка на патент написана изобретателем и что он считает себя первоначальным автором данного изобретения[46].

---

[28] MPEP § 2104 (9th ed. Rev. 10.2019, June 2020).

[29] Там же. §§ 804, 2104.

[30] Там же. §§ 2104, 2109.

[31] 35 U.S.C. § 101.

[32] MPEP §§ 2104, 2106; см. также Alice Corp. v. CLS Bank Int'l, 573 U.S. 208, 216 (2014); Bilski v. Kappos, 561 U.S. 593, 601 (2010).

[33] MPEP §§ 2104, 2107. Например, в заявке на изобретение не может описываться вечный двигатель, так как такой механизм не работает на практике. См. там же.

[34] См. 35 U.S.C. § 102.

[35] Там же.

[36] Pub. L. No. 112-29, 125 Stat. 284 (2011) (кодифицировано с изменениями в различных разделах U.S.C.).

[37] MPEP § 2120; 35 U.S.C. § 102(g) (1999).

[38] См. MPEP § 2120.

[39] Там же. Американский закон об изобретениях (*AIA*) сменил прежнюю систему «первый, кто изобрел» на систему «первый изобретатель, подавший заявку». *Christopher M. Turoski, America Invents Act – a Guide to Patent Litigation and Patent Procedure* § 2:14 (2022). Чтобы получить патент, нужно быть первым изобретателем, подавшим заявку на патент на законных основаниях. Там же. Принятие закона *AIA* не предполагает, что можно получить патент, первым подав заявку на украденное изобретение. Там же (приводится пример, когда некто Б., занимаясь промышленным шпионажем, крадет изобретение у А., но обвиняется в незаконном присвоении авторства за то, что называл себя автором этого изобретения); см. также 35 U.S.C. § 101 («*Лицо, сделавшее изобретение*... может получить патент на него...» (курсив автора статьи)).

[40] 35 U.S.C. § 103.

[41] In re Rouffet, 149 F.3d 1350, 1357 (Fed. Cir. 1998).

[42] MPEP § 2141.

[43] См. 35 U.S.C. § 111.

[44] Там же. §§ 111, 113.

[45] MPEP §§ 2161-2164; см. также 35 U.S.C. §§ 112-113.

[46] 35 U.S.C. § 115.

B. Основания для установления авторства изобретения

Описав основные аспекты патентного права, обратимся к концепции авторства изобретений. Мы рассмотрим значение авторства и проблемы его определения, а также проведем краткое сравнение между авторством изобретения и авторским правом[47]. Особое внимание будет уделено доктрине о служебных произведениях в авторском праве. Целесообразность такого сравнения обусловлена тем, что служебные произведения во многих отношениях аналогичны изобретениям, созданным искусственным интеллектом[48]. Следовательно, подходы авторского права к авторству таких произведений могут служить основой для установления авторства изобретений, созданных искусственным интеллектом, в патентном праве[49].

1. Значение авторства изобретения

Авторство – важнейший аспект патента[50]. Патентные права распространяются только на изобретателя, а значит, не существует патента без изобретателя[51]. Действительно, неверное указание изобретателя служит основанием для аннулирования патента, поскольку в этом случае патентные права вообще не должны были возникнуть[52]. Таким образом, очень важно, что при любой передаче патентных прав нужно установить истинного изобретателя[53].

Суды жестко поддерживают требование, что право на патент принадлежит изобретателю[54]. Авторство нельзя отменить или уступить[55]. Признание лица автором изобретения не зависит от возраста[56], дееспособности[57], семейного положения[58].

Авторство имеет не только правовое значение. Патенты могут также служить подтверждением профессиональных достижений (Rantanen & Sarah E. Jack, 2019). Например, работодатели расценивают наличие изобретений как знак успешности в ряде областей[59]. Следовательно, авторство важно для функционирования рынка труда[60].

---

[47] Исходя из статьи «Об интеллектуальной собственности» Конституции США, патентное право и авторское право часто соотносятся друг с другом. См. U.S. Const. art. I, § 8, cl. 8; см., например, (Simmons, 2012) (показано, что патентное право должно принять доктрину «изобретений, созданных в рамках служебных обязанностей», которая совпадает с соответствующей доктриной о служебных произведениях в авторском праве); 3 Моу, выше прим. 20, §§ 10:1610:17 (сравнивается авторство на изобретения и авторство в авторском праве, критикуется патентное право, в котором до сих пор не принята доктрина, соответствующая доктрине о служебных произведениях в авторском праве).

[48] См. ниже прим. 103–104 и соответствующий текст.

[49] См. ниже Раздел III.B.

[50] См. 35 U.S.C. § 111(a) (изложено требование авторизации изобретателя при подаче заявки на патент).

[51] См. U.S. Const. art. I, § 8, cl. 8; 35 U.S.C. § 101; Beech Aircraft Corp. v. EDO Corp., 990 F.2d 1237, 1248 (Fed. Cir. 1993) («Право на патент первоначально распространяется на изобретателя, который может затем передать это право другому лицу, если к этому нет иных ограничений…»); MPEP § 2157 (9th ed. Rev. 10.2019, June 2020) («Хотя закон AIA отменил предыдущую норму 35 U.S.C. 102(f), патентное законодательство по-прежнему требует указать истинного автора или соавторов представленного изобретения»).

[52] Gemstar-TV Guide Int'l, Inc. v. Int'l Trade Comm'n, 383 F.3d 1352, 1381 (Fed. Cir. 2004) (цитируется Jamesbury Corp. v. United States, 518 F.2d 1384, 1395 (Ct. Cl. 1975)); См. также Agawam Woolen Co. v. Jordan, 74 U.S. (7 Wall.) 583, 602 (1869) («Нельзя получить патент на то, что данный человек не изобретал, если только он не предоставит на данное изобретение правовой титул, полученный от автора изобретения, или в силу закона...»). Однако некорректное авторство само по себе не делает патент недействительным или не обладающим исковой силой, если не имело место намерение ввести в заблуждение. См. 35 U.S.C. § 256(b); Stark v. Advanced Magnetics, Inc., 119 F.3d 1551, 1555-56 (Fed. Cir. 1997) («Патент может быть признан не обладающим исковой силой по причине недобросовестного поведения, если соавторы изобретения не указаны с намерением ввести в заблуждение». (цитируется Burroughs Wellcome Co. v. Barr Lab'ys, Inc., 40 F.3d 1223, 1227 (Fed. Cir. 1994))); Viskase Corp. v. Am. Nat'l Can Co., 261 F.3d 1316, 1329 (Fed. Cir. 2001) («За исключением случаев мошенничества или намерения ввести в заблуждение, исправление авторства не влияет на валидность или исковую силу патента в период, предшествующий исправлению авторства»).

[53] 3 Моу, выше прим. 20, § 10:7. Однако авторство считается корректным, если патент считается действительным. 35 U.S.C. § 282(a); Gemstar-TV Guide Int'l, Inc., 383 F.3d at 1381 (цитируется Hess v. Advanced Cardiovascular Sys., Inc., 106 F.3d 976, 980 (Fed. Cir. 1997)).

[54] 3 Моу, выше прим. 20, § 10:7 («Например, было установлено, что законное преимущество изобретателя не может быть отменено даже самим изобретателем»).

[55] См., например, Koehring Co. v. E.D. Etnyre & Co., 254 F. Supp. 334, 359 (N.D. Ill. 1966).

[56] См., например, Fetter v. Newhall, 17 F. 841, 843 (C.C.S.D.N.Y. 1883).

[57] См., например, Jenner v. Bowen, 139 F. 556, 563 (6th Cir. 1905).

[58] Fetter, 17 F. at 843.

[59] См., например, Chou v. Univ. of Chi., 254 F.3d 1347, 1359 (Fed. Cir. 2001) («Признание авторства изобретения в значимой области деятельности является признаком успеха в этой области, сравнимым с авторством важной научной работы»).

[60] См. (Cheng & Jeffrey Wu, 2020) (показано, что неверное указание авторства изобретений пагубно для рынка труда).

2. Определение авторства изобретения

Итак, что делает лицо изобретателем? В Конституции используется слово «изобретатель», но не дается его определение[61]. Существующее определение этого понятия в законодательстве также не проясняет ситуацию, так как изобретатель определяется просто как лицо (лица) «совершившее изобретение или открытие»[62]. К счастью, прецедентное право дает более детальное объяснение[63]. Чтобы считаться изобретателем, необходимо (1) придумать изобретение («требование замысла») и (2) быть физическим лицом («требование физического лица»)[64].

По сути, определить авторство – значит «не более чем определить, кто придумал обсуждаемую идею»[65]. Суды неоднократно подтверждали важность замысла в установлении авторства[66], определяя его как «осуществление мысленной составляющей изобретения»[67]. Чтобы осуществить мысленную составляющую изобретения, изобретатель должен иметь определенную и цельную концепцию действующего изобретения[68]. Следовательно, для формирования замысла, как правило, недостаточно просто обозначить проблему без конкретных путей ее решения[69]. Кроме того, не может быть замысла без оценки изобретения[70]. Таким образом, если некто случайно создаст изобретение, не оценив его инновационного характера, то он не будет считаться изобретателем, так как не опознал свою идею как изобретение, а значит, не осуществил замысел[71]. Если затем другой человек создаст такое же изобретение, но сможет его оценить, то будет считаться законным автором изобретения и первое лицо не сможет предъявить ему иск[72].

После осуществления замысла изобретение считается совершенным[73]. Таким образом, акт трансформации совершенного замысла в рабочую физическую форму – т. е. практическое осуществление – не важен для определения авторства изобретения[74]. Следовательно, не является изобретателем тот, кто выполняет рутинные задачи или действует по инструкции другого лица[75]. Определение замысла соответствует цели патентной системы – способствовать прогрессу науки и искусств путем передачи патентных прав инноваторам, а не тем, кто штампует якобы изобретения, применяя обычные навыки в какой-либо области[76].

---

[61] См. U.S. Const. art. I, § 8, cl. 8.

[62] 35 U.S.C. § 100(f).

[63] Хотя благодаря закону *AIA* патентная система США перешла на принцип «первый изобретатель, подавший заявку», для получения патента по-прежнему требуется совершить изобретение. См. Turoski, выше прим. 39. Таким образом, прецедентное право в отношении замысла изобретения, действовавшее до принятия закона *AIA*, остается вполне применимым и после принятия этого закона. 3A Donald S. Chisum, Chisum on Patents § 10.04 (2022).

[64] См. Univ. of Utah v. Max-Planck-Gesellschaft zur Forderung der Wissenschaften E.V., 734 F.3d 1315, 1323 (Fed. Cir. 2013).

[65] Sewall v. Walters, 21 F.3d 411, 415 (Fed. Cir. 1994).

[66] Burroughs Wellcome Co. v. Barr Lab'ys, Inc., 40 F.3d 1223, 1227-28 (Fed. Cir. 1994).

[67] Там же, pp. 1227–28 (цитируется Sewall v. Walters, 21 F.3d 411, 415 (Fed. Cir. 1994)); см. также там же, p. 1228 (замысел считается осуществленным, когда «идея настолько четко определяется в уме изобретателя, что для ее практического осуществления нужны лишь навыки среднего уровня»).

[68] Hybritech, Inc. v. Monoclonal Antibodies, Inc., 802 F.2d 1367, 1376 (Fed. Cir. 1986). Умственный акт условно ассоциируется с доктриной «гениального озарения», формализованной Верховным судом США в 1941 г. в решении по делу *Cuno Eng'g Corp. v. Automatic Devices Corp.*, 314 U.S. 84, 91 (1941). Согласно этой доктрине, патентопригодное изобретение «должно иметь признаки творческого гениального озарения, а не только профессионального мастерства». Там же. В конечном итоге эта доктрина была признана слишком неопределенной для практического применения и была отменена положениями закона. Graham v. John Deere Co., 383 U.S. 1, 15 (1966).

[69] См. Singh v. Brake, 317 F.3d 1334, 1341 (Fed. Cir. 2003).

[70] Breen v. Henshaw, 472 F.2d 1398, 1401 (C.C.P.A. 1973); Heard v. Burton, 333 F.2d 239, 243 (C.C.P.A. 1964).

[71] См. Silvestri v. Grant, 496 F.2d 593, 597 (C.C.P.A. 1974) («Случайное и незамеченное дублирование изобретения не отменяет права на патент лица, которое, хотя и совершило изобретение позже по времени, но первым признало суть данного изобретения»).

[72] См. Там же.

[73] Mergenthaler v. Scudder, 11 App. D.C. 264, 276 (D.C. Cir. 1897).

[74] MPEP § 2109 (9th ed. Rev. 10.2019, June 2020) («В том, что касается определения автора изобретения, практическое осуществление как таковое нерелевантно»); см. также In re DeBaun, 687 F.2d 459, 463 (C.C.P.A. 1982) («Не требуется, чтобы изобретатель был тем лицом, которое занимается практическим осуществлением изобретения...»). Практическое осуществление может также состоять в подаче заявки на получение патента. MPEP § 2109.

[75] Mattor v. Coolegem, 530 F.2d 1391, 1395 (C.C.P.A. 1976) (указывается, что лицо, выполняющее устные инструкции другого лица, может рассматриваться лишь как технический сотрудник, но не как изобретатель).

[76] Applegate v. Scherer, 332 F.2d 571, 573 (C.C.P.A. 1964).

Что касается второго компонента, требование физического лица гласит, что изобретатель должен быть человеком, а не юридическим лицом[77]. В решении по делу Beech Aircraft Corp. v. EDO Corp.[78] Апелляционный суд США по федеральному округу уточнил, что в законном определении «изобретателя» термин «лицо» следует понимать как «физическое лицо»[79]. Суд постановил, что корпорации не могут быть авторами изобретений, так как они не являются физическими лицами[80]. Другие суды в своих постановлениях, делая вывод, что изобретатель должен быть физическим лицом, ссылались на требование замысла[81]. Логика в том, что, поскольку авторство изобретения требует осуществления замысла, а мыслительную деятельность может выполнять только физическое лицо, следовательно, только физическое лицо может быть изобретателем[82].

3. Сравнение авторского права и доктрины о служебном произведении

В данном разделе представлено краткое сравнение понятий авторства изобретения и авторского права, причем особое внимание уделено доктрине о служебном произведении в рамках авторского права. Такое сравнение необходимо потому, что подходы авторского права к проблеме авторства могут послужить образцом для патентного права в определении авторства изобретений, созданных искусственным интеллектом[83].

Как и патентная система, система авторского права опирается на статью «Об интеллектуальной собственности» Конституции США[84]. Поэтому, как в патентном праве титул распространяется на изобретателя[85], так и титул авторства распространяется изначально на автора произведения[86]. В общем случае автором считается лицо, «которое фактически создало произведение»[87], т. е. лицо, которое передало некую идею «через фиксированную материальную среду выражения»[88] и внесло оригинальность в работу[89]. Чтобы обладать свойством оригинальности, работа должна быть выполнена автором и нести в себе некую искру творчества[90]. Подобно требованию замысла в определении авторства изобретения, творчество рассматривается как присущее исключительно человеку[91].

Однако в отличие от патентного законодательства, согласно которому строго применяется требование, чтобы патентные права распространялись на изобретателя[92], для авторского права Конгресс ввел важное исключение[93]. Что касается «служебных произведений»[94], согласно авторскому праву, лицо, выполнившее

---

[77] См. Beech Aircraft Corp. v. EDO Corp., 990 F.2d 1237, 1248 (Fed. Cir. 1993) (установлено, что корпорация не может быть изобретателем, так как изобретатель должен быть физическим лицом).

[78] 990 F.2d 1237 (Fed. Cir. 1993).

[79] Beech Aircraft Corp., 990 F.2d at 1248 (разделы 35 U.S.C. §§ 115–118 интерпретируются таким образом, что автором изобретения может быть только физическое лицо).

[80] Там же.

[81] См., например, Univ. of Utah v. Max-Planck-Gesellschaft zur Forderung der Wissenschaften E.V., 734 F.3d 1323 (Fed. Cir. 2013); MBO Lab'ys, Inc. v. Becton, Dickinson & Co., 602 F.3d 1306, 1309 n.1 (Fed. Cir. 2010).

[82] *Univ. of Utah*, 734 F.3d at 1323 («Аксиомой является положение, что изобретатель – это лицо, у которого возник замысел изобретения...»); *MBO Lab 'ys, Inc.*, 602 F.3d at 1309 n.1 («Изобретения создаются людьми, а не корпорациями» (цитируется Beech Aircraft Corp. v. EDO Corp., 990 F.2d 1237, 1248 (Fed. Cir. 1993))).

[83] См. ниже Раздел III.B.

[84] См. U.S. Const. art. I, § 8, cl. 8.

[85] См. Там же; 35 U.S.C. § 101; Beech Aircraft Corp., 990 F.2d at 1248; MPEP § 2157 (9th ed. Rev. 10.2019, June 2020).

[86] См. U.S. Const. art. I, § 8, cl. 8; 17 U.S.C. § 201(*a*).

[87] Cmty. for Creative Non-Violence v. Reid, 490 U.S. 730, 737 (1989).

[88] Там же.

[89] Medforms, Inc. v. Healthcare Mgmt. Sols., Inc., 290 F.3d 98, 107-08 (2d Cir. 2002) («Необходимыми аспектами авторства являются как осязаемость, так и оригинальность. Не является автором человек, породивший оригинальную идею, но не выразивший ее в осязаемой форме, как и человек, выразивший чужую идею в осязаемой форме без своего оригинального вклада»).

[90] Feist Publ'ns, Inc. v. Rural Tel. Serv. Co., 499 U.S. 340, 346 (1991).

[91] См. U.S. Copyright Off., Compendium of U.S. Copyright Office Practices § 306 (3d ed. 2021), https://www.copyright.gov/comp3/docs/compendium.pdf [https://perma.cc/ZN55-6CJA] (установлено, что авторское право «защищает только "результаты интеллектуального труда", которые "порождены творческими возможностями разума"» (цитируется Trade-Mark Cases, 100 U.S. (10 Otto) 82, 94 (1879))).

[92] 3 Моу, выше прим. 20, § 10:7; См. также выше прим. 55–58 и соответствующий текст.

[93] *Cmty. for Creative Non-Violence*, 490 U.S. at 737.

[94] Служебным произведением является то, которое (1) создано сотрудником в рамках своих рабочих обязанностей или (2) создано в рамках особого заказа или поручения в качестве (a) вклада в коллективную работу, (*b*) части фильма или иного аудиовизуального произведения, (*c*) перевода, (*d*) дополнения, (*e*) компиляции, (*f*) текста инструкции, (*g*) теста, (*h*) ответов к тесту, (*i*) атласа. 17 U.S.C. § 101.

умственный труд, не обязательно является автором[95]. В соответствии с доктриной о служебном произведении автором считается «работодатель или иное лицо, для которого была выполнена работа»[96]. Статус работы как служебного произведения влияет не только на авторство[97], но также на условия защиты авторского права[98].

Введенное Конгрессом исключение имеет множество обоснований. Зачастую работодатели вносят значительный вклад в трудовую деятельность, обеспечивая ресурсы, находя исполнителей и предлагая различные идеи (Jaszi, 1992). Кроме того, они несут транзакционные издержки[99]. Если титул принадлежит совместно нескольким агентам, могут возникнуть сложности, особенно при крупных транзакциях[100]. Агенты в таких ситуациях часто являются также работниками соответствующих отраслей и имеют возможность вести переговоры с принципалами[101]. Таким образом, снижается вероятность ущерба для агентов, в случае если титул будет изначально принадлежать принципалу[102].

Многие из обоснований данного исключения можно отнести и к патентному праву. Например, в современных технологических отраслях научные разработки и исследования с участием множества специалистов зачастую организуются крупными компаниями[103]. Эти специалисты часто являются в то же время работниками данной отрасли, «нанятыми специально для работы над изобретениями»[104]. Однако, несмотря на сходные черты, в рамках патентной системы выдвигается строгое требование, что изобретатель должен быть физическим лицом, у которого зародился замысел изобретения[105].

C. Изобретения, созданные искусственным интеллектом, и проблемы авторства изобретения

Рассмотрев законодательную базу, перейдем к обзору проблем изобретений, созданных искусственным интеллектом, и связанных с ними вопросов авторства изобретения.

1. Искусственный интеллект и его изобретения

Прежде всего необходимо дать определение искусственного интеллекта для целей нашего исследования. В общем виде искусственный интеллект можно определить как «устройство <…>, способное выполнять задачи, о которых можно сказать, что они требуют использования разума, если бы они выполнялись человеком»[106]. Для выполнения этих задач большинство устройств с искусственным интеллектом опираются на распознавание закономерностей, порождаемых при обработке больших массивов данных[107]. Например, системы искусственного интеллекта в беспилотных автомобилях распознают определенные схемы движения, обрабатывая данные, собранные на миллионах миль вождения, и применяют эти схемы движения для управления автомобилем[108]. Однако в нашем исследовании мы сосредоточимся на одном типе искусственного интеллекта, а именно том, который способен порождать новые закономерности и идеи.

---

[95] См. Там же. § 201(*b*).

[96] Там же. См. в целом Est. of Burne Hogarth v. Edgar Rice Burroughs, Inc., 342 F.3d 149 (2d Cir. 2003).

[97] См. Cmty. for Creative Non-Violence, 490 U.S. at 737; см. также 17 U.S.C. § 201(*b*).

[98] См. Cmty. for Creative Non-Violence, 490 U.S. at 737; см. также 17 U.S.C. § 302(*c*).

[99] См. 3 Моу, выше прим. 20, § 10:17.

[100] Там же.

[101] Там же.

[102] Там же.

[103] См. (Merges, 1999).

[104] 3 Моу, выше прим. 20, § 10:17.

[105] См. Simmons, выше прим. 47, at 49–50.

[106] (Scherer, 2016); см. What Is AI?: Learn About Artificial Intelligence, Oracle, https://www.oracle.com/artificial-intelligence/what-is-ai/ [https://perma.cc/85EP-35KN]; см. также Artificial Intelligence, Oxford Eng. Dictionary, https://www.oed.com/view/Entry/271625 [https://perma.cc/ XE9N-5YSY].

[107] См. Artificial Intelligence: What It Is and Why It Matters, SAS, https://www.sas.com/en_us/insights/analytics/what-is-artificial-intelligence.html [https://perma.cc/TT6W-UNKT]; см. также What Is Artificial Intelligence (AI)?, IBM, https://www.ibm.com/topics/artificial-intelligence [https://perma.cc/LJ4B-62WU] («Алгоритмы ИИ... пытаются создать экспертные системы, которые делают предсказания или классификации на основе вводных данных»).

[108] См. Wiggers, K. (2019, Apr. 11). Uber's 250 Autonomous Cars Have Driven 'Millions' of Miles and Transported 'Tens of Thousands' of Passengers. VentureBeat. https://venturebeat.com/2019/04/11/ubers-250-autonomous-cars-have-driven-millions-of-miles-and-transported-tens-of-thousands-of-passengers/ [https://perma.cc/5U7E-HK7P].

Примером такого устройства является «машина для творчества», созданная доктором Стивеном Л. Талером (*Dr. Stephen L. Thaler, "Creativity Machine"*)[109]. В отличие от обычных устройств с ИИ, которые лишь связывают и распознают существующие закономерности, «машина для творчества» может создавать несуществующие образы, представляющие собой новые идеи[110]. Для этого задействованы две нейросети[111]. Первую нейросеть обучают на материале конкретной отрасли, а затем стимулируют случайным шумом[112]. Случайный шум, или возмущения, тщательно выверены для стимулирования существующих параметров и выработки новых образов[113]. Затем вторая нейросеть действует в роли критика и определяет, является ли результат работы первой нейросети инновационным[114]. Она также посылает первой нейросети обратную связь о том, следует ли изменить возмущения, чтобы улучшить результат[115]. Если результат определен как инновационный, то идея выгружается во внешнее устройство[116].

Доктор Талер сравнивает две нейросети своей «машины для творчества» с человеческим мозгом и сознанием[117]. Человеческий мозг выбирает действия с помощью кортико-базальной ганглий-таламо-кортикальной петли (Redgrave et al., 1999). Кора мозга (кортекс) генерирует альтернативные результаты, а базальные ганглии выбирают результат на основе контекста[118]. По утверждению доктора Талера, первая нейросеть его «машины для творчества», подобно коре головного мозга, вырабатывает результат, а вторая нейросеть, как базальные ганглии, выделяет ценные идеи из числа предложенных первой нейросетью и дает обратную связь коре головного мозга[119]. С момента создания в 1994 г. «машина для творчества» и ее более поздние продвинутые версии[120] писали песни[121], выпустили музыкальный альбом[122], писали картины[123] и даже давали им названия[124].

Еще одна машина искусственного интеллекта, способная генерировать изобретения, – это созданное доктором Талером «устройство для автономной поддержки унифицированного сознания» (*Device for the Autonomous Bootstrapping of Unified Sentience, DABUS*)[125]. Принцип действия *DABUS* отличен от такового «машины для творчества»[126]. Вместо того чтобы генерировать новые схемы через оптимизацию параметров, *DABUS* создает их, автономно комбинируя простые понятия в сложные цепочки понятий и усиливая желаемые цепочки[127]. Затем «фильтры новизны» определяют инновационные и осмысленные цепочки, представляющие

---

[109] См. U.S. Patent No. 5,659,666 col. 1 l. 28 (filed Oct. 13, 1994) (система искусственного интеллекта описывается как запатентованная в качестве «машины для творчества»).

[110]См. IEI's Patented Creativity Machine® Paradigm, Imagination Engines Inc., https://imagination-engines.com/cm.html [https://perma.cc/ZYF6-74VS].

[111] См. Imagination Engines (a.k.a., "Imagitrons"), Imagination Engines Inc., https://imagination-engines.com/ie.html [https://perma.cc/U9XR-9ZCN].

[112] См. Там же.

[113] См. Там же.

[114] См. Там же.

[115] См. Там же.

[116] См. Там же.

[117] См. (Abbott, 2016).

[118] См. Там же.

[119]См. Abbott, выше прим. 117, at 1084–85.

[120] См. Imagination Engines (a.k.a., "Imagitrons"), выше прим. 111 (утверждается, что машина для творчества стала значительно сложнее после добавления многочисленных нейросетей, вносящих помехи, а также различных сетей, осуществляющих критику и мониторинг); см. также Patent That Is Arguably the Successor to Deep Learning and the Future of Artificial General Intelligence (AGI), Artificial Inventor, https://artificialinventor.com/dabus-receives-a-us-patent/ [https://perma.cc/KXL2-UCWR].

[121] См. Machine Generated Music, Imagination Engines Inc., https://imagination- engines.com/cm_music.html [https://perma.cc/Z5YT-QDR6].

[122] См. Там же.

[123] См. Machine Generated Art, Imagination Engines Inc., https://imagination- engines.com/cm_art.html [https://perma.cc/Z443-BRBV].

[124] См. Там же.

[125] См. Blake Brittain, U.S. Scientist Hits Another Dead End in Patent Case over AI 'Inventor,' Reuters (Oct. 20, 2022, 3:58 PM), https://www.reuters.com/legal/litigation/us-scientist-hits-another-dead-end-patent-case-over-ai-inventor-2022-10-20/ [https://perma.cc/4C7G-SYJ8]; см. также DABUS Described, Imagination Engines Inc., https://imagination-engines.com/dabus.html [https://perma.cc/PB52-PBAU]; Patent That Is Arguably the Successor to Deep Learning and the Future of Artificial General Intelligence (AGI), выше прим. 120.

[126] См. DABUS Described, выше прим. 125.

[127] См. Там же.

собой новые идеи[128]. По словам доктора Талера, этот метод дает больший простор для концептуализации, потому что *DABUS* способен сам переходить от одной идеи к другой и не ограничен параметрами, на которых его обучали[129]. Между *DABUS* и другими ИИ существует два фундаментальных отличия: системе *DABUS* не задают, что именно ей нужно изобрести, потому что она может переходить от одной концепции к другой[130], а также *DABUS* способна самостоятельно определять инновационные идеи благодаря «фильтру новизны»[131].

Машины искусственного интеллекта доктора Талера не являются единственными источниками изобретений, созданных ИИ[132]. Например, «машина для изобретений» доктора Джона Коза самостоятельно создала «систему для более эффективной работы фабрик» при помощи генетических алгоритмов[133]. В отличие от изобретений, созданных при помощи ИИ[134], для которых необходимо существенное участие человека, вклад человека в работу этих последних машин очень мал или вовсе отсутствует[135]. Так, доктор Талер утверждает, что ни создатель, ни пользователь *DABUS* в действительности не порождают замысел изобретения[136]. Они могут вообще быть незнакомы с соответствующей отраслью[137]. Фактически, подавая патентную заявку на контейнер, созданный системой *DABUS*, доктор Талер указал *DABUS* в качестве единственного изобретателя[138]. По мере развития технологии все больше изобретений, созданных ИИ, будут требовать минимального или вовсе нулевого участия человека[139]. Когда машины для творчества создают патентоспособные объекты без участия человека, будут ли они по закону считаться авторами изобретений?

---

[128] См. Там же.

[129] См. Там же. Разницу в работе машины для творчества и *DABUS* можно проиллюстрировать на примере создания ими новой зубной щетки. Машина для творчества оптимизирует дизайн зубной щетки «через ограниченную вариацию параметров, таких как количество, группировка, наклон, жесткость щетинок и др.» Там же. Если бы такую задачу поставили системе *DABUS*, процесс ее работы напоминал бы скачки от одной идеи к другой через группировку понятий. Например, она могла бы сгруппировать понятия «сапожные иголки», «запрессовывание» и «стебель бамбука» и получить сложную концепцию новой зубной щетки. См. Там же.

[130] Тем не менее пользователь может ограничить знания системы *DABUS* какой-либо одной областью, чтобы она могла сосредоточиться на поиске новых схем только в этой области. См. Perpetual Motion Podcast, *Are All Inventors Humans?*, iHeart Radio, at 26:35 (July 8, 2020), https://www.iheart.com/podcast/966-perpetual-motion-podcast-69966811/episode/are-all-inventors-human-episode-69976714/ [https://perma.cc/R49R-5KN8].

[131] См. DABUS Described, выше прим. 125.

[132] См., например, (McLaughlin, 2019) (*AutoML* от компании «Гугл», представляющая собой ИИ, создающий более сложный ИИ, описывается как источник изобретений, сделанных компьютером); (Schwein, 2021) (перечислены примеры источников изобретений, сделанных искусственным интеллектом, включая эволюционные алгоритмы исследовательского центра *NASA Ames Research Center*, создавшие микроантенну; ИИ под названием «Ловец снов» (*Dreamcatcher*), задачей которого было создание идеального транспортного средства, и *DABUS* доктора Талера).

[133] Keats, J. (2006, Apr. 19). John Koza Has Built an Invention Machine. Popular Sci., https://www.popsci.com/scitech/article/2006-04/john-koza-has-built-invention-machine/ [https://perma.cc/U6CR-233P]; см. также Abbott, выше прим. 117, at 1086–91 (Машина для изобретений и *Watson* от *IBM* названы в качестве примеров творческих компьютеров, т. е. ИИ, которые могут генерировать изобретения). Генетические алгоритмы – это «математическая симуляция генов», которые комбинируются случайным образом и мутируют, в результате чего возникает «новый потенциальный потомок», в свою очередь представляющий новые концепции. IEI's Patented Creativity Machine® P*aradigm*, выше прим. 110.

[134] Изобретения, сделанные при помощи искусственного интеллекта, – это изобретения, «сделанные путем значительного участия людей при помощи ИИ» (Mammen, 2020). «Например, изобретатель в области естественных наук может использовать программу искусственного интеллекта» для помощи в разработке лекарства. Там же.

[135] См. Abbott, выше прим. 117, at 1084–85. Однако в некоторых случаях может быть сложно определить, ИИ всего лишь способствовал появлению изобретения или фактически сделал изобретение без существенного участия человека. См. (DeCosta, 2022) (утверждается, что с помощью конкретных фактов можно определить, использовался ли ИИ только как инструмент или внес существенный вклад в изобретение).

[136] См. Thaler v. Vidal, 43 F.4th 1207, 1209 (Fed. Cir. 2022) (установлено, что, по словам доктора Талера, он «не внес никакого вклада в совершение изобретений [искусственного интеллекта] и что любой человек, владеющий соответствующими навыками, мог бы взять результаты деятельности системы *DABUS* и на практике применить идеи из приложений»), *petition for cert. filed*, No. 22-919 (U.S. Mar. 21, 2023).

[137] См. Там же.

[138] См. Там же, at 1209–10. Система *DABUS* создала два изобретения, на которые были поданы патентные заявки. Одно из них – контейнер для еды или напитков, который дает возможность более плотной упаковки и легче удерживается захватом робота; второе – фонарь с уникальным режимом мерцания, который лучше привлекает внимание человека. См. In re Application of Application No. 16/524, 350, 2020 Dec. Comm'r Pat. No. 50567-3-01-US (Apr. 22, 2020); см. также Thaler, 43 F.4th at 1209.

[139] См. McLaughlin, выше прим. 132, at 226–27.

2. Вопросы авторства изобретений, созданных искусственным интеллектом

На вышеуказанный вопрос суд по федеральному округу ответил отрицательно[140]. Согласно решению по делу Thaler v. Vidal[141], машина искусственного интеллекта не может быть изобретателем в рамках патентного права, потому что не является физическим лицом[142].

Следуя собственному прецеденту, суд[143] постановил, что термин «лицо» в данном законодательном определении изобретателя[144] относится только к физическим лицам[145]. Это решение основано на буквальном понимании закона: «В данном случае нет никакой двусмысленности: Закон о патентах требует, чтобы изобретатели были физическими лицами, т. е. людьми»[146]. Суд не стал дальше обсуждать вопросы о том, способствует ли это решение достижению целей патентной системы[147] и обладает ли искусственный интеллект правами на свои изобретения[148].

Хотя решение по делу Thaler четко обозначает требование считать изобретателя физическим лицом, ряд вопросов об авторстве искусственного интеллекта на изобретения остаются нерешенными[149]. Например, суд не определил, какой уровень участия искусственного интеллекта в процессе изобретения необходим, чтобы человек был лишен права на авторство[150]. Другие вопросы касаются прав собственности: кто является владельцем изобретения, созданного искусственным интеллектом?[151] Будет ли это пользователь, владелец или создатель искусственного интеллекта?[152] Если владелец ИИ владеет также и изобретением, как определить владельца ИИ?[153] Что, если ИИ не имеет владельца?[154]

Признавая важность интеллектуальной собственности на объекты, созданные искусственным интеллектом, сенаторы *Chris Coons* и *Thom Tillis* направили письмо директору Ведомства по патентам и товарным знакам США (*U.S. Patent and Trademark Office, USPTO*) *Kathi Vidal* и регистратору авторского права *Shira Perlmutter* с вопросом, как лучше всего стимулировать «устойчивое развитие ИИ и изобретений, созданных искусственным интеллектом»[155]. По мнению сенаторов, *USPTO* и суды правы, требуя, чтобы по действующему патентному праву автором изобретения считался человек, однако они попросили *USPTO* рассмотреть возможные правовые нормы для защиты изобретений, сделанных ИИ[156]. В ответ Ведомство подчеркнуло, что прилагает усилия для оценки влияния решения по делу Thaler[157] и планирует продолжить организацию дискуссий о взаимодействии

---

[140] Thaler, 43 F.4th at 1209.

[141] 43 F.4th 1207 (Fed. Cir. 2022), petition for cert. filed, No. 22-919 (U.S. Mar. 21, 2023).

[142] См. Там же, at 1213.

[143] См. Там же, at 1212; см. также Univ. of Utah v. Max-Planck-Gesellschaft zur Forderung der Wissenschaften E.V., 734 F.3d 1315, 1323 (Fed. Cir. 2013); Beech Aircraft Corp. v. EDO Corp., 990 F.2d 1237, 1248 (Fed. Cir. 1993).

[144] См. 35 U.S.C. § 100(f) («изобретатель» определяется как «человек... сделавший открытие или изобретение»). В других разделах изобретатели также названы людьми. См., например, Там же. §§ 100(g), 115.

[145] См. *Thaler*, 43 F.4th at 1211-12; см. также Mohamad v. Palestinian Auth., 566 U.S. 449, 454-55 (2012) (установлено, что при использовании в качестве существительного термин «лицо», как правило, обозначает человека, за исключением случаев, когда имеется «*некоторое* указание на то, что Конгресс подразумевал» иное значение (курсив в оригинале) (цитируется 7 Oxford English Dictionary 880 (2d ed. 1989))).

[146] *Thaler*, 43 F.4th at 1210.

[147] См. Там же, at 1213.

[148] См. Там же, at 1209.

[149] См. DeCosta, выше прим. 135; см. также Mammen, выше прим. 134.

[150] См. DeCosta, выше прим. 135.

[151] См. Mammen, выше прим. 134; (Taylor, 2022).

[152] См. (Kovach, 2021).

[153] См. Mammen, выше прим. 134.

[154] См. Kovach, выше прим. 152, at 148–51.

[155] Letter from Thom Tillis, Sen., and Chris Coons, Sen., to Kathi Vidal, Under Sec'y of Com. for Intell. Prop. & Dir. of the U.S. Pat. & Trademark Off., and Shira Perlmutter, Register of Copyrights & Dir. of the U.S. Copyright Off. (Oct. 27, 2022), https://www.copyright.gov/laws/hearings/Letter-to-USPTO-USCO-on-National-Commission-on-AI-1.pdf [https://perma.cc/847F-AYV4]; см. также (Graves, 2022; Eakin, 2022).

[156] См. Letter from Thom Tillis & Chris Coons, выше прим. 155.

[157] См. Letter from Kathi Vidal, Under Sec'y of Com. for Intell. Prop. & Dir. of the U.S. Pat. & Trademark Off., and Shira Perlmutter, Register of Copyrights & Dir. of the U.S. Copyright Off., to Thom Tillis, Sen., and Chris Coons, Sen. (Dec. 12, 2022), https://www.copyright.gov/laws/hearings/Letter-to-USPTO-USCO-on-National-Commission-on-AI-1.pdf [https://perma.cc/GJ5K-SZJQ]; см. также Graves, выше прим. 155.

ИИ с системой интеллектуальной собственности[158]. Позже *USPTO* инициировало обсуждение вопросов относительно ИИ и изобретательства, например, является ли изобретение патентопригодным, если «система ИИ вносит тот же вклад, что и человек, который в этом случае считался бы соавтором изобретения», и должно ли *USPTO* «распространить свои полномочия на ситуации, когда вклад ИИ является значительным»[159].

Развитие и повышение доступности технологии искусственного интеллекта, несомненно, приведет к появлению новых вопросов[160]. В настоящей работе мы не ставим задачу охватить их все. Мы фокусируемся на одной насущной проблеме, поднятой в деле Thaler: если ИИ не может считаться автором изобретения, созданного искусственным интеллектом, то может ли физическое лицо занять это место? Другими словами, если бы Талер заявил себя создателем изобретений, сгенерированных системой *DABUS*, поддержал ли бы суд это решение?

II. Существует ли пробел в вопросе авторства изобретений, созданных искусственным интеллектом?

Вопрос о том, может ли физическое лицо по закону считаться автором изобретения, созданного искусственным интеллектом, очень важен, так как от этого зависит, патентоспособны ли вообще изобретения такого рода[161], а это в свою очередь будет определять стратегию игроков в области ИИ[162]. Решением по делу Thaler была установлена возможность указывать машину ИИ в качестве законного автора изобретений[163]. Следовательно, если физическое лицо не может по закону считаться автором изобретения, созданного искусственным интеллектом, то у такого изобретения вообще не будет автора. В результате возникает пробел в области авторства на изобретения, который лишает патентной защиты целый сектор технологий.

До сих пор не возникало дел, где решался бы вопрос, может ли физическое лицо по закону считаться автором изобретения, созданного искусственным интеллектом, однако решению этой проблемы могли бы способствовать две доктрины:

1) доктрина одновременности замысла и практического осуществления[164];

2) доктрина первого лица, понявшего и оценившего идею[165].

В Разделе II.A обсуждаются аргументы за и против применения доктрины одновременности замысла и практического осуществления, цель которого – распространить авторство на изобретения, созданные искусственным интеллектом, на физических лиц. В Разделе II.B те же вопросы рассматриваются в отношении доктрины первого лица, понявшего и оценившего идею[166].

A. Доктрина одновременности замысла и практического осуществления

По определению Верховного суда США, «патентоспособное изобретение – это результат мыслительной деятельности»[167]. Руководствуясь этим определением, суды выносили решения о том, что изобретение счита-

---

[158] См., например, AI and Emerging Technology Partnership Engagement and Events, U.S. Pat. & Trademark Off., https://www.uspto.gov/initiatives/artificial-intelligence/ai-and-emerging-technology-partnership-engagement-and-events [https://perma.cc/HDP4-FGQ3].

[159] Request for Comments Regarding Artificial Intelligence and Inventorship, 88 Fed. Reg. 9492 (Feb. 14, 2023).

[160] Ji Mao, Revisiting AI Inventorship in Thaler v. Vidal, Holland & Knight IP/Decode Blog (Oct. 4, 2022), https://www.hklaw.com/en/insights/publications/2022/10/revisiting-ai-inteventorship-in-thaler-v-vidal [https://perma.cc/3VQC-T3C7].

[161] Если изобретение, созданное искусственным интеллектом, не имеет автора, то на него не распространяются патентные права, поскольку такие права распространяются только на изобретателя. См. выше прим. 51 и соответствующий текст.

[162] См. (Weibust & Pelletier, 2022) («Закон США о патентах в настоящее время не обеспечивает защиты изобретений, созданных искусственным интеллектом, если ИИ указан как единственный автор изобретения. Из-за этого пробела может получить более широкое распространение охрана секретов производства в области изобретений, созданных искусственным интеллектом»).

[163] Thaler v. Vidal, 43 F.4th 1207, 1213 (Fed. Cir. 2022), petition for cert. filed, No. 22-919 (U.S. Mar. 21, 2023).

[164] См. (Burk, 2021); Schwein, выше прим. 132, at 579–80; (Schwartz & Max Rogers, 2022).

[165] См. Schwein, прим. 132, at 580–81; Abbott, прим. 122, at 1097–98.

[166] Прежде чем углубляться в эту проблему, важно отметить, что ИИ – это очень широкая область, объединяющая различные типы технологий и различные сферы их приложения; в данной работе мы фокусируемся на таких системах искусственного интеллекта, как *DABUS*, т. е. способных создавать изобретения без участия человека. См. What Is Artificial Intelligence (AI)?, IBM, https://www.ibm.com/topics/artificial-intelligence [https://perma.cc/LJ4B-62WU]. Следовательно, для целей данной статьи в Разделах II и III термин «искусственный интеллект» следует понимать как систему, способную генерировать изобретения без участия человека. См. выше прим. 134–135 и соответствующий текст.

[167] Smith v. Nichols, 88 U.S. (21 Wall.) 112, 118 (1874); Burt v. Evory, 133 U.S. 349, 358 (1890).

ется созданным, когда его замысел возник у изобретателя, а не тогда, когда этот замысел получил физическое воплощение, т. е. был «осуществлен на практике»[168]. Однако в некоторых «непредсказуемых областях химии и биологии не существует замысла, пока изобретение не получит практического осуществления»[169]. Это правило известно как доктрина одновременности замысла и практического осуществления[170]. Обоснование ее состоит в том, что изобретатель не может сформулировать суть «полного и рабочего изобретения»[171], пока оно не получит физического воплощения, в случае неопределенной природы некоторых изобретений[172].

Например, суд федерального округа по делу Amgen, Inc. v. Chugai Pharmaceutical Co.[173] постановил, что вновь открытая изолированная генетическая последовательность, кодирующая эритропоэтин, не возникла в уме изобретателей, пока этот ген не был изолирован[174]. Замысел не имеет места, если не возникает мысленного образа структуры или возможности описать характеристики, существенно отличающие данный объект[175]. Суд пояснил, что поскольку изобретатели не могли знать физических характеристик гена или описать реальный метод получения этого гена, пока он не был изолирован, то у них не было замысла этого гена, пока он не был осуществлен на практике[176].

1. Аналогия между изобретениями, созданными искусственным интеллектом, и непредсказуемыми явлениями в биологии

Сторонники возможности приложения доктрины одновременности замысла и практического осуществления к изобретениям, сделанным ИИ, отмечают черты сходства между такими изобретениями и аспектами непредсказуемости в области химии и биологии[177]. Один из самых ярых сторонников, профессор Dan L. Burk, предложил аналогию с моноклональными антителами[178]. Это искусственные протеины, которые присоединяются к материалам, не опознаваемым иммунной системой (антигенам), и разрушают их[179], что может использоваться для диагностики и лечения заболеваний (Berger et al., 2002). Эти антитела производятся искусственно созданными клетками, которые называются «гибридомы» и представляют собой гибриды из *B*-клеток, вырабатывающих антитела, и раковых клеток (Pogson, et al., 2016). При этом не все гибридомы вырабатывают желаемые антитела, поэтому с помощью скрининга необходимо выявить гибридомы, вырабатывающие антитела, которые присоединятся к нужному антигену[180]. Пока желаемые гибридомы не найдены, нельзя предсказать, какие антитела они будут вырабатывать[181]. Однако, имея соответствующий опыт, можно определить характеристики антител и тем самым осуществить замысел, а затем произвести антитела, т. е. осуществить изобретение на практике[182]. Тот факт, что появление антитела непредсказуемо и что «полное и рабочее изобретение»[183] нельзя сформулировать до его практического осуществления, не мешает его патентоспособности[184].

Профессор Burk отмечает, что, как и в случае моноклональных антител, изобретения, созданные ИИ, непредсказуемы, пока не будут осуществлены на практике[185]. Природу и характеристики таких изобретений

---

[168] 4 Robert A. Matthews, Jr., Annotated Patent Digest § 26:10 (2022); см. также Sewall v. Walters, 21 F.3d 411, 415 (Fed. Cir. 1994) (утверждается, что определение авторства «сводится к определению автора замысла соответствующего изобретения»).

[169] MacMillan v. Moffett, 432 F.2d 1237, 1240 (C.C.P.A. 1970).

[170] См. Там же.

[171] Singh v. Brake, 317 F.3d 1334, 1340 (Fed. Cir. 2003).

[172] См. MacMillan, 432 F.2d at 1240.

[173] 927 F.2d 1200 (Fed. Cir. 1991).

[174] См. Там же. at 1206.

[175] См. Там же.

[176] Там же.

[177] См. в целом Burk, выше прим. 164. См. также Schwein, выше прим. 132, at 580.

[178] См. Burk, выше прим. 164, at 304–05, 308.

[179] Monoclonal Antibodies, Cleveland Clinic, https://my.clevelandclinic.org/health/ treatments/22246-monoclonal-antibodies [https://perma.cc/N5YB-NULN].

[180] См. (Pedrioli1 & Oxenius, 2021) (описаны конкретные этапы скрининга гибридомы).

[181] См. Burk, выше прим. 164, at 305.

[182] Там же.

[183] Singh v. Brake, 317 F.3d 1334, 1340 (Fed. Cir. 2003).

[184] См., например, Monoclonal Antibody and Use Thereof, U.S. Patent No. 8,338,379 (filed Sept. 23, 2010) (issued Dec. 25, 2012).

[185] См. Burk, выше прим. 164, at 308.

нельзя распознать, пока они не созданы, однако, имея соответствующий опыт, человек может определить изобретение[186]. Следовательно, системы ИИ действуют как гибридомы – и те и другие производят непредсказуемые результаты, которые не являются изобретениями, пока не будут изучены человеком, способным определить их природу и ценность[187]. Как и моноклональные антитела, изобретения, созданные ИИ, становятся изобретениями только после того, как человек оценит результат работы ИИ[188]. Профессор Burk утверждает, что ни у кого не возникает проблем с признанием людей, определяющих моноклональные антитела, как их изобретателей[189], и тот же подход можно применить к изобретениям, созданным искусственным интеллектом[190].

2. Независимое признание и ограничения доктрины одновременности замысла и практического осуществления

Однако не все ученые соглашаются с тем, что доктрину одновременности замысла и практического осуществления можно применить к изобретениям, сделанным ИИ[191]. Противники этой точки зрения утверждают, что критическим отличием от непредсказуемых областей химии и биологии является отсутствие участия человека в процессе изобретательской деятельности системы *DABUS*[192]. Например, такие ученые, как профессор David L. Schwartz и Max Rogers, оспаривают применимость этой доктрины в случаях, когда для распознавания изобретения, сделанного ИИ, требуется минимальное или нулевое участие человека[193]. Подобным образом Rachel L. Schwein утверждает, что эта доктрина не применима к автономным системам ИИ, таким как *DABUS*[194].

Как отмечали Schwartz и Rogers, доктрина одновременности замысла и практического осуществления предполагает, что замысел не имеет места, пока изобретение не получит практического осуществления[195]. Однако это не всегда так для таких систем искусственного интеллекта, как *DABUS*[196]. Одним из основополагающих отличий системы *DABUS* от других машин искусственного интеллекта является ее способность распознавать новизну своих изобретений[197]. Следовательно, когда система *DABUS* выгружает свое изобретение, она уже признает его новизну, что, по мнению Schwartz и Rogers, делает излишним последующее признание этой новизны человеком[198]. По сути, Schwartz и Rogers утверждают, что аналогия профессора Burk неверна, поскольку ИИ эффективно заменил человека-изобретателя, который в этой аналогии делает скрининг на антитела[199]. Как отмечает Schwein, доктрина одновременности замысла и практического осуществления может быть применена к отдельным изобретениям, созданным при содействии ИИ[200], однако к таким независимым и автономным системам искусственного интеллекта, как *DABUS*, она не должна применяться[201].

---

[186] Там же.

[187] Там же.

[188] Там же; см. также Schwein, выше прим. 132, at 597 («Пока компьютер не выдаст результата, идея слишком абстрактна, чтобы можно было говорить о замысле изобретения. После того как компьютер выдаст результат, изобретение получает не только замысел, но и практическое осуществление»).

[189] См. Burk, выше прим. 164, at 308; см. также, например, '379 Patent.

[190] Burk, выше прим. 164, at 308.

[191] См., например, Schwartz & Rogers, выше прим. 164, at 570 (ставится вопрос, можно ли считать замысел человека достаточным, если ИИ снижает степень участия человека, требуемую для признания изобретения); Schwein, выше прим. 132, at 598–600 (утверждается, что доктрину одновременности замысла и практического осуществления можно применить к изобретениям, сделанным ИИ, если человек осуществлял некое руководство, однако доказывается, что к изобретениям, созданным автономными машинами искусственного интеллекта, такими как *DABUS*, должна применяться другая доктрина, а именно доктрина первого лица, понявшего и оценившего идею).

[192] См. Schwartz & Rogers, выше прим. 164, at 570; см. также Schwein, выше прим. 132, at 598–600.

[193] Schwartz & Rogers, выше прим. 164, at 570.

[194] Schwein, выше прим. 132, at 598–600.

[195] Schwartz & Rogers, выше прим. 164, at 570.

[196] Там же.

[197] DABUS Described, выше прим. 125.

[198] Schwartz & Rogers, выше прим. 164, at 570.

[199] См. выше прим. 185–190 и соответствующий текст.

[200] См. Schwein, выше прим. 132, at 598–99.

[201] Там же; см. также Corrected Opening Brief for Plaintiff-Appellant Stephen Thaler at 7-8, Thaler v. Vidal, 43 F.4th 1207 (Fed. Cir. 2022) (No. 20-CV-00903), ECF No. 5 (показано, что изобретения, созданные системой *DABUS*, отличаются по своей природе от изобретений, для которых по-прежнему требуется значительная степень участия человека).

B. Доктрина первого лица, понявшего и оценившего идею

Другая доктрина, которую можно использовать в отношении изобретений, созданных искусственным интеллектом, – это доктрина первого лица, понявшего и оценившего идею[202]. Она была изначально разработана для определения приоритетности авторства изобретений в эпоху до принятия Американского закона об изобретениях[203]. Однако, согласно этому закону, авторство также определяется по замыслу изобретения, поэтому прецеденты периода до принятия этого закона, в которых поднимается вопрос замысла, остаются вполне применимыми[204].

Согласно данной доктрине, изобретателем считается человек, первым оценивший идею изобретения[205]. Например, в деле Heard v. Burton[206] стороны оспаривали авторство новой формы оксида алюминия – эта-оксида алюминия[207]. Burton первым подал заявку на патент, но Heard заявил, что раньше сделал открытие и осуществил его на практике[208]. В 1949 г. Heard создал катализатор, но не понял, что он содержит эта-оксид алюминия[209]. Heard определил эффективность данного катализатора, но не осознал, что он содержит какой-либо оксид алюминия, кроме известных в то время[210]. Только в 1954 г., через два года после подачи патентной заявки Burton'ом, Heard понял, что создал новую форму оксида алюминия[211].

Суд постановил, что Heard не имел замысла эта-оксида алюминия, пока не осознал, что он содержится в его катализаторе[212]. Следовательно, Heard не завершил свое изобретение до 1954 г., хотя физически он создал эта-оксид алюминия в 1949 г.[213] Суд счел, что замысел, признание и оценка изобретения[214] требуют «определенной и неизменной идеи полного и рабочего изобретения»[215]. Другими словами, не может существовать замысла без одновременного признания и оценки изобретения[216]. В результате суд принял решение о приоритете Burton'а на изобретение эта-оксида алюминия, так как Heard «не смог… признать и оценить изобретение»[217].

1. Понятие полного понимания идеи физическим лицом через оценку этой идеи

По мнению ученых, в рамках доктрины первого лица, понявшего и оценившего идею, человек может по закону считаться автором изобретения, созданного искусственным интеллектом, просто оценив значение этого изобретения[218]. Это происходит потому, что, как отмечает Schwein, «система ИИ не в состоянии совершить необходимое мысленное действие по признанию и оценке предмета изобретения»[219]. Таким образом, замы-

---

[202] См., например, Schwein, выше прим. 132, at 580–81; Abbott, выше прим. 117, at 1098, 1103–05, 1108–13 (показана возможность применения доктрины первого лица, понявшего и оценившего идею, но в конечном счете выдвигаются аргументы против использования этой доктрины по политическим соображениям).

[203] До принятия Американского закона об изобретениях лицо не получало прав на патент, если изобретение было создано раньше другим лицом, даже если первое лицо подало заявку раньше второго. 35 U.S.C. § 102(g) (1999). Таким образом, суды тщательно рассматривали вопрос, когда именно появился замысел изобретения; от этого зависело, какая сторона спора получала права на изобретение. См. выше Раздел I.B.2.

[204] См. (Knutson, 2020).

[205] Schwein, выше прим. 132, at 580–81.

[206] 333 F.2d 239 (C.C.P.A. 1964).

[207] Heard v. Burton, 333 F.2d 239, 240-41 (C.C.P.A. 1964).

[208] Там же, at 240.

[209] Там же.

[210] Там же.

[211] Там же, at 242.

[212] Там же, at 242-43.

[213] Там же.

[214] Там же.

[215] Там же, 243 (цитируется Townsend v. Smith, 36 F.2d 292, 295 (C.C.P.A. 1929)).

[216] Invitrogen Corp. v. Clontech Lab'ys, Inc., 429 F.3d 1052, 1063 (Fed. Cir. 2005).

[217] Heard, 333 F.2d at 244.

[218] См. Schwein, выше прим. 132, at 580–81; Abbott, выше прим. 117, at 1098 (утверждается, что если машина ИИ не может по закону считаться автором своего изобретения, то таким автором, скорее всего, будет считаться лицо, первым признавшее и оценившее значение этого изобретения). Однако см. Там же, at 1103–05, 1108–13 (приводятся аргументы против применения доктрины первого лица, понявшего и оценившего идею по политическим причинам).

[219] Schwein, выше прим. 132, at 580–81.

сел остается незавершенным, пока изобретение, созданное искусственным интеллектом, не будет оценено физическим лицом[220].

Применяя такую аргументацию, сторонники этой доктрины утверждают, что изобретения, созданные искусственным интеллектом, аналогичны изобретениям, фигурировавшим в деле Heard[221]. При этом машина ИИ выступает в роли Heard, так как оба они создали изобретения, которые не смогли оценить[222]. Человек, который позже признает и оценивает изобретение, подобен Burton, так как оба они признали и оценили изобретение[223]. Поскольку Burton получил права на изобретение, такое физическое лицо также должно получить права на изобретение, созданное искусственным интеллектом.

Применимость доктрины первого лица, понявшего и оценившего идею, основывается на аргументе, что ИИ не способен замыслить изобретение[224]. Как заявляют сторонники этой доктрины, замысел – это чисто *человеческий* мыслительный акт; никакой другой субъект, включая машину ИИ, не способен породить замысел[225]. По всей видимости, *USPTO* придерживается того же взгляда[226]. Это ведомство отклонило петицию Талера о признании авторства на изобретение за системой *DABUS*, пояснив, что *DABUS*, так же, как государства[227] и корпорации[228], не является физическим лицом, а значит, не может иметь замысла[229]. Однако при этом *USPTO* не касалось напрямую вопроса о способностях системы *DABUS*, а его заключение о том, что машины ИИ не способны иметь замысел, основывалось лишь на факте, что они не являются физическими лицами[230].

Исследователь Kaelyn R. Knutson предлагает еще одно научное обоснование того, что ИИ неспособен к порождению замысла[231]. По ее словам, искусственные нейросети не могут приблизиться к динамической сложности нервной системы человека[232]. Более того, с эволюционной точки зрения, человеческое сознание появилось как «набор социальных навыков, обусловленных сотрудничеством и просоциальными эволюционными мотивами»[233]. Таким образом, если в точности не воспроизвести социальные условия, в которых эволюционировал наш вид, ИИ не сможет даже приблизиться к повторению человеческого сознания[234]. Право не должно «мириться со смелым заявлением, что ИИ может потенциально заменить человеческое сознание» и считать искусственный интеллект способным к порождению замысла[235]. Следовательно, как отмечает Schwein, первое физическое лицо, которое оценивает изобретения, обязательно осуществляет и его замысел, поскольку ИИ не может иметь этого замысла[236]. Более того, с точки зрения государственной политики, изобретение, сделанное искусственным интеллектом, не дает никаких преимуществ обществу, пока не будет оценено человеком[237]. Таким образом, отдавая патентные права тому, кто смог оценить изобретение, сделанное искусственным интеллектом, общество стимулирует внедрение таких изобретений[238].

---

[220] Там же.

[221] См. Там же.

[222] См. Heard, 333 F.2d at 244 (Burton был присужден приоритет на данное изобретение, поскольку Heard «не смог… признать и оценить изобретение»).

[223] См. Там же.

[224] См. Там же.

[225] Там же; см. также Knutson, выше прим. 204, at 11.

[226] См. In re Application of Application No. 16/524,350, 2020 Dec. Comm'r Pat. No. 50567-3-01-USA (Apr. 22, 2020).

[227] Univ. of Utah v. Max-Planck-Gesellschaft zur Forderung der Wissenschaften E.V., 734 F.3d 1315, 1323 (Fed. Cir. 2013) («Чтобы осуществить этот мысленный акт [замысла], изобретатель должен быть физическим лицом; это не может сделать корпорация или государство»).

[228] Beech Aircraft Corp. v. EDO Corp., 990 F.2d 1237, 1248 (Fed. Cir. 1993) (указано, что корпорация не может являться изобретателем, так как «изобретателем может быть только физическое лицо» (цитируется 35 U.S.C. §§ 115–118)).

[229] См. In re Application of Application No. 16/524,350, 2020 Dec. Comm'r Pat. No. 50567-3-01-USA.

[230] См. Там же; см. также (Millamena, 2021).

[231] Knutson, выше прим. 204, at 11.

[232] Там же, at 23–24.

[233] Там же, at 24; см. также (MacLean, 2016).

[234] Knutson, выше прим. 204, at 24.

[235] Там же.

[236] Schwein, выше прим. 132, at 563.

[237] См. Там же.

[238] См. Там же.

2. Недостаточность оценки идеи для авторства изобретения

Тем не менее применимость доктрины первого лица, понявшего и оценившего идею, к изобретениям, созданным искусственным интеллектом, также подвергается критике. Ряд критиков утверждают, что эта доктрина неприменима, поскольку такие системы ИИ, как *DABUS*, способны осуществлять замысел[239]. По их мнению, *USPTO* не должно придавать такое большое значение двусмысленной фразе «формировать в уме» и делать вывод, что ИИ не может иметь замысла, поскольку, хотя ум и ассоциируется чаще всего с человеческим мозгом, однако внутренние структуры последнего аналогичны таковым у нейросетей искусственного интеллекта[240]. Если машины ИИ способны иметь замысел, то физическое лицо нельзя считать автором изобретения, созданного искусственным интеллектом, даже если сама машина ИИ не будет считаться его автором. Действительно, по действующему патентному законодательству, лицо не может считаться автором изобретения, если оно вывело его из изобретения другого лица – в данном случае машины ИИ, – даже если это первое изобретение не было опубликовано[241].

Ученые, выступающие против применения данной доктрины, опираются в основном на аргументы с точки зрения государственной политики[242]. Например, профессор Ryan Abbott, ярый сторонник авторства ИИ, отмечает, что доктрина первого лица, понявшего и оценившего идею, не всегда позволяет корректно распределить стимулы[243]. Возможна ситуация, когда лицо, первым понявшее и оценившее идею, созданную искусственным интеллектом, не внесло значительного вклада в изобретение[244]. Профессор Abbott приводит пример, когда гость в доме случайно обнаруживает изобретение, созданное искусственным интеллектом[245]. Профессор утверждает, что доктрина первого лица, понявшего и оценившего идею, может предоставить патентные права тому, кто вообще не участвовал в процессе изобретательства[246]. Это не соответствует целям патентного законодательства – стимулировать создание изобретений[247]. Более того, предоставление патентов тем, кто всего лишь оценил или внедрил изобретения, может привести к тому, что люди будут отслеживать деятельность других, вместо того чтобы работать со своими машинами ИИ[248].

В статье, посвященной риску разрушения патентной системы искусственным интеллектом, профессор Tim W. Dornis также выступает против применения доктрины первого лица, понявшего и оценившего идею, из-за ее непредсказуемости[249]. Споры о том, кто является первым человеком, понявшим то или иное изобретение, могут вестись бесконечно и будут очень затратны для общества в целом[250]. Таким образом, критики отмечают, что доктрину первого лица, понявшего и оценившего идею, вероятно, нельзя непосредственно применить к изобретениям, созданным искусственным интеллектом, как это утверждают ее сторонники.

---

[239] См., например, Millamena, выше прим. 230, at 289–91 (показано, что система *DABUS* должна выполнять требование о замысле изобретения); (Comer, 2021) (показано, что *USPTO* использовало «циклическую и ошибочную аргументацию» при толковании понятий автора и замысла изобретения, чтобы исключить ИИ, и что «действующее патентное право совершенно не приспособлено для работы с технологическими новшествами в сфере ИИ»).

[240] Comer, выше прим. 239, at 465; см. также Millamena, выше прим. 230, at 289–91 (утверждается, что система *DABUS* осуществила замысел изобретений «в своем уме», поскольку искусственные нейросети функционируют точно так же, как человеческий мозг (выделено автором статьи)).

[241] 35 U.S.C. § 101 («Тот, кто создает изобретение... может получить патент на него... » (выделено автором статьи)); см. также Turoski, выше прим. 39, § 2:14; MacMillan v. Moffett, 432 F.2d 1237, 1240 (C.C.P.A. 1970) (утверждается, что доктрина одновременности замысла и практического осуществления неприменима, когда предметом спора является оригинальность (цитируется Applegate v. Scherer, 332 F.2d 571 (C.C.P.A. 1964))).

[242] См. Abbott, выше прим. 117, at 1104 (признано, что физические лица могут считаться изобретателями согласно доктрине первого лица, понявшего и оценившего идею, но в конечном счете выдвигаются аргументы против использования этой доктрины, поскольку это не соответствует целям патентной системы); см. также (Dornis, 2020).

[243] См. Abbott, выше прим. 117, at 1104.

[244] См. Dornis, выше прим. 242, at 124 (показано, что применение доктрины первого лица, понявшего и оценившего идею, «приводит к разделению изобретения и прав собственности», в результате чего становится сложнее «передать права тем, кто этого действительно заслуживает как автор или авторы изобретения»); см. также Abbott, выше прим. 117, at 1104.

[245] См. Abbott, выше прим. 117, at 1104.

[246] См. Там же.

[247] См. Там же.

[248] См. 2 Moy, выше прим. 20, § 8:3 (утверждается, что из понятия «изобретатель» необходимо исключить лиц, внедряющих изобретения, чтобы лишить стимула простое отслеживание деятельности других людей в поисках изобретений).

[249] См. Dornis, выше прим. 242, at 124; см. также (Vertinsky, 2018).

[250] Dornis, выше прим. 242, at 124.

III. Заполнение пробела в вопросе авторства искусственного интеллекта

Вопрос о том, существует ли пробел в вопросе авторства искусственного интеллекта на изобретения, сводится к тому, мешает ли машина ИИ физическому лицу осуществить замысел изобретения. Если нет, тогда физическое лицо может являться по закону автором изобретения, созданного искусственным интеллектом. Но если мешает, тогда никто не может осуществить замысел изобретения, а значит, создается пробел в авторстве и изобретение становится непатентопригодным. Обе доктрины, описанные в Разделе II, направлены на заполнение этого пробела. Для этого доктрина одновременности замысла и практического осуществления предполагает, что замысел изобретения, созданного искусственным интеллектом, принадлежит человеку, поскольку такое изобретение является изначально непредсказуемым[251]. С той же целью доктрина первого лица, понявшего и оценившего идею, утверждает, что авторство изобретения, созданного искусственным интеллектом, должно принадлежать человеку, так как именно человек оценивает и понимает ценность такого изобретения[252].

В Разделе III.A мы утверждаем, что ни одна из этих доктрин не решает описанных проблем и что указанный пробел в вопросе авторства искусственного интеллекта на изобретения продолжает существовать. Однако для целей государственной политики важно, чтобы изобретения, созданные искусственным интеллектом, были патентопригодны[253].

Следовательно, критически важно, чтобы по закону физические лица могли считаться авторами изобретений, созданных искусственным интеллектом, и указанный пробел был заполнен. В Разделе III.B мы доказываем, что Конгресс должен пересмотреть задачи доктрины служебного произведения в рамках законодательства об авторских правах и признать, что физическое лицо, использующее машину искусственного интеллекта, является законным автором созданных ею изобретений. Тем самым не только будет заполнен пробел в вопросе авторства таких изобретений (а значит, они станут патентопригодными), но и результаты определения авторства станут более предсказуемыми.

A. Пробел в вопросе авторства искусственного интеллекта на изобретения

В данном разделе мы покажем, почему ни доктрина одновременности замысла и практического осуществления, ни доктрина первого лица, понявшего и оценившего идею, не заполняют пробела в вопросе авторства искусственного интеллекта на изобретения.

Доктрина одновременности замысла и практического осуществления неприменима к изобретениям, созданным искусственным интеллектом, поскольку неверно, что машины ИИ всего лишь помогают осуществлять изобретение на практике[254]. Малое участие человека в изобретательском процессе системы *DABUS* – критическое отличие этого процесса от непредсказуемых областей химии и биологии, и именно оно обусловливает неприменимость данной доктрины[255].

Таким образом, возможно, что изобретения, созданные искусственным интеллектом, непредсказуемы, как определенные области химии и биологии[256]. Однако в отличие от выделения или определения моноклональных антител[257] для оценки изобретения, созданного искусственным интеллектом, не требуется каких-либо значительных навыков[258]. Действительно, аналогия с моноклональными антителами, проведенная профессором Burk'ом[259], возможно, работает в тех случаях, когда машина ИИ только выдает непредсказуемый результат,

---

[251] См. выше Раздел II.A.1.

[252] См. выше Раздел II.B.1.

[253] См. Kovach, выше прим. 152, at 151.

[254] Corrected Opening Brief for Plaintiff-Appellant Stephen Thaler, выше прим. 201, at 7 («Система *DABUS* осуществила то, что традиционно считается мысленной частью акта изобретательства»).

[255] См. Schwein, выше прим. 132, at 598–600.

[256] См. выше Раздел II.A.

[257] См. выше Раздел II.A (проводится аналогия между выработкой моноклональных антител гибридомами и созданием изобретений искусственным интеллектом).

[258] См. Corrected Opening Brief for Plaintiff-Appellant Stephen Thaler, выше прим. 201, at 8 (утверждается, что для понимания изобретений, созданных системой *DABUS*, не требуется специальных навыков).

[259] См. выше прим. 185–190.

но не понимает его новизны. Однако эта аналогия не работает для машин ИИ, подобных системе *DABUS*, которая самостоятельно оценивает новизну своих изобретений[260].

Тем не менее в данной статье мы не утверждаем, что ИИ способен задумать изобретение в том смысле, который принят в действующем патентном законодательстве. Хотя считается, что ИИ создан по образцу человеческого мозга (Cohen, 2009), суды единодушны в том, что только физическое лицо способно иметь замысел изобретения[261]. Вероятно, суды продолжат придерживаться этой точки зрения до тех пор, пока не будет размыта граница между физическими лицами и машинами ИИ. В конце концов, выясняя вопрос о замысле, суды пытаются определить, являлся ли субъект изобретения физическим лицом, а не то, насколько функционирование этого субъекта сходно с таковым человеческого мозга[262].

В то же время неспособность ИИ к порождению замысла изобретения не обязательно означает, что физическое лицо способно породить такой замысел. Сторонники применения доктрины первого лица, понявшего и оценившего идею, утверждают, что, поскольку ИИ не способен оценить изобретение, то физическое лицо, первым оценившее изобретение, и должно считаться создателем замысла[263]. Эта позиция поддержана в судебных решениях, например, по делу Heard v. Burton[264]. Однако изобретения, созданные искусственным интеллектом, стоят особняком, так как в этом случае физическое лицо оценивает изобретение, созданное искусственным интеллектом. Это важное отличие, поскольку, согласно прецедентному праву, одной оценки недостаточно для осуществления замысла[265]. Напротив, оценка рассматривается как *необходимое условие* для осуществления замысла[266]. Следовательно, одна только оценка изобретения не делает субъекта его автором, это лишь один из необходимых элементов замысла[267].

Еще более важно, что понимание изобретения, созданного искусственным интеллектом, не требует каких-либо значительных навыков – любой человек, обладающий средними навыками в соответствующей области, способен понять такое изобретение[268]. Таким образом, изобретения, созданные машинами искусственного интеллекта, подобными системе *DABUS*, скорее напоминают дело Spero v. Ringold[269]. В этом деле суд столкнулся с «аномальной ситуацией», когда изобретатель не распознал новую конфигурацию соединения, полученного в результате химического процесса[270]. При этом раскрытой изобретателем информации оказалось достаточно, чтобы лицо, обладающее средними навыками в соответствующей области, смогло понять и оценить эту новую конфигурацию[271]. Суд постановил, что изобретатель имел *внутренний* замысел новой конфигурации[272]. Опираясь на формулировку, что замысел осуществляется, если «изобретение могут понять те, кто обладает навыками в соответствующей области»[273], суд пояснил, что изобретатель показал свой замысел через раскрытие информации об изобретении, хотя оно не было названо напрямую[274].

Подобно изобретателю в деле Spero, такие машины ИИ, как *DABUS*, могут не суметь понять или оценить, что именно они создали. Однако и в том и в другом случае генерируются результаты, которые раскрываются в достаточной мере, чтобы человек, обладающий средними навыками в соответствующей области, смог понять и оценить это изобретение[275]. Как установление авторства в деле Spero не позволило последующим

---

[260] DABUS Described, выше прим. 125.

[261] См. Univ. of Utah v. Max-Planck-Gesellschaft zur Forderung der Wissenschaften E.V., 734 F.3d 1315, 1323 (Fed. Cir. 2013) (в решении суда указано, что для совершения умственного акта замысла изобретатель «должен быть физическим лицом»); см. также Beech Aircraft Corp. v. EDO Corp., 990 F.2d 1237, 1248 (Fed. Cir. 1993).

[262] См. Thaler v. Vidal, 43 F.4th 1207, 1209 (Fed. Cir. 2022), petition for cert. filed, No. 22-919 (U.S. Mar. 21, 2023).

[263] Schwein, выше прим. 132, at 580–81; Knutson, выше прим. 204, at 12, 22–24; см. также выше Раздел II.B.

[264] См. выше прим. 221 и соответствующий текст.

[265] См. Invitrogen Corp. v. Clontech Lab'ys, Inc., 429 F.3d 1052, 1063 (Fed. Cir. 2005).

[266] Там же. (утверждается, что не может существовать замысла без оценки).

[267] См. (Garascia, 1996) (выделено множество компонентов, составляющих завершенный замысел, включая завершенность изобретения, появление и подтверждение замысла, а также оценку).

[268] Corrected Opening Brief for Plaintiff-Appellant Stephen Thaler, выше прим. 201, at 8.

[269] 377 F.2d 652 (C.C.P.A. 1967).

[270] Там же, at 655.

[271] Там же.

[272] Там же, at 660; см. также Garascia, выше прим. 267, at 746 n. 236.

[273] Spero, 377 F.2d at 660 (выделение опущено) (цитируется Townsend v. Smith, 36 F.2d 292, 295 (C.C.P.A. 1929)).

[274] Там же.

[275] См. Corrected Opening Brief for Plaintiff-Appellant Stephen Thaler, выше прим. 201, at 8.

претендентам получить права на это изобретение[276], так и система *DABUS* и подобные ей машины ИИ должны лишать получения прав на изобретение тех физических лиц, которые всего лишь поняли результат деятельности искусственного интеллекта, очевидный для любого человека, обладающего навыками в соответствующей области[277]. Даже если машина ИИ неспособна осуществить замысел или оценку изобретения, раскрываемая ею информация настолько подробна, что делает бессмысленной ее оценку физическим лицом. Следовательно, требование замысла, которое не позволяет машине ИИ считаться автором изобретения, также не позволяет, по иронии, физическим лицам претендовать на авторство согласно доктрине первого лица, понявшего и оценившего идею. Таким образом, машина ИИ неспособна осуществить замысел изобретения, созданного искусственным интеллектом, потому что она не является физическим лицом[278]; физическое лицо также не может осуществить замысел изобретения, созданного искусственным интеллектом, потому что это лицо всего лишь оценивает раскрытую информацию, что не предполагает никакого замысла[279].

Можно поспорить, что решение по делу Spero применимо только к периоду до принятия Американского закона об изобретениях: поскольку машины ИИ не подают заявок на патенты и не раскрывают информацию о своих изобретениях, то физическому лицу, оценившему изобретение, ничто не помешает получить авторство согласно этому закону, так как это лицо всегда окажется первым подавшим заявку. Однако, хотя замысел и приоритет внутренне связаны, это все же разные понятия. Даже согласно Американскому закону об изобретениях человек не будет иметь права на авторство, если он получил это изобретение от другого лица, независимо от того, раскрыло ли это другое лицо информацию об изобретении или подало заявку на патент[280]. Американский закон об изобретениях основывается на системе «*первый изобретатель, подавший заявку*», а не «первый человек, подавший заявку». Таким образом, даже если ИИ не может подать заявку на патент, физическое лицо, получившее изобретение от ИИ, также не должно иметь права на авторство, если раскрытая информация не позволяет ему осуществить замысел осмысленным образом.

Кроме того, как отмечает профессор Abbott, доктрина первого лица, понявшего и оценившего идею, не всегда позволяет поощрить то лицо, которое патентная система должна стимулировать[281]. Задача патентной системы – «поощрять и вознаграждать за изобретения» и способствовать «раскрытию информации об изобретениях»[282]. Если вознаграждать тех, кто всего лишь признал изобретение, не внеся значительного вклада в его создание, то можно дестимулировать тех, кто действительно приложил усилия, используя ИИ для генерации изобретений[283]. Также это может способствовать тому, что люди будут отслеживать деятельность других, вместо того чтобы самим использовать свои машины ИИ[284]. Кроме того, процесс определения того, кто первым оценил изобретение, может быть затратным и непредсказуемым[285].

И все же изобретения, созданные искусственным интеллектом, не должны поступать в общественное пользование только потому, что действующие патентные доктрины оказываются неприменимыми и невозможно выделить «изобретателя»[286]. Если бы так случилось, это полностью уничтожило бы патентное право как инструмент стимулирования[287]. Хотя самим машинам ИИ не требуется стимулов для создания изобрете-

---

[276] См. Spero, 377 F.2d at 660.

[277] См. Schwartz & Rogers, выше прим. 164; см. также Millamena, выше прим. 230, at 291 (доказывается, что идея уже была сформирована в сознании искусственного интеллекта, так как эта идея была настолько четко определена, что для практического осуществления данного изобретения потребовались лишь самые стандартные навыки).

[278] См. выше прим. 77–82 и соответствующий текст.

[279] См. выше прим. 269–274 и соответствующий текст.

[280] См. 35 U.S.C. § 101 («*Тот, кто* создает изобретение... может получить патент на него...» (выделено автором статьи)); см. также Turoski, выше прим. 39, § 2:14.

[281] См. Abbott, выше прим. 117, at 1104.

[282] Aronson v. Quick Point Pencil Co., 440 U.S. 257, 262 (1979); 1 Moy, выше прим. 23, § 1:30; см. также U.S. Const. art. I, § 8, cl. 8.

[283] См. Dornis, выше прим. 242 (показано, что в результате применения доктрины первого лица, понявшего и оценившего идею, становится сложнее «передать права тем, кто этого действительно заслуживает как автор или авторы изобретения»); см. также Abbott, выше прим. 117, at 1104.

[284] См. 2 Moy, выше прим. 20, § 8:3.

[285] См. Dornis, выше прим. 242, at 124; Vertinsky, выше прим. 249, at 506.

[286] Kovach, выше прим. 152, at 151.

[287] См. Там же, at 150.

ний, они нужны людям-агентам, связанным с ИИ (Kasap, 2019). Следовательно, необходимо предоставлять патентные права в качестве стимулов для создания изобретений искусственным интеллектом. Действительно, изобретения, созданные искусственным интеллектом, не принесли бы никакой пользы обществу, если бы физические лица не признали и не внедрили их в практику[288].

Таким образом, в патентном праве имеется пробел. С одной стороны, необходимо стимулировать физических лиц, связанных с ИИ, чтобы через предоставление патентных прав внедрять больше изобретений, созданных искусственным интеллектом. С другой стороны, ни одна из существующих патентных доктрин не позволяет непосредственно предоставлять патентных прав этим физическим лицам.

B. Пересмотр доктрины о служебном произведении законодательства об авторских правах

Идеальным решением было бы просто принять, что физическое лицо, использующее ИИ для создания изобретения, является по закону автором этого изобретения[289]. Нет никакой необходимости делать вид, будто действующие патентные доктрины и требование замысла применимы к изобретениям, созданным искусственным интеллектом, если очевидно, что это не так[290]. Вместо этого Конгрессу следует просто отменить требование замысла для изобретений, созданных искусственным интеллектом.

Подобное исключение в области законодательства об интеллектуальной собственности уже делалось Конгрессом[291]. В законодательстве об авторском праве титул первоначально относился к автору работы[292], т. е. лицу, создавшему или выполнившему работу[293]. Однако, как показано в Разделе I.B.3, в случае выполнения работы в рамках служебных обязанностей «работодатель или иное лицо, для которого выполнялась работа, считается ее автором»[294]. Внеся это исключение, Конгресс признал, что лицо, выполнившее умственную работу, не обязательно считается ее автором[295]. То же самое Конгресс может сделать в отношении изобретений, созданных искусственным интеллектом[296].

Изобретения, созданные искусственным интеллектом, и служебные произведения во многом сходны. Как физические лица, использующие искусственный интеллект для генерации изобретений, так и агенты, заказывающие авторские работы, не участвуют в умственной деятельности по созданию произведения[297]. Тем не менее по законодательству об авторском праве такие агенты считаются авторами произведения и получают титул на него[298].

Роли операторов машины искусственного интеллекта и указанных агентов также похожи. Агенты часто вносят свой вклад в рабочий процесс в форме предоставления ресурсов и определения общих целей[299]. Аналогичным образом операторы обеспечивают машины ИИ энергией и данными и ставят перед ними цель создать изобретение.

Существует ряд преимуществ в пересмотре доктрины служебного произведения и признании физического лица, использующего искусственный интеллект для генерации изобретений, законным автором этих

---

[288] Schwein, выше прим. 132, at 563.

[289] См. (McFarlane & Gan, 2022) («Конгресс или Верховный суд должны заполнить пробел, возникший в результате дела Thaler в вопросе законного авторства на изобретения, путем внесения поправок или толкования законов и признать, что физическое лицо, которое управляет, программирует или вводит данные в ИИ, является “изобретателем” для целей патентной защиты изобретений, чей „замысел“ был потенциально осуществлен искусственным интеллектом»); См. также (Hao, 2022) (предлагается аналогичное решение, согласно которому человек может “конструктивно задумать” изобретение, созданное искусственным интеллектом, при условии присутствия некоторых элементов).

[290] См. выше Раздел III.A.

[291] См. ниже прим. 292–295 и соответствующий текст.

[292] См. 17 U.S.C. § 201(a).

[293] См. Burrow-Giles Lithographic Co. v. Sarony, 111 U.S. 53, 57–58 (1884) («В этом смысле автором является „тот, кому нечто обязано своим созданием; создатель; творец; тот, кто создает научный или литературный труд“»); 1 Howard B. Abrams & Tyler T. Ochoa, The Law of Copyright § 4:1 (2022).

[294] 17 U.S.C. § 201(b); см. также Est. of Burne Hogarth v. Edgar Rice Burroughs, Inc., 342 F.3d 149 (2d Cir. 2003).

[295] См. 17 U.S.C. § 201(b).

[296] В данной работе мы рекомендуем придерживаться доктрины служебного произведения только в отношении изобретения, созданного искусственным интеллектом, но не концепции в целом.

[297] См. 3 Moy, выше прим. 20, § 10:16.

[298] См. 17 U.S.C. § 201(b).

[299] См. 3 Moy, выше прим. 20, § 10:17.

изобретений. Во-первых, такое решение дает определенность. Судам не придется разбирать запутанные формулировки относительно того, мог ли конкретный алгоритм заменить способность человека к созданию замысла[300]. Появится четкая рекомендация, что все созданные искусственным интеллектом изобретения патентопригодны. Физическое лицо, использующее искусственный интеллект, может уверенно заявить о себе как об авторе изобретения, не беспокоясь о последствиях неверного указания авторства. Более того, данное решение обеспечит передачу авторства именно тем лицам, кого призвана стимулировать патентная система[301]. Передача патентных прав тому, кто заказывает создание изобретения, побудит людей инициировать разработку изобретений, созданных искусственным интеллектом. Это также решает проблему, поднятую критиками, – как избежать стимулирования тех, кто лишь оценил изобретение, не принимая участия в процессе его создания[302].

Во-вторых, определенность в вопросе патентопригодности отвечает целям патентной системы. Если заявители будут уверены, что изобретения, созданные искусственным интеллектом, патентопригодны, то они будут подавать заявки на патенты. Это в свою очередь будет способствовать раскрытию информации об их изобретениях, а значит, выполнять задачу патентной системы по продвижению прогресса науки и искусств[303].

В-третьих, определенность снижает общественные издержки. Если физические лица будут уверены, что авторские права будут принадлежать тем, кто пользуется искусственным интеллектом, то снизится количество исков о том, кто является автором согласно доктрине первого лица, понявшего и оценившего идею[304]. Кроме того, исчезнет стимул отслеживать деятельность других людей, вместо того чтобы самому использовать машину ИИ для создания изобретений[305].

В-четвертых, это решение способствует честности и открытости. Заявители будут заинтересованы в том, чтобы честно раскрыть информацию о создании своего изобретения, так как участие ИИ в этом процессе не лишит их патентных прав[306]. Более того, суды смогут более открыто описывать обоснования своих решений. Согласно действующему патентному законодательству, суды вынуждены прибегать к различным уверткам, пытаясь обосновать присуждение физическому лицу патентных прав на изобретение, созданное искусственным интеллектом[307]. Предлагаемое решение избавит суды от необходимости искусственно повышать значимость вклада человека в оценку или замысел такого изобретения, когда эта значимость вызывает сомнения[308]. Кроме того, судам не придется утверждать, что одной только оценки достаточно для создания замысла, а значит, и для получения авторских прав, – это сомнительный тезис, угрожающий размыванием традиционных правовых принципов относительно замысла изобретения[309].

Наконец, присуждение авторских прав лицу, которое заказывает создание изобретения, позволит не разбираться в вопросах, способны ли машины ИИ к порождению замысла[310] и насколько точно они повторяют функционирование и строение человеческого мозга[311]. Этих метафизических вопросов в судах, вероятно, лучше не касаться[312].

Можно возразить, что передача авторских прав лицу, которое использует изобретение, созданное искусственным интеллектом, несправедлива по отношению к другим изобретателям, поскольку такое лицо не прилагало тех же умственных усилий, что обычные изобретатели. Однако в патентном праве нет понятия «приложенные усилия»[313]. Аналогичным образом патентное право не учитывает и ценность изобретения. Если изобретение удовлетворяет требованиям патентопригодности, патент выдается сроком на 20 лет, независи-

[300] См. Knutson, выше прим. 204, at 26.
[301] См. Abbott, выше прим. 117, at 1104.
[302] См. Dornis, выше прим. 242; Abbott, выше прим. 117, at 1104.
[303] См. выше прим. 15–16 и соответствующий текст.
[304] См. Dornis, выше прим. 242; Vertinsky, выше прим. 249, at 506.
[305] См. выше прим. 248 и соответствующий текст; 2 Moy, выше прим. 20, § 8:3.
[306] См. Kovach, выше прим. 152, at 150.
[307] См. выше Раздел III.A.
[308] См. Schwartz & Rogers, выше прим. 164.
[309] См. выше Раздел III.B.
[310] См. Thaler v. Vidal, 43 F.4th 1207, 1209 (Fed. Cir. 2022), petition for cert. filed, No. 22-919 (U.S. Mar. 21, 2023).
[311] См. Knutson, выше прим. 204, at 11.
[312] В деле Thaler суд не выказывал стремления обсуждать эти «метафизические вопросы». См. 43 F.4th at 1209.
[313] См. Burk, выше прим. 164, at 307.

мо от ценности изобретения[314]. Однако, если Конгресс посчитает нужным учесть различия в приложенных умственных усилиях, он может изменить срок, на который выдаются патенты на изобретения, созданные искусственным интеллектом, как это было сделано для служебных произведений в законодательстве об авторском праве[315].

Еще одно возражение, которое может возникнуть, – что такая резкая перемена в законодательстве не нужна, поскольку суды могут просто расценивать машину ИИ как продолжение человека, который ее использует или контролирует, и выносить решения об авторстве на этой основе. Таким образом, человек компенсирует неспособность искусственного интеллекта удовлетворить требованию замысла, а машина ИИ компенсирует ограниченность вклада человека в порождение и оценку идей.

Однако такое решение с большой вероятностью приведет к проблемам и размыванию требования замысла. При этом расширяется область применения доктрины первого лица, понявшего и оценившего идею, так как авторство будет присуждаться не только тем физическим лицам, которые смогли оценить свои собственные изобретения, но и тем, кто оценил чужие изобретения. Кроме того, при этом судам придется отвечать на философские вопросы, которые они предпочитают не обсуждать[316]. Следовательно, расширение области применения доктрины первого лица, понявшего и оценившего идею, может служить лишь краткосрочным решением проблемы изобретений, созданных искусственным интеллектом, особенно если до сих пор не достигнуто согласие о том, каков вклад физического лица в создание таких изобретений. Однако по мере неизбежного усложнения систем ИИ и повышения их автономности от человека станет необходимо дать четкие рекомендации по установлению авторства и патентных прав физических лиц на изобретения, созданные искусственным интеллектом.

Профессор Abbott идет еще дальше и утверждает, что требование замысла необходимо полностью отменить, поскольку «патентная система не должна устанавливать различий относительно средств, которыми было получено изобретение»[317]. Он считает, что отмена требования замысла логически следует из отмены доктрины «гениальной догадки»[318]. Однако для других изобретений требование замысла продолжает действовать[319]. Конгресс отменил доктрину «гениальной догадки», потому что она увязывала патентопригодность любых изобретений с неопределенным психическим процессом[320]. В нашем случае лишь один тип изобретений не соответствует требованию замысла: изобретения, созданные искусственным интеллектом. Это не оправдывает отмены требования замысла в целом.

По вышеуказанным причинам Конгрессу следует пересмотреть задачи доктрины о служебном произведении в рамках законодательства об авторском праве и признать изобретателем по закону физическое лицо, использующее изобретение, созданное искусственным интеллектом. Это позволит заполнить пробел относительно авторства изобретений, созданных искусственным интеллектом, обеспечит определенность в вопросе их патентопригодности и будет способствовать достижению целей патентной системы.

Заключение

По мере развития технологий вклад искусственного интеллекта в создание изобретений будет неизбежно возрастать (Knemeyer & Follett, 2019). При всей гибкости патентной системы она не приспособлена к работе с изобретениями, созданными искусственным интеллектом. Наше исследование показало, что для таких изобретений существует пробел в вопросе авторства. С одной стороны, искусственный интеллект не может считаться автором изобретений из-за требования замысла и требования о физическом лице; с другой стороны, определение замысла не позволяет считать физическое лицо законным автором изобретения, созданного искусственным интеллектом, из-за их ограниченного вклада в форме признания и оценки изобретения. Таким

[314] См. 35 U.S.C. § 154(a)(2).

[315] См. 17 U.S.C. § 302(c); Cmty. for Creative Non-Violence v. Reid, 490 U.S. 730, 737 (1989).

[316] См., например, Thaler, 43 F.4th at 1209 (сделана попытка решить, опираясь исключительно на данное в законе определение, может ли ИИ считаться автором изобретения, при этом не касаясь вопросов замысла или «метафизических проблем», таких как «какова природа изобретения или прав системы искусственного интеллекта, если таковые существуют»).

[317] Abbott, выше прим. 117, at 1110.

[318] См. Там же; см. также выше прим. 68 и соответствующий текст.

[319] См. Knutson, выше прим. 204, at 15 n.79.

[320] См. выше прим. 68 и соответствующий текст.

образом, изобретения, созданные искусственным интеллектом, остаются не имеющими автора, а значит, непатентопригодными.

Чтобы заполнить этот пробел, Конгрессу следует пересмотреть задачи доктрины о служебном произведении в рамках законодательства об авторском праве и признать изобретателем по закону физическое лицо, делающее заказ на изобретение, созданное искусственным интеллектом. Это не только внесет определенность в вопрос патентопригодности изобретений, созданных искусственным интеллектом, но и будет способствовать достижению целей патентной системы.

Список литературы / References

Abbott, R. (2016). I Think, Therefore I Invent: Creative Computers and the Future of Patent Law. *B.C. L.* Rev., *57*, 1079.

Berger, M., Shankar, V., & Vafai, A. (2002). Therapeutic Applications of Monoclonal Antibodies. *Am. J. Med. Scis*., *324*, 14.

Burk, D. L. (2021). AI Patents and the Self-Assembling Machine. *Minn. L. Rev. Headnote*, *105*, 301.

Cheng, C., & Wu, J. (2020). Taking a Slice of the Pie: An Empirical and Theoretical Inquiry on Allegedly Challengeable Inventorship. *IDEA*, *61*, 184.

Cohen, A. M. (Aug. 2009). Stephen Thaler's Imagination Machines. *The Futurist*, https://www.researchgate.net/profile/Stephen-Thaler/publication/299169623_Stephen_Thaler's_Imagination_Machines/links/5962d228aca2728c1119830b/Stephen-Thalers-Imagination-Machines.pdf [https://perma.cc/VT9Q-8P7J].

Comer, A. C. (2021). AI: Artificial Inventor or the Real Deal? *N.C. J.L. & Tech.*, *22*, 447.

DeCosta, F. A. (2022, Aug. 16). Drawing a 'Bright Line' Rule over AI Inventorship. *Finnegan*. https://www.finnegan.com/en/insights/articles/drawing-a-bright-line-rule-over-ai-inventorship.html [https://perma.cc/9ELV-7P9X]

Dornis, T. W. (2020). Artificial Intelligence and Innovation: The End of Patent Law as We Know It. *Yale J.L. & Tech.*, *23*, 97.

Eakin, B. (2022, Oct. 31). Sens. Coons, Tillis Seek Commission on AI-Generated IP. *Law360*, https://www.law360.com/articles/1545066/sens-coons-tillis-seek-commission-on-ai-generated-ip [https://perma.cc/3A79-J2CD].

Garascia, Ch. J. (1996). Evidence of Conception in U.S. Patent Interference Practice: Proving Who Is the First and True Inventor, *U. Det. Mercy L. Rev.*, *73*, 717.

Graves, F. (2022, Dec. 18). AI Year in Review: A Busy 2022 for AI and IP Promises Even More in 2023. *IPWatchdog*. https://ipwatchdog.com/2022/12/18/ai-year-in-review-a-busy-2022-for-ai-and-ip-promises-even-more-in-2023/id=154005/ [https://perma.cc/N6HK-23JW]

Hao, Yuan. (2022, Aug. 10). The Rise of “Centaur” Inventors: How Patent Law Should Adapt to the Challenge to Inventorship Doctrine by Human-AI Inventing Synergies. *Journal of Patent and Trademark Office Society*. https://ssrn.com/abstract=4186684 [https://perma.cc/2UED-S4LD]

Harwell, D. (2019, June 12). Top AI Researchers Race to Detect “Deepfake” Videos: “We Are Outgunned”. *Wash. Post*. https://www.washingtonpost.com/technology/2019/06/12/top-ai-researchers-race-detect-deepfake-videos-we-are-outgunned/ [https://perma.cc/Y2LE-K2X4].

Heaven, W. D. (2020, July 20). OpenAI's New Language Generator GPT-3 Is Shockingly Good – and Completely Mindless. *MIT Tech. Rev.* https://www.technologyreview.com/2020/07/20/1005454/openai-machine-learning-language-generator-gpt-3-nlp/ [https: //perma. cc/RXF 3 -ZDY7].

Jaszi, P. (1992). On the Author Effect: Contemporary Copyright and Collective Creativity. *Cardozo Arts & Ent. L.J.*, *10*, *293*.

Kasap, A. (2019). Copyright and Creative Artificial Intelligence (AI) Systems: A Twenty-First Century Approach to Authorship of AI-Generated Works in the United States. Wake Forest *J. Bus*. & Intell. Prop. *L.*, *19*, 335.

Kleinman, Z. (2023, Feb. 6). Bard: Google Launches ChatGPT Rival. *BBC*. https://www.bbc.com/news/technology-64546299 [https://perma.cc/LJ4B-62WU].

Knemeyer, D., & Follett, J. (2019, June 13). Could Machines Become Creative? *Towards Data Sci*. https://towardsdatascience.com/could-machines-become-creative-49f346dcd3a3 [https://perma.cc/3AEU-XME7].

Knutson, K. R. (2020). Anything You Can Do, AI Can't Do Better: An Analysis of Conception as a Requirement for Patent Inventorship and a Rationale for Excluding AI Inventors. *Cybaris*, *11*(2), 1.

Kovach, B. (2021). Ostrich with Its Head in the Sand: The Law, Inventorship, and Artificial Intelligence. *Nw. J. Tech. & Intell. Prop*., *19*, 137.

MacLean, E. L. (2016). Unraveling the Evolution of Uniquely Human Cognition. *PNAS*, *113*, 6348.

Mammen, Ch. E. (2020, Aug. 13). Artificial Intelligence and Patent Law: What Happens After DABUS? *Nat'l L. Rev.* https://www.natlawreview.com/article/artificial-intelligence-and-patent-law-what-happens-after-dabus [https://perma.cc/9755-YEB7].

Marshall, A. (2017, Jan. 22). From Jingles to Pop Hits, A.I. Is Music to Some Ears. *N.Y. Times*, https://www.nytimes.com/2017/01/22/arts/music/jukedeck-artificial-intelligence-songwriting.html [https://perma.cc/XQB5-P89X].

McFarlane, R. A., & Gan, R. W. (2022, Sept. 14). Circuit Decision on AI Complicates Inventor Strategies. *Bloomberg L.* https://news.bloomberglaw.com/in-house-counsel/circuit-decision-on-ai-complicates-inventor-strategies [https://perma.cc/9GJU-26RE]

McLaughlin, M. (2019). Computer-Generated Inventions. *J. Pat. & Trademark Off. Soc'y*, *101*, 224.

Merges, R. P. (1999). The Law and Economics of Employee Inventions. *Harv. J. L. & Tech.*, *13*, 1.

Metz, C. (2022, Apr. 6). Meet DALL-E, the A.I. That Draws Anything at Your Command. *N.Y. Times*. https://www.nytimes.com/2022/04/06/technology/openai-images-dall-e.html [https://perma.cc/XQX9-S2ZC].

Millamena, J. (2021). How Artificial Intelligence Machines Can Legally Become Inventors: An Examination of and Solution to the Decision on DABUS. *J. L. &* Pol'y, *30*, 270.

Mossoff, A. (2007). Who Cares What Thomas Jefferson Thought About Patents?: Reevaluating the Patent "Privilege" in Historical Context. *Cornell L. Rev., 92*, 953.

Pedrioli1, A., & Oxenius, A. (2021). Single B Cell Technologies for Monoclonal Antibody Discovery. *Trends Immunology*, *42*, 1143.

Pogson, M., Parola, C., Kelton, W. J., Heuberger, P., & Reddy, S. T. (2016, Aug. 17). Immunogenomic Engineering of a Plug-and-(Dis)play Hybridoma Platform. *Nature Commc'ns*, 2, art. no. 12535.

Rantanen, J., & Jack, S. E. (2019). Patents as Credentials. *Wash. & Lee L. Rev.*, *76*, 311.

Redgrave, P., Prescott, T. J., & Gurney, K. (1999). The Basal Ganglia: A Vertebrate Solution to the Selection Problem? *Neuroscience*, *89*, 1009, 1015 fig. 5.

Schaffner, J. E. (1995). Patent Preemption Unlocked. *Wis. L. Rev.*, 1081.

Scherer, M. U. (2016). Regulating Artificial Intelligence Systems: Risks, Challenges, Competencies, and Strategies. *Harv. J. L. & Tech*., *29*, 353.

Schwartz, D. L., & Rogers, M. (2022). "Inventorless" Inventions: The Constitutional Conundrum of AI-Produced Inventions. *Harv. J. L. &* Tech., *35*, 531.

Schwein, R. L. (2021). Patentability and Inventorship of AI-Generated Inventions. *Washburn L. J.*, *60*, 561.

Simmons, J. L. (2012). Inventions Made for Hire. *N.Y.U. J. Intell. Prop. & Ent. L.*, *2*, 1.

Taylor, K. (2022). The Patentability of Inventions with Artificial Intelligence Listed as an Inventor Following Thaler v. Hirshfeld. *U. Cin. Intell. Prop. & Comput. L.J.*, *6*(2), *1*.

Vertinsky, L. (2018). Thinking Machines and Patent Law. In W. Barfield, & U. Pagallo (Eds.), *Research Handbook on the Law of Artificial Intelligence* (pp. 489, 506).

Weibust, E., & Pelletier, D. A. (2022, July 24). Protecting AI-Generated Inventions as Trade Secrets Requires Protecting the Generative AI as Well. *IPWatchdog*. https://ipwatchdog.com/2022/07/24/protecting-ai-generated-inventions-trade-secrets-requires-protecting-generative-ai-well/id=150372/ [https://perma.cc/649G-DGRA]

Wu, J. (2023). Bridging the AI inventorship gap. *Fordham Law Review*, *91*(6), 2515–2547.

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 20.06.2023
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 10.01.2024
Дата принятия в печать / Accepted 10.01.2024

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.217-245**

УДК 004.8:340.1:346:347

Л. Парентони[1]

[1] *Федеральный университет Минас-Жерайс (ФУМЖ), г. Белу-Оризонти, Бразилия*

Чего следует ожидать от искусственного интелекта?

Переводчик *Е. Н. Беляева*

Леонардо Парентони, профессор права, Федеральный университет Минас-Жерайс (ФУМЖ)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-3593-2831

Аннотация

Цель: изучение несоответствия между ожиданиями от систем искусственного интеллекта (ИИ) и их текущими возможностями. В настоящее время искусственный интеллект является широко распространенной и передовой технологией и используется в различных отраслях, таких как сельское хозяйство, промышленность, торговля, образование, профессиональные услуги, «умные города» и киберзащита. Однако несоответствие между ожиданиями от искусственного интеллекта и его текущими возможностями приводит к двум нежелательным последствиям. Во-первых, от ИИ ожидают результатов, выходящих за рамки его нынешней стадии развития, что приводит к нереалистичным требованиям. Во-вторых, возникает неудовлетворенность существующими возможностями ИИ, хотя во многих контекстах они достаточны.

Методы: для решения проблемы несоответствия в статье используется аналитический подход. Анализируются различные рыночные приложения ИИ, раскрывается их разнообразие. Показано, что ИИ не является однородной, единой концепцией, но включает в себя широкий спектр отраслевых приложений, каждое из которых служит своим целям, обладает присущими ему рисками и соответствует определенным уровням точности.

Результаты: основной вывод статьи заключается в том, что несоответствие между ожиданиями и реальными возможностями ИИ возникает из-за ошибочной предпосылки, что системы ИИ должны всегда достигать точности, значительно превосходящей человеческие стандарты, независимо от контекста. Рассматривая различные рыночные приложения, автор выступает за то, чтобы оценивать потенциал ИИ и приемлемые уровни точности и прозрачности в зависимости от контекста. Результаты показывают, что для каждого приложения ИИ должны быть приняты свои целевые показатели точности и прозрачности, подбираемые в каждом конкретном случае. Следовательно, системы ИИ применимы в различных контекстах, даже если их точность или прозрачность ниже возможностей человека.

Научная новизна: статья опровергает широко распространенное заблуждение о том, что ИИ должен работать со сверхчеловеческой точностью и прозрачностью во всех сценариях. Раскрывая разнообразие приложений ИИ и их задач, автор подчеркивает, что ожидания и оценки должны быть адаптированы к конкретному контексту использования.

Практическая значимость: статья представляет ценность для заинтересованных сторон в области ИИ, включая регулирующие органы, разработчиков и потребителей. Пересмотр ожиданий на основе контекста способствует принятию обоснованных решений и повышению ответственности при разработке и внедрении ИИ. Работа помогает повысить общий уровень использования и принятия технологий ИИ за счет более реалистичного понимания возможностей и ограничений ИИ в различных контекстах. Автор предлагает более широкий взгляд на проблему, призывая к созданию надежной нормативно-правовой базы и ответственному внедрению систем ИИ, что будет способствовать улучшению применения ИИ в различных секторах. Кроме того, более реальные требования позволят обеспечить понимание путей развития и регулирования ИИ.

© Парентони Л., 2024. Впервые опубликовано на русском языке в журнале Russian Journal of Economics and Law (https://rusjel.ru) 25.03.2024

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Il Diritto Degli Affari*. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала. E-mail: ildirittodegliaffari@gmail.com

Цитирование оригинала статьи на английском: Parentoni, L. (2022). What Should we Reasonably Expect from Artificial Intelligence? *Il Diritto Degli Affari*, 2, 179.

URL публикации: https://www.ildirittodegliaffari.it/articolo/123

Ключевые слова:
точность, искусственный интеллект, цифровые технологии, инновации, право, регулирование, прозрачность

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Парентони, Л. (2024). Чего следует ожидать от искусственного интеллекта? *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 217–245. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.217-245

Scientific article

L. Parentoni[1]

[1] *Federal University of Minas Gerais – UFMG, Belo Horizonte, Brazil*

What Should we Reasonably Expect from Artificial Intelligence?

Translator *E. N. Belyaeva*

Leonardo Parentoni, Tenured Law Professor, Federal University of Minas Gerais – UFMG
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-3593-2831

Abstract
Objective: the objective of this article is to address the misalignment between the expectations of Artificial Intelligence (or just AI) systems and what they can currently deliver. Despite being a pervasive and cutting-edge technology present in various sectors, such as agriculture, industry, commerce, education, professional services, smart cities, and cyber defense, there exists a discrepancy between the results some people anticipate from AI and its current capabilities. This misalignment leads to two undesirable outcomes: Firstly, some individuals expect AI to achieve results beyond its current developmental stage, resulting in unrealistic demands. Secondly, there is dissatisfaction with AI's existing capabilities, even though they may be sufficient in many contexts.
Methods: the article employs an analytical approach to tackle the misalignment issue, analyzing various market applications of AI and unveils their diversity, demonstrating that AI is not a homogeneous, singular concept. Instead, it encompasses a wide range of sector-specific applications, each serving distinct purposes, possessing inherent risks, and aiming for specific accuracy levels.
Results: the primary finding presented in this article is that the misalignment between expectations and actual AI capabilities arises from the mistaken premise that AI systems should consistently achieve accuracy rates far surpassing human standards, regardless of the context. By delving into different market applications, the author advocates for evaluating AI's potential and accepted levels of accuracy and transparency in a context-dependent manner. The results highlight that each AI application should have different accuracy and transparency targets, tailored on a case-by-case basis. Consequently, AI systems can still be valuable and welcomed in various contexts, even if they offer accuracy or transparency rates lower or much lower than human standards.
Scientific novelty: the scientific novelty of this article lies in challenging the widely held misconception that AI should always operate with superhuman accuracy and transparency in all scenarios. By unraveling the diversity of AI applications and their purposes, the author introduces a fresh perspective, emphasizing that expectations and evaluations should be contextualized and adapted to the specific use case of AI.

The article was first published in English language by Il Diritto Degli Affari. For more information please contact: ildirittodegliaffari@gmail.com

For original publication: Parentoni, L. (2018). What Should we Reasonably Expect from Artificial Intelligence? Il Diritto Degli Affari, 2, 179.

Publication URL: https://www.ildirittodegliaffari.it/articolo/123

Practical significance: the practical significance of this article lies in providing valuable guidance to stakeholders within the AI field, including regulators, developers, and customers. The article's realignment of expectations based on context fosters informed decision-making and promotes responsible AI development and implementation. It seeks to enhance the overall utilization and acceptance of AI technologies by promoting a realistic understanding of AI's capabilities and limitations in different contexts. By offering more comprehensive guidance, the article aims to support the establishment of robust regulatory frameworks and promote the responsible deployment of AI systems, contributing to the improvement of AI applications in diverse sectors. The author's call for fine-tuned expectations aims to prevent dissatisfaction arising from unrealistic demands and provide solid guidance for AI development and regulation.

Keywords:
accuracy, artificial intelligence, digital technologies, innovation, law, regulation, transparency

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Parentoni, L. (2024). What Should we Reasonably Expect from Artificial Intelligence? *Russian Journal of Economics and Law, 18(1)*, 217–245. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.217-245

Введение

Искусственный интеллект (далее – ИИ) – одна из самых широко распространенных и передовых технологий нашего времени. Уже сегодня он представлен в самых разных отраслях, таких как сельское хозяйство, промышленность, торговля, образование, профессиональные услуги, «умные города», киберзащита и т. д.[1] Однако что такое ИИ и чего нам, людям, стоит ожидать от него? Как отмечается в литературе, «этот вопрос легко задать, но на него трудно ответить» (Kaplan, 2016).

Первый шаг к правильному ответу на этот вопрос – признать, что ИИ не является единой концепцией. Продукты и услуги на основе ИИ охватывают широкий спектр отраслевых приложений с различными целями, рисками и уровнем точности. Действительно, универсального определения ИИ не существует[2]. Это одно из самых противоречивых понятий в данной области и его техническое значение в настоящее время обсуждается в рамках законодательного процесса как в ЕС, так и в США. Об этом свидетельствует то, что первая версия текста совместного проекта ЕС и США[3], запущенного в мае 2023 г. и направленного на выработку единых понятий (таксономии) в области ИИ, не содержит определения искусственного интеллекта. Кроме того, определение должно быть достаточно абстрактным и широким, чтобы охватить множество возможных применений этой технологии (включая те, которые еще предстоит разработать), но в то же время достаточно

[1] «Искусственный интеллект (ИИ) – это технология общего назначения, которая способна улучшить благосостояние и благополучие людей, внести вклад в устойчивую глобальную экономическую деятельность, повысить уровень инноваций и производительности, а также помочь в решении ключевых глобальных проблем. Он применяется во многих отраслях – от производства, финансов и транспорта до здравоохранения и безопасности» (OECD. (2019, May). OECD AI Principles overview. https://oecd.ai/en/ai-principles.).

[2] «Используемые [для определения ИИ] методы всегда различны; поиск человекоподобного интеллекта должен быть отчасти эмпирической деятельностью, связанной с психологией, включая наблюдения и гипотезы о поведении и мыслительных процессах человека; с другой стороны, рационалистический подход предполагает сочетание математики и инженерии и связан со статистикой, теорией управления и экономикой» (Russell & Norvig, 2022).

[3] «Выявленная терминология отражает общее для ЕС и США техническое, социотехническое и ценностное понимание систем ИИ и служит основой для будущих определений, а также для будущего трансатлантического сотрудничества в области терминологии и таксономии ИИ. <...> В конечном счете различные терминологии выражают разные “технологические подходы”, тем самым выявляя как через совпадения, так и через расхождения наличие пробелов, расхождений и несоответствий <...>. Кроме того, в представленный ниже список не включены термины, которые в настоящее время обсуждаются и определяются в рамках законодательных процессов в ЕС и/или США, чтобы не мешать этим процессам» (European Union. European Commission. (2023, May 31). EU-U.S. Terminology and Taxonomy for Artificial Intelligence. Brussels. https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/eu-us-terminology-and-taxonomy-artificial-intelligence).

узким, чтобы разграничить то, что является ИИ и должно подлежать специальному регулированию. Это не значит, что определений ИИ не существует, но окончательное определение еще не выработано.

Так, по мнению ОЭСР, «система ИИ – это машинная система, способная делать прогнозы, давать рекомендации или принимать решения, влияющие на реальную или виртуальную среду, исходя из заданного набора целей, определенных человеком»[4]. Эксперты-юристы считают, что «лучше всего понимать его как набор методов, направленных на то, чтобы с помощью машин приблизиться к некоему аспекту познания, используемому человеком или животными» (Calo, 2017), или как «машину, способную выполнять задачи, о которых, если бы их выполнял человек, можно было бы сказать, что они требуют наличия разума» (Scherer, 2016). Если говорить о правовом поле, то проект закона ЕС об ИИ[5], рассмотренный ниже в разд. 6, определяет систему ИИ как «программное обеспечение, разработанное с использованием одного или нескольких методов и подходов, перечисленных в Приложении I, и способное при заданном наборе целей, определенных человеком, генерировать такие результаты, как контент, прогнозы, рекомендации или решения, влияющие на среду, с которой они взаимодействуют».

За пределами юридической сферы психологи говорят об интеллекте как о «биопсихологическом потенциале обработки информации, который может быть активирован в культурной среде для решения проблем или создания продуктов, представляющих ценность в данной культуре» (Gardner, 1999). Специалисты в области компьютерных наук, в свою очередь, обычно фокусируются на конкретной сфере применения ИИ[6], такой как экспертные системы, машинное обучение, нейронные сети, робототехника, компьютерное зрение и обработка естественного языка. Наконец, в июне 2022 г. был опубликован *ISO/IEC* 22989 – международный стандарт «концепций и терминологии в сфере искусственного интеллекта»[7].

Независимо от области применения термин «искусственный интеллект» вводит в заблуждение, поскольку напрямую связывает алгоритмические процессы с имитацией человеческого интеллекта. Специалисты по нейросетям категорически отвергают подобные ассоциации[8]. Выражение «искусственный интеллект» не просто терминологически неверно; оно уводит нас от того, что действительно важно, и привносит в дискуссию бессмысленные вопросы. Jerry Kaplan проводит такую аналогию:

> «Чтобы лучше понять, как наши идеи о связи между машиной и человеческим интеллектом запутывают наше понимание этой важной технологии, представьте себе, что могло бы произойти, если бы самолеты с самого начала назывались “искусственными птицами”. Мы отвлекались бы на сравнения между авиацией и птицами и вели философские споры о том, действительно ли самолеты могут “летать”, как птицы, или просто имитировать полет. <...> Если бы эта неуместная формулировка сохранялась, то мы бы начали проводить научные конференции и обсуждать, что произойдет, когда самолеты научатся строить гнезда, разовьют способности проектировать и создавать свое потомство, добывать топливо для кормления потомства и т. д.» (Kaplan, 2016).

Более удачными терминами были бы «аналитические вычисления»[9] или «машинное поведение»[10]. Однако, поскольку термин «искусственный интеллект (ИИ)» закрепился во всем мире, в данном исследовании мы будем использовать именно его. Также следует оговорить, что данная работа не посвящена какому-либо

---

[4] OECD. (2019, May). OECD AI Principles overview. https://oecd.ai/en/ai-principles

[5] European Union. (2021, April 21). Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain Union legislative acts. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021PC0206

[6] Подробное описание развития ИИ см. (Nilsson, 2010). Список областей использования ИИ см. (Vijipriya et al., 2016).

[7] Универсальным правовым инструментом для регулирования проектирования, разработки и использования систем искусственного интеллекта является CAI, который разрабатывает Совет Европы; в этом документе также будут предложены стандарты в области прав человека и вопросов экологии.

[8] Например, H. L. Dreyfus: «Таким образом, нас вводит в заблуждение утверждение, что если информацию можно обработать, то ее можно обработать цифровым образом» (Dreyfus, 1965). А также (Nicolelis & Cicurel, 2015; Damasio, 2010).

[9] Там же, p. 17.

[10] «…Мы видим примеры поведения машин на трех уровнях исследования: отдельные машины, коллективы машин и группы машин, встроенные в социальную среду с группами людей в гибридных или гетерогенных системах. В качестве отдельной машины изучается сам алгоритм; в случае коллектива машин – взаимодействие между машинами, а в случае гибридного поведения человека и машины – взаимодействие между машинами и людьми» (Rahwan, 2019).

конкретному направлению ИИ в том или ином рыночном секторе. Цель данной статьи – обсудить фундаментальный вопрос, имеющий первостепенное значение для регуляторов, разработчиков и пользователей: чего следует ожидать от ИИ?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, в статье представлено следующее. В разд. 1 описываются различные способы предоставления продуктов и услуг на основе ИИ, составляющие контекст применения этой технологии, что важно для анализа конкретных приложений. В разд. 2 показано, что в научной литературе широко обсуждается вопрос уровня точности систем ИИ, подразумевая, что эти системы должны превосходить возможности человека, независимо от контекста. В разд. 3 приводится авторская трехуровневая классификация степени участия ИИ в процессе принятия решений человеком. В разд. 4 обсуждается несоответствие между ожиданиями от ИИ и реальными возможностями этой технологии; предлагаются авторские критерии для определения того, чего следует ожидать от ИИ в каждом контексте, исходя из цели использования этой технологии, уровня вмешательства ИИ в процесс принятия решений человеком, показателей точности, анализа рисков и прозрачности. Наконец, в разд. 5 показано, что этот подход уже используется во многих законодательных инициативах на национальном и международном уровнях.

Результаты исследования

1. Многообразие способов предоставления продуктов и услуг на основе ИИ

Различные типы систем ИИ создают разные возможности и проблемы в области политики.

OECD[11]

ИИ охватывает широкий спектр секторов рынка. Кроме того, в каждом из них существует огромное количество способов разработки и внедрения одного и того же приложения, в зависимости от стратегии разработчиков и ретейлеров[12]. Каждый из них преследует свои цели, отличается точностью и рисками. Эти различия необходимо учитывать при ответе на вопрос, чего нам стоит ожидать от ИИ.

Одно из фундаментальных различий касается воплощенного и бестелесного ИИ. Воплощенный ИИ – это приложения, в которых система искусственного интеллекта является неотъемлемой частью материального продукта, например, промышленного оборудования или автономных автомобилей. Для полноценной работы такого рода приложениям необходима заранее определенная физическая структура[13]. Воплощенный ИИ обычно называют роботом[14], однако существуют различные категории этого понятия. Робот, похожий на человека, называется гуманоидом или андроидом, а роботы, предназначенные для специфического социального взаимодействия и вызывающие человеческие эмоции, называются социальными роботами[15]. Большинство из

[11] OECD. (2022, February 22). OECD Framework for the Classification of AI Systems. https://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/oecd-framework-for-the-classification-of-ai-systems_cb6d9eca-en

[12] «Ценности определяют форму технологий. Ценности, воплощенные в системах и устройствах, не просто являются функцией их объективной формы. Мы также должны изучить сложное взаимодействие между системой или устройством, теми, кто его создал, целями и условиями его использования, а также природным, культурным, социальным и политическим контекстом, в который оно вписано, ведь все эти факторы могут отразиться на ценностях, воплощенных в нем» (Nissenbaum, 2001).

[13] Например, в классических источниках: «Эта книга писалась почти 50 лет, с тех пор как еще дошкольником я понял, что из неодушевленных деталей механического строительного набора получаются одушевленные существа. Этот опыт вылился в статью в 1978 г., книгу в 1988-м и эту работу в 1998-м» (Moravec, 1999).

[14] «Роботы – это физические агенты, которые выполняют задачи, манипулируя физическим миром» (Russell, 2010). «...мы можем определить робота как искусственную систему, которая: (*i*) имеет физическое тело, включающее исполнительные механизмы, датчики и мозг, (*ii*) находится в физической среде и в конечном счете в социальной среде, включающей других роботов и/или людей, и (*iii*) демонстрирует поведение с целью выполнения определенной функции» (Nolfi, 2021).

[15] «Социальный робот – это физически воплощенный автономный агент, который общается и взаимодействует с людьми на социальном уровне. <...> Социальные роботы общаются с помощью социальных сигналов, демонстрируют адаптивное обучающееся поведение и имитируют различные эмоциональные состояния. Наше взаимодействие с ними следует моделям социального поведения и направлено на поощрение эмоциональных отношений. Примерами первых социальных роботов являются интерактивные роботы-игрушки, такие как собака *AIBO* от *Sony* и робот-динозавр *Pleo от Innovo Labs*...» (Darling, 2012).

последних имитируют кукол и домашних животных. Ученые выступают за то, чтобы к социальным роботам относились не как к обычной собственности, а как к «части семьи», как к домашним животным, поскольку они могут создавать глубокие связи с людьми (особенно с детьми), оказывая значительное влияние на их эмоции и социальные взаимодействия. В рамках той же логики считается, что социальные роботы могут стать жертвами жестокого обращения[16].

Напротив, бестелесный ИИ не привязан к какой-либо конкретной физической структуре, по крайней мере, на стороне клиента. Такие приложения могут работать одновременно на многих устройствах почти с одинаковой точностью и охватывать большую аудиторию. Примером могут служить облачные сервисы.

Это различие имеет значение, потому что ущерб от ошибки в воплощенном ИИ будет, скорее всего, локальным, а неисправность в бестелесной системе может вызвать глобальные проблемы, в зависимости от формы управления продуктом или услугой. Кроме того, ошибка в социальном роботе может вызвать длительные психологические проблемы и нарушить социальное взаимодействие, тогда как дефект промышленного оборудования вряд ли нанесет такой же ущерб. Таким образом, *цель* использования каждой системы, *ожидаемая точность* и *прозрачность*, а также допустимые *риски* сильно различаются в зависимости от того, каким образом предоставляется продукт или услуга.

Существует множество других классификаций, но их подробное описание не является целью данной статьи. Достаточно сказать, что способ разработки и использования каждой системы является *одним из основных факторов*, которые необходимо учитывать при оценке перспектив ИИ. Более того, анализ должен проводиться *в каждом конкретном случае* с учетом специфики каждой ситуации.

2. Вопросы точности в работе ИИ

Спросите специалистов, почему вокруг машинного обучения столько шумихи, и ответом будет одно слово – точность.

D. Lehr и P. Ohm (2017)

Как следует из приведенной выше цитаты, вызывает озабоченность уровень точности ИИ, т. е., говоря упрощенно, уровень точности, который может обеспечить система ИИ по сравнению с человеческими стандартами[17]. Чем лучше результаты, предоставляемые системой, тем выше этот показатель. Некоторые исследователи утверждают, что наблюдаемая точность напрямую влияет на доверие людей к системам ИИ, даже если фактическая точность ниже[18]. Другие же указывают на то, что модели машинного обучения могут быть менее надежными, чем кажется на первый взгляд[19].

Таким образом, в научной литературе точность считается ключевым фактором при оценке эффективности системы ИИ. В большинстве работ на эту тему, независимо от направленности или цели статьи, данный вопрос обычно затрагивается если не в качестве основного аргумента, то, по крайней мере, как одна из составля-

[16] «В этом разделе предлагается, чтобы защита социальных роботов от жестокого обращения осуществлялась по аналогии с законами о жестоком обращении с животными. Хотя основания этих законов часто оспариваются и многие из них не совпадают с основаниями для защиты роботов, можно наблюдать как психологические, так и философские параллели» (Там же, p. 16). См. также информацию об основанном в 1999 г. Американском обществе по предотвращению жестокого обращения с роботами (American Society for the Prevention of Cruelty to Robots): http://www.aspcr.com/index.html

[17] См. объяснение понятия точности в классификационных программах: «Точность классификатора – это доля правильных предсказаний на тестовом множестве. <...> Показатель точности дает оценку вероятности правильного предсказания; таким образом, чем выше точность, тем лучше классификатор» (Zaki & Wagner, 2020).

[18] «Мы обнаружили, что на доверие людей к модели влияет как ее заявленная точность, так и наблюдаемая точность и что влияние первой может меняться в зависимости от последней» (Yin et al., 2019).

[19] «Современные самообучающиеся машины успешно решают сложные прикладные задачи, достигая высокой точности и демонстрируя кажущееся разумным поведение. <...> Мы призываем добавить осторожности к продолжающемуся ажиотажу вокруг машинного интеллекта и тщательнее оценить некоторые из этих недавних успехов» (Lapuschkin et al., 2019).

ющих. Это можно наблюдать в научных публикациях из таких областей, как здравоохранение[20], ботаника[21], фондовые рынки[22], военное дело[23], юриспруденция[24] и многие другие.

Точность, безусловно, важна, и опасения по этому поводу часто высказываются в научной литературе. Проблема в том, что чрезмерное внимание к данной характеристике может привести к ложному представлению о том, что ИИ всегда должен превосходить возможности человека, независимо от контекста. Однако это не так.

Действительно, существует множество ситуаций, в которых ИИ не должен превосходить человеческие стандарты или даже приближаться к ним. В этом случае ИИ может сыграть значительную роль, просто заменив человеческий труд, даже ценой существенного снижения точности. Выигрыш в других факторах, таких как предотвращение рисков или прозрачность, может компенсировать потерю точности. Таким образом, ложное представление о том, что ИИ должен превзойти человека, в итоге приуменьшает или вовсе не учитывает важность других значимых факторов. Существуют исследования[25], которые проливают свет на этот вопрос. Некоторые ограничения точности могут быть приемлемыми и в конечном итоге неизбежными. Это не обязательно снижает применимость ИИ.

Таким образом, каждая цель использования системы ИИ (с учетом того, как она была реализована) определяет ожидаемую точность, прозрачность и предотвращение рисков. Именно сочетание этих и других факторов в каждом конкретном случае должно учитываться при оценке пригодности системы[26]. Точность сама по себе является лишь одним из них. Принимая это во внимание, в следующих разделах мы опишем другие технические и юридические факторы, которые также нужно взвесить, чтобы ответить на вопрос, поставленный в заголовке: «Чего нам следует ожидать от ИИ?».

3. Различные уровни вмешательства систем на основе ИИ в процесс принятия решений человеком

Многие исследования показывают, что технологическая эволюция может привести человечество к новой парадигме[27]. В этом контексте системы на основе ИИ будут оказывать все большее влияние на процесс при-

---

[20] «Мы наблюдаем экспоненциальный рост количества проводимых обследований, дальнейшую специализацию областей медицины и повышение точности различных методов визуализации...» (Santos et al., 2019). См. также (Nistal-Nuño, 2021).

[21] «Целью исследования является анализ точности методов машинного обучения (*ML*) в отношении объемной модели и функции конусности для черной акации» (Schikowski et al., 2018).

[22] «В модели представлен и рассмотрен возможный способ прогнозирования движения товаров с высокой точностью» (Patel, A., Patel, D., & Yadav, S. (2022). Prediction of Stock Market Using Artificial Intelligence. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3871022).

[23] «В воздушном бою за пределами визуальной дальности одной из проблем является определение наилучшего времени для запуска ракеты, решение о котором должно приниматься быстро. <...> ИНС была обучена на наборе данных, содержащих 1093 зарегистрированных выстрела на военных учениях, и показала точность 78,0 % согласно кросс-валидации» (Lima et al., 2021).

[24] «В частности, в данной работе показано, что сложные социальные эффекты алгоритмических юридических метрик выходят далеко за рамки опасений по поводу точности, которые до сих пор доминировали в критике таких метрик» (Burk, 2020).

[25] «Машинное обучение сосредоточилось на полезности вероятностных моделей для прогнозирования в социальных системах, но только сейчас приходит к пониманию того, насколько эти модели ошибочны и к каким последствиям приводят их недостатки. В данной статье предпринята попытка дать всеобъемлющий структурированный обзор конкретных концептуальных, процедурных и статистических ограничений моделей машинного обучения в применении к общественной сфере. Разработчики моделей машинного обучения могут использовать описанную иерархию для выявления возможных точек отказа и создания способов их устранения, а пользователям моделей машинного обучения она поможет понять, применять ли машинное обучение, где и как» (Malik, M. M. (2020, February). A Hierarchy of Limitations in Machine Learning. Berkman Klein Center for Internet & Society Research Paper, 1–68. https://arxiv.org/abs/2002.05193).

[26] Вопрос о том, кто может и должен проводить такую оценку, выходит за рамки данного исследования.

[27] Например: «Действительно, мы стремительно переходим от эпохи Интернета к алгоритмическому обществу. Вскоре мы будем вспоминать цифровую эпоху как предшественницу алгоритмического общества. Что я имею в виду под алгоритмическим обществом? Я имею в виду общество, организованное на основе принятия социальных и экономических решений алгоритмами, роботами и агентами искусственного интеллекта, которые не только принимают решения, но и в некоторых случаях исполняют их» (Balkin, 2017). См. также A. C. de M. Cansian: «Если до сих пор машины были вспомогательными элементами для человека, то теперь они перестанут ими быть, они станут главными действующими лицами в различных сценариях человеческих отношений, заменяя собой человека в принятии решений и выполняя сложные задачи, до сих пор немыслимые для компьютера» (Cansian, 2021).

нятия решений человеком. Это, безусловно, несет в себе как новые возможности, так и риски[28]. В данном разделе описана авторская трехуровневая классификация вмешательства ИИ в этот процесс, которую стоит учесть при оценке перспектив искусственного интеллекта.

Существуют различные классификации уровня вмешательства систем на базе ИИ в процесс принятия решений человеком. Например, Национальное управление безопасности движения на трассах США (*NHTSA*) подразделяет беспилотные автомобили на пять уровней, от 0 (отсутствие автоматизации) до 4 (полная автономность)[29]. *NHTSA* использует термин «автоматизация», хотя некоторые авторы утверждают, что термин «автономность»[30] был бы более верным. В этой статье оба выражения используются наравне.

Автор предлагает более простое и интуитивно понятное решение. Кроме того, оно лучше подходит в качестве научного инструмента, чем отраслевые классификации, поскольку применимо к любой ситуации, независимо от типа и цели использования системы. Системы ИИ подразделяются на три категории по уровню вмешательства в процесс принятия решений человеком: 1) вспомогательные системы для автоматизации задач; 2) консультативные системы; 3) полноценное принятие решений (табл.).

Уровни вмешательства систем ИИ в принятие решений человеком
Levels of AI systems interference on human decision-making

Тип системы ИИ / Kind of AI system	Уровень автоматизации / Automation Level	Функционирование / Functioning	Ввод / Input	Вывод / Output	Участие в принятии решений человеком / Interference in human decision-making
Вспомогательная система автоматизации задач / Task-automation auxiliary	Начальный / Initial	Пассивное / Passive	Прошлая информация / Past data	Дает информацию или выполняет указания человека / Provide information or run human commands	Не замещает ни один из этапов принятия решений человеком / Do not replace any stage of human decision
Консультативный / Advisory	Средний / Intermediary	Пассивное / Passive	Прошлая информация / Past data	Рекомендует действие / Recommend an action	Замещает один или более из существенных этапов принятия решений / Replace one or more substantial stages of human decision человеком
Полное принятие решений / Full decision-making	Повышенный / Advanced	Активное / Active	Информация в реальном времени / Real-time data	Принимает и исполняет решения самостоятельно / Makes and executes decisions autonomously	Замещает все или почти все этапы принятия решений человеком / Replaces all or almost all human decision

Поскольку реальность гораздо сложнее теории, конечно, будут пограничные случаи, когда система находится в серой зоне между этими уровнями. Например, таковы системы генеративного ИИ, такие как *ChatGPT* от *Open AI*, *Bard* от *Google* или *Llama* от *Meta*[31]. Но даже в этом случае наша классификация уже послужит

[28] «<...> Мы утверждаем, что люди, взаимодействующие с ИИ, ведут себя как ‘борги’, т. е. существа-киборги с сильными индивидуальными характеристиками, но без человеческой индивидуальности» (Fügener et al., 2021).

[29] Подробный отчет см.: http://www.nhtsa.gov/nhtsa/av/pdf/Federal_Automated_Vehicles_Policy.pdf. Анализ этих шести уровней см. (Lima, 2020).

[30] «Автономность – это способность машины выполнять задачи без участия человека. Она отличается от автоматизации, которая заключается в простом использовании машины для выполнения определенного процесса, в то время как автономность описывает систему, способную работать самостоятельно в течение некоторого периода времени без прямого вмешательства человека. <...> Существует три основных аспекта автономности: тип задачи, которую выполняет машина; отношение человека к машине во время выполнения этой задачи; и сложность принятия решений машиной во время выполнения задачи. Эти параметры независимы, и машина может стать ‘более автономной’, увеличив степень автономности по любому из этих аспектов. В рамках этих задач, или параметров, существуют различные степени автономности, которые определяют отношения между человеком и машиной» (Cherry & Johnson, 2021).

[31] Организация признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

своей цели, проливая свет на большинство ситуаций. Более того, это лишь один из основных факторов, которые необходимо учитывать. Итак, кратко рассмотрим каждый уровень.

Вспомогательные системы представляют собой самый низкий уровень автоматизации. Они работают лишь как инструмент для предоставления информации пользователю (т. е. служат цифровым каталогом) или применяются для выполнения задач на основе команд, заданных пользователем. При этом все решения человек всегда принимает самостоятельно. Кроме того, эти системы не проявляют инициативу и не работают по принципу «от противного», они работают только по требованию пользователя (пассивное функционирование). Эти системы могут работать по решению пользователя, но они не берут на себя ни один из этапов процесса принятия решений. Даже если кажется, что такая система делает что-то самостоятельно, например, бронирует встречу или совершает покупку, это не так, ведь эти действия уже были заданы пользователем. В эту группу входят и голосовые помощники[32], такие как *Siri* и *Alexa*. Например, пользователь может попросить помощника «показать пиццерии рядом с домом». ИИ покажет список результатов, возможно, с оценками других пользователей. Затем пользователю предстоит самостоятельно оценить эту информацию и решить, что делать дальше. Можно отказаться от пиццы, а можно дать помощнику новые команды, например, «заказать столик на двоих в этом ресторане в 7 вечера» и «вызвать такси к дому в 18:30». Именно пользователь выбирает ресторан, время бронирования, количество мест и способ передвижения (на велосипеде, на метро, на своей машине или на такси). Прежде всего, именно пользователь решает, будет ли он ужинать в этот вечер. Вспомогательная система автоматизации задач не скажет: «Съешь салат вместо пиццы, так как ты прибавил в весе». Такие системы работают пассивно, отвечая на вопросы пользователей и выполняя конкретные задачи. Даже если кажется, что они «угадывают», чего хочет пользователь, результат все равно основан на обработке предыдущих параметров и анализе повседневной деятельности.

Консультационные системы находятся на ступень выше по уровню автоматизации. Они не только помогают автоматизировать задачи, но и напрямую рекомендуют, что делать пользователю, заменяя тем самым часть процесса принятия решений. Хорошим примером может служить программное обеспечение для медицинской диагностики, основанной на визуализации. Оценивая медицинские изображения и сравнивая их с другими базами данных, например, с научными источниками о рекомендуемых методах лечения для каждой стадии заболевания, система не только предоставляет полезную информацию медицинскому персоналу, но и определяет оптимальный ход лечения для каждого пациента. По сравнению со вспомогательными системами автоматизации задач консультационная система идет на шаг дальше, поскольку участвует в процессе принятия решений человеком, автоматизируя значительную его часть. Однако последнее слово все равно остается за человеком. Ведь именно медицинский персонал должен оценить рекомендованное лечение, объяснить его пациенту и выполнить. Или выбрать другой способ лечения, предоставив научное обоснование для отклонения рекомендаций системы. Общим со вспомогательными системами автоматизации задач является тот факт, что рекомендательные системы также работают пассивно (т. е. от медицинской команды и пациента зависит, применять их или нет). И те и другие обычно основываются на данных, полученных ранее, а не поступающих в режиме реального времени.

На высшем уровне автоматизации находятся системы принятия решений. Они полностью заменяют все или почти все этапы процесса принятия решений. Именно система искусственного интеллекта, а не человек принимает решения и выполняет их. Такие системы обычно подключены к актуальным базам данных и активно функционируют в режиме реального времени. Идеальным примером являются самоуправляемые (полностью автономные беспилотные) автомобили. На самом высоком уровне автоматизации *NHTSA* автомобиль принимает все решения в режиме реального времени. Человек – всего лишь зритель, практически не влияющий на решения системы. В некоторых особых ситуациях система предлагает пользователю выбрать

[32] «Автоматизированный голосовой помощник: использует метод обработки естественного языка (*Natural Language Processing*, *NLP*) для преобразования текста или голосового ввода пользователя в исполняемые команды. Многие из этих устройств постоянно обучаются с помощью методов искусственного интеллекта, включая машинное обучение. Некоторые из них, например *Google Assistant* (включая *Google Lens*) и *Samsung Bixby*, также обладают способностью обрабатывать изображения и распознавать объекты на них, чтобы пользователи могли получить более точные результаты» (OECD. (2022, February 22). OECD Framework for the Classification of AI Systems. https://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/oecd-framework-for-the-classification-of-ai-systems_cb6d9eca-en).

один из вариантов. Например, выбор между более быстрым (с меньшим трафиком) и безопасным (в обход опасных районов), но более длинным путем или если пользователь хочет изменить маршрут в случае непредвиденной аварии, вызвавшей пробку. Отметим, что после того, как пользователь выбрал один из вариантов, все остальное делает самоуправляемый автомобиль. Это существенно отличается от вспомогательных систем автоматизации задач, поскольку они предоставляют информацию на основе того, что пользователь попросил их сделать, в то время как в самоуправляемых автомобилях именно система искусственного интеллекта, а не пользователь определяет, когда, где и какие варианты будут предложены на выбор человеку, основываясь на данных, получаемых в реальном времени. От консультативных систем они отличаются тем, что все или почти все (а не только некоторые) существенные этапы процесса принятия решений человеком осуществляются искусственным интеллектом.

Как уже упоминалось в разд. 2, в настоящее время широко распространено явно выраженное или подразумеваемое представление о том, что системы на основе ИИ должны всегда превосходить возможности человека, независимо от контекста. Другими словами, их точность должна превосходить человеческие стандарты. Это ложное представление не учитывает практические различия в трехуровневой классификации вмешательства ИИ в процесс принятия решений, представленной в данном разделе. Оно также не учитывает тот факт, что каждая цель использования системы ИИ должна предусматривать не только различные показатели точности, но и приемлемые риски и прозрачность в каждом конкретном случае. В следующих разделах этот аспект рассмотрен подробнее.

4. Чего следует ожидать от ИИ?

Все модели ошибочны, но некоторые из них полезны…
G. E. P. Box (1979)

Этой меткой фразой Джордж Эдвард Пелхэм Бокс в 1979 г. подчеркнул, что идеальных систем не существует. Даже самый современный ИИ будет обладать определенным уровнем неточности, неустранимых рисков и непрозрачности. Система, работающая непрерывно, рано или поздно испытает сбой, вызванный внутренними или внешними факторами. Поэтому невозможно гарантировать абсолютную точность работы системы. Признание этого факта позволяет избежать несоответствия между результатами, которые люди ожидают от ИИ, и тем, что эта технология может дать на самом деле. Более того, это показывает, что существует множество контекстов, в которых ИИ не должен превосходить человеческие стандарты. Он может приносить пользу, заменяя человеческий труд, даже при существенном снижении точности, допущении некоторых рисков или уменьшении прозрачности.

Поэтому ключевым моментом для оценки пригодности любой системы ИИ является анализ каждого конкретного случая для предотвращения рисков, определения приемлемой точности и прозрачности для каждой системы с учетом контекста и цели использования этой системы, а также степени участия ИИ в процессе принятия решений человеком, в соответствии с разработанной автором трехуровневой категоризацией, приведенной в разд. 3. В следующих подразделах будут приведены авторские критерии для установления этих параметров, а также ситуации, в которых следует рассмотреть обязательное вмешательство человека («оператор в контуре управления», *human in the loop*, *HITL*). Следует помнить, что универсального решения не существует, а оптимальный результат дает сочетание этих факторов с учетом специфики каждого контекста.

4.1. Ожидаемый уровень точности

Как уже говорилось в разд. 2, ожидание того, что системы ИИ всегда будут достигать высоких показателей точности, является ложным. Точность – это лишь один из факторов, который необходимо учитывать при оценке пригодности системы. Каждый контекст и цель использования ИИ требуют различных показателей точности. Следовательно, ожидать, что любая система на базе ИИ достигнет точности 90 % или выше, независимо от контекста или цели использования системы, нежелательно и не соответствует современному уровню развития технологий. Напротив, анализ должен проводиться индивидуально, чтобы определить, какая точность является приемлемой для конкретного случая. Минимальный уровень в одних ситуациях может быть оптимальным в других.

Например, представим гипотетическую систему распознавания лиц[33], используемую для контроля доступа людей в крупный город (блокировка въезда или выезда). Представьте, что эта система работает с точностью 90 %[34] в г. Сан-Паулу в Бразилии, где проживает около 12 млн человек. Это значит, что она ошибочно заблокирует въезд огромному количеству людей – 1 млн 200 тыс. человек. А если такая система будет работать в Пекине, население которого в два раза больше? В этих примерах даже высокая точность, например, 90 или 95 %, может оказаться недостаточной, поскольку может привести к катастрофическим последствиям. Тот же подход применим и к реальным жизненным ситуациям, например, когда сотрудники правоохранительных органов используют программное обеспечение для распознавания лиц преступников. В этих и многих других контекстах приемлемы только невероятно высокие показатели точности, например, 98 или 99 %.

С другой стороны, есть случаи, когда достаточно точности в 50 % или даже меньше. Например, в деятельности, связанной с высоким риском или вредом для здоровья, замена человеческого труда ИИ оправдана даже за счет существенного снижения точности, поскольку позволяет избежать физического или психологического ущерба. Таким образом, даже менее точный, чем человек, ИИ может быть весьма полезен в некоторых случаях. Более того, неоптимальная система ИИ в сочетании с возможностью вмешательства человека приводит к улучшению результата, причем итоговая точность будет даже выше, чем при использовании одной только системы. Ситуация «человек + машина» [35] – еще один пример ситуации, когда допустимо снижение точности в работе ИИ. Как известно, программа для игры в шахматы обыграла чемпиона мира Каспарова (ПРИЗНАН ИНОАГЕНТОМ В РФ)[36]. Однако менее известно, что лучшие шахматисты – люди, использующие обычный компьютер для анализа ходов, – могут победить ИИ (Brynjolfsson & McAfee, 2016). Таким образом, система «человек + машина» в некоторых ситуациях достигает большего, чем каждый из них смог бы достичь в одиночку[37].

В вышеупомянутых контекстах чрезмерные требования к точности могут привести к таким нежелательным последствиям, как препятствование выходу на рынок новых игроков, если от них требуются показатели точности гораздо выше, чем могут (и должны) обеспечить их продукты или услуги; неоправданное удлинение цикла разработки и тестирования; рост производственных затрат и во многих случаях даже предотвращение внедрения продуктов и услуг, которые могли бы снизить высокий неустранимый риск или вред для здоровья

---

[33] «Технология распознавания лиц позволяет сравнивать цифровые изображения лиц, чтобы определить, являются ли они изображениями одного и того же человека. Сравнение записей, полученных с видеокамер, с изображениями в базах данных называется ‘технологией распознавания лиц в реальном времени’» (O’Flaherty, 2020). См. также (Jain et al., 2011).

[34] «Алгоритмы технологии распознавания лиц дают не окончательный результат, а только вероятность того, что два изображения принадлежат одному и тому же человеку» (Там же, p. 172).

[35] «В существующей литературе основное внимание уделяется описанию типов рабочих мест, которые могут пострадать в результате развития ИИ, а также которые он может создать. Другими словами, смысл существующих исследований в основном сводится к противостоянию человека и машины, соперничеству между ними, а также изучению способов адаптации людей и прогнозам по реорганизации рабочих мест. При этом людям часто приписывается пассивная либо реактивная позиция – они борются с проблемами и ищут новые возможности, открывающиеся в связи с развитием ИИ. Сравнительно мало исследований посвящено тому, как квалифицированные работники могут использовать свой высокий потенциал с помощью технологий ИИ, хотя, как можно предположить, именно это является основной целью при проектировании и разработке ИИ. Цель данного исследования – перейти от соревнования человека и машины к потенциальному балансу ‘человек плюс машина’» (Cao et al., 2021). См. также Yu. N. Harari: «Превращение людей в богов может пойти по одному из трех путей: биологическая инженерия, инженерия киборгов и инженерия неорганических существ» (Harari, 2016).

[36] И многих других профессиональных игроков. Так, совсем недавно ИИ обыграл восьмерых чемпионов мира по игре в бридж: Spinney, L. (2022, Mar. 29). Artificial intelligence beats eight world champions at bridge. The Guardian. London. https://www.theguardian.com/technology/2022/mar/29/artificial-intelligence-beats-eight-world-champions-at-bridge.

[37] «…наше будущее – это слияние с искусственными интеллектуальными машинами! О том, как я пришел к такому выводу, и пойдет речь в этой книге. Я не хочу сказать, что в ближайшие десятилетия мы, люди, будем выглядеть и действовать как роботы на конвейере; скорее, мы будем оснащены таким количеством технологий, включая вычислительные устройства, имплантированные в мозг, что из биологического существа превратимся в технологическое, развивающееся по законам технологии в большей степени, чем по законам биологической эволюции» (Woodrow, 2015). Подробнее об обязательном участии человека (оператор в контуре управления) см. в разд. 4.3. Также нужно учитывать, что система ‘человек + машина’ пока вызывает споры: «Мы анализируем, как рекомендации ИИ влияют на взаимодополняемость между людьми и ИИ, в частности на то, что люди знают, чего не знает ИИ: это уникальные человеческие знания. <…> Результаты моделирования, основанные на наших экспериментальных данных, показывают, что группы людей, взаимодействующие с ИИ, гораздо менее эффективны по сравнению с группами людей без помощи ИИ» (Fügener et al., 2021).

людей. Подводя итог, можно сказать, что преувеличенное внимание к точности может поставить под угрозу инновации, снизить конкурентоспособность и благосостояние, как отмечают в ОЭСР[38].

Далее возникает следующий вопрос: как определить приемлемую точность системы ИИ в каждом конкретном случае? Ответ на него можно получить, взвесив два фактора: 1) уровень вмешательства ИИ в процесс принятия решений (как описано в разделе 3); и 2) присущие автоматизируемой деятельности риски.

С одной стороны, чем выше уровень вмешательства ИИ в процесс принятия решений, тем выше потребность в обеспечении точности системы, превосходящей человеческие стандарты. С другой стороны, чем выше риски, присущие автоматизируемой деятельности, тем ниже допустимая точность системы. Другими словами, между этими факторами существует обратная зависимость. Вмешательство ИИ в процесс принятия решений указывает на необходимость в более высоких показателях точности, в то время как более высокие неустранимые риски могут оправдать более низкую точность. Вот почему так важно взвешивать эти два фактора в каждом конкретном случае.

Что касается первого фактора, то в разд. 3 уже были описаны три различных уровня вмешательства ИИ в процесс принятия решений. В целом более высокие уровни вмешательства ИИ требуют более высокой точности. На уровне 1 (вспомогательные системы для автоматизации задач) более низкие показатели точности приемлемы, поскольку именно человек, а не ИИ, оценивает всю информацию и принимает решение. Система работает только как инструмент для поиска этой информации и в конечном счете автоматизации некоторых задач, основанных на командах человека. На уровне 2 (консультативные системы), по крайней мере, одна существенная часть принятия решений будет полностью заменена результатами работы системы. Поэтому ожидается более высокая точность, чем на уровне 1. Действительно, точность здесь должна быть хотя бы эквивалентна человеческим стандартам, поскольку неправильный вывод может поставить под угрозу последующие шаги. Наконец, на третьем уровне (системы полноценного принятия решений) все или почти все существенные этапы процесса принятия решений заменяются ИИ. В этом контексте логично ожидать, что точность результатов работы системы будет выше, чем у человека. В конце концов, не имеет смысла заменять человеческий труд системой, которая работает хуже, ведь цель автоматизации – повышение эффективности.

Что касается второго фактора, то каждый вид деятельности имеет определенный уровень неустранимых рисков[39], т. е. рисков, естественно связанных с этой деятельностью, которые в конечном итоге могут быть смягчены, но не предотвращены на 100 %[40]. Когда уровень неустранимых рисков высок, имеет смысл принять более низкие (или гораздо более низкие) стандарты точности системы ИИ по сравнению с человеческими. В этом контексте выигрыш в других факторах, таких как предотвращение рисков или прозрачность, может компенсировать потерю точности. В конце концов, сохранение физического и психологического благополучия человека – это цель, которая должна превалировать даже за счет снижения точности. Классический пример – робот, предназначенный для обезвреживания бомб. Даже если его точность ниже человеческих стандартов, все равно оправданно использовать робота вместо эксперта-человека, чтобы снизить риск травм или смерти этого эксперта. В эту линию рассуждений вписывается и ряд других неустранимых рисков или вредных видов деятельности.

Поэтому очень важно взвесить как уровень вмешательства ИИ в процесс принятия решений, так и уровень рисков, присущих той или иной деятельности, чтобы определить, какая точность ИИ является приемлемой в каждом конкретном случае[41]. В некоторых случаях снижение риска может оправдать точность ниже че-

---

[38] «Политики предпочитают использовать подход к регулированию ИИ, основанный на оценке рисков, чтобы сосредоточить возможности для надзора и вмешательства там, где они наиболее необходимы, избегая при этом ненужных препятствий для инноваций» (OECD. (2022, February 22). OECD Framework for the Classification of AI Systems. https://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/oecd-framework-for-the-classification-of-ai-systems_cb6d9eca-en).

[39] «Риски при использовании любой системы ИИ существенно зависят от сферы применения. Поскольку сложно предугадать и оценить все возможные варианты использования, применяемые системы ИИ следует разделить на несколько групп по уровню риска» (Там же).

[40] «Риск – это возможная опасность, которая более или менее предсказуема, и она отличается от ‘álea’ (непредсказуемого) и от опасности (фактической). Риск абстрактен». (Lopez, 2010). «ИИ может легко стать слоном в посудной лавке, если мы не будем уделять внимание его развитию и применению» (Cath et al., 2017).

[41] Такая интерпретация согласуется с международными инициативами в области регулирования ИИ, такими как предложение ЕС о создании законодательства в области искусственного интеллекта и Бразильская стратегия в области искусственного интеллекта. Обе эти инициативы будут кратко описаны в разд. 5.

ловеческих стандартов; это также может иметь место и на 2-м и 3-м уровнях автоматизации, как в примере с роботом для обезвреживания бомб, принимающим все решения. Если риск высок и его вряд ли можно снизить, представляется лучшим вариантом подвергнуть этому риску робота вместо человека[42], даже за счет существенного снижения точности. В других случаях достаточно, чтобы система обладала точностью, эквивалентной человеческой, и, таким образом, освобождала человека от труда без существенного снижения эффективности. Примером может служить программное обеспечение, используемое в судах для классификации исков в зависимости от обсуждаемого правового вопроса, времени подачи или любого другого параметра. Чтобы приносить пользу, такому программному обеспечению достаточно достичь точности, аналогичной точности сотрудника, которого заменит ИИ, что позволит человеку уделять больше времени другим видам деятельности и, возможно, достичь большей продуктивности. Наконец, если риск, присущий автоматизируемой деятельности, высок и неудача может поставить под угрозу основные права, как, например, при проведении медицинских тестов по визуальным материалам или роботизированной хирургии, максимальная точность становится обязательной. Другими словами, этические и правовые нормы должны запрещать использование систем искусственного интеллекта людьми, если научно доказано, что человек, выполняя ту же задачу, может добиться лучших результатов, не ставя под угрозу ни одну из заинтересованных сторон (что отличает этот пример от робота, обезвреживающего бомбу). Это особенно верно на третьем уровне автоматизации, поскольку именно система, а не пользователь, оценивает данные в реальном времени и принимает решение. Такой подход может предотвратить катастрофические ситуации, как в деле Mracek v. Bryn Mawr Hosp[43].

4.2. Прозрачность/объяснимость[44]

Хотя понятия прозрачности[45] и объяснимости[46] технически различны[47], в данном разделе они рассматриваются вместе, поскольку тесно связаны между собой. Упрощенно говоря, они означают, что человек способен понять, почему система ИИ выдала определенный результат, и объяснить это обычному пользователю

---

[42] С этим может не согласиться Kate Darling и другие энтузиасты создания социальных роботов.

[43] В 2010 г. Роланду К. Мрачеку в больнице Брин-Мор была проведена операция с использованием так называемого хирургического робота да Винчи. Он утверждает, что в начале операции был в сознании и видел, как робот выдает сообщения об ошибках. По его словам, команда врачей пыталась перезагрузить робота, но сообщения об ошибках продолжали появляться на экране. Они также позвонили в службу технической поддержки, и представитель производителя робота приехал в операционную, но не смог решить проблему. В результате сбоя в работе аппарата примерно через 45 минут хирургическая бригада отказалась от попытки роботизированной операции и провела ее вручную. Результат оказался трагическим: Мрачек получил необратимые повреждения и был вынужден жить с постоянной болью. После этого он решил подать иск против больницы, основываясь на положении о строгой ответственности за качество. Он обвинил врачей в халатности, утверждая, что основной причиной стала неисправность робота. В итоге суд удовлетворил ходатайство ответчика, поскольку Мрачек не представил доказательств причинно-следственной связи между неисправностью робота и результатами его операции. (The United States of America. Mracek v. Bryn Mawr Hosp. United States Court of Appeals for the 3rd Circuit. 610 F. Supp. 2d 401, j. 28.01.2010. https://casetext.com/case/mracek-v-bryn-mawr-hosp).

[44] «Одной из проблем, препятствующих установлению общих оснований, является взаимозаменяемое неверное использование в литературе понятий „интерпретируемость“ и „объяснимость“. Между этими понятиями существуют заметные различия. Интерпретируемость – это пассивная характеристика модели, показывающая уровень, на котором данная модель имеет смысл для человеческого наблюдателя. Эту характеристику также можно описать как прозрачность. Напротив, объяснимость рассматривается как активная характеристика модели, обозначающая любое действие или процедуру, выполняемую моделью с целью прояснения или детализации ее внутренних функций» (Arrieta, 2020).

[45] «Модель считается прозрачной, если она понятна сама по себе…» (Там же, p. 83).

[46] «Объяснимость связана с понятием объяснения как интерфейса между человеком и субъектом, принимающим решения, который одновременно точно представляет принимающего решения субъекта и понятен человеку» (Там же). «...объяснимость – [это] способность машинного обучения обосновывать свои оценки» (Lehr & Ohm, 2017).

[47] «Прозрачность означает предоставление человеку возможности понять, как исследуются, проектируются, разрабатываются, внедряются и используются системы ИИ, в соответствии с контекстом использования и чувствительностью системы ИИ. Она также может включать в себя понимание факторов, влияющих на конкретный прогноз или решение, но обычно не включает в себя предоставление конкретного кода или наборов данных. В этом смысле прозрачность – это социотехнический аспект, цель которого – завоевать доверие людей к системам ИИ. Объяснимость – это способность сделать понятной работу систем ИИ и дать представление о ее результатах. Объяснимость моделей ИИ также относится к понятности ввода, вывода данных и действий каждого алгоритмического блока и его вкладу в результат работы модели. Таким образом, объяснимость тесно связана с прозрачностью, поскольку результаты и субпроцессы, приводящие к результатам, должны быть понятны и прослеживаемы, а также соответствовать контексту использования» (UNESCO. (2021). UNESCO Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455).

данной системы. Прозрачность, несомненно, является основополагающей ценностью, предусмотренной многочисленными правовыми нормами как для государственного[48], так и для частного[49] секторов по всему миру. Прозрачность имеет первостепенное значение и должна соблюдаться в соответствии с положениями любой правовой системы, поэтому чем она выше, тем лучше[50].

Однако есть случаи, когда система искусственного интеллекта все еще не может обеспечить высокий уровень прозрачности (например, 90 % или выше) в силу текущего уровня развития технологий. Но некоторые системы могут быть весьма полезны (и широко применимы), несмотря на низкий уровень этого параметра. В примере с роботом, обезвреживающим бомбу, ценность предотвращения серьезных травм человека может компенсировать недостаток прозрачности, особенно если точность робота удовлетворительна. Многие другие реальные ситуации с высоким неустранимым риском следуют этой логике.

Таким образом, прозрачность является одним из основных факторов при оценке пригодности ИИ, равно как и точность. Однако ни то ни другое не является самоцелью. Следовательно, вопрос состоит в том, какой уровень прозрачности необходимо требовать от ИИ в каждом конкретном контексте. Чтобы правильно ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть концепцию «черного ящика» и компромисс между точностью и прозрачностью.

В научной литературе довольно активно обсуждается тот факт, что некоторые системы на основе ИИ, в зависимости от того, как они были разработаны, могут стать «черным ящиком»[51]. Это значит, что человеку – даже разработчику системы – будет сложно или даже невозможно понять точную причину, по которой она выдала тот или иной результат[52]. Это может быть крайне вредно для пользователей системы и для общества в целом, например, если система, намеренно или нет, увеличивает уровень дискриминации в обществе[53] или

---

[48] Например, в Бразилии Федеральная конституция 1988 г. и Закон о доступе к информации № 12527/2011 налагают на правительство требование обеспечить прозрачность.

[49] Требование прозрачности также является одним из основных в законодательстве о защите прав потребителей, законах о защите частной жизни/данных, трудовом законодательстве, регулировании искусственного интеллекта и многих других областях в разных странах.

[50] Несомненно, каждая правовая система может установить ограничения прозрачности для защиты других основных ценностей, например, промышленных и коммерческих секретов. Однако существуют и исключения.

[51] Само понятие «черный ящик» является спорным. Существует общее, известное во всем мире определение: «Термин „черный ящик“ – это полезная метафора, учитывая его двойственное значение. Он может означать записывающее устройство, как, например, системы мониторинга данных в самолетах, поездах и автомобилях. Или он может означать систему, функционирование которой скрыто; мы можем наблюдать входные и выходные данные, но не можем сказать, как одно превращается в другое. Мы ежедневно сталкиваемся с этими двумя значениями: за нами все более тщательно следят компании и правительство, но мы не имеем четкого представления о том, как широко может распространяться эта информация, как она используется и каковы последствия этого» (Pasquale, 2015).

Существуют подклассы «черных ящиков»: «Отсутствие прозрачности связано с так называемым черным ящиком (лучше сказать, черными ящиками). Вероятно, можно выделить три различных системы „черных ящиков“: организационную, техническую и юридическую» (La Diega, 2018).

Существует также понятие «черного ящика», связанное с проприетарным контентом, таким как коммерческие тайны: «Моделью „черного ящика“ может быть либо (1) функция, которая слишком сложна для понимания человеком, либо (2) функция, являющаяся собственностью компании» (Rudin, 2019).

[52] «Одним из очевидных системных рисков ИИ и МЛ [машинного обучения] является проблема „черного ящика“. Эта проблема возникает, когда алгоритмическая система принимает решения, которые крайне сложно объяснить обычным людям. По сути, в алгоритмических системах можно наблюдать входные данные (вход) и исходящие данные (выход), но их внутренние операции не очень хорошо понятны» (Black & Murray, 2019).

[53] Некоторые авторы отмечают, что теоретически предотвратить дискриминацию с помощью ИИ проще, чем предотвратить ее в поведении человека, поскольку ИИ можно с самого начала спроектировать так, чтобы его можно было проверить: «Наша главная мысль заключается в том, что, когда задействованы алгоритмы, доказать дискриминацию будет проще – или, по крайней мере, так должно быть и так можно сделать. Закон запрещает дискриминацию в результате действия алгоритма, и этот запрет может быть реализован путем регулирования процесса, в ходе которого разрабатываются алгоритмы. Для этого можно кодифицировать наиболее распространенный подход к созданию алгоритмов машинного обучения и подробные требования к учету. Такой подход обеспечил бы необходимую прозрачность решений и выборов, осуществляемых при создании алгоритмов, а также компромиссов между значимыми параметрами. <...> Создание надлежащей системы регулирования не просто ограничивает возможность дискриминации со стороны алгоритмов; оно способно превратить алгоритмы в мощный противовес человеческой дискриминации и позитивную силу, способствующую социальному благу в самых разных сферах» (Kleinberg et al., 2018).

выдает любые другие незаконные результаты[54]. Поэтому риск превращения ИИ в «черный ящик» вызывает серьезную озабоченность.

Анализируя альтернативные варианты решения этой проблемы, некоторые авторы указывают на неизбежность поиска компромисса между точностью и прозрачностью. Они утверждают, что более высокие показатели точности приводят к появлению «черных ящиков», в то время как полностью объяснимые системы будут менее точными[55]. Другими словами, повышение одного из этих показателей приведет к снижению другого. Другие авторы указывают, что ориентация на прозрачность как основную цель на всех этапах разработки продукта (прозрачность по замыслу)[56] может обеспечить более высокую точность без снижения прозрачности[57]. Исходя из этого, они утверждают, что предлагаемый компромисс – это лишь предлог для оправдания непрозрачных систем. Они добавляют, что большинство систем ИИ, если не все, становятся непрозрачными, потому что разработчики не уделяли должного внимания прозрачности во время цикла разработки. Следовательно, по их мнению, «черные ящики» – это результат некачественной разработки.

Итак, контекстуализировав понятие черного ящика и предполагаемый компромисс между точностью и прозрачностью, рассмотрим, что, по мнению автора, можно ожидать от ИИ в плане прозрачности. И снова ключевым фактором, который следует учитывать в каждом конкретном случае, является уровень вмешательства ИИ в процесс принятия решений. Действительно, ИИ с низким уровнем вмешательства в процесс принятия решений, как правило, допускает меньшую прозрачность без ущерба для пригодности системы. И наоборот, чем больше вмешательство в систему, тем выше ожидаемая прозрачность. Эту мысль мы разовьем далее.

С одной стороны, ожидать высокой прозрачности от систем первого уровня автоматизации[58], таких как голосовые помощники *Siri* и *Alexa*[59], неразумно, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, такие си-

---

[54] «Внутри алгоритмического „черного ящика“ общественные предубеждения становятся невидимыми и неподотчетными. Созданные исключительно для извлечения прибыли алгоритмы неизбежно расходятся с общественными интересами – информационная асимметрия, возможности для давления и внешние эффекты пронизывают эти рынки» (Benkler, 2019).

[55] «Осмысленные объяснения машинного обучения не работают для каждой задачи. <…> задачи, в которых они хорошо работают, часто имеют всего несколько входных переменных, которые комбинируются относительно простыми способами, такими как возрастающие или убывающие отношения. Системы с большим количеством переменных обычно работают лучше, чем более простые системы, поэтому в итоге мы можем получить компромисс между производительностью и объяснимостью. <…> Оптимизация системы объяснения для интерпретируемости человеком неизбежно означает размывание прогностических характеристик, чтобы охватить только основные логические элементы системы» (Edwards & Veale, 2017). «Также ожидается, что точность будет выше, чем результирующая точность с учетом дискриминации, поскольку техника будет снижать уровень дискриминации за счет точности» (Cardoso et al., 2019).

[56] «Сосредоточившись на управлении моделью и не имея возможности рассмотреть этапы машинного обучения на фоне управления данными, ученые вынуждены воспринять слишком узкий взгляд на потенциальный вред и пользу алгоритмов. Большое внимание уделяется неточностям и предвзятостям, и они действительно могут быть частично связаны с низким качеством данных и спецификаций переменных. Но они могут проявляться и на других этапах машинного обучения, а многие вредные факторы возникают почти исключительно на этих этапах. На самом деле некоторые из самых неприятных последствий машинного обучения – его непрозрачность и необъяснимость – возникают при выборе и разработке алгоритмов, а не при сборе данных или определении переменных» (Lehr & Ohm, 2017). «Я обеспокоен тем, что область интерпретируемости/объяснимости/понятности/прозрачности в машинном обучении далеко ушла от реальных потребностей. <…> Недавние работы, посвященные объяснимости „черных ящиков“, а не интерпретируемости моделей, содержат и закрепляют критические заблуждения, которые обычно остаются незамеченными, но которые могут оказывать долговременное негативное влияние на широкое использование моделей машинного обучения в обществе. <…> Неточная (малодостоверная) модель снижает доверие к объяснению и, как следствие, доверие к черному ящику, который она пытается объяснить» (Rudin, 2019).

[57] «Неверно, что между точностью и интерпретируемостью обязательно существует компромисс. Широко распространено мнение, что более сложные модели являются более точными, а это значит, что для высокой эффективности прогнозирования необходим сложный „черный ящик“. Однако зачастую это не так, особенно если данные хорошо структурированы и представлены в виде естественных значимых признаков. При рассмотрении задач с такими данными после предварительной обработки часто нет существенной разницы в производительности между более сложными классификаторами (глубокие нейронные сети, усиленные деревья решений, случайные леса) и гораздо более простыми классификаторами (логистическая регрессия, списки решений)» (Там же).

[58] Как описано в разд. 3.

[59] В научной литературе обычно также приводят пример картографических приложений, таких как *Google Maps*: «Ошибки будут всегда, потому что модели по своей природе являются упрощениями. Ни одна модель не может учесть всю сложность реального мира или нюансы человеческого общения. Какая-то важная информация неизбежно будет упущена. <…> Поэтому, создавая модель, мы выбираем, что достаточно важно включить в нее, упрощая мир до игрушечной версии, которую легко понять и из которой можно сделать вывод о существенных фактах и действиях. Мы ожидаем, что модель будет выполнять только одну

стемы предоставляют меньше технической информации. Именно пользователь оценивает эту информацию и принимает решение. Если вывод системы необоснован, пользователь может сопоставить эту информацию с другими доступными источниками и критически оценить ее, прежде чем принять решение[60]. Во-вторых, предполагается, что эти системы связаны с коммерческими соглашениями, заключаемыми разработчиком. Соответственно, не стоит удивляться, если голосовой помощник *Apple* отдаст предпочтение рекламной информации деловых партнеров компании *Apple* по сравнению с аналогичной информацией ее конкурентов. То же самое касается *Google*, *Amazon* или любого другого крупного игрока на рынке. Пока в процессе конкуренции не нарушен закон[61], такие коммерческие соглашения являются законными.

С другой стороны, в случае ИИ, который играет значительную роль в принятии решений, например, на 2-м и 3-м уровнях автоматизации, отсутствие прозрачности может стать проблемой даже при высокой точности системы. Непрозрачность сама по себе может поставить под угрозу защищаемые законом ценности, поскольку пострадавшие имеют право знать[62], почему система приняла то или иное решение, особенно если они подозревают, что был использован какой-то незаконный параметр, независимо от того, было ли решение точным или нет. Рассмотрим, например, программное обеспечение для визуализации медицинских данных, которое дает индивидуальные рекомендации по лечению пациента. Даже если медики согласны с рекомендациями программы, они все равно должны быть в состоянии объяснить пациенту, почему система сделала именно такой выбор. Более того, они должны уметь выявлять несоответствия, такие как предвзятость или необоснованные результаты, и предлагать меры для их исправления.

Подводя итог, можно сказать, что более низкая степень участия в процессе принятия решений, как правило, допускает меньшую прозрачность, поскольку пользователям легче предотвратить вред, изучив другие источники информации, прежде чем принять решение, и ожидается, что такая система законно участвует в коммерческих соглашениях разработчика. Иначе обстоит дело с системами, которые играют значительную роль в принятии решений человеком, например, на 2-м и 3-м уровнях автоматизации, поскольку недостатки прозрачности могут быть незаконными сами по себе, независимо от точности системы. Более того, пользователи должны быть полностью информированы о коммерческих соглашениях, связанных с этими системами, и в этих соглашениях должны соблюдаться строгие этические и правовые границы. Поэтому в этом втором сценарии максимальный уровень прозрачности обязателен.

Завершая этот раздел, стоит отметить, что регулирование должно быть направлено на соблюдение минимальных стандартов прозрачности на протяжении всего цикла разработки любой системы ИИ, чтобы облегчить оценку рисков и способствовать прозрачности по замыслу. С этим согласны большинство специалистов

задачу, и допускаем, что иногда она будет вести себя как невежественная машина с огромными слепыми зонами. <...> Иногда эти слепые зоны не имеют значения. Когда мы просим *Google Maps* подсказать дорогу, он моделирует мир как ряд дорог, туннелей и мостов. Он игнорирует здания, потому что они не имеют отношения к задаче» (O´Neil, 2016).

[60] Известно, что реальный мир настолько сложен, что бывают случаи, когда неверная подсказка голосового помощника может оказаться губительной. Однако такие случаи являются исключениями.

[61] Например, в 2022 г. в совместном отчете Университета Вашингтона, Калифорнийского университета в Дэвисе, Калифорнийского университета в Ирвине и Северо-восточного университета указывалось, что данные от голосового помощника *Alexa* незаконно передаются коммерческим партнерам *Amazon*, что противоречит американским законам о конфиденциальности. См. Tuohy, J. P. (2022, Apr. 28). Researchers find Amazon uses Alexa voice data to target you with ads. The Verge. https://www.theverge.com/2022/4/28/23047026/amazon-alexa-voice-data-targeted-ads-research-report.

[62] В нормативных актах о защите персональных данных по всему миру это положение обычно называется «правом на пересмотр автоматизированного принятия решений» или «правом на разъяснение». Например, ст. 22 Европейского общего регламента по защите данных от 2016 г. (GDPR – Regulation 2016/679); ст. 20 Закона Бразилии о защите данных от 2018 г. (LGPD – Federal Law № 13,709/2018); ст. 16 Закона Уругвая № 18,331 от 2008 г. и многих других. Упомянутое положение вызывает много споров. С одной стороны, специалисты отмечают, что оно не дает заинтересованному лицу права знать, как именно работает алгоритм, поскольку это противоречило бы правам интеллектуальной собственности владельца алгоритма: «Описание объяснений в статье 71 не содержит требования открыть „черный ящик“. Понимание внутренней логики алгоритмической системы принятия решений не требуется в явном виде» (Wachter et al., 2018). С другой стороны, некоторые авторы выступают за более широкое право на объяснение, особенно когда речь идет о государственных органах: «...важно, чтобы каждый из вовлеченных субъектов, как государственные органы, так и частные лица, участвующие в процедуре, могли знать механизм работы алгоритма, хотя и по разным причинам: для государственных органов необходимо понять, позволяет ли этот алгоритм законно и справедливо достичь целей, которые должны быть достигнуты с помощью административной процедуры; для гражданина полезно знать, как был сделан административный выбор, чтобы исключить возможность стать жертвой несправедливости с ущербом для основных прав» (Ferrari, 2020).

в юридической сфере. Автор считает, что эти стандарты не обязательно должны быть одинаковыми для всех видов систем. Напротив, для каждой системы требуется свой уровень прозрачности в каждом конкретном случае. Действительно, такие факторы, как различные способы предоставления продуктов и услуг на основе ИИ, цель использования каждой системы, различные уровни вмешательства ИИ в процесс принятия решений, уровень точности, неустранимые риски автоматизируемой деятельности и прозрачность, служат для оценки пригодности ИИ, позволяя сбалансировать интересы и ожидания. Среди этих параметров прозрачность является, несомненно, ключевым, но не единственным фактором.

4.3. Запрет на автономность ИИ или обязательность участия человека («оператор в контуре управления»)

Даже если система на основе ИИ достигает высокой точности и прозрачности, как в примерах, приведенных в разд. 4.1 и 4.2, существуют условия, в которых из-за юридических или социальных причин может быть наложен (посредством регулирования[63]) запрет на использование этой системы или как минимум введено требование, чтобы она обеспечивала возможность значимого вмешательства человека при необходимости отмены решения системы[64]. Полный запрет на использование ИИ в том или ином контексте называется запретом на автономность ИИ. Альтернативный вариант, когда использование системы разрешено при условии возможности значимого вмешательства человека, получил название «система с оператором в контуре управления» (*human in the loop*, *HITL*).

Запрет на автономность ИИ – радикальная мера, допустимая только в тех случаях, когда использование системы на базе ИИ по своей сути несовместимо с фундаментальными ценностями, т. е. система по своей природе противоречит правам человека, независимо от цели ее использования. Классический пример – смертоносное автономное оружие (*Lethal Autonomous Weapon*, *LAW*[65]), система третьего уровня для военных целей[66], например, беспилотник, ракета, транспортное средство или другой вид воплощенного ИИ[67], оснащенный оружием, который после активации сам начинает поиск цели и атакует, в итоге приводя к серьезным ранениям или смерти[68]. Именно такой ИИ больше всего напоминает «машины зла», изображенные в фильмах, подобных «Терминатору».

Хотя в научной литературе[69] нет единого мнения по этому вопросу, Министерство обороны США считает основным признаком автономного оружия способность после активации выбирать, отслеживать и поражать

---

[63] «…мы можем выделить два типа определений регулирования, которые пересекаются в разных дисциплинах, – основанное на сущности и основанное на модели. <…> Сущностное определение направлено на то, чтобы охватить минимальную сущность понятия. Это классическое определение в том смысле, что оно включает в себя только те элементы, без которых регулирование теряет свою идентичность <…>. Соответственно, регулирование можно определить как намеренное вмешательство в деятельность целевой группы населения. Вмешательство, о котором идет речь в этом определении, может быть прямым и/или косвенным, деятельность может быть экономической и/или неэкономической, регулятор может быть государственным или частным субъектом, а регулируемый субъект также может быть государственным или частным. <…> Наше определение, основанное на модели, не менее всеобъемлющее, чем определение, основанное на сущности, но оно дает представление о тех проявлениях, которые в основном интересуют исследователей регулирования и которые мы считаем более важными для концепции в целом. Мы придаем большее значение различиям и определяем регулирование как намеренное вмешательство в деятельность целевой группы населения, где вмешательство, как правило, является прямым (т. е. включает обязательное установление стандартов, мониторинг и санкции) и осуществляется субъектами государственного сектора в отношении экономической деятельности субъектов частного сектора» (Kopp & Lodge, 2015). См. также (Parentoni, 2020).

[64] Приблизительный перевод с португальского: «…даже если данная автономная система достигнет приемлемого уровня количества попаданий и промахов, будет ли этически законным делегировать определенные типы решений полностью автоматизированным системам, без соответствующего вмешательства человека?» (Wimmer & Doneda, 2021).

[65] Также известное как автономная система вооружений.

[66] В соответствии с классификацией, представленной в разд. 3.

[67] Согласно определению воплощенного ИИ, приведенному в разд. 1.

[68] «После первоначального запуска или активации человеком-оператором сама система вооружения с помощью своих сенсоров, программного обеспечения и оружия берет на себя функцию поиска цели, которая в противном случае контролировалась бы человеком. Это рабочее определение относится к любой системе вооружения, которая может самостоятельно выбирать и атаковать цели, включая некоторые существующие виды оружия и потенциальные будущие системы» (Davison, 2018).

[69] «Само понятие автономных систем вооружений не имеет четкого международного определения…» (Reeves et al., 2021). «В международном правовом и политическом сообществе существует множество определений автономных систем вооружений, однако государства не могут договориться об общем определении» (Cherry & Johnson, 2021).

цели без дальнейшего вмешательства человека[70]. В Китае был предложен более подробный список из пяти основных признаков:

«1) смертоносность, что означает достаточную мощность заряда и наличие средств для причинения смерти;

2) автономность, что означает отсутствие вмешательства и контроля со стороны человека в течение всего процесса выполнения задачи;

3) невозможность прекращения действия, означающая, что после запуска нет возможности остановить работу устройства;

4) неизбирательное действие, означающее, что устройство будет выполнять задачу по убийству и нанесению увечий независимо от условий, сценариев и целей;

5) эволюция, означающая, что благодаря взаимодействию с окружающей средой устройство может автономно обучаться, расширять свои функции и возможности таким образом, чтобы превзойти ожидания человека»[71].

Независимо от принятого определения, решающим здесь является тот факт, что решение о лишении жизни, даже во время войны, должно приниматься людьми, и только людьми. Этому есть как этические, так и юридические причины[72]. Поэтому смертоносное автономное оружие представляет пример системы, на которую должен распространяться запрет на автономность ИИ[73]. Специалисты в области гуманитарного права выступают за заключение международного договора о внесении поправок в Конвенцию ООН об обычных вооружениях, чтобы решить этот вопрос на глобальном уровне[74]. Общественные организации, такие как *Human Rights Watch*, также поддерживают это предложение[75].

Другие примеры автономности ИИ еще более спорны. Один из них – решение суда, подразумевающее, что судья-человек может быть полностью заменен системой ИИ, которая будет вести процесс и принимать все решения[76]. Lawrence Solum идет еще дальше, предлагая обсудить гипотетическое «право искусственного интеллекта»[77], т. е. правовую систему, управляемую ИИ. Учитывая, что в судебном процессе фигурируют субъективные по своей сути суждения и что прецедентное право должно создаваться людьми (а не машинами), мы считаем, что в этой области запрет на автономность ИИ оправдан.

Менее спорный пример относится к сфере здравоохранения – это автономные роботизированные операции, т. е. операции, полностью проводимые роботами, без значимого вмешательства человека. В этом контексте запрет на автономную работу ИИ имеет смысл, особенно когда показатели точности низки или когда нет

---

[70] The United States of America. Department of Defense – DoD Directive 3000.09. https://www.hsdl.org/?abstract&did=726163

[71] China. CCW/GGE.1/2018/WP.7. https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=CCW%2FGGE.1%2F2018%2FWP.7&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False

[72] «Защитники прав человека и специалисты в области компьютерных наук утверждают, что системы „оружия с оператором в контуре управления“ нарушают международное право, поскольку системы ИИ не могут адекватно учитывать нормы различения („которые требуют, чтобы вооруженные силы проводили различие между комбатантами и некомбатантами“) и пропорциональности» (Citron & Pasquale, 2014).

[73] При всем уважении автор выражает свое несогласие с лицами, которые поддерживают использование этих систем, например: «Я хочу определенно заявить <...>, что существует множество условий, при которых использование автономной системы вооружений уместно не только с рациональной и стратегической, но и с моральной точки зрения» (Macintosh, 2021).

[74] The United Nations. Background on LAWS in the CCW. https://www.un.org/disarmament/the-convention-on-certain-conventional-weapons/background-on-laws-in-the-ccw/

[75] «Большинство государств – участников Конвенции о негуманном оружии и движения „Остановить роботов-убийц“, глобальной коалиции гражданского общества, координируемой организацией *Human Rights Watch*, призывают к переговорам о юридически обязывающем документе, запрещающем или ограничивающем смертоносные автономные системы вооружений. Движение выступает за заключение соглашения, обеспечивающего значимый человеческий контроль над применением силы и запрещающего системы оружия, которые действуют без такого контроля» (They published a manifesto called “Stop Killer Robots”: Human Rights Watch. New Weapons, Proven Precedent – Elements of and Models for a Treaty on Killer Robots. https://www.hrw.org/report/2020/10/20/new-weapons-proven-precedent/elements-and-models-treaty-killer-robots).

[76] «В этом смысле ИИ будет обучен выполнению конкретной задачи по обеспечению принятия судебных решений» (Fortes et al., 2022).

[77] «В данной статье рассматривается серия мысленных экспериментов, которые постулируют существование „права на основе искусственного интеллекта“. Такая правовая система определяется как система, обладающая тремя функциональными возможностями: 1. Способность генерировать правовые нормы. 2. Способность применять генерируемые правовые нормы. 3. Способность использовать глубокое обучение для модификации генерируемых правовых норм. <...> Делегирование функции законотворчества искусственному интеллекту качественно отличается от любого известного мне в настоящее время использования искусственного интеллекта» (Solum, 2019).

достаточной прозрачности в отношении того, как работает система[78]. В данном исследовании не рассматриваются эти и другие возможные случаи запрета на автономность ИИ, поскольку они потребовали бы более глубокого анализа, выходящего за рамки нашего исследования.

Кратко описав контекст запрета на автономность ИИ, рассмотрим его главную альтернативу, известную как «система с оператором в контуре управления» (*human in the loop*, *HITL*).

Сегодня люди принимают непосредственное участие в создании самого алгоритма, т. е. в первоначальном программировании[79]. В этом смысле в контуре управления всегда будет присутствовать человек, поскольку, независимо от результата, полученного ИИ, ему будет предшествовать определенная деятельность человека. В данном исследовании *HITL* понимается иначе. По сути, *HITL* – это возможность человека наблюдать за системой ИИ, в любой момент приостановить работу системы или отменить ее решения. В этом и состоит обеспечение значимого вмешательства человека в работу системы во время или после ее функционирования[80]. Различают также аспект мониторинга – *human on the loop* – и аспект вмешательства – *human in the loop*[81]. Однако наиболее употребительное выражение, охватывающее оба значения, – «оператор в контуре управления» (*human in the loop*, *HITL*). В конечном счете важно то, что окончательное решение, когда это необходимо, остается за человеком.

Альтернативой запрета системы является ее использование при условии наличия *HITL*. Например, при принятии необратимых или труднообратимых решений, таких как прием на работу или увольнение сотрудника, поскольку здесь требуется сбалансировать факторы как объективные (экономическое положение компании, прогулы работника, производительность труда), так и субъективные (социальное окружение, семейное положение и состояние здоровья сотрудника и т. д.). Такой баланс требует «человеческого подхода» в принятии решения. Поэтому *HITL* является обязательным как по этическим, так и по юридическим причинам. Принятый в 1997 г. Международной организацией труда Кодекс практических мер по защите персональных данных работников предписывает, что прием или увольнение работников должны осуществляться только при условии значимого участия человека[82]. Недавно Комитет Совета Европы призвал страны-члены запретить использование систем распознавания лиц без должного участия человека[83].

Выше уже упоминалась роботизированная хирургия как возможный пример замены запрета автономности ИИ на *HITL*. Учитывая, что сбои в работе ИИ здесь чреваты трагическим исходом, как, например, в деле *Mracek vs Bryn Mawr Hospital*[84], осмысленное вмешательство человека может решить вопрос жизни и смерти. Поэтому регулирование должно предусматривать *HITL*, а не запрещать использование автономных хирургических роботов третьего уровня.

Третий пример *HITL* – область административных решений, т. е. решений, принимаемых органами государственного управления при осуществлении ими своих институциональных полномочий. Как известно, конституция многих стран требует, чтобы такого рода решения были направлены на удовлетворение обще-

---

[78] Как показано в разд. 4.1 и 4.2.

[79] По крайней мере, на некоторое время, пока эволюционные алгоритмы не будут способны развиваться самостоятельно.

[80] Несмотря на то, что для правильной работы HITL должна быть реализована согласно проекту.

[81] «При контролируемом автономном управлении, или “системе с оператором в контуре управления”, машина способна принимать решения и действовать самостоятельно, но пользователь может наблюдать за ее действиями и при необходимости останавливать их. Примером такой системы является контролируемая автономная роботизированная хирургия. При полной автономии система может принимать решения и действовать без вмешательства человека. Человек не находится в контуре управления, поскольку машина работает без обратной связи с пользователем. Примером полностью автономной системы является пылесос Roomba» (Cherry & Johnson, 2021).

[82] «5.5. Автоматизированные процессы не освобождают работодателя от необходимости ознакомиться со всеми данными, необходимыми для правильной оценки результатов. Таким образом, кодекс не поддерживает чисто механический процесс принятия решений, но делает выбор в пользу четко индивидуализированной оценки работников» (The International Labour Organization. Code of Practice on the Protection of Workers Personal Data. https://www.ilo.org/global/topics/safety-and-health-at-work/normative-instruments/code-of-practice/WCMS_107797/lang--en/index.htm).

[83] «Уровень вмешательства систем распознавания лиц и связанного с ним нарушения прав на неприкосновенность частной жизни и защиту данных будет варьироваться в зависимости от конкретной ситуации их использования, и будут случаи, когда национальное законодательство будет строго ограничивать или даже полностью запрещать его, если демократический процесс приведет к такому решению» (European Union. (2021, Jan. 28). Council of Europe. Consultative Committee of the Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data. Brussels. http://rm.coe.int/0900001680a134f3).

[84] Как описано в разд. 1.

ственных интересов и их принятие было обосновано государственным органом. Поэтому, даже если и возможно использовать искусственный интеллект для принятия решений, по-прежнему необходимо обеспечить участие человека, чтобы устранять сбои в системе, способные нанести ущерб гражданам или государственному управлению как таковому[85].

Четвертый, крайне спорный, пример – это модерация контента в социальных сетях, таких как *Facebook*, *Instagram* или *Twitter*[86]. Из-за большого объема данных эта модерация уже сейчас осуществляется на основе алгоритмов, в соответствии с условиями использования каждой платформы. Однако как должно происходить вмешательство человека в случае сбоя – например, когда блокируется легитимный контент? Эта тема обсуждается во всем мире и имеет явную политическую составляющую[87].

Еще один сбой произошел с транспортным приложением *Uber* в 2021 г. Чтобы проверить, является ли человек, пытающийся войти в систему, зарегистрированным водителем, компания использовала систему распознавания лиц, которая требовала отправить свое фото в режиме реального времени. Однако система не смогла распознать фотографии цветных людей. Только после вмешательства сотрудника *Uber* пострадавшие водители смогли войти в систему[88].

Наконец, существует область, где *HITL* уже активно используется, – это защита персональных данных[89]. Так, в соответствующем европейском регламенте (*GDPR*) этот вопрос рассматривается следующим образом:

> «Статья 22. Автоматизированное принятие индивидуальных решений, включая профилирование.
> 1. Субъект данных имеет право не подчиняться решению, основанному исключительно на автоматизированной обработке данных, включая профилирование, которое влечет за собой юридические последствия в отношении его или аналогичным образом существенно влияет на него.
> 2. Пункт 1 не применяется, если указанное решение:
> (a) необходимо для заключения или исполнения договора между субъектом данных и контролером данных;
> (b) санкционировано законодательством Европейского союза или государства-члена, которому подчиняется контролер и которое также устанавливает соответствующие меры по защите прав, свобод и законных интересов субъекта данных; или
> (c) основывается на явном согласии субъекта данных.
> 3. В случаях, указанных в пунктах (a) и (c) параграфа 2, контролер данных должен принять соответствующие меры для защиты прав, свобод и законных интересов субъекта данных, по меньшей мере, права на вмешательство человека-контролера, на выражение своей точки зрения и на оспаривание решения»[90].

Аналогичное положение содержится и в Директиве № 2016/680, касающейся «защиты физических лиц в отношении (...) предотвращения, расследования, обнаружения или преследования уголовных преступлений или исполнения уголовных наказаний»[91], а также в других нормативных актах.

---

[85] Более глубокое обсуждение ИИ в государственном секторе см. (Ferrari, 2020).

[86] *Facebook*, *Instagram* – соцсети, принадлежащие *Meta* – организации, признанной экстремистской, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации. *Twitter* – социальная сеть, заблокированная на территории Российской Федерации за распространение незаконной информации.

[87] Хорошим примером служит Наблюдательный совет *Facebook* (соцсеть принадлежит *Meta* – организации, признанной экстремистской, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.) Созданный в 2020 г., он объединяет известных международных экспертов с разным опытом работы и разными культурами. Его задача состоит в том, чтобы: «[использовать] свое независимое суждение для поддержки права людей на свободу выражения мнений и обеспечения надлежащего соблюдения этих прав. Решения совета о поддержке или отмене решений *Facebook* по контенту имеют обязательную силу, т. е. *Facebook* обязан их выполнять, если это не противоречит закону». См. подробнее: https://oversightboard.com/

[88] Некоторые профсоюзы Великобритании подали в суд на *Uber* за дискриминацию с помощью алгоритма. См.: https://www.business-humanrights.org/en/latest-news/uk-drivers-couriers-sue-uber-over-allegedly-racist-facial-recognition-checks/

[89] Приблизительный перевод с португальского: «...именно в области защиты персональных данных можно более четко проследить попытки внедрить элементы участия человека в автоматическое принятие решений» (Wimmer & Doneda, 2021).

[90] European Union. (2016, Apr. 27). European Parliament. Regulation nº 2016/679. Brussels. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1528874672298&uri=CELEX%3A32016R0679 . В Бразилии ст. 20 Закона о защите данных (Lei 13,709/2018, LGPD) содержит аналогичное положение. Однако в ходе законодательного процесса Конгресс убрал положение о «пересмотре физическим лицом», открыв возможность для обсуждения пересмотра автоматизированного решения программным обеспечением, без участия оператора в контуре управления.

[91] European Union. (2016, Apr. 27). European Parliament. Directive nº 2016/680. Brussels. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/PT/TXT/?uri=CELEX%3A32016L0680

Рассмотрев контекст понятия «система с оператором в контуре управления», прокомментируем различные точки зрения на него. С одной стороны, некоторые авторы указывают на то, что взаимодействие человека и машины имеет первостепенное значение для достижения максимального эффекта от ИИ[92], как, например, в приведенных ранее примерах. Во всех этих случаях обеспечение значимого вмешательства человека в работу системы имеет решающее значение для нахождения баланса между использованием ИИ и соблюдением базовых ценностей, охраняемых законом. С другой стороны, ученые предупреждают, что большой объем данных и скорость их обработки превосходят возможности человеческого мозга, что делает вмешательство человека медленным, неэффективным или даже невозможным[93]. По их мнению, *HITL* противоречит основной цели автоматизации с помощью ИИ – достижению более быстрых и качественных результатов, поскольку участие человека замедляет работу системы и снижает ее эффективность[94]. На самом деле обе линии рассуждений верны. За использование *HITL*, несомненно, приходится чем-то платить. Этот метод позволяет избежать запрета на автономность ИИ в определенных ситуациях. Поэтому он не должен быть обязательным для любой системы ИИ, независимо от контекста и цели ее использования. Как будет показано ниже, большинство систем должны быть полностью автоматизированы без *HITL*.

Действительно, и запрет на автономность ИИ, и «система с оператором в контуре управления» должны рассматриваться как исключения и быть ограничены системами, принимающими решения с высокими ставками или высокими рисками. Хотя люди иногда предпочитают, чтобы значимые для них решения принимал человек[95], стандартное использование ИИ наиболее эффективно при полной автоматизации[96]. Ralf Poscher так резюмирует это положение:

> «...Перенос внимания с абстрактной опасности на конкретное, материальное выражение основных прав человека позволяет обсудить пороговые значения. В аналоговом мире закон также не реагирует на каждый риск, возможный в современном обществе. Не каждый возможный риск превышает порог нарушения основных прав. В жизни существуют риски, которые юридически не являются значимыми. <...>
> Порог для рисков повседневной жизни существует в аналоговом мире и должен существовать и в цифровом мире. В нашем цифровом обществе мы должны осознать, что существует – и, вероятно, постоянно изменяется – порог повседневных цифровых рисков, которые не являются нарушением основных прав, даже при хранении или обработке персональных данных. Для технологий искусственного интеллекта это означает, что их разработка и внедрение могут оставаться ниже порога риска для повседневной цифровой жизни» (Poscher, 2021).

Исходя из вышесказанного, зададим следующий вопрос: каковы пороговые значения для того, чтобы система ИИ подчинялась оператору в контуре управления? В научной литературе нет единого мнения по этому

---

[92] «…создание совместных коллективов из людей и машин дает необычайные преимущества, примером чему могут служить победители открытых шахматных турниров. В целях оптимизации человеко-машинные системы следует воспринимать как социотехнические системы, которые используют вклад человека и социума в автоматизацию и наоборот. <...> Подобно тому, как люди работают с другими людьми (при поддержке автоматизированных и неавтоматизированных инструментов) для выполнения многочисленных задач и достижения различных целей в своей повседневной жизни, люди будут работать в обязательном содружестве с роботизированными и интеллектуальными системами. Участники таких циклов будут тесно взаимодействовать между собой» (Ambrose, 2014).

[93] «Многие считают, что лучший способ обеспечить честность или справедливость – это внедрить человека в процесс принятия решений, возможно, с правом вето, чтобы отменить решение неодушевленного сотрудника. Мы опасаемся, что если мы просто поставим человека на выходе работающей модели, он мало что сможет сделать для ликвидации предвзятости. Человек становится образцом для машины, и его участие может лишь замаскировать проблему. Возможно, есть более эффективные и продуктивные способы обеспечить человеческий надзор на других стадиях процесса» (Lehr & Ohm, 2017).

[94] «Устранение недостатков надлежащей правовой процедуры вряд ли будет заключаться в дополнительном человеческом участии, а скорее в улучшении алгоритмического дизайна» (Huq, 2020).

[95] См., например, D. E. Bambauer и M. Risch: «В исследованиях, включающих репрезентативные сценарии с различными ставками, выясняли, предпочитают ли люди, чтобы результат, влияющий на их благосостояние, определялся алгоритмом или человеком» (Bambauer & Risch, 2021).

[96] Эту точку зрения разделяют другие авторы: «Авторы предлагают рассматривать риск как качество, разграничивающее классы ИИ. <...> Нельзя требовать одинаковых мер регулирования для каждой категории, а некоторые приложения могут вообще не требовать мер регулирования на данном этапе. Принятие регулирующих мер может потребоваться только при повышении уровня риска приложения ИИ» (Guihot et al., 2017).

вопросу[97]. Мы считаем целесообразным решать этот вопрос отдельно в каждом конкретном случае, принимая во внимание следующее: 1) каков средний уровень риска системы ИИ, определенный с помощью надлежащей оценки риска (низкие или даже средние уровни должны быть исключены из *HITL*, если иное не рекомендовано при оценке риска); 2) поставит ли сбой в ИИ под угрозу фундаментальные ценности; 3) является ли решение системы обратимым или необратимым (или, по крайней мере, труднообратимым); 4) может ли определение «верного» или «неверного» решения быть закодировано математически или оно по своей сути субъективно (как, например, при моральных суждениях); 5) каковы общественные и экономические последствия ошибки.

Учитывая эти факторы в каждом конкретном случае, можно достичь баланса между технологическим развитием и инновациями, с одной стороны, и защитой прав человека и предотвращением системных рисков – с другой. Независимо от того, какие критерии используются для оценки необходимости запрета на автономность ИИ или использования *HITL*, крайне важно, чтобы регулирующие органы четко донесли принятые критерии до ключевых заинтересованных сторон, включая разработчиков, пользователей и исследователей.

5. Международная дискуссия по теме исследования

Глобальный ландшафт регулирования ИИ все еще представляет собой лоскутное одеяло инициатив, исходящих из огромного количества источников, таких как передовые страны, компании и международные организации[98]. В этом разделе мы рассмотрим ряд важных источников и покажем, что идеи, развиваемые в нашем исследовании, интересуют не одного лишь автора, а широко обсуждаются во всем мире. В рамках данной работы мы не предполагаем углубленно изучать какой-либо из этих источников, поскольку каждый из них потребовал бы отдельной статьи для полного анализа. Кроме того, существует множество других стран, заслуживающих изучения, таких как Китай, Великобритания, Австралия и Уругвай. Остановимся лишь на некоторых выбранных автором пунктах.

ОЭСР. Организация экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) опубликовала два важнейших документа: Принципы ИИ (май 2019 г.) и Рамочную программу классификации систем ИИ (2022 г.). Документ «Принципы ИИ»[99] считается основополагающим. Это первый межгосударственный нормативный документ в этой сфере, цель которого – установление «практичных и достаточно гибких стандартов для ИИ, чтобы выдержать испытание временем». Документ включает в себя пять принципов разработки и использования систем ИИ, основанных на ценностях и применяемых как в государственном, так и в частном секторе, независимо от вида ИИ, а также пять рекомендаций для выработки глобальной политики в данной области. Эти принципы таковы: «1) инклюзивный рост, устойчивое развитие и благосостояние; 2) человекоориентированные ценности и справедливость; 3) прозрачность и объяснимость; 4) надежность, безопасность и защищенность; 5) подотчетность». Данное исследование соответствует всем принципам ОЭСР, и обсуждаемые вопросы напрямую связаны с ними, особенно с принципами 3, 4 и 5.

Еще один источник, имеющий огромное значение, – это Рамочная программа классификации систем искусственного интеллекта, принятая в феврале 2022 г.[100] ОЭСР описывает ее как «ориентированный на пользователей основной документ для политиков, регуляторов, законодателей и других лиц для определения характеристик систем ИИ в конкретных проектах и контекстах». Рамочная программа увязывает характеристики систем ИИ с Принципами ИИ ОЭСР; указанные принципы являются первым набором стандартов ИИ, на который правительства обязуются опираться в процессе разработки политических мер, чтобы содействовать

[97] Например, ОЭСР рекомендовала следующие критерии: «Независимо от количества уровней риска и от того, какая организация их предлагает, типичными критериями для определения уровня риска приложения или системы ИИ являются следующие: масштаб, т. е. серьезность негативных последствий (и их вероятность); сфера, т. е. широта применения, например, количество людей, которые подвергаются или будут подвергаться его воздействию; факультативность, т. е. возможность выбора, подвергаться ли воздействию системы ИИ» (OECD. (2022, February 22). OECD Framework for the Classification of AI Systems. https://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/oecd-framework-for-the-classification-of-ai-systems_cb6d9eca-en).

[98] Например, ОЭСР ведет репозиторий, содержащий «более 700 политических инициатив в области ИИ из 60 стран» (OECD. (2021). National AI policies & strategies. https://oecd.ai/en/dashboards).

[99] Подробное описание каждого принципа см.: OECD. (2019, May). OECD AI Principles overview. https://oecd.ai/en/ai-principles

[100] OECD. (2022, February 22). OECD Framework for the Classification of AI Systems. https://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/oecd-framework-for-the-classification-of-ai-systems_cb6d9eca-en

инновационному и надежному использованию ИИ»[101]. Между Принципами 2019 г. и Рамочной программой 2022 г. заметна разница в масштабах. В то время как принципы остаются намеренно гибкими, чтобы охватить все виды ИИ (как и ожидалось от основополагающего документа), программа сосредоточивается на конкретных проектах и контекстах[102]. Эти контексты (обозначенные в документе как «направления») следующие: 1) люди и планета Земля; 2) экономический контекст; 3) исходные данные и информация; 4) модель ИИ; 5) задачи и результат. Кроме того, Рамочная программа может применяться как для разработок, так и на практике[103]. В ближайшем будущем ОЭСР планирует дополнить ее за счет анализа большого количества реальных систем и разработать систему показателей для оценки влияния этих документов на реализацию прав человека и благосостояние. Следующим шагом могло бы стать создание системы оценки рисков в соответствии с идеями, развитыми в разд. 5 данной статьи.

ЮНЕСКО. В ноябре 2021 г. Генеральная конференция ЮНЕСКО утвердила Рекомендацию по этике искусственного интеллекта[104], предложив ряд принципов, многие из которых совпадают с принципами ОЭСР, например, справедливость, прозрачность, объяснимость, безопасность и подотчетность. Кроме того, в документе рекомендуется проводить постоянную оценку рисков ИИ. Две части этой рекомендации особенно созвучны идеям, развиваемым в нашем исследовании. Во-первых, речь идет о балансе прозрачности и объяснимости, о поиске практических алгоритмов[105]. Во-вторых, несмотря на отсутствие термина «оператор в контуре управления», подобный механизм, по-видимому, рекомендован для внедрения[106].

Европейский союз. ЕС – один из самых плодотворных источников регулирования в сфере ИИ, поэтому здесь было бы уместно упомянуть многие из их инициатив, однако для краткости мы рассмотрим только две. В феврале 2020 г. был опубликован документ «Искусственный интеллект: Европейский подход к совершенству и доверию»[107]. В нем отмечается, что «нынешний и будущий устойчивый экономический рост Европы и благосостояние общества все больше опираются на ценности, создаваемые за счет информации»[108], а «ИИ является одним из наиболее важных приложений экономики данных»[109]. Цель документа – способствовать развитию и этическому использовании ИИ в рамках Евросоюза на общих основаниях, избежать фрагментации между государствами-членами и укрепить ЕС в качестве глобального лидера в экономике данных. Рекомендуется использовать существующую промышленную инфраструктуру и человеческие ресурсы, а также укреплять сотрудничество между государствами-членами для создания общей нормативной базы в области ИИ. В документе много точек соприкосновения с данным исследованием; упомянем три из них. Во-первых, в нем перечислены некоторые критерии оценки рисков ИИ, такие как ценности, риск использования систем,

---

[101] Там же, p. 6.

[102] Там же, p. 16. «Основная цель – охарактеризовать применение системы ИИ, развернутой в конкретном проекте и контексте, хотя некоторые аспекты относятся и к общим системам ИИ».

[103] Там же, p. 7. «Лабораторное использование ИИ относится к созданию и разработке системы ИИ до ее развертывания. Сюда включаются такие аспекты, как “Входные данные” (например, отбор данных), “Модель ИИ” (например, обучение исходной модели) и “Задачи и результаты” (например, задача персонализации). Это особенно актуально для подходов и требований к управлению рисками на начальном этапе. Полевая работа ИИ относится к использованию и развитию системы после развертывания и включает все аспекты. Сюда входят подходы и требования к управлению рисками по факту».

[104] «В Рекомендациях рассматриваются этические вопросы, связанные с ИИ. Этика ИИ рассматривается как целостная система взаимозависимых ценностей, принципов и действий, которыми могут руководствоваться общества в жизненном цикле систем ИИ, учитывая человеческое достоинство и благополучие в качестве ориентиров для ответственного подхода к известным и неизвестным воздействиям систем ИИ в их взаимодействии с людьми и окружающей средой» (UNESCO. (2021). UNESCO Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455).

[105] Там же, p. 17. «Осуществимость: многие алгоритмы ИИ все еще не поддаются объяснению; для других объяснимость создает значительные дополнительные расходы при реализации. Пока полная объяснимость не станет технически возможной с минимальным влиянием на функциональность, будет существовать компромисс между точностью/качеством системы и уровнем ее объяснимости».

[106] Там же, p. 9. «Возможно, иногда людям придется делить контроль с системами ИИ по соображениям эффективности, но решение об уступке контроля в ограниченных контекстах остается за людьми, поскольку системы ИИ должны исследоваться, проектироваться, разрабатываться, внедряться и использоваться для помощи людям в принятии решений и действиях, но никогда не заменять собой конечную ответственность человека».

[107] European Union. (2020, February 19). White Paper on Artificial Intelligence: A European approach to excellence and trust. https://ec.europa.eu/info/publications/white-paper-artificial-intelligence-european-approach-excellence-and-trust_en

[108] Там же, p. 1.

[109] Там же.

защита потребителей, персональных данных и других основных прав[110]. Во-вторых, в нем подчеркивается, что конкретная цель использования каждой системы имеет решающее значение для определения ожидаемого показателя точности[111]. Подчеркивается, что в некоторых случаях, например в ситуациях с высоким риском или способных нанести вред, приемлемы низкие показатели точности. В-третьих, рекомендуется обязательное участие человека в контуре управления для ИИ с высоким уровнем риска, тогда как приложения со средним и низким уровнями риска остаются вне сферы действия этой нормы[112]. Эти три аспекта полностью совпадают с предложениями нашего исследования.

Основываясь на идеях указанного документа и после широких консультаций с государствами-членами, гражданским обществом, компаниями, работающими в сфере ИИ, учеными, практиками и другими ключевыми заинтересованными сторонами[113], в апреле 2021 г. ЕС опубликовал предложение гармонизированных правил в области искусственного интеллекта под названием «Акт об искусственном интеллекте» («Акт об ИИ») [114], в который в июне 2023 г. были внесены поправки Европейского парламента. В настоящее время это основная инициатива ЕС в области регулирования ИИ, хотя до вступления в силу нового закона еще необходимо предпринять ряд шагов.

Некоторые положения данного закона вызывают немало споров. Например, не определены ситуации с генеративными системами ИИ, такими как *ChatGPT* от *Open AI*, *Bard* от *Google* или *Llama*[115] от *Meta*[116], с запретом на использование систем распознавания лиц в общественных местах[117] или предполагаемыми негативными последствиями для инновационной деятельности и конкуренции в ЕС[118]. Существуют и другие проблемы, однако их углубленный разбор выходит за рамки данного исследования.

Достаточно отметить, что в законе используется подход, основанный на оценке рисков, и рассмотрены многие аспекты, содержащиеся в нашем исследовании. Во-первых, в законе сделана попытка найти баланс между рыночными инновациями и защитой основных прав[119]. Во-вторых, предусмотрены обязательные требования и предварительные меры, ориентированные на системы с высоким уровнем риска, но исключающие системы со средним и низким уровнями риска[120]. В-третьих, в разделе «Запрещенные практики искусственного интеллекта» вводится запрет на автономность ИИ для некоторых систем, таких как кредитный рейтинг в государственном секторе или правоохранительная деятельность на основе дистанционной биометрии в ре-

---

[110] Там же, p. 17

[111] Там же, p. 20. «Обеспечение предоставления четкой информации о возможностях и ограничениях системы ИИ, в частности, о цели, для которой предназначены системы, условиях, при которых они будут функционировать так, как задумано, и ожидаемом уровне точности в достижении указанной цели».

[112] Там же, p. 21. «Человеческий надзор помогает гарантировать, что система ИИ не подорвет автономность человека и не вызовет других негативных последствий. Цель создания надежного, этичного и ориентированного на человека ИИ может быть достигнута только путем обеспечения надлежащего участия людей в работе с высокорискованными приложениями ИИ».

[113]«С 19 февраля по 14 июня 2020 г. проходили онлайн-консультации по Белой книге по искусственному интеллекту, в ходе которых приняли участие 1215 представителей самых разных заинтересованных сторон (граждане – 33 %, бизнес и промышленность – 29 %, гражданское общество – 13 %, научные круги – 13 %, органы государственной власти – 6 %; 84 % материалов поступило из государств-членов, остальные – из-за пределов ЕС)» (Hubert, D. (2021). Initial Appraisal of a European Commission Impact Assessment. https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_BRI(2021)694212).

[114] European Union. (2021, April 21). Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain Union legislative acts. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021PC0206

[115] Volpicelli, G. (2023, Mar. 3). ChatGPT broke the EU plan to regulate AI. Politico. https://www.politico.eu/article/eu-plan-regulate-chatgpt-openai-artificial-intelligence-act/

[116] Организация признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

[117] Volpicelli, G. (2023, Jun. 14). Forget ChatGPT: Facial recognition emerges as AI rulebook's make-or-break issue. Politico. https://www.politico.eu/article/facial-recognition-artificial-intelligence-act-ai-issue-european-parliament/?mc_cid=0debf02283&mc_eid=8af43a1913

[118] Weatherbed, J. (2023, Jun. 30). European companies claim the EU's AI Act could 'jeopardise technological sovereignty'. The Verge. https://www.theverge.com/2023/6/30/23779611/eu-ai-act-open-letter-artificial-intelligence-regulation-renault-siemens

[119] Там же, p. 3. «…данное предложение основано на сбалансированном и пропорциональном горизонтальном подходе к регулированию ИИ, который ограничивается минимально необходимыми требованиями для решения рисков и проблем, связанных с ИИ, без неоправданного сдерживания или препятствования технологическому развитию или иного непропорционального увеличения стоимости вывода решений в области ИИ на рынок».

[120] Там же.

альном времени в общественных местах, в связи с «неприемлемым уровнем риска»[121]. В-четвертых, в законе подчеркивается, что цели использования каждой системы и способ ее развертывания являются ключевыми факторами для оценки риска[122], как это подробно описано в разд. 2 и 5 нашего исследования. Наконец, в законе указано, что могут возникать различные проблемы в зависимости от степени участия ИИ в процессе принятия решений человеком, как мы описываем в разд. 4.

Соединенные Штаты Америки. Являясь одной из ведущих стран в области исследований и разработок ИИ, США представляют собой обширный источник нормативных инициатив. В данной статье мы рассмотрим законопроект Сената под названием «Закон о подотчетности алгоритмов» (*Algorithmic Accountability Act*)[123], предложенный в апреле 2019 г. и обновленный в феврале 2022 г. В целом он «требует от компаний оценивать воздействие автоматизированных систем, которые они используют и продают, создает условия прозрачности в отношении того, когда и как используются автоматизированные системы, и дает потребителям возможность делать осознанный выбор в отношении автоматизации принятия важных решений»[124]. Как и другие акты, упомянутые выше, Закон о подотчетности алгоритмов также фокусируется на системах высокого риска и недвусмысленно исключает малые и средние компании, поскольку он распространяется на компании со среднегодовой валовой выручкой более 50 млн долларов США, размером акционерного капитала более 250 млн долларов США или работающие с идентифицирующей информацией о более чем миллионе человек или устройств[125]. Одним из наиболее спорных аспектов законопроекта является его возможное влияние на модерацию контента в социальных сетях, о чем кратко говорится в разд. 5.3 нашего исследования.

Бразилия. Хотя Бразилия не является ведущим игроком в области ИИ, эта тема в настоящее время актуальна в этой стране, и некоторые местные источники заслуживают упоминания. Первые серьезные усилия можно проследить на примере бразильской Стратегии цифровой трансформации (*E-Digital*)[126] от марта 2018 г., которая была направлена на гармонизацию и координацию правительственных проектов по цифровым вопросам в целом. Хотя в *E-Digital* не упоминается ИИ, в нем заложена основа для будущих инициатив.

После выхода *E-Digital* в Бразилии мало что происходило с политикой в области ИИ, пока в сентябре и октябре 2019 г. в Сенат не были представлены два законопроекта. Они соответствовали международным стандартам, таким как Принципы ОЭСР, и касались всех видов ИИ, независимо от сектора экономики, а также от того, используется ли система государственными или частными структурами. По совпадению, оба документа состояли всего из семи статей, т. е. были гораздо короче, чем обычные бразильские законодательные акты. Предполагалось, что они должны дополнять друг друга. Законопроект 5051/2019[127] определял принципы разработки и использования ИИ, а в законопроекте 5691/2019[128] предлагалась национальная стратегия в этой области. Из-за недостаточной технической и политической поддержки[129] они были быстро заменены другим законодательным предложением, о котором речь пойдет ниже.

В Палату депутатов 4 февраля 2020 г. был представлен Законопроект 21/2020[130], более подробный и технически более обоснованный, чем законопроекты Сената, и направленный на их замену. Он в целом соответствует мировым стандартам, предусматривая, что использование ИИ должно основываться на уважении прав человека и демократических ценностей, равенстве, недискриминации, плюрализме, прозрачности, автономии и конфиденциальности данных. Законопроект 21/2020 также вводит обязательную оценку влияния

---

[121] Там же, p. 12.

[122] Там же, p. 13. «…отнесение к категории высокого риска зависит не только от функции, выполняемой системой искусственного интеллекта, но и от конкретной цели и условий, в которых эта система используется».

[123] The United States of America. (2022). Senate – The Algorithmic Accountability Act. https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/6580/text?r=2&s=1

[124] Из резюме законопроекта Сената.

[125] Там же, p. 3.

[126] Presidency of the Republic. (2018, March). Decree № 9319/2018. http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2015-2018/2018/decreto/D9319.htm

[127] Federal Senate. (2019). Senate Bill № 5051/2019. https://www25.senado.leg.br/web/atividade/materias/-/materia/138790

[128] Federal Senate. (2019). Senate Bill № 5691/2019. https://www25.senado.leg.br/web/atividade/materias/-/materia/139586

[129] Для детального анализа Закона 5051/2019 см. (Parentoni et al., 2020).

[130] Federal Senate. (2020). Chamber of Deputies Bill PL 21/2020. https://www.camara.leg.br/proposicoesWeb/fichadetramitacao?idProposicao=2236340

ИИ. Однако он имеет три серьезных недостатка. Во-первых, в нем не используется подход, основанный на оценке рисков, как в упомянутых выше международных источниках. Во-вторых, законопроект не исключает ответственности малых и средних предприятий, что могло бы стимулировать инновации. В-третьих, в нем недостаточно разграничены два типа агентов ИИ – «разработчики» и «операторы». К первым относятся организации, задействованные в планировании, проектировании, сборе и обработке данных и создании модели ИИ, а также в ее проверке и валидации, а ко вторым – организации, участвующие в мониторинге и эксплуатации систем ИИ. Поскольку законопроект устанавливает различные правила ответственности для каждого типа агентов, их точное определение крайне важно.

При этом исполнительная власть попыталась вернуть себе ведущую роль в управлении ИИ, воспользовавшись задержкой в законодательном процессе и разработав собственную стратегию, которая была опубликована в апреле 2021 г. Бразильская стратегия в области ИИ[131] включает в себя девять основных направлений, которые сгруппированы по трем горизонтальным и шести вертикальным осям. К трем горизонтальным (или тематическим) осям относятся: (*i*) законодательство, регулирование и этическое использование; (*ii*) управление ИИ и (*iii*) международные аспекты. Шесть вертикальных (или прикладных) осей следующие: (*i*) образование; (*ii*) рабочая сила и обучение; (*iii*) НИОКР и предпринимательство; (*iv*) применение в производственных секторах; (*v*) применение в правительстве и (*vi*) общественная безопасность. Основная критика заключается в том, что стратегия слишком абстрактна, вплоть до невозможности ее применения для выработки практических мер.

На основе этих инициатив в мае 2023 г. был представлен законопроект Сената 2338/2023[132], который в настоящее время является основным предложением Бразилии в этой области. Этот законопроект в значительной степени основан на Законе ЕС об искусственном интеллекте[133], в котором применяется подход оценки рисков (ст. 13, 18 и 20). Он содержит некоторые моменты, рассмотренные в данном исследовании, например, обязательное участие человека в принятии решений ИИ, которые могут привести к «значимым юридическим последствиям» или «существенно затронуть интересы человека», если вмешательство человека не является «невозможным» (ст. 10). В нем также предусматриваются максимальные показатели точности и прозрачности, доступные для медицинских приложений ИИ, учитывая связанные с ними риски и возможность ущемления основных прав в случае сбоя в работе (ст. 17, IX). Кроме того, сенатский законопроект вводит обязательную оценку воздействия ИИ, что соответствует нормам США и ЕС.

Однако в сенатском законопроекте заложен ошибочный подход о том, что системы ИИ всегда должны обеспечивать высокую точность и прозрачность, во много раз превышающую человеческие стандарты, независимо от контекста. Он просто не признает множество ситуаций, описанных в данном исследовании, в которых более низкие показатели не только оправданы, но и необходимы.

Итак, обзор некоторых важных глобальных инициатив по регулированию ИИ показывает, что положения, разработанные в рамках данного исследования, не являются лишь частным мнением автора, но находят подтверждение в многочисленных международных источниках.

Заключение

Как мы видим, существует несоответствие между тем, что ИИ в настоящее время может дать человечеству, и тем, что некоторые ожидают от него. В связи с этим возникает главный вопрос данного исследования: чего мы должны ожидать от ИИ? Автор попытался дать научный и обоснованный ответ на этот вопрос, который должен способствовать пересмотру ожиданий в отношении систем ИИ как в науке, так и в практике, учитывая их текущее развитие.

---

[131] Administrative Rule 4,617/2021. (2021). PORTARIA GM Nº 4.617, DE 6 DE ABRIL DE 2021 (*) – DOU – Imprensa Nacional. Portal da Imprensa Nacional do Brasil. Diário Oficial da União. https://www.in.gov.br/en/web/dou/-/portaria-gm-n-4.617-de-6-de-abril-de-2021-*-313212172

[132] Federal Senate. (2023). Senate Bill № 2338/2023. https://www25.senado.leg.br/web/atividade/materias/-/materia/157233

[133] Настолько, что определение системы искусственного интеллекта в законопроекте частично копирует первую версию Закона ЕС об искусственном интеллекте.

Чтобы ответить на этот вопрос, в данном исследовании был проведен систематический анализ ряда ключевых факторов. Во-первых, это то, что ИИ не представляет собой единую концепцию. Напротив, он охватывает широкий спектр приложений в различных секторах рынка и основан на огромном количестве методов и моделей, используемых для самых разных целей. Поэтому оценка должна производиться в каждом конкретном случае с учетом конкретной системы и стратегии разработчиков и ретейлеров по ее внедрению на рынок. Ведь разные цели и стратегии могут быть связаны с разными видами рисков. Во-вторых, при оценке необходимо определить степень участия ИИ в процессе принятия решений человеком, поскольку каждый уровень создает различные проблемы и риски. Для этого автор предлагает трехуровневую категоризацию в качестве инструмента для оценки большинства ситуаций.

В исследовании также рассматриваются три основных критерия оценки системы ИИ: 1) уровень точности; 2) уровень прозрачности/объяснимости и 3) особые ситуации вмешательства регулятора, чтобы запретить использование некоторых систем из-за неприемлемых рисков (запрет на автономность ИИ) или, по крайней мере, предусмотреть участие человека, способного при необходимости отменить решение системы (оператор в контуре управления). При этом очевидно, что эти критерии должны оцениваться совместно, поскольку они противоречат друг другу. Мы также подчеркиваем, что чрезмерный акцент только на одном из них (обычно на точности или прозрачности) может не только поставить под угрозу инновации, но и снизить конкурентоспособность и благосостояние, о чем свидетельствуют упомянутые в тексте примеры, признанные также ОЭСР и другими международными источниками.

Наконец, понимая, что ИИ постоянно меняется и развивается, в данном исследовании мы попытались представить более абстрактные и проверенные временем критерии, позволяющие определить, чего следует ожидать от ИИ в каждом контексте. Безусловно, в этой области есть место для дальнейших разработок, и наше исследование вносит свой вклад в обсуждение этой актуальной темы.

Список литературы / References

Ambrose, M. L. (2014). Regulating the Loop: Ironies of Automation Law. In *WeRobot 2014*. Miami: University of Miami. https://perma.cc/E9KL-CSNK

Arrieta, A. B., Díaz-Rodríguez, N., Del Ser, J., Bennetot, A., Tabik, S., Barbado, A., García, S., Gil-López, S., Molina, D., Benjamins, R., Chatila, R., & Herrera F. (2020). Explainable Artificial Intelligence (XAI): Concepts, Taxonomies, Opportunities and Challenges toward Responsible AI. *Information Fusion*, *58*, 82–115. https://doi.org/10.1016/j.inffus.2019.12.012

Balkin, J. M. (2017). The Three Laws of Robotics in the Age of Big Data. *Yale Law School Research Paper*, *592*, 01–28.

Bambauer, D. E., & Risch, M. (2021). Worse Than Human? *Arizona State Law Journal*, *53*(4), 1091–1151. https://ssrn.com/abstract=3897126

Benkler, Y. (2019, May). Don't let industry write the rules for AI. *Nature*, 569, 01. https://doi.org/10.1038/d41586-019-01413-1

Black, Ju., & Murray, A. (2019). Regulating AI and Machine Learning: Setting the Regulatory Agenda. *European Journal of Law and Technology – EJLT*, *10*(3), 1–21. https://www.ejlt.org/index.php/ejlt/article/view/722

Box, G. E. P. (1979). Robustness in the strategy of scientific model building. In *Robustness in Scientific Model Building* (pp. 201–236). Academic Press, Inc. https://gwern.net/doc/statistics/decision/1979-box.pdf

Brynjolfsson, E., & McAfee, A. (2016). *The Second Machine Age*: *Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*. New York: Norton & Company, 2016. https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/4312922/mod_resource/content/2/Erik%20-%20The%20Second%20Machine%20Age.pdf

Burk, Dan L. (2020, February 13). Algorithmic Legal Metrics. *Notre Dame Law Review*. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3537337

Calo, R. (2017). Artificial Intelligence Policy: A Primer and Roadmap. *University of Washington Research Paper*, 01–28. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3015350

Cansian, A. C. de M. (2022). *Aspectos Jurídicos Relevantes da Internet das Coisas (IoT): Segurança e Proteção de Dados*. Tese (Doutorado). Universidade de São Paulo, São Paulo. (In Portuguese).

Cao, Sean S., Jiang, Wei, Wang, Junbo L., & Yang, Baozhong. (2021, May). From Man vs. Machine to Man Machine: The Art and AI of Stock Analyses. *Columbia Business School Research Paper*. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3840538

Cardoso, R. L., Meira Jr, W., Almeida, V., & Zaki, M. J. (2019). A Framework for Benchmarking Discrimination-Aware Models in Machine Learning. In *AAAI/ACM Conference on AI, Ethics, and Society (AIES '19), January 27–28, 2019, Honolulu, HI, USA* (pp. 437–444). ACM, New York, NY, USA. https://doi.org/10.1145/3306618.3314262

Cath, C., Wachter, S., Mittelstadt, B., Taddeo, M., & Floridi, L. (2018). Artificial Intelligence and the 'Good Society': the US, EU, and UK approach. *Science and Engineering Ethics*, *24*(2), 505–528. https://doi.org/10.1007/s11948-017-9901-7

Cherry, J., & Johnson, D. (2021). Maintaining command and control (C2) of lethal autonomous weapon Systems: Legal and policy considerations. *Southwestern Journal of International Law*, *27*(1), 1–27. https://www.swlaw.edu/sites/default/files/2021-03/1.%20Cherry%20%5Bp.1-27%5D.pdf

Citron, D. K., & Pasquale, F. A. (2014). The Scored Society: Due Process for Automated Predictions. *University of Maryland School of Law Research Paper*, 2014-8, 01–34. https://ssrn.com/abstract=2376209

Damasio, A. (2010). *Self Comes to Mind*: *Constructing the Conscious Brain*. New York: Pantheon.

Darling, K. (2012). Extending Legal Protection to Social Robots: The effects of anthropomorphism, empathy, and violent behavior towards robotic objects. In *WeRobot 2012*. Miami: University of Miami. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2044797

Davison, N. (2018). A legal perspective: Autonomous weapon systems under international humanitarian law. *UNODA Occasional Papers*, 30, 01–14. https://doi.org/10.18356/29a571ba-en

Dreyfus, H. L. (1965). Alchemy and Artificial Intelligence. *Rand Corporation Report Papers*, 01-90.

Edwards, L., & Veale, M. (2017). Slave to the Algorithm? Why a 'Right to an Explanation' is probably not the remedy you are looking for. *Duke Law & Technology Review*, *16*(01), 18–84. https://doi.org/10.31228/osf.io/97upg

Ferrari, M. (2020). L'uso degli algoritmi nella attività amministrativa discrezionale. *Il Diritto Degli Affari*, 1, 58–82. (In Portuguese). https://hdl.handle.net/10281/272405

Fortes, P. R. B., Baquero, P. M., & Amariles, D. R. (2022). Artificial Intelligence Risks and Algorithmic Regulation. *European Journal of Risk Regulation*, *13*(3), 357–372. https://doi.org/10.1017/err.2022.14

Fügener, A., Grahl, J., Gupta, A., & Ketter, W. (2021). Will humans-in-the-loop become borgs? Merits and pitfalls of working with AI. *Management Information Systems Quarterly – MISQ*, *45*(3), 1527–1556. https://doi.org/10.25300/misq/2021/16553

Gardner, H. (1999). *Intelligence Reframed: Multiple Intelligences for the 21st Century*. New York: Basic Books.

Guihot, M., Matthew, A. F., & Suzor, N. P. (2017). Nudging robots: Innovative solutions to regulate artificial intelligence. *Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law*, *20*(2), 385–456. https://doi.org/10.31228/osf.io/5at2f

Harari, Yu. N. (2016). *Homo Deus: A Brief History of Tomorrow*. New York: Harper Collins.

Huq, A. Z. (2020). Constitutional Rights in the Machine-Learning State. *Cornell Law Review*, *105*(7), 1875–1954. https://doi.org/10.2139/ssrn.3613282

Jain, A. K., Ross, A. A., & Nandakumar, K. (2011). *Introduction to Biometrics*. New York: Springer. https://doi.org/10.1007/978-0-387-77326-1

Kaplan, J. (2016). *Artificial Intelligence: What everyone needs to know*. Oxford: Oxford University Press.

Kleinberg, J., Ludwig, J., Mullainathan, S., & Sunstein, C. R. (2018). Discrimination in the Age of Algorithms. *Journal of Legal Analysis*, *10*(1), 113–174. https://doi.org/10.1093/jla/laz001

Kopp, Ch., & Lodge, M. (2015). What is regulation? An interdisciplinary concept analysis. *Regulation & Governance*, *11*(1), 1–43. https://doi.org/10.1111/rego.12094

La Diega Guido Noto. (2018). Against the Dehumanisation of Decision-Making: Algorithmic Decisions at the Crossroads of Intellectual Property, Data Protection, and Freedom of Information. *Journal of Intellectual Property, Information Technology and Electronic Commerce Law – JIPITEC*, *9*(1), 3–34. https://doi.org/10.31228/osf.io/s2jnk

Lapuschkin, S., Wäldchen, S., Binder, A., Montavon, G., Samek, W., & Müller, K.-R. (2019). Unmasking Clever Hans predictors and assessing what machines really learn. *Nature Communications*, *10*, 1–9. https://doi.org/10.1038/s41467-019-08987-4

Lehr, D., & Ohm, P. (2017). Playing with the Data: What Legal Scholars Should Learn About Machine Learning. *University of California Davis Law Review*, *51*(2), 653–717. https://lawreview.law.ucdavis.edu/sites/g/files/dgvnsk15026/files/media/documents/51-2_Lehr_Ohm.pdf

Lima, C. R. P. de. (2020). *Sistemas de Responsabilidade Civil para Carros Autônomos*. 2020. 422 f. Tese – Faculdade de Direito. Universidade de São Paulo, Ribeirão Preto.

Lima, F. G. M. De, Medeiros, F. L. L., & Passaro, A. (2021). Decision Support System for Unmanned Combat Air Vehicle in Beyond Visual Range Air Combat Based on Artificial Neural Networks. *Journal of Aerospace Technology and Management*, *13*, 1–18. https://doi.org/10.1590/jatm.v13.1228

Lopez, T. A. (2010). *Princípio da Precaução e Evolução da Responsabilidade Civil*. São Paulo: Quartier Latin.

Macintosh, D. (2021). Fire and Forget: A Moral Defense of the Use of Autonomous Weapons in War and Peace. In J. Galliott, D. Macintosh, J. D. Ohlin (Eds.), *Lethal Autonomous Weapons: Re-Examining the Law and Ethics of Robotic Warfare* (pp. 9–23). Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oso/9780197546048.003.0002

Moravec, H. (1999). *Robot: Mere Machine to Transcendent Mind*. Oxford: Oxford University Press.

Nicolelis, M. A. L., & Cicurel, R. (2015). *The Relativistic Brain: How it Works and why it cannot be simulated by a Turing Machine*. Montreux: Kios Press.

Nilsson, N. J. (2010). *The Quest for Artificial Intelligence: A History of Ideas and Achievements*. Cambridge: Cambridge University Press. https://ai.stanford.edu/~nilsson/QAI/qai.pdf

Nissenbaum, H. (2001). How Computer Systems Embody Values. *Computer*, *34*(3), 118–120. https://doi.org/10.1109/2.910905

Nistal-Nuño, B. (2021). Artificial intelligence forecasting mortality at an intensive care unit and comparison to a logistic regression system. *Einstein*, *19*, 1–8. https://doi.org/10.31744/einstein_journal/2021ao6283

Nolfi, St. (2021). *Behavioral and Cognitive Robotics: An adaptive perspective*. https://www.researchgate.net/publication/351093674_Behavioral_and_Cognitive_Robotics_An_Adaptive_Perspective

O´Neil, C. (2016). *Weapons of Math Destruction*. New York: Crown.

O'Flaherty, M. (2020). Facial Recognition Technology and Fundamental Rights. *European Data Protection Law Review*, *6*(2), 170–173. https://doi.org/10.21552/edpl/2020/2/4

Parentoni, L. (2022). What Should we Reasonably Expect from Artificial Intelligence? *Il Diritto Degli Affari*, 2, 179. https://www.ildirittodegliaffari.it/articolo/123

Parentoni, L. (2020). Artificial Intelligence. In M. Sellers, S. Kirste et al. (Eds.). *Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy*. Dordrecht: Springer. https://doi.org/10.1007/978-94-007-6730-0_745-1

Parentoni, L., Valentini, R. S., & Alves, T. C. O. (2020). Panorama da Regulação da Inteligência Artificial no Brasil: com ênfase no PLS n. 5.051/2019. *Revista Eletrônica do Curso de Direito UFSM. Santa Maria: Universidade Federal de Santa Maria – UFSM*, *15*(2), 1–29, ago. 2020. https://doi.org/10.5902/1981369443730

Pasquale, F. (2015). *The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information*. Cambridge: Harvard University Press. https://doi.org/10.4159/harvard.9780674736061

Poscher, R. (2022). Artificial Intelligence and the Right to Data Protection. In S. Voeneky, Ph. Kellmeyer, O. Mueller, & W. Burgard (Eds.), *The Cambridge Handbook of Responsible Artificial Intelligence. Interdisciplinary Perspectives* (pp. 281–289). Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/9781009207898.022

Rahwan, I., Cebrian, M., Obradovich, N., Bongard, J., Bonnefon, J.-F., Breazeal, C., Crandall, J. W., Christakis, N. A., Couzin, I. D., Jackson, M. O., Jennings, N. R., Kamar, E., Kloumann, I. M., Larochelle, H., Lazer, D., McElreath, R., Mislove, A., Parkes, D. C., Pentland, A. 'Sandy' … Wellman, M. (2019). Machine behaviour. *Nature*, *568*, 477–486. https://doi.org/10.1038/s41586-019-1138-y

Reeves, Sh. R., Alcala, R. T. P., & McCarthy, Amy. (2021). Challenges in regulating lethal autonomous weapons under international law. *Southwestern Journal of International Law*, *27*(1), 101–118.

Rudin, C. (2019). Stop explaining black box machine learning models for high stakes decisions and use interpretable models instead. *Nature Machine Intelligence*, *1*, 206–215. https://doi.org/10.1038/s42256-019-0048-x

Russell, S. J., & Norvig, P. (2010). *Artificial Intelligence*: *A Modern Approach* (3d ed.). New Jersey: Prentice-Hall. https://people.engr.tamu.edu/guni/csce421/files/AI_Russell_Norvig.pdf

Russell, S. J., & Norvig, P. (2022). *Artificial Intelligence: A Modern Approach*. (4th ed.). London: Pearson.

Santos, M. K., Júnior J. R. F., Wada, D. T., Tenório, A. P. M., Nogueira-Barbosa, M. H., & Marques, P. M. de Azevedo. (2019). Artificial intelligence, machine learning, computer-aided diagnosis, and radiomics: advances in imaging towards to precision medicine. *Radiologia Brasileira*, *52*(6), 387–396. https://doi.org/10.1590/0100-3984.2019.0049

Scherer, M. U. (2016). Regulating Artificial Intelligence Systems: Risks, Challenges, Competencies and Strategies. *Harvard Journal of Law & Technology*, *29*(2), 353–400. Spring. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2609777

Schikowski, A. B., Corte, A. P. D., Ruza, M. S., Sanquetta, C. R., & Montaño, R. A. N. R. (2018). Modeling of stem form and volume through machine learning. *Anais da Academia Brasileira de Ciências*, *90*(4), 3389–3401. (In Portuguese). https://doi.org/10.1590/0001-3765201820170569

Solum, L. B. (2019). Artificially Intelligent Law. *BioLaw Journal*, 1. https://doi.org/10.15168/2284-4503-351

Vijipriya, J., Ashok, J., & Suppiah, S. (2016). A Review on Significance of Sub Fields in Artificial Intelligence. *International Journal of Latest Trends in Engineering and Technology – IJLTET*, *6*(3), 542–548. https://www.ijltet.org/journal/86.pdf

Wachter, S., Mittelstadt, B., & Russell, Ch. (2018). Counterfactual Explanations without Opening the Black Box: Automated Decisions and the GDPR. *Harvard Journal of Law & Technology*, *31*(2), 841–887. https://doi.org/10.2139/ssrn.3063289

Wagner, Meira J., & Zaki, M. J. (2020). *Data Mining and Machine Learning*: *Fundamental Concepts and Algorithms*. (2d ed.). Cambridge: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/9781108564175

Wimmer, M., & Doneda, D. (2021). "Falhas de IA" e a Intervenção Humana em Decisões Automatizadas: Parâmetros para a Legitimação pela Humanização. *Revista Direito Público*, *18*(100), 374–406. (In Portuguese). https://doi.org/10.11117/rdp.v18i100.6119

Woodrow, B. (2015). *Cyber-Humans*: *Our Future with Machines*. New York: Springer.

Yin, Ming, Vaughan, J. W., & Wallach, H. (2019). Understanding the Effect of Accuracy on Trust in Machine Learning Models. In *CHI Conference on Human Factors in Computing Systems Proceedings (CHI 2019), May 4–9, 2019, Glasgow, Scotland.*

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 01.12.2023
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 14.01.2024
Дата принятия в печать / Accepted 15.01.2024

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.246-263**
УДК УДК 347.9:340.13:004.8

А. Файн[1],
С. Ли[1],
М. К. Миллер[1]

[1] *Университет Невады в Рино, г. Рино, США*

Контент-анализ мнений судей об инструментах оценки рисков с использованием искусственного интеллекта

Переводчик *Е. Н. Беляева*

Контактное лицо:
Анна Файн, соискатель степени PhD по междисциплинарной социальной психологии, Университет Невады в Рино
Адрес: 1300 1664, ул. С. Виргинии, Рино, NV 89557, США
E-mail: afine@nevada.unr.edu

Стефани Ли, магистрант, Университет Невады в Рино

Моника К. Миллер, доктор права, PhD, профессор, Университет Невады в Рино

Аннотация

Цель: анализ правовых позиций судейских работников об инструментах оценки рисков с использованием искусственного интеллекта.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический и социологический.

Результаты: искусственный интеллект (ИИ) делает прогнозы (например, при вынесении решения об освобождении под поручительство) с использованием компьютерного программного кода и потенциально может положительно влиять на систему правосудия (например, экономить время и снижать уровень предвзятости). Данная работа содержит анализ вторичных данных и оценивает ответы 381 судьи на вопрос «Считаете ли Вы, что искусственный интеллект (использующий компьютерные программы и алгоритмы) способен устранить предвзятость при вынесении решений об освобождении под поручительство и приговоров?».

Научная новизна: на основе опубликованной литературы авторы выделили такие категории, как оценка и неприятие судьями компьютерных алгоритмов, локус контроля, нормы процессуального права, легитимность. Результаты показывают, что судьи испытывают неприятие компьютерных алгоритмов, опасаются усиления предвзятости при использовании ИИ и возможности потери работы из-за развития технологий. Судьи считают, что ИИ может помочь им при вынесении решений об освобождении под поручительство и приговоров, однако он должен пройти эмпирические проверки и следовать разработанным правилам. На основе изученных мнений судей об ИИ авторы обсуждают вопросы интеграции ИИ в правовую систему и направления будущих исследований.

© Файн А., Ли С., Миллер М. К., 2024. Впервые опубликовано на русском языке в журнале Russian Journal of Economics and Law (https://rusjel.ru) 25.03.2024

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала *Criminology, Criminal Justice, Law & Society* (*CCJLS*) и *The Western Society of Criminology*: CCJLS@WesternCriminology.org

Цитирование оригинала статьи на английском: Fine, A., Le, S., & Millera, M. K. (2023). Content Analysis of Judges' Sentiments Toward Artificial Intelligence Risk Assessment Tools. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, *24*(2), 31–46.

URL публикации: https://ccjls.scholasticahq.com/article/84869-content-analysis-of-judges-sentiments-toward-artificial-intelligence-risk-assessment-tools

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с правовыми рисками использования искусственного интеллекта.

Ключевые слова:

искусственный интеллект, судьи, инструменты принятия решений, общественное мнение, неприятие компьютерных алгоритмов, принятие компьютерных алгоритмов, нормы процессуального права, легитимность

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Файн, А., Ли, С., Миллер, М. К. (2024). Контент-анализ мнений судей об инструментах оценки рисков с использованием искусственного интеллекта. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 246–263. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.246-263

Scientific article

A. Fine[1],

S. Le[1],

M. K. Miller[1]

[1] *University of Nevada, Reno, USA*

Content Analysis of Judges' Sentiments Toward Artificial Intelligence Risk Assessment Tools

Translator *E. N. Belyaeva*

Contact:

Anna Fine, Interdisciplinary Social Psychology Ph.D. Program, Mailstop, University of Nevada
Address: 1300 1664 N. Virginia St., Reno, NV, 89557, USA
E-mail: afine@nevada.unr.edu

Stephanie Le, a first-year Master of Sociology student, University of Nevada

Monica K. Miller, J.D., Ph.D., is a Foundation Professor, University of Nevada

Abstract

Objective: to analyze the positions of judges on risk assessment tools using artificial intelligence.

Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors, which predetermined the following research methods: formal-logical and sociological.

Results: Artificial intelligence (AI) uses computer programming to make predictions (e.g., bail decisions) and has the potential to benefit the justice system (e.g., save time and reduce bias). This secondary data analysis assessed 381 judges' responses to the question, "Do you feel that artificial intelligence (using computer programs and algorithms) holds promise to remove bias from bail and sentencing decisions?"

The article was first published in English language by Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica. For more information please contact: CCJLS@WesternCriminology.org

For original publication: Fine, A., Le, S., & Millera, M. K. (2023). Content Analysis of Judges' Sentiments Toward Artificial Intelligence Risk Assessment Tools. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, *24*(2), 31–46.

Publication URL: https://ccjls.scholasticahq.com/article/84869-content-analysis-of-judges-sentiments-toward-artificial-intelligence-risk-assessment-tools

Scientific novelty: The authors created apriori themes based on the literature, which included judges' algorithm aversion and appreciation, locus of control, procedural justice, and legitimacy. Results suggest that judges experience algorithm aversion, have significant concerns about bias being exacerbated by AI, and worry about being replaced by computers. Judges believe that AI has the potential to inform their decisions about bail and sentencing; however, it must be empirically tested and follow guidelines. Using the data gathered about judges' sentiments toward AI, the authors discuss the integration of AI into the legal system and future research.
Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to the legal risks of using artificial intelligence.

Keywords:
artificial intelligence, judges, decision-making tools, public opinion, algorithm aversion, algorithm appreciation, procedural justice, legitimacy

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Fine, A., Le, S., & Miller, M. K. (2024). Content Analysis of Judges' Sentiments Toward Artificial Intelligence Risk Assessment Tools. *Russian Journal of Economics and Law, 18(1)*, 246–263. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.246-263

Введение

Искусственный интеллект (далее – ИИ) решает новые задачи, используя достижения информатики и имеющиеся данные (IBM Cloud Education, 2020). В частности, для классификации, анализа данных и прогнозирования ИИ использует алгоритмы, созданные на основе больших массивов информации (Shroff, 2019). Эти алгоритмы включают наборы автоматизированных инструкций, выполняемых после запуска (Scott, 2021).

ИИ – это технологический феномен, имеющий социальные, культурные и политические последствия. Алгоритмы облегчают выполнение множества повседневных задач, относящихся к электронной почте, социальным сетям, поиску в сети, покупкам онлайн (Victor, 2021). Они помогают спасать жизни. К примеру, в Facebook[1] ИИ используется для выявления постов людей с суицидальными намерениями (Cassata, 2019). ИИ потенциально может принести обществу огромную пользу, но на проблему взаимодействия человека и ИИ нужно смотреть с точки зрения социальной психологии (Lindgren & Holmstrom, 2020). Социальное измерение данной проблемы отражено и в настоящем исследовании, поскольку отношение к технологии ИИ является социальным конструктом и связано с надеждами и страхами, которые влияют на поведение людей при взаимодействии с этой технологией (Pinch & Bijker, 1984).

ИИ уже разрабатывается и используется в различных областях системы правосудия (Rigano, 2019), включая инструменты принятия решений, используемые в судах. С помощью этой технологии можно выявить закономерности, сложные для человеческого восприятия; так, прогностическое моделирование помогает предсказать риск рецидивизма среди подсудимых и более эффективно распределять административные ресурсы (Henman, 2020). ИИ может извлекать информацию из объемных юридических документов, сокращая рутинную работу персонала (Zadgaonkar & Agrawal, 2021). В полиции эта технология используется для выявления районов с высоким уровнем преступности и распределения ресурсов на основе полученной информации (Perry, 2013). Государственные органы, например Управление национальной безопасности США, используют ИИ для автоматического распознавания лиц, чтобы выявлять потенциально опасных людей в «списках наблюдения» (Ritchie et al., 2021). Это лишь несколько примеров применения технологий искусственного интеллекта в системе правосудия. Наиболее распространенная область его применения – оценка рисков при освобождении под поручительство и вынесении приговора (McKay, 2020).

[1] Соцсеть принадлежит *Meta* – организации, признанной экстремистской, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

ИИ может помочь снизить предвзятость в системе правосудия, поскольку он основывает свои решения на данных, а не на субъективном мнении лица, принимающего решение. Однако этот процесс полностью зависит от характера и качества данных. Сложность использования ИИ в системе правосудия вызывает опасения, что алгоритмические данные могут отражать предвзятость (примером могут служить аресты за наркопреступления в зависимости от района, когда расовая принадлежность и социально-экономический статус оказывали существенное влияние на решение об аресте).

ИИ все еще является относительно новым явлением, и правительство США работает над принятием законов, регулирующих его деятельность (Lee & Lai, 2022). В настоящее время не существует общих федеральных норм, но некоторые штаты уже приняли соответствующее законодательство (National Conference of State Legislatures, 2022). Например, в Калифорнии на рассмотрении находится законопроект (A 331), который обязывает создателей и пользователей любого автоматизированного инструмента принятия решений проводить анализ его воздействия. В частности, такой анализ должен показывать, почему используется данное программное обеспечение, каковы ожидаемые положительные результаты, а также как и где оно будет использоваться. Этот анализ подается в Отдел гражданских прав Министерства юстиции США. Затем, если нормы не соблюдаются, на создателей или пользователей программного обеспечения можно подать в суд. В штате Вашингтон также находится на рассмотрении законопроект (S 5356), который устанавливает правила приобретения и использования автоматизированных инструментов принятия решений для защиты общественности и повышения прозрачности. Это лишь два из целого ряда штатов, рассматривающих введение законопроектов, касающихся автоматизированных инструментов принятия решений (National Conference of State Legislatures, 2022).

Таким образом, необходимо понять, как судьи относятся к использованию технологии искусственного интеллекта в зале суда, ведь именно они будут принимать решение о ее внедрении. В данной работе мы провели контент-анализ вторичных данных, касающихся мнения судей по поводу неприятия и одобрения алгоритмов, локуса контроля, процессуальной справедливости и легитимности. В частности, мы оценивали, считают ли судьи, что искусственный интеллект может уменьшить предвзятость при принятии решений об освобождении под поручительство и вынесении приговора. Данное исследование может послужить основой для изучения мнений судей в отношении применения искусственного интеллекта в судебной практике.

Обзор литературы

Инструменты оценки рисков в судах

Судьи используют инструменты оценки рисков при освобождении под поручительство и вынесении приговора. Цель инструментов оценки риска – помочь судьям быстро классифицировать информацию о подсудимом, чтобы определить, можно ли освободить его под поручительство или какой приговор следует вынести. Хотя судьи, как правило, связаны нормами закона, определяющими приговор, они также имеют право по своему усмотрению назначить наказание в рамках этих норм (Bushway & Piehl, 2001). Для оценки вероятности рецидивизма обычно используются два метода оценки риска – клинический и актуарный (Buskey & Woods, 2018). Эти методы различаются по своей точности прогнозирования рецидивизма; таким образом, выбор метода влияет на принятие решений об освобождении под поручительство и вынесении приговора.

Сравнение клинических и актуарных моделей

При оценке рисков используются клинические и актуарные методы оценки вероятности рецидивизма у подсудимого. В рамках клинического метода специалисты (например, судебные психологи и клиницисты) используют свой личный опыт, знания и интуицию, чтобы отличить преступников с низким и высоким риском рецидивизма (Mossman, 1994). В актуарном методе для прогнозирования уровня рецидивизма применяются статистические инструменты, алгоритмы или методы искусственного интеллекта, что является новшеством в области подобных оценок (Barabas et al., 2018).

Одна из основных причин высокой точности моделей ИИ состоит в их способности быстро и правильно обрабатывать огромные объемы данных (Helm et al., 2020). Эти модели могут выявлять закономерности, анализировать большие объемы данных и делать прогнозы на их основе. Кроме того, искусственный интеллект обучается и совершенствуется с помощью машинного обучения, что со временем повышает точность его оценок (Helm et al., 2020). Точность ИИ – это степень соответствия прогнозов системы искусственного

интеллекта фактическим результатам (Rueda et al., 2022). Точность ИИ важна для оценки его производительности и эффективности. ИИ может превзойти человеческие способности и показывает более высокую предсказательную достоверность, чем прогнозисты-люди (Dietvorst et al., 2015).

ИИ более точен при составлении прогнозов в условиях неопределенности, чем люди, принимающие решения (Dawes, 1979; Grove et al., 2000). Кроме того, опытные прогнозисты, которые в большей степени полагаются на советы человека, чем на алгоритм, показывают более низкую точность (Logg et al., 2019). Несмотря на это, люди не решаются доверять ИИ и предпочитают, чтобы решения принимал человек, даже если знают о высокой точности применяемого ИИ (Diab et al., 2011; Eastwood et al., 2012). Хотя точность ИИ очень важна (Hoff & Bashir, 2015), аспект справедливости также имеет решающее значение для доверия к ИИ (Knowles et al., 2022).

Актуарные методы, использующие технологию искусственного интеллекта, обещают стать эффективным способом снижения предвзятости при освобождении под поручительство и вынесении приговора. Однако искусственный интеллект хорош лишь настолько, насколько хороши данные, на которых его обучали; но в течение многих лет мы систематически наблюдаем расовую предвзятость при освобождении под поручительство (Demuth & Steffensmeier, 2004b; Schlesinger, 2005; Turner & Johnson, 2005) и вынесении приговора (Demuth & Steffensmeier, 2004a; Spohn & Holleran, 2000; Western, 2006).

Поэтому важно понимать ограничения ИИ. Например, компания *Pro Publica* проанализировала оценки рисков совершения уголовных преступлений, предоставляемые алгоритмом *COMPAS*, на предмет расовой дискриминации и обнаружила, что чернокожие обвиняемые в два раза чаще попадают в категорию высокого риска, чем белые (Angwin et al., 2016). Более того, белые обвиняемые в два раза чаще попадали в категорию низкого риска, чем чернокожие. Поэтому судьи должны осознавать, что искусственный интеллект может закреплять предвзятость, если алгоритм обучен на расово предвзятых данных. Указанный анализ привлек внимание к изменчивости и недостаточной ясности роли ИИ в оценке рисков; однако его методология подвергалась критике. Так, Джонс (Jones, 2020), проведя математическое моделирование анализа данных *COMPAS*, обнаружил, что показатели риска для чернокожих были рассчитаны верно в пределах 2 % от фактических показателей, в то время как для белых и латиноамериканцев прогнозировался более низкий уровень рецидивизма, чем показывают реальные данные.

Если для судей существуют нормы морали и юридической этики, то для ИИ также необходимо разработать специальные этические рекомендации. Как правило, этические нормы ничего не говорят о прозрачности инструмента, его справедливости и точности, а также не обязывают пользоваться рекомендованным инструментом. Таким образом, решения судей об использовании ИИ могут определяться их представлениями (и статистическими данными) о его точности и справедливости. Эти критерии, вероятно, не единственные, которые судьи используют для формирования своих решений и представлений. О восприятии искусственного интеллекта судьями можно узнать на основании социально-психологической теории, связанной с изучением общественных настроений.

Представления общественности об искусственном интеллекте

Общественные настроения – это общие убеждения, взгляды и мнения группы людей по определенной теме или вопросу (Miller & Chamberlain, 2015). На общественные настроения влияют различные социальные, культурные и экологические факторы, а настроения, в свою очередь, оказывают значительное воздействие на правовую систему и законы. Общественные настроения часто играют роль в формировании законодательства (Burstein, 2003) и определении приоритетности правовых вопросов, имеющих особое значение для общества (Burstein, 2006). Когда речь идет о конкретном политическом вопросе, настроения сообщества могут основываться на мнении широкой общественности или учитывать только мнения соответствующих экспертов и инсайдеров. Изменения в политике могут быть связаны с настроениями общества и определяться его приоритетами (Miller & Chamberlain, 2015). Понимание общественных настроений может помочь определить, как судьи воспринимают и используют инструменты ИИ в системе правосудия.

Судьи как элемент законной власти оказывают существенное влияние на судебную систему, поэтому важно понимать их настроения. Судьи, негативно относящиеся к ИИ, могут с меньшей частотой использовать его или отменять решения ИИ. И наоборот, судьи с позитивным отношением к ИИ могут охотнее внедрять ИИ в процесс принятия решений.

Разработка и внедрение в систему правосудия успешных инструментов ИИ (т. е. таких, которые дают положительные результаты, например в форме уменьшения предвзятости, и имеют мало отрицательных последствий) требуют понимания общественных настроений. Учет мнений заинтересованных сторон (в частности, судей) позволяет разрабатывать и внедрять инструменты ИИ таким образом, чтобы повысить вероятность их принятия и использования. Это, в свою очередь, должно привести к увеличению числа разработок и испытаний и в конечном счете способствовать принятию более эффективных решений в системе уголовного правосудия. Аспекты общественных настроений включают, в частности, неприятие и одобрение алгоритмов, локус контроля, восприятие процессуальной справедливости и легитимности.

Неприятие и одобрение алгоритмов

Общественные настроения по поводу ИИ можно частично объяснить в рамках концепции неприятия и одобрения алгоритмов. Термин «неприятие алгоритмов» был введен Dietvorst с соавт. (2015) для описания ситуаций, когда люди не желают или противятся использованию алгоритма вместо человека, даже если алгоритм обладает более высокой точностью. Однако в ходе серии исследований Logg с соавт. (2019) обнаружили, что действительно существуют ситуации (например, числовые оценки, прогнозы популярности песен, романтическая привлекательность), когда пользователи высоко оценивают работу алгоритма, т. е. предпочитают использовать алгоритм, а не человека-прогнозиста. Эти результаты свидетельствуют о том, что на решение людей доверять ИИ влияют не только точность, но и другие факторы.

Общественные настроения не только связаны с доверием к ИИ, но и зависят от уровня неопределенности типа решения. В тех областях, где нет неизбежной случайности или непредсказуемости (например, при решении арифметических задач или запоминании известных фактов), лучшим методом принятия решений будет тот, который может дать идеальный, безошибочный ответ (Dietvorst & Bharti, 2020). Однако в областях, где принятие решений связано с неизбежной неопределенностью, ошибки случаются даже при применении самых лучших инструментов (например, при использовании беспилотных автомобилей, при оценке криминальных рисков, в медицинской диагностике). Поэтому вероятность, что судьи будут доверять ИИ свои решения, снижается из-за неопределенного характера решений в области уголовного правосудия. Понятие локуса контроля показывает, как неопределенность может влиять на принятие решений.

Локус контроля

Локус контроля – это мнение человека о том, насколько он контролирует свою жизнь и события, которые на нее влияют (Rotter, 1966). Это понятие описывает степень веры людей в то, что они имеют власть над результатами своих действий, или же в то, что на них в первую очередь влияют внешние факторы, такие как удача, судьба или действия других людей (Rotter et al., 1972). Локус контроля может существенно влиять на мировоззрение, поведение и благополучие человека (Wallston & Wallston, 1978).

Люди с преимущественно внутренней ориентацией локуса контроля считают, что результаты зависят от их поведения (Sherman, 1973), и склонны доверять своим суждениям больше, чем суждениям искусственного интеллекта или других людей, принимающих решения (Sharan & Romano, 2020). Люди, которые подчеркивают автономию, личные достижения, индивидуальную ответственность и компетентность, имеют более сильный внутренний локус контроля. Люди с преимущественно внешней ориентацией считают, что результаты зависят от внешних сил (например, окружающей среды, удачи, других людей), и признают, что внешние силы могут повлиять на их решения (Sherman, 1973).

Ориентация локуса контроля судей влияет на их отношение к искусственному интеллекту и готовность полагаться на него для снижения предвзятости при принятии решений об освобождении под поручительство и вынесении приговора. Вероятно, судьи могут оказаться близко на шкале локуса контроля, что связано с их выбором профессии. Высокостатусные профессии ассоциируются с внутренним локусом контроля (Smith et al., 1997). Учитывая престижность профессии судьи, они могут естественным образом склоняться к тому, чтобы иметь внутренний локус контроля, а значит, с меньшей вероятностью рассматривать ИИ как достойный инструмент принятия решений по сравнению со своим собственным суждением. Кроме того, на их мнение могут влиять также опасения по поводу соблюдения процессуальных норм при использовании искусственного интеллекта. Этот аспект рассмотрен ниже.

Процессуальная справедливость

Процессуальная справедливость – это воспринимаемая человеком степень справедливости принимаемых решений (Lemons & Jones, 2001), которая зависит от процедуры принятия этих решений (Leventhal, 1980). В правовой системе процессуальная справедливость имеет решающее значение для обеспечения защиты прав всех сторон, а также беспристрастности и прозрачности решений. Если процедура принятия решений справедлива, то даже неблагоприятные результаты считаются процессуально справедливыми (Thibaut & Walker, 1975).

Одним из важнейших факторов процессуальной справедливости является наличие права голоса у тех, кого затрагивает решение (Lind & Tyler, 1988). Что касается ИИ и процессуальной справедливости, то одной из ключевых проблем является обеспечение того, чтобы те, кого эти решения затрагивают, имели возможность поставить под сомнение процесс принятия решений. Поскольку процесс принятия решений искусственным интеллектом имеет характер «черного ящика», его трудно подвергнуть сомнению. Обвиняемые могут не иметь возможности высказать свое мнение, поскольку ИИ опирается на статистические данные и не позволяет обвиняемому рассказать свою версию событий. Отсутствие прозрачности может привести к чувству несправедливости и подорвать доверие к процессу принятия решений. Для соблюдения процессуальной справедливости необходимо, чтобы используемые инструменты были прозрачными и объяснимыми. Кроме того, должна быть предусмотрена процедура подачи апелляции, если субъекты права сочтут решение несправедливым. В рамках правовой системы искусственный интеллект может использоваться для помощи в принятии судебных решений. Однако ИИ не должен подрывать процессуальное правосудие.

Использование инструментов ИИ в суде может снизить восприятие справедливости решений. Например, в сфере трудоустройства сотрудники воспринимают собеседования на основе ИИ как менее справедливые с процедурной точки зрения, чем собеседования, проводимые человеком (Parasuraman et al., 2000). Независимо от точности, которую демонстрирует ИИ, люди склонны меньше доверять ему в различных сферах и контекстах. Однако исследования показывают, что включение человеческих элементов в процесс принятия решений может повысить процессуальную справедливость (Lee et al., 2019). Поэтому крайне важно, чтобы система правосудия внедряла системы искусственного интеллекта для совместной работы с людьми, принимающими решения, а не заменяла их. Неспособность поддерживать процессуальную справедливость может привести к чувству нелегитимности процесса принятия решений, подрывая настроения в обществе и негативно влияя на социальную сплоченность и сотрудничество. При использовании инструментов искусственного интеллекта в зале суда общественность может воспринять процесс как несправедливый или скептически отнестись к решению, принятому искусственным интеллектом. Социальная сплоченность опирается на общую веру в справедливость и эффективность системы правосудия. Поэтому, если процесс принятия решений будет восприниматься как несправедливый, это может привести к недостаточной сплоченности в обществе.

Легитимность

Легитимность – это убежденность в том, что власти, организации и социальные соглашения являются правильными и непредвзятыми (Tyler, 2006); ее поддержание зависит от соблюдения властями норм процессуальной справедливости (Clawson et al., 2001; Farnsworth, 2003). Власти воспринимаются как легитимные, если они соответствуют нормам, убеждениям и ценностям группы (Zelditch, 2018), а граждане считают, что они заслуживают поддержки (Gurr, 1974). Судебная система должна обладать высоким уровнем легитимности, чтобы поддерживать верховенство закона, поскольку легитимность – это ее главный политический капитал (Gibson, 2006), а отсутствие легитимности означает отсутствие власти (Zelditch, 2018).

Чтобы правительство было легитимным, решения должны быть справедливыми и каждый должен иметь возможность в какой-то момент оказаться в выигрыше (Buhlmann & Kunz, 2011). Судебные органы должны обладать институциональной легитимностью, которая заключается в том, что общественность будет поддерживать их решения и полномочия (Audette & Weaver, 2015) независимо от степени удовлетворенности решениями (Buhlmann & Kunz, 2011). Без легитимности суды не обладают достаточной властью, чтобы в случае необходимости принимать решения вопреки общественному мнению. Чувство предвзятости судебной системы снижает легитимность судов (Ramirez, 2008), поэтому судьи должны принимать меры для поддержания легитимности.

Участие ИИ в принятии решений может снизить легитимность судебной власти. На восприятие легитимности систем ИИ влияют три актуальные проблемы: 1) легитимность на входе, когда граждане считают, что не могут контролировать собираемые данные; 2) легитимность в процессе, когда граждане не понимают процессы ИИ и сталкиваются с проблемой «черного ящика» и 3) легитимность на выходе, когда граждане сомневаются, что ИИ может принимать более верные решения, чем человек (Starke & Lunich, 2020). Легитимность требует прозрачности, демократичности и подотчетности. Применительно к искусственному интеллекту судебные органы должны использовать надежные системы ИИ, регулируемые с помощью норм закона и независимого надзора (Andrews, 2022).

Поддержание процессуальной справедливости и легитимности необходимо для успешной работы системы правосудия. Поэтому крайне важно понять, как технологии искусственного интеллекта в системе правосудия влияют на восприятие легитимности и процессуальной справедливости. Технологии ИИ уже показали свою перспективность в плане снижения предвзятости при принятии решений об освобождении под поручительство и вынесении приговора. Однако эти инструменты не лишены недостатков. Для того чтобы они служили поставленным целям, им необходима поддержка со стороны пользователей. Очень важно понять, как пользователи относятся к их внедрению. Поскольку исследований, изучающих отношение судей к ИИ, мало, качественный подход позволит понять некоторые из наиболее острых проблем.

Описание исследования

Существует очень мало исследований, изучающих отношение судей к использованию ИИ при принятии решений об освобождении под поручительство и вынесении приговора. Хотя инструменты ИИ более точны, чем прогнозы людей (Dietvorst et al., 2015), эти инструменты все еще нуждаются в совершенствовании, поскольку они могут отражать существующие системные предубеждения в системе правосудия. Однако по мере совершенствования этих инструментов и уменьшения ошибок судьям будет полезно научиться работать с ИИ для обоснования своих решений. В данной работе мы изучили отношение судейского сообщества к искусственному интеллекту, используемому при освобождении под поручительство и вынесении приговора, и выяснили, может ли искусственный интеллект минимизировать предвзятость.

В данном исследовании рассматриваются следующие вопросы:

1. Относятся ли судьи в целом негативно или позитивно к использованию искусственного интеллекта?
2. Отражают ли ответы судей внутренний или внешний локус контроля?
3. Считают ли судьи, что использование искусственного интеллекта создаст угрозу процессуальному правосудию и легитимности?
4. О каких преимуществах и опасениях по поводу ИИ как инструмента принятия решений говорят судьи?

Методология исследования

Участники и процедуры

Сбор данных осуществлялся Национальным юридическим колледжем (*NJC*) в Рино, штат Невада, в январе 2020 г. среди выпускников этого учебного заведения, работающих судьями. Им был задан вопрос: «Считаете ли вы, что искусственный интеллект (использующий компьютерные программы и алгоритмы) способен устранить предвзятость при принятии решений об освобождении под поручительство и вынесении приговора?» Ответы поступили от 381 судьи. Предполагался ответ «да» или «нет» либо развернутый комментарий, который оставили 168 судей[1].

Кодирование данных

Мы провели контент-анализ комментариев судей, ответивших на вопрос анкеты. Авторы составили схему кодирования содержания, которая отражала ключевые темы в комментариях судей на основе научной литературы. Коды обозначали как вопросы исследования, так и общие темы, возникшие в ответах. Единицами анализа были высказывания, т. е. мы выделили из 168 комментариев судей 325 отдельных высказываний, каждое из которых отражало одну идею. Если комментарий содержал три идеи (например, упомянуты три отдельные проблемы, связанные с ИИ), то его делили на три отдельных высказывания. Это позволило определить, сколько раз каждый судья упоминал ту или иную тему. Каждый комментарий проанализировали на предмет наличия каждой темы.

Отношение к проблеме в целом кодировалось как 0, если оно было негативным, 1 – если оно было нейтральным и 2 – позитивным. Темы неприятия и одобрения алгоритмов (например, полезность, этика и желание научиться) получили код 0 (тема отсутствует), 1 (неприятие алгоритмов) и 2 (одобрение алгоритмов). Например, если судья упомянул о сомнениях в полезности, то присваивался код 1. Напротив, если судья упомянул о пользе, присваивался код 2. Остальные темы получили код 0 (тема отсутствует) или 1 (тема присутствует). Коды не являются взаимоисключающими, т. е. авторы оценивали каждое высказывание на предмет присутствия той или иной темы. Например, для комментария «Применение алгоритмов может быть полезно для экономии времени» тема общего настроения была закодирована как 2 (положительная), а тема полезности – как 1.

Соавторы вместе закодировали 20 ответов, а затем по отдельности – 40 ответов. Затем они поделили оставшиеся утверждения и кодировали их независимо друг от друга. При этом удалось добиться согласованности по методу Холсти на уровне 0,89, т. е. кодировщики воспринимали коды одинаково в 89 % случаев, что считается приемлемым показателем (Belur et al., 2021). В Приложении приведены каждая тема и ее определения.

Результаты исследования

ВИ 1: ***Относятся ли судьи в целом негативно или позитивно к использованию искусственного интеллекта?***

Большинство судей (n = 243; 64 %) ответили на этот вопрос отрицательно, т. е. они не считают, что использование ИИ может устранить предвзятость при принятии решений об освобождении под поручительство и вынесении приговора. В развернутых ответах судьи в целом негативно отнеслись к использованию ИИ для освобождения под поручительство и вынесения приговоров: 229 ответов были отрицательными, 33 – нейтральными и 63 – положительными. Мнение часто выражалось в форме одобрения или неприятия алгоритмов, которые входят в тему «Мнение сообщества» как две отдельные категории (см. Приложение). В 48 высказываниях судьи положительно оценили алгоритм, упомянув его полезность в той или иной форме (например, «Предоставление данных и моделей может быть полезным») и готовность обучиться его применению. Некоторые судьи отметили свое неприятие алгоритмов, особенно в отношении этических недостатков использования ИИ при принятии решений о поручительстве и вынесении приговора (n = 15; например, «Поскольку представители меньшинств чаще фигурируют в криминальной истории, учитывая практику системы правосудия в прошлом, мы будем сталкиваться с предвзятостью еще как минимум пару поколений»). Кроме того, некоторые судьи отметили, что эти инструменты не принесут пользы (n = 10; например, «Они не могут учесть тонкие аспекты взаимодействия между людьми, более показательные, чем любой тест»).

ВИ 2: ***Отражают ли ответы судей внутренний или внешний локус контроля?***

Высказывания судей отражают высокую степень внутреннего локуса контроля. Идея использования ИИ для принятия решений об освобождении под поручительство и вынесении приговора вызывает у судей чувство нехватки контроля (n = 12; например, «Процесс [принятия решений] скрыт и постоянно меняется, поэтому возникает риск того, что судья не сможет вынести полностью обоснованное решение, а адвокат – полноценно защищать своих клиентов»). В целом судьи демонстрировали высокий уровень неопределенности (n = 30; например, «Учитывая эти факты или их отсутствие, как судья может оценить обоснованность риска, если он не может понять процесс принятия решений?»), но иногда и низкий уровень неопределенности (n = 10; например, «Да, учитывая последнюю работу Малкольма Гладуэлла»). Кроме того, судьи отмечали угрозу их автономии со стороны ИИ и активно выступали за то, чтобы самым важным аспектом при принятии решений об освобождении под поручительство и вынесении приговора было судейское усмотрение (n = 61; например, «Нам необходимо право на независимое судейское усмотрение»).

ВИ 3: ***Считают ли судьи, что использование искусственного интеллекта создаст угрозу процессуальному правосудию и легитимности?***

Судьи выражали обеспокоенность тем, что использование ИИ может угрожать процессуальному правосудию. Например, отмечалось, что к подсудимым следует относиться справедливо и они должны знать, что решения были приняты после тщательного рассмотрения (n = 31; например, «ИИ ни сейчас, ни в будущем

не сможет обеспечить должную справедливость или милосердие»). Кроме того, многие судьи согласились с тем, что вынесение справедливого приговора требует от судей рассмотрения всех аспектов дела, а не только того, что запрограммировано в коде; это является важной частью процессуального правосудия (n = 39; например, «Мы выносим приговор людям, а не машинам. Каждое дело индивидуально»). Судьи также отметили, что процедура требует учета качественных факторов, которые могут понять только люди (n = 84; например, «Это будет еще один инструмент, но он не сможет заменить человеческий фактор, который должен включать воздействие на жертву. ИИ не сможет заменить его»).

Что касается легитимности, то в 16 ответах утверждалось, что общественность может оспорить авторитет системы, если судебные органы делегируют свои решения компьютерам (например, «Наличие квалифицированных судей, разбирающихся в законах и людях, имеет решающее значение»). Кроме того, 19 человек отметили, что перед использованием ИИ необходимо разработать руководящие принципы для обеспечения легитимности (например, «В настоящее время не существует федерального закона, устанавливающего стандарты или требующего проверки этих инструментов, как это делает Управление по контролю за продуктами питания и лекарственными средствами в отношении новых лекарств»). Судьи высоко оценивают необходимость легитимности и считают, что ИИ может потенциально угрожать ей.

ВИ 4: ***О каких преимуществах и опасениях по поводу ИИ как инструмента принятия решений говорят судьи?***

Помимо пользы, упомянутой в ВИ 1, судьи отметили и другие преимущества, связанные с использованием ИИ при освобождении под поручительство и вынесении приговора. Так, некоторые судьи выразили заинтересованность и желание узнать больше о разработке технологий для снижения предвзятости в судебном процессе (n = 11; например, «Это нужно изучить. Потребуются эмпирические данные, чтобы оценить преимущества ИИ и его роль при рассмотрении вопроса об освобождении под поручительство»). Другие признавали, что у них самих может присутствовать скрытая предвзятость, которую ИИ может снизить (n = 18; например, «Со скрытой предвзятостью сложно справиться, а технологии могут частично устранить ее»).

Ответы судей содержат больше опасений, чем преимуществ, связанных с использованием ИИ в судебном процессе. Часто выражалась обеспокоенность по поводу целостности данных и программы (n = 73; например, «Проблема в том, что авторы программного обеспечения тоже люди; они могут создать предвзятую систему, которая будет казаться неоспоримой, что еще более опасно»). Многие выражали опасения, что их могут заменить (n = 30; например, «Какой антиутопический кошмар ожидает нас, когда судей заменит так называемый искусственный интеллект!»). Кроме того, некоторые судьи отмечали, что использование искусственного интеллекта усугубит предвзятость (n = 26; «Компьютерные программы могут устранить человеческие предрассудки, но они создадут новые»). Другие судьи упоминали, что ИИ не хватает объективного мышления (n = 12; «Я думаю, что машина не склонна будет сомневаться в каких-либо данных или их полноте»).

Обсуждение

В данном исследовании изучались мнения судейского сообщества в отношении ИИ, используемого при принятии решений об освобождении под поручительство и вынесении приговора, а также степень перспективности ИИ для устранения предвзятости. В целом наше исследование показало, что судьи имеют внутренний локус контроля, с неприятием относятся к алгоритмам, а также испытывают обеспокоенность по поводу процессуальной справедливости и легитимности, связанной с использованием ИИ для принятия решений. Чтобы разработка и внедрение технологий позволили минимизировать негативные и максимизировать позитивные аспекты ИИ, необходима поддержка судейского сообщества. Первый шаг на этом пути – понимание опасений судей. При разработке систем ИИ и обучении судей работе с ними необходимо использовать психологические теории. В частности, те юрисдикции, которые хотят разработать справедливые процедуры с использованием ИИ, должны сосредоточиться на конкретных проблемах, обозначенных в нашем исследовании. Одной из таких проблем является предоставление обвиняемым и жертвам права голоса, что составляет необходимый компонент процессуального правосудия. Судья может учитывать как рекомендации ИИ, так и мнение обвиняемого и потерпевших. Нужно информировать судей об этих гарантиях, что уменьшит их опасения и позволит им с большей готовностью поддержать разработку и использование ИИ в системе правосудия.

Исследование позволяет сделать ряд важных выводов. Во-первых, большинство судей (64 %) не считают, что ИИ устранит предвзятость при принятии решений об освобождении под поручительство и вынесении приговора, и в целом негативно относятся к ИИ. Однако часть судей (36 %) убеждены, что ИИ может уменьшить предвзятость. Доля судей, испытывающих неприятие алгоритмов, оказалась больше, чем тех, кто одобряет их применение, поскольку в целом судьи выражали обеспокоенность по поводу их недостатков; однако многие признают, что технологии в целом полезны. Значит, большинство судей еще не уверены в том, что ИИ есть место в зале суда, и защитникам ИИ придется потрудиться, чтобы убедить их.

Комментарии некоторых судей отражают высокий внутренний локус контроля: они заявили, что использование ИИ в качестве инструмента принятия решений заставляет их чувствовать недостаток контроля, неопределенность и угрозу их праву на судейское усмотрение. Это согласуется с имеющимися исследованиями локуса контроля и инструментов принятия решений, согласно которым лица, ориентированные на внутренний локус контроля, в большей степени склонны доверять своим суждениям, а не ИИ или другим людям, принимающим решения (Sharan & Romano, 2020). Таким образом, вероятно, что только судьи с низким внутренним локусом контроля будут готовы принять ИИ, даже если он будет максимизировать преимущества при использовании (например, уменьшать предвзятость).

В ответах отмечалось, что ИИ представляет угрозу для процессуального правосудия и легитимности. Некоторые судьи указали, что без человеческого фактора правосудие невозможно. Кроме того, они выразили серьезную обеспокоенность по поводу отношения к людям как к статистическим данным. Прозрачность неоднократно отмечалась как один из способов обеспечения процессуальной справедливости (Lee et al., 2019) и легитимности (de Fine Licht & de Fine Licht, 2020). Кроме того, считается, что если лица, принимающие решения, полагаются исключительно на искусственный интеллект, то их легитимность низка (Starke & Lunich, 2020). Судьи не должны полностью полагаться на ИИ при принятии судебных решений, но должны использовать его в качестве полезного инструмента. Как судьи, положительно оценивающие перспективы ИИ, так и те, кто не согласен с ними, считают, что эти инструменты принятия решений должны быть *вспомогательными*, а не *заменять* судей. Эти опасения необходимо учитывать как при разработке ИИ, так и при обучении работе с ним.

Следствия

Настоящее исследование может послужить материалом для повышения квалификации юристов. В ближайшем будущем судьи столкнутся с различными технологиями на основе ИИ – от инструментов принятия решений до способов представления доказательств в суде. Для успешной интеграции этих инструментов в систему правосудия они должны будут иметь соответствующую подготовку. Чтобы донести информацию об этих технологиях до субъектов права, ученые должны понять, как повысить доверие судей к этим технологиям и научить их взаимодействовать с ними. Данное исследование дает представление о мнениях судей, которые следует учитывать при разработке этих технологий. Так, неуверенность судей при обращении с ИИ во многом вызвана непрозрачностью его алгоритмов. В будущем предстоит создать обучающие курсы для судей, объясняющие суть работы ИИ и факторы, которые учитываются при оценке риска. Снижение неопределенности и повышение прозрачности может помочь судьям более уверенно взаимодействовать с ИИ.

Для обеспечения процессуальной справедливости и легитимности необходимо разработать стандартизированные этические инструкции для технологий, используемых в судах. С помощью ИИ можно снизить предвзятость при освобождении под поручительство и вынесении приговора, но это требует усилий в плане развития этических рекомендаций. Fjeld с соавт. (2020) проанализировали документы различных организаций, в которых изложены принципы использования ИИ. Они выделили восемь ключевых тем в этой области: неприкосновенность частной жизни, подотчетность, безопасность и защита, прозрачность и объяснимость, справедливость и отсутствие дискриминации, контроль человека над технологией, профессиональная ответственность, развитие общечеловеческих ценностей. Многие из опрошенных нами судей выразили опасения, соответствующие этим темам. Таким образом, указанные принципы могут помочь в разработке и внедрении ИИ в судах для обеспечения процессуальной справедливости и легитимности.

Ограничения и будущие направления исследований

Наше исследование имеет множество ограничений, связанных с его дизайном, выборкой и характеристиками (например, с использованием вторичных данных). Преимуществом данной работы является то, что

в ней были выявлены и получили оценку мнения респондентов, принадлежащих труднодоступной группе граждан. Остановимся более подробно на ограничениях исследования. Во-первых, опрос включал только одно утверждение с возможностью прокомментировать его. В результате судьи могли выразить свое мнение, но объем полученной информации был ограничен. В опрос не были включены демографические сведения, поэтому мы не можем сказать, различаются ли мнения судей, например, в зависимости от их возраста, пола или стажа работы в должности.

В рамках опроса судьям предлагалось высказать свое мнение как об освобождении под поручительство, так и о вынесении приговора. Судьи могли чаще сталкиваться с одним из этих действий, чем с другим, или написать свой ответ так, что он относился только к одному из них. Если судья не уточнил этого в своем ответе, трудно понять, имел ли он в виду поручительство, вынесение приговора или и то и другое. Расширенный опрос позволил бы получить более глубокие результаты. Но и имеющиеся результаты полезны для понимания общего мнения в отношении ИИ.

Второе ограничение связано с особенностями выборки. Анкета была разослана по адресам базы данных Национального юридического колледжа (*NJC*) в Рино, однако судьи, сотрудничающие с *NJC*, могут отличаться от других судей, не имевших возможности принять участие в опросе. Кроме того, судьи, решившие принять участие в опросе, могут отличаться от тех, кто решил этого не делать. Так, судьи, имеющие определенное мнение за или против ИИ, могли откликнуться с большей вероятностью, чем те, чье мнение еще не сложилось. Таким образом, наша выборка, скорее всего, не представляет мнения всех судей. Важно отметить, что многие судьи в этой выборке могут быть незнакомы с ИИ, а опрос не позволял оценить степень их информированности. Таким образом, невозможно сказать, отличаются ли мнения судей, знакомых с ИИ, от мнения тех, кто с ним незнаком. В будущих исследованиях следует проверить гипотезу воздействия, согласно которой контакт с объектом (например, с ИИ) влияет на отношение к нему (Zajonc, 2001). Более широкая выборка позволила бы исследователям оценить отношение судей с бо́льшим диапазоном мнений и опыта.

Последнее существенное ограничение связано с характером анализа вторичных данных. Хотя такой анализ является ценным методом для проведения исследования, у него также есть некоторые ограничения. Во-первых, мы не контролировали процесс сбора данных и формулировку вопросов. Кроме того, мы не контролировали факторы, которые могли повлиять на результаты. Например, *NJC* собрал эти данные в январе 2020 г., до пандемии *COVID*-19. Учитывая значительный масштаб пандемии, существует вероятность того, что отношение судей к ИИ изменилось. Например, многие судьи научились пользоваться программой *Zoom*. Такой опыт мог сделать судей более открытыми к использованию ИИ, учитывая возросшую зависимость от технологий в связи с пандемией. Более того, опыт работы с технологией часто определяет предпочтения человека в отношении ИИ (Kramer et al., 2018). Как упоминалось выше, этот феномен может быть объяснен эффектом воздействия, который предполагает, что постоянное воздействие стимула усиливает положительное отношение к нему (Zajonc, 2001).

Наша работа может служить основой для проведения будущих исследований. Во-первых, поскольку наша анкета содержала только один вопрос, считаем, следует провести более обширное экспериментальное изучение опыта судей в использовании и принятии технологий, а также других индивидуальных различий. Кроме того, учитывая возможную предвзятость отбора респондентов, в будущем исследовании следует опираться на репрезентативную выборку судей, чтобы обеспечить обобщаемость результатов. Наконец, поскольку общественное мнение может существенно влиять на формирование политических и правовых решений, в будущих исследованиях важно изучить, как широкая общественность воспринимает использование ИИ в судебной системе.

Заключение

Решения, касающиеся освобождения под поручительство и вынесения приговора, имеют огромное значение, и судьи, естественно, стремятся обеспечивать справедливость и непредвзятость таких решений. Хотя ИИ способен *минимизировать* некоторые предубеждения, присущие человеческим решениям, он также может *привнести* предвзятость в решения, если данные, на которые он опирается, являются необъективными. У ИИ есть и другие преимущества, такие как ускорение процесса принятия решений и снижение нагрузки на судей, поэтому он имеет много сторонников. Хотя ИИ может решить множество проблем, до сих пор не существует стандартных норм или инструкций, которые бы определяли использование этого инструмента судьями при

принятии решений об освобождении под поручительство и вынесении приговора. Необходимо разработать справедливые алгоритмы и стандартизированные процедуры в этой области, а также обеспечить доверие судей, которые будут их использовать. Первый шаг в данном направлении состоит в том, чтобы понять, как судьи относятся к ИИ. В целом судьи не полностью доверяют ИИ, т. е. большинство из них не готовы к внедрению ИИ в том виде, в котором они его сейчас понимают. Судьи перечислили ряд преимуществ и опасений, связанных с использованием ИИ при принятии решений об освобождении под поручительство и вынесении приговора. Эти мнения могут стать основой для разработки таких процедур ИИ, которые позволят максимизировать его преимущества и минимизировать риски. Просвещение по вопросам ИИ должно быть направлено на снятие опасений судей, которые могут неправильно понимать принципы работы или процедуры ИИ.

Учитывая, что степень неопределенности играет важную роль в повышении доверия к технологиям ИИ, понятие локуса контроля служит уникальной отправной точкой для понимания того, как судьи воспринимают использование ИИ в судебном процессе. В частности, для многих судей характерен внутренний локус контроля, в результате чего они рассматривают ИИ как угрозу потери своей автономии и снижения контроля над решениями, принимаемыми в суде. Важно понимать, как использование ИИ в судах влияет на восприятие принципов процессуального правосудия и легитимности. Некоторые суды уже внедряют эту технологию, однако исследований, изучающих ее последствия для правовой системы, недостаточно. Ученые должны активно участвовать в разработке и внедрении ИИ, что будет способствовать повышению справедливости в системе правосудия.

Список литературы / References

Andrews, D. A., & Bonta, J. (2010). *The psychology of criminal conduct*. Routledge.

Andrews, P. (2022, October 13). Designing for legitimacy. *Apolitical*. https://apolitical.co/solution- articles/en/designing-for-legitimacy

Angwin, J., Larson, J., Mattu, S., & Kirchner, L. (2016). Machine bias. In K. Martin (Ed.), *Ethics of data and analytics* (pp. 254–264). Auerbach Publications.

Audette, A. P., & Weaver, C. L. (2015). Faith in the court: Religious out-groups and the perceived legitimacy of judicial decisions. *Law & Society Review, 49*(4), 999–1022. https://doi.org/10.1111/lasr.12167

Barabas, C., Virza, M., Dinakar, K., Ito, J., & Zittrain, J. (2018, January). Interventions over predictions: Reframing the ethical debate for actuarial risk assessment. *Proceedings of Machine Learning Research, 81,* 62–76. https://proceedings.mlr.press/v81/barabas18a.html

Belur, J., Tompson, L., Thornton, A., & Simon, M. (2021). Interrater reliability in systematic review methodology: Exploring variation in coder decision-making. *Sociological Methods & Research, 50*(2), 837–865. https://doi.org/10.1177/0049124118799372

Buhlmann, M., & Kunz, R. (2011). Confidence in the judiciary: Comparing the independence and legitimacy of judicial systems. *West European Politics, 34*(2), 317–345. https://doi.org/10.1080/01402382.2011.546576

Burstein, P. (2003). The impact of public opinion on public policy: A review and an agenda. *Political Research Quarterly, 56(1),* 29–40. https://doi.org/10.1177/106591290305600103

Burstein, P. (2006). Why estimates of the impact of public opinion on public policy are too high: Empirical and theoretical implications. *Social Forces, 84*(4), 2273–2289. https://doi.org/10.1353/sof.2006.0083

Bushway, S. H., & Piehl, A. M. (2001). Judging judicial discretion: Legal factors and racial discrimination in sentencing. *Law & Society Review*, *55*(4), 733–764. https://doi.org/10.2307/3185415

Buskey, B., & Woods, A. (2018). *Making sense of pretrial risk assessments*. National Association of Defense Lawyers. https://www.nacdl.org/Article/June2018- MakingSenseofPretrialRiskAsses

Cassata, C. (2019, December 20). Facebook using artificial intelligence to help suicidal people. *Healthline*. https://www.healthline.com/health-news/facebook-artificial-intelligence-help-suicidal-people

Clawson, R. A., Kegler, E. R., & Waltenburg, E. N. (2001). The legitimacy-conferring authority of the US Supreme Court: An experimental design. *American Politics Research, 29*(6), 566–591. https://doi.org/10.1177/1532673X01029006002

Dawes, R. M. (1979). The robust beauty of improper linear models in decision making. *American Psychologist, 34,* 571–582. http://dx.doi.org/10.1037/0003- 066x.34.7.571

de Fine Licht, K., & de Fine Licht, J. (2020). Artificial intelligence, transparency, and public decision-making: Why explanations are key when trying to produce perceived legitimacy. *AI & Society, 35*(4), 917–926. https://doi.org/10.1007/s00146-020-00960- w

Demuth, S., & Steffensmeier, D. (2004a). Ethnicity effects on sentence outcomes in large urban courts: Comparisons among White, Black, and Hispanic defendants. *Social Science Quarterly*, *85*(4), 994–1011. https://doi.org/10.1111/i.0038- 4941.2004.00255.x

Demuth, S., & Steffensmeier, D. (2004b). The impact of gender and race-ethnicity in the pretrial release process. *Social Problems, 51*(2), 222242. https://doi.org/10.1525/sp.2004.51.2.222

Diab, D. L., Pui, S. Y., Yankelevich, M., & Highhouse, S. (2011). Lay perceptions of selection decision aids in US and non-US samples. *International Journal of Selection and Assessment, 19*(2), 209–216. https://doi.org/10.1111/i.1468-2389.2011.00548.x

Dietvorst, B. J., & Bharti, S. (2020). People reject algorithms in uncertain decision domains because they have diminishing sensitivity to forecasting error. *Psychological Science*, *31*(10), 1302–1314. https://doi.org/10.1177/0956797620948841

Dietvorst, B. J., Simmons, J. P., & Massey, C. (2015). Algorithm aversion: People erroneously avoid algorithms after seeing them err. *Journal of Experimental Psychology. General, 144*(1), 114–126. https://doi.org/10.1037/xge0000033

Eastwood, J., Snook, B., & Luther, K. (2012). What people want from their professionals: Attitudes toward decision-making strategies. *Journal of Behavioral Decision Making*, *25*(5), 458–468. https://doi.org/10.1002/bdm.741

Farnsworth, S. J. (2003). Congress and citizen discontent: Public evaluations of the membership and one's own representative. *American Politics Research*, *31*(1), 66–80. https://doi.org/10.1177/1532673X02238580

Fine, A., Le, S., & Millera, M. K. (2023). Content Analysis of Judges' Sentiments Toward Artificial Intelligence Risk Assessment Tools, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society, 24*(2), 31–46.

Fjeld, J., Achten, N., Hilligoss, H., Nagy, A., & Srikumar, M. (2020). *Principled artificial intelligence: Mapping consensus in ethical and rights-based approaches to principles for AI* (Research Publication No. 2020-1). Berkman Klein Center. https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3518482

Garrett, B., & Monahan, J. (2019). Assessing risk: The use of risk assessment in sentencing. *Judicature, 103(*2), 6–16. https://iudicature.duke.edu/articles/assessing-risk-the-use-of-risk-assessment-in- sentencing/

Gibson, J. L. (2006). Judicial institutions. In R. A. Rhodes, S. A. Binder, & B. A. Rockman (Eds.), *The Oxford handbook of political institutions* (pp. 514-534). Oxford University Press.

Grove, W. M., Zald, D. H., Lebow, B. S., Snitz, B. E., & Nelson, C. (2000). Clinical versus mechanical prediction: A meta-analysis. *Psychological Assessment, 12*(1), 19–30. https://doi.org/10.1037/1040-3590.12.1.19

Gurr, T. (1974). Persistence and change in political systems, 1800-1971. *American Political Science Review, 68*(4), 1482–1504. https://doi.org/10.2307/1959937

Harris, H. M., Gross, J., & Grumbs, A. (2019). *Pretrial risk assessment in California*. Public Policy Institute of California. https://www.ppic.org/wp-content/uploads/pretrial-risk-assessment-in-california.pdf

Helm, J. M., Swiergosz, A. M., Haeberle, H. S., Karnuta, J. M., Schaffer, J. L., Krebs, V. E., Spitzer, A. I., & Ramkumar, P. N. (2020). Machine learning and artificial intelligence: Definitions, applications, and future directions. *Current Reviews in Musculoskeletal Medicine, 13,* 69–76.

Henman, P. (2020). Improving public services using artificial intelligence: Possibilities, pitfalls, governance. *Asia Pacific Journal of Public Administration, 42*(4), 209–221. https://doi.org/10.1080/23276665.2020.1816 188

Hoff, K. A., & Bashir, M. (2015). Trust in automation: Integrating empirical evidence on factors that influence trust. *Human Factors, 57*(3), 407–434. https://doi.org/10.1177/0018720814547570

IBM Cloud Education. (2020, June 3). *What is artificial intelligence?* https://www.ibm.com/cloud/learn/what-is- artificial-intelligence

Jones, L. (2020, October 6). ProPublica's misleading machine bias. *Medium*. https://medium.com/@llewhinkes/propublic as-misleading-machine-bias-19c971549a18

Knowles, B., Richards, J. T., & Kroeger, F. (2022). *The many facets of trust in AI: Formalizing the relation between trust and fairness, accountability, and transparency.* arXiv. https://arxiv.org/abs/2208.00681

Kramer, M. F., Schaich Borg, J., Conitzer, V., & Sinnott-Armstrong, W. (2018, December). When do people want AI to make decisions? *Proceedings of the 2018 AAAI/ACM Conference On AI, Ethics, and Society*, 204–209. https://doi.org/10.1145/3278721.3278752

Lee, M. K., Jain, A., Cha, H. J., Ojha, S., & Kusbit, D. (2019). Procedural justice in algorithmic fairness: Leveraging transparency and outcome control for fair algorithmic mediation. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, *3*(CSCW), 1–26. https://doi.org/10.1145/3359284

Lee, N. T., & Lai, S. (2022, May 17). The U.S. can improve its AI governance strategy by addressing online biases. *Brookings*. https://www.brookings.edu/blog/techtank/20 22/05/17/the-u-s-can-improve-its-ai- governance-strategy-by-addressing-online- biases/

Lemons, M. A., & Jones, C. A. (2001). Procedural justice in promotion decisions: Using perceptions of fairness to build employee commitment. *Journal of Managerial Psychology, 16*(4), 268–281. https://doi.org/10.1108/02683940110391517

Leventhal, G. S. (1980). What should be done with equity theory? In K. J. Gergen, M. S. Greenberg, & R. H. Willis (Eds.), *Social exchange: Advances in Theory and Research* (pp. 27–55). Springer.

Lind, E. A., & Tyler, T. R. (1988). *The social psychology of procedural justice.* Springer Science & Business Media.

Lindgren, S., & Holmstrom, J. (2020). Social science perspective on artificial intelligence: Building blocks for a research agenda. *Journal of Digital Social Research*, *2*(3), 115. https://doi.org/10.33621/idsr.v2i3.65

Logg, J. M., Minson, J. A., & Moore, D. A. (2019). Algorithm appreciation: People prefer algorithmic to human judgment. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, *151*, 90–103. https://doi.org/10.1016/i.obhdp.2018.12.005

McKay, C. (2020). Predicting risk in criminal procedure: Actuarial tools, algorithms, AI and judicial decision-making. *Current Issues in Criminal Justice, 32*(1), 22–39. https://doi.org/10.1080/10345329.2019.1658694

Miller, M. K., & Chamberlain, J. (2015). "There ought to be a law!": Understanding community sentiment. In M. K. Miller, J. A. Blumenthal, J. Chamberlain (Eds.), *Handbook of community sentiment* (pp. 3–28). Springer. https://doi.org/10.1007/978-1-4939-1899-1

Monahan, J., & Skeem, J. L. (2016). Risk assessment in criminal sentencing. *Annual Review of Clinical Psychology, 12*(1), 489–513. https://doi.org/10.1146/annurev-clinpsy- 021815-092945

Mossman, D. (1994). Assessing predictions of violence: Being accurate about accuracy. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, *62*(4), 783–792. https://doi.org/10.1037/0022-006X.62.4.783

National Conference of State Legislatures. (2022, January 5). *Legislation related to artificial intelligence*. https://www.ncsl.org/research/telecommunications-and-information-technology/2020-legislation-related-to-artificial-intelligence.aspx

Parasuraman, R., Sheridan, T. B., & Wickens, C. D. (2000). A model for types and levels of human interaction with automation. *IEEE Transactions on Systems, Man and Cybernetics. Part A, Systems and Humans, 30*(3), 286–297. https://doi.org/10.1109/3468.844354

Perry, W. L. (2013). Predictive policing: The role of crime forecasting in law enforcement operations. *Rand Corporation*.

Pinch, T. J., & Bijker, W. E. (1984). The social construction of facts and artefacts: Or how the sociology of science and the sociology of technology might benefit each other. *Social Studies of Science, 14*(3), 399–441. https://doi.org/10.1177/030631284014003004

Ramirez, M. D. (2008). Procedural perceptions and support for the U.S. Supreme Court. *Political Psychology, 29*(5), 675–698. https://doi.org/10.1111/i.1467- 9221.2008.00660.x

Rigano, C. (2019). Using artificial intelligence to address criminal justice needs. *National Institute of Justice Journal, 280,* 1–10. https://www.oip.gov/pdffiles1/nii/252038.pdf

Ritchie, K. L., Cartledge, C., Growns, B., Yan, A., Wang, Y., Guo, K., Kramer, R. S. S., Edmond, G., Martire, K. A., San Roque, M., & White, D. (2021). Public attitudes towards the use of automatic facial recognition technology in criminal justice systems around the world. *PloS One*, *16*(10), e0258241-e0258241. https://doi.org/10.1371/iournal.pone.0258241

Rotter, J. B. (1966). Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. *Psychological Monographs: General and Applied, 80*(1), 1–28. https://doi.org/10.1037/h0092976

Rotter, J. B., Chance, J. E., & Phares, E. J. (1972). *Applications of a social learning theory of personality.* Holt, Rinehart, and Winston.

Rueda, J., Rodriguez, J. D., Jounou, I. P., Hortal- Carmona, J., Ausin, T., & Rodriguez-Arias, D. (2022). "Just" accuracy? Procedural fairness demands explainability in AI-based medical resource allocations. *AI & Society*, 1–12. https://doi.org/10.1007/s00146-022-01614-9

Schlesinger, T. (2005). Racial and ethnic disparity in pretrial criminal processing. *Justice Quarterly*, *22*(2), 170–192. https://doi.org/10.1080/07418820500088929

Scott, A. (2021). *Difference between algorithm and artificial intelligence*. Data Science Central. https://www.datasciencecentral.com/differen ce-between-algorithm-and-artificial- intelligence/

Sharan, N. N., & Romano, D. M. (2020). The effects of personality and locus of control on trust in humans versus artificial intelligence. *Heliyon*, *6*(8), e04572. https://doi.org/10.1016/i.heliyon.2020.e04572

Sherman, S. J. (1973). Internal-external control and its relationship to attitude change under different social influence techniques. *Journal of Personality and Social Psychology*, *26*(1), 23–29. https://doi.org/10.1037/h0034216

Shroff, R. (2019, September 25). Artificial intelligence explained in simple terms. *Medium*. https ://medium.com/mytake/artificial-intelligence-explained-in-simple-english- part-1-2-1b28c1f762cf

Smith, P. B., Dugan, S., & Trompenaars, F. (1997). Locus of control and affectivity by gender and occupational status: A 14 nation study. *Sex Roles, 36*(1–2), 51–77. https://doi.org/10.1007/BF02766238

Spohn, C., & Holleran, D. (2000). The imprisonment penalty paid by young, unemployed Black and Hispanic male offenders. *Criminology*, *38*(1), 281–306. https://doi.org/10.1111/L1745-9125.2000.tb00891.x

Starke, C., & Lunich, M. (2020). Artificial intelligence for political decision-making in the European Union: Effects on citizens' perceptions of input, throughput, and output legitimacy. *Data & Policy*, *2*(1). https://doi.org/10.1017/dap.2020.19

Thibaut, J. W., & Walker, L. (1975). *Procedural justice: A psychological analysis*. L. Erlbaum Associates.

Turner, K. B., & Johnson, J. B. (2005). A comparison of bail amounts for Hispanics, Whites, and African Americans: A single county analysis. *American Journal of Criminal Justice*, *30*(1), 35–53. https://doi.org/10.1007/BF02885880

Tyler, T. R. (2006). Psychological perspectives on legitimacy and legitimation. *Annual Review of Psychology, 57*(1), 375–400. https://doi.org/10.1146/annurev.psych.57.10 2904.190038

Victor, A. (2021, July 24). 10 uses of artificial intelligence in day to day life. *Daffodil*. https://insights.daffodilsw.com/blog/10-uses-of-artificial-intelligence-in-day-to-day-life

Wallston, B. S., & Wallston, K. A. (1978). Locus of control and health: A review of the literature. *Health Education Monographs*, *6*(1), 107–117. https://doi.org/10.1177/109019817800600102

Western, B. (2006). *Punishment and inequality in America.* Russell Sage Foundation.

Zadgaonkar, A. V., & Agrawal, A. J. (2021). An overview of information extraction techniques for legal document analysis and processing. *International Journal of Electrical and Computer Engineering, 11*(6), 5450–5457. https://doi.org/10.11591/iiece.v11i6.pp5450-5457

Zajonc, R. B. (2001). Mere exposure: A gateway to the subliminal. *Current Directions in Psychological Science, 10*(6), 224–228. https://doi.org/10.1111/1467-8721.00154

Zelditch, M., Jr. (2018). Legitimacy theory. In P. J. Burke (Ed.), *Contemporary social psychological theories* (pp. 340–371). Stanford University Press.

ПРИЛОЖЕНИЕ / APPENDIX

Выделенные темы, категории внутри каждой темы, их определения, количество упоминаний каждой категории в ответах, согласие или несогласие в каждой категории

Identified Themes, Categories within Each Theme, Their Definitions, the Number of Times That a Category Appeared in Their Response, and Whether They Agreed or Disagreed with the Category

Тема / Theme	Категория / Category	Рабочее определение / Operational Definition	Количество упоминаний / Number of Times Appeared
Общественное мнение / Community Sentiment	Поддержка в целом / Overall Comment Support	Отношение комментатора к ИИ в целом / Measurement of how supportive the comment was towards AI	325 Отрицательных / Negative = 229; нейтральных / Neutral = 33; положительных / Positive = 63
Неприятие технологий/ принятие технологий / Algorithm Aversion/ Algorithm Appreciation	Польза / Utility	Считают ли судьи, что ИИ может принести пользу (например, «Я думаю, ИИ может помочь мне при принятии решений») / Whether or not the judge thinks the tool will be (e.g., I think it could help me make decisions)	58 Польза / Utility Benefit = 48; отсутствие пользы / No utility benefit = 10
	Этика / Ethics	Этическое преимущество или недостаток (например, «Нельзя относиться к людям как к статистическим данным») / Ethical advantage or disadvantage (e.g., it would be wrong to treat people like statistics)	15 Этическое преимущество / Ethical advantage = 0; этический недостаток / Ethical disadvantage = 15
Локус контроля / Locus of Control	Угроза автономии/ судебному усмотрению / Threat to Autonomy/ Judicial Discretion	Ощущают ли судьи угрозу своей автономии или праву на судебное усмотрение (например, «Судьи должны самостоятельно принимать решения») / Judge's perceived threat of autonomy and discretion (e.g., Judges should make their own decisions)	61 Угроза автономии / Threat to autonomy = 61
	Высокая степень неопределенности / High Level of Uncertainty	Уровень неопределенности в представлении судей о том, как работают алгоритмы ИИ (например, «Я не совсем понимаю, как ИИ может помочь») / Judges' level of uncertainty about AI algorithms and how they work. (e.g., I am unsure of how AI can help)	40 Высокая степень неопределенности / High uncertainty = 40
	Контроль / Control	Ощущают ли судьи контроль над процессом (например, «ИИ – это черный ящик, невозможно понять, как он принимает решения») / Judge's perceived amount of control in the process (e.g., The AI is a black box and there is no way to understand the process behind its decision)	12 Отсутствие контроля / No control = 12
Процессуальное правосудие / Procedural Justice	Угроза правосудию / Threat to Justice	Ощущают ли судьи угрозу правосудию со стороны ИИ (например, «Жесткая привязка к любой системе без контроля со стороны здравого смысла – это неправильно и может привести к плохим последствиям») / Judges' perceptions of AI as a threat to justice (e.g., Further, rigid adherence to any system without a common sense review is problematic and can lead to very unjust results.)	31 Угроза правосудию / Threat to Justice = 31
	Уникальность ситуаций / Not One Size Fits All	Справедливое вынесение решения требует учета всех аспектов ситуации, а не только того, что заложено в программе (например, «Люди – сложные создания, программа не может судить их») / Sentencing and fairness demand judges to consider the whole story of the – not just whatever is programmed in the code (e.g., humans are complicated and a code cannot judge that)	39 Все ситуации уникальные / Not one size fits all = 39
	Человеческий фактор / Human Element	Мнения судей об участии человека в процессе правосудия (например, «Процесс принятия решений должен осуществляться людьми») / Judges' perceptions about having human involvement (e.g., humans need to be)	84 Да / Yes = 84

Окончание приложения / End of Appendix

Тема / Theme	Категория / Category	Рабочее определение / Operational Definition	Количество упоминаний / Number of Times Appeared
Легитимность / Legitimacy	Угроза легитимности системы / Threat to perceived legitimacy of the system	Мнения людей о системе правосудия в случае участия ИИ в процессе принятия решений (например, «Где грань между устранением предвзятости и инструкциями по вынесению приговоров? Судьи лишатся полномочий по вынесению приговоров») / How people might view the justice system if an AI is helping decisions rather than the judge making the decisions themselves (e.g., "Removing bias" sounds like "sentencing guidelines," which means sentencing decision authority is being taken from judges)	16 Угроза легитимности / Threat to legitimacy = 16
	Необходимы рекомендации / Guidelines needed	Необходимость тщательной разработки рекомендаций/инструкций/надзора/проверок/аудита/научных исследований (например, «Должны быть некие установленные нормы») / Need strict programming/guidelines/testing/oversight/checks/audits/scientific research (e.g., there needs to be some sort of set guidelines)	19 Необходимы рекомендации / Guidelines needed = 19
Выгоды / Benefit	Предвзятость судей / Judge Bias	Судьи признают наличие собственной предвзятости / Judges' admittance of their own biases	18 Предвзятость судей / Judge bias present = 18
	Желание обучиться / Willingness to Learn	Желание судей узнать об ИИ (например, «Мне необходимо изучить исследования в этой области») / Judge's willingness to learn about AI (e.g., I need to see research in this area)	10 Желание обучиться / Willing to learn = 10
Опасения / Concern	Предвзятость в данных / Bias in Data	Существует предвзятость в данных в результате ранее принятых предвзятых решений в системе уголовного правосудия (например, «Неверные данные приводят к неверным решениям») / There is bias within the data based on previously biased decisions within the criminal justice system. (e.g., garbage in garbage out)	73 Предвзятость в данных / Bias in data = 73
	Замена судей / Replace Judges	Опасения судей о полной замене их искусственным интеллектом (например, «Неужели судебный процесс могут вести роботы») / This is in reference to judges' fear about being replaced by AI (e.g., how about full robot courts)	30 Замена судей / Replace judges = 30
	Предвзятость усугубится / Make Bias Worse	Скрытая предвзятость может усугубиться (например, «По моему опыту, небелые подсудимые чаще контактируют с полицией и поэтому имеют больше криминального прошлого. Это важный элемент алгоритма, который приводит к неверным результатам») / Make implicit bias worse (e.g., My experience is that non-white defendants have longer criminal histories due to more police contact. A defendant's criminal history is a significant element of the algorithm, which produces disparate results)	26 Предвзятость усугубится / Make bias worse = 26
	Отсутствие объективности / Lack of Objective Reasoning	ИИ не учитывает объективные факторы (например, «ИИ не может учесть тонкие аспекты человеческого взаимодействия, которые говорят больше, чем любые тесты») / AI's lack of objective reasoning (e.g., AI cannot take into account the subtle aspects of human interaction, which is more telling than any paper test)	12 Отсутствие объективности / Lack of objective reasoning = 12

Примечание: Поскольку анализировались вторичные данные, одобрения Экспертного совета организации не требовалось. Эти данные были частично описаны в популярном ключе в краткой новостной заметке в бюллетене *Judicial Edge Today*, издаваемом Национальным юридическим колледжем (*NJC*) в Рино, штат Невада. Заметка доступна на сайте https://www.judges.org/news-and-info/judges-remain-skeptical-on-whether-artificial-intelligence-can-make-decisions-more-fairly-than-they-can

Об авторах

Анна Файн получила степень магистра психологии в университете штата Аризона. В настоящее время является соискателем степени PhD по программе междисциплинарной социальной психологии университета Невады в Рино. В рамках своего исследования она изучает отношение судей и широкой общественности к искусственному интеллекту и применение ИИ в обществе, в частности в судебной системе. Анна Файн благодарит Шона Марша и Монику К. Миллер за их неизменную поддержку ее исследований.

Стефани Ли обучается на первом курсе магистратуры в области социологии университета Невады в Рино. Она получила степень бакалавра в области педагогики и получает степень магистра, чтобы изучать некоммерческие и неправительственные образовательные организации на международном уровне. Среди ее научных интересов – некоммерческие и неправительственные организации, системы образования и учебные программы в различных странах, проблемы социальной справедливости и противодействия расизму. Стефани Ли выражает благодарность своим наставникам Клейтону Пиплз и Монике К. Миллер за постоянные консультации и поддержку.

Моника К. Миллер, доктор права, PhD, является профессором университета Невады в Рино. Она также сотрудничает с департаментом уголовного правосудия и программой на соискание степени PhD по междисциплинарной социальной психологии и преподает в программе по изучению процессуальной системы. Ее исследования лежат на стыке правовых и социальных дисциплин, фокусируясь на теоретическом обосновании повышения благосостояния в мире.

About the Authors

Anna Fine, M. S., graduated from Arizona State University with a Master of Science in Psychology. She is a PhD student in the Interdisciplinary Social Psychology PhD Program at the University of Nevada, Reno. Her research interests include how judges and the general public perceive artificial intelligence and its implementation within society, especially within the court system. She would like to acknowledge both Shawn Marsh and Monica K. Miller for their consistent encouragement to follow my research interests. Correspondence concerning this article should be addressed to Anna Fine, Interdisciplinary Social Psychology Ph.D. Program, Mailstop 1300 1664 N. Virginia Street, Reno, NV 89557. Email: afine@nevada.unr.edu.

Stephanie Le is a first-year Master of Sociology student at the University of Nevada, Reno. Her bachelor's degree is in Education and is obtaining her Master's degree in Sociology in order to pivot out of direct instruction into the realm of global non-profit and non-government organizations related to Education. Her research interests involve non-profit and non-government organizations, Global Education pedagogy and curriculum design, social justice, and anti-racism. She would like to acknowledge and thank her two faculty advisors Clayton Peoples and Monica K. Miller for their continued advice and support.

Monica K. Miller, J.D., PhD, is a Foundation Professor at the University of Nevada, Reno. She has appointments in the Criminal Justice Department and the Interdisciplinary Social Psychology PhD program and teaches in the Judicial Studies program. Her research is at the cross-section of law and social sciences, with focus on theory-based research that promotes well-being in the real world.

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 04.12.2023
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 10.01.2024
Дата принятия в печать / Accepted 10.01.2024

ДИСКУССИИ / DISCUSSIONS

Редактор рубрики *П. А. Кабанов* / Rubric editor *P. A. Kabanov*

Scientific article **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.264-279**
УДК 004.8:159.9:343:347.9

M. Di Salvo[1]

[1] *CrossMediaLabs, Naples, Italy*

Artificial Intelligence and the cyber utopianism of justice. Why AI is not intelligence and man's struggle to survive himself

Michele Di Salvo, Doctor in Law, Università Federico II di Napoli; CrossMediaLabs
E-mail: Mik.disalvo@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9531-0591

Abstract

Objective: to show the ontological differences between human and artificial intelligence and address structural divergences at the definitional level.

Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors, which predetermined the following research methods: formal-logical and sociological.

Results: a cross-cutting analysis was applied to the phenomenon of AI between cyber utopianism and cyber realism. Starting from a quote by Max Tegmark, the theory of artificial intelligence is reconstructed by the theorists who founded the discipline (Turing, Minsky, Bernstein, von Neumann) and it is discussed why – in light of the discoveries and assumptions of neuroscience – it is not possible to define it as intelligence according to human criteria. Three short notes are included in the appendix that complete the discussion: 1. on the consciousness of machines 2. on the theory of utopian cyber employment and remuneration 3. "The hungry judge is more cruel" (discussion on an Israeli study).

Scientific novelty: through the examination of multiple types of intelligence (Gardner) and social intelligence (Thorndike, Goleman), a more complex definition of intelligence is proposed than that which can be replicated by artificial neural networks, especially in relation to the interaction between animal and environment. Three short messages highlight the uncertainty and risks that may arise from the rampant use of artificial intelligence as judges.

Practical significance: starting from a correct definition of human intelligence, the author comes to the definition of artificial intelligence. Beyond the myth of AI, we discover its limits and the objective limitations we must provide for in order to save the most precious asset we have: mankind.

Keywords:

artificial intelligence, justice, criminal law, neuroscience, computational theory

© Di Salvo M., 2024

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Di Salvo, M. (2024). Artificial Intelligence and the cyber utopianism of justice. Why AI is not intelligence and man's struggle to survive himself. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 264–279. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.264-279

Научная статья

М. Ди Сальво[1]

[1] *CrossMediaLabs, г. Неаполь, Италия*

Искусственный интеллект и киберутопизм в правосудии. Почему ИИ – не интеллект; борьба человека за собственное выживание

Микель Ди Сальво, доктор права, Неаполитанский университет имени Федерико II; CrossMediaLabs
E-mail: Mik.disalvo@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9531-0591

Аннотация

Цель: рассмотрение онтологических различий между человеческим и искусственным интеллектом и структурных расхождений на уровне дефиниций.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий анализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, что предопределило следующие методы исследования: формально-логический и социологический.

Результаты: феномен ИИ подвергнут всестороннему анализу в контексте киберутопизма и киберреализма, начиная от основателей теории искусственного интеллекта (Тьюринга, Минского, Бернштейна, фон Неймана) и заканчивая недавними работами Макса Тегмарка. Показано, что открытия и гипотезы нейробиологии не позволяют определить ИИ в качестве интеллекта по человеческим критериям. В приложение включены три короткие заметки, подводящие итог обсуждению: 1. О сознании машин; 2. О теории утопической кибернетической занятости и системы вознаграждения; 3. Обсуждение израильского исследования «Голодный судья судит строже».

Научная новизна: на основе теорий множественного интеллекта (Гарднер) и социального интеллекта (Торндайк, Гоулман) автор предлагает определение интеллекта как более сложной системы, чем та, которая может быть воспроизведена искусственными нейронными сетями, особенно в отношении взаимодействия животного и окружающей среды. Короткие заметки в приложении показывают неопределенность и риски, которые могут возникнуть в связи с широким использованием искусственного интеллекта в роли судей.

Практическая значимость: через корректное определение человеческого интеллекта автор приходит к определению искусственного интеллекта. За мифом об искусственном интеллекте обнаруживаются его пределы и объективные ограничения, которые необходимо предусмотреть, чтобы спасти самое ценное, что есть у человечества, – его человеческую сущность.

Ключевые слова:

искусственный интеллект, правосудие, уголовное право, нейробиология, теория вычислений

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Ди Сальво, М. (2024). Искусственный интеллект и киберутопизм в правосудии. Почему ИИ – не интеллект; борьба человека за собственное выживание. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 264–279. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.264-279

Introduction. The theme, the provocation, the suggestion

In a conceptually essential passage of his book "Life 3.0 – Being human in the era of artificial intelligence", Max Tegmark (2018) proposed a scenario of the application of AI to law. He states:

> "*What are the first associations that come to your mind when you think about the court system in your country? If it's lengthy delays, high costs and occasional injustice, then you're not alone. Wouldn't it be wonderful if your first thoughts were instead "efficiency" and "fairness"?"* (Tegmark, 2018, p. 136).

This is the premise, but let us delve deeper into the underlying method:

> *"Since the legal process can be abstractly viewed as a computation, inputting information about evidence and laws and outputting a decision, some scholars dream of fully automating it with robojudges: AI systems that tirelessly apply the same high legal standards to every judgment without succumbing to human errors such as bias, fatigue or lack of the latest knowledge"* (Tegmark, 2018, p. 136).

It would be enough to reread the chapter "Logic and thought" in "Rationality: What it is, why it seems scarce, why it matters" by Steven Pinker (2022) to use this statement as a real compendium if not a real manual of what Pinker defines as "formal and informal fallacies".

The consequence is worse than the premise:

> *"Robojudges could in principle ensure that, for the first time in history, everyone becomes truly equal under the law. …they could be programmed to all be identical and to treat everyone equally, transparently applying the law in a truly unbiased fashion…Robojudges could also eliminate human biases that are accidental rather than intentional. Another shortcoming of human judges is that they may lack sufficient time to explore all details of a case. In contrast, robojudges can easily be copied, since they consist of little more than software, allowing all pending cases to be processed in parallel rather than in series, each case getting its own robojudge for as long as it takes. Finally, although it's impossible for human judges to master all technical knowledge required for every possible case, from thorny patent disputes to murder mysteries hinging on the latest forensic science, future robojudges may have essentially unlimited memory and learning capacity"* (Tegmark, 2018, p. 137).

The manifesto of cyber-utopianism

The sum of cyber-utopianism (Morozov, 2012) is almost completely expressed in this reconstruction. An emotionally argued premise is appealed to: the undoubted defects of costly, often imperfect and not always speedy justice. A fast, economical and "certain" solution of a machine is proposed to the human fallacy.

It appeals to the common perception considering a completely incomplete premise and introduces a very dangerous assumption: "legal processes can be seen in the abstract as a computation, with evidence and laws as inputs and a decision as output".

Here lies the first error, which, if it has a certain effect on a common man, can hardly enchant and replace a complete and profound analysis of the theme.

Legal processes are not computation, but pondering. They concern people and facts that are never identical to each other. And mathematical rules cannot be applied to individual cases. Mathematical algorithms are created precisely to abstract, generalize, use a single formula to a variety of data.

Furthermore, almost trivially, we should remember that if "the law" does not change, jurisprudence certainly evolves, while "the algorithm" does not. Upon closer inspection, there is a fundamental error – now historical – generated by the similarity between neuronal networks and computational networks. The error is generated by the comparison between a human (animal) brain and a computer, which was refuted by the theory of computation. The founders of computational theory and in some way the fathers of so-called artificial intelligence understood this intuitively and conceptually.

Thus, before resuming the reasoning between a presumed (aberrant) application of AI and robot judges to law and trials, it is good to revisit some considerations on the brain-computer similarity. It is significant that cyber utopianism, which also affirms the founding value of "substantially unlimited memory and learning capacity", wishing to push the growth of computational capacity and to spread AI applications, knowingly selects and retains and partially and covertly disseminates only some of the assumptions of the computation founders.

It is not a gratuitous accusation. If this is what the "programmers" and designers of the new artificial intelligence do, how can we believe in the impartiality, neutrality, and "omni-comprehension" of the information of their creations? Let us think about this the next time they sell us an AI "that contains everything" because in "too much" it is easy to lose something quantitatively negligible but content-wise and conceptually essential.

Research results

The short memory of cyber-utopians on the theory of computation and AI

Alan Turing stated in "Proposed electronic calculator" (1946)[1]:

"*It will be almost our most serious problem to make sure that the calculator is doing what it should. We may perhaps distinguish between three kinds of error.*
(1) Permanent faults' that have developed in the wiring or components, e, g. condensers that have become open circuit.
(2) Temporary errors due to interference, noise reaching unexpected levels, unusual combinations of voltages at some point in the circuit, etc.
(3) Errors due to the use of incorrect instruction tables, or even due to mistaken views as to what the circuit should do".
It will be our intention to install monitoring circuits to detect errors of form (l) fairly soon.
Errors of type (2) should not occur when the apparatus is in proper working order, however when a component is beginning to ago its deficiencies will often how themselves first in this sort of way. Incorrect instruction tables (3) will often be shown up by the checks which have been put into these same instruction tables." (Turing, 1946, p. 16) *"There are three chief functions to be performed by the checking. It must eliminate the possibility of error, help to diagnose faults, and inspire confidence. … In order to inspire confidence the checking must have some visible manifestations. Certainly whenever a check fails to work out the matter oust be reported by the machine"* (Turing, 1946, p. 17).

The founder of computation is confident in his exemplification of the three types of error. Among them, perhaps, the third denotes a certain technocratic utopianism in man: the idea that one does what one must do almost as if it were a scientific need, which he does not take into account (consistent with Alan Turing's approach and vision) of economic interest. But of the verification tasks there is only one that the cyber utopians have really cared about: inspiring trust (the rest is negligible and often overlooked).

Turing wrote in "Intelligent machinery: a report" (1948):

"I propose to investigate the question as to whether it is possible for machinery to show intelligent behaviour.
"(a) An unwillingness to admit the possibility that mankind can have any rivals in intellectual power".
"(b) A religious belief that any attempt to construct such machines is a sort of Promethean irreverence".
"(c) The very limited character of the machinery which has been used until recent times (e.g. up to 1940). This encouraged the belief that machinery was necessarily limited to extremely straightforward, possibly even to repetitive, jobs".
"(d) Recently the theorem of Godel and related results ... have shown that if one tries to use machines for such purposes as determining the truth or falsity of mathematical theorems and one is not willing to tolerate an occasional wrong result, then any given machine will in some cases be unable to give an answer at all".
If and to the extent that "a machine can show intelligence this is to be regarded as nothing but a reflection of the intelligence of its creator" (Copeland, 2004, p. 410; Turing, 1948, p. 2).

To these apparently schematic and simplified statements, however, Turing adds two considerations, very relevant for the purposes of our analysis:

"*The argument from Gödel's and other theorems (objection (d)) rests essentially on the condition that the machine must not make mistakes. But this is not a requirement for intelligence. …The view (e) that intelligence in machinery is merely a reflection of that of its creator is rather similar to the view that the credit for the discoveries of a pupil should be given to his teacher"* (Copeland, 2004, p. 411; Turing, 1948, p. 3).

[1] Turing, A. M. et al. (1946). Proposed electronic calculator. Report, National. https://www.alanturing.net/turing_archive/archive/p/p01/P01-001.html

So already seventy years ago, thinking well beyond the technological aspect and going to the foundations of computation, Turing warned against two gross misunderstandings – which today appear completely forgotten axiomatically (as if technological progress by increasing the computing capacity evaded the fundamental flaw): that the machine must not make errors is not a requirement for intelligence (let alone artificial intelligence) and that intelligence in machines is only a reflection of that of their creator (the idea used for reassuring purposes).

Finally, the overall topic on which it is necessary to think (with human intelligence) is:

"The extent to which we regard something as behaving in an intelligent manner is determined as much by our own state of mind and training as by the properties of the object under consideration" (Copeland, 2004, p. 431; Turing, 1948, p. 19).

In this context too, the point that has in fact become the provocative challenge (and was not intended to be at all!) of the "test" of machine intelligence also deserves due space. Alan Turing foresees many of the most serious objections that can be raised against artificial intelligence. In his fundamental article "Computing machinery and intelligence" (Turing, 1950) he lists nine of them and quotes a passage from a speech given by Geoffrey Jefferson (1949):

"Until a machine can write a sonnet or compose a concerto because of thoughts and emotions felt, and not by the chance fall of symbols, could we agree that machine equals brain-that is, not only write it but know that it had written it. No mechanism could feel (and not merely artificially signal, an easy contrivance) pleasure at its successes, grief when its valves fuse, be warmed by flattery, be made miserable by its mistakes, be charmed by sex, be angry or depressed when it cannot get what it wants" (Jefferson, 1949, p. 1110).

We all know the fundamental rules and conditions of the "Turing game" that he invented and described in the article cited above. Less known is a variant that Turing proposed for his game and which can be useful in trying to define the question on a purely logical or almost logical basis. In this variant the machine part must be supported for example by a human being. The two participants are locked as usual in separate rooms and must conceal their sex while the interrogator tries to discover it based on the typed answers provided to a series of questions. In the contexts of Turing's games it is relevant to remember that no rule requires X to tell the truth.

It is essential to remember that Turing never promised us a machine that was absolutely indistinguishable from us from every point of view (this is the challenge that the companies interested in the relative profits have taken up believing they can do so). His concern was rather to demystify the question of whether machines can think. He accepted as a fact that people think and as a criterion for whether the machine can think he proposed to actually build a machine such that a person cannot distinguish its outputs from the mental products of another person.

Another "sacred monster" of reference for computation is Jeremy Bernstein (Bernstein, 1978; Bernstein 1990), whose fundamental text (in terms of recapitulation) is "Science Observed" (Bernstein, 1982). Bernstein's text is very relevant for two reasons: first, because in some way it "orders and summarizes" much of the elaborations of about thirty years of reasoning at the basis (founding) of computation and AI, secondly because it focuses on and addresses the question of the similarity between brain-mind (human and animal intelligence) and computational machine (artificial intelligence), showing the enormous conceptual inconsistencies well before the notable discoveries of neuroscience.

One of the fathers of computation, Marvin Minsky (1965, p. 4; also mentioned in Bernstein, 1990, p. 16) wrote:

"If one thoroughly understands a machine or a program, he finds no urge to attribute "volition" to it. If one does not understand it so well, he must supply an incomplete model for explanation. Our everyday intuitive models of higher human activity are quite incomplete, and many notions in our informal explanations do not tolerate close examination. Free will or volition is one such notion: people are incapable of explaining how it differs from stochastic caprice but feel strongly that it does" (Minsky, 1965, p. 4).

Bernstein (Bernstein, 1982, p. 12) continues:

"When intelligent machines are built we should not be surprised to find them as stubborn and confused as man in their beliefs relating to the problem of the mind-matter relationship to free will consciousness and the like. In fact, all these problems aim to explain the complicated interactions between the various parts of the self-model".

He also wrote about the machine built in 1951:

"The random connections gave it a sort of protection against failures if even one of the neurons didn't work the consequences weren't that serious... I don't think we'll ever be able to discover how to eliminate all the bugs in our machine … but it didn't matter because of those crazy random connections it was almost certain to work no matter how it was built" (Translation from Italian (Bernstein, 1990, p. 17)).

According to Minsky's description the machine built at Harvard was fundamentally Skinnerian. Its unrewarded behavior was more or less random and this limited its learning capabilities; it never managed to formulate a plan.

Here we return to computational network/neural network parallelism. The question that McCulloch and Pitts (1943) sought to answer is what a neural network of this kind can do. The list of their axioms is as follows:

1) the activity of a neuron is an all or nothing process (a neuron is either active or not);

2) at any instant for a neuron to be excited it is necessary that a well-determined number of synapses are excited during the latent addition period;

3) the only significant delay within the nervous system is synaptic delay;

4) if any inhibitory synapse is active, the excitation of the neuron at that moment is absolutely prevented (now we know that they are added to the rest of the synaptic input);

5) the structure of the network does not change over time (this requires a strong re-elaboration).

The last axiom presumably means that the behaviors of this ideal network are considered immortal.

The end of brain-computer equality

A few years after the appearance of the above article, von Neumann (von Neumann, 1958) – the father of at least the first three super "computers" in history – inspired by their results wrote:

> *"Everything that can be described in an exhaustive and unambiguous way, everything that can be expressed in words in a complete and unambiguous way is ipso facto feasible through an appropriate finite neural network"* (translation from Italian (Bernstein, 1990, p. 92)).
>
> *"The vast majority of contemporary AI researchers believe they need to build increasingly complex programs. In light of what has been achieved so far, this activity is justifiable, fruitful but can also be misleading"* (translation from Italian (Von Neumann, 2014, p. 135)).

The following observation was made by Francis Crick (1955) in an article appearing in *Scientific American*:

> *"The advent of larger, faster and cheaper computers has given us an idea of the results that can be obtained with fast computing. Unfortunately, the analogy between the computer and the brain, although useful in some respects, can be misleading. In a computer, information is processed very quickly in a serial manner. In the brain the processing speed is much slower but the information can be processed in parallel on millions of channels. The behaviors of a modern calculator are very reliable but by eliminating one or two of them you can upset an entire process. In comparison, the brain's neurons are much less reliable, but excluding some of them is unlikely to make an appreciable difference in behavior. A calculator works on the basis of a strict binary code. It seems that the brain instead relies on less precise communication methods but on the other hand it is likely that it regulates the number and performance of synapses in complex ways to adapt their functioning to experience. It is not surprising, therefore, that although a computer can accurately and rapidly perform long and abstruse arithmetic calculations, tasks at which humans are poorly successful, humans themselves are able to recognize shapes in ways that no computer today can remotely imitate"* (translation from Italian (F. H. C. Crick, 1979)).

In 1966 von Neumann:

> *"…discussed the general design of a self-reproducing automaton. He said that it is in principle possible to set up a machine shop which can make a copy of any machine, given enough time and raw materials. This shop would contain a machine tool B with the following powers. Given a pattern or object X, it would search over X and list its parts and their connections, thereby obtaining a description of X. Using this description, the tool B would then make a copy of X. "This is quite close to self-reproduction, because you can furnish B with itself"* (Neumann, 1966, pp. 82–83).

In a Vanuxem conference (Freeman, 1970), a physicist Freeman Dyson correlated the elements of von Neumann's machine to their biological counterparts. A factory corresponds to ribosomes, a photocopy machine to RNA polymerase and DNA polymerase enzymes, a supervisor is made up of the control molecules, repressor and inducer, and a project corresponds to RNA and DNA: von Neumann understood it first.

How can one design a system that is reliable even though the operations on which it is based are not entirely reliable? Von Neumann understood that the key lies in redundancy the presence of many identical devices with the same function.

He hypothesized that the central nervous system must have a redundant organization in order to function with an acceptable error rate. He also understood that if the universal machine created by Turing could be made to reproduce itself, it could evolve. If a program were modified by a mutation and if despite this modification the machine could continue to reproduce, then a modified descendant would be generated.

According to researchers (F. J. Dyson, 1985; G. Dyson, 2012), von Neumann was convinced that the very possibility of a universal automaton ultimately made unlimited biological evolution conceivable. In the process in which simple organisms evolve into more complex organisms it is not necessary to redesign the fundamental biochemical mechanism every time, it is enough just to modify and extend the genetic instructions.

Von Neumann made this explicit in "The Computer and the Brain" (von Neumann, 1958) but with a declination that definitively should have – and did not – archive the symmetry and suppose similarity between brain (intelligence) and machine (artificial intelligence):

> *"The nervous system is a computing machine which manages to do its exceedingly complicated work on a rather low level of precision…no known computing machine can operate reliably and significantly on such a low precision level"* (von Neumann, 1958, pp. 75–76).

Cyber-utopians and the "who is smarter" challenge

The passage "...no known computing machine could work..." determined the "arms race" of artificial intelligence: the challenge to beat the reasoning of von Neumann, one of the most brilliant minds in history, in intelligence: one had to make an "unknown" machine that could also work. It had to be called artificial intelligence, it had to (as Turing had prescribed) "instill trust" and for this reason the parallel – forced and falsifying scientific reality – with the human brain was called "harmless", to "familiarize" the new creature.

Another of the greatest intelligences of the 20th century also was to be defeated in one blow: Alan Turing playing his game (the first, not the second, which would have been too difficult).

The challenge of cyber utopianism was open.

Cyber-law-utopianism: how robot judges will judge man

There are many points of view regarding the relationship between AI and criminal justice. This law branch causes the most debates and comparison; it also requires essential regulatory and rights protection skills, which do not strictly belong to the competence and attention of other branches of knowledge. The debate is strongly focused on the issues of privacy and increasingly subtle rights, such as the protection of neural rights, copyright, the protection of privacy of personal data and biological metadata up to the discipline of emotional AI.

Leaving aside these aspects for the moment, which are nevertheless relevant, we can thus highlight some of the most important positions on the subject of criminal justice.

According to P. M. Morhat, artificial intelligence may perform such functions in the administration of justice as routine work of a judge, including controlling the activities in court, processing information and documents, providing expert-analytical, linguistic and organizational support for legal proceedings (Morhat, 2018, pp. 25–27). Moreover, the existing practice of using AI in court proceedings showed that it is impossible to separate a human judge from an AI, especially in complex cases; on the contrary, they must cooperate so that a human judge may control AI. The key issue is to analyze the algorithm for communication between artificial intelligence and humans (Buocz, 2018).

Researchers (Andreev et al., 2020, p. 31) pointed out that AI performance cannot be isolated from the actions of a human judge in legal proceedings. It is still impossible to obtain autonomous "machine decisions" (judicial acts). An evaluation by a human judge is required in such issues as legal qualification and others. The judge's decision is made during the actual trial. However, the machine determines the sentence without taking into account the defendant's interaction with the judge (court). It does not evaluate verbal and non-verbal means of communication (tone of voice, facial expression, gestures, posture). These and other observations form a defendant's psychological portrait and help to ensure that the scope of correctional influence is adequate to the criminal case (Alikperov, 2018, p. 21).

These issues are considered in the conceptually essential passage of "Life 3.0" by Max Tegmark in which he introduces the application of AI to law. However, his reasoning should be cautiously applied to other spheres of human activity: medicine, vehicle driving, scientific research, or teaching. Certain defects cannot be easily eliminated using a machine instead of a human being. In the sphere of law and right, the situation is as follows:

"What are the first associations that come to your mind when you think about the court system in your country? If it's lengthy delays, high costs and occasional injustice, then you're not alone. Wouldn't it be wonderful if your first thoughts were instead 'efficiency' and 'fairness'?" (Tegmark, 2018, p. 136).

"Since the legal process can be abstractly viewed as a computation, inputting information about evidence and laws and outputting a decision, some scholars dream of fully automating it with robojudges: AI systems that tirelessly apply the same high legal standards to every judgment without succumbing to human errors such as bias, fatigue or lack of the latest knowledge" (Tegmark, 2018, p. 136).

"Robojudges could in principle ensure that, for the first time in history, everyone becomes truly equal under the law. …they could be programmed to all be identical and to treat everyone equally, transparently applying the law in a truly unbiased fashion… Robojudges could also eliminate human biases that are accidental rather than intentional. Another shortcoming of human judges is that they may lack sufficient time to explore all details of a case. In contrast, robojudges can easily be copied, since they consist of little more than software, allowing all pending cases to be processed in parallel rather than in series, each case getting its own robojudge for as long as it takes. Finally, although it's impossible for human judges to master all technical knowledge required for every possible case, from thorny patent disputes to murder mysteries hinging on the latest forensic science, future robojudges may have essentially unlimited memory and learning capacity" (Tegmark, 2018, p. 137).

What is (human) intelligence and why artificial intelligence is not intelligence

In a speech entitled "Algorithms and artificial intelligence. Men make mistakes but that's what makes them superior to machines", Ginevra Cerrina Feroni (2020), Vice President of the Italian Personal Data Protection Authority, stated:

"*We need to redefine the concept of "intelligence". This is an operation not at all obvious because it can have many different meanings: logical reasoning ability, comprehension, planification, self-awareness, creativity, problems resolutions, learning…*"

However, she added:

"*We can assume a wide definition intelligence like it is suggested by Max Tegmark* [Life 3.0: Being human in the age of artificial intelligence: Vintage]*: the intelligence is the 'ability to realize complex aims', or also 'the ability to acquire and apply acknowledges and competences'*" (Feroni, 2020).

Perhaps it is now time to address the first issue.

The definition of intelligence

A definition, even of a general concept, cannot be chosen randomly or by maximum generalization, nor according to the criterion of "greatest expository effectiveness". The basic point is that the greatest number of those enlisted in the cyber utopian cause are not – as may seem logical – information and mathematician engineers and programmers, but rather thinkers and popularizers, widely financed to generate "appearance of reliability" and make people feel "close and friendly" with an "alien" reality.

In the bestseller "Machine, platform, crowd: Harnessing our digital future" Andrew McAfee and Erik Brynjolfsson (2017) do not use the word 'privacy' once in 350 pages[1]. Yet the back cover text states (translation from Italian):

"The creativity that drives our future in the digital world comes from the peripheries. A new intersection of AI machines is changing the economy and our way of life. Two great luminaries show us how to inhabit the revolution".

The two prominent authors are respectively Director and Chief Researcher of the MIT Center for Digital Business and their research is financed with around 10 million dollars by Elon Musk. It would be appropriate to ask neuroscientists, psychologists and anthropologists what can be defined as intelligence (possibly chosen from among those who are not financed by new economy companies or tycoons).

There are simple definitions of intelligence, such as the ability to adapt to the environment. Some of them are much more effective and overall more comprehensive with more elements of complexity. A good example is the modern concept of environment: it and its impacts are defined not as a passive place in which to live but also as an active element capable of modifying those who live there. Similarly, it is probably impossible to provide a single definition of human intelligence.

We may also discover that there is not a single intelligence in humans.

Howard Gardner, Professor at Harvard University, proposed a theory on multiple intelligences in his authoritative book "Formae mentis. Essay on the plurality of intelligence" (1983, see also comments of Di Salvo, 2024). He delegitimized the concept of intelligence seen as a unitary factor measurable through the Intelligence Quotient (IQ) and updated it with a more dynamic definition, divided into sub-factors differentiated from each other.

In a series of empirical research, based on the vast literature concerning subjects suffering from neuropsychological lesions, he identified (at least) seven different types of intelligence: linguistic, musical, logical-mathematical, spatial, bodily-kinesthetic, personal, and interpersonal. Gardner also suggested that these forms (or specializations) of human intelligence are not "exclusive", but constitute a unique, personal, subjective and individual mix. In the same person, all the types of intelligence mentioned are present (and as the author also states, others still to be classified with due rigor), but with different degrees of qualitative and quantitative development. This mixture of intelligence types with absolutely variable percentages, unique for every person, determines the life and adaptation both of individuals and a community, as well as a society and a species.

A "trustworthy AI"

The "Ethical guidelines for trustworthy AI" drawn up in April 2019 by the European Commission states that the "processes need to be transparent, the capabilities and purpose of AI systems openly communicated, and decisions – to the extent possible – explainable to those directly and indirectly affected. Without such information, a decision cannot be duly contested" (European Commission, 2019, p. 13).

A well-known researcher G. Cerrina Feroni commented:

> *"Unfortunately, one is forced to recognize that it is not always possible to explain why a model has generated a particular result or decision. This is because, for the most part, algorithms are inscrutable systems, a sort of "black box" to use Frank Pasquale's definition* [(Pasquale, 2015)]. *Black boxes observe the characteristics of the users, profile, frame, judge, suggest the decisions to be taken. All this, however, without explaining how they arrive at that particular conclusion"* (Feroni, 2020).

Understandability presupposes that algorithms – especially predictive ones – are based upon logic; that is, that there is a retraceable and verifiable argumentative sequence. The problem is that most of the new generation algorithms do not limit themselves to deterministically deducing consequences from axioms pre-established by the programmer, but, by virtue of automatic learning systems, they themselves produce criteria which in many cases are not comprehensible even to these programmers (Simoncini, 2019).

G. Cerrina Feroni further clarified:

> *"The legal framework of artificial intelligence calls into question the principle of responsibility, which is inextricably linked to limits and reasonableness in all things human. Who should be legally accountable for the decisions and actions of an artificial intelligence, such as an autonomous car, a robot-surgeon, or an armed drone? The issue of legal responsibility in the case of an artificial intelligence that learns autonomously is enormous and still remains to be addressed. < …>*
> *In the race of machines better and better programmed to reach the objectives according to the logic of maximum efficiency, errors, hindrances, variations are not contemplated. < …>*
> *The perspective must, therefore, be reversed. We must claim a right to make mistakes, aware of our physiological fallibility. Otherwise, the risk is to find ourselves prey to a totalitarianism of efficiency, sustainable, perhaps, from an economic and ecological point of view, but not human. On the contrary, inhuman. An efficiency that could even go so far as to foresee paradoxical scenarios such as self-destruction, where calculated in terms of collective benefit"* (Feroni, 2020).

The presumed technological neutrality

Before returning to the starting hypothesis, i.e. the alleged hyper-efficiency of the robot judge, it is appropriate to consider another assumption that cyber utopians take for granted and loudly declare – always with the aim of selling AI as reliable and safe. This is the presumed "neutrality" of technology.

In his "Artificial intelligence and the risks of a 'disruption' of legal regulation", Giuseppe Mobilio effectively addressed the topic:

> *"The law must deal with a first misunderstanding that fuels an ideological distrust towards legal regulation, i.e. the idea that technology is "neutral", that is, that it has a merely instrumental value and therefore does not need to be regulated, if not in very general terms (Greenberg, Rethinking Technology Neutrality, in Minnesota Law Review, 2016)"* (Translation from Italian (Mobilio, 2020, p. 406)).

Faced with this assumption, however, one may recall Carl Schmitt and his book "The concept of 'political'" (1927). Speaking about "faith in technology" he wrote: "technique is always and only an instrument and a weapon and precisely because it serves everyone it is not neutral… [It is a] weapon that can be bent to any purpose and which remains culturally and morally blind".

Responding to Tegmark's assumption that robot judges "could be programmed to be all identical and to treat everyone equally by applying the law in a transparent and truly prejudice-free manner. They could also eliminate accidental rather than intentional human inclinations", Mobilio specified:

> *"AI is structured on algorithms. And it must be considered that there are no algorithms that simply neutrally reflect reality; rather, in order to obtain the expected results, they propose their own representation of the problems to be solved obtained from the chosen variables, the classifying formulas, the weight attributed to the individual parameters inserted, and the procedures that determine the result. Furthermore, decisions are often made by algorithms intended not only to use data that directly represent a certain phenomenon, but to process above all vicarious or indirect (proxy) data, which can undermine the accuracy of decisions and further distort the presupposed reality.*
> *If this is not enough, there is always the risk that the data with which the algorithms were initially trained repeats inequalities, exclusions or other traces of discrimination present in society. These are the so-called bias, or "distortions" that "systematically and unfairly discriminate against certain individuals or groups in favor of others", and which in turn translate into discrimination against the recipients or interested parties of the algorithmic decisions. Furthermore, each algorithmic model is designed on the basis of objectives chosen by the modelers and, consequently, is ideologically oriented. An orientation that often aims at the efficiency and profitability of those who use these tools, and not towards justice, equity or the good of the community"* (translation from Italian (Mobilio, 2020, pp. 406-407)).

Computational non-intelligence, or artificial deficiency

Returning to Gardner's intelligence model, we can immediately unmask the ambiguity of the term "artificial intelligence" and try to make it a little less "familiar" and therefore acceptable by the human community.

Gardner distinguished (at least) seven different types of intelligence: linguistic, musical, logical-mathematical, spatial, bodily-kinesthetic, personal and interpersonal. Of these types, the machine and its algorithms certainly cannot have a linguistic and musical creative intelligence, but may have a merely executive one. This is because "artistic" creativity requires an interaction between the intelligence and the environment of, first of all, movement (receptive interaction) and, second, of the value mediation of feelings (which are the qualifiers of an experience).

AI may also have a spatial, bodily-kinesthetic, merely computational intelligence: it can receive input from the environment and compute it, or manage the experience in terms of memory, but it cannot go beyond the input into a value experience.

The machine is totally (ontologically) devoid of personal and interpersonal intelligence, except in purely self-diagnostic (mechanical mathematics for the personal diagnostics) and relativistic (mechanical computational in the interconnection – rather than relationship – with "other") terms. It certainly has a logical-mathematical intelligence, to the extent that its logical and mathematical computation capacity is efficient and optimized, but certainly not creative-imaginative-abstractive one (in simple words, which "invents or discovers" an equation starting from the categorization and abstraction of reality).

The robot judge

A robot judge – very skilled in chess and unbeatable in the solution of an extremely complex equation but devoid of an authentically comparable linguistic, musical, personal and interpersonal intelligence, and barely technically and technologically developed partial spatial, bodily-kinesthetic, personal intelligence, – should judge a human being. That is, a being whose identity is based exactly on a subjective-individual mix of linguistic, musical, logical-mathematical, spatial, bodily-kinesthetic, personal and interpersonal intelligence, all present, differently modulated (qualitatively and quantitatively) developed not only in a environment but also from the environment, with which the machine does not have a significant relationship.

It is evident that each judge, in each different judgment, with the facts, environments and circumstances and the human persons before them varying, will judge in (even just slightly) different ways. The judge takes time to consider all the circumstances and decide on the punishment: a person's freedom must not be decided in seconds. Given that the judgment is not "computing" but "pondering" it remains a cornerstone that the judge – at least in terms of

minimum essential biological and neurological requirements, must remain "an equal" of the judged. With all the risks of imprecision and perfectibility of judgment by humans, it remains certainly preferable to any mathematical-mechanistic solutions.

THREE MARGIN NOTES
On "Life 3.0 – Being human in the era of artificial intelligence" by Max Tegmark

1. On the consciousness of machines

"PHI. A Voyage from the Brain to the Soul" is the title of a book by GiulioTononi (2012). PHI gives the theory of consciousness a narrative guise (something ChatGPT will never be able to do).Oliver Sacks provided the best summary of this work, saying: "GiulioTononi gave body and soul to the latest frontiers of neuroscientific research, and made them become a wonderful novel".

Tononi wrote:

"Science had given us great power, power to move fast, to generate vast amounts of heat, to create new crystals and new metals, and to send words and images over the earth in little time. But there was no escaping what these discoveries told us: that we are confined forever in a faraway province of the universe; and to that universe our lives are rounded with an instant, drowned inside a point" (Tononi, 2012).

At the end of his book Tegmark introduced the element of consciousness into computational machines through the development of AI, launching himself into an examination of the theories on consciousness; however, he did not mention some of them and wrote about others without essential details, to be more informative.

The topic is very delicate and deserves more attention.

This sentence by Tononi seems like an adequate reply:

"It seems that at times one ought to be careful before concluding that little response means little consciousness. Or, conversely, that many clever responses necessarily imply much consciousness". < …>
thinks that a machine may be good at producing clever responses but bad at producing consciousness because it is made of separate modules… So while it may occasionally fool us with its answers, it lacks the context and understanding that only consciousness can provide..."
"There are powerful machines inside the brain, and consciousness is wise to use them all. Some are for reading the features of the world, others for acting upon it. Most delicate are machines that calculate, and plan and counsel, and then machines that store the memory of events – though they are all just tools, not parts of consciousness itself" (Tononi, 2012).

As we have said, and as Giulio Tononi also reconstructs, Turing, a pioneer in the debate on artificial intelligence, proposed the test that today bears his name to establish whether the machine can think and perhaps be conscious.

The experiment is this: an intelligent machine and a human being are placed in a room and establish a conversation via teletype with a human interlocutor located in another room. After a certain amount of time, if the human interlocutor cannot distinguish which of the two is the machine and which is the human being, then the machine has passed the test and can be defined as intelligent.

A philosopher John Searle took up the topic again and proposed the Chinese room experiment in "Minds, brains, and programs" (Searle, 1980). He argued that a machine that follows the set of instructions neither thinks nor is conscious nor enjoys understanding what things mean like we do, even if it were capable of answering all kinds of questions appropriately enough to pass the test of Turing.

He demonstrated this by imagining himself inside the machine and following the instructions without understanding a single word of Chinese: *you are locked in a room with an assortment of Chinese symbols on cards and you have a program that tells me how to return them through a slot in the wall as a response to other incoming cards and yet you don't understand Chinese.* The argument is used to support the thesis that it is not possible to derive meaning (semantics) from mechanisms (syntax) but it can also be used to state that consciousness cannot be derived from computation.

Information was defined as "a difference that makes a difference" by Gregory Bateson in "Steps to an ecology of mind" (Bateson, 1972). Cloud Shannon (1950), electrical engineer and mathematician, is the father of information

theory. In his work he suggests that information is a number and that it is separate from meaning. Just as science flourished after Galileo removed the observer from nature, so communication and data storage exploded after Shannon eliminated the meaning of information.

A long tradition of atomism maintains that everything can be explained starting from simple elements and their interactions. Is an image just a collection of points? This is exactly how a camera sees an image as a set of points, but then it is clear that it does not really see it.

Tononi continues:

> *"Seem to be making three points. First, we are not alone. There is a social aspect to consciousness that develops it, expands it, and gives it value and fulfillment. Second, we are all humans, and we are all life. One can and should identify with other living beings, it's just a matter of degree, and in that sense one's consciousness is immortal. Third, nonetheless, everyone is special and therefore precious"* (Tononi, 2012).

2. On the theory of utopian cyber employment and remuneration

Cyber utopians insist that new technologies, artificial intelligence in particular, introduce and will introduce more and more mechanisms for improving our lives, reducing or abolishing strenuous, dangerous, generally tiring jobs, giving us a life of well-being without effort. At the highest points of the cyber utopian vision, the world they tell us is made up of managers (all directors of something) who work little (often very little) in which wealth – distributed in the form of wages – is magically multiplied (much more than bread and fish). It goes without saying that thanks to AI there will be no more hunger in the world; if not abolished, diseases will be drastically reduced (and almost all of them are curable). People will have a "purpose without work" and an "income without work".

In Tegmark's book "Near future" (chapter 3 "Near future" *ca van sans dire*) this wonderful world is described on a dozen pages of "Employment and remuneration" section in which valuable advice is also given on which career suggestions to give to our children to "make sure you are in the right place tomorrow with the right training". Obviously we are presented with a (near) future which does not require sources, research and documentation. The point is that even when the documentation exists and the situation is apparently predictable – almost taken for granted – history takes its own path: algorithms do not make history.

In 1917 everyone would have bet that if there was a communist or socialist revolution, it would happen in industrialized Germany, certainly not in backward and essentially peasant-feudal Russia. No one would have believed a democracy was possible in the Kaiser's Germany. The point of the prophecy is almost banal: the prospect is tempting, if it comes true we were right, if it doesn't come true it's because the States got involved with regulation and people "didn't believe in it enough". The truth is that everything suggests – not just the data, if you know how to read them – that a dystopian world like the one described in "Brave New World" by Aldus Huxley (1932) is a "near future" prophetically much more possible in the utopian cyber AI scenario compared to that of Tegmark and McAfee.

To support this twelve-page prophecy, and the more lush ones in McAfee's text, one may turn to the book "The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power" (2019) by Shoshana Zuboff, American sociologist and essayist with a PhD in social psychology from Harvard University and a degree in philosophy from the University of Chicago. Those who need academic qualifications to validate an idea may read the 630 pages of data, concrete information and real facts compiled in it. However, one should also remember the "Nobel Disease", that is, that generic appeal in support of one's theory which goes by the name of "appeal to authority" – a cognitive bias.

In his article "The Nobel disease: When intelligence fails to protect against irrationality" Candice Basterfield (Basterfield et al., 2020) reports the many cases in which the opinions of scientific authorities, even famous Nobel Prize winners outside of their own field of specialization, were not proven to be authoritative. These opinions ranged from eugenics to races, from homeopathy to astrology, from AIDS to HIV to autism! Also in this case, a bit of healthy common sense, and a "humane" use of human intelligence, can help avoid falling into easy and comfortable and utopian prophecies-promises, which – in this case clearly – are not disinterested, but well founded on enormous economic interests.

3. The hungry judge is more cruel

Tegmark wrote that Robojudges "could also eliminate human biases that are accidental rather than intentional" (Tegmark, 2018, p. 137). After this sentence he adds a supporting quote:

"For example, a controversial 2012 study of Israeli judges claimed that they delivered significantly harsher verdicts when they were hungry: whereas they denied about 35% of parole cases right after breakfast, they denied over 85% right before lunch" (Tegmark, 2018, p. 137).

The cited study, by Danzinger (Danziger et al., 2011a) was criticized as "incorrect" by Weinshall-Margela and Shepard (Weinshall-Margel & Shapard, 2011), although in response Denzinger and coauthors (Danziger et al., 2011b) continued to support their claims.

Now, given that we now know that it is better to undergo judgment at 9 in the morning and not at 12, and that if possible it is better to offer a croissant to our judge, take this statistical data to the consequence that a human - who must feed himself - would be better replaced by a computer that is attached to its electrical cable, in itself seems a bit forced as evidence that "that robot judges could also eliminate accidental rather than intentional human inclinations".

Statistical data show that a human would be better replaced by a computer but it seems a bit forced to say that "robot judges could also eliminate accidental rather than intentional human inclinations".

Wanting to be less polemical and have a more scientific approach (also for the benefit of our future human judge) we must consider – if we take the study and the thesis presented as valid – that the so-called "hangry" (a combination of terms "angry" and "hungry") is a complicated emotional response caused by a combination of biology, environmental signals and the personality of the individual. The aggressive reaction in the face of a prolonged lack of food is not immediate and there are two fundamental criteria to establish whether or not it will contribute to negative emotions: context and self-awareness. Appetite and mood in general are very connected[2].

Returning to the Israeli study, it must be said that often "easy cases" of conditional release are put at the beginning of the day to have more time to deal with the "complex" ones. It is therefore entirely probable that the "more complex" cases in doubt led to a decision not to grant the benefits, regardless of the glycemic or serotonin index. It is also possible that after four or five hours of mental work and attention (which we hope intense and constant) the judge's general condition suggested "when in doubt" not to let a potential murderer go free.

Nonetheless, each study has its own useful suggestion, and it applies to judges as well as doctors, but also to students and anyone who carries out an activity that requires attention, concentration and intellectual work: have a snack every 2–3 hours to lower the glycemic index, better with simple sugars or non-complex proteins, and maintain a healthy and balanced diet, better if accompanied by physical activity. Obviously, if you feel that you are not particularly "in balance", you feel tired, hungry, sad and depressed, avoid making important decisions at that moment. This too is intelligence, and there is definitely nothing artificial about it.

Conclusions and inconclusions

I borrow this title from "The lie of power" by Giulio Maria Chiodi (1979), my professor of Philosophy of Politics. Here we will not play on the title to talk about "lies" regarding the definition of "intelligence" attributed to the algorithms with which computational networks run and grind data. This study also will not discuss the tools with which the new-economy companies divert attention from themselves, in an attitude that is based on two pillars: first, we are self-regulated, because state regulation is inefficient and harmful; second, everything we do, we do to improve your life. These are the assumptions on which the theory of cyber-utopianism is based.

I borrow the title – and only that – because the lesson beyond the specific theme of that book is that a critical writing must make us reflect, it can never be exhaustive, its aim is to generate debate and stimulate reflection, possibly intellectually honest. Given that this reflection is "human" and uses "human intelligence" as an instrument, it is essentially subject to errors and omissions. The hope is that with these errors we will be able to improve ourselves over time, as homo sapiens has always done, without giving in to the apparently simple solution of relying on the technocratic utopianism of delegating to others (in this case to another programmed by others with criteria unknown) the "reasoning and deciding for us".

[2] Eating is a complex behavior; it does not just mean nourishment, but implies a close link between physiological, psychological, social, family and symbolic aspects. The interaction of all these factors gives rise to our relationship with food, which each of us builds since childhood and which is marked by the perception of hunger and the consequent sense of satiety. At the basis of this influence there is an important neurotransmitter, serotonin, produced mainly in the gastrointestinal tract, but also in the brain:

Post Scriptum

This applies in the field of law and the application of justice. But it also applies to all other sectors of the expression of human life: entertainment, culture, art, healthcare, driving vehicles, trains, planes, ships. The choice of which film to see or how to react to turbulence in flight can be validly supported by sophisticated technological prediction tools, but the choice, the decision, the action must remain human. This is how I think, with my brain, my personal mix of intelligences that work, like yours, with chemistry and electricity, programmed in architecture by our DNA, half by each parent.

Filled with content from my environment, from my experiences, from what I read in the order I read it, from the films I saw, from the music I listened to, shaped by the people I met, from the smiles I received and from the tears I made, from the views I saw, from the sunrises, the sunsets and the scents of the flowers I smelled. From the bodies I caressed, from the looks I met, from the eyes I reflected in. From the animals and trees I touched and the words I heard.

All of this – which are not just "inputs into the memory" – but human memories, which have an accompanying "value" in the memory which is called emotion and feeling, all of this makes me who I am.

And all these things will never belong to a computational machine, which with its non-intelligence all these things doesn't even know what they mean.

But you do, because you are human, mammals, of the homo sapiens species just like me.

Let's stay human.

– in the brain it regulates mood, sleep quality, body temperature, sexuality and appetite. In fact, the lack of serotonin causes depression, obsessive-compulsive disorders, anxiety, migraines, nervous hunger and bulimia, male premature ejaculation;

– in the intestine, serotonin controls intestinal motility, hygiene and well-being. Its deficiency produces chronic constipation, impaired digestion and slowing of intestinal transit.

The brain and intestine are - this is now well-established - directly connected, which is why in depressed and melancholic subjects there is a compromised intestine, and why in nervous hunger there is also an alteration of serotonin metabolism.

The precursor of serotonin is tryptophan, an amino acid that we cannot synthesize, but which is present in animal and plant proteins.

The problem is that tryptophan enters human cells only after other amino acids: before tryptophan, other amino acids enter cells, especially intestinal and nervous ones: isoleucine, leucine, tyrosine, valine, methionine, phenylalanine. The result is a reduction in the production of serotonin and also melatonin, which derives from the former. Our hormonal balance consequently alters and the so-called "hunger for sweets" grows in us.

In fact, foods rich in sugars increase serotonin levels in the central nervous system. When we consume sugars, a hormone, insulin, is produced which facilitates the entry of amino acids into cells, with the exception of tryptophan.

As a result, tryptophan remains circulating in the blood and can be assimilated by the central nervous system. This explains why sweet foods are able to increase serotonin, and therefore good mood.

In terms of diet, it is necessary to consume low-calorie foods that are rich in tryptophan, but poor in other amino acids. This characteristic is satisfied, partially, only by a few fruits, such as papaya, banana and dates. Why not introduce more meat and derivatives, apparently richer in this amino acid? Precisely because meat is rich in various amino acids, which prevail over tryptophan. A middle ground is represented by fish and eggs.

Another way to increase serotonin levels is to do physical activity. Muscles mainly use branched chain amino acids, used to build muscle, and save tryptophan, which thus remains available for nerve cells.

It must also be remembered that tryptophan does not transform into serotonin without the right intake of vitamins B3, B6 and C which are respectively found more concentrated in the following foods:

Vitamin B3: wheat, barley, legumes, tomatoes, milk, cheese, fish, carrots, potatoes;

Vitamin B6: milk, fish, cereals, potatoes, cheeses, spinach, beans, carrots;

Vitamin C: fresh fruit and vegetables, especially citrus fruits, kiwis, peppers, broccoli.

In this context, a basically egg-peach-vegetable diet becomes a particularly suitable diet. Finally, recent research has shown that an adequate presence of omega-3 fats in the brain has antidepressant and neurogenesis-stimulating effects, in fact that neurons are fat cells par excellence.

Diabetes is a condition that is very sensitive to emotions and moods since there is a close functional connection between the endocrine system and the limbic system, paleoencephalon or "affective brain".

Inner calm and emotional well-being, for example, stabilize blood sugar and facilitate diabetes control. Conversely, apprehension, restlessness or anxiety are generally accompanied by the release of hormones – such as adrenaline and cortisol – which hinder the hormone insulin, which, not being able to act freely in passing sugar from the blood to the cells, determines a condition of hyperglycemia.

References / Список литературы

Alikperov, H. D. (2018). Electronic system for determining the optimal punishment (formulation of the problem). *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 4, 51.

Andreev, V. K., Laptev, V. A., & Chucha, S. Yu. (2020). Artificial intelligence in the system of electronic justice by consideration of corporate disputes. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, *11*(1), 19–34.

Basterfield, C., Lilienfeld, S. O., Bowes, S. M., & Costello, T. H. (2020). The Nobel disease: When intelligence fails to protect against irrationality. *Skeptical Inquirer*, *44*(3), 32–37.

Bateson, G. (1972). *Steps to an ecology of mind*. Northvale, NJ: Jason Aronson Inc.

Bernstein, J. (1978). *Experiencing science*. New York: Basic Books.

Bernstein, J. (1982). *Science observed: essays out of my mind*. In: American Institute of Physics. New York: Basic Books.

Bernstein, J. (1990). *Uomini e machine intelligenti*. Milano: Adelphi. (In Ital.).

Buocz, T. J. (2018). Artificial Intelligence in Court. Legitimacy Problems of AI Assistance in the Judiciary. *Retskraft – Copenhagen Journal of Legal Studies, 2*(1), 41–59.

Chiodi, G. M. (1979). *La menzogna del potere: la struttura elementare del potere nel sistema politico*. Giuffrè.

Copeland, B. J. (2004). *The essential turing*. Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oso/9780198250791.001.0001

Crick, F. (1955). *On degenerate templates and the adaptor hypothesis*. Cambridge, England. https://digirepo.nlm.nih.gov/ext/document/101584582X73/PDF/101584582X73.pdf

Crick, F. H. C. (1979). Thinking about the Brain. *Scientific American Magazin*, *241*(3), 219–233. https://doi.org/10.1038/scientificamerican0979-219

Danziger, S., Levav, J., & Avnaim-Pesso, L. (2011a). Extraneous factors in judicial decisions. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, *108*(17), 6889–6892. https://doi.org/10.1073/pnas.1018033108

Danziger, S., Levav, J., & Avnaim-Pesso, L. (2011b). Reply to Weinshall-Margel and Shapard: Extraneous factors in judicial decisions persist. *Proceedings of the National Academy of Sciences, 108*(42), E834–E834. https://doi.org/10.1073/pnas.1112190108

Di Salvo, M. (2024). *Multiple intelligences and specialization. A return to Gardner and the wisdom of rethinking psychology in Hillmanian transparency.* (under publication).

Dyson, F. J. (1985). *Origins of life*. Cambridge University Press.

Dyson, G. (2012). *Turing's cathedral: the origins of the digital universe*. Vintage Books.

European Commission. (2019, April). *Ethical guidelines for trustworthy AI*. https://ec.europa.eu/newsroom/dae/redirection/document/60419

Feroni, G. (2020, December 3). *Algorithms and artificial intelligence. Men make mistakes but this is what makes them higer than the machines*. https://www.privacy365.eu/en/by-the-italian-data-protection-authority-algorithms-and-artificial-intelligence-men-make-mistakes-but-this-is-what-makes-them-higher-than-the-machines-a-speech-of-ginevra-cerrina/

Freeman, J. D. (1970). *The twenty-first century (Speech)*. Vanuxem Lecture. Princeton University.

Gardner, H. (1983). *Formae Mentis. Essay on the plurality of intelligence*. New York, NY.

Huxley, A. (1932). *Brave New World*. HarperCollins Publishers.

Jefferson, G. (1949). The mind of mechanical man. *British Medical Journal, 1*(4616), 1105–1110. https://doi.org/10.1136/bmj.1.4616.1105

McAfee, A., & Brynjolfsson, E. (2017). *Machine, platform, crowd: Harnessing our digital future*. WW Norton & Company.

McCulloch, W. S., & Pitts, W. (1943). A logical calculus of the ideas immanent in nervous activity. *The bulletin of Mathematical Biophysics*, *5*, 115–133. https://doi.org/10.1007/BF02478259

Minsky, M. (1965). *Matter, mind and models*. https://dspace.mit.edu/bitstream/handle/1721.1/6119/AIM-077.pdf?sequence=2&origin=publication_detail

Mobilio, G. (2020). L'intelligenza artificiale e i rischi di una "disruption" della regolamentazione giuridica. *BioLaw Journal-Rivista di BioDiritto*, 2, 401–424. https://teseo.unitn.it/biolaw/article/view/1563

Morhat, P. M. (2018). *Legal personality of artificial intelligence in the sphere of intellectual property rights: civil legal issues*. (Dr. Sci. (Law)). Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow. https://www.dissercat.com/content/pravosubektnost-iskusstvennogo-intellekta-v-sfere-prava-intellektualnoi-sobstvennosti-grazhd?ysclid=lt3zkrhzzk262953893

Morozov, E. (2012). *The net delusion: The dark side of Internet freedom*. PublicAffairs.

Neumann, J. V. (1966). *Theory of self-reproducing automata*. University of Illinois Press.

Pasquale, F. (2015). *The black box society. The secret algorithms that control money and information*. Harvard University Press.

Pinker, S. (2022). *Rationality: What it is, why it seems scarce, why it matters*. Penguin Books.

Schmitt, C. (1927). The Concept of the Political. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, 58*(1), 1–33.

Searle, J. R. (1980). Minds, brains, and programs. *Behavioral and Brain Sciences*, *3*(3), 417–424. https://doi.org/10.1017/s0140525x00005756

Shannon, C. E. (1950). XXII. Programming a computer for playing chess. The London, Edinburgh. *Dublin Philosophical Magazine Journal of Science*, *41*(314), 256–275. https://doi.org/10.1080/14786445008521796

Simoncini, A. (2019). L'algoritmo incostituzionale: intelligenza artificiale e il futuro delle libertà. *BioLaw Journal – Rivista di BioDiritto*, 1, 63–89. https://doi.org/10.15168/2284-4503-352

Tegmark, M. (2018). *Life 3.0: Being human in the age of artificial intelligence*. Vintage.

Tononi, G. (2012). *Phi: A Voyage from the Brain to the Soul*. Pantheon.

Turing, A. M. (1945). *Proposed electronic calculator. Report:* https://www.alanturing.net/turing_archive/archive/p/p01/p01.php

Turing, A. M. (1948). *Intelligent machinery: a report*. https://www.alanturing.net/turing_archive/archive/l/l32/l32.php

Turing, A. M. (1950). Computing Machinery and Intelligence. *Mind*, *LIX*(236), 433–460. https://doi.org/10.1093/mind/LIX.236.433

von Neumann, J. (1958). *The Computer and the Brain*. New Haven: Yale University Press.

Von Neumann, J. (2014). *Computer e cervello*. Il Saggiatore.

Weinshall-Margel, K., & Shapard, J. (2011). Overlooked factors in the analysis of parole decisions. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, *108*(42), E833–E833. https://doi.org/10.1073/pnas.1110910108

Zuboff, S. (2019). *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. Harvard Business School.

Conflict of Interest / Конфликт интересов

No conflict of interest is declared by the author / Автором не заявлен

Article history / История статьи

Received / Дата поступления 12.01.2024
Date of approval after reviewing / Дата одобрения после рецензирования 15.02.2024
Accepted / Дата принятия в печать 20.02.2024

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ / INFORMATION ABOUT THE CONFERENCES

IX Всероссийская школа по институциональной и эволюционной экономике для молодых исследователей

Екатеринбург, 3–5 октября 2024 г.

Институт экономики РАН, Институт экономики Уральского отделения РАН и Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина приглашают молодых исследователей из высших учебных заведений и академических институтов Урала и Приуралья на IX Всероссийскую школу по институциональной и эволюционной экономике в г. Екатеринбурге 3–5 октября 2024 г.

Место проведения школы: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Всероссийские школы по институциональной и эволюционной экономике проводятся с 2008 г. в различных федеральных округах России на базе ведущих университетов при содействии Отделения общественных наук РАН для получения из первых рук знаний о передовых достижениях в области институционально-эволюционной экономики и их приложениях к анализу актуальных экономических проблем. В 2024 г. основной фокус школы – **«Экономика нового мирового порядка: вызовы для России»**. Среди этих вызовов – противоречивые векторы технологического развития; изменение контуров валютно-финансовых систем; столкновение тенденций кооперации и конкуренции, противоречия интернационализации мирового хозяйства и суверенизации экономик отдельных государств и т. д.

В рамках школы предполагаются интерактивные лекции ведущих академических ученых и мастер-классы для научной молодежи с разбором наиболее актуальных исследовательских и научно-технических кейсов, а также ряд специальных сессий.

Регистрация для участия в школе будет доступна **с 1 апреля 2024 г**. Параллельно с 1 апреля до 1 июля будут приниматься работы на Конкурс работ молодых ученых. Доклады на основе лучших конкурсных работ будут включены в Программу школы, по итогам их обсуждения будут определены и награждены победители.

По всем возникающим вопросам обращаться по адресу: shkola_ekaterinburg@mail.ru

Научно-организационный комитет

Научный руководитель: Маевский Владимир Иванович, академик РАН, д. э. н. (ИЭ РАН).

Сопредседатели: Головнин Михаил Юрьевич, член-корр. РАН, д. э. н. (директор ИЭ РАН); Лаврикова Юлия Георгиевна, д. э. н. (директор ИЭ УрО РАН); Толмачев Дмитрий Евгеньевич, к. э. н. (директор Института экономики и управления УрФУ).

Заместители: Кирдина-Чэндлер Светлана Георгиевна, д. с. н., к. э. н. (ИЭ РАН); Мыслякова Юлия Геннадьевна, к. э. н. (ИЭ УрО РАН); Тургель Ирина Дмитриевн, д. э. н. (УрФУ).

Члены: Баскакова Ирина Владимировна, доц., к. э. н. (УрФУ); Башутская Татьяна Глебовна (ИЭ РАН); Веретенникова Анна Юрьевна, к. э. н. (ИЭ УрО РАН); Круглова Мария Семеновна, к. и. н. (ИЭ РАН, председатель СМУ); Макарова Мария Никитична, к. э. н. (ИЭ УрО РАН, председатель СМУ); Мариев Олег Святославович, доц., к. э. н. (УрФУ); Плущевская Юлия Леонидовна, к. э. н. (ИЭ РАН); Семячков Константин Александрович, к. э. н. (ИЭ УрО РАН).

Ежегодный круглый стол
«Творческое наследие академика Дмитрия Семеновича Львова»

Очередная встреча участников Ежегодного круглого стола «Творческое наследие академика Дмитрия Семеновича Львова», организуемого кафедрой «Системный анализ в экономике» факультета информационных технологий и анализа больших данных Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, состоится 27 марта 2024 г. (традиционно по адресу г. Москва, ул. Олеко Дундича, 23). Начало заседания в 15:00. Слушатели смогут принять участие в работе круглого стола очно и дистанционно.

Фокус-тема планируемого заседания – **«Общество, организация, личность: восстановление смыслов и согласование действий»**. Сегодня как никогда остро стоит проблема обеспечения сплоченности общества, единства смыслов и целей, совместного выживания и развития. Как сочетать индивидуальность личности и системные ограничения, чтобы положительные эффекты наблюдались на всех уровнях и во всех составляющих социально-экономических систем? Как сделать взаимовлияние системы и личности созидательным и ведущим к повышению качества жизни? Как системно интегрировать механизмы рыночной и плановой экономик, чтобы использовать преимущества первой для раскрытия потенциала личности и преимущества второй, чтобы скоординировать и обеспечить целостность и сбалансированность экономики России? Как сохранить главенство человека в условиях развития сильного искусственного интеллекта? Эти и другие вопросы, связанные с данной фокус-темой, волнуют умы ученых и практиков сегодня.

Академик Д. С. Львов ставил подобные вопросы в своих выступлениях и публикациях еще в начале 2000-х гг. Много важных выводов относительно того, каким должен быть путь развития России, приведено в работе Д. С. Львова с одноименным названием «Рамки реальности и контуры будущего» (М.: Институт экономических стратегий, 2007. 120 с. ISBN 978-5-93618-118-4). Среди них – одно из широко известных его убеждений в необходимости введения общественной ренты от использования природных благ и социального дивиденда, гарантирующего каждому гражданину России («вне зависимости от его национальной принадлежности, места проживания, вероисповедания и личных убеждений») «неотъемлемое право на равную долю в рентном доходе».

Организаторы надеются, что участники круглого стола обсудят эти и другие раскрывающие данную тему идеи выдающегося ученого Д. С. Львова и продемонстрируют собственные научно-исследовательские и практические наработки, позволяющие найти ответы на актуальные вопросы повестки сегодняшнего дня.

Для участия в круглом столе необходимо зарегистрироваться: желающим выступить – **до 24:00 18 марта 2024 г.**; слушателям – до 24:00 26 марта 2024 г. Формат круглого стола предусматривает краткие выступления (до 5 минут) с возможностью демонстрации инфограмм (3–4 слайда). Заявки на участие (с указанием ФИО, ученой степени, ученого звания, организации и должности, темы сообщения) и инфограммы должны быть присланы на адрес: sae@fa.ru

Председатель круглого стола член-корр. РАН, д. э. н. Г. Б. Клейнер
Сопредседатель круглого стола д. э. н. С. Е. Щепетова

ИНФОРМАЦИЯ О РЕДАКТОРАХ РУБРИК / INFORMATION ON THE RUBRICS EDITORS

Гафурова Гульнара Талгатовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит», Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова, г. Казань

Gulnara T. Gafurova, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor of the "Finance and Credit" Department, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Селиверстова Наталья Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория и эконометрика», Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

Natalya S. Seliverstova, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor of the Department "Economic theory and econometrics", Kazan (Volga) Federal University, Kazan

Григорьев Руслан Аркадиевич, доктор философии в области экономики (Великобритания), заместитель директора НИИ проблем социально-экономического развития, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова, г. Казань

Ruslan A. Grigoryev, PhD in Economics (UK), Deputy director at Scientific-Research Institute, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Никитин Андрей Геннадьевич, кандидат юридических наук, декан юридического факультета, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова, г. Казань

Andrey G. Nikitin, Cand. Sci. (Law), Dean of the Faculty of Law, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Бегишев Ильдар Рустамович, доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова, г. Казань

Ildar R. Begishev, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Professor of Department of Criminal Law and Procedure of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Кабанов Павел Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии, Нижегородская академия Министерства внутренних дел России, г. Нижний Новгород

Pavel A. Kabanov, Dr. Sci. (Law) , Associate Professor, Professor of the Department of Criminology, Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation, Nizhniy Novgorod

Шаббар Джефри, доктор философии в области экономики, профессор, Портсмутская бизнес-школа, Университет г. Портсмут, г. Портсмут, Великобритания

Jaffry Shabbar, PhD in Economics, Professor, Portsmouth Business School at University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom